1852
T 48
38279

3/444
1952
77085
38279
Пр. 2010

89

Николай Ивановичъ Новиковъ.

Его жизнь и сочиненія.

Сборникъ историко-литературныхъ статей.

Составилъ

В. Покровскій.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Пр. 1955 г.
398 стр.
8(С)Р.
П 48
КАЗАНСКАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
III — 882
№ 1571
38279
77683
I-1234
8162 ц.
БИБЛИОТЕКА СВЕРДЛОВСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА им. А. М. ГОРЬКОГО
552
1852

МОСКВА.
Складъ въ книжномъ магазинѣ В. СПИРИДОНОВА и А. МИХАЙЛОВА.
Тверская площадь, Столешниковъ пер., д. Ліанозова.
1907.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко,
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

Оглавленіе.

Стран.

Очеркъ жизни и дѣятельности Новикова, *Якушкина* 1
Домашнее воспитаніе и обученіе Новикова, *Лонгинова* 27
Новиковъ въ университетѣ, *его же* 29
Москва и Московскій университетъ времени Новикова, *его же*. 30
Новиковъ на службѣ, *Лонгинова и Аѳанасьева*. 40
Дружеское общество, *Лонгинова*. 42
„Топографическая Компанія", *его же* 54
Задачи и цѣли „Топографической Компаніи", по воззрѣнію Новикова, *Аѳанасьева* 73
Филантропическое изданіе „Топографической Компаніи", *изъ „Современника", за 1857 г.* 74
Просвѣтительная дѣятельность Новикова въ ея вліяніи на правительство и общество, *Туманова* 77
Существенныя черты русскаго масонства въ XVIII столѣтіи, *Пыпина*. 95
Историческое значеніе масонства, *Булича* 112
Мистицизмъ въ его вліяніи на общественную жизнь, *Ешевскаго* 123
Заслуги русскаго масонства предъ обществомъ, *Булича* 129
Значеніе масонства въ исторіи общественнаго развитія Россіи, *Милюкова* 136
Культурное значеніе масонства, *Колюпанова*. 144
Идеализмъ масонства, какъ причина быстраго и блестящаго его распространенія, *Сиповскаго* 148
Ненормальныя условія русской жизни, какъ благопріятная почва для распространенія масонства, *Петровскаго*. 153
Новиковъ и коренныя, исторически сложившіяся причины, обусловившія его дѣятельность, *Ключевскаго*. 163
Новиковъ, какъ масонъ, *Пыпина* 193
Новиковъ, какъ одинъ изъ противниковъ „любомудровъ" XVIII в. *Ф. Терновскаго*. 207
Различіе воззрѣній Новикова въ связи съ его общественной дѣятельностью, *Сиповскаго* 210

Стран.

Арестъ Новикова и слѣдствіе надъ нимъ въ Москвѣ, *Лонгинова*. . . . 224
Дѣло Новикова и его товарищей, *Попова* 236
Новиковъ въ Шлиссельбургской крѣпости, *Незеленова* 273
Новиковъ въ воспоминаніяхъ старожиловъ, *Лонгинова и Ярцева* . . . 297
„Утренній свѣтъ“, „Московское изданіе“, „Вечерняя заря“, „Покоющійся трудолюбецъ“, ихъ общее содержаніе и направленіе 320
Общее содержаніе „Живописца“, *Незеленова и Булича*. 329
Содержаніе „Трутня“, *Незеленова и Булича*. 343
„Трутень“ „Всякая Всячина“, *Шумигорскаго и Пыпина* 354
„Кошелекъ“, *Незеленова* 388

Очеркъ жизни и дѣятельности Новикова.

Новиковъ, несомнѣнно, является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ русской исторіи. Онъ играетъ выдающуюся роль въ развитіи русской литературы, а собственно въ исторіи журналистики нашей ему безспорно принадлежитъ первое мѣсто; великія заслуги его въ дѣлѣ изданія древнихъ памятниковъ никогда не будутъ забыты исторической наукой; онъ долженъ быть признанъ устроителемъ нашего книгоиздательскаго и книгопродавческаго, а также и типографскаго дѣла; онъ является памятнымъ дѣятелемъ по народному образованію на разныхъ ступеняхъ его, и имя его неразрывно связано съ одной изъ славнѣйшихъ эпохъ въ жизни Московскаго университета; наконецъ, онъ является вліятельнымъ и энергичнымъ общественнымъ дѣятелемъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, и значеніе его въ исторіи нашего общественнаго развитія имѣетъ чрезвычайную важность; все это даетъ полное право видѣть въ Новиковѣ одного изъ первыхъ дѣятелей русскаго просвѣщенія, — признать за нимъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди всѣхъ великихъ дѣятелей русской исторіи. Имя Новикова — одно изъ самыхъ дорогихъ именъ въ нашемъ историческомъ прошломъ; поразительная по своимъ размѣрамъ и результатамъ дѣятельность его представляетъ не только одинъ историческій интересъ: можно смѣло сказать, что она до сихъ поръ полна живого общественнаго значенія.

Н. И. Новиковъ родился 27 октября 1744 г. въ селѣ Авдотьинѣ, которое находится теперь въ Бронницкомъ уѣздѣ Московской губерніи. Отецъ его, Иванъ Васильевичъ, начавшій службу при Петрѣ Великомъ, при Елизаветѣ Петровнѣ находился въ отставкѣ и жилъ въ деревнѣ, гдѣ и обученіе его дѣтей ограничивалось деревенскими средствами: сынъ его учился грамотѣ у дьячка. Позже, уже по смерти отца, Новиковъ былъ опредѣленъ въ только что открывшуюся

тогда въ Москвѣ университетскую гимназію, гдѣ и пробылъ нѣсколько лѣтъ; сначала его аттестовали какъ ученика, достойнаго награды, но въ 1760 г. онъ былъ исключенъ изъ „французскаго класса“ — „за лѣность и нехожденіе въ классъ“. Біографы Новикова обыкновенно отмѣчаютъ при этомъ, что вмѣстѣ съ Новиковымъ былъ исключенъ и Потемкинъ, будущій „полудержавный властелинъ“. Мы не знаемъ подробностей пребыванія Новикова въ гимназіи, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что образованіе, полученное Новиковымъ въ молодости, было очень не блестящее. Пробывъ во „французскомъ классѣ“ три года, Новиковъ не выучился французскому языку и во всю жизнь не зналъ ни одного иностраннаго языка. Въ одномъ изъ писемъ, напечатанныхъ въ „Живописцѣ“, находится такое обращеніе къ самому Новикову: „Всего удивительнѣе, что вы, не зная ни по-французски, ни по-нѣмецки, слѣдовательно по одному природному разуму и остротѣ, не заимствуя изъ иностранныхъ писателей, пишите такіе листочки, которые многимъ вкусъ знающимъ людямъ нравятся“. Самъ Новиковъ уже не задолго до своей кончины писалъ Карамзину: „Однако, любезнѣйшій мой, не забывайте, что съ вами говоритъ идіотъ (невѣжда), не знающій никакихъ языковъ, не читавшій школьныхъ философовъ, и они никогда не лѣзли въ мою голову; это странность, однако, истинно было такъ“.

Можно, однако, думать, что пребываніе въ университетской гимназіи не было для Новикова совсѣмъ безполезно. Повидимому, помимо классныхъ занятій, въ университетской гимназіи была умственная атмосфера, оказывавшая вліяніе на воспитанниковъ.

Въ одно время съ Новиковымъ въ этой гимназіи учился его сверстникъ Д. И. Фонвизинъ, въ запискахъ котораго мы находимъ извѣстное описаніе тѣхъ комическихъ результатовъ, которыхъ достигло гимназическое ученіе; но Фонвизинъ тутъ же замѣчаетъ, что все-таки онъ обязанъ былъ этой школѣ — „вкусомъ къ словеснымъ наукамъ“. Очень возможно, что такой же „вкусъ къ словеснымъ наукамъ“ вынесъ изъ гимназіи и Новиковъ; но крайней мѣрѣ этотъ вкусъ сказался въ немъ очень рано, какъ сейчасъ увидимъ.

Новиковъ оставался въ Москвѣ до 1762 г., т.-е. еще 2 года послѣ исключенія изъ гимназіи. У насъ нѣтъ ника-

кихъ свѣдѣній объ этомъ времени жизни Новикова, но на основаніи нѣкоторыхъ косвенныхъ указаній можно, однако, предположить, что въ это время онъ поддерживалъ нѣкоторыя сношенія съ университетскими кругами.

Въ началѣ 1762 г. Новиковъ переѣхалъ въ Петербургъ для службы въ Измайловскомъ полку. Въ то утро, когда переворотъ возвелъ на престолъ Екатерину, часовымъ у подъемнаго моста Измайловскихъ казармъ стоялъ именно Новиковъ. Измайловскій полкъ былъ за Екатерину, которая, пріѣхавъ утромъ 28-го іюля въ Петербургъ, прямо направилась въ казармы измайловцевъ: здѣсь, въ эту важную минуту жизни Екатерины, Новиковъ въ первый разъ увидалъ ту, въ царствованіе которой онъ долженъ былъ явиться столь выдающимся дѣятелемъ и отъ которой онъ долженъ былъ впослѣдствіи подвергнуться такому жестокому преслѣдованію. Послѣ переворота участникамъ его были розданы многочисленныя награды; и Новиковъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Извѣстно, что въ этотъ же день, 28-го іюня, Екатерину увидалъ въ первый разъ Потемкинъ, товарищъ Новикова по исключенію изъ гимназіи, который тутъ же сумѣлъ обратить на себя вниманіе императрицы.

Продолжая потомъ еще нѣсколько лѣтъ служить въ Измайловскомъ полку, онъ не былъ увлеченъ службой, возможностью карьеры; онъ въ это уже время предался „вкусу къ словеснымъ наукамъ“ и, вѣроятно, много читалъ, заботился о пополненіи своего скуднаго образованія. Уже въ это время въ молодомъ измайловцѣ сказалось стремленіе къ книжному дѣлу, къ издательству; онъ тогда уже принялся за работу въ этой области, въ которой впослѣдствіи дѣятельность его была столь обширна и разнообразна. Мы знаемъ, что Новиковъ еще въ 1766 г. издалъ каталогъ одного петербургскаго книжнаго магазина, двѣ переводныя французскія повѣсти, какой-то сонетъ (1768 г.). Повидимому, онъ тогда же обратилъ на себя вниманіе своимъ стремленіемъ къ научному самообразованію и любовью къ литературѣ: этимъ объясняется то, что въ 1767 г. онъ былъ выбранъ въ число молодыхъ людей, которымъ поручалось веденіе „дневныхъ записокъ“ въ комиссіи депутатовъ для сочиненія проекта новаго уложенія. Этотъ выборъ указываетъ на довѣріе къ Новикову, такъ какъ Екатерина ни-

сала: „Протоколы суть особливой важности въ сей комиссіи и наппаче въ Большомъ собраніи и того для къ держанію протокола опредѣлить особливыхъ дворянъ съ способностями". Новиковъ работалъ въ Малой комиссіи о среднемъ родѣ людей, а также и въ Большой комиссіи. При докладахъ о работахъ комиссіи Новиковъ сдѣлался лично извѣстенъ Екатеринѣ.

Трудно сомнѣваться, что участіе въ работахъ комиссіи не могло остаться безъ вліянія на Новикова. Передъ нимъ здѣсь проходили многіе важные вопросы, выставленные русскою жизнью, и, ведя протоколы Большой и Малой комиссій, онъ вникалъ ближе въ дѣйствительныя условія окружавшаго его быта: это была прекрасная школа для будущаго журналиста и общественнаго дѣятеля.

По окончаніи работъ комиссіи, Новиковъ вскорѣ вышелъ въ отставку, и выступилъ на журнальное поприще, на которомъ ему пришлось сдѣлать такъ много.

Новиковъ выступалъ на журнальное поприще съ высокимъ понятіемъ о значеніи того дѣла, за которое брался; онъ очень высоко цѣнилъ вліяніе и задачи журналиста, ставилъ себѣ цѣлью — „принесть пользу своимъ согражданамъ". Онъ видѣлъ въ литературномъ трудѣ не отдыхъ и развлеченіе, а серіозное общественное дѣло.

Извѣстно столкновеніе, которое имѣлъ первый журналъ Новикова съ органомъ самой императрицы. „Всякая Всячина" проповѣдовала умѣренность, а „Трутень" стоялъ за смѣлыя, открытыя обличенія. Въ этомъ спорѣ принимали участіе и другіе журналы, раздѣлившіеся на два лагеря. Новиковъ смѣло примѣнялъ въ своемъ „Трутнѣ" выставленную теорію и выступалъ съ обличеніями противъ очень вліятельныхъ сферъ, напр., противъ придворныхъ; онъ открыто возставалъ противъ злоупотребленій помѣщичьей власти, противъ неправосудія, взяточничества и т. д., и его сатирическіе очерки не были отвлеченными моральными разсужденіями, но имѣли непосредственное отношеніе къ русской дѣятельности. „Трутень" возстановилъ противъ себя очень многихъ. Еще въ началѣ изданія въ журналѣ приведены слова одного знатнаго „господина", говорившаго по адресу издателя „Трутня": „не въ свои де этотъ авторъ садится сани... Въ старые бы времена послали бы его для пользы

государственной описывать нравъ какого ни есть царства русскаго владѣнія". До этого дѣло не дошло, но несомнѣнно, что „Трутень" сначала долженъ былъ измѣнить свой характеръ, умѣрить тонъ, а потомъ и совсѣмъ прекратился преждевременно, не по волѣ издателя.

Новиковъ не смутился отъ этой неудачи. Черезъ два года по прекращеніи „Трутня" онъ выступилъ съ другимъ сатирическимъ журналомъ — „Живописецъ". Новый журналъ отличался еще болѣе смѣлой сатирой; не вдаваясь въ подробности, укажу, что „Живописецъ" говорилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ крѣпостного права, и въ немъ были статьи, которыя по смѣлости тона напоминаютъ „Путешествіе" Радищева и нѣкоторыми изслѣдователями даже приписывались послѣднему; надо однако думать, что эти статьи писаны самимъ Новиковымъ. Участь „Живописца" была та же, что и „Трутня": сначала журналъ долженъ былъ измѣнить тонъ, а потомъ и совсѣмъ прекратился, опять на второмъ году изданія. Вскорѣ Новиковъ сдѣлалъ новую попытку въ томъ же направленіи, хотя и по болѣе узкой программѣ: въ 1774 году онъ сталъ издавать „Кошелекъ", журналъ спеціально направленный противъ французоманіи тогдашняго общества. И на этотъ разъ Новикову не повезло: его нападки противъ нравовъ свѣтскаго общества возбудили сильное неудовольствіе въ придворныхъ сферахъ, и не только журналъ прекратился на девятомъ нумерѣ, но, какъ говоритъ преданіе, издатель подвергся личнымъ непріятностямъ и долженъ былъ даже оставить на время Петербургъ.

Такова была судьба первыхъ трехъ журналовъ Новикова. Всѣ они имѣли большой и вполнѣ заслуженный успѣхъ среди читателей. Журналы Новикова, помимо смѣлой сатиры, помимо проповѣди гуманныхъ идей, замѣчательны и по литературному таланту. Мы имѣемъ основаніе считать, что Новиковъ самъ много писалъ для своихъ журналовъ: такимъ образомъ онъ явился не только прекраснымъ редакторомъ-издателемъ, но и талантливымъ авторомъ; по его журналамъ мы можемъ судить о томъ, какъ далеко подвинулся въ своемъ самообразованіи „фурьеръ Измайловскаго полка".

Изъ трехъ журналовъ всего больше былъ успѣхъ „Живописца", который, дѣйствительно, является лучшимъ журналомъ прошлаго вѣка. Онъ производилъ сильное впечатлѣніе,

и одинъ изъ читателей писалъ: „Люблю въ писателѣ лучше всего доброе сердце и истинную любовь къ отечеству. Ты пишешь сатиры на тѣхъ людей, которыхъ давно уже пожурить надлежало: сказать ли тебѣ? читая твой листокъ, я плакалъ отъ радости, что нашелся человѣкъ, который противъ господствующаго ложнаго мнѣнія осмѣлился говорить въ печатныхъ листахъ“. И дѣйствительно, можно вѣрить, что смѣлая и благородная сатира Новикова могла дѣйствовать на читателей самымъ возбуждающимъ и возвышающимъ образомъ. „Живописецъ“, какъ сказано, имѣлъ особенный успѣхъ: въ теченіе прошлаго вѣка онъ былъ изданъ пять разъ (со включеніемъ въ него нѣкоторыхъ статей изъ „Трутня“). Новиковъ самъ такъ объяснялъ успѣхъ журнала: „сіе сочиненіе попало на вкусъ публики, мѣщанъ нашихъ: ибо у насъ тѣ только книги третьими, четвертыми и пятыми изданіями печатаются, которые симъ простосердечнымъ людямъ, по незнанію ими иностранныхъ языковъ, нравятся“. Это указаніе на кругъ читателей Новиковскихъ журналовъ въ высшей степени любопытно. По выраженію Тихонравова, новиковскіе журналы и не могли не понравится простосердечнымъ читателямъ, мѣщанамъ, такъ какъ они стояли именно за ихъ интересы. — Упомяну еще, что не только „Живописецъ“ былъ перепечатанъ и въ нашемъ вѣкѣ два раза (послѣдній разъ 30 лѣтъ назадъ, въ 1864 г., П. А. Ефремовымъ), но сдѣлана была попытка заимствовать изъ него статью для народнаго журнала „Мужичокъ“ 1862 г.

Новиковъ не ограничивался изданіемъ сатирическихъ журналовъ: въ то же время онъ предпринялъ печатаніе цѣлаго ряда книгъ. Заслуги Новикова въ разысканіи и изданіи древнихъ памятниковъ, въ составленіи такихъ книгъ, какъ „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ и пр., — очень важны. Упомяну еще только о двухъ изданіяхъ этого рода — о „Древней Россійской Вивліоѳикѣ“, изданной Новиковымъ сначала въ 10, потомъ въ 20 томахъ. Другое изданіе, о которомъ я хочу упомянуть, это — „Повѣствователь Древностей Россійскихъ“. Новиковъ имѣлъ въ виду опять обширное историческое изданіе, но онъ могъ напечатать только первую часть: своимъ предисловіемъ, гдѣ онъ обличалъ свѣтскую пустоту и проповѣдовалъ необходимость благотворнаго труда, онъ вновь возбудилъ неудоволь-

ствіе, изданіе прекратилось, а вышедшій выпускъ, какъ можно думать, отбирался и уничтожался. Такимъ образомъ, и на поприщѣ ученыхъ изданій Новиковъ столкнулся съ тѣми препятствіями, которыя прекратили существованіе его сатирическихъ журналовъ, — столкнулся съ „чернымъ медвѣдемъ цензуры“, — по выраженію Карамзина. И Новикову, въ дальнѣйшей его дѣятельности, пришлось пострадать не отъ одного этого звѣря, не отъ одной книжной цензуры.

Нужно упомянуть еще о двухъ журнальныхъ предпріятіяхъ Новикова въ Петербургѣ; это — „С.-Петербургскія Ученыя Вѣдомости“, которыя посвящены были главнымъ образомъ литературной критикѣ, и журналъ „Утренній Свѣтъ“. Онъ издавался цѣлымъ кружкомъ лицъ, и здѣсь впервые выказалось умѣніе Новикова привлекать людей къ совмѣстной работѣ на общественную пользу, а во-вторыхъ, это изданіе имѣло благотворительную цѣль; доходы съ него шли на содержаніе народныхъ училищъ: сначала было открыто на эти средства одно училище, а потомъ еще другое. Новиковъ сумѣлъ привлечь къ дѣлу училищъ общественное вниманіе и сочувствіе, въ редакцію стекались пожертвованія; съ училищами была связана и благотворительность. Во всемъ этомъ дѣлѣ Новиковъ очень хорошо выказалъ свои способности къ широкой общественной организаціи. Издатели „Утренняго Свѣта“ считали хозяевами школьнаго дѣла не себя, а всѣхъ подписчиковъ и жертвователей, и давали имъ самый подробный отчетъ въ журналѣ о ходѣ ученія въ школахъ, о матеріальномъ положеніи послѣднихъ. Новиковъ учрежденіемъ этихъ народныхъ училищъ (съ 1773 г.) почти на десять лѣтъ опередилъ правительство Екатерины, которая, повидимому, вовсе не была довольна, что Новиковъ призвалъ къ почину въ дѣлѣ народнаго образованія общественныя силы. Когда въ 1782 г. была основана комиссія объ училищахъ, Новиковъ не былъ приглашенъ къ участію въ ней, хотя оба основанныя имъ училища тогда еще существовали. Любопытно отмѣтить, что толчокъ ко первому преслѣдованію Новикова во время московскаго періода его дѣятельности исходилъ именно изъ училищной комиссіи.

Сказаннымъ приходится мнѣ ограничиться относительно годовъ, проведенныхъ Новиковымъ въ Петербургѣ.

Своей журнальной и издательской дѣятельностью въ Петербургѣ Новиковъ пріобрѣлъ уже почетную извѣстность, и въ 1779 г. кураторъ Московскаго университета Херасковъ предложилъ Новикову взять въ аренду университетскую типографію и „Московскія Вѣдомости“. Такъ какъ тогда нельзя было еще открывать частныхъ типографій, Новиковъ принялъ это предложеніе, переѣхалъ въ Москву, гдѣ скоро сумѣлъ довести свою просвѣтительную дѣятельность до безпримѣрнаго развитія.

Прежде всего Новиковъ затратилъ много труда и много средствъ на упорядоченіе и развитіе университетской типографіи, и въ нѣсколько лѣтъ достигъ того, что она не уступала лучшимъ европейскимъ типографіямъ. Такое положеніе типографіи дало Новикову возможность широко развить издательскую дѣятельность. Упомяну прежде всего, что онъ улучшилъ и расширилъ „Московскія Вѣдомости“, издавалъ при нихъ различныя приложенія: „Дѣтское Чтеніе“ (Карамзинъ), „Экономическій Магазинъ“ (Болотовъ), прибавленія литературнаго содержанія, „Магазинъ Натуральной Исторіи“; кромѣ того, онъ отдѣльно издавалъ въ Москвѣ: „Утренній Свѣтъ“, „Московское Ежемѣсячное Изданіе“, „Вечернюю Зарю“, „Покоющагося Трудолюбца“. Замѣчу, что въ послѣднемъ изданіи мы опять встрѣчаемъ нападки на крѣпостное право. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ Новикова постоянно участвовали многіе изъ студентовъ университета.

Какъ и въ Петербургѣ, Новиковъ, не ограничиваясь изданіемъ журналовъ, печаталъ много книгъ. Въ первый же годъ по переѣздѣ въ Москву, онъ выпустилъ изъ университетской типографіи 8 книгъ различнаго содержанія, и чѣмъ дальше, тѣмъ его книгоиздательская дѣятельность развивалась сильнѣе и сильнѣе: къ 1786 г., за шесть лѣтъ, Новиковъ напечаталъ въ университетской типографіи книгъ болѣе 400 названій, — больше, чѣмъ выпустила эта типографія за все предшествующее время своего существованія. Но особенные размѣры, особенное значеніе дѣятельность Новикова пріобрѣла съ основаніемъ Типографической Компаніи.

Новиковъ нашелъ въ Москвѣ цѣлый кругъ людей, которые стали усердными сотрудниками въ его просвѣтительной, общественной работѣ. Между ними было нѣсколько лицъ,

замѣчательныхъ по своему характеру и убѣжденіямъ, по своей жизни. У меня нѣтъ времени останавливаться на Лопухинѣ, Гамалѣѣ, Подходяшинѣ и другихъ выдающихся членахъ Новиковскаго кружка, но я не могу не сказать хотя коротко о профессорѣ Шварцѣ. Къ этому меня принуждаетъ особое значеніе Шварца въ кружкѣ Новикова въ дѣятельности его; говорить о Новиковѣ, и особенно въ стѣнахъ Московскаго университета, и умолчать о Шварцѣ — нельзя.

Князь Гагаринъ пригласилъ Іоганна Георга Шварца пріѣхать въ 1776 г. въ Россію, въ качествѣ домашняго учителя. Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Россію Шварцъ ревностно принялся за изученіе русскаго языка и литературы. Онъ съ большимъ сочувствіемъ останавливался на дѣятельности Новикова; въ немъ онъ видѣлъ „особенную ревность къ просвѣщенію и горячую любовь къ отечеству“, видѣлъ въ его дѣятельности — благородно опредѣлившуюся цѣль. Новиковскія изданія вызывали толки даже за границей,— и Шварцъ, пріѣхавъ въ Россію, „пламенно желалъ познакомиться съ Новиковымъ“. Знакомство это состоялось въ 1779 г., когда Новиковъ и Шварцъ оба съѣхались въ Москвѣ, одинъ какъ арендаторъ университетской типографіи, другой, какъ назначенный въ это время профессоромъ. Новиковъ разсказывалъ потомъ: „Въ одно утро пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я, поговоря, сдѣлался на всю жизнь, до самой его смерти, неразлучнымъ; этотъ нѣмчикъ былъ Ив. Ег. Шварцъ“. Новиковъ изумилъ Шварца тою желѣзною энергіею, съ какою онъ брался за дѣло, „гдѣ слѣдовало рисковать всѣмъ, надѣяться немногаго“. Шварцъ сразу оцѣнилъ дѣло Новикова, понялъ, что „оно было необыкновенно важно для русскаго просвѣщенія“. Шварцъ видѣлъ, что, для осуществленія идей Новикова, необходимо возможно широкое участіе общества. Онъ старался подготовить среди своихъ слушателей будущихъ дѣятелей великаго дѣла, старался воспламенить ихъ къ работѣ, пріохотить ихъ къ наукѣ, образовать изъ нихъ переводчиковъ. „Онъ началъ съ того, что раздѣлилъ между ними свою библіотеку, чтобы сообщить имъ вкусъ къ такому занятію: онъ зналъ изъ собственнаго опыта, какъ сильно дѣйствуетъ на юную душу подарокъ новой хорошей книги. Ему удалось. Молодые люди полюбили его, отцы являлись къ нему съ благодарностью, почти каждый

день вводимъ онъ былъ въ новое семейства и осыпаемъ похвалами и благодарностію"... „Все это, — разсказываетъ Шварцъ, — исполнило меня райскими ощущеніями; я сгаралъ желаніемъ выразить благодарность свою народу, столь благородному, столь жаждущему науки... Поэтому я рѣшился устроить Общество, которое... 1) по возможности распространило бы въ публикѣ правила воспитанія 2) поддержало бы типографское предпріятіе Новикова переводомъ и изданіемъ полезныхъ книгъ и 3) старалось бы или привлекать въ Россію иностранцевъ, которые были бы способны давать воспитаніе, или, — что еще лучше, — воспитывать на свой счетъ учителей изъ русскихъ".

Отъ соединенія плановъ Новикова съ планами Шварца, отъ дружной ихъ совмѣстной работы надъ общимъ дѣломъ и возникли тѣ знаменитыя предпріятія, которыя составляютъ одну изъ самыхъ славныхъ эпохъ въ исторіи Московскаго университета и русскаго общества.

Для осуществленія вышеизложеннаго плана Шварцъ предложилъ учредить при университетѣ „учительскую" или „педагогическую" семинарію и пожертвовалъ на нее изъ своихъ средствъ 5000 руб., а также снабдилъ новое учрежденіе книгами, пособіями и пр. Съ тою же цѣлью были сдѣланы пожертвованія Новиковымъ и его ближайшими друзьями. Семинарія была открыта 13 ноября 1779 г., Шварцъ сдѣлался ея инспекторомъ. Для привлеченія воспитанниковъ въ новооткрытую семинарію, основатели ея вошли въ сношенія съ епархіальными начальствами о присылкѣ лучшихъ семинаристовъ для опредѣленія стипендіатами. И такихъ было прислано изъ разныхъ мѣстъ немало. Это былъ первый опытъ, послѣ удачи котораго повели дѣло дальше. Новиковъ привлекалъ къ участію въ своихъ изданіяхъ молодыхъ людей, а Шварцъ составлялъ проектъ отдѣльной семинаріи, который и былъ осуществленъ немного позже, пока же основано было еще другое новое учрежденіе — „собраніе университетскихъ питомцевъ", главнымъ руководителемъ котораго былъ опять-таки тотъ же Шварцъ, сдѣлавшій пожертвованія въ его пользу деньгами и книгами. Это учрежденіе было чрезвычайно полезно, и ему обязаны своимъ развитіемъ многіе изъ послѣдующихъ видныхъ дѣятелей литературы. Въ это же время, опять по иниціативѣ

Шварца, при участіи Новикова и кружка его друзей, было устроено „Дружеское Ученое Общество“, которое приняло въ свое завѣдываніе прежнія учрежденія, собрало изъ пожертвованій значительныя средства, давшія возможность расширить всѣ начинанія, увеличить число стипендіатовъ до тридцати, купить для ихъ помѣщенія особый домъ у Меншиковой башни, гдѣ воспитанники жили подъ наблюденіемъ Шварца, который руководилъ ихъ занятіями, читалъ имъ на дому лекціи; лучшіе воспитанники посылались за границу оканчивать свое образованіе или на средства „Дружескаго Общества“ или на средства отдѣльныхъ его членовъ. Лекціи Шварца производили большое впечатлѣніе и привлекали немало слушателей, даже постороннихъ университету. Напомню, что черезъ вліяніе „Дружескаго Общества“ прошелъ Карамзинъ и его Агатонъ, Петровъ. Кромѣ цѣлей непосредственно педагогическихъ, Дружеское Ученое Общество оказывало самую существенную поддержку въ книжныхъ предпріятіяхъ Новикова, оплачивая то или другое изданіе, разсылая даромъ учебники по провинціальнымъ школамъ и т. п. Дружеское Общество много занималось также пособіемъ бѣдному люду, надѣляло ихъ нужнымъ или заботилось объ устройствѣ ихъ судьбы и т. д. И при жизни Шварца Новиковъ былъ вмѣстѣ съ нимъ главнымъ дѣятелемъ „Дружескаго Общества“, а послѣ его смерти онъ сталъ его единственнымъ руководителемъ. Это было замѣчательное просвѣтительное дѣло, широко поставленное по своимъ задачамъ и пріемамъ, созданное по частной иниціативѣ, на частныя средства, веденное частными людьми, оказавшее благотворное вліяніе и на молодое поколѣніе, оставившее крупный слѣдъ въ исторіи нашего развитія, хотя и существовало собственно недолго. Это рѣдкій въ нашей исторіи примѣръ вліятельной общественной организаціи, примѣръ которой до сихъ поръ дѣйствуетъ освѣжающимъ образомъ. Эта была одна изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ въ жизни Московскаго университета.

Шварцъ, какъ профессоръ „привязалъ къ себѣ слушателей любовью и безпримѣрнымъ снисхожденіемъ“, на его частныя лекціи ходили „всякаго рода и званія люди“. По своему просвѣтительному вліянію на своихъ слушателей и на русское общество вообще Шварцъ, по справедливости,

можетъ быть сравниваемъ съ Грановскимъ, какъ и эпоха восьмидесятыхъ годовъ въ жизни Московскаго университета прошлаго вѣка съ эпохой сороковыхъ годовъ. Какъ извѣстно, Шварцъ вызвалъ противъ себя неудовольствіе куратора Мелиссино и послѣ различныхъ непріятностей долженъ былъ оставить службу въ университетѣ. Прибавлю, что Шварцъ умеръ очень молодымъ человѣкомъ (род. 1751 г. — умеръ 17 февраля 1784 г.) въ селѣ Очаковѣ, принадлежавшемъ Херсакову, гдѣ и находится могила этого „нѣмчика", который навсегда связалъ свое имя съ знаменательными событіями въ исторіи нашего просвѣщенія и нашего общества. Шварцъ много жертвовалъ на дѣла просвѣщенія изъ своихъ скромныхъ средствъ и даже передъ смертью „забылъ о любезнѣйшихъ ему смертныхъ, супругѣ и дѣтяхъ, при послѣднемъ дыханіи еще благодѣтельствовалъ наукамъ тѣмъ имуществомъ, которымъ онъ долженъ былъ облегчить нужды вдовы и спротъ своихъ". Онъ оставилъ свою семью безъ всякихъ средствъ, и заботы о ней принялъ на себя Новиковъ, у котораго она и поселилась въ деревнѣ.

Дружеское Ученое Общество, какъ полагаютъ, перестало существовать въ 1786 г., такъ какъ было поглощено другимъ еще болѣе широкимъ по своимъ размѣрамъ предпріятіемъ, именно „Типографическою Компаніей", которая, основанная въ 1784 г., продолжала дѣло Дружескаго Общества по всей его программѣ, но спеціально расширила книгопродавческую и издательскую часть. Съ учрежденіемъ „Типографической Компаніи", Новиковъ осуществилъ тотъ планъ „Общества, старающагося о печатаніи книгъ", который онъ развивалъ въ своемъ „Живописцѣ" еще въ 1773 г.

Указъ о вольныхъ типографіяхъ, изданный въ 1783 г., разрѣшилъ открывать типографіи всѣмъ желающимъ. Этимъ и воспользовался Новиковъ. Онъ открылъ свою типографію, а затѣмъ учредилъ знаменитую Типографическую Компанію.

Типографическая Компанія состояла кромѣ Новикова еще изъ 14 членовъ. Основной капиталъ ея образовался изъ взносовъ разной величины и равнялся 57,500 руб., да кромѣ того Новиковъ и братъ его отдали въ распоряженіе Компаніи печатныхъ книгъ на сумму 80,000 руб., считая оцѣнку ихъ въ 25% каталожной цѣны, т.-е. продажная стоимость книгъ достигала до 320,000 руб. Уже по одному этому мы

можемъ судить, до какой степени было развито издательское дѣло Новикова еще до образованія Типографической Компаніи.

Типографическая Компанія прежде всего открыла новыя типографіи: кромѣ типографіи на имя Новикова, была открыта другая на имя Лопухина, третья на имя самой Компаніи; одно время существовала отдѣльно еще небольшая тайная масонская типографія. Всѣ онѣ, числомъ такимъ образомъ пять, считая университетскую, находились подъ управленіемъ Новикова. Если и прежде Новиковъ сумѣлъ поставить высоко университетскую типографію и развить при ней одной такую издательскую дѣятельность, то теперь, при пяти типографіяхъ, при непосредственномъ участіи въ дѣлѣ особой Компаніи съ ея капиталомъ, средства Новикова умножились въ нѣсколько разъ.

Типографическая Компанія издавала множество книгъ; въ числѣ ихъ немало масонскихъ, но не надо преувеличивать значеніе масонскаго элемента въ изданіяхъ компаніи. Она печатала много книгъ и не масонскихъ, между прочимъ очень много хорошихъ и дешевыхъ учебниковъ, научныя книги и вообще много свѣтскихъ книгъ разнообразнаго содержанія. Это объясняется тѣмъ, что въ основу своего издательства онъ положилъ общія просвѣтительныя задачи, а также и тѣмъ, что онъ, желая распространенія книги, не могъ ограничиться одними мистическими изданіями, долженъ былъ считаться съ потребностями читателей... Если бы Новиковъ, какъ, вѣроятно, желали этого нѣкоторые изъ его товарищей, всю свою дѣятельность направилъ на изданіе мистическихъ и вообще духовно-нравственныхъ книгъ, онъ потерпѣлъ бы неудачу, его дѣятельность не могла бы получить такого значенія, такого развитія. Новиковъ, опытный издатель, знакомый уже со вкусомъ и съ требованіями читателей „мѣщанъ“, понималъ это и не хотѣлъ упорствомъ въ мистической пропагандѣ испортить свое просвѣтительное дѣло. Изъ того, что мы знаемъ о Новиковѣ, объ его издательскихъ пріемахъ, мы имѣемъ полное право заключить, что онъ хорошо понималъ эту сторону вопроса, и потому-то онъ, масонъ, велъ свое издательское предпріятіе не въ исключительномъ мистическомъ духѣ. Насколько разнообразны были изданія Новикова, можно видѣть изъ того,

что въ спискѣ, который былъ составленъ во время слѣдствія надъ Новиковымъ, на 448 названій книгъ, изданныхъ Новиковымъ, мы находимъ 290 книгъ различнаго свѣтскаго содержанія, не говоря о значительномъ еще числѣ книгъ духовнаго содержанія, не касающихся масонства.

Чтобы судить о размѣрахъ книжной торговли Новикова, достаточно указать, что онъ велъ дѣло съ книгопродавцами въ Полтавѣ, Тамбовѣ, Глуховѣ, Псковѣ, Вологдѣ, Смоленскѣ, Орлѣ, Курскѣ, на Дону, въ Тульской губ., не говоря уже о Москвѣ и Петербургѣ. Новиковъ самъ открывалъ лавки въ разныхъ мѣстахъ. Насколько крупны были обороты Новикова, видно изъ того, что онъ отпускалъ инымъ торговцамъ книги десятками тысячъ экземпляровъ.

Для помѣщенія своихъ типографій и находившихся при нихъ наборщиковъ Типографическая Компанія пріобрѣла и приспособила огромный Гендриковскій домъ близъ Сухаревой башни, тотъ самый, гдѣ теперь помѣщаются Спасскія казармы. Здѣсь, между прочимъ, помѣщалась и аптека, принадлежавшая компаніи; аптека была лучшая въ Москвѣ, и изъ нея вышло нѣсколько наиболѣе извѣстныхъ потомъ въ Москвѣ провизоровъ; Компанія даромъ отпускала лѣкарства бѣднымъ; она имѣла, кромѣ того, и свою больницу для типографскихъ служащихъ. Это было предпріятіемъ совершенно новымъ и обратило на себя вниманіе.

Нельзя не упомянуть о голодѣ 1787 г., когда Новиковъ предпринялъ въ очень крупныхъ размѣрахъ продовольствіе нуждающихся. Голодъ былъ очень сильный; населеніе терпѣло тяжкую нужду; помощь была необходима. Разъ въ одномъ обществѣ Новиковъ много говорилъ о бѣдственномъ положеніи населенія, объ обязанности помогать ему. Послѣ его рѣчи къ нему подошелъ какой-то молодой человѣкъ и что-то пошепталъ ему на ухо. Оказалось, что это гвардейскій офицеръ Походяшинъ, сынъ сибирскаго богача. Рѣчь Новикова была для него такъ убѣдительна, что онъ тутъ же предложилъ Новикову по секрету въ распоряженіе его значительную часть своего крупнаго состоянія для оказанія пособія голодающимъ. Новиковъ воспользовался этимъ щедрымъ предложеніемъ, сталъ закупать хлѣбъ и даромъ раздавать его нуждающимся: помощь, имъ оказанная, была существенно важна и во многомъ помогла населенію пере-

жить тяжелый годъ. Походяшинъ съ этого времени сблизился съ Новиковымъ, совершенно вошелъ во всѣ его виды, поддерживалъ всѣ его предпріятія своими средствами; онъ вложилъ въ дѣло Новикова почти все свое состояніе, и это дѣлалось имъ втайнѣ, такъ что въ обществѣ долго не знали, чѣмъ объяснить замѣтное сокращеніе средствъ Походяшина. Когда вмѣстѣ съ преслѣдованіемъ, обрушившимся на Новикова, былъ остановленъ весь ходъ его громаднаго дѣла, представлявшаго крупное коммерческое предпріятіе, Походяшинъ лишился своихъ средствъ и умеръ въ бѣдности, но это нисколько не измѣнило его чувствъ къ Новикову, и до конца его дней лучшимъ удовольствіемъ для него было смотрѣть на портретъ Новикова.

Сдѣланнаго краткаго обзора типографической, издательской, книготорговческой и благотворительной дѣятельности Новикова довольно, чтобы видѣть, какое это было широкое дѣло. Болѣе ста лѣтъ прошло, какъ дѣятельность Новикова прекратилась, а мы не можемъ указать въ нашей жизни другого равнаго явленія, другого столь же выдающагося дѣятеля на книжномъ поприщѣ. Само дѣло Новикова такъ велико, что не нужно много словъ для его характеристики. Скажу только, что въ дѣятельности Новикова мы должны цѣнить не только ея размѣры и ея результаты, не только то, что имъ было сдѣлано для развитія книжнаго и школьнаго дѣла, но и самую организацію дѣла. Новиковъ умѣлъ возбудить въ русскомъ обществѣ прошлаго вѣка необычайную энергію въ самодѣятельности. Дѣло Новикова было общественнымъ дѣломъ не только по своей сущности, по своимъ задачамъ и результатамъ, но и по своей организаціи. Въ этомъ былъ залогъ его успѣха, въ этомъ по условіямъ того времени, была и причина его гибели.

Любопытно, что первымъ на Новикова напало учрежденіе, которое тогда вѣдало народное просвѣщеніе, учебное дѣло: въ 1784 году комиссія училищъ заявила свою претензію на перепечатку Новиковымъ нѣкоторыхъ учебниковъ, изданныхъ комиссіею. Новиковъ дѣйствовалъ здѣсь по прямому распоряженію главнокомандующаго Чернышева и вовсе не изъ-за какихъ-либо барышей, а для того, чтобы учебники находились въ продажѣ въ достаточномъ количествѣ и по дешевой цѣнѣ. Чернышевъ въ это время только что умеръ,

и Новикову, повидимому, пришлось подчиниться требованію, предъявленному комиссіею, именно передать въ ея распоряженіе всѣ непроданные экземпляры учебниковъ, а за проданные вернуть всю ихъ продажную стоимость. Гораздо важнѣе для положенія Новикова было то обстоятельство, что около этого же времени онъ навлекъ на себя неудовольствіе самой Екатерины изданіемъ одной переводной книжки противъ іезуитовъ, которымъ тогда покровительствовала императрица. Эти два случая были началомъ цѣлаго ряда непріятностей и преслѣдованій.

Въ слѣдующемъ году новый московскій главнокомандующій гр. Брюсъ получилъ отъ Екатерины указъ, заявлявшій, что въ типографіи Новикова печатается много странныхъ книгъ (масонскихъ), почему повелѣно составить опись его изданіямъ и передать ихъ всѣ на разсмотрѣніе московскаго архіепископа Платона, который долженъ былъ также испытать въ вѣрѣ самого Новикова. Брюсъ доносилъ государынѣ, что „содержатель (типографіи) Новиковъ чрезъ управу благочинія сысканъ и представленъ въ губернское правленіе, гдѣ и допрашиванъ“. На допросѣ Новиковъ показалъ, что всѣ книги, имъ изданныя, онъ печаталъ не иначе, какъ съ разрѣшенія свѣтской или духовной цензуры, и не знаетъ, какія изъ этихъ книгъ могутъ быть противны законамъ; „намѣренія онъ при изданіи книгъ въ публику никакого другого не имѣлъ, кромѣ того, чтобы по силамъ его и по возможности приносить трудами его пользу отечеству чрезъ распространеніе книжной торговли, и честнымъ образомъ получать законами невозбранный прибытокъ“.

Кромѣ допроса въ губернскомъ правленіи, произведеннаго по распоряженію самого Брюса, Новикова испытывалъ въ вѣрѣ архіепископъ Платонъ, какъ это было прямо предписано двумя указами Екатерины. Платонъ нѣсколько разъ доносилъ Екатеринѣ о ходѣ дѣла и въ окончательномъ донесеніи объ исполненіи всего порученія писалъ: „Какъ предъ Престоломъ Божьимъ, такъ и предъ твоимъ престоломъ, всемилостивѣйшая государыня императрица, я долженъ по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и тобою, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане таковые, какъ Новиковъ“.

Книги, присланныя Платону на разсмотрѣніе, онъ раздѣляетъ въ своемъ донесеніи на три разряда. „Въ первомъ находятся книги собственно литературныя, и какъ литература наша доселѣ крайне еще скудна въ произведеніяхъ, то весьма желательно, чтобы книги въ этомъ родѣ были болѣе и болѣе распространяемы и содѣйствовали бы къ образованію“. Второй разрядъ — книги мистическія, которыхъ Платонъ, по его словамъ, не понималъ; третій разрядъ — книги, написанныя энциклопедистами, эти — самыя зловредныя. Но такой отвѣтъ не согласовался со взглядами Екатерины; она и въ это время еще не хотѣла поднимать гоненія противъ произведеній французскихъ философовъ, но была противницей мистической литературы, въ которой могли, по ея мнѣнію, вкрасться „расколы, колобродства и всякія нелѣпыя толкованія“. Такимъ образомъ, Екатерина не была удовлетворена тѣмъ „испытаніемъ“, которое произвелъ Платонъ, признавшій Новикова за безупречнаго христіанина и не осудившій прямо масонскихъ книгъ.

Благопріятный отзывъ Платона не прекратилъ всѣхъ затрудненій Новикова. Окончательный отчетъ въ исполненіи порученія былъ данъ Платономъ въ январѣ 1786 г., но московскія власти продолжали держать лавку Новикова запечатанною, запретивъ ему всякую торговлю книгами. Въ концѣ марта состоялось Высочайшее повелѣніе о разрѣшеніи Новикову торговли книгами съ опечатаніемъ только части книгъ, признанныхъ вредными. Новиковъ долженъ былъ дать подписку, что запрещенными книгами онъ торговать не будетъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ гр. Брюсъ былъ переведенъ въ Петербургъ, а главнокомандующимъ въ Москву былъ назначенъ Еропкинъ, при которомъ Новикову и его друзьямъ было жить легче, и Новиковъ продолжалъ развивать свое книжное дѣло, какъ и свою благотворительность. Екатерина не забывала однако своихъ неудовольствій на Новикова; она съ большимъ подозрѣніемъ отнеслась къ той широкой помощи голодающимъ, которую организовалъ Новиковъ въ 1787 г.: это дѣло хорошо показало вліяніе, какимъ пользовался Новиковъ, а такъ какъ при этомъ источникъ крупныхъ средствъ, затраченныхъ Новиковымъ на продовольственную помощь населенію (т.-е. пожертвованіе Походяшина)

БИБЛИОТЕКА СВЕРДЛОВСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

не былъ извѣстенъ, то и дѣло Новикова представлялось окруженнымъ таинственностью. Изъ Москвы при Еропкинѣ никакихъ жалобъ на Новикова не шло, и онъ продолжалъ дѣйствовать свободно, но Екатерина не оставляла своего расположенія и еще задолго до истеченія срока контракта Новикова на аренду университетской типографіи повторяла не одинъ разъ распоряженіе, чтобы типографію больше Новикову не отдавать, что, конечно, и было исполнено. Для Новикова лишеніе университетской типографіи, которую онъ такъ улучшилъ и усилилъ, не могло не представлять очень чувствительной потери, существеннаго препятствія въ веденіи его книжнаго дѣла, но у него остались частныя типографіи, въ это время слившіяся уже въ одну компанейскую, и онъ продолжалъ свое предпріятіе, хотя чувствовалъ все больше и больше стѣсненій. Но скоро началось гоненіе на Новикова и на его дѣло.

Въ 1790 г. Еропкина, который, какъ говорится въ запискахъ Лопухина, противъ Новикова и его друзей дѣлалъ только то, что принужденъ былъ дѣлать, смѣнилъ кн. Прозоровскій. Это былъ человѣкъ недалекій, невѣжественный, подозрительный и жестокій; его главнымъ стимуломъ было желаніе выслужиться передъ Екатериной, и онъ былъ способенъ на все, если думалъ, что можетъ угодить ей. Когда Прозоровскій былъ назначенъ московскимъ главнокомандующимъ, Потемкинъ писалъ Екатеринѣ: „Ваше императорское величество выдвинули изъ вашего арсенала самую старую пушку, которая непремѣнно будетъ стрѣлять въ вашу цѣль, потому что своей не имѣетъ. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью въ потомствѣ имя вашего величества“.

Время было тревожное: событія во Франціи возбудили опасенія и въ Екатеринѣ. Въ Россіи начинались строгости. Прозоровскій былъ подходящій человѣкъ для такого направленія. Онъ началъ въ Москвѣ слѣдить не только за французами, тамъ жившими, но распространилъ свою подозрительность и на многихъ русскихъ, въ томъ числѣ, конечно, и на Новикова съ его друзьями. Онъ постоянно доносилъ въ Петербургъ о подозрительныхъ, по его мнѣнію, дѣйствіяхъ Новикова и его товарищей, такъ что однажды Екатерина спросила его, почему же онъ не арестуетъ такихъ подозрительныхъ людей, Прозоровскій отвѣчалъ, что государынѣ

стоитъ только приказать, но она возразила: „нѣтъ, надобно найти причину".

При такомъ отношеніи къ дѣлу, преслѣдованія противъ Новикова были только вопросомъ времени. И вотъ уже въ слѣдующемъ году Екатерина подписала указъ противъ Новикова, но она еще не рѣшилась дать дѣлу открытый ходъ и послала въ Москву для негласнаго разслѣдованія гр. Безбородка, предоставивъ ему по усмотрѣнію передать Прозоровскому или не передавать указа противъ Новикова. Безбородко не нашелъ основаній давать ходъ дѣлу. Новиковъ былъ пока оставленъ въ покоѣ. Открытое преслѣдованіе его было отсрочено; но положеніе дѣла было уже таково, что онъ вынужденъ былъ прекратить существованіе въ 1791 г. Типографической Компаніи: такъ послѣ семилѣтней дѣятельности погибло это замѣчательное учрежденіе, оставившее такой важный слѣдъ въ исторіи нашего просвѣщенія и нашего общественнаго развитія. Но близка была уже и катастрофа съ самимъ Новиковымъ.

Въ апрѣлѣ 1792 г. состоялся высочайшій указъ о разслѣдованіи, не печатаетъ ли Новиковъ въ противность закону книгъ церковной печати. Это повело къ аресту Новикова и къ разслѣдованію всей его дѣятельности.

Получивъ указъ Екатерины, Прозоровскій распорядился произвести обыскъ во всѣхъ книжныхъ лавкахъ Москвы, а къ Новикову, который послѣ закрытія Типографической Компаніи поселился въ своемъ Авдотьинѣ, послалъ для обыска совѣтника уголовной палаты Олсуфьева, поручивъ ему доставить самого Новикова въ Москву. Новиковъ былъ очень боленъ, и Олсуфьевъ не рѣшился его везти, оставивъ его подъ надзоромъ городничаго. Тогда Прозоровскій отправилъ за Новиковымъ майора кн. Жевахова съ 12 гусарами, однимъ оберъ- и унтеръ-офицеромъ и капраломъ. Появленіе военной силы въ Авдотьинѣ такъ испугало старшихъ дѣтей Новиковъ, что оба они, и сынъ и дочь, сдѣлались по всю жизнь припадочными. Новикова взяли; крестьяне провожали его со слезами. Больной Новиковъ былъ привезенъ подъ конвоемъ гусаръ въ Москву и прямо былъ представленъ къ князю Прозоровскому, который самъ снялъ съ него тутъ же допросъ, по указу, главнымъ образомъ, относительно имущественнаго положенія арестованнаго, а также о нѣкоторыхъ его изда-

ніяхъ. Разсказываютъ, что невѣжество Прозоровскаго было таково, что онъ, взявъ одну изъ книгъ и указывая въ ней въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ на цифры, означающія ссылки на различныя мѣста священнаго писанія, сказалъ Новикову: „вотъ тутъ, подъ этими условными знаками, скрываются ваши зловредные замыслы и преступныя ученія: но все это теперь откроется".

Новикова совсѣмъ больного посадили подъ арестъ въ его собственномъ домѣ, на площади около Никольскихъ воротъ (этотъ домъ приблизительно стоялъ тамъ, гдѣ теперь находится извѣстный Шиповскій домъ, въ настоящее время принадлежащій Человѣколюбивому обществу). При Новиковѣ находился и раздѣлялъ его заключеніе докторъ Багрянскій, одинъ изъ воспитанниковъ Дружескаго Ученаго Общества, недавно вернувшійся изъ-за границы, куда онъ ѣздилъ на счетъ Новикова. Прозоровскій содержалъ Новикова подъ самымъ строжайшимъ арестомъ, не дозволялъ ему никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ. Онъ писалъ майору Жеваховy, который караулилъ Новикова: „Рецепту въ аптеку писать позволяйте доктору при себѣ, а по написаніи, взявъ оный подъ видомъ посылки въ аптеку, присылайте въ мою канцелярію, а оттуда уже получая, отправлять оные въ аптеку".

Новиковъ опредѣленно отвѣчалъ на вопросы, предложенные ему Прозоровскимъ, опровергалъ обстоятельно тѣ обвиненія, которыя противъ него были выставлены, но его предубѣжденный и малопонимающій дѣло слѣдователь полагалъ, что это все одна хитрость. Прозоровскій писалъ Екатеринѣ: „таковаго коварнаго и лукаваго человѣка, всемилостивѣйшая государыня, мало видалъ; а къ тому же человѣкъ натуры острой, догадливый и характеръ смѣлый и дерзкій: хотя видно, что онъ робѣетъ, но не замѣшивается; весь его предметъ только въ томъ, чтобы закрыть преступленіе... Притворяется такъ, что прежде посланный совѣтникъ Олсуфьевъ съ товарищами увѣрились, что онъ опасенъ въ жизни, и онъ просилъ ихъ, чтобы его исповѣдать и причастить. Но на сіе Олсуфьевъ не согласился. А маіоръ Жеваховъ сказывалъ, что все падалъ въ обмороки, а у меня началъ такъ притворяться, что онъ будто бы въ изнеможеніе приходитъ. Но я ему сказалъ, что сіе излишне: хотя онъ можетъ нездоровъ, но не такъ

слабъ, а позволилъ ему сѣсть и сказывать отвѣты секретарю". И тутъ же Прозоровскій проситъ, чтобы для разслѣдованія дѣла прислали въ Москву знаменитаго екатерининскаго „слѣдователя" Шешковскаго, который былъ извѣстенъ своимъ жестокимъ обращеніемъ съ допрашиваемыми. При встрѣчѣ съ Шешковскимъ кн. Потемкинъ всегда спрашивалъ его: „ну, что, Степанъ Ивановичъ, какъ кнутобойничаешь?" Прозоровскій нѣсколько разъ повторялъ свою просьбу и въ донесеніяхъ Екатеринѣ, и въ письмахъ къ самому Шешковскому, но она не была исполнена, хотя Новиковъ все-таки вскорѣ попалъ въ руки Шешковскаго.

Екатерина одобрила всѣ распоряженія Прозоровскаго и дала ему нѣсколько указаній для дальнѣйшаго веденія слѣдствія. Такъ она писала московскому главнокомандующему: „Вамъ извѣстно, что Новиковъ и его товарищи завели больницу, аптеку, училище и печатаніе книгъ, давъ такой всему благовидный видъ, что будто бы всѣ тѣ заведенія они дѣлали изъ любви къ человѣчеству; но слухъ давно носится, что сей Новиковъ и его товарищи сей подвигъ въ заведеніи отнюдь не изъ человѣколюбія, но для собственной своей корысти, уловляя пронырствомъ и ложною какъ бы набожностію слабодушныхъ людей, корыстовались грабленіемъ ихъ имѣній, въ чемъ онъ неоспоримыми доказательствами обличенъ быть можетъ". Это указаніе заставило Прозоровскаго вновь и усиленно допрашивать Новикова объ имущественныхъ дѣлахъ, какъ личныхъ его, такъ и компанейскихъ, и искать во что бы то ни стало „неоспоримыхъ доказательствъ" для обличенія Новикова въ корыстныхъ злоупотребленіяхъ. Это обвиненіе Новикова въ корысти, среди всѣхъ несправедливыхъ обвиненій, которымъ онъ подвергся, представляется самымъ нелѣпымъ.

Прозоровскій продолжалъ усиленно вести разслѣдованіе, допрашивалъ Новикова и разныхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, чинилъ обыски, разбиралъ бумаги, писалъ донесенія. Изъ этихъ донесеній и изъ его писемъ къ Шешковскому хорошо видно, какъ мало понималъ онъ вопросы, съ которыми ему приходилось тутъ имѣть дѣло. Что же касается до пріемовъ слѣдователя, о нихъ можно судить по его собственному заявленію: когда Новиковъ, „сказываясь нездоровымъ", замедлилъ отвѣтомъ на вопросные пункты, „я обѣ-

щалъ перевесть его въ тайную экспедицію и ѣсть давать не велѣлъ, такъ оный и исполнилъ".

Въ указѣ Екатерины 1-го мая было сказано: „повелѣваемъ онаго Новикова на основаніи нашего учрежденія (т.-е. учрежденія о губерніяхъ) предать законному сужденію, избравъ надежныхъ вамъ людей; по окончаніи же во всѣхъ судахъ того слѣдствія и заключеній, должны они представить вамъ на ревизію, вы же препроводите на разрѣшеніе въ сенатъ". Прозоровскій не исполнилъ этого повелѣнія, руководствуясь слѣдующими соображеніями. Во-первыхъ, если передать дѣло въ судъ на основаніи общаго порядка, то такимъ же образомъ можно было дѣлать выборы въ судьи людей надежныхъ? Выборъ судей тутъ не могъ уже зависѣть отъ главнокомандующаго. Во-вторыхъ, отъ передачи дѣла Новикова въ судъ законнымъ порядкомъ Прозоровскій воздержался по такимъ соображеніямъ: разъ Новиковъ былъ бы преданъ суду, при арестѣ его пришлось бы держаться уже законнаго порядка, его нельзя было бы подвергать такимъ слѣдствіямъ, а затѣмъ на судѣ Новиковъ могъ бы своими показаніями относительно масонства запутать дѣло. Екатерина признала эти доводы вполнѣ уважительными. Прозоровскій не предвидѣлъ или, по крайней мѣрѣ, не указалъ еще одного довода противъ суда надъ Новиковымъ: разъ нельзя было сдѣлать подбора судей, можно было опасаться встрѣтить среди нихъ людей, которые не признаютъ достаточныхъ основаній для осужденія Новикова, подобно тому, какъ это случилось при послѣдующемъ судѣ надъ книгопродавцами, бравшими у Новикова запрещенныя книги: противъ осужденія книгопродавцевъ рѣшительно выступили представители Московскаго университета, профессоръ россійскаго законоискусства Горюшкинъ и депутатъ Жегулинъ.

10-го мая Екатерина повелѣла отправить Новикова тайно въ Шлиссельбургскую крѣпость. Здѣсь въ Шлиссельбургѣ Новиковъ и подвергся допросамъ Шешковскаго. Допросъ былъ гораздо подробнѣе, чѣмъ Москвѣ, но и Шешковскій ничего не узналъ новаго въ пользу обвиненія, и ему не удалось запутать Новикова. Отвѣты на вопросные пункты Шешковскаго принадлежатъ къ числу наиболѣе важныхъ матеріаловъ для біографіи Новикова, и я ими не разъ пользовался. Въ подробный разборъ ихъ, какъ слѣдственнаго документа,

я вдаваться не буду; сдѣлаю только одно общее замѣчаніе. Прежде были опубликованы только *отвѣты* Новикова, а *вопросные пункты* еще не были извѣстны. М. Н. Лонгиновъ, оцѣнивая отвѣты, находилъ, что они не даютъ матеріаловъ для обвиненія Новикова, и предполагалъ, что, можетъ быть, при сличеніи съ заданными вопросами отвѣты казались неполными, неудовлетворительными. Когда затѣмъ стали извѣстны и вопросы Шешковскаго, А. Поповъ призналъ, что они доказываютъ неудовлетворительность отвѣтовъ Новикова. Съ такимъ мнѣніемъ невозможно согласиться: ни вопросные пункты ни особое опроверженіе оправданій Новикова, написанное Шешковскимъ, нисколько не подрываютъ того впечатлѣнія, какое производятъ отвѣты Новикова сами по себѣ; попрежнему мы должны признать, что слѣдствіе не дало достаточныхъ основаній для осужденія Новикова.

Но осужденіе это было произнесено, и притомъ очень строгое. Высочайшій указъ, который былъ подписанъ 1-го августа, но передъ тѣмъ нѣсколько недѣль лежалъ у Екатерины на столѣ, какъ будто она долго не рѣшалась осудить Новикова, рѣшилъ судьбу шлиссельбургскаго узника: онъ долженъ былъ остаться заключеннымъ въ Шлиссельбургѣ на 15 лѣтъ.

Какія же обвиненія выставлены противъ Новикова въ указѣ 1-го августа? Разсмотрѣвъ все слѣдственное дѣло о Новиковѣ, Екатерина нашла „съ одной стороны, вредные замыслы сего преступника и его сообщниковъ, духомъ любоначалія и корыстолюбія зараженныхъ, съ другой же — крайнюю слѣпоту, невѣжество и развращеніе ихъ послѣдователей. На семъ основаніи составлено ихъ общество; плутовство и обольщеніе было употребляемо къ распространенію раскола не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ прочихъ“. „Хотя Новиковъ въ этомъ и не сознается, однако онъ и его соучастники совершенно изобличаются въ важнымъ государственныхъ преступленіяхъ. Они дѣлали тайныя сборища съ подобіемъ богослуженія“. По поводу этого обвиненія надо замѣтить, что тайныя сборища масоновъ хорошо были извѣстны правительству; что же касается собственно Новикова, то еще при испытаніи въ вѣрѣ, которому его подвергалъ Платонъ въ 1786 г., онъ прямо заявилъ, что принадлежитъ къ масонамъ, и ему не было тогда запрещено оставаться масономъ, на что онъ справедливо и указываетъ въ своихъ показаніяхъ. Кромѣ

того, обвиненіе Новикова въ „гнусномъ расколѣ“ не имѣетъ значенія въ виду авторитетнаго заявленія Платона о безупречности Новикова въ религіозномъ отношеніи. Далѣе, указъ обвиняетъ Новикова и его товарищей въ подчиненіи герцогу Брауншвейгскому, вообще въ тайныхъ сношеніяхъ съ иностранцами. Всѣ эти сношенія съ герцогомъ Брауншвейгскимъ и съ другими имѣли своимъ содержаніемъ исключительно дѣла и вопросы масонства и никакого политическаго значенія не имѣли. Затѣмъ слѣдуетъ обвиненіе въ сношеніяхъ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. На этомъ обвиненіи Екатерина особенно настаивала, придавала ему особое значеніе, но изъ документовъ мы знаемъ, что сношенія масоновъ съ великимъ княземъ ограничились подненесеніемъ ему нѣсколькихъ книгъ, которыя онъ самъ пожелалъ имѣть, и ни малѣйшаго оттѣнка политическаго не имѣли. Такъ показалъ и самъ великій князь и Екатерина въ своемъ замѣчаніи на оправдательной записочкѣ его признала, что вѣритъ его искренности, хотя почему-то увидала въ этомъ еще новый доводъ къ обвиненію Новикова. Вообще ни о какихъ политическихъ замыслахъ, а, слѣдовательно, и о государственныхъ преступленіяхъ Новикова и его товарищей не можетъ быть и рѣчи. По замѣчанію А. Н. Пыпина, масоны въ политикѣ были „совершенно агнцы“. Опасными для государства ихъ можно было признать только съ точки зрѣнія кн. Прозоровскаго, который писалъ Екатеринѣ: масоны признаютъ Христа своимъ начальникомъ; сей пунктъ по мнѣнію моему наиважнѣйшій: гдѣ Христосъ управляетъ, или они его вдохновеніемъ, то тутъ другого правительства, какъ гражданскаго, такъ и духовнаго быть не можетъ“. Но и Прозоровскій въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что правило масоновъ — „1-е повиноваться Богу, а второе — государю“ — и другія „для правительства полезны“. Нѣкоторыя основанія имѣютъ обвиненія въ печатаніи тайно книгъ: мы знаемъ, что у масоновъ была тайная типографія для напечатанія своихъ мистическихъ сочиненій, но опять-таки политическаго значенія и это обвиненіе не имѣетъ. Притомъ надо замѣтить, что всѣ перечисленныя обвиненія самъ указъ совершенно основательно относитъ не къ одному Новикову, а ко всѣмъ его соучастникамъ-масонамъ. И если въ пересчитанныхъ пунктахъ видѣть важныя обвиненія противъ масоновъ,

то надо замѣтить, что Новиковъ вовсе не былъ единственнымъ руководителемъ ихъ, не былъ главнѣйшимъ дѣятелемъ масонства, и отчасти даже расходился со своими товарищами, которые признавали его недостаточно преданнымъ масонству. Во всякомъ случаѣ по указаннымъ пунктамъ Новиковъ никакъ не могъ отвѣчать одинъ, а между тѣмъ это такъ и случилось: другіе масоны отдѣлались очень легко. Даже кн. Прозоровскій писалъ Шешковскому: „я не понимаю конца сего дѣла, какъ ближайшіе сообщники, если онъ преступникъ, то и тѣ преступники!“ Противъ собственно одного Новикова въ указѣ есть лишь обвиненіе въ торговлѣ запрещенными книгами. Мы знаемъ, что въ 1786 г. у Новикова часть книгъ была опечатана, и съ него была взята подписка, что онъ этими книгами торговать не будетъ; но у него тѣ же самыя книги остались еще и не опечатанными, и онъ потомъ понемногу пустилъ ихъ въ продажу. Тутъ онъ дѣйствительно нарушилъ по существу данную имъ подписку, но, конечно, въ этомъ дѣлѣ не было опять-таки никакой государственной, капитальной вины, и книгопродавцы, которые знали, что берутъ у Новикова запрещенныя книги, и даже сами ихъ у него выпрашивали, не подверглись наказанію: значитъ, эти „запрещенныя“ книги не признавались очень опасными.

И вотъ, на основаніи такихъ данныхъ былъ осужденъ Новиковъ. Въ указѣ говорится: „Впрочемъ, хотя Новиковъ и не открылъ еще сокровенныхъ своихъ замысловъ, но вышеупомянутыя обнаруженныя и собственно имъ признанныя преступленія столь важны, что по силѣ законовъ тягчайшей и нещадной подвергаютъ его казни (т.-е. смертной). Мы однакожъ и въ семъ случаѣ слѣдуя сродному намъ человѣколюбію и оставляя ему время на принесеніе въ своихъ злодѣйствахъ покаянія, освободили его отъ оной и повелѣли запереть его на 15 лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость“.

Новиковъ пользовался широкой извѣстностью. Вѣсть о постигшемъ его несчастіи быстро распространилась повсюду. Сочувствіе къ его судьбѣ было выражено Карамзинымъ въ его одѣ къ Милости. Поэтъ, обращаясь къ Екатеринѣ, говоритъ, что „спокойствіе ея державы ничто не можетъ возмутить“ —

Доколѣ гражданинъ спокойно
Безъ страха можетъ засыпать,
И всѣмъ твоимъ подвластнымъ вольно
По мыслямъ жизнь располагать,
Вездѣ природой наслаждаться,
Вездѣ наукой украшаться...
Доколѣ правда не страшна,
И чистый въ сердцѣ не боится
Въ своихъ желаніяхъ открыться...

Читателямъ оды было ясно, что Карамзинъ указываетъ на нарушеніе въ дѣлѣ Новикова всѣхъ этихъ условій благополучнаго существованіе гражданина. Въ своей запискѣ о Новиковѣ, написанной для Александра I, Карамзинъ называетъ Новикова „невиннымъ страдальцемъ“, „жертвой несправедливаго подозрѣнія“.

Мы уже видѣли, что въ назначеніи Прозоровскаго въ Москву Потемкинъ усматривалъ опасность для славы Екатерины. Еще при жизни императрицы одинъ изъ ея приближенныхъ, гр. Безбородко, въ разговорѣ съ Лопухинымъ говорилъ про преслѣдованіе Новикова: „дѣло сіе несоотвѣтственно ея славѣ“.

Новиковъ просидѣлъ въ Шлиссельбургѣ въ очень строгомъ заключеніи съ 1792 г. до конца 1796 г. По своемъ воцареніи Павелъ I освободилъ его такъ же, какъ и Радищева.

Новиковъ былъ взятъ въ крѣпость еще въ полномъ развитіи его силъ и энергіи, а вернулся оттуда черезъ четыре съ половиною года — „дряхлъ, старъ, согбенъ“. Съ этихъ поръ онъ уже долженъ былъ отказаться отъ всякой общественной дѣятельности и прожилъ до самой смерти почти безвыѣздно въ своемъ Авдотьинѣ; но и въ эти годы Новиковъ старался, по возможности, продолжать свое дѣло, хотя бы и въ узкихъ рамкахъ: онъ много заботился о нуждахъ своихъ крестьянъ, объ ихъ просвѣщеніи и пр. Благодарная память о Новиковѣ до сихъ поръ сохранилась въ Авдотьинѣ. Замѣчательно, что совершенно несправедливый и неосновательный упрекъ, сдѣланный противъ Новикова въ воспоминаніяхъ кн. Вяземскаго и гр. Растопчина, — будто Новиковъ былъ жестокимъ помѣщикомъ, до сихъ поръ еще повторяется въ одномъ историческомъ журналѣ.

Въ послѣдній періодъ своей жизни Новиковъ только разъ пытался вернуться къ прежней дѣятельности. Когда настало „дней Александровыхъ прекрасное начало“, Новиковъ хо-

тѣлъ вновь взять въ аренду университетскую типографію съ „Московскими Вѣдомостями“; но онъ отказался отъ этой попытки, — силы измѣняли ему. Всю оставшуюся у него энергію онъ употребилъ на разрѣшеніе дѣлъ, запутанныхъ вмѣстѣ съ его погромомъ, на возможное удовлетвореніе всѣхъ кредиторовъ „Типографической Компаніи“.

Оглядывая всю дѣятельность Новикова, невольно поражаешься ея разнообразіемъ, обширностью и значеніемъ. Девизомъ всей этой дѣятельности можно поставить слова Новикова въ предисловіи къ Историческому словарю о россійскихъ писателяхъ: имъ руководило не тщеславіе, но желаніе оказать услугу своему отечеству. И дѣйствительно, велики заслуги его передъ Россіей, какъ журналиста и писателя, ученаго изслѣдователя, книгопродавца и книгоиздателя, какъ убѣжденнаго организатора широкаго общественнаго дѣла.

Въ самомъ началѣ я сказалъ, что дѣятельность Новикова до сихъ поръ сохраняетъ живое общественное значеніе. И дѣйствительно, мы можемъ и должны учиться у Новикова: мы обращаемся къ нему за ободряющимъ примѣромъ, за возвышающимъ поученіемъ. Новиковъ былъ горячимъ, самоотверженнымъ поборникомъ народнаго просвѣщенія. Онъ заботился о возможно широкомъ просвѣщеніи народа книгою, и въ этомъ великомъ дѣлѣ съ нимъ, до сихъ поръ никто у насъ не сравнялся. Въ его дѣятельности по народному просвѣщенію — и по сути, и по формѣ ея — заключается такая программа, которою и теперь можно руководиться.

Новиковъ принадлежитъ къ числу истинно великихъ дѣятелей русской исторіи.

Закончу словами Кирѣевскаго о Новиковѣ: „онъ не распространилъ, а создалъ у насъ любовь къ наукамъ и охоту къ чтенію... Дѣло имъ совершенное осталось. Оно живетъ. Оно приноситъ плоды и ждетъ благодарности потомства“.

Якушкинъ.

Домашнее воспитаніе и обученіе Новикова.

Николай Ивановичъ Новиковъ родился 27 апрѣля 1744 г. въ родномъ селѣ отца своего Тихвинскомъ, Авдотьино тожъ, въ Коломенскомъ (нынѣ Бронницкомъ) уѣздѣ Московской губерніи. Кромѣ него у Ивана Васильевича и Анны Ивановны

былъ еще младшій сынъ Алексѣй, рожденный въ 1749 году и двѣ дочери, которыхъ имена неизвѣстны. Они вышли замужъ, но мы не знаемъ фамилій ихъ мужей. Иванъ Васильевичъ умеръ въ 1756 году, на 72 году отъ рожденія.

Родители Новикова имѣли независимое состояніе. У отца его было семьсотъ душъ, изъ которыхъ двѣсти пятьдесятъ состояли Калужской губерніи въ Мещевскомъ уѣздѣ, сто тридцать въ нынѣшнемъ Бронницкомъ и была деревня въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Кромѣ того, послѣ него остался домъ въ Москвѣ, близъ Серпуховскихъ воротъ въ приходѣ Екатерины мученицы.

Несмотря на такой достатокъ, первоначальное образованіе Николая Ивановича было самое скудное. Таково общее показаніе всѣхъ его біографовъ.

Есть извѣстіе, будто даже онъ въ дѣтствѣ учился только у деревенскаго дьячка. Но очень вѣроятно, что тутъ должно разумѣть только первоначальные уроки грамоты, которые онъ бралъ, живя съ родителями въ подмосковной деревнѣ. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно то, что образованіе получилъ Новиковъ далеко не блестящее. Въ 1772 году въ одномъ письмѣ къ нему, напечатанномъ въ „Живописцѣ“, говорится: „всего удивительнѣе, что вы не зная, ни по-французски, ни по-нѣмецки, слѣдовательно по одному природному разуму и остротѣ, не заимствуя отъ чужестранныхъ писателей, пишите такіе листочки, которые многимъ вкусъ знающимъ людямъ нравятся“. Въ 1815 году самъ Новиковъ писалъ къ Карамзину „не забывайте, что съ вами говоритъ идіотъ (невѣжда), не знающій никакихъ языковъ, не читавшій никакихъ школьныхъ философовъ и они никогда не лѣзли въ мою голову; это странность, однако истинно было такъ“. Въ старости онъ говаривалъ своимъ посѣтителямъ: „первымъ учителемъ моимъ былъ Богъ“.

Эти слова Новикова были многозначительны. Въ нихъ выражается не только вѣра религіозной души въ то, что отъ Бога исходятъ всѣ дары человѣческіе, но и свидѣтельство тому, что благочестіе было внушено Новикову съ дѣтства и что на немъ создалось дальнѣйшее нравственное и умственное его образованіе. Въ тѣ времена, когда люди Новиковскаго поколѣнія были дѣтьми, воспитаніе ихъ, по большей части, начиналось съ знакомства съ истинами вѣры и

съ церковными обрядами. Наплывъ такъ называемаго „вольтеріанства“ на Россію только еще начинался. Только въ Петербургѣ и въ Москвѣ стали появляться первые поклонники изъ Вольтеровой столицы и подражатели ихъ распространяли свое ученіе еще въ небольшомъ кругу. Многочисленные безбожники выросли уже подъ ихъ вліяніемъ и явились преимущественно въ поколѣніи, которое было нѣсколькими годами моложе, нежели Новиковъ. Конечно, мода увлекла потомъ и многихъ его сверстниковъ, какъ, напримѣръ, Фонвизина, который самъ оставилъ намъ свою исповѣдь, свидѣтельствующую о горькомъ его раскаяніи въ заблужденіяхъ молодости. Можно еще указать на направленіе Радищева, который, впрочемъ, былъ уже нѣсколькими годами моложе. Но первоначальное воспитаніе Новикова, вѣроятно, было сходно съ тѣмъ, которое получилъ Фонвизинъ, свидѣтельствовавшій о набожности своихъ родителей, о посѣщеніи имъ съ малолѣтства церковныхъ службъ, о чтеніи священныхъ книгъ, о толкованіяхъ на нихъ своего отца и пр. Несомнѣнно то, что тогдашніе родители воспитывали вообще дѣтей своихъ въ страхѣ Божіемъ.

Отъ доброй воли молодого человѣка зависѣло потомъ уклониться отъ первоначальнаго пути, увлекаясь обольщеніями свѣта и разными соблазнами, какъ Фонвизинъ и Радищевъ, или же держаться его, подобно Новикову. Во всякомъ случаѣ, слова послѣдняго, по поводу которыхъ мы распространились теперь, важны какъ свидѣтельство, указывающее, что настроеніе духа въ его старости было согласно съ впечатлѣніями его дѣтства.

Лонгиновъ.

Новиковъ въ университетѣ.

Въ 1755 году, января 12 учрежденъ былъ Московскій университетъ, который и былъ открытъ, вмѣстѣ съ двумя гимназіями (для дворянъ, для разночинцевъ), въ домѣ у Воскресенскихъ воротъ, 26-го апрѣля того же года. Въ числѣ первыхъ учениковъ дворянской гимназіи находился Фонвизинъ, который говоритъ, что отецъ отдалъ его туда „не въ состояніи будучи нанимать учителей для иностранныхъ языковъ“. Можетъ быть, съ этою цѣлію былъ опредѣленъ туда

и Новиковъ, котораго имя въ 1758 году значится въ спискѣ учениковъ, достойныхъ награды и три года находилось въ росписи гимназистовъ, записанныхъ во французскомъ классѣ. Выше уже сказано, онъ что не выучился ни этому ни другому какому-либо языку. Это не удивительно, если вспомнить разсказы Фонвизина о гимназическомъ ученіи. Учитель латинскаго языка, для вразумленія учениковъ на экзаменѣ, имѣлъ на кафтанѣ пять пуговицъ, обозначавшихъ склоненія, а на камзолѣ — четыре, изображавшія спряженія, а изъ географіи медаль присуждена была Фонвизину за то, что послѣ отвѣтовъ двухъ учениковъ о впаденіи Волги въ Черное и Бѣлое море, самъ онъ на вопросъ о томъ отвѣчалъ: „не знаю“. Однако, несмотря на это, Фонвизинъ признается, что университету обязанъ онъ „вкусомъ къ словеснымъ наукамъ. Итакъ вліяніе университета на его питомцевъ было благотворное, несмотря на жалкое положеніе учебной части въ гимназическомъ курсѣ: онъ пріохочивалъ къ ученію и внушалъ уваженіе къ нему. Очень вѣроятно, что пребываніе въ немъ оставило доброе сѣмя и въ Новиковѣ. Но оно дало плодъ уже позже; въ то время онъ мало занимался ученіемъ. Конференція университета въ числѣ мѣръ, принятыхъ для наказанія и устыженія нерадивыхъ учениковъ, постановила печатать въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ имена исключаемыхъ. Въ числѣ ихъ въ 1760 году находится имя Новикова, выключеннаго „за лѣность и нехожденіе въ классы“. Замѣчательно, что вмѣстѣ съ нимъ исключенъ былъ за то же другой знаменитый впослѣдствіи человѣкъ — Потемкинъ, которому тогда былъ уже двадцать первый годъ.

Лонгиновъ.

Москва и Московскій университетъ времени Новикова.

Въ эту эпоху, о которой мы говоримъ, Москва представляла чрезвычайно оригинальное и оживленное зрѣлище. Древняя столица, на которую дворъ не могъ имѣть никакого прямого вліянія и видѣвшая его со временъ императрицы Елизаветы лишь три раза (во время коронаціи Екатерины, открытія Депутатской комиссіи и празднованія Кучукъ-Канарджійскаго мира, въ 1762, 1767 и 1775 годахъ), со-

храняла вполнѣ отпечатокъ своеобразности. Она отличалась характеромъ „доброй старины“, жившей бокъ о бокъ съ разнаго рода новизною. Управленіе Москвою было въ 1779 году патріархальное. „Учрежденіе о губерніяхъ“ еще не было примѣнено къ ней. Обширная власть намѣстника царскаго находилась въ рукахъ главнокомандующаго князя Михаила Никитича Волконскаго. Этотъ заслуженный генералъ, дипломатъ и администраторъ, принимавшій дѣятельное участіе въ воцареніи Екатерины и беззавѣтно ей преданный, былъ назначенъ ею главнокомандующимъ въ 1771 году, по отрѣшеніи отъ этой должности графа Петра Семеновича Салтыкова, покинувшаго Москву во время свирѣпствовавшей тогда чумы. Правою рукою князя Волконскаго былъ оберъ-полицеймейстеръ, Николай Петровичъ Архаровъ, возбуждавшій удивленіе самаго знаменитаго начальника парижской полиціи Сартина своею ловкостью и находчивостію въ сыскныхъ дѣлахъ. Власть въ рукахъ подобныхъ людей совершенно успокаивала императрицу на счетъ того, что дѣлалось въ Москвѣ, которую она ласкала, но не любила. Москва — городъ, по преимуществу, дворянскій. Дворянство было внутри имперіи предано Петру III за манифестъ „о вольности дворянской“ и встрѣтило въ Москвѣ восшествіе на престолъ Екатерины съ холодностію и недоумѣніемъ. Хотя Екатерина и сдѣлалась истинною покровительницею дворянскаго сословія и умѣла привязать къ себѣ другіе классы, но первое не забывало еще вполнѣ ея предшественника, а послѣднихъ смущало то, что мать царствуетъ при совершеннолѣтнемъ сынѣ. Павелъ Петровичъ вообще пользовался любовью народа, видѣвшаго въ немъ свою надежду. Извѣстно, какое волненіе произвела даже въ Петербургѣ его болѣзнь въ 1771 году и какъ восторженно встрѣчали его при въѣздѣ двора въ Москву 1775 году, что даже огорчило Екатерину, нашедшую, что пріемъ, сдѣланный тутъ же ей, былъ холоднѣе. Въ Москвѣ все это было замѣтнѣе, почему Екатерина и не могла любить господствовавшаго въ ней духа, который, не будучи ей враждебенъ, не удовлетворялъ ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ и отличался нѣкоторою независимостью.

Въ царствованіе Екатерины выступила ярко еще одна характеристическая черта Москвы, служившая къ упроченію

такой независимости, къ усиленію нѣкоторой осторожности императрицы относительно оставленной столицы. Перенесеніе резиденціи въ Петербургъ было еще дѣломъ не очень давнимъ. Знатные люди, переселяясь на берега Невы, сохраняли въ Москвѣ свои старинныя хоромы, а иногда и воздвигали новыя, на случай временныхъ пріѣздовъ или выхода изъ службы. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ жили престарѣлые ихъ родители или близкіе имъ люди. Жизнь въ Москвѣ Петра II и частыя долговременныя въ ней пребыванія Елизаветы Петровны со всѣмъ дворомъ и частями государственнаго управленія имѣли послѣдствіемъ сохраненіе съ нею связей со стороны петербургскихъ сановниковъ и высшихъ чиновниковъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ въ Москвѣ домашніе интересы и не забывалъ, что можетъ настать минута, когда ему придется уклониться подъ сѣнь стараго отеческаго крова. Многіе члены знатныхъ родовъ и богатаго дворянства, особенно изъ неодержимыхъ служебнымъ честолюбіемъ и выходившихъ въ отставку, разрѣшенную всякому съ 1762 года, при небольшихъ чинахъ, живали постоянно въ Москвѣ. Тамъ окружали ихъ приволье и разныя удобства, сопряженныя съ сосѣдствомъ подмосковныхъ деревень и съ близостью другихъ имѣній въ центральныхъ губерніяхъ. Почти всякій достаточный помѣщикъ Московской, Калужской, Тульской, Рязанской, Владимирской, Ярославской, Тверской и даже болѣе отдаленныхъ губерній имѣлъ въ Москвѣ домъ, гдѣ жилъ большую часть года, при тогдашнихъ неудобствахъ деревенской жизни, или пріѣзжалъ ежегодно въ Москву на зиму. Изъ этого слагался основной элементъ тогдашняго многочисленнаго Московскаго общества, къ которому примыкали лица, служившія въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ. Оно пополнялось всѣми отставными, покидавшими службу, преимущественно военными, которые являлись въ Москвѣ или щеголеватыми гвардейцами или солидными бригадирами, получавшими право разъѣзжать по Москвѣ цугомъ и въ шляпѣ съ плюмажемъ за нѣсколько лѣтъ легкой полу-военной, полу-придворной службы до чина капитана Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго полка, или ротмистра конной гвардіи. Во главѣ этого многочисленнаго и пестраго общества стояли знатные богачи, изъ которыхъ главные были лица, удалив-

8
П-42

шіяся отъ двора, вслѣдствіе разныхъ случайностей или чѣмъ-либо тамъ недовольныя. Въ Москвѣ они при случаѣ обсуждали и даже порицали нѣкоторыя правительственныя дѣйствія. Таковы были: князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, знаменитый придворный фаворитъ, впавшій въ немилость; братья его, графъ Алексѣй Григорьевичъ, герой Чесменскій, пировавшій на весь міръ, и графъ Ѳедоръ Григорьевичъ, любитель пировъ и искусствъ, оба очень популярные; графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, знавшій по перепискѣ со своимъ братомъ всѣ придворныя событія; князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, бывшій вице-канцлеръ, удаленный отъ должности съ почетнымъ, но незначущимъ титуломъ оберъ-камергера; другой оберъ-камергеръ графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, владѣвшій несмѣтнымъ богатствомъ; князь Юрій Владимировичъ Долгорукій, врагъ Орловыхъ и другіе. Затѣмъ слѣдовали цѣлые роды Голицыныхъ, Трубецкихъ, Одоевскихъ, Волконскихъ, Щербатовыхъ, Гагариныхъ, Салтыковыхъ, Оболенскихъ и другихъ болѣе или менѣе знатныхъ и богатыхъ фамилій, имѣвшихъ представителями людей довольно чиновныхъ и связанныхъ родствомъ или свойствомъ между собою и съ другими достаточными дворянскими семействами. Барскія хоромы, иногда пустыя, но чаще обитаемые тароватыми хозяевами, высились и раскидывались широко по Московскимъ улицамъ: Шереметева и Нарышкина на Воздвиженкѣ, Шувалова и Трубецкихъ на Покровкѣ, Голицына на Пречистенкѣ; Куракина на Басманной; Салтыкова на Дмитровкѣ, Пушкина на Разгуляѣ; Орлова на Шаболовкѣ, и т. д. Всѣ главныя улицы застроены были дворянскими домами, гдѣ если не вездѣ было очень просторно или изящно, то на дѣлѣ оправдывалась пословица: „не красна изба углами, а красна пирогами“. Жизнь привольная, беззаботная — вотъ характеристическая черта тогдашняго Московскаго общества, которое естественнымъ образомъ было довольно независимо отъ петербургскихъ вліяній, и руководилось людьми, часто не сочувствовавшими тому, что дѣлалось въ придворныхъ и правительственныхъ сферахъ, въ которыхъ они потеряли прежній свой вѣсъ. Число этихъ предводителей общественнаго мнѣнія особенно увеличилось въ царствованіе Екатерины. Она никого не ссылала и не удерживала насильно на службѣ. Тѣ, кѣмъ она оставалась

8162 гу.

недовольна, или которые сами становились недовольными, переѣзжали въ Москву, какъ естественный центръ, въ который пріятнѣе и удобнѣе всего было стремиться всякому существованію, не ужившемуся при дворѣ, но искавшему пріятностей общежитія и не чуждому желанія имѣть значеніе и вѣсъ въ сферѣ не офиціальной, но общественной. Екатерины знала, что тутъ есть сила, съ которою все-таки надо считаться и любезничала съ этими падшими временьщиками и вельможами. Она ласкала ихъ, не вспоминая о прошедшихъ неудовольствіяхъ, а съ другой стороны, незамѣтно, но зорко слѣдила на всякій случай за ними, а потому и любила въ Москвѣ ея историческія воспоминанія, и красоту, и оригинальность ея наружности, но не духъ ея общества, который не довольно сообразовался съ тѣмъ, что она желала бы видѣть.

Нравы москвичей отличались пестротой и разнообразіемъ, какихъ только можно найти въ огромномъ городѣ, гдѣ проживали люди, по большей части, праздные и достаточные и гдѣ примѣръ и вліяніе двора не могли нисколько накладывать на нихъ печати однообразія и наводить лоска общепринятой внѣшности. Въ то время и въ самомъ Петербургѣ не было еще далеко полнаго успѣха въ этомъ отношеніи. Но въ Москвѣ противоположности сталкивались чаще и рѣзче. Тутъ бокъ о бокъ шли праздники на европейскій ладъ, гдѣ напудренныя и затянутыя красавицы чинно и кокетливо присѣдали въ менуэтахъ не хуже, чѣмъ въ Версали и кипѣли пиры на русскую ногу, разгульные и широкіе, гдѣ гремѣли удалыя пѣсни, дрались кулачные бойцы, и среди отчаянныхъ попоекъ плясали доморощенныя граціи. Всѣ вкусы, всѣ наклонности встрѣчали себѣ удовлетвореніе и не могли находить сдержекъ, потому что никакія служебныя или другія обязанности не отвлекали людей отъ ихъ любимыхъ забавъ. При этихъ условіяхъ слагались въ Москвѣ характеры тѣхъ оригиналовъ и мономановъ, которыми она славилась; оттого выходили наружу уродливые въ нравственномъ отношеніи типы разнаго рода, которыхъ похожденія еще живутъ въ преданіяхъ доселѣ. Жизнь разнузданная и эманципированная, не сдерживаемая выработанными въ обществѣ и твердо установившимся въ немъ нравами, не можетъ не дать подобныхъ результатовъ. Не-

смотря на хорошіе, но еще не сложившіеся элементы, существовавшіе въ этомъ обществѣ, оно, при многочисленности своихъ членовъ, то и дѣло оглашалось вѣстями о случившихся въ немъ любовныхъ и другихъ скандалахъ, о разореніяхъ семействъ, о плутняхъ для поправленія разстроенныхъ мотовствомъ дѣлъ и т. п., и все это дѣлалось, такъ сказать, на распашку, безъ особенной заботы о томъ, чтобы скрыть подобныя продѣлки.

Мы говорили сейчасъ о хорошихъ зачаткахъ, существовавшихъ въ московскомъ обществѣ. Главнымъ изъ нихъ было стремленіе къ просвѣщенію многихъ его членовъ, плодъ европейской реформы, сдѣлавшей столь быстрые успѣхи во время правленія Екатерины. Лучшимъ проводникомъ такого благотворнаго вліянія былъ въ Москвѣ университетъ. Московскій университетъ существовалъ уже почти около четверти вѣка. Многіе питомцы его уже успѣли занять видное мѣсто въ обществѣ, литературѣ и на служебномъ поприщѣ, и сохранили чувство благодарности къ учрежденію, которому были обязаны своимъ образованіемъ. Вліяніе его отразилось, между прочимъ, въ томъ общеніи, которое въ значительной для того времени степени стало обнаруживаться между наукой и обществомъ. Ученые и просто образованные свѣтскіе люди переставали быть совершенно чуждыми другъ другу; литературные и просвѣщенные вкусы стали служить имъ точками соединенія и даже связывали ихъ иногда общими занятіями. Родители начали охотно отдавать своихъ дѣтей въ университетъ, котораго добрая слава росла, благодаря такимъ преподавателямъ, какъ Аничковъ, Барсовъ, Десницкій, Дильтей, Зыбелинъ, Ростъ, Шаденъ и др., пользовавшимися заслуженною извѣстностью.

Главнымъ куратором университета былъ съ самаго его учрежденія въ 1755 году основатель его, оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Онъ долго путешествовалъ по Европѣ, а въ это время жилъ въ Петербургѣ, навѣщая иногда Москву, но и вдалекѣ отъ нея заботился о судьбѣ своего созданія и радовался его успѣхамъ. Ближайшее управленіе университетомъ лежало на другихъ кураторахъ, товарищахъ Шувалова. Это были съ 1762 года Василій Едокимовичъ Ададуровъ, который также въ описываемое нами время уже жилъ въ Петербургѣ, такъ сказать, на покоѣ, и

съ 1771 года Иванъ Ивановичъ Меллисино, сдѣлавшій очень много для пользы университета. Но въ 1778 году онъ уѣхалъ въ долговременный отпускъ за границу, почему тогда назначенъ былъ четвертый кураторъ, извѣстный писатель Михаилъ, Матвѣевичъ Херасковъ. Онъ собственно завѣдывалъ ближе всѣхъ университетомъ, находясь одинъ налицо въ Москвѣ. Должность ректора тогда не существовала, а былъ директоръ университета, которымъ состоялъ тогда Михаилъ Васильевичъ Приклонскій.

Университетъ состоялъ тогда изъ слѣдующихъ частей.

1) Собственно университетскіе курсы по тремъ факультетамъ: а) юридическому, б) медицинскому и в) философскому.

2) Двѣ гимназіи: а) дворянская и б) разночинская; въ нихъ готовились молодые люди для поступленія въ студенты.

3) Вольное Россійское Собраніе; это было учено-литературное общество, учрежденное по мысли куратора Меллисино въ 1771 году.

4) Типографія, учрежденная въ 1756 году и въ основаніе которой были тогда положены гражданскіе шрифты Синодальной типографіи и типографскія принадлежности главной канцеляріи артиллеріи и фортификаціи. При ней состояла словолитня. Типографія помѣщалась въ зданіи, принадлежавшемъ университету, близъ Воскресенскихъ воротъ. Она управлялась какъ казенное учрежденіе чиновникомъ, по назначенію отъ университетскаго начальства. При ея основаніи ею завѣдывалъ Херасковъ, по тогдашнему званію своему асессора университетской конференціи.

5) Книжная лавка, существовавшая съ того же 1756 года и помѣщавшаяся въ домѣ принадлежавшемъ университету на Моховой. Она не отличалась никакими достоинствами, даже когда ею управлялъ извѣстный профессоръ Шаденъ.

6) Редакція „Московскихъ Вѣдомостей“, выходившихъ тоже съ 1756 года. Ею завѣдывали профессора: сперва Поповскій, потомъ Барсовъ и, наконецъ, Вельяминовъ.

7) Кромѣ того, университетъ имѣлъ библіотеку и разные кабинеты и ученыя пособія, состоявшіе въ вѣдѣніи профессоровъ и преподавателей.

Литературное движеніе обнаружилось въ университетской сферѣ послѣ его основанія, особенно со времени воцаренія

Екатерины. Въ немъ приняли участіе преподаватели, чиновники университета и студенты. Такъ возникли: журналъ профессора Рейхеля въ 1762 году и четыре повременныя изданія 1760—1763 годовъ, подъ редакціею тогдашнихъ: асессора конференціи Хераскова, надзирателя классовъ Богдановича и студента Санковскаго. Эти изданія печатались въ университетской типографіи, изъ которой выходили между прочими книгами и отдѣльныя сочиненія и переводы лицъ, принадлежавшихъ къ университету, особенно студентовъ.

Таково было состояніе университета 24 года послѣ основанія. Шуваловъ всячески заботился о томъ, чтобы сблизать съ нимъ публику, привлекая ее на акты и другія ученыя торжества и знакомить ее съ нимъ посредствомъ разныхъ газетныхъ объявленій и т. п. Въ послѣднее время университетъ много выигралъ отъ назначенія куратором Хераскова.

Херасковъ принадлежалъ къ университету съ самаго его основанія. Съ 1755 по 1763 годъ онъ былъ асессоромъ конференціи его, а съ 1763 по 1770 годъ—его директоромъ, откуда перешелъ тогда въ Петербургъ, въ должность вице-президента бергъ-коллегіи. Въ 1775 году онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Въ іюнѣ 1778 г. онъ былъ назначенъ куратором и, находясь въ Москвѣ одинъ изъ числа своихъ товарищей, принялъ ближайшее начальство надъ университетомъ.

Имя Хераскова должно быть дорого всякому, кто знаетъ цѣну тому движенію, которое оживило русское просвѣщеніе и нашу литературу во второй половинѣ прошедшаго вѣка. Онъ былъ еще молодъ, когда уже вкусъ его и познанія, столько же, какъ и высокое благородство его характера, привлекали къ нему и собирали около него юныхъ писателей и студентовъ, любящихъ литературныя занятія. Онъ поощрялъ и печаталъ ихъ труды, помогалъ имъ находить средства къ образованію, доставлялъ имъ мѣста и знакомства въ обществѣ. Въ исторіи литературы онъ занимаетъ почетное мѣсто, какъ образованный, честный дѣятель и какъ пріятный стихотворецъ, въ которомъ видны иногда проблески истинной поэзіи. Драматическія его сочиненія были по своему времени очень хороши, а поэмы и многія лирическія пьесы его не напрасно цѣнились его современниками. Онъ и достой-

ная жена его Елизавета Васильевна, съ молодыхъ лѣтъ до глубокой старости отличались тою горячею и безкорыстною любовью къ просвѣщенію и литературѣ, которая также любезна и почтенна, сколько рѣдко встрѣчается у насъ. Домъ ихъ всегда былъ открытъ для всякаго, кто имѣлъ стремленіе къ предметамъ этого рода, и всѣ молодые люди, преданные этимъ высокимъ интересамъ, составляли какъ бы семейство ихъ. Херасковъ видѣлъ и одобрялъ первыя попытки Богдановича и Фонвизина, потомъ Державина, впослѣдствіи — Карамзина и Дмитріева, наконецъ поддерживалъ первые шаги Жуковскаго, Тургеневыхъ и ихъ товарищей. Онъ — свидѣтель и участникъ всего лучшаго въ литературѣ XVIII вѣка. Связанный узами дружбы и родства съ лицами, принадлежавшими къ большому свѣту, Херасковъ сближалъ съ обществомъ покровительствуемую имъ молодежь, внося въ него новые элементы и вмѣстѣ съ тѣмъ принося пользу и этимъ юношамъ. Жизнь Хераскова — одна изъ лучшихъ страницъ въ исторіи нашего общества и его просвѣщенія.

Херасковъ былъ хорошо извѣстенъ по прежней своей службѣ и по литературнымъ трудамъ не только Шувалову, но и императрицѣ, и поэтому былъ назначенъ въ іюнѣ 1778 года куратором. Это одно изъ лучшихъ доказательствъ, какъ искусно умѣла Екатерина выбирать людей. Во всѣхъ отношеніяхъ нельзя было, конечно, найти на это мѣсто человѣка болѣе достойнаго и способнаго, чѣмъ Херасковъ.

Дѣятельность новаго куратора ясно обнаружилась вскорѣ по его назначеніи. Воспитанники обѣихъ гимназій, дворянской и разночинской, соединены были въ однихъ классахъ и жили, по большей части, на вольныхъ квартирахъ. Хераскову пришла мысль раздѣлить классы и учредить для дворянъ-гимназистовъ закрытый пансіонъ, на первый случай на двѣнадцать учениковъ, что и было исполнено въ началѣ 1779 года. Такимъ образомъ положилъ онъ основаніе новому заведенію, которое, оставаясь составною частію университета, вскорѣ приняло обширные размѣры и пріобрѣло громкую извѣстность подъ именемъ Московскаго университетскаго благороднаго пансіона, существовавшаго до 1830 года.

Хераскову обязано русское просвѣщеніе и тѣмъ, что на пользу его сталъ дѣйствовать въ обширнѣйшихъ размѣрахъ Новиковъ.

Херасковъ нашелъ университетскую типографію въ жалкомъ видѣ. Несмотря на то, что кромѣ ея и сенатской, другихъ гражданскихъ типографій въ Москвѣ не было, она едва приносила тысячи двѣ рублей дохода; матеріальная часть ея была въ упадкѣ. Кураторъ предпринялъ исправить эту часть и извлечь изъ нея болѣе выгодъ. Книжная лавка шла плохо. „Московскихъ Вѣдомостей“ расходилось не болѣе 600 экземпляровъ. Всѣ эти статьи, при умѣніи вести дѣло, могли приносить доходъ и быть полезными въ высшей степени дѣлу просвѣщенія.

Въ такихъ обстоятельствахъ сошелся Херасковъ съ Новиковымъ, прибывшимъ на время въ Петербургъ, въ концѣ 1778 года. Хераскову извѣстны были и издательская его дѣятельность и планы по этой части, напечатанные имъ въ „Живописцѣ“. Кураторъ внушилъ Новикову мысль снять университетскую типографію въ аренду, вмѣстѣ съ книжною лавкою и изданіемъ „Вѣдомостей“. Новикову, чувствовавшему непреодолимое призваніе къ дѣятельности такого рода, не могло не понравиться такое предложеніе. Онъ поѣхалъ въ Москву вслѣдъ за Херасковымъ, осмотрѣлъ типографію, взвѣсилъ всѣ вѣроятія успѣха и предложилъ ему свои условія, которыя кураторъ нашелъ очень выгодными и сдѣлалъ о томъ представленіе Шувалову. Новиковъ вернулся въ Петербургъ и явился къ Шувалову, который утвердилъ это представленіе, вѣроятно, съ вѣдома императрицы, знавшей Новикова съ хорошей стороны. Новиковъ пользовался самою лестною извѣстностью по спеціальности, которою хотѣлъ заняться. Сначала онъ пригласилъ частнымъ образомъ двухъ компаніоновъ, для денежнаго участія въ новомъ своемъ предпріятіи. Но официально университетъ, какъ видно изъ документовъ, имѣлъ дѣло съ однимъ Новиковымъ, и онъ былъ въ сущности единственнымъ распорядителемъ предпріятія, которое вскорѣ и осталось на одной его отвѣтственности, безъ малѣйшаго участія другихъ лицъ.

Тогда университетъ заключилъ съ Новиковымъ контрактъ слѣдующаго содержанія.

1) Университетская типографія поступаетъ въ арендное содержаніе Новикова на 10 лѣтъ съ 1 мая 1779 по 1 мая 1789 года.

2) Новиковъ обязуется платить ежегодно за эту аренду 4500 рублей.

3) Всѣ типографскіе служители должны получать жалованіе и заработную плату отъ Новикова.

Вмѣстѣ съ типографіей въ вѣдѣніе Новикова поступили: университетская книжная лавка и изданіе „Московскихъ Вѣдомостей“.

Таковы были обстоятельства, при которыхъ Новиковъ весною 1779 года переѣхалъ въ Москву и вступилъ на новое поприще своей плодотворной дѣятельности. *Лонгиновъ.*

Новиковъ на службѣ.

Новиковъ шестнадцати лѣтъ кончилъ курсъ ученія за невозможностію продолжать его. Отецъ его умеръ еще ранѣе двумя годами, и, вѣроятно, мать позаботилась о его службѣ. Онъ былъ записанъ, по обычаю того времени, солдатомъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ, куда и явился на службу. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ январѣ 1762 года, то-есть немедленно по воцареніи Петра III. Шесть мѣсяцевъ проходилъ онъ въ чинѣ солдата школу гвардейской службы, столь трудную въ то время, вслѣдствіе преобразованій новаго императора по фрунтовой части, служа въ Измайловскомъ полку, котораго начальникомъ былъ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій.

Разумовскій былъ въ числѣ лицъ, знавшихъ о замышляемомъ переворотѣ въ пользу Екатерины. Двѣ роты Измайловскаго полка готовы были уже за нѣсколько времени до этого событія дѣйствовать въ ея пользу, вслѣдствіе внушеній Орловыхъ. Вообще Екатерина могла болѣе прочихъ разсчитывать на измайловцевъ, потому что въ числѣ заговорщиковъ были многіе вліятельные въ полку офицеры: премьеръ-майоръ Рославлевъ, капитаны Рославлевъ, Похвиснев, Ласунскій, князь Голицынъ; капитанъ-поручики Вырубовъ и Обуховъ; прапорщики два брата Всеволожскіе. 28 іюня 1762 года, рано утромъ, Новиковъ, бывшій въ числѣ солдатъ, которые составляли караулъ при полковой канцеляріи, стоялъ на часахъ у подъемнаго моста, перекинутаго черезъ ровъ, окружавшій казармы Измайловскаго полка. Внезапно при-

была туда Екатерина въ сопровожденіи Алексѣя Григорьевича Орлова. Пріѣхавши изъ Петергофа, она по самому расположенію гвардейскихъ казармъ, прежде всего должна была явиться между измайловцами, по счастію уже преданными ей. Григорій Орловъ, подоспѣвшій на мѣсто въ то же время, предупредилъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ солдатъ о прибытіи Екатерины. Барабанъ забилъ тревогу. Солдаты выбѣгали, одѣваясь на скоро и привѣтствовали ее, явившуюся между ними, радостными криками. Тутъ-то въ первый разъ увидѣлъ ее Новиковъ, которому суждено было стать важнымъ дѣятелемъ въ ея царствованіе.

Здѣсь не мѣсто разсказывать изумительныя событія 28 іюня 1762 года, нерѣдко уже описанныя очень подробно, между прочимъ Державинымъ. Измайловцы первые приняли присягу. Въ часъ времени тоже сдѣлали семеновцы, преображенцы, конная гвардія, артиллерія. Вся столица немедленно послѣдовала этому примѣру и началось для Россіи славное царствованіе Екатерины. Новиковъ, наравнѣ съ прочими солдатами, вѣроятно, участвовалъ въ походѣ гвардіи въ Петергофъ и обратно. Въ рядахъ ея были въ это время два другіе человѣка, которымъ суждено было, какъ и ему, но на другихъ поприщахъ, болѣе блестящихъ, прославить царствованіе Екатерины: конной гвардіи вахмистръ Потемкинъ, исключенный вмѣстѣ съ нимъ школьный его товарищъ, подавшій императрицѣ свой темлякъ для ея шпаги, и преображенскаго полка рядовой Державинъ, сверстникъ его, будущій пѣвецъ Фелицы. Усердіе измайловцевъ, которые первые приняли сторону Екатерины, было причиной особеннаго ея благоволенія къ нимъ. Розданы были награды, и Новиковъ произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры.

Можно полагать, что Новиковъ старался вознаградить потерянное время и сталъ заниматься чтеніемъ и ученіемъ, пользуясь свободнымъ временемъ, въ которомъ не могло быть у него недостатка при легкой гвардейской службѣ временъ Екатерины. По крайней мѣрѣ онъ выдался изъ ряда своихъ сверстниковъ. 1767 году, когда въ Москву были отправлены молодые гвардейцы, для занятій письмоводствомъ въ знаменитой комиссіи депутатовъ для составленія проекта Новаго Уложенія, то въ числѣ ихъ былъ и Новиковъ. Онъ составлялъ дневныя записки по седьмому изъ девятнадцати отдѣ-

леній ея, именно по отдѣленію „о среднемъ родѣ людей“ и, кромѣ того, велъ журналы Общаго собранія депутатовъ, которые и читалъ при докладахъ императрицѣ, узнавшей его тогда лично.

Сдѣлавшись совершеннолѣтнимъ, Новиковъ вступилъ въ права по наслѣдству, оставшемуся отъ отца. Изъ него, сто пятьдесятъ душъ было продано его матерью и столько же поступило въ приданое двумъ ея дочерямъ. Затѣмъ Николай Ивановичъ и братъ его Алексѣй получили около 400 душъ: 250 въ Московскомъ уѣздѣ, небольшую деревню въ Дмитровскомъ и сто тридцать въ Коломенскомъ (потомъ Никитскомъ, а нынѣ Бронницкомъ) и въ томъ числѣ село Авдотьино, гдѣ родился Новиковъ, а также домъ въ Москвѣ. Дмитровское имѣніе и домъ вскорѣ потомъ были проданы.

Въ 1768 году Новиковъ, произведенный въ прапорщики Измайловскаго полка, получилъ отставку съ чиномъ поручика арміи, и служба его кончилась навсегда.

На восемнадцатомъ году былъ Новиковъ отправленъ въ Петербургъ и поступилъ въ гвардейскій Измайловскій полкъ. Это было въ началѣ 1762 года, когда въ литературѣ нашей славились имена Ломоносова и Сумарокова, а Миллеръ издавалъ „Ежемѣсячныя сочиненія“. Знакомство съ тогдашними литераторами и чтеніе способствовали Новикову развить дарованія, которыми съ избыткомъ надѣлила его природа, а предположенія и планы преобразованій, которыми занято было правительство, возбудили въ немъ энергическое желаніе содѣйствовать по мѣрѣ силъ благимъ его стремленіямъ. Уже съ 1767 года Новиковъ сталъ извѣстенъ по своей склонности къ литературѣ, и вотъ черезъ два года, увлеченный примѣромъ Козицкаго, начавшаго издавать „Всякую всячину“, онъ рѣшился приняться за изданіе сатирическаго журнала, чтобы орудіемъ насмѣшки поколебать односторонія и часто невѣжественныя мнѣнія, какія слышались въ современномъ ему обществѣ. *Лонгиновъ и Аѳанасьевъ.*

Дружеское Общество.

Собственно типографическая дѣятельность Новикова въ Москвѣ была вкратцѣ описана еще въ 1802 году Карамзи-

нымъ. Вслѣдъ за нимъ переѣхалъ въ Москву одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, который скоро сдѣлался его другомъ и сподвижникомъ. Человѣкъ этотъ былъ Шварцъ.

Иванъ Григорьевичъ Шварцъ, извѣстный германскій ученый, пріѣхалъ въ Россію въ 1776 году въ цвѣтѣ мужественныхъ лѣтъ. Рѣдкія качества соединялись въ немъ: безконечная любовь къ человѣчеству, непреклонная воля, возвышенный характеръ и глубокія познанія — все это было дано ему природой и образованіемъ. Философія его развилась изъ чистой религіозности и началъ, совершенно противорѣчившихъ матеріальному направленію его вѣка. Убѣжденія Шварца укоренились въ немъ въ тишинѣ ученаго кабинета, въ одномъ изъ тѣхъ немногихъ мирныхъ пріютовъ Германіи, гдѣ укрывались они отъ скептицизма современной науки, впрочемъ, при каждой возможности, напоминая своему вѣку о другой системѣ знаній и размышленій. Крайности порождаютъ другія крайности. Успѣхи и торжество Гельвеціевъ, Ламеттри и тому подобныхъ невольно сдѣлали мистиками ихъ противниковъ. Шварцъ былъ мистикъ, поклонникъ Якова Бема и Сенъ-Мартена, и, слѣдовательно, мартинистъ, принадлежа къ обширному братству масонскому, состоявшему въ тѣсномъ соприкосновеніи съ мартинизмомъ. Масонскія ложи наполняли тогда всю Европу и къ нимъ приписывались всѣ знаменитости того времени. Но не всѣ масоны были одинаковы; должно отдѣлить масоновъ изъ моды и масоновъ-шарлатановъ отъ людей, подобныхъ мартинистамъ искреннимъ и благороднымъ, которые могутъ подлежать критикѣ, но у которыхъ нельзя не признать высокой любви къ человѣку и его истинному просвѣщенію. Къ послѣднему разряду принадлежалъ Шварцъ. Мы не можемъ излагать здѣсь систему, которой онъ слѣдовалъ. Скажемъ только, что онъ старался объ изученіи духа человѣческаго, признавалъ въ каждомъ человѣкѣ, какъ бы онъ ни палъ низко, возможность усовершенствоваться, проповѣдывалъ преимущества истинной религіи, и считалъ изъ трехъ родовъ познаній: любопытнаго, пріятнаго и полезнаго, важнѣйшимъ послѣдній родъ, научающій человѣка любви, молитвѣ и стремленію духа къ высшимъ познаніямъ.

Шварцъ скоро по пріѣздѣ въ Россію изучилъ русскій языкъ

и литературу, и 26 августа 1779 назначенъ былъ профессоромъ нѣмецкаго языка въ университетѣ. Дѣятельность Новикова въ Петербургѣ была ему извѣстна еще за границей, и онъ оцѣнилъ достойнымъ образомъ его любовь къ просвѣщенію, энергическій характеръ, побуждавшій его къ предпріятіямъ, которыя во многихъ отношеніяхъ были сопряжены съ рискомъ, и, наконецъ, безкорыстную филантропію которой Новиковъ представилъ уже столько доказательствъ.

Съ своей стороны, Новиковъ нашелъ въ Шварцѣ вѣрнаго сподвижника, сильнаго, по ученому положенію своему, защитника передъ обществомъ, и, наконецъ, просвѣщеннаго, богатаго всякаго рода познаніями руководителя, который окончательно образовалъ его сердце и разумъ.

Имена двухъ друзей остались неразлучны въ потомствѣ, такъ же какъ при жизни ихъ общіе труды, радости и невзгоды соединяли ихъ неразрывными узами. Заблужденія и недостатки или ошибки ихъ могутъ быть разыскиваемы и доказываемы, но они прошли для насъ, и намъ осталась только память о посѣянномъ ими добрѣ. Чувство уваженія и благодарности къ такимъ людямъ живетъ всегда, и оно какъ-то особенно сладко для всякаго, кто любитъ своихъ ближнихъ и ихъ просвѣщеніе.

Итакъ, съ 1780 года Новиковъ и Шварцъ идутъ рука объ руку на трудномъ своемъ пути. Черезъ немного лѣтъ, смерть Шварца разлучила ихъ. Но сколько добра было задумано и исполнено въ это короткое время! Какая благотворная перемѣна произошла подъ ихъ вліяніемъ въ обществѣ и литературѣ, которыя безъ того продолжали бы долго жить односторонними и безплодными теоріями, воспитавшими у насъ уже не одно поколѣніе!

Въ то время, когда Новиковъ, ознакомясь ближе съ писателями и переводчиками, расширялъ кругъ своей типографической дѣятельности, продолжалъ свой „Утренній Свѣтъ“ и улучшалъ „Московскія Вѣдомости“, къ которымъ прибавилъ „Экономическій Магазинъ“ (1780), Шварцъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе вѣсу въ университетѣ, занялся преобразованіемъ гимназіи, и неутомимо трудился на пользу ученаго учрежденія, которому посвятилъ свою жизнь. По его настоянію, въ составъ университета вошла еще новая часть:

13 ноября 1779 года открыта была „педагогическая семинарія“ для приготовленія учителей; Шварцъ былъ назначенъ ея инспекторомъ и главнымъ преподавателемъ, дѣлая притомъ въ ея пользу значительныя пожертвованія. Въ 1781 году, марта 13-го, учреждено имъ при университетѣ „Собраніе университетскихъ питомцевъ“ для упражненій въ сочиненіяхъ и переводахъ. Въ то же время Шварцъ издавалъ „Московскую нѣмецкую газету“ (1781), заводилъ связи въ обществѣ и ученомъ мірѣ, и всѣми силами старался распространять вѣрныя идеи о воспитаніи, поддерживать дѣятельность Новикова, давая ему средства къ изданію полезныхъ книгъ, и обращать вниманіе родителей на строгій выборъ наставниковъ для ихъ дѣтей, заботясь притомъ, чтобъ учителя эти были, по возможности, изъ русскихъ. Онъ любилъ Россію, какъ второе отечество, и хотѣлъ доказать это особенно заботами о юномъ ея поколѣніи. Мысли его многимъ нравились, но прививались въ публикѣ медленно. Для большаго успѣха своего предпріятія, Шварцъ помышлялъ объ основаніи особаго общества. Наконецъ, нѣсколько человѣкъ убѣдились его краснорѣчивыми доводами, и въ 1781 году составилось „Дружеское ученое общество“, сперва въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, потому что члены его, по недостатку денежныхъ средствъ, ограничились сначала только заботами о переводѣ книгъ. Но вскорѣ Шварцъ сошелся съ однимъ богачомъ, Петромъ Алексѣевичемъ Татищевымъ, который рѣшился ему содѣйствовать, поручилъ ему воспитаніе своего сына и предложилъ Щварцу ѣхать съ нимъ за границу. Вслѣдъ за тѣмъ многіе другіе богатые и знатные люди изъявили готовность сдѣлать значительныя пожертвованія на пользу Общества; въ числѣ ихъ были князья Трубецкіе, Николай и Юрій Никитичи, князь Алексѣй Александровичъ Черкасскій, Василій Васильевичъ Чулковъ, князь Андрей Ивановичъ Вяземскій и другіе. Дѣйствія Общества предполагалось открыть въ обширныхъ размѣрахъ по возвращеніи Шварца изъ путешествія за границу. Кромѣ того, Шварцъ имѣлъ себѣ сильную опору въ лицѣ куратора университета, Хераскова, принадлежавшаго также къ Обществу. Всѣ эти ревнители просвѣщенія были по большей части послѣдователи мартинизма и пылали безкорыстнымъ и сильнымъ желаніемъ дѣйствовать на пользу общую.

Новиковъ также сблизился съ этими благородными ревнителями просвѣщенія. Можно утвердительно сказать, что практическая сторона общаго дѣла двигалась преимущественно имъ. Если ученый Шварцъ пріобрѣлъ вліяніе въ университетской конференціи и сильно дѣйствовалъ на молодые умы студентовъ своимъ преподаваніемъ и участіемъ въ „Собраніи питомцевъ“, то другъ его, какъ коренной русскій и притомъ человѣкъ, обладавшій въ высшей степени практическимъ умомъ и увлекательнымъ даромъ слова, былъ органомъ ихъ общихъ мыслей въ московскомъ обществѣ, болѣе чѣмъ Шварцъ, занимавшійся въ стѣнахъ конференціи, аудиторіи и ученаго кабинета. Одинъ дополнялъ другого, и когда Шварцъ, положивши съ Новиковымъ прочное основаніе дѣлу, отправился за границу съ молодымъ Татищевымъ, то онъ могъ быть увѣренъ, что въ его отсутствіе стараніями Новикова будутъ подготовлены новыя средства для упроченія успѣха Дружескаго Общества.

Путешествіе Шварца за границей продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ употребилъ ихъ на ближайшее ознакомленіе себя съ состояніемъ науки въ Германіи, не обращая почти вниманія на ходъ науки французской, противъ основаній которой онъ постоянно дѣйствовалъ. Шварцъ вступилъ въ сношенія съ германскими учеными, Бюшингомъ, Іерузалемомъ и др., и возвратился въ Москву въ началѣ 1782 года, обогащенный новыми опытами и съ сладостною увѣренностію, что задушевные планы его скоро осуществятся.

Въ самомъ дѣлѣ Новиковъ приготовилъ безъ него новыя средства для ихъ исполненія. Не только кураторъ Херасковъ, но и новый главнокомандующій въ Москвѣ, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ (25), явно покровительствовали его предпріятію, поощряя его типографскую дѣятельность и рѣшились признать офиціальное существованіе Дружескаго Общества. Членами его сдѣлались: правитель канцеляріи главнокомандующаго Семенъ Ивановичъ Гамалѣя, адъютантъ его Иванъ Петровичъ Тургеневъ, вскорѣ потомъ опредѣленный въ Москву совѣтникомъ уголовной палаты Иванъ Владимировичъ Лопухинъ и многія другія лица, подобно поименованнымъ прежде исполненныя рвеніемъ къ пользѣ общей и богатыя познаніями, которыя нетерпѣливо желали распространять въ своемъ отечествѣ.

Но куратор университета И. И. Мелиссино, возвратившійся изъ-за границы вскорѣ послѣ Шварца, остался недоволенъ нововведеніями, принявшими въ его отсутствіе столь обширные размѣры, хотя, при скромномъ началѣ Дружескаго Общества самъ онъ принималъ въ немъ дѣятельное участіе. Мелиссино опасался особенно, чтобы дѣйствія новаго общества не затмили трудовъ любимаго его созданія „Вольнаго Россійскаго Собранія“, учрежденнаго имъ въ 1774 году. Повредить новому учрежденію при самомъ его основаніи Мелиссино не могъ, потому что покровительство товарища его Хераскова, участіе значительнѣйшихъ жителей столицы и, наконецъ, благоволеніе къ Шварцу старшаго куратора, сильнаго вельможи Ивана Ивановича Шувалова, который близко узналъ и оцѣнилъ Шварца въ Петербургѣ, когда онъ отправлялся за границу, — все это представляло новому предпріятію сильную опору.

Видя невозможность помѣшать успѣху дѣла, Мелиссино употребилъ всѣ старанія, чтобъ огорчать и преслѣдовать Шварца на его служебномъ поприщѣ разными придирками и неудовольствіями. Онъ оставлялъ безъ вниманія его отчеты и представленія, дѣлалъ ему замѣчанія за то, что онъ нѣсколько времени не читалъ лекцій, хотя Шварцъ былъ въ то время боленъ, разстроивъ свое здоровье на службѣ. Напослѣдокъ, въ концѣ іюня 1782 года, Шварцъ, нѣсколько уже разъ оскорбленный, отказался отъ жалованья и объявилъ что, желая однако быть полезнымъ, онъ будетъ читать лекціи по мѣрѣ силъ своихъ; его сдѣлали почетнымъ профессоромъ.

Но клевета и недоброжелательство не дремали. Враги Шварца, профессоры А. А. Барсовъ и Шаденъ заподозрили въ глазахъ Мелиссино приватныя лекціи философской исторіи, которыя Шварцъ читалъ отдѣльно отъ своего университетскаго курса у себя на дому студентамъ „педагогической семинаріи“. Лекціи эти въ высшей степени заинтересовали случайно зашедшихъ къ нему однажды друзей; они распространили общее любопытство и множество слушателей собиралось къ Шварцу. Лекціи эти были обвинены въ масонскомъ стремленіи и вредномъ направленіи, и хотя Шварцъ оправдался передъ куратором, но отношенія ихъ еще болѣе сдѣлались враждебны.

Однако дѣятельность Общества, готоваго быть офиціально открытымъ, не замедлялась отъ частыхъ преслѣдованій Шварца куратором. Въ іюнѣ 1782 года открылось его попеченіями при университетѣ еще новое учрежденіе: „Филологическая или переводческая семинарія“, въ которой извѣстный уже намъ П. А. Татищевъ вызвался содержать на свой счетъ шесть студентовъ, а Ученое Дружеское Общество десять. Объ этомъ было публиковано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и Общество названо въ этой публикаціи еще прежде своего формальнаго открытія. Средства матеріальныя постоянно увеличивались. Особенно содѣйствовали въ этомъ отношеніи князь Николай Никитичъ Трубецкой и супруга его, рожденная княжна Черкасская, женщина необыкновеннаго ума и энергіи, а также братъ его Юрій Никитичъ. (Они были братья поэта Хераскова отъ одной матери.) Они употребили, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, на пользу Общества большую часть своего достоянія.

Новиковъ продолжалъ дѣйствовать неусыпно, привлекалъ въ Общество новыхъ членовъ, печаталъ книги и послѣ выпуска въ свѣтъ *Московскаго ежемѣсячнаго изданія* (1781), издавалъ въ 1782 году *Вечернюю Зарю*, гдѣ участвовали питомцы университета: Антоновскій, Фабіанъ, Лабзинъ, Пельскій и др.

Новиковъ отыскивалъ молодыхъ людей, способныхъ и дѣятельныхъ, снабжалъ ихъ учебными пособіями, занималъ переводами и слушаніемъ лекцій. Съ сентября по декабрь 1782 года Шварцъ читалъ, кромѣ обыкновеннаго своего эстетико-критическаго курса, который онъ началъ еще въ 1780 году, семнадцать лекцій о познаніяхъ: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ; эти лекціи, оставили благотворныя сѣмена въ сердцахъ юныхъ слушателей и приводили въ восторгъ молодое поколѣніе. Эстетико-критическій курсъ Шварца также имѣлъ сильное и плодотворное вліяніе на его многочисленную аудиторію.

Во время чтенія Шварцемъ его курса „о познаніяхъ“, назначенъ былъ день офиціальнаго открытія Дружескаго Общества. Меллисино, бывшій въ необходимости принимать участіе въ публичныхъ и печатныхъ изъявленіяхъ признательности университета Обществу за его рвеніе къ благу просвѣщенія, всѣми силами старался, какъ мы видѣли, на-

рализировать тайно его успѣхи, притѣсняя Шварца, который, будучи его подчиненнымъ, могъ удобнѣе подлежать его вліянію, чѣмъ Новиковъ, поставленный своимъ контрактомъ съ университетомъ въ положеніе обезпеченное и почти независимое отъ ученаго начальства. Иногда Меллисино перемѣнялъ систему и мирился съ Шварцемъ, имѣя на то особые виды. Они обнаружились за нѣсколько дней до формальнаго открытія „Дружескаго Общества“, когда Меллисино предложилъ Шварцу соединить новое общество съ Вольнымъ Собраніемъ, гдѣ онъ, какъ учредитель и кураторъ, былъ предсѣдателемъ, — званіе, которое онъ хотѣлъ пріобрѣсти въ соединенныхъ обществахъ. Но Шварцъ отказалъ ему наотрѣзъ на томъ основаніи, что общество чисто-литературное, какъ Вольное Собраніе не можетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ обществомъ учено-педагогическимъ и филантропическимъ, которое основывалось имъ и Новиковымъ. Недоброжелательство Меллисино обнаружилось къ членамъ „Дружескаго Общества“ вполнѣ, и они помимо его обратились съ просьбою о покровительствѣ къ просвѣщенному вельможѣ, московскому главнокомандующему графу З. Г. Чернышеву, который и разрѣшилъ офиціальное открытіе Общества, такъ же какъ мудрый и добродѣтельный пастырь архіепископъ московскій Платонъ, котораго память доселѣ чтима повсемѣстно въ Россіи. Итакъ „Ученое Дружеское Общество“ было формально признано высшимъ начальствомъ, свѣтскимъ и духовнымъ.

На открытіе его были приглашены заранѣе всѣ знаменитости Москвы. Въ печатныхъ приглашеніяхъ объяснено, что цѣль Общества — печатаніе учебныхъ книгъ, что оно уже роздало такихъ книгъ по семинаріямъ на 3000 руб. и что тридцать молодыхъ людей будутъ содержаться на его счетъ въ педагогической семинаріи; наконецъ, что графъ З. Г. Чернышевъ, архіепископъ Платонъ и кураторы университета Меллисино и Херасковъ признаютъ его состоящимъ подъ ихъ покровительствомъ.

Самое открытіе Общества происходило въ домѣ П. А. Татищева, 6 ноября 1782 года въ присутствіи самого графа З. Г. Чернышева. Нѣсколько рѣчей было произнесено при этомъ торжествѣ. Между прочимъ дѣятельные сподвижники Общества Шнейдеръ и Баузе, профессора университета и члены Общества Ѳедоръ Петровичъ Ключаревъ и Петръ Ива-

новичъ Страховъ были въ числѣ замѣчательнѣйшихъ ораторовъ, занимавшихъ собраніе своими рѣчами.

Новый 1783 годъ начался и продолжался при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ для Новикова и его друзей. Общество ихъ, уже оказавшее полезныя услуги просвѣщенію, усиливалось вступленіемъ новыхъ членовъ; средства матеріальныя росли безпрестанно. Новиковъ, улучшивши университетскую типографію, завелъ, кромѣ того, свою собственную. Членъ Общества Ив. Вл. Лопухинъ также открылъ вольную типографію, на что право предоставлено было всякому по указу 15 января 1783 года. Множество молодыхъ людей трудились подъ руководствомъ Новикова въ переводахъ книгъ дѣльныхъ и серіозныхъ, что представляло имъ работу, полезную для ихъ образованія и притомъ выгодную; въ числѣ ихъ были Петръ Ив. Страховъ, А. А. Петровъ, другъ Карамзина и др. Типографія Лопухина и Новиковская, такъ же какъ университетская, предавали тисненію всѣ эти новыя книги, отличавшіяся одинаковымъ духомъ и направленіемъ. Труды по этимъ изданіямъ даже не давали Новикову возможности продолжать изданіе журнала, не прерывавшагося въ теченіе семи лѣтъ подъ заглавіями: *Утренняго Свѣта*, *Московскаго ежемѣсячнаго изданія* и *Вечерней Зари*. Литературныя явленія того времени представляютъ нѣчто до тѣхъ поръ небывалое у насъ: въ нихъ виденъ духъ единства, предполагающій господствующую мысль и цѣль. Наклонность къ мартинизму и мистицизму, замѣтная въ тогдашнихъ московскихъ книгахъ, является какъ полезное противодѣйствіе послѣ проповѣдованія односторонняго направленія, до того времени преобладавшаго въ наукѣ и литературѣ. Лучшіе и просвѣщеннѣйшіе москвичи сочувствовали новой эпохѣ и въ главѣ ихъ самъ начальникъ столицы, котораго правитель канцеляріи Сем. Ив. Гамалѣя и адъютантъ Ив. Петр. Тургеневъ принадлежали къ усерднѣйшимъ дѣятелямъ „Дружескаго Общества“ и ревностнымъ адептамъ его идей. Не однимъ словомъ или книгами, но и дѣломъ умѣли дѣйствовать члены; множество неимущихъ стали получать отъ Общества помощь и призрѣніе. Чувство братской любви христіанской внушало тогда множество дѣлъ истинно человѣколюбивыхъ и подвиговъ рѣдкаго самопожертвованія. Извѣстенъ, напримѣръ, слѣдующій случай, времени котораго,

впрочемъ, мы не можемъ опредѣлить съ совершенною точностію. Въ одномъ изъ засѣданій Общества, Новиковъ говорилъ рѣчь по случаю бывшаго тогда въ Москвѣ голода и неслыханной дороговизны съѣстныхъ припасовъ. Бѣдствія неимущаго класса были описаны имъ столь краснорѣчиво, сладкое чувство благотворительности изображено столь живо, что все собраніе было тронуто. Тогда въ толпѣ слушателей всталъ человѣкъ, еще не старый, подошелъ къ оратору и прошепталъ ему что-то на ухо. Человѣкъ этотъ былъ богачъ, Григорій Максимовичъ Походяшинъ. Рѣчь Новикова такъ сильно на него подѣйствовала, что онъ тутъ же отдалъ на помощь бѣднымъ все свое состояніе, если не ошибаемся, болѣе милліона рублей и поручилъ Новикову распоряжаться этою суммой. На эти деньги была открыта Новиковымъ безденежная раздача хлѣба неимущимъ въ Москвѣ и подмосковной его, Авдотьинѣ, что весьма изумило всѣхъ, потому что москвичи, хотя и привыкшіе къ благотворительнымъ дѣйствіямъ Новикова и его Общества, не могли понять, откуда взялись средства къ такому предпріятію, когда четверть ржи стоила, какъ говорятъ, до двадцати рублей. Съ этой минуты добровольно разорившійся, Походяшинъ исполнился какого-то благоговѣнія къ Новикову. Въ обществѣ думали, что онъ разорился на лѣченіе жены своей, и только впослѣдствіи узнали настоящую причину его бѣдности. Походяшинъ пережилъ Новикова нѣсколькими годами, но память умершаго друга оставалась для него постоянно священною. Одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ литераторовъ видѣлъ его въ Петербургѣ не задолго до его смерти. Надъ смертнымъ одромъ Походяшина висѣлъ портретъ Новикова, и смотрѣть на него было единственнымъ утѣшеніемъ человѣка, жившаго когда-то въ роскоши и умиравшаго на чердакѣ, въ положеніи близкомъ къ нищетѣ.

Но возвратимся къ нашему разсказу. 1783 годъ былъ апогеемъ процвѣтанія „Дружескаго Общества“, мы видѣли, какой степени оно достигло. Но одинъ изъ основателей Общества, Шварцъ, былъ въ это время какъ бы жертвою за успѣхъ своей мысли и торжество своихъ друзей. Въ качествѣ почетнаго профессора, онъ продолжалъ читать эстетико-критическія лекціи студентамъ и семинаристамъ, дѣлалъ пожертвованія въ пользу университета и „Дружескаго Об-

щества", въ которомъ имѣлъ сильное вліяніе. По недоброжелательство Мелиссино преслѣдовало его безпрестанно. Кураторъ, окончательно обиженный отказомъ соединить новое общество съ Вольнымъ Собраніемъ, требовалъ отъ Шварца дополнительныхъ лекцій, которыхъ профессоръ, по слабому здоровью, читать не могъ, и грозилъ ему даже отставкою. Наконецъ Шварцъ рѣшился черезъ другого куратора, друга своего Хераскова, который не могъ отстоять его отъ притѣсненій Мелиссино и профессоровъ Барсова и Шадена, подать старшему куратору Ив. Ив. Шувалову, жившему постоянно въ Петербургѣ, особую записку съ изложеніемъ причиняемыхъ ему неудовольствій. Это окончательно поссорило его съ Мелиссино. Шварцъ вышелъ въ отставку.

Новый 1784 годъ открылся при печальномъ для Общества предзнаменованіи. Шварцъ удалился въ подмосковную, страдая физически отъ понесенныхъ имъ чрезмѣрныхъ трудовъ и душевно отъ испытанныхъ огорченій. Они свели его въ преждевременную могилу. Умирающій, онъ не столько заботился о женѣ и дѣтяхъ, которыхъ не оставили бы друзья его, но о томъ, чтобы достояніе его пошло на пользу неимущимъ и просвѣщенію. Шварцъ скончался 17 февраля 1784.

Смерть его поразила невыразимою скорбію Дружеское Общество и университетъ. Питомцы университета почтили память его особымъ засѣданіемъ того „Собранія", которое онъ учредилъ въ 1781 году. Тутъ говорены были стихи и рѣчи въ честь учредителя Лабзинымъ, Подшиваловымъ, Тимковскимъ и другими студентами. Кромѣ того, были напечатаны на смерть его двѣ оды: нѣмецкая и русская, которая составляетъ теперь величайшую библіографическую рѣдкость. По этой причинѣ, а также потому, что она прекрасно выражаетъ личность Шварца и чувствованія, возбужденныя его кончиной, мы рѣшаемся перепечатать ее здѣсь. Вотъ эта ода, авторъ которой намъ неизвѣстенъ.

Мы наставника лишились,
Друга потеряли въ немъ;
Въ жизни сей съ нимъ разлучились,
Въ вѣчности его найдемъ.
Несъ онъ въ жизни тяжко бремя,
За себя, за насъ страдалъ;
Насъ оставилъ онъ на время,
Узъ лишась, свободенъ сталъ.

Братъ нашъ въ вѣчность преселился;
Шварца съ нами больше нѣтъ;
Онъ къ началу возвратился,
Возсіялъ въ немъ вѣчный свѣтъ.
Онъ блаженствомъ усладился;
Льзя ль о немъ друзьямъ тужить?
Онъ съ Творцомъ соединился;
Грѣхъ о немъ намъ слезы лить.

Не рыдать, страдать и рваться
Мы должны, друзья, о немъ;
Но начнемъ о томъ стараться,
Чтобъ итти его путемъ;
Онъ желалъ, чтобъ сохраняли
Дружбу къ ближнимъ мы въ сердцахъ,
Бога чтили, прославляли,
Чтобъ сыновній былъ въ насъ страхъ.

Все основано ученье,
Было на любви, его;
Къ Богу онъ имѣлъ влеченье,
Управлялся отъ Него,
Къ намъ любовію пылая,
Шварцъ намъ вѣчныхъ благъ желалъ;
Путь блаженства открывая,
Намъ въ сердца онъ свѣтъ вливалъ.

Да сіяетъ непрестанно
Въ насъ животворящій свѣтъ!
Другъ нашъ, другъ нашъ постоянно
Да въ сердцахъ у насъ живетъ!
Съ нимъ всегда мы вмѣстѣ будемъ,
Онъ хотя оставилъ насъ:
Что тебя не позабудемъ,
Шварцъ! внемли всѣхъ братскій гласъ.

Онъ еще на насъ взираетъ,
Слышитъ наши голоса;
Вѣрный братъ не умираетъ,
Всходитъ къ Богу въ небеса.
Пастырь нашъ еще ты съ нами,
Съ нами другъ нашъ и поднесь:
Хоть не зримъ его очами,
Но въ сердцахъ нашъ пастырь весь.

Такого рода впечатлѣніе произвела смерть иностранца, не прожившаго въ Россіи и десяти лѣтъ, не чиновнаго, не богатаго, не имѣвшаго, при пріѣздѣ изъ Германіи, ни свя-

зей ни знакомствъ. Нельзя не согласиться, что пріобрѣсть общее уваженіе, безграничную благодарность учениковъ и дружбу замѣчательнѣйшихъ людей въ новомъ отечествѣ, могъ только человѣкъ истинно необыкновенный и оказавшій ему дѣйствительно важныя услуги. Миръ сердцу твоему благородный и добродѣтельный труженикъ, указавшій путь истины многимъ молодымъ умамъ, принесшимъ, въ свою очередь, столько пользы отечеству! *Лонгиновъ.*

Типографическая компанія.

Смерть Шварца осталась незамѣнимою потерей для его друзей. Но ревность ихъ къ общему дѣлу не охладилась. Напротивъ того, Дружеское Общество, пріобрѣтая опытность, все болѣе и болѣе распространяло кругъ своей дѣятельности, особенно изданіемъ книгъ и распространеніемъ ихъ въ Россіи. Въ 1784 г. изъ этого общества родилась типографическая компанія.

До сихъ поръ эти два учрежденія постоянно смѣшивались въ понятіяхъ нашихъ современниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что цѣль обоихъ была почти совершенно одинакова, но нельзя не замѣтить, что между ними находится довольно рѣзкая черта. Мы видѣли, что основаніе „Дружескаго Общества“ относится къ половинѣ 1781 года, когда Шварцъ уѣзжалъ за границу, и что оно было офиціально открыто уже впослѣдствіи 6 ноября 1782 г., когда его признало высшее начальство. Типографическая же компанія, по дошедшимъ до насъ документамъ позднѣйшаго времени, открыта въ 1784 году, и съ этой эпохи она ясно выдѣляется изъ понятія „Дружескаго Общества“, о которомъ, какъ кажется, съ тѣхъ поръ вовсе не говорится. Не имѣя подлиннаго акта учрежденія Компаніи, мы не можемъ съ точностію опредѣлить: составилась ли она только какъ коммерческое предпріятіе нѣсколькихъ членовъ Общества, продолжавшаго однако свое существованіе, или Общество, черезъ новое преобразованіе, обратилось въ Компанію. Наше мнѣніе скорѣе клонится къ послѣднему предположенію, тѣмъ болѣе, что мы съ точностію знаемъ какъ уничтожилась Компанія, а слѣды Общества какъ бы исчезаютъ со времени ея учрежденія,

но о закрытіи его ничего не извѣстно. Можно полагать, что Новиковъ, при содѣйствіи главныхъ членовъ Общества, обезпечивши средства для успѣха своихъ предпріятій, нашелъ болѣе удобнымъ сосредоточить дѣятельность между этими немногими членами, которые и заключили между собою контрактъ; объ этомъ контрактѣ будетъ упомянуто ниже. Вліяніе на умы уже было произведено, средства разсчитаны, и потому оставалось только продолжать то, что было начато многочисленнымъ обществомъ, а для этого можетъ быть найдено было болѣе удобнымъ предоставить дѣло немногимъ избраннымъ, которые обладали опытностію или богатствомъ, но, составивши „Типографическую Компанію“, сохранили связи съ прежними членами Общества, не имѣвшаго ни устава ни контракта, и потому мало-по-малу прекращавшаго дѣйствія свои само собою, когда главные члены устремили силы свои на Типографическую Компанію. Члены Компаніи, разумѣется, дѣйствовали въ томъ же первоначальномъ духѣ; но повторяемъ, что, на основаніи приведенныхъ выше фактовъ, кажется нельзя сомнѣваться, что смѣшеніе Общества съ родившеюся изъ него Компаніей было мнѣніемъ ошибочнымъ, которое распространили даже современники Новикова, напримѣръ Ив. Ив. Дмитріевъ, знавшій, вѣроятно, это дѣло не изъ документовъ, а по разсказамъ, которые сами могли изгладиться изъ его памяти, когда онъ писалъ свои записки.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Компаніи было завести въ Москвѣ еще типографію, которая вмѣстѣ съ Новиковскою собственною, университетскою, состоявшею въ распоряженіи Новикова же, и Лопухинскою, была распространительницею дѣльныхъ и серіозныхъ книгъ, въ числѣ которыхъ находилось много мистическихъ и мартинистскихъ. Ближайшее наблюденіе за новою типографіей было поручено также Новикову.

Но 1784 году суждено было сдѣлаться новою эпохой, съ которой начинаются невзгоды Новикова и его друзей. Нельзя было ожидать, чтобы смѣлыя и дружныя ихъ дѣйствія не встрѣтили недоброжелателей, завистниковъ, клеветниковъ. Вѣроятно, они нашлись сперва въ людяхъ не важныхъ, которые по злобѣ и зависти старались придавать этимъ дѣйствіямъ характеръ опасный, сначала придумывали мелкія придирки и мало-по-малу успѣли возбудить подозрѣніе въ лицахъ значительныхъ. Этому не мало способствовало и

господствовавшее въ большинствѣ образованіе, воспитанное на энциклопедистахъ и враждебно взиравшее на новое направленіе, которое распространялъ Новиковъ. Кромѣ того, мартинизмъ, какъ извѣстно, считавшій его въ числѣ ревностныхъ своихъ адептовъ, имѣлъ соприкосновеніе съ масонствомъ, которое не нравилось самой императрицѣ, хотя оно было распространено сильно и открыто. Такимъ образомъ все соединилось, чтобы помѣшать быстрымъ успѣхамъ Новикова и его друзей.

Первая испытанная имп непріятность вышла изъ комиссіи народныхъ училищъ. Въ августѣ 1784 года графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ получилъ отъ нея слѣдующее отношеніе.

„Милостивый государь нашъ, графъ Захаръ Григорьевичъ!

Въ каталогѣ книжной лавки Императорскаго Московскаго университета, по которому продажа ея книгамъ производится и здѣсь у московскаго купца Ѳедора Артамонова, нашла комиссія о народныхъ училищахъ, къ немалому удивленію своему, двѣ книги изъ изданныхъ ею по высочайшему повелѣнію для употребленія народныхъ училищъ, а именно: Сокращенный катихизисъ на страницѣ прилагаемаго здѣсь каталога 22-й, и Руководство къ чистописанію къ страницѣ 43-й, не взирая на то, что отъ комиссіи публичныя онымъ продажи никогда не было. По освѣдомленіи, откуда оныя у купца Артамонова взялися, получила комиссія въ отвѣтъ, что доставлены къ нему въ лавку отъ содержателя типографіи Императорскаго Московскаго университета Николая Новикова, которымъ оныя печатаны въ Москвѣ, какъ-то при послѣдней книгѣ въ каталогѣ и именно означено. Комиссія о народныхъ училищахъ, обязавшися контрактомъ, заключеннымъ по именному высочайшему ея императорскаго величества указу на шесть лѣтъ, съ содержателемъ типографіи Бернардомъ Брейткопфомъ, чтобъ въ теченіи сего времени учебныхъ издаваемыхъ ею книгъ нигдѣ, кромѣ его типографіи, не печатать, не можетъ оставить такового недозволеннаго перепечатыванія безъ изслѣдованія, потому что онымъ не токмо нарушается данное ему Брейткопфу по высочайшему повелѣнію право, но и наносится вредъ экономическимъ доходамъ комиссіи, къ ущербу казны ея императорскаго величества. А какъ таковое перепечатываніе книгъ безъ

вѣдома хозяевъ или первыхъ издателей оныхъ и указами правительствующаго сената въ даванныхъ отъ него на заведеніе типографій привилегіяхъ вездѣ накрѣпко запрещено, дабы черезъ то не токмо мѣстамъ казеннымъ, но и частнымъ людямъ однимъ отъ другихъ подрыву не было: то комиссіи о народныхъ училищахъ черезъ сіе ваше сіятельство и просить соблаговолить приказать съ надлежащею строгостію изслѣдовать, кѣмъ и сколько оныхъ книгъ въ Москвѣ печатано и съ чьего дозволенія. Поелико же дать онаго теперь ниже сама комиссія права не имѣетъ; то имѣющіяся на лицо и еще не проданныя велѣть, описавъ на комиссію, продать, поелику ей одной продажа оныхъ принадлежитъ; а за проданныя взыскать съ того деньги, отъ кого оныя печатаны, по той цѣнѣ, по которой проданы, и доставить всѣ оныя деньги въ комиссію, дабы оныя и впредь отъ подобныхъ сему случаевъ не имѣла подрыву и урону, тѣмъ болѣе, что издерживая здѣсь на печатаніе сихъ книгъ нарочитую сумму, раздаетъ оныхъ большую половину по училищамъ народнымъ безденежно.

„Мы, ожидая на сіе отъ вашего сіятельства въ комиссію увѣдомленія, имѣемъ честь пребыть съ совершеннымъ нашимъ почтеніемъ. Петръ Заводовскій, Францъ Эпинусъ, Петръ Пастуховъ“.

Бумага эта уже не застала въ живыхъ просвѣщеннаго покровителя Новикова; графъ скончался 29 августа 1784 г. На мѣсто его вскорѣ былъ опредѣленъ главнокомандующимъ графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ, человѣкъ крутой и надменный.

Разумѣется, что эта перемѣна не остановила исполненія по отношенію комиссіи; Новиковъ далъ 11-го октября слѣдующее объясненіе:

1) „Какъ сіи двѣ книжки, такъ и еще другія двѣ: Руководство къ ариѳметикѣ и Правила для учащихся, напечатаны по приказанію покойнаго г. генералъ-фельдмаршала и кавалера, главнокомандующаго въ Москвѣ, его сіятельства графа Захара Григорьевича Чернышева, такъ равномѣрно и еще приказано было напечатать 1-е Букварь и 2-е Руководство учителямъ, которые по сіе время еще не напечатаны.

2) „Всѣ сіи книжки приказано было отъ его же сіятельства употреблять въ продажу для пользы народныхъ училищъ и всей публики по апробованнымъ его сіятельствомъ цѣнамъ.

3) „Что о семъ приказаніи его сіятельства имѣетъ онъ письма отъ правителя канцеляріи его сіятельства, такъ и оба гг. генеральсъ-адъютанты извѣстны, которые неоднократно къ нему касательно допечатанія сихъ книгъ присланы были.

4) „Что печатано было сихъ книжекъ каждой по тысячѣ по двѣсти экземпляровъ; въ наличности, за выпущеніемъ оныхъ въ публику, теперь осталось: 1) Руководства къ чистописанію семьсотъ девяносто экземпляровъ, 2) Сокращеннаго катихизиса восемьсотъ десять экземпляровъ, 3) Правилъ учащихся тысяча сто девяносто экземпляровъ.

„Въ пополненіе онъ, Новиковъ, объявляетъ, что письма писаны были къ нему отъ правителя канцеляріи его сіятельства, надворнаго совѣтника Семена Ивановича Гамалѣя, которыя при семъ и предъявилъ также, что по скорости времени показано было въ первомъ отвѣтѣ его ошибкою Сокращеннаго катихизиса въ наличности восемьсотъ десять книжекъ; но по собраніи ихъ дѣйствительно оказалось только семьсотъ десять книжекъ".

Показаніе Новикова было подтверждено и слѣдующею подпискою бывшаго адъютанта графа Чернышева, Ивана Петровича Тургенева (40):

„1784 года, октября 13-го дня, штаба его сіятельства покойнаго г. генералъ-фельдмаршала, главнокомандующаго въ Москвѣ и по всей Московской губерніи, сенатора и разныхъ орденовъ кавалера, графа Захара Григорьевича Чернышева, бывшій генеральсъ-адъютантъ, полковникъ Иванъ Тургеневъ, далъ сіе извѣстіе присланному изъ Московской управы благочинія за экзекутора г. поручику Ушакову въ томъ, что я, Тургеневъ, отъ его сіятельства, покойнаго г. генералъ-фельдмаршала, содержателю типографіи Николаю Ивановичу Новикову дѣйствительно посыланъ былъ, и неоднократно съ повелѣніемъ какъ возможно скорѣе напечатать книги и по напечатаніи какъ возможно дешевле продавать, дабы скорѣйшимъ напечатаніемъ и пущеніемъ въ продажу тѣмъ скорѣе можно было исполнить высочайшую волю, состоящую въ томъ, чтобъ юношество по симъ книгамъ училось, что было и исполнено: книги напечатаны и пущены въ продажу дешевле одною копейкою экземпляръ, нежели обыкновенно, за что мнѣ же отъ его сіятельства поручено было засвидѣтельство-

вать г. Новикову благодарность; книги же сіи, коп было повелѣно напечатать и пустить въ продажу, суть слѣдующія: 1) Руководство къ чистописанію, 2) Сокращеннаго катихизиса, такъ и еще Руководство къ ариометикѣ и Правила для учащихся, что засвидѣтельствуя, собственноручно подписуюсь".

Точно такую же подписку далъ и другой адъютантъ Чернышева, полковникъ Николай Ртищевъ.

Но между полученіемъ отношенія комиссіи народныхъ училищъ и производствомъ по немъ исполненія, произошло обстоятельство, доказывающее, что неосторожность Новикова имѣла послѣдствіемъ большое несчастіе; онъ въ первый разъ навлекъ на себя неудовольствіе императрицы, прежде покровительствовавшей его ученыя предпріятія. Московскій оберъ-полицеймейстеръ генералъ-поручикъ Архаровъ, управлявшій, временно, столицей послѣ смерти графа Чернышева, получилъ отъ нея слѣдующій рескриптъ отъ 23 сентября 1784 г.

„Господинъ генералъ-поручикъ Архаровъ! Увѣдомившися, что будто бы въ Москвѣ печатаютъ ругательную исторію ордена езуитскаго, повелѣваемъ запретить таковое напечатаніе; а ежели бы оная издана была, то экземпляры отобрать; ибо давъ покровительство наше сему ордену, не можемъ дозволить, чтобъ отъ кого-либо малѣйшее предосужденіе оному учинено было. Пребываемъ впротчемъ къ вамъ благосклонны".

Исполненіе по этому рескрипту изложено въ слѣдующемъ донесеніи Архарова отъ 1 октября 1784 г.:

„Высочайшее вашего императорскаго величества повелѣніе отъ 23-го числа истекшаго сентября о запрещеніи печатаемой въ Москвѣ ругательной исторіи ордена езуитскаго, а ежелибъ оная издана была о отобраніи экземпляровъ, имѣлъ я счастіе получить того сентября двадцать-осьмого дня, и въ исполненіе онаго, таковыя отобраны мною отъ содержателя московской университетской типографіи Новикова изданныя при вѣдомостяхъ листы; одинъ изъ оныхъ пріемля смѣлость поднесть у сего на высочайшее вашего императорскаго величества благоусмотрѣніе. А какъ не малое число таковыхъ издано при отсылкѣ въ различныя мѣста вѣдомостей, то по истребованіи отъ онаго содержателя о получившихъ сіи листы списокъ прикажу какъ наискорѣе у всѣхъ оныя отобрать, дабы могъ я о совершенномъ исполненіи высочайшей вашего императорскаго величества воли всеподд-

даннѣйше донесть; есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ" и проч.

Изъ приведенныхъ документовъ видно, что, къ концу 1784 года, послѣ учрежденія „Типографической Компаніи" начинаютъ встрѣчаться предвѣщанія, грозившія Новикову печальною развязкой. По составленному нами плану, переходимъ теперь къ событіямъ 1785 года, прося читателей не забывать, что мы не имѣемъ возможности составить полную картину хода этого дѣла, а ограничиваемся только замѣчательными фактами, требовавшими разъясненія или послѣдовательнаго изложенія. Дальнѣйшій ходъ типографическихъ работъ Компаніи шелъ до 1791 года своимъ порядкомъ; она продолжала печатать книги въ прежнемъ духѣ, сообразуясь съ разными цензурными установленіями и издавала, между прочимъ, нѣкоторыя нравственныя сочиненія для бѣдныхъ, продавая ихъ по чрезвычайно низкой цѣнѣ. Хотя намъ неизвѣстно, въ какой именно степени она имѣла вліяніе на учрежденіе вольныхъ типографій въ губерніяхъ, тѣмъ не менѣе вліяніе это не подлежитъ сомнѣнію. Въ типографіяхъ московскихъ и губернскихъ, бывшихъ въ ея распоряженіи, печатались не однѣ мистическія книги, но и всякія другія; однако, къ чести Новикова и его друзей, должно сказать, что почти ни одна изданная ими книга не можетъ назваться пустою, особенно по своему времени, для котораго она въ какомъ-нибудь отношеніи была пригодна.

Въ 1785 году „Типографическая Компанія", лишившаяся уже, со смертію графа Чернышева, важной опоры, потеряла и другихъ защитниковъ. Хотя И. П. Тургеневъ, И. В. Лопухинъ и С. И. Гамалѣя остались вѣрными сподвижниками ея дѣйствій; но эти лица оставили вскорѣ мѣста, которыя занимали при прежнемъ главнокомандующемъ, а потому и не могли уже имѣть въ сферѣ административной того вѣса, который могъ быть такъ полезенъ предпріятіямъ Новикова и его друзей. И. П. Тургеневъ уѣхалъ въ Симбирскъ. Тамъ встрѣтилъ онъ молодого человѣка, преданнаго свѣтскимъ развлеченіямъ но таившаго въ душѣ зародыши будущихъ успѣховъ на поприщѣ, болѣе достойномъ его качествъ и дарованій. Тургеневъ съ удивительною проницательностію угадалъ въ немъ полезнаго дѣятеля, привезъ его въ Москву и познакомилъ съ Новиковымъ и прочими друзьями сво-

ими. Этотъ молодой человѣкъ былъ девятнадцатилѣтній Карамзинъ.

Извѣстно, что Карамзинъ занимался литературой еще въ 1783 году, когда служилъ въ Петербургѣ, въ гвардіи, и напечаталъ тогда переведенную имъ идиллію Геснера „Деревянная нога". По смерти отца своего, онъ отправился въ Симбирскъ, гдѣ и встрѣтилъ Тургенева. До сихъ поръ ошибочно полагали многіе, что пріѣздъ его въ Москву произошелъ ранѣе 1785 года. Говорили даже, что Карамзинъ слушалъ лекціи Шварца, но это едва ли возможно; до отъѣзда своего въ Петербургъ изъ Москвы, гдѣ онъ учился въ пансіонѣ Шадена, Карамзинъ былъ еще слишкомъ молодъ; затѣмъ Шварцъ умеръ въ началѣ 1784 года, а Карамзинъ пріѣхалъ въ Москву изъ Симбирска не ранѣе половины слѣдующаго года, что доказывается службой его въ Петербургѣ и изданіемъ тамъ „Деревянной ноги" въ 1783 году, а также тѣмъ, что въ октябрѣ 1784 г. Тургеневъ давалъ объясненія въ Москвѣ по запросу комиссіи народныхъ училищъ и выѣхалъ въ Симбирскъ уже послѣ, вѣроятно, оставшись свободнымъ отъ дѣлъ послѣ смерти своего начальника графа Чернышева, умершаго, какъ сказано выше, въ августѣ того же 1784 года.

Карамзинъ особенно сблизился съ Александромъ Андреевичемъ Петровымъ, который принадлежалъ къ обществу Новикова еще въ 1783 году; свидѣтельство тому находимъ въ томъ, что тогда напечатана въ типографіи Лопухина переведенная Петровымъ съ нѣмецкаго книга: „Хризомандеръ, аллегорическая и сатирическая повѣсть различнаго весьма важнаго содержанія. Книга эта содержанія мистическаго и вмѣстѣ въ тѣмъ касается алхиміи. Петровъ былъ ученикъ Шварца и познакомилъ своего друга съ его ученіемъ; оба были поклонниками его. И. И. Дмитріевъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что они жили вмѣстѣ въ домѣ „Типографической Компаніи" у Меньшиковой башни, и что бюстъ Шварца былъ лучшимъ украшеніемъ жилища друзей.

Вскорѣ Карамзинъ сошелся очень близко съ Алексѣемъ Михайловичемъ Кутузовымъ, о которомъ не разъ упоминаетъ въ своихъ „Письмахъ русскаго путешественника". Кутузовъ былъ старѣе его по крайней мѣрѣ годами десятью, и былъ ревностный мартинистъ, привлекшій къ ученію своему извѣстнаго Радищева, жившаго въ Петербургѣ.

Изъ семейныхъ домовъ, Карамзинъ особенно былъ хорошо принятъ у князя Юрія Никитича Трубецкого, женатаго на графинѣ Вальдштейнъ, рожденной графинѣ Румянцевой. Впрочемъ, во всемъ обширномъ кругѣ знакомства Трубецкихъ, Карамзинъ сдѣлался вскорѣ короткимъ знакомымъ.

Въ 1786 году Карамзинъ перевелъ Шекспирова *Юлія Цесаря*. Онъ напечатанъ въ 1787 году, но предисловіе къ нему помѣчено 15 октября 1786 года. Въ 1786 году онъ издалъ свой переводъ поэмы Галлера *о происхожденіи зла*, а въ 1788 переводъ драмы Лессинга *Эмилія Галотти*. Кромѣ того, онъ участвовалъ съ Петровымъ въ изданіи „Дѣтскаго Чтенія“, которое Новиковъ присоединилъ къ „Московскимъ Вѣдомостямъ въ 1785 году, и издавалъ въ теченіе пяти лѣтъ. Такъ началось литературное поприще славнаго нашего писателя подъ руководствомъ Новикова.

Между тѣмъ, какъ Новиковское общество неуклонно шло своимъ путемъ, оно подверглось нареканіямъ въ злонамѣренности со стороны людей, завидовавшихъ его успѣхамъ, несогласныхъ съ его направленіемъ и не любившихъ пламенно просвѣщенія. Главный начальникъ столицы, графъ Брюсъ, осуждавшій дѣйствія своего предмѣстника, не считалъ нужнымъ продолжать покровительствовать Новикову и его друзьямъ. Въ Петербургѣ многіе вельможи, внявши неблагопріятнымъ отзывамъ ихъ противниковъ, старались заподозрить Типографическую Компанію въ глазахъ самой государыни. Императрица съ самыхъ юныхъ лѣтъ не любила масонства; шарлатанство Каліостро, бывшаго въ Россіи въ 1779 году, и смѣшныя и жалкія продѣлки обманутыхъ имъ лицъ возстановили ее противъ мартинизма; все это и разныя другія причины имѣли слѣдствіемъ то, что 23 декабря 1785 года, императрица, занимавшаяся тогда сочиненіемъ комедій *Обманщикъ* и *Обольщенный*, направленныхъ за злоупотребленія шарлатановъ, послала графу Брюсу слѣдующій указъ:

„Въ разсужденіи, что въ типографіи Новикова выходятъ многія странныя книги, прикажите губернскому прокурору, сочиняя роспись онымъ, отослать оную съ книгами вмѣстѣ къ преосвященному архіепископу московскому, а Его Преосвященство имѣетъ особое отъ насъ повелѣніе, какъ самого Новикова приказать испытать въ законѣ нашемъ, такъ и

книги его типографіи освидѣтельствовать, и что окажется, намъ донести, и синодъ нашъ увѣдомить. Сверхъ того нужно есть, чтобы вы согласились съ преосвященнымъ архіепископомъ объ опредѣленіи одного или двухъ изъ духовныхъ особъ, вмѣстѣ съ свѣтскими, для освидѣтельствованія книгъ изъ Новиковской и другихъ вольныхъ типографій, гдѣ что-либо касается до вѣры, или дѣлъ духовныхъ, и для наблюденія, чтобы таковыя печатаны не были, въ коихъ какія-либо колобродства, нелѣпыя умствованія и расколъ скрываются".

Другой указъ графу Брюсу, отъ 23 января 1786 года, предписываетъ осмотрѣть московскія больницы и школы, основанныя составляющими „скопище извѣстнаго новаго раскола". Тексты послѣднихъ двухъ указовъ помѣщены отчасти въ донесеніи графа Брюса, приведенномъ ниже.

Въ тотъ же самый день, когда отправленъ былъ первый указъ Брюсу, т.-е. 23 декабря 1785 года, императрица подписала тотъ самый рескриптъ архіепископу московскому Платону, въ которомъ говорится въ первомъ указѣ Брюсу:

„Въ разсужденіи, что изъ типографіи Новикова выходятъ многія странныя книги, повелѣли мы главнокомандующему въ Москвѣ доставить Вашему Преосвященству роспись онымъ, вмѣстѣ съ самыми книгами. Ваше Преосвященство, получа оныя, призовите къ себѣ помянутаго Новикова и прикажите испытать его въ законѣ нашемъ, равно и книги его типографіи освидѣтельствовать: не скрывается ли въ нихъ умствованій, не сходныхъ съ простыми и чистыми правилами вѣры нашей православной и гражданской должности, и что окажется, донести намъ, и синодъ нашъ увѣдомьте. Нужно притомъ есть, да и съ полицейскими нашими учрежденіями сходственно, чтобы книги изъ его, Новикова, и прочихъ вольныхъ типографій выходили не инако, какъ по надлежащей цензурѣ, а какъ изъ нихъ многія простираются до закона и дѣлъ духовныхъ, то Ваше Преосвященство не оставьте опредѣлить одного или двухъ изъ особъ духовныхъ, ученыхъ и просвѣщенныхъ, кои бы вмѣстѣ съ свѣтскими, для означенной цензуры назначенными, всѣ подобныя имъ книги испытывали, и не допускали, чтобы тутъ вкрасться могли расколы, колобродства и всякія нелѣпыя толкованія, о коихъ нѣтъ сомнѣнія, что они не новыя, но старыя, отъ праздности и невѣжества возобновленныя".

Намъ уже извѣстно, что просвѣщенный и добродѣтельный пастырь лично зналъ Новикова и его друзей. Онъ сочувствовалъ благотворительной и ученой дѣятельности Дружескаго Общества, открывшаго публичныя свои дѣйствія 6 ноября 1782 года. Онъ исполнилъ волю государыни и пригласилъ къ себѣ Новикова, который передъ тѣмъ далъ объясненія и гражданскому начальству. Вотъ документы, касающіеся означенныхъ распоряженій.

Московскій прокуроръ Тейльсъ, по приказанію графа Брюса, составилъ роспись книгамъ, продававшимся у Новикова, и 31 декабря 1785 года подалъ главнокомандующему слѣдующій рапортъ.

„Въ силу насланнаго ко мнѣ отъ Вашего Сіятельства отъ 28-го декабря сего года ордера, прописанному въ немъ по всевысочайшему отъ Ея Императорскаго Величества отъ 23-го сего мѣсяца предписаніе, касательно о свидѣтельствованіи мнѣ, что въ типографіи Новикова находятся многія странныя книги, и сочинивъ роспись тѣмъ книгамъ отослать оную съ книгами вмѣстѣ къ преосвященному архіепископу московскому; у онаго жъ Новикова истребовать каталогъ, всѣмъ какъ напечатаннымъ, такъ и находящимся въ печати книгамъ, и сверхъ того освидѣтельствовать, нѣтъ ли и окромѣ показанныхъ въ каталогѣ еще какихъ у него печатныхъ книгъ, равно и истребовать у него по одному экземпляру каждой; и оныя вмѣстѣ съ росписью мнѣ доставить къ преосвященному для разсмотрѣнія, и по исполненіи Вашему Сіятельству рапортовать.

„И по оному Вашего Сіятельства насланному ко мнѣ ордеру, исполненіе мною учинено, и какія мною найденныя въ типографіи и въ книжной лавкѣ господина Новикова книги, прилагаю при семъ Вашему Сіятельству регистры, а къ преосвященному архіепископу московскому доставлены мною быть имѣютъ при регистрахъ же книги отъ каждой по экземпляру, о чемъ Вашему Сіятельству покорнѣйше и рапортую“.

Вслѣдствіе этого рапорта, графъ Брюсъ, сдѣлавши надлежащія распоряженія, донесъ императрицѣ слѣдующее, приложивъ и показанія Новикова.

„Два Высочайшіе Вашего Императорскаго Величества указа, отъ 23-го дня января, имѣлъ счастіе получить. Пер-

вый объясненіе содержателю типографіи Новикову, что типографіи учреждены для заведенія книгъ обществу полезныхъ и нужныхъ, а отнюдь не для того, дабы пособствовать изданію сочиненій, наполненныхъ новымъ расколомъ, для обмана и уловленія невѣждъ; а какъ изъ его Новикова типографіи вышло не малое количество таковыхъ книгъ, то чтобъ его допросить о причинахъ, побудившихъ къ изданію тѣхъ сочиненій, и въ какомъ намѣреніи имъ то дѣлано было. Второй о вѣдѣніи приказу общественнаго призрѣнія всѣхъ школъ и больницъ, въ городѣ состоящихъ, исключая только тѣхъ, кои особыми привилегіями или жалованными грамотами снабдены, или, повелѣніемъ Вашего Императорскаго Величества, поручены особому правленію духовному или свѣтскому, и объ осмотрѣ заведенной въ Москвѣ больницы, отъ составляющихъ скопище извѣстнаго новаго раскола, равно буде отъ онаго заведены какія школы, то объ освидѣтельствованіи оныхъ во всей подробности, и о наблюденіи, чтобы школы неиначе учреждаемы были какъ подъ начальствомъ приказа общественнаго призрѣнія, имѣли свое производство на основаніи общихъ законовъ, и чтобъ тутъ расколъ, праздность и обманъ не скрывался.

„Вслѣдствіе сихъ Вашего Императорскаго Величества Высочайшихъ повелѣній содержатель Новиковъ чрезъ управу благочинія сысканъ и представленъ въ губернское правленіе, гдѣ въ присутствіи,... формально допрашиванъ,... и показалъ:

Показаніе Новикова.

„Что онъ изъ дворянъ, въ службѣ состоялъ гвардіи въ Измайловскомъ полку, отъ коей отставленъ въ 1770 году чиномъ отъ арміи порутчика; отъ роду ему сорокъ два года; вѣры греческаго исповѣданія, у исповѣди и святаго причастія бывалъ повсягодно; университетскую типографію взялъ онъ въ содержаніе 1779 года мая съ 1-го числа, по заключенному въ канцеляріи того университета контракту на десять лѣтъ, съ платежомъ въ каждый годъ университету по четыре тысячи по пятисотъ рублей, производя сверхъ того всѣмъ типографскимъ служителямъ жалованье и заработныя деньги отъ себя; въ той типографіи, по силѣ заключеннаго

контракта, какъ прежде печаталъ онъ книги различнаго содержанія, отдаваемыя отъ разныхъ сочинителей и переводчиковъ, такъ и донынѣ продолжаетъ таковое печатаніе съ согласною съ законами цензурою; а духовныя книги печатаны были и печатаются съ дозволенія святѣйшаго синода, и сего московской конторы, также и назначенныхъ отъ нея духовныхъ особъ. Намѣренія онъ при изданіи книгъ въ публику никакого другаго не имѣлъ, кромѣ того, чтобы по силамъ его и по возможности приносить трудами его пользу отечеству чрезъ распространеніе книжной торговли, и честнымъ образомъ получать законами невозбранный прибытокъ; изъ печати жъ въ типографіи его вышедшія сочиненія, которыя противны законамъ, онъ не знаетъ, и по справедливости показываетъ, что читалъ изъ нихъ малое число, полагаясь, что на всякомъ таковомъ сочиненіи и переводѣ была цензура; притчинъ же побудительныхъ къ изданію таковыхъ сочиненій онъ никакихъ кромѣ вышеобъявленныхъ не имѣлъ, и по силѣ контракта, заключеннаго съ университетомъ, онъ обязанъ былъ печатать книги съ учрежденною цензурою. Въ семъ допросѣ показалъ онъ, Новиковъ, сущую правду, а что ложно, за то подвергаетъ себя штрафу по законамъ".

Съ своей стороны архіепископъ Платонъ представилъ государынѣ слѣдующее замѣчательное донесеніе, написанное въ январѣ 1786 года:

„Всемилостивѣйшая Государыня,
Императрица!

„Вслѣдствіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, послѣдовавшаго на имя мое отъ 23-го сего декабря, поручикъ Новиковъ былъ мною призванъ и испытуемъ въ догматахъ православной нашей Греко-Россійской церкви, а представленныя имъ, Новиковымъ, ко мнѣ книги, напечатанныя въ типографіи его, были мною разсмотрѣны.

„Какъ предъ Престоломъ Божьимъ, такъ и предъ Престоломъ Твоимъ, Всемилостивѣйшая Государыня Императрица, я одолжаюсь по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и Тобою, Всемилостивѣйшая Государыня,

мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіяне таковые, какъ Новиковъ.

„Что же касается до книгъ, напечатанныхъ въ типографіи его Новикова и мною разсмотрѣнныхъ, я раздѣляю ихъ на три разряда.

„Въ первомъ находятся книги собственно литературныя, и какъ литература наша доселѣ крайне еще скудна въ произведеніяхъ, то весьма желательно, чтобы книги, въ этомъ родѣ, были болѣе и болѣе распространяемы и содѣйствовали бы къ образованію.

„Во второмъ, я полагаю книги мистическія, которыхъ не понимаю, а потому не могу судить оныхъ. Наконецъ, въ третьемъ разрядѣ суть книги самыя зловредныя, развращающія добрые нравы и ухищряющіяся подкапывать твердыни святой нашей вѣры. Сіи-то гнусныя и юродивыя порожденія такъ-называемыхъ энциклопедистовъ слѣдуетъ исторгать, какъ пагубные плевела, развращающіе между добрыми сѣмянами.“

Рѣшеніе по этому дѣлу заключается въ слѣдующемъ указѣ императрицы графу Брюсу, отъ 27-го марта 1786 года.

„По разсмотрѣніи присланныхъ къ намъ, по волѣ нашей отъ преосвященнаго архіепископа московскаго примѣчаній о книгахъ, въ типографіяхъ московскихъ изданныхъ, и отъ московскаго губернатора росписи книгамъ, повелѣваемъ: изъ нихъ означенныя въ приложенномъ при семъ спискѣ, буде оныя въ книжной лавкѣ Новикова въ числѣ напечатанныхъ находятся, оставить за печатью и въ продажу выпускать запретить, покуда ближайшее о томъ разсмотрѣніе и дальнѣйшее приказаніе послѣдуетъ, а прочія книги распечатать и продажу ихъ дозволить. Но притомъ помянутому Новикову да и вообще содержателямъ вольныхъ типографій въ Москвѣ строжайше потвердить, чтобы они остерегались издавать книги, исполненныя подобными странными мудрованіями, или лучше сказать сущими заблужденіями, подъ опасеніемъ не только конфискованія тѣхъ книгъ, но и лишенія права содержать типографію и книжную лавку, а притомъ и законнаго взысканія“.

Списокъ книгъ, которыхъ продажа не разрѣшена:

1) Апологія, или защищеніе В. К. (Вольныхъ Каменьщиковъ). Пер. съ нѣмецкаго. М. Въ тип. Разсказова. 1784.

2) Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братьямъ Св. К. (Свободнымъ Каменьщикамъ), писанныя братомъ Седдагомъ. М. Въ тип. Лопухина. 1784.

3) Карманная книжка для Вольныхъ Каменьщиковъ и для тѣхъ, которые не принадлежатъ къ числу оныхъ. Пер. съ нѣмецкаго. М. Въ тип. Новикова. 1783.

4) О заблужденіяхъ и истинѣ, соч. философа непзвѣстнаго (Сенъ-Мартена). М. Въ тип. Лопухина. 1785.

5) Химическая псалтирь, или философическія правила о камнѣ мудрыхъ, соч. Парацельса. Пер. съ нѣмецкаго. М. Въ тип. Лопухина. 1784.

6) Хризомандеръ, аллегорическая и сатирическая повѣсть различнаго, весьма важнаго содержанія. Пер. съ немѣцкаго (А. Петрова). М. Въ тип. Лопухина. 1783.

Для полноты дѣла приводимъ здѣсь и слова высочайшаго указа синоду отъ 27 іюля 1787 г., бывшаго послѣдствіемъ новаго разсмотрѣнія дѣла о вольныхъ типографіяхъ, особенно принадлежавшихъ членамъ Типографической Компаніи.

„Не продавать молитвенники и книги церковныя, изданныя не отъ синода, и книги, касающіяся вѣры, священнаго писанія, толкованія закона или же не изданныя отъ комиссіи народныхъ училищъ. Иначе (оныя) запечатывать и отдать подъ сохраненіе синода“.

Возвратимся къ Новикову. Мы видѣли, что въ январѣ 1786 года, книги, напечатанныя у него и въ типографіи Лопухина (за исключеніемъ шести), были, по отпечатаніи его лавки, опять пущены въ продажу. Новиковъ, оправданный отзывомъ Платона, кажется, считалъ дѣло свое совершенно конченнымъ и продолжалъ свои прежніе труды. Въ это время между прочимъ (1788—1791) онъ напечаталъ многотомныя книги: второе изданіе *Древней Россійской Вивліоѳики* и *Дѣянія Петра Великаго* (кромѣ продолженій). Друзья его содѣйствовали ему попрежнему. Огромное число книгъ, напечатанныхъ въ ихъ типографіяхъ съ 1786 по 1790 годъ, о томъ свидѣтельствуютъ. Собственно университетскую типографію и изданіе *Московскихъ Вѣдомостей* съ *прибавленіями* сдалъ онъ Свѣтушкину и Окорокову въ 1789 году, такъ какъ 1 мая 1789 г. кончился десятилѣтній контрактъ его съ университетомъ. Вообще Типографическая Компанія въ это время благоденствовала, особенно

когда графъ Брюсъ, ей недоброжелательствовавшій, былъ переведенъ въ 1786 году главнокомандующимъ въ Петербургъ, а на мѣсто его назначенъ знаменитый, по своимъ гражданскимъ доблестямъ, спаситель Москвы во время чумы 1771 года, Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ. Благонамѣренный и добродѣтельный старецъ управлялъ столицей до февраля 1790 года, т.-е. почти четыре года. Въ бытность его главнымъ начальникомъ Москвы Типографическая Компанія не претерпѣла никакихъ непріятностей. Когда Еропкинъ, по болѣзни и старости, былъ по прошенію уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, на мѣсто его былъ въ февралѣ 1790 года назначенъ князь Александръ Александровичъ Прозоровскій, исправлявшій эту должность до 1795 года.

Между тѣмъ европейскія политическія дѣла принимали все болѣе и болѣе грозный оборотъ и невольно вызывали у насъ мѣры противъ всего, въ чемъ можно было бы усматривать какое-либо соотношеніе съ явленіями, которыя оказались опасными въ другихъ государствахъ, особенно во Франціи, подвергавшейся въ началѣ 90-хъ годовъ безпрестаннымъ потрясеніемъ, приведшимъ ее вскорѣ ко всѣмъ ужасамъ анархіи. Извѣстно и понятно, что современнымъ дѣятелямъ не можетъ ясно представляться, что̀ именно должно заключать изъ явленій, еще новыхъ и не всѣми одобряемыхъ? какъ понимать направленіе нѣкоторыхъ умовъ, слѣдующихъ путямъ иным, чѣмъ стремленіе большинства, и можно ли устранить подозрѣнія касательно дѣятельности лицъ, которая заключаетъ въ себѣ, повидимому, нѣкоторую аналогію съ причинами безпорядковъ въ другихъ государствахъ? Такъ не только у насъ, но и въ другихъ странахъ Европы, заподозрѣны были въ политическихъ замыслахъ послѣдователи мистицизма и масонства. Сколько ни протестовали они противъ такихъ обвиненій, доказывая, что единственная цѣль ихъ — нравственное усовершенствованіе человѣка и распространеніе между людьми, вмѣстѣ съ полезными знаніями, братской любви, которой учитъ истинная религія, заключающаяся въ словѣ Божіемъ, — дѣйствія ихъ казались подозрительными. Этому еще болѣе способствовало существованіе какой-то тайны и иносказаній, облекавшихъ, по самому ихъ основанію и существу, ученіе и труды мистиковъ и теософовъ. Кромѣ того, должно сказать, что

далеко не всѣ масонскія ложи оставались вѣрны своему первоначальному направленію. Пустое любопытство и мода завлекли въ европейскія ложи множество людей, діаметрально противоположныхъ религіозному и нравственному направленію братства; когда число такихъ посвященныхъ увеличилось, то, конечно, направленіе многихъ ложъ было извращено, и хотя они не признавались за истинныя людьми, которые остались вѣрны своимъ началамъ, хотя въ испорченныхъ ложахъ были члены, едва познакомившіеся съ ученіемъ, но члены эти возвѣщали себя безъ всякаго права истинными масонами, подавая собою примѣры, невыгодные для этого учрежденія въ глазахъ людей, незнакомыхъ близко съ дѣломъ. Такимъ образомъ, при затрудненіи отличить самозванцевъ, все братство подпало подозрѣнію въ стремленіяхъ политическихъ и опасныхъ для государства. Князь Прозоровскій, считавшійся человѣкомъ энергическимъ, при назначеніи своемъ въ Москву, имѣлъ, какъ говорятъ, именно порученіе обращать особое вниманіе на предполагавшееся зло, которое распространилось подъ вліяніемъ „Типографической Компаніи“ и особенно Новикова, и пресѣчь могущія произойти, по мнѣнію противниковъ его, печальныя послѣдствія въ случаѣ дальнѣйшаго его развитія.

Мы не знаемъ, какія именно мѣры были приняты правительствомъ и новымъ главнокомандующимъ Москвы, чтобъ остановить дѣйствія Новикова. Но слѣдующій документъ доказываетъ намъ, что „Типографическая Компанія“ въ концѣ 1791 года сочла невозможнымъ продолжать свои дѣйствія. Драгоцѣнный этотъ документъ, находящійся въ нашихъ рукахъ, есть одна изъ копій, выданныхъ каждому члену Компаніи, за собственноручными подписями всѣхъ членовъ ея, съ акта, по которому Компанія имп уничтожалась. Приводимъ здѣсь эту копію вполнѣ, радуясь, что можемъ представить подлинное указаніе въ дѣлѣ, извѣстномъ до сихъ поръ только по слухамъ.

„1791 года ноября „ “ дня. Мы нижеподписавшіеся члены типографической компаніи, въ тысяча седмьсотъ восемдесятъ четвертомъ году учрежденной нами въ Москвѣ, по причинѣ настоящихъ нашихъ экономическихъ обстоятельствъ, разсудили за благо оную компанію разрушить, и всѣ обстоятельства наши по дѣламъ ея уничтожить, и сдѣлавъ между

собою надлежащіе ращеты и взаимныя удовлетворенія, по общему согласію нашему симъ разрушаемъ сдѣланной между нами, и въ маклерной книгѣ записанной договоръ учрежденія оной компаніи, и всѣ дѣла ея уничтожаемъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

I. „Имѣніе компаніи, которое составляетъ: 1) домъ Николая Ивановича Новикова, что у Никольскихъ воротъ; 2) книги, напечатанныя въ типографіяхъ господъ Новикова, Лопухина и въ компанейской; 3) самая сія типографія компаніи типографической со всѣми принадлежностями къ ней, матеріялами и инструментами; 4) аптека, называемая Спасскою, со всѣмъ къ ней принадлежащимъ, — сдали мы безповоротно помянутому Николаю Ивановичу Новикову, получа отъ него за все оное по условію нашему платежъ и удовлетвореніе. Вслѣдствіе чего.

II. „Отъ нынѣ же никакихъ между нами по дѣламъ оной бывшей компаніи обязательствъ, другъ на друга претензій, равно и долговъ кому-либо, за которые всѣ составлявшіе компанію члены должны были отвѣтствовать, болѣе не существуетъ; и всякое въ дѣлахъ оной разрушенной компаніи съ нашей стороны участіе симъ уничтожается навсегда.

III. „Въ утвержденіе сего нашего по общему согласію сдѣланнаго положенія, подписавъ оное, вручили мы Николаю Ивановичу Новикову. Каждому же изъ бывшихъ въ компаніи членовъ, т.-е., всѣмъ кромѣ его господина Новикова, принявшаго на себя всѣ дѣла сей уничтоженной компаніи, во свидѣтельство ея уничтоженія и освобожденія отъ всякаго по бывшимъ въ ней дѣламъ участія и отвѣта, дать съ сего копіи за подписаніемъ всѣхъ бывшихъ въ оной, и нынѣ наличныхъ членовъ. Отсутственные же по силѣ 9-го артикула учредительнаго компаніи договора, положеніямъ ея препятствовать не могутъ.

Бригадиръ Василій Чулковъ.
Полковникъ Алексѣй Ладыженскій.
Полковникъ князь Черкасскій.
Надворный совѣтникъ Алексѣй Новиковъ.
Статскій совѣтникъ Иванъ Лопухинъ.
Бригадиръ Иванъ Тургеневъ.
Бригадиръ Петръ Ладыженскій.
Дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ князь Николай Трубецкой.

Генералъ-поручикъ и кавалеръ князь Юрій Трубецкой.
Надворный совѣтникъ Семенъ Гамалѣя.
Поручикъ Николай Новиковъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Чѣмъ успѣлъ въ это время Новиковъ навлечь на себя новыя преслѣдованія, до сихъ поръ еще не объяснено. Но извѣстно, что въ апрѣлѣ 1792 г. онъ былъ арестованъ воинскою силой въ подмосковной своей деревнѣ Авдотьинѣ, съ большими приготовленіями и предосторожностями. Въ Авдотьино былъ для этого посланъ цѣлый эскадронъ полицейскихъ гусаръ подъ начальствомъ князя Жевахова. По этому случаю извѣстный графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій, узнавши про такого рода предосторожности, очень смѣялся надъ ними и сказалъ князю Прозоровскому: „Вотъ расхвастался, какъ городъ взялъ! Старичонка, скорченнаго геморроидами, взялъ подъ караулъ. Да одного бы десятскаго или будочника за нимъ послать, такъ и притащилъ бы его“.

Когда Новикова привезли въ Москву, одно изъ главнѣйшихъ лицъ въ столицѣ, не сочувствовавшее никогда его дѣятельности, по должности своей обратилось къ нему съ разными вопросами. Въ рукахъ у допросчика находилась какая-то книга нравственнаго содержанія, изданная Новиковымъ; внизу страницъ находились краткія ссылки на главы и стихи св. Писанія, изъ которыхъ были заимствованы нѣкоторыя изреченія въ текстѣ книги. Допросчикъ указалъ на эти ссылки, состоявшія изъ цифръ и сказалъ: „Вотъ тутъ-то, подъ этими знаками скрываются ваши зловредныя разсужденія. Все это разберутъ и узнаютъ ваши умыслы“.

Въ то же время были опечатаны типографіи членовъ бывшей Компаніи, а Новикова отвезли въ Петербургъ и черезъ три недѣли онъ былъ на пятнадцать лѣтъ посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, въ тотъ самый казематъ, гдѣ содержался прежде Іоаннъ Антоновичъ. Допросы отбиралъ отъ Новикова извѣстный Шешковскій. Впрочемъ Новиковъ не былъ лишенъ утѣшеній. Другъ его и домашній докторъ Багрянскій, питавшій къ нему чувства, рѣдкія по своей горячности и твердости, выпросилъ позволеніе раздѣлить участь его. Багрянскій провелъ въ крѣпости все время его заточенія, продолжавшееся четыре съ половиною года.

Лонгиновъ.

Задачи и цѣли „Типографической Компаніи“ по воззрѣнію Новикова.

Въ 1784 году основалась „Типографическая Компанія“. Она устроена была съ цѣлію не только содѣйствовать изданію полезныхъ книгъ, но и выпускать ихъ въ продажу по самымъ дешевымъ цѣнамъ, мысль — которая постоянно занимала Новикова. Въ „Живописцѣ“ (ч. 2, изд. 3) находимъ письмо *Любомудрова* изъ Ярославля, отъ февраля 1773 года о „недавно — учрежденномъ обществѣ, старающемся о печатаніи книгъ“. Письмо это говоритъ, что и народное просвѣщеніе и торговля равно выигрываютъ отъ вновь основаннаго общества; ибо, во-первыхъ, „печатаніе соблюдаетъ наилучшимъ образомъ всѣ истины, доставляетъ большему количеству народа объ оныхъ свѣдѣніе и чрезъ то очищаетъ общество отъ заблужденій и предразсудковъ вредныхъ“; во-вторыхъ, общество это послужитъ нашему купечеству примѣромъ, „какъ вести правильно торговлю“. Къ письму Любомудрова Новиковъ присоединилъ свои весьма любопытныя замѣчанія, которыя положительно опредѣляютъ его взглядъ на подобныя предпріятія. „Торговля книгами, (говоритъ онъ), по существу своему весьма достойна того, чтобъ о ней лучшее имѣли понятіе, и бо̀льшее бы прилагалось стараніе о распространеніи въ нашемъ отечествѣ, нежели какъ было донынѣ. По моему мнѣнію, недовольно сего, чтобы только печать книги, *а надобно имѣть попеченіе о продажѣ напечатанныхъ книгъ*. Петербургъ и Москва имѣютъ способы покупать книги, заводить книгохранительницы и употреблять ихъ въ свою пользу, лишь только была бы у покупающихъ охота. Но петербургскіе и московскіе жители много имѣютъ увеселеній; есть у нихъ различныя зрѣлища, забавы и собранія; слѣдовательно весьма не у великаго числа людей остается время для чтенія книгъ; а сверхъ того и просвѣщеніе наше или, такъ сказать, слѣпое пристрастіе къ французскимъ книгамъ не позволяютъ покупать россійскихъ. Въ россійской типографіи напечатанное рѣдко молодыми нашими господчиками пріемлется за посредственное, а за хорошее почти никогда. Напротивъ того, живущіе въ отдаленныхъ провинціяхъ дворяне и купцы лишены спо-

собовъ покупать книги и употреблять ихъ въ свою пользу. Напечатанная въ Петербургѣ книга черезъ трое или четверо рукъ дойдетъ, напримѣръ, въ Малую Россію; всякій накладываетъ умѣренный барышъ для того, что производить сію торговлю весьма малымъ числомъ денегъ, и такъ продающаяся въ Петербургѣ книга по рублю приходитъ туда почти всегда въ три рубля, а иногда и больше. Чрезъ сіе охотники покупать книгу уменьшаются; книгъ расходится меньше, а печатающіе оныя, вмѣсто награжденія за свои труды, часто терпятъ убытокъ... Сколь бо́льшей пользы ожидать надлежитъ отъ сихъ книгъ тогда, когда посредствомъ торговли доставляться будутъ онѣ въ отдаленныхъ нашихъ провинціяхъ живущимъ дворянамъ и мѣщанамъ! О распространеніи сей торговли не государю, а частнымъ людямъ помышлять должно". Мысль эту Новиковъ старался привести въ исполненіе, что видно изъ публикацій, которыя прилагались имъ при каталогахъ книгъ.

Аѳанасьевъ.

Филантропическое изданіе „Типографической Компаніи".

Извѣстно, что основанное въ 1782 году „Дружеское Ученое Общество" и образовавшаяся изъ него въ 1784 году „Типографическая Компанія", въ которыхъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Николай Ивановичъ Новиковъ, напечатали въ Москвѣ съ 1782 по 1791 годъ, въ числѣ множества разнородныхъ книгъ, цѣлый рядъ сочиненій религіозно-нравственныхъ и мистическихъ, оригинальныхъ и переводныхъ. Книги эти печатались въ трехъ изъ вольныхъ типографій, которыми располагали Новиковъ и его друзья: а) Новикова, б) Ивана Владимировича Лопухина и в) „Компаніи типографической".

Цѣль Новиковскаго общества состояла въ переводѣ полезныхъ книгъ съ разныхъ языковъ, изданіи ихъ и оригинальныхъ сочиненій, распространеніи просвѣщенія, направленіи воспитанія юношества и раздачѣ разныхъ пособій бѣднымъ. Извѣстно, какими гуманными началами и духомъ общительности были исполнены эти благородные ревнители,

посвятившіе себя на такое безкорыстное и полезное служеніи обществу.

Въ 1784 году „Дружеское Общество“ приступило къ изданію сборника, въ который опредѣлено было помѣстить нѣкоторыя книги нравственнаго и духовнаго содержанія, уже напечатанныя отдѣльно, а также и другія еще не обнародованныя до тѣхъ поръ сочиненія въ томъ же духѣ. Сборника этого вышло три части, подъ заглавіемъ: „Избранная Библіотека для Христіанскаго Чтенія“. Изданіе это было напечатано очень красиво, въ двѣнадцатую долю листа и имѣло большой успѣхъ по причинѣ распространившагося тогда, особенно въ Москвѣ, духа мистицизма. Издатели думали продолжать свой Сборникъ, но выходъ его по перемѣнившимся обстоятельствамъ былъ пріостановленъ и четвертая часть уже не была допечатана. Книга эта теперь чрезвычайно рѣдка. Убѣжденіе въ пользѣ распространенія чтенія такого рода заставило одного изъ членовъ „Типографической Компаніи“, если не ошибаюсь Ивана Владимировича Лопухина, приступить къ дешевому изданію этого сборника, которое могло бы быть доступнымъ для бѣднаго класса читателей. Предпріятіе это исполнилось.

Въ библіотекѣ моей есть превосходно сохранившійся экземпляръ этой рѣдкой книги подъ заглавіемъ: „Избранная Библіотека для Христіанскаго Чтенія“. Изданіе второе, для бѣдныхъ. Цѣна двумъ частямъ въ простомъ переплетѣ и безъ переплета рубль“. (Москва въ Тип. Компаніи Типографической, 1786 г., 2 части in — 8; страницъ 474 и 453.)

Вотъ содержаніе этого сборника:

Часть I. 1) О подражаніи Христу, Ѳомы Кемпійскаго, пер. съ лат. Изд. 3.

2) О поклоненіи духомъ и истиною.

3) Златая книжица о прилѣпаніи къ Богу.

Часть II. 1) О тройственномъ пути души.

2) Райскіе цвѣты, помѣщенные въ 7 цвѣтникахъ. (401 нравственныхъ двустишій).

3) Таблица, въ которой всѣмъ истиннымъ христіанамъ, безъ всякаго различія состояній, напоминается о должности ихъ.

4) Истинное человѣковъ зерцало, въ которомъ ясно видѣть можно подлинное качество человѣка.

5) Натура и благодать.

6) Утѣшеніе грѣшныхъ (8 стихотвореній).

7) Краткое извлеченіе христіанскаго ученія изъ посланія Св. Апостола Павла къ Колоссаямъ.

8) Пѣснь ко учащимся (стихи).

9) Подъ крестомъ осященныя науки; сновидѣніе.

10) Простое наставленіе какъ читать св. Писаніе къ истинному своему назиданію.

11) Правила жизни, начертанныя праводушнымъ братомъ для родной сестры его.

12) Разговоръ сердца съ Богомъ о пріуготовленіи ко внутренней молитвѣ.

Не касаясь здѣсь разбора статей сборника, которыя должны быть разсматриваемы въ общей связи съ цѣлымъ цикломъ сочиненій, вышедшихъ въ Москвѣ между 1780 и 1790 г., я ограничусь выпискою объявленія, находящагося при концѣ первой части „Библіотеки“. Оно подписано буквами: У. М., подъ которыми часто скрывалось имя И. В. Лопухина. Объявленіе это проникнуто духомъ, руководившимъ Новиковское общество.

Къ читателю.

„Убѣдившись неложными доказательствами о благосклонномъ принятіи всѣми добрыми и спасенія своего жаждущими издаваемой мною Избранной Библіотеки для Христіанскаго Чтенія, и слыша желаніе многихъ бѣдныхъ по своему временному состоянію, но, можетъ быть, гораздо богатѣйшихъ по благодати Спасителя нашего и Господа Іисуса Христа, соболѣзнованія, что они лишаются удовольствія читать сіе изданіе по дороговизнѣ перваго, почелъ я святою должностію моею удовлетворить ихъ желанію и утолить благородную душевную жажду ихъ симъ вторымъ изданіемъ, которое и назвалъ я изданіемъ для бѣдныхъ. Оно хотя и состоитъ изъ двухъ частей, но содержитъ въ себѣ не только всѣ поэзіи, въ трехъ частяхъ перваго изданія помѣщенныя, но и взятую еще изъ четвертой части (которая скоро выйдетъ въ міръ). Что же касается до цѣны, то по Благодати Божіей восхотѣлось мнѣ назначить оную не только не дорогую, но и самую дешевую, а именно слишкомъ за 60 печатан-

ныхъ листовъ только рубль; а для еще бѣднѣйшихъ будутъ оную отпущать и въ простомъ переплетѣ за ту же цѣну. Я думаю, что никто изъ богатыхъ не захочетъ отнимать у бѣдныхъ то, что имъ по Благодати Господней назначено. Я думаю такъ, я думаю потому, что это дѣло кажется мнѣ добрымъ; а я увѣренъ, что всякое доброе въ насъ желаніе происходитъ не отъ насъ, а Христа Спасителя нашего. Пользуйтесь, бѣдные братія, симъ изданіемъ во славу имени Христа Спасителя нашего! Когда же оно разойдется, то съ Божіимъ благословеніемъ постараемся сдѣлать новое и еще дешевѣйшее. Богъ и Спаситель нашъ да благославитъ и намѣреніе и желаніе издателя У. М.“.

Изъ „Современника“ за 1857 г.

Просвѣтительная дѣятельность Новикова въ ея вліяніи на правительство и общество.

Наши писатели второй половины XVIII вѣка на первыхъ порахъ ограничивались практиковавшихся въ обществѣ старинной и новой системъ обученія. Иностранные гувернеры и собственные домашніе учителя, обыкновенно дворовые люди помѣщиковъ, не были въ состояніи по тѣмъ или другимъ причинамъ способствовать быстрому распространенію прочнаго образованія въ Россіи. Нужны были, очевидно, общегосударственныя правильно организованныя и поставленныя учебныя заведенія, и притомъ самаго разнообразнаго характера, примѣнительно къ потребностямъ всѣхъ слоевъ населенія. Такихъ правительственныхъ школъ было въ дѣйствительности чрезвычайно мало, а частные пансіоны, содержателями которыхъ являлись обыкновенно иностранцы, также существовали въ самомъ ограниченномъ количествѣ; послѣднія разсчитаны были, вдобавокъ, почти исключительно на дворянское сословіе. При подобныхъ условіяхъ всякое широкое начинаніе въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія путемъ школьнаго образованія, казалось бы, непремѣнно должно было исходить отъ высшаго правительства, а не отъ частныхъ лицъ, потому что приходилось считаться съ потребностями всего населенія въ государствѣ. На дѣлѣ мы видимъ совершенно

обратное: *частная инициатива лучшихъ представителей русской литературы второй половины XVIII вѣка на почвѣ филантропической и просвѣтительной дѣятельности не только впервые заставила Екатерину II принять серіозныя мѣры къ распространенію школьнаго образованія въ народѣ, но и указала ей руководящія правила для практическаго рѣшенія этого вопроса въ жизни.* Починомъ послужило слѣдующее обстоятельство: Въ 1777 г. Н. И. Новиковъ вмѣстѣ съ другими участниками въ его книжной издательской дѣятельности основали журналъ „Утренній Свѣтъ“, въ которомъ развивали мысль о необходимости и пользѣ образованія и широкой общественной благотворительности. Желая практически оправдать свою проповѣдь, завѣдывавшіе изданіемъ рѣшили употребить выручку отъ продажи журнала на заведеніе „порядочнаго и постояннаго училища, въ которомъ бы наилучшимъ и кратчайшимъ способомъ дѣти научились, приобыкали ко благонравію и заохочивались къ дальнѣйшему ученію, для собственной своей и отечества своего пользѣ“. Въ 1778 г. школа была уже открыта. Русское общество, къ которому обратитись издатели съ просьбой о помощи, быстро откликнулось на гуманный призывъ, и „Утренній Свѣтъ“ получилъ большое распространеніе. „Мы весьма склонны вѣрить,— говорилось въ „Предъувѣдомленіи“ журнала,— что не любопытство, ко узнанію новости въ литературѣ, но истинное патріотическое усердіе ко вспомоществованію своимъ единоземцамъ, было побужденіемъ къ подпискѣ на сей журналъ. Дѣйствительно, многіе изъ подписчиковъ вмѣсто 3 руб. 50 к. платили за „Утренній Свѣтъ“ отъ 5 руб. до 100 руб. Матеріальная помощь шла отовсюду: генералъ-аудиторъ-лейтенантъ П. К. Хлѣбниковъ пожертвовалъ на все годовое изданіе журнала бумагу; архіепископъ пстербургскій Гавріилъ при освѣщеніи Владимирскаго училища (въ 1778 г.) пожертвовалъ на эту школу 200 руб.; гофъ-курьеръ И. П. Купріяновъ отвелъ „для училища безденежно покои въ своемъ домѣ“ и обѣщалъ впредь оказывать помощь „по силамъ своимъ“; очень многія вещи для воспитанниковъ (бѣлье, мебель, платье, учебныя принадлежности и проч.) „нѣкоторыя благотворительныя особы доставляли самою низкою цѣною или даромъ, имѣя предметомъ спомоществовать бѣднымъ“. Въ слѣдующемъ году

оказалось возможнымъ открыть и второе такое училище (Александровское). Русское общество не переставало поддерживать издателей „Утренняго Свѣта“: нѣкоторыя частныя лица соглашались на свой счетъ содержать отдѣльныхъ „питомцевъ“, и такихъ учениковъ было до 25 человѣкъ; изъ подписчиковъ присылали для этого: трое — по 40 руб., двое — 50 руб., одинъ 120 руб., одинъ 125 руб., остальные по 80 руб.; нѣкто пожертвовалъ на школу 800 руб., другой оказалъ такую значительную денежную помощь, что стало возможно приступить даже къ постройкѣ „особеннаго дома для Екатерининскаго училища“ [1]). Какъ видимъ, Новиковъ успѣлъ дѣйствительно вызвать въ обществѣ живѣйшее участіе къ новому дѣлу, а при его способности придавать предпріятіямъ колоссальные размѣры, подобная организація начальныхъ народныхъ школъ могла принести огромную пользу русскому просвѣщенію. Однако Екатерина II не очень благосклонно посмотрѣла на такое явное стремленіе частныхъ лицъ завладѣть пробудившейся общественной инициативой. „Несмотря на все это, несмотря на то, что оба училища были торжественно открыты и освящены самимъ архіепископомъ Гавріиломъ, который шелъ въ нихъ изъ церквей, при которыхъ они учреждены, по совершеніи имъ литургіи, въ мантіи, въ сопровожденіи духовенства и всѣхъ прихожанъ — несмотря на все это, императрица ничѣмъ не выразила, насколько мы знаемъ, своего сочувствія училищамъ“, говоритъ историкъ [2]). Серіозная попытка Новикова практически осуществить свои взгляды и направить общественныя силы на прочную организацію народнаго образованія естественно показалась Екатеринѣ II опаснымъ своеволіемъ. Въ ея видахъ было предложить обществу опеку и стать, такимъ образомъ, въ главѣ опредѣлившагося движенія.

Такимъ образомъ, по почину Новикова русское правительство поставило народное образованіе въ числѣ важнѣйшихъ отраслей государственнаго управленія. Этимъ полагалось уже дѣйствительное начало народному просвѣщенію. Конечно, заведенныя Екатериной II училища не могли на первыхъ же порахъ существованія достигнуть блестящихъ результатовъ,

---

[1]) Незеленовъ, Ник. Ив. Новиковъ, С.-Пб. 1875.
[2]) Пыпинъ, Исторія русской литературы, С.-Пб. 1899 г., т. IV, стран. 138

тѣмъ болѣе, что они возникали у насъ какъ-то вдругъ, почти безъ всякихъ предварительныхъ работъ на этомъ смыслѣ. Требовались подготовленные учителя, соотвѣтствующія помѣщенія для школъ, огромныя средства изъ казны на содержаніе ихъ, наконецъ, расположеніе къ школьному обученію самаго населенія тѣхъ или другихъ, особенно захолустныхъ, мѣстностей Россіи. Между тѣмъ Екатерина надѣялась, что всѣ эти затрудненія легко устранятся сами собою, и колоссальное предпріятіе по устройству училищъ и просвѣщенію народныхъ массъ осуществится „съ быстротою молніи“ (wie ein Blitz zu Stande kommen wird[1]). Неудивительно, что послѣдствія далеко не сразу оправдали подобныя ожиданія. Въ открывшихся школахъ нерѣдко ощущался въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ недостатокъ въ ученикахъ; матеріальное обезпеченіе учителей при Екатеринѣ было жалкимъ; школы часто не имѣли необходимыхъ учебныхъ принадлежностей и даже порядочныхъ помѣщеній для занятій, а потому иногда совсѣмъ закрывались; само общество нерѣдко находило училища безполезными для себя; даже въ эпоху Александра I ученики ограничивались, по большей части, прохожденіемъ учебнаго курса только низшихъ классовъ и спѣшили скорѣе опредѣлиться на службу и т. д. Мы уже знаемъ, какъ неутѣшительно отзывался Лагарпъ о дѣятельности училищной комиссіи при Екатеринѣ II, послѣ того какъ онъ познакомился съ представленнымъ императору Павлу Петровичу въ 1801 г. отчетомъ о состояніи всѣхъ школъ въ Россіи. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ стоятъ и слова Іосифа де-Местра „въ письмѣ къ Разумовскому (1810 г.)“: Воображаютъ,— говоритъ онъ,— что коль скоро откроютъ учебное заведеніе и заплатятъ профессорамъ — дѣло кончено. Но напротивъ, ничего еще не сдѣлано, если поколѣніе не подготовлено. Государство изнуряетъ себя огромными расходами, а школы остаются пустыми. Мы видимъ это уже въ гимназіяхъ, которыя безпрестанно приходится закрывать, за неимѣніемъ учениковъ“[2]). И однако, при всѣхъ несовершенствахъ, заведенныя Екатериной училища безспорно оказывали громадныя услуги дѣлу образованія страны. Это было зерно, взростившее потомъ обиль-

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общ. т. 23, стран. 254.
[2]) Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, т. II, стран. 205.

ные плоды и принесшее лучи просвѣщенія въ самые отдаленные и захолустные уголки Россіи,— даже въ среду дикихъ инородцевъ Сибири. „Теперь слышу я,— читаемъ въ Воспоминаніяхъ Вигеля,— что двѣнадцать тысячъ бурятъ сдѣлались православными, шесть тысячъ учатся русской грамотѣ съ успѣхомъ, и почти всѣ принялись за соху, когда въ мое время они и хлѣба не умѣли ѣсть“ [1]).

Вліяніе Новикова по вопросу о народномъ образованіи сказывается и въ другомъ отношеніи. Педагогическія статьи его журналовъ — „Московское Изданіе“ (1781 г.), „Вечерняя Заря“ (1782 г.) и „Прибавленіе къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ (1783—1784 гг.) настойчиво старались доказать односторонность установившагося мнѣнія, будто благонравіе безусловно стоитъ выше образованія ума. Послѣдній взглядъ, какъ извѣстно, провозглашала Екатерина и стремился подтвердить своими учебными учрежденіями Бецкій. И вотъ, въ дѣлѣ организаціи народнаго образованія Янковичемъ де-Миріево мы видимъ уже официальное признаніе новыхъ педагогическихъ принциповъ. Утвержденный императрицей планъ генеральнаго обученія въ Россіи, выработанный училищной комиссіей, имѣетъ въ виду прежде всего умственное развитіе учениковъ. Въ такомъ же положеніи оставалось дѣло и при Павлѣ I. При Александрѣ же Павловичѣ рѣзкое разграниченіе умственнаго развитія отъ „благонравія“, т.-е. благовоспитанности, образованія сердца, выступаетъ уже прямо какъ крайность. Извѣстно, что молодой государь не прочь былъ даже къ маленькому поощренію студенческихъ шалостей и вольностей, безусловно предосудительныхъ съ точки зрѣнія строгой морали. Утверждая уставъ Дерптскаго университета, Александръ I собственноручно вписалъ сюда особое примѣчаніе, чтобы всякія обязательства и договоры студентовъ „особливо обѣщаніе вступить въ союзъ супружескій, сдѣланное безъ воли и согласія родителей, родственниковъ и опекуновъ“, не имѣли предъ лицомъ гражданской власти никакого значенія, потому что студенты содержатся на счетъ родителей и, слѣдовательно, въ гражданскомъ смыслѣ несамостоятельны [2]). Есть извѣстія доказывающія,

---

[1]) Воспоминанія Вигеля, ч. II, стран. 191.
[2]) Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи, ч. I, стран. 154.

что въ это время не только въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ остальныхъ школахъ образовательная сторона дѣла была рѣшительно отдѣлена отъ воспитательной.

Іосифъ де-Местръ въ письмѣ къ гр. Разумовскому (1810 г.), тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, говорилъ по поводу русскихъ школъ: „Благодаря крайне прискорбному предразсудку, въ Россіи негласно принято смотрѣть на нравственность, какъ на нѣчто совершенно отдѣльное и независимое отъ преподаванія, такъ что, напримѣръ, если сюда пріѣзжаетъ преподаватель физики или греческаго языка, всѣмъ извѣстный за человѣка развратнаго или атеиста, весьма часто услышишь: *что имѣетъ это общаго съ физикой или греческимъ языкомъ?*“ [1]) Подобный порядокъ вещей мы ставимъ въ прямую зависимость отъ взглядовъ Новикова по той причинѣ, что главнымъ организаторомъ школьнаго дѣла въ Россіи въ первые годы царствованія Александра Павловича былъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, въ свое время состоявшій воспитателемъ молодого монарха. Муравьевъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Новиковымъ, въ журналѣ котораго „Утренній Свѣтъ“ онъ печаталъ свои статьи [2]). До какой степени глубокое вліяніе оказалъ Новиковъ на общій складъ понятій Муравьева, можно судить по слѣдующему признанію послѣдняго, въ которомъ сказывается его благоговѣйное преклоненіе предъ бывшимъ издателемъ „Трутня“: „Когда низкія побужденія и подлыя мысли нарушатъ спокойствіе твоего разума, то вспомни тогда, что ты имѣешь счастіе d'approcher l'auteur de la Russiade, que Novikoff s'est plu à former ton cœur.... Боже мой, дай, чтобы всегда я памятовалъ все сіе, какъ ты меня ущедрилъ“ [3]). Вотъ почему, принимаясь за организацію школьнаго образованія въ Россіи, Муравьевъ принялъ для себя за руководство вышедшій въ Геттингенѣ въ 1801—1802 гг. трудъ Мейнерса: Ueber die Verfassung und Verwaltung Deutscher Universitäten, гдѣ отчетливо высказывалась мысль, что серіозныя научныя занятія являются лучшимъ средствомъ для развитія высокой

---

[1]) Васильчиковъ, Сем. Разумовскихъ, т. II, стран. 253.
[2]) Венгеровъ, „Русская поэзія“, стран. 778. Біографическая замѣтка В. Сапгова.
[3]) Тихоправовъ, Сочиненія, Москва, т. III, ч. II, стран. 340.

нравственности въ юношествѣ, т.-е. защищался взглядъ, который у насъ отстаивалъ въ свое время Новиковъ. Кромѣ Мейнерса Муравьевъ имѣлъ въ виду и автобіографію Августа Людвига Шлецера: послѣднее произведеніе, по свидѣтельству современника eben sowohl, wie Meiners Werk über die Universitäten, einen bedeutenden Einfluss auf die damalige neue Organisation der russischen Universitäten hatte. Denn diese Schöpfung ging vorzüglich von dem damaligen Gehülfen des Ministers der Volksaufklärung, dem herrlichen genialen Muraviev aus[1]). Отдѣленіе образованія отъ воспитанія, мы видѣли, помимо университетовъ сказывалось и въ остальныхъ русскихъ школахъ этого времени.

Наконецъ, вліяніе Новикова на мѣропріятія правительства по вопросу о народномъ просвѣщеніи выразилось и въ чисто матеріальной, такъ сказать, сторонѣ дѣла. Какъ извѣстно, знаменитый издатель книгъ и журналовъ, открывая свои школы, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду поддержку со стороны самого общества, которое и оправдало вполнѣ его ожиданія. И вотъ примѣръ Новикова заставилъ обратиться, къ тому же средству и наше правительство. Уже въ 1781 г., т.-е. вскорѣ послѣ появленія „Утренняго Свѣта“ и открытія Новиковымъ Владимирскаго и Александровскаго училищъ, Екатерина II въ именномъ указѣ отъ 16 февраля, Петербургскому губернскому правленію, по поводу предложенія Строгонова и Завадовскаго объ учрежденіи въ каждой части города словесныхъ судовъ и одной школы, приглашала обывателей и вообще частныхъ лицъ помочь правительству въ этомъ дѣлѣ своими пожертвованіями[2]). Воззваніе императрицы не осталось безъ отвѣта со стороны русскаго общества, и въ томъ же 1781 г. разными лицами на школьныя нужды было пожертвовано 13663 руб.[3]). Въ 1783 г. купецъ Мургановъ пожертвовалъ для школьнаго помѣщенія собственный домъ въ Кронштадтѣ и 400 руб. деньгами, равно и весь доходъ съ лавокъ въ нижнемъ этажѣ этого зданія. Дворянинъ Лазаревъ въ 1784 г. выстроилъ на свои средства подъ училище каменный двухъ-

[1]) Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи, т. I, стран. 49, 496, примѣч. 68.
[2]) Полное собраніе Зак. Рос. имперіи, т. XXI, № 15121.
[3]) Вороновъ, Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1715 по 1828 годъ включительно. С.-Пб. 1849, стран. 12.

этажный домъ въ Царскомъ Селѣ и пожертвовалъ еще 1000 руб. Прихожане Вознесенской церкви въ Петербургѣ въ томъ же году уступили навсегда для школьнаго помѣщенія часть церковнаго дома, а купецъ Михайловъ построилъ въ Петербургѣ для училища каменное двухъ-этажное зданіе[1]). Въ собственноручной запискѣ къ гр. Безбородко (послѣ 1785 г.) Екатерина совѣтовала ему внушить предводителямъ, „чтобъ они какъ между собой, такъ и приглася хотя приватно знатнѣйшихъ дворянъ“ согласились бы пожертвовать извѣстную денежную сумму „на дѣла обществу полезныя“[2]). Около этого же времени Трофимъ Позняковъ пожертвовалъ домъ для Владимирскаго училища въ Петербургѣ[3]). Въ 1786 г. въ именномъ указѣ, отъ 12-го августа, псковскому и смоленскому генералъ-губернатору кн. Репнину объ открытіи народныхъ училищъ императрица объявила о своемъ намѣреніи открыть народныя школы въ 25 губерніяхъ и высказывала надежду на поддержку для себя со стороны самого общества и мѣстныхъ властей, которыя будутъ всячески, и прежде всего путемъ добровольныхъ пожертвованій, оказывать ей содѣйствіе[4]). Подобныя именные рескрипты, отъ 12 августа 1786 г. были разосланы и всѣмъ другимъ намѣстникамъ губерній и между прочимъ Алексѣю Петровичу Мельгунову. Такъ какъ предполагавшіяся къ открытію училища должны были содержаться на средства приказовъ общественнаго призрѣнія, то Екатерина сочла нужнымъ приписать: и доходы оныхъ (приказовъ), при добрыхъ и усердныхъ стараніяхъ начальства и разныхъ обществъ, отъ времени далѣе могутъ умножаться“[5]). Послѣдняя мысль поясняется письмомъ предсѣдателя училищной комиссіи П. В. Завадовскаго къ Мельгунову, отъ 14 августа 1786 г. Поручая ему открытіе школъ въ губерніяхъ Ярославской и Вологодской, Завадовскій замѣчаетъ, что въ данномъ случаѣ необходимо будетъ преодолѣть матеріальныя затрудненія: „Въ соображеніе сего, сообщу не больше какъ одну мою мысль, что въ здѣшней (Петербургской) губерніи

---

[1]) Ibid. стран. 29 — 30.
[2]) Сборн. И. Р. И. Общ., т. 42, стран. 281.
[3]) Вороновъ, Обозрѣніе, стран. 78.
[4]) Полн. Собр. Зак. Рос. имперіи, т. XXII, № 16425.
[5]) Бартневъ, Осмнадцатый вѣкъ, кн. I, стран. 428.

многіе резнительные о благѣ общемъ граждане, въ пользу сего заведенія, добровольнымъ подвигомъ, одни выстроили, другіе дали на школы дома, нѣкоторые же и денежныя подаянія учинили. Подвигнуть подобное благотвореніе и въ вашихъ губерніяхъ средствами, поощряющими усердіе и благость, — дѣломъ будетъ собственнаго вашего благоразсужденія"[1]). Въ 1787 г. письмомъ къ Еропкину Екатерина выразила благодарность Прокофію Демидову за его пожертвованія на школы въ Москвѣ; монаршее благоволеніе обѣщано было и всѣмъ тѣмъ, „кои примутъ участіе въ толикихъ благихъ подвигахъ, общее добро заключающихъ"[2]). Въ 1788 г. въ именномъ указѣ, отъ 8-го января данномъ главнокомандующему Выборгской губерніи графу Брюсу, объ отдачѣ въ приказъ общественнаго призрѣнія собираемыхъ въ таможняхъ Выборгской губ., процентныхъ съ каждаго пошлиннаго рубля денегъ для обращенія изъ процентовъ въ пользу училищъ, Екатерина II высказываетъ вмѣстѣ благодарность частнымъ лицамъ за доброхотныя подаянія и за содѣйствіе заботамъ правительства о просвѣщеніи народа[3]). Общественная благотворительность на школьныя нужды сказывается теперь и въ городахъ Сибири: 14 іюня 1789 г. въ засѣданіи членомъ Государственнаго Совѣта разсматривался докладъ генералъ-поручика Пиля изъ Барнаула, въ которомъ послѣдній, сообщая объ открытіи въ Колыванской губерніи главнаго народнаго училища, просилъ разрѣшить ему „внесенную благотворителями наукъ сумму въ 805 руб. 70 коп. состоящую", употребить на содержаніе учителей, и въ приказъ общественнаго призрѣнія, для содержанія вновь основанной школы, отпустить изъ казны 10000 руб.[4]). Въ 1794 г. на средства тайнаго совѣтника Зиновьева, обязавшагося въ теченіе 10 лѣтъ вносить по 4500 руб. ежегодно въ приказъ, при мѣстномъ Главномъ народномъ училищѣ былъ открытъ пансіонъ на 12 воспитанниковъ, число которыхъ въ 1796 г. увеличилось еще шестью пансіонерами и четырьмя полупансіонерами. Въ 1799 г. число учениковъ было ограничено 12 пансіоне-

[1]) Ibid., стран. 429.
[2]) Сочиненія Екатер. II, т. III, стран. 381.
[3]) Полн. Сборн. Зак., т. XXII, № 16604.
[4]) Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I, стран. 192—194.

рами; 1803 г. Зиновьевъ снова обязался вносить по 1000 руб. ежегодно въ теченіе 12 лѣтъ для содержанія 10 пансіонеровъ и по 500 руб. на продолженіе образованія въ университетѣ одного изъ двухъ лучшихъ учениковъ изъ окончившихъ курсъ пансіонеровъ.[1]) Въ 1790 г. коллежскій асессоръ Атипровъ пожертвовалъ домъ для Вознесенскаго училища въ Петербургѣ [2]). Въ 1795 г. на содержаніе школъ въ столицѣ поступило 2000 руб. отъ наслѣдниковъ кн. Потемкина[3]). Въ томъ же году дворяне Новгородъ-Сѣверской губ. пожертвовали на разныя нужды въ тамошній приказъ общественнаго призрѣнія 12000 руб.[4]). Къ 1803 г. денежныя пожертвованія на школы, начиная съ 1786 г. въ Новгородской губерніи равнялись 2873 руб., въ Псковской губ.— 1270 руб., а въ Вологодской губ. 2242 руб. 55 коп.[5]).

Но особенно крупные размѣры приняла общественная благотворительность на нужды народнаго просвѣщенія въ царствованіе имп. Александра I. Постановка учебнаго дѣла и широкая организація школъ въ это время безспорно требовали огромныхъ государственныхъ расходовъ. Для примѣра достаточно указать, что на содержаніе одного Московскаго университета, вмѣсто прежнихъ 60000 руб. въ годъ, теперь рѣшено было отпускать изъ казны 120000 руб.[6]). Указанная Новиковымъ мѣра, а именно, — обращеніе за поддержкой — къ самому обществу — на этотъ разъ могла оказать правительству существенную помощь. И вотъ въ именномъ указѣ Сенату отъ 24 января 1803 г., объ устройствѣ училищъ мы читаемъ: государь „удостовѣренъ, что всѣ вѣрноподданные примутъ дѣятельное участіе въ сихъ заведеніяхъ для пользы общей и каждаго учреждаемыхъ; и тѣмъ самымъ будутъ споспѣшествовать попеченіямъ о семъ предметѣ“[7]). Да, безъ матеріальной поддержки со стороны всего русскаго общества здѣсь едва ли можно было обойтись: всѣ училища ставятся въ непосредственную связь съ университетами, а новые университеты предполагаются въ Петербургѣ, Казани,

---

[1]) Вороновъ, Историко-статистическое обозрѣніе, стран. 57 — 8.
[2]) Ibid., стран. 78.
[3]) Ibid., стран. 81.
[4]) Архивъ Госуд. Совѣта, т. I, ч. II, стран. 724.
[5]) Вороновъ, Обозрѣніе, стран. 82.
[6]) Архивъ Государ. Совѣта, т. III, ч. II, стран. 669 — 70.
[7]) Пол. Собр. Зак., т. XXVII, № 20597.

Харьковѣ, Кіевѣ, Тобольскѣ, Великомъ Устюгѣ и другихъ городахъ по мѣрѣ надобности; частныя лица и мѣстныя власти, поэтому, еще разъ призываются содѣйствовать дѣлу народнаго просвѣщенія[1]). Въ томъ же году въ актѣ утвержденія императорскаго университета въ Вильнѣ, отъ 4-го апрѣля государь опять обращается къ частнымъ лицамъ и приглашаетъ вѣрноподданныхъ оказать ему матеріальное содѣйствіе[2]). Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ общество, при всемъ желаніи было не въ силахъ поддержать правительство денежными средствами. Въ высочайше утвержденномъ докладѣ министра народнаго просвѣщенія отъ 9 января 1810 г., по поводу жалобы попечителя Московскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Голенищева-Кутузова на недостатокъ школъ въ Москвѣ и окрестныхъ городахъ, содержится предложеніе: въ виду того, что нѣтъ надежды, чтобъ городскія общества, по крайне недостаточному состоянію своему согласились что-либо принести на пользу оныхъ (школъ): то сумму, которая имѣетъ быть отпущена на первые два года употребить на построеніе... хотя небольшихъ деревянныхъ домовъ, дабы училища имѣли постоянныя пристанія[3]). При всемъ томъ писатель Челищевъ былъ несомнѣнно правъ, когда увѣрялъ въ „Путешествіи по Сѣверу Россіи“, что если правительство „пресѣчетъ на время сребролюбивую свою склонность и покажетъ искреннюю наклонность къ общественному благу и выиграетъ довѣренность, то еще засыплютъ деньгами, дворяне, купцы и всѣ степени“[4]). Извѣстный богачъ Демидовъ пожертвовалъ 300000 руб. деньгами и 3578 душъ крѣпостныхъ крестьянъ, а также библіотеку, кабинеты натуральной исторіи, медалей и художественныхъ рѣдкостей для открытія въ гор. Ярославлѣ высшаго учебнаго заведенія. Въ своемъ прошеніи по этому поводу Демидовъ сознается, что главнымъ побужденіемъ основать Лицей для него являлся „примѣръ его императорскаго Величества, открывающій путь къ всеобщему просвѣщенію въ Россіи“[5]). Государственный Совѣтъ, въ засѣданіи 14 мая

---

[1]) Ibid., §§ 14, 48.
[2]) Пол. Собр. Зак., т. XXVII, № 20701.
[3]) Пол. Собр. Зак., т. XXXI, № 24458.
[4]) Путешест. по Сѣверу Россіи въ 1791 г. Дневникъ П. И. Челищева. С.-Пб. 1886, стран. 270 — 74.
[5]) Полное Собр. Зак. т. XXVII, № 20785.

1803 г., принимая во вниманіе огромные размѣры пожертвованія, постановилъ наградить Демидова орденомъ Владимира 1-й степени, по примѣру гр. Шереметева [1]). Оберъ-камергеръ гр. Шереметевъ удостоенъ былъ подобной же награды за соотвѣтствующія колоссальныя пожертвованія на учрежденіе въ Москвѣ странноприимнаго дома. Государственный Совѣтъ, въ засѣданіи 20 апрѣля 1803 г. призналъ благотворителя заслуживающимъ не только ордена Владимира 1-й степени, но и золотой медали, которую долженъ былъ вручить Шереметеву правительствующій Сенатъ въ общемъ своемъ собраніи [2]). Князь Безбородко пожертвовалъ 221920 руб. на учрежденіе въ гор. Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія; для той же цѣли онъ уступилъ навсегда мѣсто съ садомъ для училища, матеріалъ для постройки зданія, а также 3000 душъ крѣпостныхъ крестьянъ въ Малороссіи, обязанныхъ ежегодно вносить по 15000 руб. на содержаніе этого заведенія [3]). По волѣ завѣщателя, въ Нѣжинскую школу должны были приниматься не только дворяне, но и молодые люди изъ другихъ сословій. Государственный Совѣтъ въ засѣданіи 17 іюля 1805 г., постановилъ наименовать будущее учебное заведеніе Гимназіей высшихъ наукъ князя Безбородка [4]). Въ 1810 г. графиня Плашнеръ, владѣлица селъ Здольбицы, Здолбонова и Петигорецъ Волынской губ. завѣщала 150000 золотыхъ въ пользу госпиталя и хирургическаго отдѣленія при Волынской гимназіи [5]). Крупныя пожертвованія на школы были особенно часты въ Виленскомъ учебномъ округѣ. Потребность въ образованіи назрѣла до такой степени, что отдѣльныя общества и сословія сами обращаются къ правительству съ просьбами открыть у нихъ учебныя заведенія, и готовы, съ своей стороны, на разныя пожертвованія для нихъ. Но наше вниманіе не столько останавливаетъ на себѣ какое-нибудь прошеніе тверскаго дворянства въ 1805 г. въ главѣ съ генералъ-аншефомъ, губернскимъ предводителемъ — Тутолминымъ, объ открытіи въ Твери института для благородныхъ дѣвицъ [6]), сколько

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, т. III, ч. II, стран. 671.
[2]) Ibid., стран. 941.
[3]) Полное Собр. Зак. т. XXVIII, № 21852.
[4]) Архивъ Госуд. Совѣта. т. III, ч. II, стран. 672—73.
[5]) Полное Собр. Зак., т. XXXI, № 24074.
[6]) Ibid., т. XXVIII, № 21691.

просьба купца Сверенкова собственнымъ иждивеніемъ построить въ сравнительно глухой Костромской губерніи и при Тихоновской пустыни школу для крестьянскихъ дѣтей и богадѣльню для отставныхъ солдатъ (тотъ же купецъ еще раньше выстроилъ въ селѣ Шилешки странноприимницу)“ [1])

Въ 1809 г. именитый гражданинъ Шараповъ пожертвовалъ 12000 руб. для построенія съ процентовъ сельскаго училища при Палтогскомъ приходѣ (Олонецкой губ., Вышегорскаго уѣзда), которое и было открыто въ 1819 г.[2]) Въ Вологдѣ въ 1819 г. мѣщаниномъ Муромцевымъ было заведено училище даже съ Ланкастерской системой обученія[3]). Впрочемъ, еще въ 1801 г. по свидѣтельству Вигеля, дворяне Пензенской губ., „желая угодить правительству, на первомъ съѣздѣ сдѣлали большія пожертвованія для основанія училища, и сумма изъ того составившаяся обращена впослѣдствіи на учрежденіе губернской гимназіи[4]). Въ 1803 г. тульскій помѣщикъ, надв. совѣтн. Шатиловъ, обязался ежегодно вносить въ приказъ общественнаго призрѣнія по 1500 руб. на разныя богоугодныя назначенія“ и по 600 руб. въ распоряженіе приказа за что и былъ награжденъ орденомъ Анны 2-го класса. На пожертвованныя Шатиловымъ средства было открыто училище и „выукамъ“ его, по примѣру юнкерскаго института, присвоены чины коллегіи юнкеровъ[5]). Въ 1805 г., по представленію тульскаго гражданскаго губернатора, дѣйств. ст. сов. Протасова, за заведеніе въ селѣ Троицкомъ больницы для крестьянъ, содержаніе которой обходилось этому помѣщику ежегодно въ 4000 руб., равно и за другія его „знатныя“ пожертвованія въ пользу бѣдныхъ, пожалованъ отъ Государственнаго Совѣта орденомъ Владимира 3-й степени[6]). Въ 1805 г. графъ Ильинскій подалъ на высочайшее имя прошеніе о позволеніи ему открыть въ помѣстьи его Романовѣ институтъ для глухонѣмыхъ. „По начертанію сему, — говорится въ протоколѣ Государственнаго Совѣта отъ 8-го мая, графъ Ильинскій предназначаетъ капиталъ 120000 руб., коего бы проценты

[1]) Ibid., № 21734.
[2]) Вороновъ, Истор.-статистич. обозрѣніе, стран. 147.
[3]) Ibid., стран. 157.
[4]) Воспом. Вигеля, ч. I, стран. 212.
[5]) Архивъ Государствен. Совѣта, т. III, ч. II, стран. 941.
[6]) Арх. Госуд. Совѣт., т. III, ч. 2, стран. 943.

обращались потомственно на содержаніе сего заведенія, и 80000 руб. на построеніе дома и нужныя приготовленія“ [1]). Разумѣется, императоръ охотно далъ на то свое согласіе [2]). Въ 1806 г. надворный совѣтникъ Михаилъ Кусовниковъ пожертвовалъ 50.000 руб. на постройку зданія для приходскихъ училищъ въ Петербургѣ. Помимо монаршаго благоволенія, подобное прочимъ, таковыя приношенія сдѣлавшимъ“, Государственный Совѣтъ нашелъ справедливымъ наградить Кусовникова и орденомъ Анны 2-го класса [3]), по примѣру надворн. совѣтн. Мальшина. Послѣдній пожертвовалъ незадолго предъ тѣмъ 50.000 руб. на устройство въ Рязани богадѣльни для 24 человѣкъ, половина которыхъ должна была состоять изъ отставныхъ солдатъ [4]).

Какъ видимъ, общественная благотворительность, въ первую половину царствованія Александра Павловича далеко не ограничивалась одними учебными заведеніями, но стала простираться и на разные богоугодныя учрежденія, т.-е. больницы, богадѣльни, странноприимницы и пр.

Изъ учебныхъ заведеній особенно обильными пожертвованіями пользовались университеты. Послѣдніе, по словамъ академика Сухомлинова, „получали щедрые приношенія со всѣхъ краевъ Россіи, отъ всѣхъ сословій. Минцъ — кабинетъ Харьковскаго университета обогащенъ вкладами императрицы Елизаветы Алексѣевны, графа Северина Осиповича Потоцкаго и адмирала Чичагова, который прислалъ въ университетъ значительное число отбитыхъ у непріятеля монетъ и медалей. Обыватели вносили свою ленту: безплатно уступили земли подъ университетскія зданія и удѣляли часть изъ своихъ скромныхъ доходовъ. Херсонское дворянство положило внести сорокъ тысячъ рублей въ теченіе десяти лѣтъ, а Екатеринославское — болѣе ста тысячъ. Огромная сумма принесена университету харьковскимъ дворянствомъ. Дворянство Слободско-Украинской губерніи положило внести въ пользу университета 400.000 рублей, въ теченіе шести лѣтъ, считая съ начала 1803 г.; купцы обязались вносить въ теченіе десяти лѣтъ по 1¼ процента съ объявленнаго

---

[1]) Ibid., стран. 671 — 72.
[2]) Полное Собр. Зак. т. XXVIII, № 21765.
[3]) Архивъ Госуд. Совѣта, т. III, ч. II, стран. 674.
[4]) Ibid., стран. 943 — 44.

по совѣсти капитала; гражданство назначило всѣ накопившіеся съ 1783 г., по городу Харькову остатки отъ откупной суммы и т. д.“[1]).

Обычнымъ средствомъ благодарить жертвователей, къ какому прибѣгало теперь русское правительство, являлось награжденіе орденами. Попечитель Московскаго учебнаго округа, сенаторъ П. И. Голенищевъ-Кутузовъ въ письмѣ отъ 4 декабря 1811 г., къ гр. Разумовскому, министру народнаго просвѣщенія, настойчиво доказывалъ, что правительство не должно скупиться на подобныя награды; не слѣдуетъ забывать, писалъ онъ, что поощренія орденомъ за пожертвованія на учебныя заведенія будутъ и другихъ поощрять къ тому же „Слава Богу, говорю я, что знаки отличія, не дорого казнѣ стоющіе, привлекаютъ приношенія драгоцѣнныя, ежедневно возрастающія“; за послѣднее время благодаря этому „университеты обогатились паче прежняго“[2]). Изъ жертвователей на Московскій университетъ Кутузовъ указывалъ на купца Пантелѣева, получившаго орденъ Владимира 4-й степени, на Ферапонтова и грека Зосиму[3]). Послѣдній прямо хлопоталъ о томъ, чтобы удостоиться ордена, и откровенно сознавался, что если правительствомъ будутъ благопріятно приняты его вклады на пользу Московскаго университета и оно „поддержитъ“ его, то онъ „важнѣйшія сдѣлаетъ пособія всему университету вообще, и драгоцѣнную рѣдкую свою коллекцію золотыхъ и серебряныхъ медалей готовитъ ему въ подарокъ кромѣ денежныхъ имъ предположенныхъ пособій“[4]). Тому же университету былъ пожертвованъ дѣйствительнымъ камергеромъ Всеволожскимъ минералогическій кабинетъ стоимостью въ 20.000 руб., въ отвѣтъ на что послѣдовала высочайшая благодарность при именномъ рескриптѣ съ орденомъ Анны 2-й степени[5]). Самъ Голенищевъ-Кутузовъ сдѣлалъ много разнообразныхъ пожертвованій всякаго рода учебнымъ обществамъ и учебнымъ заведеніямъ и другихъ склонялъ къ тому же. Сохранившійся реестръ, который былъ предста-

---

[1]) Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи, т. I, стран. 140. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царств. импер. Александра I.
[2]) Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, т. II, стран. 370—71.
[3]) Ibid., стран. 339, 369.
[4]) Ibid., стран. 339.
[5]) Ibid., стран. 370, примѣч.

вленъ этимъ попечителемъ Московскаго округа министру народнаго просвѣщенія гр. Разумовскому въ 1811 г., показываетъ, что Кутузовъ пожертвовалъ, Обществу исторіи и древностей россійскихъ — дорогой портретъ государя, „за раму одну коего заплачено 300 руб.“, тому же обществу — 20 старинныхъ книгъ церковной печати на сумму 350 руб.; физико-медицинскому обществу — 250 сочиненій по медицинѣ на русскомъ языкѣ, стоимостью 760 руб. и 28 старинныхъ медицинскихъ книгъ на нѣмецкомъ языкѣ, случайно купленныхъ за 118 руб., обществу любителей россійской словесности — полныя собранія сочиненій Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и Державина, на сумму 170 руб., Ярославской гимназіи — 16 томовъ сочиненій Бюфона, цѣной въ 480 руб.,— всего имъ пожертвовано на 2178 рублей. Его ежегодныя пожертвованія разнымъ ученымъ обществамъ равнялись 300 руб. Онъ побуждалъ и многихъ другихъ лицъ къ подобнымъ приношеніямъ, а отъ дворянъ и купцовъ четырехъ губерній добылъ крупныя суммы на постройку и исправленіе школьныхъ зданій и т. д.[1]).

Въ 1814 г. Кутузовъ писалъ министру, что основатель лицея въ Ярославлѣ — Павелъ Григорьевичъ Демидовъ, „коего мы, яко благотворителя, должны беречь, а по старости его, яко дитя утѣшать и няньчить“, обѣщаетъ отказать 100.000 руб. на библіотеку и музей Московскаго университета, если правительствомъ будетъ уволенъ въ купеческое званіе его крѣпостной крестьянинъ Бѣлоусовъ; послѣдній, въ свою очередь обѣщаетъ отписать на училище капиталъ въ 10000 руб., однихъ процентовъ съ котораго будетъ получаться ежегодно 500 руб.[2]). Николай Никитичъ Демидовъ предложилъ въ 1814 г. для того же университета собственный домъ въ Слободѣ, такъ какъ въ это время, послѣ пожара въ Москвѣ въ 1812 г. университетъ помѣщался въ наемныхъ зданіяхъ[3]). Вигиль сообщаетъ, что пензенскіе помѣщики въ 1814 г., по случаю занятія Парижа русскими войсками, собрали значительную денежную сумму на дѣла богоугодныя[4]). Общественная благотворительность,

---

[1]) Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, т. II, стран. 350—361.
[2]) Ibid., стран. 438.
[3]) Ibid., стран. 422.
[4]) Воспоминанія, ч. IV, стран. 107.

постепенно принимавшая теперь все болѣе широкіе размѣры, приводила въ изумленіе самихъ современниковъ. Еще въ 1811 г. попечитель Московскаго учебнаго округа радовался „пожертвованіямъ, въ пользу университета толь часто дѣлаемымъ“, и что въ Россіи „патріотическій духъ до такой степени возженъ и къ такимъ подвигамъ побуждаетъ“[1]). Князь А. Н. Голицынъ писалъ 4 января 1818 г. къ графу А. К. Разумовскому: „Каждому изъ соотечественниковъ нашихъ, безъ сомнѣнія, пріятно видѣть, что благотворительность, коею отечество наше всегда отличалось, нынѣ наиболѣе въ ономъ распространяется и что учреждаются *даже цѣлыя общества*, посвящающія себя постоянному служенію сей священнѣйшей христіанской добродѣтели“.

Особенно много, по словамъ Голицына, сдѣлало добра Петербургское Императорское человѣколюбивое общество, существующее уже 12 лѣтъ и призрѣвшее многія тысячи несчастныхъ, отдѣленіе котораго подъ именемъ попечительнаго комитета о бѣдныхъ открыто и въ Казани, подобный же комитетъ возникаетъ и въ Москвѣ, и авторъ письма увѣряетъ, что мѣстные жители „толикими подвигами и пожертвованіями ознаменовывающіе пламенную любовь свою къ отечеству и ближнимъ“, не замедлятъ оказать матеріальную помощь новому учрежденію[2]).

Графъ Разумовскій, отвѣчая Голицыну, проситъ принять отъ него въ Московскій комитетъ 500 руб. и добавляетъ, что, по его мнѣнію, подобныя учрежденія, будучи несомнѣнно результатомъ „разливающагося повсюду нынѣ“ духа христіанской благотворительности, въ силу чего средства комитетовъ „усиливаются приношеніями многихъ“ имѣютъ и свою отрицательную сторону, потому что обращаютъ благотворительность въ простую моду и нерѣдко развиваютъ въ жертвователяхъ суетное тщеславіе[3]). Но тѣ же современники усматривали въ поступкѣ жителей южныхъ губерній Россіи, которые собрали до 1.000.000 рублей въ пользу Харьковскаго университета, прямое доказательство того, что послѣдніе чувствовали „всю важность учебныхъ заведеній“[4]). На-

---

[1]) Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, т. II, стран. 370—371.
[2]) Ibid., стран. 528—29.
[3]) Ibid., стран. 530.
[4]) Ibid., стран. 531.

сколько сильно вопросъ о просвѣщеніи страны путемъ школъ и дѣла благотворительности волновали умы русскихъ людей этого времени, можно судить и по тому факту, что основанное въ 1817—18 гг. тайное политическое общество, наз. Союзомъ благоденствія, на ряду съ заботами объ исправленіи суда и развитія промышленности, ставило также въ числѣ важнѣйшихъ задачъ своей дѣятельности: 1) „человѣколюбіе, т.-е. успѣхи частной и общей благотворительности", члены этой группы должны были имѣть надзоръ „за всѣми благотворительными заведеніями, увѣдомляя начальство оныхъ и самое правительство о могущихъ вкрасться въ оныя злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, равно и о средствахъ исправленія, или усовершенствованія"; 2)„ умственное и нравственное образованіе распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ, особенно ланкастерскихъ и вообще содѣйствіемъ въ испытаніи юношества" [1]). Авторъ секретнаго донесенія по поводу закрытія масонскихъ ложъ въ Россіи въ 1822 г. говоритъ, что въ это время каждый молодой человѣкъ, чтобы его считали образованнымъ и передовымъ, долженъ былъ „болѣе всего представляться *филантропомъ* и русскимъ патріотомъ".

Какъ видимъ, къ концу первой четверти XIX вѣка общественная благотворительность до такой степени стала у насъ обычнымъ явленіемъ, что обратилась буквально въ моду и сдѣлалась вывѣской порядочности и благовоспитанности. Но что особенно важно, тотъ же авторъ донесенія безъ всякихъ колебаній признавалъ подобное настроеніе среди своихъ современниковъ живымъ и несомнѣннымъ отзвукомъ филантропической и просвѣтительной дѣятельности Н. И. Новикова; по его словамъ, Новикова и мартинистовъ забыли, но духъ ихъ пережилъ и, глубоко укоренившись, производилъ безпрестанно горькіе плоды. Должно замѣтить, что планъ Новиковскаго общества былъ почти тотъ же, какъ и „Союзъ благоденствія" [2]).

Дошло дѣло, наконецъ, до того, что правительству приходилось иногда принимать даже репрессивныя мѣры противъ общественной благотворительности. Когда въ 1821 г.

---

[1]) „Русская Старина" 1901, августъ, стран. 272—73. Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи.

[2]) „Русская Старина" 1877, апрѣль, стран. 657 сл.

во многихъ губерніяхъ Россіи обнаружился ужасающій голодъ и нѣкоторые филантропы вздумали объявить всенародную подписку въ пользу пострадавшихъ, то правительство запретило подобный сборъ пожертвованій. Графъ В. П. Кочубей въ собственноручномъ всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 8-го апрѣля этого года, доносилъ императору изъ Петербурга, что объявленная благотворительная подписка на голодающихъ получила явный характеръ политической демонстраціи и имѣла цѣлью выразить протестъ противъ государственныхъ властей за недостаточно заботливое отношеніе къ участи потерпѣвшихъ отъ неурожая [1]). Благотворителямъ пришлось обратиться къ секретной подпискѣ и тайно собирать приношенія [2]).

М. Тумановъ.

Существенныя черты русскаго масонства въ XVIII столѣтіи.

Мистицизмъ составлялъ вообще одну изъ главнѣйшихъ особенностей нашего масонства, какъ и цѣлаго нравственно-религіознаго движенія въ европейскомъ обществѣ XVIII вѣка. Присутствуя въ масонствѣ первоначально только легкимъ оттѣнкомъ его идеальныхъ тенденцій, мистицизмъ потомъ все сильнѣе и сильнѣе проникалъ его, особенно въ континентальныхъ ложахъ, гдѣ онъ находилъ поддержку въ туземномъ піэтизмѣ, и дошелъ до крайнихъ предѣловъ фантастики во второй половинѣ XVIII вѣка, когда всѣ направленія европейской мысли достигли послѣдней степени напряженія. Названіе мистицизма прилагается, вообще, къ тому нравственно-религіозному взгляду, который принимаетъ, что ясное понятіе о Божествѣ, природѣ и человѣкѣ невозможно для обыкновеннаго человѣческаго познанія, что этого понятія не доставляютъ и положительныя религіи, и что оно достигается непосредственнымъ приближеніемъ къ божеству, чудеснымъ единеніемъ съ высшимъ божественнымъ міромъ, которое происходитъ внѣ всякой дѣятельности сухого разсудка. Такимъ образомъ, основной чертой мистицизма

---

[1]) „Русская Старина“ 1902, февраль, стран. 390.
[2]) Ibid., 1901, августъ, стран. 273.

является сильно возбужденное религіозное чувство и вмѣстѣ предположеніе полной недостаточности разума, безсильнаго постигать высокія и таинственныя истины (изъ которыхъ мистикъ дѣлаетъ свою исключительную принадлежность), а потому не имѣющаго и словъ для ихъ выраженія. Чѣмъ сильнѣе возбуждаются въ человѣкѣ эти сверхъестественныя стремленія, и чѣмъ меньше онъ находитъ помощи въ разумномъ знаніи и мышленіи, тѣмъ больше онъ склоненъ впадать въ мистицизмъ. Мистикъ живетъ только чувствомъ и фантазіей, и стремленіе знать истину естественно превращается у него въ фантастическое желаніе проникнуть въ иной сверхъчеловѣческій міръ и найти успокоеніе въ единеніи съ „причиной всего“, божественнымъ духомъ...

Понятно, что это настроеніе можетъ имѣть множество различныхъ степеней, отъ спокойнаго чувства религіозности, которое ищетъ только личнаго нравственнаго удовлетворенія и такъ часто выражается въ формѣ скромнаго благочестія, до крайней неясности мысли, блуждающей въ теософскомъ туманѣ, до чрезмѣрнаго возбужденія, переходящаго въ патологическій экстазъ и галлюцинаціи, или до фанатическаго ожесточенія, отвергающаго всякія права человѣческаго разума и доходящаго до послѣднихъ крайностей обскурантизма. Эти различныя степени и характеры мистицизма опредѣляются и вызываются различными обстоятельствами,— цѣлымъ характеромъ времени, степенью его знаній, общественными условіями, дающими мистицизму дорогу въ тѣ или другіе классы общества, наконецъ, личными свойствами индивидуумовъ, болѣзненными неправильностями организаціи, которыя дѣлаютъ людей склонными къ фантастикѣ, экстазтическому самозабвенію и сомнамбулизму. Всѣ эти различныя проявленія мистики трудно, конечно, подвести подъ одно точное опредѣленіе, и мистическія направленія въ общественной жизни могутъ быть весьма различны и подлежать разной исторической оцѣнкѣ. Была большая разница между Фенелономъ, Сенъ-Мартеномъ и Жозефомъ де-Местромъ.

Основная черта, раздѣляющая эти оттѣнки мистицизма, есть ихъ отношенія къ правамъ человѣческой мысли. Всякій мистицизмъ уже до нѣкоторой степени отказывается слѣдовать за простыми индуктивными внушеніями разума; но есть мистицизмъ, который положительно презираетъ эти внушенія,

вступаетъ въ открытую вражду съ разумомъ, — и этотъ мистицизмъ способенъ стать злѣйшей язвой для умственнаго развитія общества. Это — прямой источникъ невѣжества и вражды къ наукѣ. Онъ ссылается на внутреннія указанія чувства; но въ этой темной области чувства онъ всего меньше бываетъ способенъ отдѣлить разумное отъ неразумнаго, достойное отъ недостойнаго; повинуясь одному неясному и обманчивому чувству, составляющему только слабѣйшую степень разума, и отвергая самый разумъ, этотъ мистицизмъ гораздо скорѣе обращается на зло, чѣмъ на добро, — въ особенности, когда онъ становится дѣятельной пружиной въ общественной и политической жизни, и когда при этомъ гнусное лицемѣріе дѣлаетъ его своимъ орудіемъ, злоупотребляя священнымъ именемъ религіи для низкой, своекорыстной интриги. Исторія и, между прочимъ, исторія русскаго просвѣщенія представляетъ, къ сожалѣнію, немало примѣровъ этого послѣдняго рода.

Исторически судьба мистицизма представляетъ необозримо длинную лѣтопись господства его надъ человѣческою мыслью и трудной борьбы, которую вела противъ него раціональная мысль и наука. Представленія мистическаго характера являются у всѣхъ народовъ, при первомъ выходѣ ихъ изъ грубаго фетишизма въ болѣе идеальныя религіи. Эти представленія и вообще остаются наиболѣе популярнымъ разрядомъ понятій въ народныхъ массахъ, соотвѣтственно низкой степени ихъ умственнаго развитія, и эти массы всегда представляли удобную почву для всѣхъ крайностей и преувеличеній мистицизма. Примѣромъ могутъ служить безчисленныя фантастическія секты, господствовавшія въ народныхъ массахъ съ древнѣйшаго и до настоящаго времени. Но мистицизмъ игралъ свою роль и въ обществахъ цивилизованныхъ, какъ литературное и философское направленіе. Главнѣйшей эпохой такого мистицизма былъ александрійскій періодъ, когда историческое развитіе греческой философіи завершилось неоплатонизмомъ и другими мистическими школами того же времени, искавшими въ мистикѣ исхода изъ философскаго скептицизма. Мистика, въ значительной мѣрѣ выходившая изъ этихъ источниковъ, стала господствующимъ характеромъ средневѣковаго міровоззрѣнія, къ которому примыкаетъ и мистическо-нравственное настроеніе средневѣко-

выхъ цеховъ, составляющихъ первый зародышъ новѣйшаго масонства. Съ тѣхъ поръ традиція мистицизма не прекращалась до самаго послѣдняго времени — и въ литературѣ, гдѣ онъ являлся реакціей противъ сухого школьнаго догматизма или рѣзкихъ крайностей матеріалистической философіи (какъ въ періодъ нѣмецкаго піэтизма и въ XVIII вѣкѣ), и въ общественной массѣ, гдѣ его фантастика соединилась съ алхиміей и магіей, или производила болѣе или менѣе экзальтированныя религіозныя секты. Въ этой длинной своей исторіи мистицизмъ получалъ иногда смыслъ оппозиціи противъ умственнаго застоя и нравственнаго гнета, но въ концѣ концовъ, если ему случалось пріобрѣтать силу и власть въ обществѣ, онъ всегда переходилъ въ преслѣдованіе науки и свободы мысли. Обѣ эти роли играло и мистическое масонство XVIII вѣка.

Почему мистика ведетъ естественно къ обскурантизму, это слѣдуетъ изъ самой ея природы. Отличительная особенность мистицизма та, что онъ ставитъ себя внѣ и выше обыкновенной науки и раціональнаго мышленія, и единственнымъ руководителемъ своимъ признаетъ индивидуальное чувство и напряженное внутреннее созерцаніе: онъ лишенъ поэтому всякаго критеріума кромѣ произвольнаго вкуса и личнаго удовлетворенія. Такимъ образомъ, мистицизмъ и точное знаніе противоположны по самой сущности, какъ враждебны строгая мысль и произволъ, точный фактъ и фантазія. Таково и было дѣйствительно ихъ историческое отношеніе. Въ средніе вѣка господство мистицизма было упадкомъ всѣхъ начатковъ точной науки, которые были оставлены классическою древностью; произвольная фантастика сдѣлала безплодными всѣ прежніе результаты научнаго знанія, и сама безсильна была создать какіе-нибудь новые. Въ людяхъ исчезла всякая способность смотрѣть на предметы съ научной точки зрѣнія...

Мистическія науки среднихъ вѣковъ не вдругъ уступили свое мѣсто новой наукѣ. Со временъ „возрожденія“ имъ наносимы были сильные удары, со стороны гуманизма, который возвращалъ умы къ положительности древнихъ, и со стороны точныхъ наукъ, которыя уже начинали владѣть оружіемъ строгаго научнаго метода, разрушавшаго, мало-помалу, всѣ прибѣжища стараго суевѣрнаго невѣжества. Но въ XVII столѣтіи Кеплеръ, которому такъ много обязана

астрономическая наука, все еще вѣрилъ въ астрономію: такъ медленно совершалась побѣда. Въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ, здравыя знанія и критика сдѣлали однако такіе громадные успѣхи, что, кажется, трудно было бы представить себѣ, чтобы послѣ открытій Галилея и Ньютона, послѣ Декарта, Локка, Спинозы, послѣ знаменитыхъ математиковъ и физиковъ, послѣ рѣзкихъ вызововъ англійскаго и французскаго скептицизма, въ умахъ второй половины XVIII вѣка могли найти мѣсто тѣ фантастическія представленія о міровомъ порядкѣ, какія мы находимъ въ масонскомъ мистицизмѣ, и какія приличны были развѣ только среднимъ вѣкамъ. И однако же, во второй половинѣ XVIII вѣка, распространеніе мистицизма привело опять къ алхиміи, магіи, мистической ариѳметики и каббалистическимъ умствованіямъ. Нельзя представить себѣ болѣе рѣзкаго примѣра соединенія въ одной эпохѣ двухъ противоположныхъ вещей.

Объясненіе этой видимой странности находится въ томъ, что мистицизмъ воспользовался слабой стороной общества, обратился къ тѣмъ слоямъ этого общества, которые, хотя и знали точныя науки по имени, но были въ нихъ совершенно невѣжественны, и при этомъ соблазнялись однако перспективой получить знаніе тайнъ природы. Для людей мало образованныхъ тайна природы является обыкновенно въ видѣ секрета, извѣстнаго только немногимъ, въ видѣ удивительнаго фокуса и волшебства. Такъ было и здѣсь. Понятно послѣ этого, что мистики этого разряда должны были съ озлобленіемъ обрушиваться на ту науку, которая въ тѣ времена уже способна была раскрывать эти нелѣпости и называла ихъ по имени. Мистики — лицемѣры, распространявшіе эти нелѣпости по особеннымъ соображеніямъ, были, конечно, еще злѣйшими врагами науки, потому что видѣли въ ней явнаго врага своихъ замысловъ. Тѣ и другіе не уставали обвинять науку въ легкомысліи (за непризнаніе его мистическаго глубокомыслія), въ вольнодумствѣ и безбожіи, и эти нападенія и доносы не разъ были поводомъ къ гоненіямъ противъ раціональной науки — какъ было, напр., въ концѣ XVIII столѣтія въ Германіи и въ періодъ бурбонской и іезуитской реставраціи въ XIX вѣкѣ почти во всей Европѣ.

Возвращеніе къ алхиміи и магіи было, со стороны мисти-

ковъ, весьма послѣдовательно. По незнанію элементарныхъ требованій науки, мистики не понимали, что творили; и мистицизмъ, въ противоположность науки, отличается тѣмъ, что онъ неподвиженъ и не способенъ къ развитію. Когда мысль не имѣетъ никакого прочнаго исходнаго пункта, когда все представляется экзальтированной фантазіи, человѣку нужны не факты и выводы знанія, а вещи, дѣйствующія на воображеніе — какъ бы они ни противорѣчили здравой логикѣ. Оттого мистическія фантазіи неподвижны и долговѣчны, въ противоположность развивающемуся движенію науки. Для мистика нѣтъ постепеннаго и труднаго открытія научныхъ знаній; его глубочайшія знанія открываются ему не путемъ изученія, а послѣ извѣстнаго мистическаго искуса, путемъ самоуглубленія, созерцаній и непосредственныхъ вдохновеній; и мистики, раздѣленные многими вѣками научныхъ открытій, могутъ однако совершенно сходиться въ своихъ воззрѣніяхъ, — потому что повторяютъ одну общую тему, предаются одной универсальной фантастикѣ. Относительно происхожденія цѣлой системы своихъ тайноученій, мистическія секты ссылаются очень часто на глубочайшую древность и вѣрятъ въ преемственность тайны, соединяющую новѣйшія времена съ этою древностью. И здѣсь опять та же противоположность науки: послѣдняя мало-по-малу накопляетъ запасъ своихъ истинъ, начиная съ простѣйшихъ наблюденій и постепенно увеличивая количество фактовъ, и расширяя объемъ обобщеній; въ мистикѣ, напротивъ — полнѣйшее знаніе приписывается древнѣйшимъ людямъ: новыя времена и люди не прибавляютъ къ нимъ ничего, и только сберегаютъ въ тайнѣ, извѣстной немногимъ — старое сокровище, стараясь подготовить и другихъ людей къ воспринятію этого сокровища.

Вмѣстѣ съ этимъ стремленіемъ назадъ, мистики естественно готовы видѣть отрывки этихъ древнихъ сверхъестественныхъ знаній во всякомъ мистицизмѣ старыхъ временъ, какой имъ случается узнать; для масонскихъ мистиковъ XVIII вѣка получали равный авторитетъ и мистики XIII—XIV вѣковъ и мистики III — IV столѣтій. Эта мистика удовлетворялась безъ особеннаго разбора всякимъ умозрительно-фантастическимъ туманомъ — поэтому въ масонскомъ мистицизмѣ XVIII вѣка, европейскомъ и русскомъ, почти нѣтъ возможности

разграничить опредѣленныхъ направленій: идеально-фантастическая философія, похожая на неоплатонизмъ, соединялась съ каббалистикой и алхиміей, сведенборгизмомъ и животнымъ магнитизмомъ Месмера, съ вызываніемъ духовъ и чудесными исцѣленіями. Наиболѣе усердные адепты проходили всѣ степени мистическихъ таинствъ; мистикъ легко сближается съ „вдохновеннымъ“, предвѣщателемъ, ясновидящимъ, и точно также съ дѣлателемъ золота, добывателемъ жизненаго элексира и философскаго камня. Такъ было всегда въ мистическихъ сектахъ...

Наше масонство было очень воспріимчиво; въ немъ принимались самыя разнообразныя „системы“: англійская, шведская, французская, разныя нѣмецкія,— и хотя не всѣ могли утверждаться прочно и нѣкоторыя, послѣ извѣстной критики, положительно отвергались, но всѣ могли оставлять слѣды своего присутствія...

Масонство, какъ система понятій, распространялось двумя способами: посредствомъ ложъ, т.-е. прямого посвященія, и посредствомъ литературной пропаганды, и этимъ послѣднимъ путемъ понятія распространялись, конечно, сильнѣе, потому что книга относилась къ гораздо бо́льшому числу людей: эти читатели (если книга на нихъ дѣйствовала) еще не становились, правда, непосредственными членами общества, но по характеру воззрѣній они уже мало отличались отъ нихъ и были приготовлены къ дальнѣйшимъ откровеніямъ масонской мудрости. Черезъ литературу масонство становилось гораздо болѣе обширнымъ явленіемъ, чѣмъ если бъ оно ограничивалось распространеніемъ ложъ: поэтому Новиковъ, какъ дѣятельный и предпріимчивый издатель, пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе въ исторіи русскаго масонства и въ распространеніи мистическихъ идей,— отголоски которыхъ слышатся во все время царствованія императора Александра.

Литературную дѣятельность нашего масонства, вѣроятно, безошибочно можно назвать эклектической. Изданія новиковскаго кружка не представляютъ одной строгой системы — напротивъ, при основномъ мистическомъ характерѣ, они имѣютъ весьма разнообразные оттѣнки. Это было естественно: во-первыхъ, самый мистицизмъ допускаетъ огромное разнообразіе произвольной фантастики, которое одинаково удовле-

творяетъ мистика, недостаточно самостоятельнаго, т.-е. не выбравшаго себѣ одной опредѣленной idée fixe; во-вторыхъ, русскій мистицизмъ, какъ тенденція, и былъ именно слишкомъ новъ и мало самостоятеленъ, — и потому въ самыхъ различныхъ источникахъ искалъ удовлетворенія для своей блуждающей мысли. Наконецъ, русское масонство, какъ орденская „система", долго не устанавливалось въ одну прочную форму, и избранный московскій кружокъ только съ 1782 г. остановился на розенкрейцерствѣ, т.-е. на низшихъ степеняхъ его.

Изданія Новикова, выражавшія его мистическое направленіе, представляютъ, главнымъ образомъ, книги троякаго свойства [1]):

Во-первыхъ, въ эти изданія входили книги, не имѣвшія собственно никакого отношенія къ масонству, но отличавшіяся мистическими свойствами, въ которыхъ новиковскій кружокъ считалъ христіанскую философію и книги аскетическія. Въ этомъ пунктѣ наши масоны какъ бы примыкаютъ къ общепринятой церковной литературѣ, и примыкаютъ совершенно искренно, — потому что, кромѣ того, что наши масоны могли оставаться строго православными, какъ оставался Новиковъ, — въ частности масонство въ ихъ глазахъ сближалось съ церковью и тѣмъ обстоятельствомъ, что обряды ордена, а, слѣдовательно, и ихъ таинственный смыслъ представляли, по ихъ мнѣнію, большое сходство съ обрядами греко-восточной церкви. При общепринятомъ тогда мнѣніи о незапамятной древности масонства и о томъ, что масонство было первоначально именно формальной религіозной мистеріей, нашимъ масонамъ приходила въ голову мысль искать объясненія масонскихъ таинствъ въ монастырскихъ архивахъ. Книги о разныхъ древнихъ религіозныхъ таинствахъ составляли важную принадлежность масонской библіотеки. Такимъ образомъ, общепринятыя мистическія и аскетическія книги совершенно естественно стоятъ въ новиковскихъ изданіяхъ

---

[1]) Въ слѣдующемъ далѣе перечнѣ книгъ мы называемъ вообще книги, выходившія изъ типографіи Новикова, типографической компаніи, Лопухина, — хотя не всегда имѣемъ увѣренность въ происхожденіи книгъ, печатавшихся въ университетской типографіи, отъ иниціативы новиковскаго кружка. Подробное библіографическое изслѣдованіе завело бы насъ слишкомъ далеко; но въ общемъ выводы останутся вѣрны.

рядомъ съ подобными книгами, имѣющими положительный масонскій оттѣнокъ. Къ первому изъ означенныхъ нами отдѣловъ мы именно относимъ эти общепринятыя книги, которыя соотвѣтствовали мистическимъ стремленіямъ масонства, и тѣ, которыя хотя и не были общеприняты и даже казались сомнительными съ православной точки зрѣнія, но вовсе не составляли „орденскихъ“ книгъ, т.-е. писанныхъ въ специфически-масонскомъ смыслѣ.

Такъ, напримѣръ, изъ типографіи Новикова выходили различныя писанія Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Григорія Назіанзина, Діонисія Ареопагита („о небесной іерархіи“), Іустина Философа (1782—1787); — далѣе: блаженнаго Августина (нѣсколько книгъ), Лактанція, Анзельма, Ѳомы Кемпійскаго (1783—1787), — книги Дмитрія Ростовскаго, Ѳеофана Прокоповича, архіепископа Платона; — далѣе, цѣлый рядъ религіозно-мистическихъ поэмъ: „Избіеніе младенцевъ“, Марино, съ итальянскаго (1779); „Авелева смерть“, Геснера; „Искушеніе Авраамово“, съ нѣмецкаго; „Іосифъ“, Битобе (перев. Фонвизина, 2-е изд.); „Потерянный рай“, Мильтона, перев. съ французскаго (1780); „Данінлъ во рвѣ львиномъ“, Мозера (1781); „Плачъ или нощныя размышленія о жизни, смерти и безсмертіи, съ присовокупленіемъ двухъ поэмъ: Страшный судъ и Торжество вѣры“, извѣстнаго англійскаго меланхолика Эдуарда Юнга, перев. съ нѣмецкаго (1785); „Любопытное и достопамятное путешествіе христіанина и христіанки къ блаженной вѣчности“, Іоанна Бюніана, т.-е. знаменитый Pilgrim's Progress Джона Боньяна, и „Собраніе сочиненій“ этого писателя (1786); „Мессіада“, Клопштока (1785—87); „О происхожденіи зла“, поэма Галлера, перев. Карамзина (1786); — наконецъ, рядъ книгъ по мистической философіи: „Разсужденіе противъ атеистовъ и неутралистовъ“, Гуго Гроція (1781); „Христіанинъ воинъ Христовъ и побѣдоносное оружіе“, Эразма Роттердамскаго (1783); „Объ истинномъ христіанствѣ“, Іоанна Арндта, книга пользовавшаяся великимъ уваженіемъ у нашихъ мистиковъ (1784); „О познаніи самого себя“, Іоанна Масона (1783, 2-е изд. 1786), также книга очень уважаемая; „Естественная богословія, или доказательство бытія Божія и свойствъ Божіихъ, почерпнутыхъ изъ дѣлъ творенія“, Дергама, перев. съ французскаго (1784), также книга авторитетная; далѣе, „Боже-

ственная и истинная метафизика", Пордэджа, англійскаго послѣдователя Якова Бёма, перев. съ нѣмецкаго 1787 г. и др.

Мы назвали въ этомъ отдѣлѣ книги Арндта, Масона и др., которыя, собственно говоря, не принадлежатъ къ „орденской" литературѣ, но тѣмъ не менѣе имѣли въ глазахъ нашихъ масоновъ тоже „орденское" значеніе...

Во-вторыхъ. Эти собственно масонскія книги,— писанныя масонами и въ чисто-масонскомъ смыслѣ,— до сихъ поръ еще не были разсмотрѣны въ историко-литературномъ отношеніи въ ихъ полномъ составѣ, а это могло бы очень наглядно опредѣлить пути, которыми распространялся у насъ масонскій мистицизмъ. Трудность опредѣлительнаго вывода объ этомъ предметѣ въ настоящую минуту увеличивается тѣмъ, что книги эти — печатавшіяся нерѣдко тайно, подвергавшіяся запрещеніямъ, конфискаціямъ и истребленію, потомъ потерявшія интересъ — сдѣлались чрезвычайно рѣдки; другія масонскія сочиненія и переводы ходили только въ рукописяхъ между адептами. Наши масоны, какъ и естественно, должны были особенно заботиться объ усвоеніи того обширнаго матеріала, какой уже представляла западная масонская литература. Изъ масонской переписки 1780-хъ годовъ, приведенной у Ешевскаго, мы дѣйствительно видимъ, что собираніе различнаго масонскаго матеріала составляло для нашихъ масоновъ предметъ внимательнѣйшихъ заботъ, и авторъ одного письма радуется, что московскій архивъ ихъ такъ богатъ, какъ едва ли какой-нибудь другой въ Европѣ: русскіе масоны, искавшіе этого матеріала, повидимому, не возбуждали къ себѣ того недовѣрія, какое имѣли другъ къ другу западныя ложи различныхъ системъ. Русская масонская литература того времени точно также есть почти исключительно переводная и эклектическая. Мы назовемъ важнѣйшія изданія новиковскаго кружка, относящіяся къ масонству вообще.

По вступленіи въ орденъ, Новиковъ издавалъ журналы: „Утренній свѣтъ" (1777—1780), „Московское ежемѣсячное изданіе" (1781), „Вечерняя Заря" (1782) и „Покоящійся Трудолюбецъ" (1784), посвященные тому содержанію, которое Новиковъ считалъ полезнымъ для нравственнаго воспитанія общества. Выборъ нравоучительныхъ статей и разсказовъ, наполняющихъ эти журналы, дѣлался уже подъ прямымъ

вліяніемъ масонскихъ вкусовъ, и можетъ характеризовать эти вкусы, какъ многое изъ упомянутаго нами выше въ первомъ отдѣлѣ. Но затѣмъ являются и изданія чисто масонскія, относящіяся прямо къ ордену, выражающія его мысли, защищающія его отъ обвиненій, приготовляющія и призывающія ко вступленію въ него. Вотъ нѣсколько такихъ книгъ: „Карманная книжка для В. К. (т.-е. Вольныхъ Каменьщиковъ) и для тѣхъ, которые не принадлежатъ къ числу оныхъ“ (1783); „Простосердечное наставленіе о молитвѣ“ (1783); „Духъ масонства; нравоучительныя и истолковательныя рѣчи Вильгельма Гучинсона“ (1783); „Апологія или защищеніе ордена Вольныхъ Каменьщиковъ“ (1784); „О заблужденіяхъ и истинѣ“, Сенъ-Мартена (1785); „Опытъ о таинствахъ и подлинномъ предметѣ Свободнаго Каменьщичества“ (въ „магазинѣ Свободн. Каменьщ.“ 1784, т. I, 25—61); „О древнихъ мистеріяхъ и таинствахъ, бывшихъ у всѣхъ народовъ“ (1785); „Новая Киропедія“, Рамзая (1785) и мн. др.

Само собою разумѣется, что масонская *тайна* нисколько не раскрывалась въ этихъ изданіяхъ; напротивъ, ее старательно прятали, или же только самыми неопредѣленными и неясными намеками давали понять читателю, что если бъ онъ вступилъ въ орденъ, то нашелъ бы въ немъ раскрытіе всѣхъ глубочайшихъ истинъ, о которыхъ онъ и не подозрѣваетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно встрѣтить здѣсь и филиппики противъ ложнаго масонства въ томъ родѣ, какъ ужасался и избѣгалъ его Новиковъ. Обыкновенно, эти книги представляютъ нравственно-религіозныя разсужденія съ оттѣнкомъ масонскаго мистицизма, насколько это возможно сдѣлать для постороннихъ, или защиту масонскихъ принциповъ отъ различныхъ обвиненій. „Духъ масонства“ и книжки о древнихъ таинствахъ болѣе или менѣе прямо объясняютъ древнее происхожденіе ордена, идущее отъ первыхъ временъ міра; „Духъ масонства“ объясняетъ и самую символику масонской ложи и ея обрядовъ. „Апологія“ защищаетъ общія основанія масонства съ нравственной и общественно-политической стороны, не касаясь никакой спеціальной системы. „Карманная книжка“ наполнена общими нравственными изреченіями и разсужденіями, которыя также могли бы относиться ко всякой системѣ, и т. п.

Въ-третьихъ. Особый отдѣлъ можно, наконецъ, составить

изъ книгъ, носящихъ на себѣ болѣе или менѣе рѣзкій оттѣнокъ розенкрейцерства, или алхимической фантастики. Книги эти могли быть и не чисто-розенкрейцерскаго происхожденія, потому что, какъ мы видѣли, алхимическія наклонности уже издавна сопровождаютъ мистику, и сама старая средневѣковая алхимія была не только практической наукой добыванія золота, но вмѣстѣ и высшею тайною философіей и теософіей. И въ самомъ масонствѣ алхимія и магія появляются, кромѣ розенкрейцерства, и въ другихъ „системахъ". Здѣсь мы ставимъ подобныя вещи подъ розенкрейцерскую рубрику потому, что въ нашемъ масонствѣ онѣ должны были служить въ особенности этому его оттѣнку, какъ изложеніе понятій, признаваемыхъ въ тѣсномъ кружкѣ московскаго розенкрейцерства, и, вѣроятно, какъ средство къ дальнѣйшему расширенію его впослѣдствіи. Этихъ книгъ въ особенности много является именно съ того времени, когда въ новиковскомъ кружкѣ утвердилось розенкрейцерство.

Сюда принадлежатъ слѣдующія изданія: „Должности братьевъ З. Р. К. (Злато-Розоваго Креста), древнія системы, говоренныя Хрисофирономъ въ собраніяхъ юніоратскихъ" и пр. (1784); руководство для низшихъ степеней розенкрейцерства; — „Хрисофиронъ" было одно изъ масонскихъ именъ Вёльднера; — „Рѣчи, говоренныя въ присутствіи Н. Н. братомъ Розоваго Креста", напечатанныя, вѣроятно, въ тайной типографіи около того же времени; — Gemma Magica или магическій драгоцѣнный камень, то-есть, краткое изъясненіе Книги Натуры по седми величайшимъ листамъ ея, въ которой можно читать Божественную и Натуральную Премудрость, вписанную перстомъ Божіимъ", М. въ тип. Лопухина 1784; одинъ изъ самыхъ характеристическихъ образчиковъ алхимическаго и теософскаго естествознанія, по характеру совершенно средневѣковая и отличающаяся крайней фантастикой и, конечно, крайнимъ невѣжествомъ; — „Краткое извѣщеніе о невидимомъ существѣ и о находящихся въ неизмѣримомъ его пространствѣ тваряхъ добрыхъ и злыхъ, также звѣздныхъ и стихійныхъ духахъ, о происхожденіи духовъ, существѣ и дѣйствіи ихъ" (вѣроятно 1784); — „Магиконъ" (также); — „Химическая псалтырь, или философическія правила о камнѣ мудрыхъ", Парацельса, — знаменитаго средневѣковаго врача, алхимика и теософа (1784); — „Хризомандеръ, аллегориче-

ская и сатирическая повѣсть различнаго и весьма важнаго содержанія“ (1783); — „Колыбель камня мудрыхъ, описанная неизвѣстнымъ Шевалье“ и пр. Москва, 1783; алхимико-мистическое описаніе приготовленія философскаго камня и др.

Русскія сочиненія, о которыхъ мы скажемъ дальше нѣсколько словъ, представляютъ вообще мало оригинальнаго въ сравненіи съ различными перечисленными здѣсь иностранными источниками: очевидно, что въ этихъ источникахъ были существенные образцы, дальше которыхъ наши масоны едва ли въ состояніи были итти на пути алхимическаго фантазерства.

Изъ этого одного перечета такъ называемыхъ „масонскихъ книгъ“, читатель можетъ видѣть, что эти книги, идущія изъ самыхъ различныхъ историческихъ періодовъ и настроеній, никакъ не могутъ представлять собою одной цѣльной системы понятій, которую можно было бы счесть опредѣленнымъ кодексомъ убѣжденій нашего масонства: между тѣмъ, каждый изъ этихъ разрядовъ имѣлъ свое положительное значеніе въ глазахъ русскихъ масоновъ,— очевидно потому, что всѣ оттѣнки мистицизма сливались для нихъ въ одну туманную теософію, какая собственно и требовалась для смутныхъ понятій нашего масонства, совершенно лишеннаго всякой серіозно-научной опоры. Прежде всего, любопытно встрѣтить здѣсь мистическія и аскетическія книги древнихъ вѣковъ христіанства. Присутствіе здѣсь этихъ книгъ, конечно, не случайное, и то, упомянутое нами выше обстоятельство, что московскіе масоны находили въ обрядахъ ордена сходство съ церковными преданіями и символами, показываютъ, что Новиковъ, вѣроятно, совершенно искренно думалъ, что масонство вполнѣ идетъ „по стопамъ христіанскаго нравоученія“. Вспомнимъ здѣсь и тотъ не лишенный особаго значенія фактъ, что архіепископъ Платонъ, хотя и не соглашался съ нѣкоторыми умствованіями нашихъ масоновъ, но вообще относился благосклонно къ дѣятельности новиковскаго кружка, давалъ свое благословеніе на открытіе „Дружескаго Общества“ и вполнѣ благопріятно отзывался о христіанскомъ характерѣ понятій и жизни Новикова. Замѣтимъ и высокое уваженіе Платона къ графу Чернышеву, покровителю московскаго кружка и также, кажется, бывавшему масономъ. Итакъ, Новиковъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, думалъ, что его масонство есть

только болѣе глубокое пониманіе и практическое примѣненіе истинъ религіи.

Различныя масонскія системы сохраняли обыкновенно три основныя такъ-называемыя Іоанновскія степени стараго англійскаго масонства. Самые ритуалы нѣсколько измѣнялись въ различныхъ системахъ, но они удерживали первоначальный основной характеръ, и вообще представляли собой символику нравственныхъ понятій и того, что называлось тогда естественной теологіей; въ эту символику уже издавна входили легендарныя подробности, напр., воспоминаніе о строеніи Соломонова храма, но вовсе не было ни алхиміи ни магіи. Наше масонство принимало этотъ ритуалъ въ той или другой редакціи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимало представленія стараго англійскаго масонства, свободнаго отъ позднѣйшихъ извращеній и примѣсей. Это была, безъ сомнѣнія, наиболѣе здравая доля масонства, которая могла имѣть свое нравственное вліяніе. Итакъ, вторымъ элементомъ нашего масонскаго кодекса понятій являются идеи стараго англійскаго масонства — идеи естественной теологіи и уваженія къ человѣческому достоинству, съ которымъ соединялось требованіе братскихъ отношеній къ людямъ.

Въ изданіяхъ кружка найдется немало примѣровъ присутствія этого элемента. Такова книга Гучинсона, переведенная въ самомъ разгарѣ масонскихъ предпріятій Новикова, и сохраняющая черты англійскаго масонства. Она состоитъ изъ объясненія масонской символики, толкованія исторіи человѣчества съ масонской точки зрѣнія, и спеціальной масонской наукой считаетъ не алхимію, а *геометрію*, какъ это и слѣдуетъ по средневѣковымъ воспоминаніямъ[1]).

Принятіе въ орденъ членовъ всѣхъ вѣръ, всѣхъ національностей, сословій и общественныхъ положеній, сохранившееся изъ стараго масонства, предполагало особенное расширеніе національнаго чувства въ чувство космополитическое, религіозную терпимость и понятіе объ общественно-нравственной

---

[1]) Ср. Ист. Индук. Наукъ I, 425 — о мистицизмѣ въ средневѣковой архитектурѣ. Замѣтимъ, впрочемъ, что Гучинсонъ слишкомъ охотно пускается въ толкованія о древнихъ таинствахъ, связывая ихъ косвенно съ масонствомъ; и что, безъ сомнѣнія, поэтому требовательный масонъ раціоналистъ Николай причисляетъ „Духъ масонства“ также къ фальшивымъ (betrüglich) книгамъ. Einige Bemerk., стр. 13, Anm.

равноправности; — вмѣстѣ съ тѣмъ орденъ заявлялъ о своемъ повиновеніи государству...

Въ своихъ практическихъ отношеніяхъ наши масоны оставались вѣрны этой космополитической вѣротерпимости: они совершенно спокойно принимали орденскія установленія отъ иностранцевъ, въ ихъ собственной средѣ дѣйствовали протестанты... И это не лишено своего значенія; если у аристократическихъ масоновъ такая вѣротерпимость могла иногда имѣть свое основаніе въ индифферентизмѣ, который способно было внушать модное воспитаніе, то Новиковъ былъ здѣсь человѣкъ патріархальныхъ преданій...

Человѣколюбіе — вѣрно сохраненная черта первоначальнаго масонства — находило у нашихъ масоновъ практическое выполненіе, особенно у Новикова, въ которомъ эта черта, еще до поступленія въ орденъ, была существенной чертой личнаго характера. Послѣ вступленія въ орденъ, онъ устраиваетъ, вмѣстѣ съ другими, нѣсколько филантропическихъ заведеній, сначала въ Петербургѣ, потомъ въ Москвѣ: это были благотворительныя школы, семинаріи при университетѣ, больница, аптека, посылка молодыхъ людей за границу и — распространеніе книгъ. Разсказываютъ, что онъ раздавалъ свои изданія и даромъ, чтобы пріохотить къ чтенію, и покупалъ по нѣскольку переводовъ одной книги, чтобы не отталкивать молодыхъ людей отъ литературныхъ занятій. Его горячее участіе къ народному бѣдствію (голодъ въ 1787 г.), вызвавшее извѣстный поступокъ богача Походяшина, который отдалъ въ распоряженіе Новикова большія деньги для раздачи неимущимъ, — показываетъ, что масонское „человѣчество“ (для этого понятія, какъ видимъ, еще только придумывалось русское слово) было для него одной фразой.

Масонскія понятія, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, были положительнымъ нравственнымъ содержаніемъ, которое могло имѣть свои благотворныя примѣненія въ общемъ уровнѣ русской жизни, — правда, общество наше уже встрѣчало нѣкоторыя подобныя понятія въ своей новой литературѣ, но встрѣчало только отрывочно и случайно и еще не видѣло, чтобы они излагались какъ требованіе, какъ глубокое убѣжденіе и практически выполняемое правило. Въ этомъ смыслѣ, масонскія правила терпимости и человѣколюбія, выставляемыя какъ нравственное обязательство каждаго мыслящаго

члена общества,— эти правила были въ русской общественной жизни особенно нужнымъ и благотворнымъ возбужденіемъ. Но затѣмъ въ содержаніи нашего масонства мы встрѣчаемся и съ другой оборотной стороной дѣла, съ тѣми крайними преувеличеніями мистицизма, переходившими въ шарлатанство и наглость. Этотъ новый элементъ масонскаго міровоззрѣнія — мистическое блужданіе мысли — занимаетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ много мѣста въ нашемъ масонствѣ и крайне повредилъ въ немъ и тому, что̀ было въ немъ дѣйствительно полезнаго и благороднаго. Какъ и другія черты нашего масонства, его преувеличенная мистика была вещь заносная, и у насъ тѣмъ болѣе прискорбная, что средства русской литературы были слишкомъ слабы, чтобъ оказать ей должное сопротивленіе. Иначе было, напр., въ Германіи, гдѣ этой преувеличенной мистикѣ сопротивлялись люди изъ самаго ордена, какъ Бистеръ, Беде, Николаи, Фёрстеръ и т. д., не говоря о раціоналистахъ и людяхъ точной науки внѣ ордена... Но если и въ самой Германіи критика благоразумныхъ людей не могла удержать фантастическаго легковѣрія, то наше общество, и сами масоны прежде всего, оказывались противъ этой фантастики совершенно беззащитными...

Темнота мысли и бѣдность знаній могутъ найти больше „облегчающихъ обстоятельствъ“ въ исторіи русскаго общества, чѣмъ можетъ находить ненавистный обскурантизмъ европейскихъ мистиковъ XVIII и XIX вѣка. Новиковскій кружокъ находился въ заблужденіи по незнанію,— въ которомъ до извѣстной степени не былъ виноватъ; но европейскіе обскуранты, какъ Сенъ-Мартенъ и подобные, были совершенно виноваты въ незнаніи, если дѣйствовали по незнанію,— или же, какъ Вёлльнеръ и его розенкрейцеры, виноваты были въ прямой злоумышленной враждѣ къ просвѣщенію, когда дѣйствовали съ сознательной іезуитской цѣлью распространять невѣжество и развращать общественную нравственность.

Новиковскій кружокъ глубоко упалъ въ вопросахъ о наукѣ и просвѣщеніи. Тѣмъ не менѣе, при всей крайности мистицизма, овладѣвшаго масонствомъ, за нимъ остается извѣстная доля положительнаго нравственнаго вліянія. Прежде всего, не все масонство было розенкрейцерскимъ, и сами розен-

крейцеры не измѣняли и не мѣшали тѣмъ преданіямъ стараго масонства, въ которыхъ было много нравственно-полезнаго для общества, только что начинавшаго серіозно задавать себѣ нравственные вопросы. И у насъ, это вліяніе масонства, быть можетъ, было цѣннѣе, чѣмъ въ западномъ обществѣ, потому что самая жизнь была бѣднѣе и ограниченнѣе. Для европейскаго масона общественная жизнь представляла несравненно больше умственныхъ и нравственныхъ интересовъ; на литературной и ученой аренѣ шла открытая борьба, которая втягивала всѣ сильные умы и характеры,— масонство во многихъ случаяхъ становилось только предварительной элементарной школой, изъ которой общественный человѣкъ выходитъ на болѣе широкое поприще, оставляя тѣсную сферу закрытой и окруженной молчаніемъ ложи для живыхъ вопросовъ, волновавшихъ массу общества, и для прямой практической дѣятельности. Такъ это дѣйствительно и было: Гёте, Шиллеръ, Гердеръ, Николаи, Лессингъ прошли черезъ ложи, какъ черезъ элементарную школу, которая не осталась для нихъ безъ теплыхъ впечатлѣній. У насъ дѣло стояло иначе: общественная мысль едва зарождалась, и масонскіе идеалы, какъ ни были они отвлеченны и неясны, дольше могли оставаться единственнымъ нравственнымъ руководствомъ и стремленіемъ. Это была особенно популярная форма нравственнаго воспитанія. Какъ нѣчто невиданное и неслыханное, оно могло имѣть успѣхъ между людьми, неспособными ни къ какой другой формѣ нравственнаго обузданія. Въ самомъ дѣлѣ, московскіе масоны, посылая свои мнѣнія на Вильгельмсбадскій конгрессъ, говорятъ, что обряды тамплiерской системы, особенно сложные и пышные, производили большое впечатлѣніе на русскихъ, какъ „націю военную“, гдѣ въ первое время поступали въ члены ордена люди изъ знатнаго дворянства, которое, будучи „воспитано весьма чувственнымъ образомъ“, всего лучше понимаетъ подобные способы „показывать ему отношенія умозрительныя“. Понимаемое сколько-нибудь серіозно, масонство способно было оставлять въ этихъ людяхъ благотворныя впечатлѣнія. Вступая въ ложу, новый членъ уже на первыхъ шагахъ встрѣчалъ оригинальную фантастическую символику, которая завлекала воображеніе и своимъ нравственнымъ смысломъ могла возбуждать хоть какую-нибудь работу сознанія. Съ тѣмъ же характеромъ

являлась передъ читателемъ и масонская книга. Книги, собственно „орденскія", въ публику не пускались, а въ другихъ, при всемъ ихъ мистицизмѣ, проходили однако мотивы о нравственномъ достоинствѣ человѣка, о національной и религіозной терпимости, о нравственной равноправности людей, о человѣколюбіи, обязательномъ для мыслящаго человѣка и т. д., такъ что передъ читателемъ являлся нравственный идеалъ, въ первый разъ проповѣдуемый съ увлеченіемъ и настойчиво. Каковъ бы ни былъ этотъ масонскій идеалъ въ его послѣдней редакціи у розенкрейцеровъ новиковскаго кружка, во многихъ книгахъ и въ обыкновенной практикѣ ложъ сохранялись его основныя понятія, и это, конечно, были понятія просвѣщенныя и прогрессивныя: эти относительно широкія религіозныя воззрѣнія (во всякомъ случаѣ выходившія изъ обычной мѣрки), сознаніе человѣческаго достоинства, космополитическое чувство связи съ цѣлымъ человѣчествомъ, едва ли не въ первый разъ являлись теперь въ кодексѣ литературныхъ идей въ такой положительной формѣ.

Въ нравственной оцѣнкѣ нашего масонства должна быть принята во вниманіе и другая сторона его. Въ дѣятельности Новикова было то новаго для русскаго общества, что эта дѣятельность была свободной общественной иниціативой. Каково бы ни было собственное содержаніе понятій Новикова, онъ, во всякомъ случаѣ, заявлялъ права индивидуальной свободы мысли.

Пыпинъ.

Историческое значеніе масонства.

Масонство и мистицизмъ XVIII вѣка, съ Новиковымъ во главѣ облеченное тайной и окруженное преслѣдованіями, долго въ сознаніи общества являлось чѣмъ-то неяснымъ, неопредѣленнымъ и до крайности отрывочнымъ; содержаніе этого движенія долго было неуловимо. Только въ недавнее время, изъ довольно многочисленныхъ изслѣдованій и документовъ, опубликованныхъ по дѣлу и дѣятельности Новикова и друзей его, выяснилось достаточнымъ образомъ это нравственно-общественное движеніе, въ которомъ сказалось такъ много различныхъ сторонъ времени, выяснились всѣ

дурныя и хорошія стороны этого движенія, обусловливаемаго, разумѣется, обстоятельствами. Въ особенности ясно выступила передъ нами въ масонствѣ XVIII вѣка цѣль филантропическая и педагогическая, служеніе общему благу, которое имѣли въ виду главные и самые энергическіе представители масонства и мистицизма — Новиковъ и Шварцъ, хотя, конечно, и эти цѣли и это служеніе они понимали одностороннимъ мистическимъ образомъ. Обстоятельства времени и безсмысліе правительства ввели нашихъ масоновъ, людей честныхъ и искреннихъ, но не глубокихъ, и легкомысленныхъ по своимъ увлеченіямъ, въ политическій процессъ и сдѣлали изъ нихъ напрасныя жертвы, пріостановивъ внутреннее движеніе масонства и не позволивъ ему развиваться дальше. Это преслѣдованіе сдѣлало еще болѣе загадочнымъ для мысли масонское движеніе, которое выражало собою, конечно, одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ состоянія нашего общества въ прошломъ вѣкѣ. Масонство обусловливалось у насъ не подражаніемъ, не модою, не увлеченіемъ личностью одного человѣка, хотя бы эта личность была и Новиковъ. Тутъ были болѣе глубокія общественныя причины. Конечно, главная причина появленія у насъ масонскихъ ученій заключалась въ той общей съ Европою духовной жизни, которою мы стали пользоваться болѣе сознательнымъ и глубокимъ образомъ въ концѣ XVIII вѣка. Самое явленіе масонства, въ основѣ котораго лежала идея личнаго дѣятельнаго нравственнаго совершенствованія, возникло въ самой Европѣ не ранѣе начала этого вѣка, богатаго вообще идеями, и очень скоро, въ первой его половинѣ, перешло уже и на нашу грубую и необработанную общественную почву: и у насъ, какъ и въ Европѣ, люди, конечно, лучшіе, стали искать въ масонскихъ ложахъ отвѣта на свои индивидуальныя нравственныя стремленія. Этотъ переходъ масонскихъ идей въ нашу жизнь доказываетъ уже значительное духовное общеніе наше съ Европою. Въ нравственныхъ, въ общественныхъ идеяхъ, которыми руководилось европейское масонство XVIII вѣка, господствовалъ тотъ же духъ деизма, гуманности и филантропіи, которымъ была проникнута вся литература того времени, только онъ получилъ въ масонскихъ ложахъ осязательное выраженіе въ различныхъ формулахъ и обрядахъ

говорившихъ фантазіи и сердцу, потому что масонство удовлетворяло болѣе всего этимъ сторонамъ человѣческаго существа. Очень скоро, однако, какъ во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, къ масонству, какъ выраженію чистаго нравственнаго стремленія, привились посторонніе факторы: подражаніе, мода, обманъ. Почвою самаго разнообразнаго движенія масонства сдѣлалась въ XVIII вѣкѣ особенно Германія, гдѣ для этого было много благопріятныхъ обстоятельствъ, и оттуда заимствовали мы и піэтизмъ и мистицизмъ и, наконецъ, различныя бредни, которыми такъ богата была эта страна въ концѣ того вѣка, напр., дѣланіе золота, добываніе жизненнаго элексира и т. п., что проповѣдывалось, какъ чудеса вѣры въ безчисленныхъ тайныхъ сектахъ иллюминатовъ, розенкрейцеровъ, тампліеровъ и т. п. Эти бредни, эта экзальтація были крайнимъ развитіемъ піэтистической вѣры, которая въ своемъ увлеченіи могла видѣть чудеса въ природѣ. Это было, слѣдовательно, извращеніе религіознаго протестантскаго движенія, но не въ немъ заключалась главная сущность масонства. Кромѣ восторженныхъ піэтистовъ въ общество шли и другіе люди, въ особенности у насъ въ XIX вѣкѣ, люди, недовольные офиціальною церковностью, ея неподвижностью и безжизненностью. Въ обществѣ масоновъ было много людей дѣйствительно просвѣщенныхъ, которые искали въ немъ себѣ духовнаго удовлетворенія, не находя его въ дѣйствительности. Конечно, не стоитъ говорить о тѣхъ, которые искали въ ложахъ развлеченія, моды, веселыхъ собесѣдниковъ. Масса искала въ ложахъ какого-то высшаго знанія, которое давалось легко, безъ большихъ трудовъ и усилій, требуемыхъ дѣйствительною наукою. Здѣсь, для пріобрѣтенія этого высшаго знанія, которымъ открывалось все, — стоило только исполнить нѣкоторыя обрядности въ ложахъ.

Нѣмецкое масонство, сказали мы, перешло къ намъ въ концѣ XVIII вѣка. Лучшіе люди нашего общества того времени, искавшіе и желавшіе развитія, должны были невольно увлечься идеями, до которыхъ дошла Европа, тѣмъ болѣе, что въ тогдашнихъ условіяхъ, при слабости научнаго образованія, при ничтожности нашей несамостоятельной литературы, это увлеченіе было легко. Общественная русская жизнь въ XVIII вѣкѣ представляла такъ много мрачныхъ,

возмущающихъ душу явленій, что они невольно вызывали на протестъ. Самостоятельнымъ образомъ, законными и естественными средствами бороться съ ними, при недостаткѣ умственныхъ и нравственныхъ силъ въ обществѣ, было невозможно, и вотъ лучшіе люди наши ухватились за масонское движеніе Германіи, видя въ немъ якорь спасенія. Бороться противъ этого наплыва чужихъ идей, весьма темныхъ, туманныхъ, дикихъ и фантастическихъ, были тогда не въ состояніи у насъ даже такія энергическія личности, какъ Новиковъ, потому что у нихъ недоставало образованія и науки, спасающихъ вообще отъ такого рода увлеченій. У насъ, къ тому же, было просвѣщеніе призрачное, а не настоящее, не допускавшее самостоятельной умственной работы; недостатокъ знанія и логики естественно влекъ, такимъ образомъ, нашихъ лучшихъ людей къ печальному явленію масонства, къ дикой фантастикѣ мистицизма, которыя даже въ кружкѣ Новикова доходили до крайней нелѣпости. Все нелѣпое нѣмецкихъ ложъ было имъ усвоено почти цѣликомъ. Новиковъ и друзья его увлеклись самымъ дикимъ толкомъ нѣмецкаго масонства — розенкрейцерствомъ, или какъ у насъ переводили тогда — „златорозоваго креста“. Увлеченіе этихъ лучшихъ нашихъ людей того времени крайними нелѣпостями — представляется въ исторіи нашего духовнаго развитія прошлаго вѣка чрезвычайно печальнымъ явленіемъ: оно свидѣтельствуетъ, что въ обществѣ нашемъ были и жизнь и стремленія, но лишенныя всякаго основанія, всякаго сознанія, и люди бросались въ туманъ, не имѣя руководительной идеи. Удивительное дѣтство и легкомысліе этихъ людей, при множествѣ хорошихъ другихъ сторонъ, — свидѣтельствуетъ только о слабости нашего умственнаго развитія. Умъ молчалъ въ нихъ, но это забвеніе и неразвитость мысли искупались другими дѣйствительно благородными сторонами нашего масонства. Кружокъ Новикова представлялъ лучшихъ по нравственному развитію, искренне убѣжденныхъ людей: для нихъ служеніе общественному благу было не пустою фразою, и филантропическія цѣли ихъ, вытекавшія изъ братской любви къ людямъ, заставляютъ невольно смотрѣть сквозь пальцы на ихъ умственныя заблужденія. Тутъ были они вполнѣ безпомощны; Новиковъ самъ говорилъ, что не имѣя точки опоры, онъ неожиданно

попалъ въ масонское общество. Онъ искалъ въ немъ, подобно нѣкоторымъ другимъ, нравственнаго совершенствованія, о которомъ такъ много говорили масонскія ложи на своемъ вычурномъ языкѣ. Это исканіе нравственнаго совершенствованія составляло завѣтную думу Новикова, оно выразилось въ его волненіяхъ, въ его безпрестанныхъ колебаніяхъ, въ переходѣ отъ одной системы къ другой, пока онъ не успокоился на дикомъ розенкрейцерствѣ, въ составъ упражненій котораго входили и алхимія и каббалистика. Понятно, что съ такимъ жалкимъ духовнымъ запасомъ, наше масонство прошлаго вѣка было почти безплодно для общественнаго развитія, оно не давало обществу никакого здороваго содержанія; оно было совершенно безсильно при рѣшеніи вопросовъ о религіи, о нравственности, объ общественной жизни. Въ особенности печально было это явленіе масонства и мистицизма по отношенію къ наукѣ, которая едва только зарождалась тогда въ нашей жизни. Естественно, что мистицизмъ долженъ былъ бояться здравой научной критики, потому что разлетался впрахъ при первомъ соприкосновеніи съ нею, но эту боязнь онъ замѣнялъ высокомѣрнымъ отношеніемъ къ наукѣ, презрѣніемъ къ ней, старался выставить всю ея недостаточность для познанія истины. Между людьми съ сколько нибудь строгимъ научнымъ образованіемъ мистицизмъ не могъ найти сочувствія. Онъ распространялся, подобно суевѣрію, въ той средѣ, гдѣ умъ уступаетъ воображенію, между людьми, не знакомыми съ наукою, и это, главнымъ образомъ, обусловливало успѣхъ масонства и мистицизма въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка. Этотъ кругъ идей, въ родѣ популярной философіи, удовлетворялъ вполнѣ людей съ незавиднымъ образованіемъ. Его гораздо легче было заимствовать изъ Европы, чѣмъ другія, болѣе строгія, научныя явленія; послѣднія были тогда не по плечу нашему обществу. Главное содержаніе въ этомъ заимствованномъ кругу идей составлялъ піэтизмъ, но у Новикова онъ не могъ быть ни смѣлымъ ни послѣдовательнымъ, какъ у нѣмецкихъ піэтистовъ, опиравшихся на протестантизмъ; ему хотѣлось только болѣе разумнаго или скорѣе, болѣе сердечнаго пониманія православнаго ученія, хотѣлось болѣе простора, самостоятельности, поменьше официальнаго отношенія къ церкви, однимъ словомъ — само-

дѣятельности. Но въ этомъ мистицизмѣ, къ сожалѣнію, очень часто сказывалось недовѣріе къ наукѣ и даже враждебное отношеніе къ ней.

Была, однакожъ, въ масонствѣ и мистицизмѣ прошлаго вѣка одна сторона, по которой они занимаютъ въ исторіи нашего общественнаго развитія почетное мѣсто. Въ нихъ мы видимъ первыя попытки общественной самодѣятельности, желаніе служить нравственнымъ интересамъ общества свободно, безъ вызова, безъ правительственной указки, по одному внутреннему убѣжденію въ пользѣ дѣла. Въ Новиковѣ и друзьяхъ его присутствовала дѣятельная любовь къ человѣчеству, и въ этомъ отношеніи эти натуры были чистыя натуры, рѣзко выдѣлявшіяся на общемъ мрачномъ фонѣ грубой жизни, гдѣ царили чувственность, своекорыстіе и презрѣніе къ людямъ. За эту нравственную, чистую сторону можно простить нашимъ мистикамъ и масонамъ разныя вздорныя бредни ихъ и увлеченія.

Въ своихъ двухъ главныхъ проявленіяхъ, въ мистицизмѣ и нравственно-общественной иниціативѣ, масонство у насъ было заимствовано, какъ уже сказано выше, съ Запада. Мистицизмъ былъ стариннымъ явленіемъ христіанской жизни Европы. Онъ вытекалъ изъ религіознаго чувства, недовольнаго положительною религіею, и проповѣдовалъ чудесное соединеніе съ Богомъ, безъ всякаго участія разсудочной дѣятельности, — однимъ чувствомъ и экстазомъ. Естественно, что мистицизмъ, въ этихъ стремленіяхъ своихъ, постоянно твердилъ о тщетѣ и недостаточности человѣческаго разума. Онъ увлекался и до галлюцинацій и до фанатическаго преслѣдованія науки, до обскурантизма, какъ это всегда бываетъ съ разсужденіями, основанными только на чувствѣ. Но мистицизмъ гораздо понятнѣе и увлекательнѣе для неразвитыхъ массъ всякаго сколько-нибудь раціональнаго отношенія къ предмету, и это способствовало его обширному распространенію и существованію чрезвычайно плодовитой мистической литературы, явленія которой идутъ до нашего времени. Она не признаетъ раціональной науки, нападаетъ на нее, считаетъ ее вредною и опасною. Это направленіе, къ сожалѣнію, было усвоено и нашими мистиками и по преемственности мистической литературы породило у насъ, во второй половинѣ царствованія Александра,

когда мистицизмъ проникъ въ правительственныя сферы и сдѣлался такъ сказать офиціальнымъ, — весьма печальныя явленія. Таковы были дѣйствія Магницкаго.

Хотя главнымъ представителемъ мистицизма для нашихъ масоновъ былъ французскій мистикъ Сенъ-Мартена, имѣвшій много личныхъ знакомыхъ и адептовъ между членами высшей русской аристократіи[1]), масоны наши увлекались и мистицизмомъ нѣмецкаго розенкрейцерства. Это было общество, возникшее въ Германіи въ началѣ XVIII вѣка, въ противоположность школьному протестантскому богословію, желавшее основываться только на словахъ Писанія и хлопотавшее о преобразованіи общества на христіанскихъ началахъ, объ усовершенствованіи человѣчества и объ улучшеніи всѣхъ общественныхъ отношеній. Впослѣдствіи это общество, въ которомъ сначала господствовалъ чистый кальвинистскій мистицизмъ, вслѣдствіе разнообразныхъ условій нѣмецкой исторіи, дошло до величайшихъ нелѣпостей, стало принимать участіе въ іезуитскихъ проискахъ и играть политическую роль. Новиковъ, увлеченный Шварцемъ, думалъ черпать въ этомъ мутномъ источникѣ, конечно, не будучи знакомъ со всею его грязью.

Не говоря о ложахъ, дѣйствіе которыхъ на общество совершалось болѣе внѣшнимъ образомъ, при иниціативѣ Новикова и его кружка возникла у насъ обширная литература для распространенія масонскихъ идей въ обществѣ, для приготовленія его къ тайнамъ масонства. Правда, дѣйствіе этой литературы было насильственно остановлено, но она, съ нѣсколько измѣненнымъ характеромъ, продолжалась во все время царствованія Александра. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой литературы, назывателемъ ея является Новиковъ. Масонскія убѣжденія пришли къ нему совершенно естественно. Человѣкъ этотъ, безъ сколько-нибудь серіознаго образованія, не зная даже иностранныхъ языковъ, выступилъ въ очень молодыхъ еще годахъ сатирическимъ журналистомъ и, возмущенный многими явленіями русской общественной жизни, обличалъ ихъ съ энергіею и страстью. Недовольный жалкимъ состояніемъ русскаго просвѣщенія того

---

[1]) Сочиненіе Сенъ-Мартена „О заблужденіяхъ и истинѣ“ было напечатано у насъ въ переводѣ въ 1785 г.

времени, онъ требовалъ отъ русской литературы гораздо больше, чѣмъ всѣ современники. Вспомнимъ, что онъ первый заговорилъ съ настоящей точки зрѣнія о крѣпостномъ вопросѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, тогда же въ его журналѣ высказывалось и недовольство наукою вообще съ ея „физическими доказательствами“, и вражда къ французской просвѣтительной философіи того вѣка, и недовѣріе къ духовнымъ учителямъ, т.-е. къ священникамъ официальной Церкви. Всѣ эти убѣжденія его выходили изъ глубины сердца, и онъ былъ преданъ имъ всею душою. Недовольный современной наукой, въ которой онъ видѣлъ только грубый матеріализмъ, Новиковъ искалъ религіозно-нравственнаго идеала. Этотъ идеалъ представился ему въ масонствѣ, облеченномъ тайною, разукрашенномъ восторженными описаніями друзей его, бывшихъ и въ русскихъ и въ заграничныхъ ложахъ. Относиться критически къ масонству и даже въ увлеченіямъ розенкрейцерства Новиковъ не могъ по недостатку своего образованія, и сдѣлался масономъ, потому что масонство вполнѣ удовлетворяло его и въ религіозномъ отношеніи своимъ мистицизмомъ, и въ научномъ, открывая ему легкій доступъ къ самымъ таинственнымъ и казавшимся столь глубокими знаніямъ, и въ политическомъ, такъ какъ масонство примирялось со всѣми государственными формами, а Новиковъ былъ слишкомъ вѣрноподданный, чтобъ примириться съ такою системою идей, которая отрицала существующій у насъ порядокъ вещей. Такова была исторія и всѣхъ нашихъ мистиковъ и масоновъ, друзей Новикова, ихъ учениковъ и послѣдователей.

Мистицизмъ ихъ, однако, не доходилъ до тѣхъ крайнихъ предѣловъ, до которыхъ доходило розенкрейцерство въ Германіи. Наши мистики не думали о дѣланіи золота, не искали философскаго камня, не бредили алхиміей. Можетъ быть, это потому, что они не были посвящены въ такъ называемые „высшіе градусы“, но, кажется, все ихъ направленіе было чуждо этихъ увлеченій. Главная дѣятельность Новикова и друзей его была литературная; для нея образовывали они „Дружеское типографическое общество“ и ею думали они приготовить публику къ пониманію масонскихъ идей и распространить ихъ. Такъ возникла наша обширная мистико-масонская литература, существовавшая и въ XIX вѣкѣ. На-

добно сказать вообще объ этой литературной дѣятельности, что въ ней было весьма мало самостоятельнаго, и что она отличалась эклектическимъ характеромъ. Кромѣ сочиненій общаго содержанія, которыя естественно выходили изъ типографіи Новикова, какъ изъ всякой другой, онъ печаталъ книги по христіанской философіи и по аскетизму и въ особенности много чисто мистическихъ книгъ и съ христіанскимъ содержаніемъ, такъ какъ масоны всякую древнюю отдаленную мудрость старались представить какимъ-то откровеніемъ свыше. Разумѣется, что главное мѣсто въ этой мистической библіотекѣ занимали сочиненія знаменитыхъ протестантскихъ мистиковъ Арндта, Я. Бёма, Таулера и др., въ особенности Бёма, сочиненія котораго были давно переведены у насъ и обращались въ рукописи въ масонскихъ кругахъ. Они же были оракуломъ и для мистиковъ Александровскаго времени. Собственно масонскія сочиненія, напечатанныя Новиковымъ, тоже были эклектическаго содержанія и тоже всѣ почти переводныя. Они говорили намеками, неопредѣленно, языкомъ туманнымъ, не открывали всей *тайны* масонства, а какъ бы давали предчувствовать ее тому, для котораго она вполнѣ раскроется въ ложахъ. Наконецъ, къ этой масонской литературѣ принадлежало также много сочиненій, написанныхъ розенкрейцерами и трактовавшихъ объ алхиміи, съ самымъ фантастическимъ и нелѣпымъ содержаніемъ. Оригинальныхъ русскихъ масонскихъ сочиненій было очень мало, и всѣ они не выдерживаютъ никакого сравненія съ переводными, — ясно, что явленіе у насъ масонства было скорѣе случайно, чѣмъ коренилось въ дѣйствительныхъ потребностяхъ русскаго общества. Вся эта литература доказываетъ, что понятія нашего масонства были чрезвычайно смутны и скорѣе походили на мистическую теософію въ общемъ своемъ составѣ. Новиковъ самъ думалъ, что посредствомъ масонства онъ достигнетъ лучшаго пониманія Бога и христіанства; онъ былъ глубоко-религіозный человѣкъ, но лишенный образованія и науки.

Лучшею стороною нашего масонства прошлаго вѣка было, конечно, то, что перешло къ нимъ отъ англійскихъ масоновъ: идеи естественной религіи и братская любовь къ человѣчеству — филантропія. Въ этомъ масонствѣ воспитывались уваженіе ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ и космополитическое

чувство. Филантропія нашла свое примѣненіе у московскихъ масоновъ въ разныхъ человѣколюбивыхъ заведеніяхъ, основанныхъ Новиковымъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, въ воспитаніи молодыхъ людей, которымъ масоны давали всѣ средства, и въ обширномъ благотвореніи неимущимъ. Всѣ старые масоны отличались нищелюбіемъ. Походяшинъ роздалъ почти все свое имѣніе на помощь народу во время голода, Лопухинъ прожилъ свое на нищихъ. Въ масонствѣ воспитывалась нравственная человѣческая личность, а это было важнымъ пріобрѣтеніемъ для тогдашняго русскаго общества, которое нигдѣ на практикѣ не встрѣчало глубокихъ нравственныхъ понятій. Къ сожалѣнію, мистическій элементъ преобладалъ въ масонствѣ и затемнялъ то немногое въ немъ, что было сдѣлано въ нравственно-человѣческомъ направленіи.

Нельзя отрицать, такимъ образомъ, того, что русское масонство имѣло нравственное вліяніе на общество. Наша русская жизнь въ XVIII вѣкѣ была крайне бѣдна въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, не говоря уже о сторонѣ политической. Наука и литература занимали немногихъ и были ничтожны по своему содержанію и вліянію на общество. Внѣшность, стремленіе къ грубымъ чувственнымъ удовольствіямъ, матеріализмъ, рядомъ съ внѣшнею обрядностью церкви — вотъ чѣмъ жило наше общество. Въ такомъ обществѣ и масонскіе идеалы, при всей своей неопредѣленности и неясности, была уже значительнымъ успѣхомъ; сравнительно съ грубымъ содержаніемъ общества, они были широки и прогрессивны. Кромѣ того, въ нашемъ масонствѣ, какъ мы сказали, проявилась общественная самодѣятельность, индивидуальная свобода мысли и проявилась въ первый разъ, хотя это проявленіе и шло рядомъ съ проповѣдію обскурантизма. Вотъ въ чемъ историческое значеніе нашего масонства прошлаго вѣка.

Дальнѣйшее развитіе нашего масонства въ XVIII вѣкѣ, очевидно, невозможное и по самому ходу общественнаго развитія, которое вскорѣ уже не могла удовлетворить эта туманная и неопредѣленная форма, было однако пріостановлено насильственно дѣйствіями правительства, вслѣдствіе различныхъ, вовсе неосновательныхъ опасеній. Два враждебныя начала встрѣтились здѣсь лицомъ къ лицу: начало

авторитета и государственной опеки и начало общественной инициативы; первая давно уже, и въ особенности въ царствованіе Екатерины, все брала на себя и не могла терпѣть рядомъ съ собой свободы и простора выбора со стороны общества. Рядомъ съ правительствомъ, въ масонствѣ возникла свободная нравственная сила, гдѣ главнымъ двигателемъ былъ Новиковъ; его изданія выражали образъ мыслей, появившійся независимо отъ иниціативы правительства, и Екатерина, конечно, не могла помириться съ этимъ. Съ другой стороны, и масса неразвитаго русскаго общества смотрѣла съ недовѣріемъ и подозрительностію на возникшее въ средѣ его явленіе, видѣла въ немъ что-то вредное и опасное. Въ угоду этимъ общественнымъ толкамъ и по противоположности своего внутренняго развитія, Екатерина давно преслѣдовала масонство и сатирическими сочиненіями и комедіями. Этотъ литературный способъ борьбы былъ единственно справедливъ. Но европейскія тайныя общества, къ которымъ передъ революціей примѣшались политическіе элементы, и разнообразныя обвиненія противъ нихъ обскурантовъ — увеличили подозрѣніе и нелюбовь Екатерины къ русскимъ масонамъ, и она сочла ихъ якобинцами. Началось преслѣдованіемъ и запрещеніемъ масонскихъ книгъ, кончилось ссылками, допросами и тюрьмами для главныхъ представителей масонства. На Новикова преимущественно обрушилось гоненіе, именно потому, что онъ, главныхъ образомъ, развилъ общественный характеръ масонства, онъ способствовалъ нравственному пробужденію общества и вызвалъ всю филантропическую и образовательную дѣятельность кружка. Кружокъ масоновъ, конечно, рѣзко выдѣлялся изъ всего общества своими особенностями. Всѣ они считались „братьями“, несмотря на различіе своего общественнаго положенія, а это нарушало укоренившіяся въ обществѣ понятія. Всѣ масоны были болѣе или менѣе оригиналами, и на глаза, привыкшіе къ обыкновеннымъ общественнымъ типамъ, должны были казаться чрезвычайно странными, тѣмъ болѣе, что образомъ жизни и мыслей своихъ они выражали твердое убѣжденіе, а его въ массѣ не было. Не нравилось обществу также и вліяніе масонства на молодое поколѣніе, что масоны считали необходимымъ для пропаганды своихъ идей. Все это увеличивало къ нимъ непріязнь

общества. Началось революціонное движеніе во Франціи, и близорукіе современники свалили всю вину на личности. Такъ возникло нелѣпое подозрѣніе невинныхъ масоновъ въ революціонныхъ замыслахъ, началось, по выраженію Лопухина, „сраженіе съ тѣнью“, кончившееся пораженіемъ и страданіемъ слабыхъ.

Булычъ.

Мистицизмъ въ его вліяніи на общественную жизнь.

Мистическая наука (*истинная* химія, *высшая* мудрость, тайная философія и т. п.) была лишена духа дѣйствительной науки. Но нельзя не признать за мистическими обществами XVIII вѣка благотворнаго вліянія на современную ихъ дѣйствительность. Было, безъ сомнѣнія, много злоупотребленій, какъ было много ложныхъ братій; но дѣятельность лучшихъ представителей этого направленія проникнута тѣмъ чувствомъ любви, которое ставитъ Лопухинъ исключительнымъ признакомъ каждаго истиннаго члена ордена. Въ наше время дѣятельной любви къ ближнему и къ человѣчеству не нужно скрываться и облекать себя въ странныя формы. Масонскія общества стали вопіющимъ анахронизмомъ или обратились въ пустую форму, лишенную всякаго внутительнаго содержанія. Не совсѣмъ таково было ихъ значеніе въ прошломъ вѣкѣ.

XVIII столѣтіе, какъ бы ни велико его было значеніе въ исторіи европейскаго развитія, едва ли не было самою тяжелою порой для народовъ Европы. За немногими исключеніями никогда, быть можетъ, главныя массы народонаселенія не были въ такомъ полномъ униженіи и невѣжествѣ. Достаточно указать на позорную исторію германскихъ государствъ въ первой половинѣ этого столѣтія, на положеніе низшихъ классовъ въ Франціи въ правленіе великолѣпнаго Людовика XIV, Регента и Людовика XV, на упадокъ общественной нравственности, на прекращеніе того великаго религіознаго одушевленія, которое, проникая во всѣ слои общества въ XVI и частію въ XVII вѣкахъ, было живительнымъ и движущимъ началомъ европейской исторіи. Самые жизненные вопросы или смолкли, не находя отзыва, или измельчали и потеряли свое значеніе. Даже наука первой

половины XVIII столѣтія не имѣетъ того величаваго характера, который отличалъ ее прежде. Только со второй половины этого вѣка начинаютъ появляться проблески свѣта, обѣщавшіе европейскимъ народамъ иное, болѣе утѣшительное будущее. Два направленія, рѣзко противоположныя и враждебныя, дѣйствуютъ для одной и той же цѣли, дружно работаютъ для созданія новаго общества, которое однакоже не оправдало вполнѣ ожиданій ни того ни другого. Ученіе энциклопедистовъ и мистицизмъ дѣлятъ между собою, хотя далеко не въ равной степени, участіе въ возбужденіи нравственныхъ и умственныхъ силъ общества XVIII вѣка.

Въ русской литературѣ замѣтно также сильное вліяніе этихъ двухъ направленій, и мистическое едва ли не оставило болѣе глубокихъ слѣдовъ. Во всякомъ случаѣ оно благотворно дѣйствовало на общественную жизнь. Русское общество первой половины XVIII столѣтія меньше всего могло похвалиться развитіемъ нравственной стороны личности, мягкостію и человѣчностію отношеній, пониманіемъ и признаніемъ правъ человѣческаго достоинства. Да и откуда было взять ему все это? Ближайшее прошедшее было не таково, чтобы изъ него можно было вынести благотворныя преданія, внѣшнимъ же подражаніемъ Западу трудно было восполнить ихъ недостатокъ. Политическіе перевороты, со смерти Петра I до вступленія на престолъ Екатерины II, не могли воспитать въ немъ чувства законности. Эти перевороты открывали только широкій просторъ случайности и произволу, развивали въ общественныхъ дѣятеляхъ предпріимчивость, презрѣніе къ опасности и жажду грубыхъ, матеріальныхъ наслажденій. Лучшіе люди первой половины XVIII вѣка, развиты, преимущественно, умомъ и притомъ его практическою стороной. Въ своей тревожной жизни, они закалили въ себѣ волю, изострили ловкую изворотливость, но едва ли успѣли выработать прочныя нравственныя убѣжденія. Въ жизни высшаго общества, рядомъ съ заимствованными, поверхностными формами европейской свѣткости, сохранялась грубая основа прежняго быта. У писателей иностранцевъ, въ запискахъ русскихъ современниковъ, въ правительственныхъ актахъ, встрѣчаются извѣстія о явленіяхъ, странно ладившихъ съ внѣшнимъ лоскомъ цивилизаціи. Варварство публичныхъ казней шло рука объ руку съ деспотизмомъ и

грубостію семейной жизни. Общественныя удовольствія удовлетворяли прежде всего грубымъ наклонностямъ. Самая наука мало смягчала нравы. Припомнимъ, какая жесткость замѣтна въ характерѣ лучшаго ея представителя, Ломоносова. На первомъ планѣ повсюду стояла, по преимуществу, физическая, матеріальная сторона человѣческой природы, въ явный ущербъ духовному и нравственному развитію. Если высшее общество представляло такъ мало гуманныхъ началъ, чего можно требовать отъ низшихъ классовъ? Бо́льшая часть народонаселенія мало почувствовала выгоду отъ сближенія съ образованнымъ міромъ. Европейски-устроенное управленіе давало себя чувствовать низшему классу развѣ лишнею тяжестію. Сельское населеніе, окончательно прикрѣпленное къ землѣ ревизіями, переставъ жить болѣе или менѣе общею жизнію съ остальными сословіями, на время устранено было отъ всякаго участія въ развитіи, замкнулось и закоснѣло въ неподвижныхъ формахъ быта, куда не проникало европейское образованіе, и гдѣ однакоже мало было слѣдовъ образованія русскаго. Городского сословія не существовало. Въ бытѣ мелкаго и средняго дворянства встрѣчались всѣ степени перехода отъ исключительнаго господства понятій и нравовъ *Домостроя* до безмысленнаго соединенія тѣхъ же понятій, съ примѣсью подражанія французскимъ и нѣмецкимъ пріемамъ и модамъ.

Для такого общества, гдѣ самая наука принималась только въ ея служебномъ, практическомъ примѣненіи, вліяніе мистицизма должно было принести огромную пользу. Для мистиковъ въ полномъ смыслѣ предстояла работа *надъ дикимъ камнемъ*, какъ выражались масоны. Своею заманчивою таинственностію мистицизмъ скорѣе могъ привлечь къ себѣ, чѣмъ разсудочное скептическое направленіе или строгое воздержаніе науки. Обѣщая такъ много, давая просторъ самымъ исключительнымъ ожиданіямъ, мистицизмъ затрогивалъ всѣ струны человѣческаго сердца, давалъ удовлетвореніе самымъ разнообразнымъ и противоположнымъ требованіямъ, обѣщалъ отвѣты на всѣ вопросы, и въ то же время ставилъ высоко *внутренняго человѣка* надъ существомъ животнымъ. Сильно дѣйствуя на воображеніе, давая, по возможности пищу пытливости ума, всѣ свои силы устремлялъ онъ однакоже на развитіе сердца. Оттого-то у насъ и было велико его нравственное вліяніе.

„Мы работаемъ, говорили мистики на своемъ фигурномъ языкѣ,— мы работаемъ въ трехъ преддверіяхъ и притворѣ.

„Надпись перваго преддверія есть: *познай самого себя!*

„Надпись второго: *убѣгай зла.*

„Надпись третьяго: *стремись къ добру.*

„Въ тѣнистомъ переходѣ притвора: *ищи въ самомъ себѣ истину*". (Матер. для Кам.)

Такія требованія едва ли предчувствовались русскимъ обществомъ половины XVIII столѣтія.

Исторія общественнаго развитія въ Россіи прошлаго вѣка еще едва тронута изслѣдователями. Болѣе полная разработка матеріаловъ одна можетъ опредѣлить, въ какой мѣрѣ мистическое направленіе могло способствовать смягченію нравовъ и распространенію просвѣщенія; но уже одна самоотверженная дѣятельность Н. И. Новикова служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ значительно было вліяніе этого направленія. Кто знаетъ, до какой степени вліяніемъ членовъ мистическихъ обществъ можетъ объясниться гуманный характеръ правленій Екатерины II и Александра I? Пока извѣстно лишь то, что многіе изъ государственныхъ дѣятелей, пользовавшихся значеніемъ въ царствованіе послѣдняго, образовались подъ сильнымъ вліяніемъ того направленія, котораго благороднѣйшимъ представителемъ былъ Н. И. Новиковъ.

Намъ случалось пересматривать довольно много печатныхъ сочиненій мистическаго содержанія, выходившихъ изъ русскихъ типографій во второй половинѣ XVIII столѣтія, и еще большее число рукописныхъ сборниковъ... Разъ пробужденная любознательность требовала тогда себѣ удовлетворенія, быть-можетъ, съ большею настойчивостію, чѣмъ въ наше время, и жадно бросалась на всякую умственную пищу. Безчисленное множество иностранныхъ сочиненій всякаго рода переводилось, печаталось и переписывалось людьми всякаго званія. Все, что̀ было сколько-нибудь замѣчательнаго въ числѣ произведеній современной французской или нѣмецкой литературы, можно смѣло искать въ русскомъ переводѣ. Болотовъ, переводящій какое-то нѣмецкое сочиненіе въ лагерѣ, наканунѣ битвы, и притомъ безъ всякой мысли объ изданіи, можетъ лучшимъ образчикомъ этихъ любознательныхъ людей прошлаго столѣтія. Число мисти-

ческихъ сочиненій, бывшихъ тогда въ оборотѣ, было поэтому весьма значительно. Часто встрѣчались намъ переводы изъ германскихъ мистиковъ, напримѣръ Бёма, сдѣланные рукою еще весьма неопытною въ этомъ дѣлѣ. Бо́льшая часть рукописей переписана чрезвычайно тщательно, многія съ особенною любовію. Признаемся, мы всегда смотрѣли на нихъ не безъ нѣкотораго сочувствія. Непонятыя формулы, странный образъ изложенія, злоупотребленіе мнимыми химическими и физическими свѣдѣніями, произвольныя толкованія текстовъ св. Писанія, и смѣшная формальность и вычурность масонскихъ выраженій не отталкивали отъ нихъ, напротивъ, сходили на второй планъ, несмотря на то, что занимали самое видное мѣсто. Вниманіе прежде всего останавливалось на нравственномъ смыслѣ и значеніи мистическихъ сочиненій, на томъ, что въ нихъ узкое и исключительное національное чувство теряется въ горячей любви, обнимающей все человѣчество, на то, что въ вѣкъ, гдѣ первое мѣсто занимали эгоистическія стремленія и давалось слишкомъ много простора случайному счастію и дерзкому произволу, двигателемъ всякой общественной и частной дѣятельности ставится любовь, что источникомъ всякаго знанія почитается самопознаніе. Пѣсни, употреблявшіяся въ собраніяхъ русскихъ мистиковъ, въ бо́льшей чистотѣ представляютъ основу ихъ нравственнаго стремленія, потому что свободнѣе отъ странной примѣси обрядности и метафизическихъ толкованій. Намъ нѣтъ нужды различать, какія изъ нихъ были написаны самими членами общества и собственно для его потребностей, и какія взяты извнѣ и только приспособлены обществами для ихъ цѣлей. Вотъ пѣснь при открытіи ложи ученической:

Отъ насъ, злодѣи, удаляйтесь,
Которы ближняго тѣснятъ;
Во храмѣ нашемъ не являйтесь,
Которы правду не хранятъ;
Тѣснитъ кто бѣдныхъ завсегда,
Тому затворенъ входъ сюда!
Во двери, крѣпко заключенны,
Премудрые вступаютъ къ намъ,
Единой честью провожденны;
Невинность ихъ ведетъ въ нашъ храмъ;
Когда изъ храма вонъ грядутъ,
Съ собою скромность понесутъ.

Оставьте гордость и богатство,
Оставьте пышность и чины!
Они устроятъ вамъ препятство,
Имъ двери въ храмъ затворены;
Здѣсь то едино веселитъ,
Что̀ добродѣтель намъ сулитъ.

Вотъ отрывокъ изъ пѣсни товарищества: *Ликуйте, братья, путь свершая:*

Строитель мудрый всей вселенной,
Во братски души впечатлѣнный,
Ведетъ насъ въ радостный эдемъ.
Чтобъ жизнь во благѣ провождати,
Онъ самъ благоволилъ намъ дати
Блистающу звѣзду вождемъ.

Сей блескъ для насъ не уменьшится,
Доколь весь путь нашъ не свершится,
И правда тьмы не разженетъ.
По жизни нашей скоротечной,
Найдено благо будетъ вѣчно,
И свѣтъ умножится чрезъ свѣтъ.

Слѣдующая пѣсня, неизвѣстно при какихъ случаяхъ употреблявшаяся въ собраніяхъ обществъ, весьма часто встрѣчается и въ рукописныхъ сборникахъ, и переписанная отдѣльно:

Премудрость въ даръ себя приноситъ
Не любопытству, но труду.
Кто вѣритъ, ищетъ, терпитъ, проситъ,
Труждается въ свою чреду,
Тотъ самъ найдетъ къ тому дорогу,
Получитъ втуне благодать,
Строптивымъ не угодно Богу
Своихъ сокровищъ подавать.

Кто скроменъ, искрененъ послушенъ,
Обрящетъ свѣтъ на всѣхъ стезяхъ;
Но мужъ не можетъ двоедушенъ
Устроенъ былъ въ своихъ путяхъ;
Премудрости онъ не обманетъ,
Лишь мракъ умножитъ предъ собой,
Въ пути споткнется и не встанетъ;
Всякъ долженъ свѣтъ принесть съ собой.

Самой премудрости угодно
Лишь только тѣхъ впускать въ свой храмъ,
Въ комъ сердце чисто и свободно
Отъ всякихъ узъ, безвѣстныхъ тамъ.

Невольникъ всякъ неблагороденъ,
Его отринетъ стражу у вратъ;
Коль сердцемъ чистъ ты и свободенъ.
Спокоенъ будь, любезный братъ.

Ешевскій.

Заслуга русскаго масонства предъ обществомъ.

Если мистицизмъ и масонство въ концѣ XVIII вѣка у насъ въ Россіи были явленіями, занесенными, подобно многимъ другимъ, изъ европейской умственной жизни, если они не имѣли въ русскомъ обществѣ ни историческихъ причинъ ни исторической почвы, какъ на Западѣ, то все-таки мы имѣемъ право утверждать, что состояніе русской жизни и ея условія были благопріятны для нихъ и во многомъ ихъ оправдывали. Какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, масонство могло появиться совершенно естественно и найти благопріятную почву для своего развитія, сдѣлаться даже явленіемъ, принесшимъ извѣстную долю пользы русскому обществу.

Во второй половинѣ XVIII вѣка въ западной Европѣ и преимущественно въ Германіи, съ которою наши петербургскіе и московскіе масоны имѣли непосредственныя сношенія, мы видимъ быстрое усиліе и развитіе разныхъ тайныхъ обществъ, извѣстныхъ подъ названіемъ масоновъ, иллюминатовъ, розенкрейцеровъ и др. Различныя историческія причины способствовали этому тайному, но съ широкими границами, движенію. Съ одной стороны, іезуитскій орденъ, послѣ реформаціонныхъ войнъ снова и въ полномъ блескѣ возстановилъ католичество, грозившее свободѣ мысли. Съ другой стороны, тогдашнее политическое устройство государствъ въ западной Европѣ было такого рода, что форма ихъ не допускала возможности личнаго участія, личной дѣятельности развитого гражданина въ дѣлахъ общественныхъ, а между тѣмъ эти развитыя личности страстно желали общественной дѣятельности. За невозможностію ея, весь пылъ подобныхъ стремленій уходилъ въ дѣятельность тайныхъ обществъ, гдѣ раскрывался полный просторъ личнымъ начинаніямъ. Стремленія эти были сильны и могущественны, потому что они вызывались всѣмъ развитіемъ литературы и мысли въ XVIII вѣкѣ, которое, освобождая сердце и умъ, требовало вмѣстѣ

съ тѣмъ и свободы политической дѣятельности, а она не допускалась гнетомъ феодальнаго государства, господствовавшаго во всей силѣ до французской революціи. Чего хотѣли тайныя общества масоновъ, иллюминатовъ и др.? Исключенные изъ государственной дѣятельности, братья орденовъ не могли имѣть въ виду близкой, практической цѣли въ государствѣ; они были чужды политическимъ стремленіямъ, не думали о государственномъ переворотѣ, и одною изъ первыхъ обязанностей брата считали повиновеніе государю, во владѣніяхъ котораго жили, и существующимъ въ нихъ законамъ. Цѣль тайныхъ обществъ была гораздо дальше, была чище и идеальнѣе, вызывалась современными общественными явленіями: этимъ неестественнымъ развитіемъ ума и грубымъ невѣжествомъ массъ въ XVIII вѣкѣ. Тайныя общества хотѣли всеобщаго просвѣщенія и идеальнаго христіанства, очищеннаго отъ фанатизма и суевѣрія. Это нравственное дѣло должно быть достигнуто братскими усиліями общества, а потому необходимо было увеличивать число братій, такъ какъ каждый изъ нихъ являлся работникомъ будущаго зданія для просвѣтленнаго и счастливаго человѣчества. Понятно, что въ такомъ обществѣ первую и главную роль должны были играть писатели, такъ какъ только нравственными, литературными средствами можно было проводить въ жизнь цивилизующія начала. Сочиненія должны были издаваться въ одномъ духѣ, для чего необходимъ союзъ писателей, дѣйствующихъ въ одномъ направленіи, необходимы матеріальныя средства для подобной литературной дѣятельности: типографіи, книжныя лавки, читальни, необходимо воспитаніе въ извѣстномъ направленіи, а потому ордена заводили свои школы, воспитательныя заведенія и пр. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, вербуя во всѣхъ сословіяхъ и народахъ своихъ членовъ, тайное общество, въ концѣ концовъ, должно было потерять этотъ характеръ свой: предѣлы человѣчества были его предѣлами. Такимъ образомъ въ усиліяхъ тайныхъ обществъ мы видимъ благую, честную цѣль, хотя сами они были порожденіемъ больного и неестественнаго устройства общественной жизни.

Если въ Россіи XVIII столѣтія и не было тѣхъ историческихъ причинъ, которыя въ Европѣ породили тогда движеніе тайныхъ обществъ, то нѣтъ сомнѣнія, что они нашли

у насъ весьма благопріятную почву и обширное поле для дѣятельности. Кто не знаетъ нашего эфемернаго умственнаго развитія въ XVIII вѣкѣ, вызваннаго горячечнымъ подражаніемъ Европѣ послѣ реформы Петра В., это неестественное, почти больное развитіе головъ вверху и спящую неподвижность массы внизу? Кто не знаетъ недостатка нравственныхъ убѣжденій въ нашихъ людяхъ XVIII вѣка, ихъ грубыхъ, чисто матеріальныхъ побужденій для дѣятельности, ихъ жизни точно въ лагерѣ страны завоеванной, презрѣнія ко всякой умственной дѣятельности и жадную погоню въ высшихъ классахъ, гдѣ сосредоточивалась вся жизнь государства, за золотомъ и наслажденіями? Что-то черствое, жесткое видно въ этихъ натурахъ, и бѣдность ихъ внутренняго содержанія не скрывается отъ насъ ни блескомъ царствованія Екатерины, ни ея гуманными фразами, ни звонкими стихами Державина. Людямъ, нравственно развитымъ, съ болью кидались въ глаза всѣ эти печальныя противорѣчія общества, сердце ихъ должно было скорбѣть. Надобно прибавить ко всему этому, что съ легкой руки императрицы, многимъ обязанной сочиненіямъ французскихъ энциклопедистовъ и лично знакомой съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ обществѣ, даже теоретически, господствовалъ матеріализмъ, развиваемый передовыми мыслителями Франціи и искушающій сердце. Естественно, необходимо явилось противодѣйствіе этому направленію, и, если оно вдалось въ крайности, то онѣ были вызваны крайностями противоположнаго явленія; но заслуга русскаго масонства передъ русскимъ обществомъ, разумѣется, въ той ограниченной сферѣ дѣйствія, какая была предоставлена ему, и между многими личностями, литературнымъ путемъ, была очень велика. Русское масонство боролось съ матеріализмомъ и грубою чувственностью, оно возставало противъ индиферентизма и фанатизма въ религіи, противъ односторонняго развитія ума и при совершенномъ забвеніи сердца; оно желало просвѣщенія массы, желало лучшаго матеріальнаго устройства ея быта и съ этой цѣлью помогало бѣднымъ. Вотъ почему просвѣщенный митрополитъ московскій, знаменитый Платонъ, послѣ испытательной бесѣды по указу императрицы Екатерины съ Новиковымъ, доносилъ ей въ 1786 году, между прочимъ, слѣдующее: „Какъ предъ престоломъ Божьимъ, такъ и предъ престоломъ твоимъ, всемилостивѣйшая госу-

дарыня императрица, я одолжаюсь по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и тобою, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане такіе какъ Новиковъ".

Въ самомъ дѣлѣ, чего хотѣли русскіе масоны? Ихъ главная, ихъ существенная цѣль заключалась въ воспитаніи *внутренняго человѣка*, не въ томъ только освобожденіи его отъ историческихъ опредѣленій, о которомъ хлопотали деистическія ученія вѣка, но и въ развитіи его внутренней стороны, задавленной господствомъ животныхъ инстинктовъ. Вѣра въ Бога, религія страны, повиновеніе государю и исполненіе законовъ оставались нетронутыми, ихъ желали только чище и сознательнѣе. Конечно, въ этомъ свободномъ соединеніи людей для далекой и неопредѣленной цѣли воспитанія человѣчества не могло быть ясно очерченной системы и программы дѣйствія (строго систематизированы были только внѣшніе обряды ложъ, которыми масоны думали увлечь толпу и людей, несмотря на свое развитіе легко поддающихся внѣшнимъ приманкамъ); притомъ цѣль общества и не могла быть формулирована, такъ какъ она мерцала въ далекомъ будущемъ, и къ ней вели разнообразные пути, но нравственный характеръ главныхъ представителей русскаго масонства прошлаго вѣка ручается намъ за чистоту ихъ убѣжденій и за истину ихъ словъ. Несчастіе этого общества, условливаемое временемъ и обстоятельствами, составляла тайна и таинственные, исполненные символизма, внѣшніе обряды. Подъ покровъ тайны легко могли прокрасться и прокрадывались ложь и обманъ. Наше время знаетъ, что благо человѣчества достигается не таинственными обрядами, а дѣйствіями явными, но въ XVIII вѣкѣ были другія отношенія. Загораживаясь отъ общества заборомъ тайны, собираясь въ недоступныя для другихъ собранія, употребляя непонятные обряды и вычурный символическій языкъ, масоны невольно возбуждали къ себѣ недовѣріе не только правительства, которое естественно не могло терпѣть рядомъ съ собою другой власти, но и простыхъ, благомыслящихъ людей.

Изучая заявленія русскихъ масоновъ о себѣ и о цѣли ихъ общества, соображая образъ ихъ дѣйствій, мы видимъ, что цѣли и намѣренія ихъ были высоко-нравственныя. Мисти-

ческая работа надъ „дикимъ камнемъ", надъ грубымъ и непросвѣщеннымъ обществомъ — вотъ сущность того кружка, который возникъ въ обществѣ Новикова и друзей его. Желаніе расширить общество и средства распространенія были тѣ же, что и въ Германіи. Вотъ что, между прочимъ, писали берлинскіе масоны въ 1784 году, въ самую сильную пору движенія Новиковскаго кружка, къ одному изъ главныхъ масонскихъ дѣятелей въ Москвѣ Петру Алексѣевичу Татищеву: „цѣль общества... соединить ради общей пользы въ одинъ союзъ людей, обыкновенно раздѣленныхъ возрастомъ, образомъ жизни, различными занятіями и самыми средствами для жизни, не давать заглохнуть природнымъ дарованіямъ, но поощрять ихъ къ дѣятельности; содѣйствовать распространенію знаній въ латинскомъ языкѣ, также знакомству съ древностями, съ природою, которая въ нѣдрахъ своихъ бережетъ такъ много сокровищъ для всякаго благоразумнаго изслѣдователя, который приступаетъ къ ней съ чистою мыслію; для безпріютныхъ молодыхъ людей завести особыя филологическія семинаріи, гдѣ бы они, сверхъ образованія, могли получить и самое содержаніе, и имѣя цѣлію приготовить изъ нихъ будущихъ воспитателей народа, заранѣе направить ихъ умы къ общеполезной дѣятельности и воспитывать въ сердцахъ ихъ любовь къ Богу и ближнему; наконецъ, вообще способствовать, посредствомъ хорошаго выбора книгъ для чтенія, просвѣщенію народнаго духа въ своемъ отечествѣ". Новиковъ и друзья его, сформировавшіе въ Москвѣ общество, бывшее въ непосредственныхъ связяхъ съ нѣмецкими масонами, почти буквально исполнили эту программу.

Извѣстна дѣятельность Новикова и друзей его, составляющая самый замѣчательный эпизодъ изъ исторіи нашего просвѣщенія XVIII вѣка. Несмотря на то, что Новиковъ (1744—1818) и числился между воспитанниками Московскаго университета, изъ котораго онъ былъ однако исключенъ въ одно время съ товарищемъ своимъ, знаменитымъ Потемкинымъ, за лѣность и нехожденіе въ классы, онъ принадлежалъ къ числу самородныхъ русскихъ умовъ, съ постоянною, неумолкаемою жаждою дѣятельности. Его здравый умъ, его замѣчательныя дарованія, любовь къ чтенію и знакомство съ людьми дѣятельными въ литературѣ въ то время, когда въ началѣ царствованія Екатерины II литература, поощряе-

мая самою императрицею, получила особенное оживленіе, невольно влекли Новикова къ работѣ умственной. Служа въ гвардейскомъ Измайловскомъ полку, Новиковъ началъ свое литературное поприще сатирическими журналами, умныя и мѣткія нападенія которыхъ обратили на него общее вниманіе. Но, видя безплодность своей сатиры, понимая, что недостатки общества зависятъ отъ историческихъ условій его развитія, Новиковъ перешелъ къ изученію историческихъ памятниковъ Россіи, изданіемъ которыхъ принесъ существенную пользу наукѣ. Затѣмъ, вѣроятно, увлеченный движеніемъ масонства, онъ сталъ издавать журналы, посвященные нравственности вообще и нравственной религіи. Уже въ 1777 году онъ издаетъ журналъ „Утренній Свѣтъ“, наполненный статьями исключительно нравственнаго и религіознаго содержанія, и всю выручку съ этого изданія отдаетъ на воспитаніе дѣтей въ двухъ петербургскихъ училищахъ. Тогда уже опредѣлилась его дѣятельность и издательская и филантропическая. Съ выходомъ въ отставку, съ переѣздомъ въ родную ему Москву въ началѣ 1779 года, и съ переходомъ къ нему по контракту тогда же Университетской типографіи, эта дѣятельность Новикова получила широкіе размѣры. Переходъ Университетской типографіи и изданія „Московскихъ Вѣдомостей“ въ руки Новикова составляетъ эпоху въ исторіи нашего просвѣщенія. Предпринимая разныя изданія періодическія, задумывая переводы замѣчательныхъ иностранныхъ произведеній, возбуждая, однимъ словомъ, въ высшей степени литературную дѣятельность, которая естественно являлась помощницею его коммерческаго предпріятія, Новиковъ нуждался въ совѣтникахъ и пособникахъ и такимъ образомъ онъ невольно сдѣлался центромъ, вокругъ котораго группировались всѣ литературные представители Москвы, все то, что питало сочувствіе къ дѣятельности слова, уму и просвѣщенію. Въ этотъ кругъ людей, молодыхъ и образованныхъ, соединенныхъ одною идеею и общею дѣятельностію, увлеченныхъ примѣромъ Новикова и его вліяніемъ, въ этотъ кругъ *любослововъ*, какъ называетъ ихъ И. И. Дмитріевъ, вступилъ въ 1785 году молодой Карамзинъ, и четыре года, проведенные имъ въ этомъ обществѣ, на глазахъ лучшихъ людей времени, въ общихъ сознательныхъ трудахъ, въ переводахъ замѣчательнѣйшихъ тогда произведеній западныхъ

литературъ, подъ вліяніемъ пылкой молодой дружбы, были прекрасною школою для Карамзина. Здѣсь разнообразнымъ трудомъ и упражненіемъ не только развился его авторскій талантъ, но воспиталось его сердце, раскрылось его чувство къ воспріятію самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. Когда Дмитріевъ увидалъ его въ этомъ московскомъ кружкѣ, онъ не узналъ Карамзина: „Это былъ уже не тотъ юноша, который читалъ все безъ разбора, плѣнялся славою воина, мечталъ быть завоевателемъ чернобровой, пылкой черкешенки, но благочестивый ученикъ мудрости, съ пламеннымъ рвеніемъ къ *усовершенствованію въ себѣ человѣка*“.

Высшій и вмѣстѣ съ тѣмъ таинственный смыслъ этому литературному кругу и его дѣятельности придавало *масонство*, которому Новиковъ отдался со всѣмъ пыломъ своей страстной натуры, и которое своими широкими, какъ человѣчество, цѣлями, своею благородною любовью къ человѣческому роду, было для этихъ людей воспоминаніемъ дѣйствительности, замѣненіемъ невозможности дѣйствовать въ нее. Масонство, появившееся въ Россіи въ 1741 году, вскорѣ послѣ своего развитія въ Германіи получило сильное распространеніе у насъ съ начала царствованія Екатерины, вслѣдствіе ея покровительства и особенно въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, вслѣдствіе движенія тайныхъ обществъ Европы, вслѣдствіе стремленія ихъ къ прозелитизму. Не только въ обѣихъ столицахъ, но и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ были основаны дѣятельно работающія ложи. Даже цѣлая ложа или система въ Петербургѣ получила названіе Елагинской, по имени извѣстнаго Ивана Перфильевича Елагина, писателя, историка и гофмаршала Екатерины II. Весьма вѣроятно, что между всѣми этими ложами не было тѣсныхъ связей, хотя связи и сношенія съ западными ложами давали главную пищу нашимъ. Очень можетъ быть, что, еще живя въ Петербургѣ, Новиковъ уже посѣщалъ находившіяся тамъ ложи, но всего вѣроятнѣе онъ сдѣлался жаркимъ и дѣятельнымъ масономъ уже въ Москвѣ и тогда, когда началась и опредѣлилась его издательская дѣятельность. Появленіе масонства въ кружкѣ Новикова начинается съ того утра, когда, по словамъ его пришелъ къ нему „нѣмчикъ“, сдѣлавшійся его искреннимъ и неразлучнымъ другомъ до самой смерти своей. Этотъ „нѣмчикъ“ былъ

главною фигурою московскихъ масоновъ; это былъ типъ учителя, которому поклонялись съ благоговѣніемъ молодые литераторы Новиковскаго кружка, самый дѣятельный организаторъ въ московскомъ масонствѣ — профессоръ Московскаго университета — Иванъ Егоровичъ Шварцъ, оставившій въ душѣ всѣхъ своихъ единомышленниковъ самую глубокую и сердечную привязанность, перешедшую по смерти его на его сиротъ и семейство. *Буличъ.*

Значеніе масонства въ исторіи общественнаго развитія Россіи.

Для нашего времени масонство кажется обыкновенно чѣмъ то далекимъ, чуждымъ, немножко страннымъ и смѣшнымъ. Мы вспоминаемъ о немъ развѣ по поводу архаической формулы присяги — о непринадлежности къ масонскимъ ложамъ. Намъ трудно представить себѣ, какую огромную роль сыграло это теченіе въ исторіи нашего общественнаго развитія и какимъ путемъ оно попало въ эту присягу. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда масонство, уже слишкомъ очевидно, является въ связи съ общественнымъ движеніемъ, какъ, напр., у Новикова, — изслѣдователи часто стараются умалить значеніе масонскаго элемента въ развитіи дѣятельнаго идеализма передовой интеллигенціи. Это совершенно неправильно. Вліяніе масонства слѣдовало бы признать весьма значительнымъ, даже если бы оно ограничивалось чисто теоритическимъ ученіемъ масоновъ. Въ смыслѣ теоріи или, лучше сказать, въ смыслѣ цѣльнаго міровоззрѣнія, масонство было какъ разъ самымъ подходящимъ выходомъ для всего того молодого поколѣнія, которое остановилось въ колебаніи между старой и новой вѣрой. Когда молодой писатель того времени рисуетъ себѣ полный контрастъ съ выше изображенной сатирой на вольтеріанца, когда онъ стремится надѣлить свой идеалъ всѣми возможными „достоинствами“, у него самъ собой выходитъ изъ-подъ пера житейскій кодексъ масона (см. ту же „Вечернюю Зарю“). Вотъ почему далеко не одинъ Новиковъ „попалъ въ общество (масоновъ) потому, что находился на

распутьи между вольтеріанствомъ и религіей и не имѣлъ точки опоры или краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе". Это былъ общій и типическій случай для болѣе глубокихъ и отзывчивыхъ натуръ его поколѣнія. Масонство являлось для нихъ желаннымъ исходомъ, прежде всего, потому, что оно представлялось имъ вполнѣ совмѣстнымъ съ самыми строгими требованіями православія. На запросъ нѣмецкихъ масоновъ московскіе братья одинъ разъ заявили формально, что „обряды греко-россійской церкви такъ сходны съ масонскими, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что они имѣютъ одинъ источникъ". И митрополитъ Платонъ нисколько ни кривилъ душой, когда далъ свой извѣстный отзывъ о православіи Новикова, — дѣйствительно искренно вѣровавшаго и не менѣе искренняго масона. Католическое пониманіе масонства, какъ церкви антихриста было нашей интеллигенціи XVIII вѣка совершенно чуждо, и приходило на умъ развѣ только такимъ богобоязненнымъ старушкамъ, какъ тетка Державина, — да авторамъ лубочнаго пасквиля на масонство 1765 года. Интеллигенція же видѣла въ масонствѣ вѣру, но только вѣру просвѣтленную разумомъ. Масонство было для нея своего рода духовнымъ христіанствомъ, — и это было другой причиной, почему переходъ въ масонство являлся такимъ желаннымъ исходомъ изъ тяжелой борьбы двухъ крайнихъ міровоззрѣній. Центральная идея масоновъ, какъ и духовнаго христіанства, есть „моральное перерожденіе", въ противоположность идеямъ французскихъ „философовъ" о перерожденіи людей путемъ раціональнаго законодательства. Вмѣсто борьбы за реформу масонство ставило человѣку задачу внутренняго самопознанія и работы надъ самимъ собой. Изъ этой основной идеи выводилось все соціальное ученіе масонства. Нельзя сказать, чтобы оно было, однако, слишкомъ узко или индивидуалистично, чтобы оно ставило человѣку однѣ только личныя цѣли. По нѣсколько болѣе позднему опредѣленію одного опытнаго масона, „масонство видитъ во всѣхъ людяхъ братьевъ, которымъ оно открываетъ свой храмъ, чтобы освободить ихъ отъ предразсудковъ ихъ родины и религіозныхъ заблужденій ихъ предковъ, побуждая людей къ взаимной любви и помощи. Оно никого не ненавидитъ и не преслѣдуетъ, и цѣль его можетъ опредѣлиться такъ: изгонять между людьми предраз-

судки кастъ, условныхъ различій происхожденія, мнѣній и національностей, уничтожить фанатизмъ и суевѣріе, искоренить международныя вражды и бѣдствія войны; посредствомъ свободнаго и мирнаго прогресса достигнуть закрѣпленія вѣчнаго и всеобщаго права, на основаніи котораго человѣкъ призванъ къ свободному и полному развитію всѣхъ своихъ способностей; споспѣшествовать всѣми силами общему благу и сдѣлать такимъ образомъ изъ всего человѣческаго рода одно семейство братьевъ, связанныхъ узами любви, познаній и труда“ [1]).

Словомъ, масонство — это своего рода толстовство своего времени. Не даромъ Толстой сдѣлалъ масономъ (въ „Войнѣ и мирѣ“) родоначальника любимаго типа своихъ романовъ. Онъ заразъ былъ вѣренъ и исторіи и собственному настроенію. Отмѣтимъ особенно — демократическую тенденцію масонской идеи. Въ самый разгаръ увлеченія русскихъ аристократовъ вольтеріанствомъ масонство провозглашаетъ уничтоженіе „предразсудковъ кастъ и условныхъ различій происхожденія“. Конечно, этотъ принципъ не проводится на практикѣ, и Елагину, напр., очень не нравится, когда его братьями по ложѣ оказываются два повара-француза. Но не надо забывать, что скоро духовными вождями русскаго масонства сдѣлались, вмѣсто этого вельможи, такой защитникъ „подлости“ и мѣщанства, какъ Новиковъ, и такой выходецъ безъ соціальнаго положенія, годившійся по обычному представленію развѣ въ „гофмейстеры“, какъ Шварцъ.

Однимъ теорическимъ вліяніемъ, во всякомъ случаѣ, далеко еще не исчерпывается значеніе масонства для русской общественной исторіи XVIII вѣка. Въ моментъ, когда русская интеллигенція выростала изъ рамокъ частныхъ дружескихъ кружковъ, масонство дало ей готовую форму для болѣе широкой группировки на основаніи общей идейной связи. Въ масонствѣ, какъ средствѣ организаціи, всегда заключалась огромная соціальная сила. Чтобы понять это, стоитъ познакомиться съ прошлымъ и настоящимъ масонства на Западѣ,

---

[1]) Конечно, не всѣ масоны вполнѣ усвоили такое возвышенное пониманіе масонства, но по частямъ эта характеристика повторяется во множествѣ масонскихъ произведеній. Мало того, среди этихъ произведеній мы укажемъ ниже одно, которое представляетъ еще болѣе глубокое пониманіе, потому что обосновываетъ приведенную въ текстѣ формулировку — философской аргументаціей.

особенно во Франціи. Какъ использована была эта черта масонства интеллигенціей екатерининскаго времени, мы скоро увидимъ.

Итакъ, какъ извѣстное морализирующее міровоззрѣніе, какъ средство объединенія интеллигентныхъ силъ, масонство имѣло очень важное значеніе въ исторіи общественнаго развитія Россіи. Изслѣдователи, отрицающіе это значеніе, представляютъ иногда себѣ масонство съ третьей стороны, которая, дѣйствительно, не играла почти никакой роли въ русскомъ интеллигентномъ масонствѣ. Рѣчь идетъ о тайныхъ ученіяхъ масонства, открывавшихся только тѣмъ, кто доходилъ до высшихъ степеней масонской іерархіи. На этихъ высшихъ степеняхъ масонство расходится въ своихъ ученіяхъ и дѣлится на нѣсколько системъ. Французское масонство чрезвычайно увеличило количество ступеней и ввело множество обрядовъ и церемоній. Нѣмецкое масонство увлеклось натурфилософіей и погрузилось въ изученіе секретовъ природы, надѣясь этимъ путемъ дойти до познанія Божества въ природѣ. Наконецъ, одна отрасль масонства задумала воспользоваться масонской организаціей, какъ средствомъ для политическихъ цѣлей. Первой изъ названныхъ трехъ системъ, съ ея развѣтвленіями, лучшіе изъ русскихъ масоновъ не сочувствовали: она имѣла сторонниковъ, главнымъ образомъ, среди „знатныхъ господъ“, привыкшихъ къ іерархіи, чинамъ и знакамъ отличія [1]). Послѣдней системы, т.-е. политической такъ называемыхъ „иллюминатовъ“, въ Россіи вовсе не существовало: подозрѣнія Екатерины въ этомъ отношеніи были совершенно неосновательны. Только вторая, мистическая, система („розенкрейцеры и мартинисты“) получила одно время значеніе въ русскомъ идейномъ масонствѣ. Но мы сейчасъ увидимъ, что это значеніе свелось на практикѣ къ усиленію тѣхъ же двухъ элементовъ, важность которыхъ мы только что подчеркнули: идейнаго одушевленія и идейныхъ связей:

Масонство занесено было въ Россію иностранцами еще при Аннѣ, одновременно съ распространеніемъ его въ Германіи. Но первыя извѣстія о *русскихъ* адептахъ масонства мы

[1]) Наблюденіе это приведено самими русскими масонами, въ ихъ донесеніи заграничному съѣзду, какъ доказательство пользы внѣшнихъ знаковъ и церемоній для успѣха масонской пропаганды.

имѣемъ лишь отъ пятидесятыхъ, самое большое — отъ конца сороковыхъ годовъ. Эти извѣстія рисуютъ намъ масоновъ елизаветинскаго времени въ такихъ чертахъ, которыя мало соотвѣтствуютъ только-что сдѣланной характеристикѣ. При Елизаветѣ масонство распространялось въ томъ же самомъ знатномъ кругу, который потомъ, при Екатеринѣ, смѣнилъ его на новую моду, вольтеріанство. Для этого круга масонство было простой забавой, дѣломъ моды, суетности и тщеславія. Въ это именно время, въ 50-хъ годахъ, вступилъ въ орденъ И. П. Елагинъ, первый „возстановитель на твердую степень“ масонства въ Россіи. По его собственному признанію, этотъ офиціальный глава позднѣйшаго масонства руководился тогда, главнымъ образомъ, побужденіями „любопытства и тщеславія“: любопытства — узнать сокровенныя тайны масонства и тщеславіемъ — побыть „хотя минуту въ равенствѣ съ такими людьми, кои въ обществѣ знамениты, — и чинами, и достоинствами, и знаками отъ меня удалены суть“. „Содѣйствовала тому и лестная надежда, не могу ли чрезъ братство достать въ вельможахъ покровителей и друзей, могущихъ споспѣшествовать счастію моему“. Но скоро Елагинъ убѣдился, что „вельможи“ вовсе не смотрятъ серіозно на „братскій“ союзъ. И самъ Елагинъ „работы“ въ масонскихъ собраніяхъ „почиталъ совершенно игрушкою, для препровожденія празднаго времени вымышленною“. Дѣйствительно, собранія масоновъ приняли въ этотъ періодъ характеръ клуба, съ обычными клубными занятіями: биліардомъ, карточной игрой и веселыми ужинами. О масонствѣ напоминали развѣ только торжественные пріемы новичковъ и посвященія изъ степени въ степень, обставленныя церемоніями и символической обстановкой, предназначенной дѣйствовать на воображеніе, но скорѣе возбуждавшей смѣшливость. Естественно, что такое масонство не давало пищи ни уму, ни сердцу. „Не пріобрѣлъ я изъ тогдашнихъ работъ нашихъ“, признается Елагинъ, „ни тѣни какого-либо ученія, ниже преподаяній нравственныхъ, а видѣлъ токмо одни предметы неудобь достижимые, обряды странные, дѣйствія почти безразсудныя; и слышалъ символы неразсудительные, объясненія религіи здравому разсудку противныя. Въ такомъ безплодномъ упражненіи открылась мнѣ только та истина, что ни я ни начальники масоновъ иного таинства не знаютъ, какъ развѣ

со степеннымъ видомъ въ открытой ложѣ шутить и при торжественной вечери за трапезой непстовымъ воплемъ непонятныя ревѣть пѣсни, и насчетъ ближняго хорошимъ упиваться виномъ, да начатое Минервѣ служеніе окончится празднествомъ Вакху".

Такъ стояло дѣло, когда въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ начали примыкать къ масонству представители учащейся молодежи въ Петербургѣ и Москвѣ, воспитанники шляхетскаго корпуса и университета. Прямыхъ извѣстій объ этомъ моментѣ въ исторіи масонства мы почти не имѣемъ, такъ какъ принадлежность къ масонству хранилась тогда въ глубокой тайнѣ; масонскія собранія ютились на чердакахъ, и „братья" скрывали свою принадлежность къ ордену, боясь правительственнаго преслѣдованія. Только гораздо позже, въ рядахъ екатерининскихъ масоновъ 80-хъ годовъ мы встрѣчаемъ представителей этого поколѣнія молодежи. О времени ихъ вступленія въ орденъ обыкновенно не имѣется никакихъ свѣдѣній, но среди „братьевъ" они часто считаются старыми и опытными масонами и занимаютъ иногда видное мѣсто въ іерархіи ордена. Здѣсь встрѣчаемъ самыхъ видныхъ участниковъ журналистики начала 60-хъ гг. (Херасковъ, Ржевскій, Нартовъ) и ихъ менѣе видныхъ друзей, державшихся плотной группой въ Комиссіи уложенія (Всеволожскій, графъ А. Строгоновъ), наконецъ, сыновей или родственниковъ этой депутатской группы (Лодыженскій, А. Ѳ., Загряжскій, А. А., Трубецкіе, можетъ быть Лопухинъ). Это, конечно, только остатки интеллигентныхъ кружковъ и группъ 60-хъ годовъ; но ихъ совершенно достаточно, чтобы поднять нить интеллигентнаго развитія, ускользающую отъ нашего прямого наблюденія. Къ тому же, намъ хорошо извѣстно настроеніе и складъ убѣжденій молодыхъ литераторовъ начала 60-хъ годовъ. Ихъ взгляды совершенно совпадаютъ съ приведенной только что характеристикой масонской идеи: мы принуждены были назвать эти взгляды масонскими по существу, по самому содержанію ихъ, прежде чѣмъ заговорили о внѣшней исторіи русскаго масонства (см. выше).

Несомнѣнно, присоединеніе къ масонству интеллигентной молодежи обѣихъ столицъ сразу подняло тонъ движенія и дало ему серіозное содержаніе. И однако же, мы ничего не знали бы объ этомъ подъемѣ, если бы не знали о немъ

изъ юношескихъ журнальныхъ произведеній этого поколѣнія молодежи. Почему же, спрашивается, эта масонская традиція 60-хъ годовъ, столь сходная по существу съ идеями 80-хъ годовъ, оказалась такъ слаба, что самое существованіе ея намъ приходится доказывать косвенными соображеніями и сопоставленіями мелкихъ фактовъ, совершенно ускользнувшихъ отъ вниманія изслѣдователей? Оскудѣніе традиціи есть тоже историческій фактъ, весьма любопытный для исторіи нашего общественнаго развитія. Фактъ этотъ подтверждаетъ наши предыдущія наблюденія надъ первымъ поколѣніемъ интеллигентовъ и находитъ себѣ въ нихъ полное объясненіе. Юношеское одушевленіе, очевидно, не пережило юныхъ годовъ. Мы знаемъ, какъ охладѣло поколѣніе 60-хъ годовъ къ идейнымъ основамъ своей общественной дѣятельности. Необходимо только прибавить, что увлеченіе *масонствомъ*, даже независимо отъ возраста и опытности, должно было подвергнуться серіозному *идейному* испытанію. Тѣхъ, кого не охладилъ жизненный опытъ, могло отвлечь отъ масонства новое отвлеченіе французскими философами. Показанія Елагина и въ этомъ случаѣ оказываются драгоцѣнными. Совершенно разочаровавшись, какъ мы видѣли, въ масонствѣ, онъ „спознался съ аѳеистами и деистами“ и „сталъ искать просвѣщенія разума“ въ книгахъ „такъ называемыхъ новыхъ философовъ и анциклопедистовъ... въ славѣ тогда находившихся“. Но и для Елагина, какъ для другихъ интеллигентовъ екатерининскаго времени, это увлеченіе „вольтеріанствомъ“ послужило только переходной ступенью къ составленію собственнаго міровоззрѣнія, болѣе подходившаго къ старымъ привычкамъ мысли и чувства. И онъ, какъ другіе, проникся сердечнымъ трепетомъ при сознаніи того, что „дерзнулъ забыть вѣру, въ которой родился и страхъ Божій, и ученіе, которое при воспитаніи въ училищахъ преподаваемо было“. И онъ искалъ успокоенія встревоженной совѣсти въ бесѣдахъ съ „просвѣщенными и учеными“ руководителями. Къ его величайшему удивленію, эти руководители оказались масонами. Масонами были, какъ онъ зналъ, и самъ Вольтеръ и „ему сообразные“. По необходимости Елагину пришлось заключить, что въ масонствѣ есть что-то такое, что осталось ему неизвѣстнымъ. Онъ набросился тогда на изученіе масонской литературы, „за без-

умно истраченныя деньги собралъ громады писаній", искалъ высшихъ степеней масонства, чтобы проникнуть въ его сокровенныя тайны, входилъ въ сношенія съ заграничными масонами. Но во всемъ этомъ онъ не могъ „удовлетворительнаго ничего почерпнуть, а единственно увидѣлъ токмо разныя человѣческія умствованія, иныя острыя и разумныя, другія нелѣпыя и весьма глупыя", — и сверхъ всего этого очень много шарлатанства, эксплуатировавшаго простодушіе и любопытство искателей масонскихъ тайнъ для простого выманиванія денегъ. Истинная тайна масонства, которой съ такимъ трудомъ и расходами добивался Елагинъ, оказалась гораздо ближе и гораздо доступнѣе.

Простому человѣку, какъ Новиковъ, богатому только своимъ здравымъ смысломъ, эта тайна видна была сразу. Новиковъ съ самаго начала отнесся враждебно къ китайскимъ церемоніямъ французскаго „храмового" масонства, а къ черно-книжническимъ тайнамъ розенкрейцеровъ остался довольно равнодушнымъ. Но онъ быстро понялъ значеніе масонства, какъ нравственной теоріи, и оцѣнилъ вліяніе масонства, какъ общественной силы. Для того, чтобы заниматься нравственнымъ самоусовершенствованіемъ и чтобы воспользоваться организаціонными средствами масонства для цѣлей общественной дѣятельности, — для этого не нужно было гоняться ни за какими тайнами, нечего было разыскивать ключей къ масонству въ Швеціи, Англіи или Германіи. Ключъ этотъ, — „ключъ дружелюбія и братства", какъ опредѣлялъ его одинъ доносъ на масоновъ, найденъ былъ въ собственномъ сердцѣ и собственной волѣ. Въ этой находкѣ и заключается все значеніе Новикова для русскаго масонства. Этимъ же объясняется и то, какимъ образомъ человѣкъ, „безъ воспитанія, безъ ученія", не посвященный въ секреты ни „герметической философіи" розенкрейцеровъ ни „храмовыхъ" церемоній, „шотландскихъ" и „рыцарскихъ" степной системы „строгаго соблюденія" и родственныхъ съ нею, — какимъ образомъ такой человѣкъ могъ сдѣлаться однимъ изъ главныхъ реформаторовъ русскаго масонства.

Милюковъ.

Культурное значеніе масонства.

XVIII вѣкъ, безспорно, исполнилъ великую задачу освобожденія человѣчества отъ отжившихъ средневѣковыхъ формъ и вывелъ его на новый путь. Но, по непреложному закону историческаго развитія, этотъ прогрессъ сопровождался извѣстными временными патологическими симптомами. Отбрасывая болѣзненные наросты, XVIII вѣкъ расшаталъ и тѣ устои, безъ которыхъ правильное развитіе не можетъ совершаться. Въ матеріалистической философіи Гольбаха, Ламетри и отчасти Дидро человѣкъ является продуктомъ чисто физіологическихъ отправленій, и все, что лежитъ внѣ этихъ отправленій, все, что составляетъ духовную сторону жизни, было безпощадно вычеркнуто. Такой односторонній и грубый матеріализмъ и не удовлетворялъ человѣчество и всегда возбуждалъ реакцію. Первой исторической формой этой реакціи въ XVIII столѣтіи былъ мистицизмъ, масонство. Такимъ образомъ, задача масонства — протестъ грубаго матеріализма во имя нравственныхъ, этическихъ потребностей человѣка былъ законный и имѣлъ глубокій историческій смыслъ: этимъ и объясняется широкое его распространеніе и принадлежность къ масонству такихъ личностей, какъ Лессингъ, Байронъ и др.

Что же произошло, когда въ наше грубое и невѣжественное общество, но еще не разшатанное и сдержанное своими религіозными патріархальными традиціями, воздухъ европейской цивилизаціи занесъ верхи умственнаго и общественнаго движенія?

Философія энциклопедистовъ гораздо шире и глубже распростанилась въ тогдашнемъ обществѣ. Главной причиной ея распространенія у насъ, какъ и вездѣ, было то, что она стояла за правое дѣло, въ ней заключался несомнѣнный залогъ торжества во имя великихъ началъ, которыя она, безспорно, принесла съ собою человѣчеству, во имя освобожденія отъ тѣхъ предразсудковъ и общественныхъ формъ, которыя лежали тормозомъ на пути общественнаго развитія. Но быстрота и ширь ея распространенія условливались и отрицательными качествами этой философіи, ея темной стороной, неразлучной спутницей всякаго свѣтлаго явленія жизни.

Философія матеріализма тѣмъ скорѣе усвоивается обществомъ, чѣмъ ниже его умственное развитіе: простая по своей односторонности и поверхностной ограниченности, она легче переваривается только что возбужденною мыслію; она не требуетъ усилій, не возбуждаетъ борьбы и заманчиво ласкаетъ грубые инстинкты животной природы человѣка. На первыхъ порахъ эти темныя стороны однѣ привились къ нашему обществу и расшатали его. Философію энциклопедистовъ наше высшее общество усвоило изъ вторыхъ рукъ. Тогдашнее дворянство воспитывалось иностранными, по преимуществу, французскими гувернерами, среди которыхъ рѣдко попадались люди, дѣйствительно просвѣщенные, но большинство принадлежало къ числу проходимцевъ, усвоившихъ себѣ только верхи современнаго скептицизма и растлѣвающее его вліяніе на общество. Скептицизмъ тогдашняго русскаго общества не шелъ далѣе самаго дешеваго и неглубокаго отрицанія всѣхъ религіозныхъ и нравственныхъ традицій, не ограничиваясь религіознымъ суевѣріемъ и общественными предразсудками, дѣйствительно подлежащими искорененію. Скептицизмъ этотъ былъ не искренній; онъ не переходилъ въ жизнь и быстро исчезалъ, какъ скоро требовалъ какихъ-либо личныхъ пожертвованій, или просто надоѣдалъ, какъ всякое безсмысленное повтореніе заученныхъ модныхъ фразъ. Примѣромъ такого увлеченія скептической философіи, въ смыслѣ празднаго вольнодумства, была сама Екатерина, такъ рѣзко и круто отъ него отказавшаяся въ концѣ своего царствованія.

Но тѣмъ не менѣе общество расшаталось и потеряло свои устои. Доказательствомъ этого служатъ общіе отзывы „о порчѣ нравовъ“ и протестъ во имя идеализаціи старины, которыми наполнены записки современниковъ и другіе литературные памятники того времени; еще несомнѣннѣе подтверждаютъ это всѣ факты тогдашней общественной жизни, чѣмъ ближе мы съ нею познакомимся. Случилось то, что происходитъ теперь на нашихъ глазахъ. Великая реформа 19 февраля была, конечно, однимъ изъ самыхъ крупныхъ и благодѣтельныхъ событій въ русской исторіи, крѣпостное право пало, какъ самый значительный, несправедливый и вредный тормозъ нашего развитія; но оно было до извѣстной степени сдерживающею силой, общественной уздой въ

средѣ крестьянскаго населенія. И вотъ временно — пока эта старая узда не замѣнилась новою, въ смыслѣ народнаго образованія и воспитанія, нравственность въ средѣ крестьянства упала и „поврежденіе нравовъ“ есть фактъ, который въ данную минуту слишкомъ осязателенъ, чтобы можно было его оспаривать и спокойно закрывать глаза.

Протестъ того времени во имя идеализаціи стараго былъ и недостаточенъ и несостоятеленъ, ибо жизнь никогда не поворачиваетъ назадъ. Необходимо было, чтобы лучшіе люди, которымъ претила эта общественная распущенность и которые сознавали необходимость нравственныхъ устоевъ въ обществѣ, собрались вокругъ какого-нибудь знамени, выставили бы какое-нибудь политическое ученіе, которое бы возстановило потерянные устои, какъ это требовала современная общественная жизнь. За неимѣніемъ чего нибудь другого, эти люди у насъ схватились за масонство. И въ самомъ дѣлѣ, ничего другого не было у нихъ подъ руками. Западная жизнь, откуда шла болѣзнь, сама почти не выставляла никакого другого противовѣса; философская мысль только начинала зарождаться въ отдѣльныхъ единицахъ и кружкахъ и не успѣла еще оказать своего вліянія на успокоеніе общества. Само русское общество не подготовлено было даже къ воспріятію этой философской мысли въ смыслѣ готовой обработанной системы, а тѣмъ менѣе могло оно создать ее самобытно, ибо для этого необходимъ длинный и непрерывный процессъ умственнаго развитія, котораго у насъ не было. Поэтому у насъ возникло и широко, даже въ провинціяхъ, распространилось масонство; поэтому въ него вступили всѣ лучшіе люди тогдашней эпохи: Новиковъ, Шварцъ, Лопухинъ, Радищевъ, Херасковъ, Тургеневъ, графъ Н. И. Панинъ, кн. Репнинъ и мн. др. Разсматривая всѣ напечатанные до сихъ поръ документы по исторіи масонства въ Россіи, мы видимъ безпрестанное сложеніе и разложеніе масонскихъ ложъ, переходъ отъ одной системы къ другой, исканіе чего-то лучшаго, протестъ лучшихъ людей противъ высшихъ степеней, т.-е., противъ того именно, что было нелѣпаго и вреднаго въ масонствѣ. Это доказываетъ, что въ нашемъ масонствѣ собрались живыя и здоровыя силы общественнаго организма. Дѣятельность ихъ не слѣдуетъ преувеличивать: она также, въ большинствѣ случаевъ, за-

хватывала неглубоко и не переходила непосредственно въ жизнь даже и людей убѣжденныхъ. Братъ И. П. Елагинъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся масоновъ первоначальной эпохи, желая очистить масонское ученіе отъ „обрядовъ странныхъ и обясненій темныхъ и здравому разсудку противныхъ“ жалуется, что масоны „иного таинства не знаютъ, какъ развѣ со степеннымъ видомъ въ открытой ложѣ шутить и при торжественной вечери за трапезой несогласнымъ воплемъ ревѣть пѣсни и насчетъ ближняго упиваться виномъ, да начатое Минервѣ служеніе окончится празднествомъ Бахусу“. Но, несмотря на то, суровый обличитель масонства, „совершенный по-истинѣ его ревнитель, черпавшій изъ праведныхъ кладезей, сохраняющихъ его таинства“ въ качествѣ директора петербургскаго театра, вывихнулъ себѣ ногу, дѣлая пируэтъ передъ фигуранткою, и былъ уволенъ отъ директорства за то, что всячески мѣшалъ браку одной актрисы съ актеромъ, несмотря на взаимную ихъ склонность. Тѣмъ не менѣе, масонство у насъ имѣло болѣе глубокое значеніе, нежели на Западѣ: оно у насъ, за отсутствіемъ философской мысли въ то время, спасло лучшихъ людей отъ крайностей матеріализма и общественной распущенности; оно сплотило ихъ между собою и придало имъ силу; оно способствовало распространенію нравственныхъ и гуманныхъ принциповъ въ обществѣ; оно первое начало подкапывать сословное неравенство. Елагинъ передаетъ, что въ числѣ преимуществъ, завлекавшихъ въ масоны, было „равенство съ такими людьми, кои въ общежитіи знамениты и чинами, и достоинствами, и знаками отъ меня удалены суть, равенство, честолюбію и гордости человѣка ласкающее, да хотя на самое короткое время буду равенъ власти, иногда и судьбой нашей управляющей“. Ешевскій приводитъ посвященіе П. А. Татищеву нѣмецкой масонской книги: („Freimauer“ — Bibliotek, Stnek, 1758), гдѣ приведена программа дружескаго общества, разосланная и въ Германіи, высказана цѣль — „соединяйсь ради общей пользы въ одинъ союзъ людей, обыкновенно раздѣленныхъ возрастами, образомъ жизни, различными занятіями и самыми средствами для жизни“.

Колюпановъ.

Идеализмъ масонства, какъ причина быстраго и блестящаго его распространенія.

Много говорилось о масонствѣ въ нашей исторической литературѣ[1]), но, думается намъ, до сихъ поръ еще не сказано послѣдняго слова. Причина этого вполнѣ понятна: главные документы по этому вопросу до сихъ поръ не обнародованы[2]), интимныя бумаги главныхъ дѣятелей дошли до насъ въ жалкихъ, случайныхъ обрывкахъ[3]), заграничные архивы по русскому масонству намъ почти неизвѣстны... Такимъ образомъ, въ распоряженіи историка имѣется лишь очень небольшое число документовъ, дѣйствительно, цѣнныхъ[4]), имѣется рядъ отзывовъ современниковъ, часто пристрастныхъ въ обѣ стороны, и, наконецъ, нѣсколько ученыхъ предположеній, которыя многое объясняютъ, но многое, на нашъ взглядъ, и запутываютъ. Одна изъ основныхъ ошибокъ изслѣдователей этого вопроса заключается, какъ намъ кажется, въ томъ, что они пытались дать полную, цѣльную картину этого движенія, между тѣмъ какъ въ этомъ движеніи не было именно цѣльности: идеалы масонства почти каждымъ масономъ понимались по своему, у каждаго были свои желанія, свои требованія[5]).

---

[1]) Тихонравовъ, „Лѣтописи р. лит.“, т. V, „Новыя свѣдѣнія о Новиковѣ“ и „Записка И. Г. Шварца“; Лонгиновъ, „Новиковъ и московскіе мартинисты“; Ешевскій, Сочиненія, т. III; Незеленовъ, „Н. И. Новиковъ“; Пыпинъ, рядъ статей въ „Вѣстн. Евр.“ 1865, 1868, 1872 гг.; Тихонравовъ, статьи о Шварцѣ, Новиковѣ, о жизни Карамзина среди масоновъ („Четыре года...“). Сочиненія, т. III, ч. I; Ключевскій, „Воспоминанія о Н. И. Новиковѣ“ „Русск. М.“ 1895, № 1; Сборникъ Имп. Ист. Общества, т. II; Пекарскій, „Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII стол.“, Сб. ст. отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. VII, № 4; рядъ статей и замѣтокъ въ „Русск. Старинѣ“. „Библ. Запискахъ“ и др.

[2]) „Въ Государственный Архивъ не было передаваемо переписки тайной экспедиціи о Новиковѣ“ (Пекарскій, 125).

[3]) Такъ какъ многія бумаги, по обычаю масоновъ, уничтожались. (Лонгиновъ, 215, 0117, 0121, 0122, 0146, 0137; Пекарскій, 87; Лѣтописи русск. лит., V, 45 и др.)

[4]) Хотя, напримѣръ, къ перепискѣ масонской мы должны относиться осторожно: масоны знали, что ихъ письма на почтѣ прочитывались, оттого они устроили сношенія между собой помимо почты (Лѣт. р. лит., V, 44; Ешевскій, III, 515, Р. Ст. 1874, IX, 66) и всѣ важныя бумаги пересылали такимъ образомъ, а, съ другой стороны, въ обыкновенныхъ письмахъ говорилось только то, что могло послужить имъ въ пользу, напр., оправданіе Кутузова отъ обвиненій въ связи съ Радищевымъ („Р. Стар.“, 1874, IX, 262); защита масонства отъ гоненій (ib., 264—5, 268—70, 271 и др.).

[5]) Новикова, по его словамъ, въ масонство увлекла нравственная сторона и необходимость самопознанія (Лонгиновъ, 075, 076). Лопухинъ надѣялся сдѣ-

Конечно, глядя на это различіе побужденій, увлекавшихъ людей XVIII вѣка къ масонству, невольно задаешь себѣ вопросъ: — что за причина такого быстраго и блестящаго успѣха этого направленія въ XVIII в.?

Само собою разумѣется, культурныхъ основаній для процвѣтанія масонства было тогда немало, но, не входя въ подробное изслѣдованіе этого вопроса, мы укажемъ лишь на одну изъ частныхъ причинъ: масонство было неразборчиво въ привлеченіи поклонниковъ; оно гостепріимно раскрывало свои объятія всѣмъ, недовольнымъ дѣйствительностью, — и потому къ нему безъ труда были привлечены люди самые разнородные: и развратники, утомленные жизнью, и идеалисты-аскеты, недовольные суетой житейской, и люди, жаждавшіе знанія, и люди, искавшіе свѣта нравственнаго, и юноши съ чистой душой, и выдохшіеся вольтеріанцы, — всѣ въ масонствѣ искали удовлетворенія и, на первыхъ порахъ, повидимому, находили его... Конечно, съ другой стороны, въ этомъ обиліи и разнохарактерности адептовъ крылся и задатокъ быстраго разложенія масонства...

Единственно, что связало, на первыхъ порахъ, эту пеструю, нестройную толпу въ группы — это *идеализмъ*, несомнѣнно присущій масонству и, къ сожалѣнію, мало обратившій на себя вниманіе изслѣдователей этого вопроса.

Идеализмъ этотъ у многихъ масоновъ формулировался довольно опредѣленно. Вотъ, напримѣръ, одно очень характерное исповѣданіе масонскаго ученія:

„Масонство видитъ во всѣхъ людяхъ братьевъ, которымъ оно открываетъ свой храмъ, чтобы освободить ихъ отъ предразсудковъ ихъ родины и религіозныхъ заблужденій ихъ предковъ, побуждая людей къ взаимной любви и помощи. Оно никого не ненавидитъ и не преслѣдуетъ, и цѣль его можетъ опредѣлиться такъ: изгладить между людьми пред-

---

ляться „просвѣщеннѣйшимъ“, „добродѣтельнѣйшимъ“ и „вѣрнѣйшимъ“ престолу. (ibid., 0126); Трубецкой хотѣлъ удовлетворить „любопытство“, „пытливый духъ“ (ibid., 0124). Ешевскій отмѣтилъ уже это различіе цѣлей и отказался опредѣлить сущность убѣжденій масоновъ, настолько они расходились (Соч., III, 420). Масоны, оказывается, не одобряли часто сочиненій, выходившихъ изъ-подъ пера ихъ ближайшихъ друзей: такъ не одобряли „Духовнаго рыцаря“ Лопухина (Лонгиновъ, 307), можно думать, за духъ самодержавія, которымъ было сильно проникнуто это произведеніе (Ешевскій, Соч., 425). Вообще, Лопухинъ былъ вполнѣ убѣжденнымъ монархистомъ, оттого, можетъ быть, онъ почти и не пострадалъ отъ гоненій, воздвигнутыхъ на масоновъ Екатериной.

разсудки кастъ, условныхъ различій происхожденія, мнѣній и національностей; уничтожить фанатизмъ и суевѣріе; искоренить международныя вражды и бѣдствія войны; посредствомъ свободнаго и мирнаго прогресса достигнуть закрѣпленія вѣчнаго и всеобщаго права, на основаніи котораго каждый человѣкъ призванъ къ свободному и полному развитію всѣхъ своихъ способностей, споспѣшествовать всѣми силами общему благу и сдѣлать такимъ образомъ изъ всего человѣческаго рода одно семейство братьевъ, связанныхъ узами любви, познаній и труда".

Въ этихъ краснорѣчивыхъ словахъ идеалиста-масона ясно сказалось недовольство настоящимъ положеніемъ вещей, стремленіе замѣнить его другимъ и, кромѣ того, вполнѣ сознательное отношеніе къ этому другому, лучшему...

Лопухинъ, тоже недовольный дѣйствительностью, указываетъ и на средство къ исправленію зла:

„Когда человѣкъ сколько-нибудь съ благоразуміемъ помыслитъ о бытіи своемъ, пишетъ онъ, то поразится удивленіемъ, какъ мало люди, и самыми разумными слывущіе, занимаются тѣмъ, что необходимо нужно для вѣчнаго ихъ благополучія и для истиннаго блага въ самой здѣшней жизни, которое состоитъ въ томъ единомъ, чего никто и ничто лишить человѣка не можетъ. Единое сіе заключается въ духѣ Христовомъ, долженствующемъ быть истинною жизнью человѣка; въ духѣ чистой любви къ Богу и ближнему, которая есть единственный источникъ совершенной добродѣтели. Въ школахъ и на каѳедрахъ твердятъ: „люби Бога, люби ближняго", но не воспитываютъ той натуры, коей любовь сія свойственна; какъ бы разслабленнаго больного, не вылѣчивъ и не укрѣпивъ, заставили ходить и работать. Надобно человѣку, такъ сказать, морально переродиться: тогда евангельская нравственность будетъ ему природна; тогда онъ будетъ любовію къ Богу любить ближняго"...[1]) и пр.

Можно еще нѣсколько такихъ отзывовъ найти въ литературѣ, дошедшей до насъ отъ масоновъ, но мы ограничимся только указаніемъ на пѣсни, которыя пѣлись во время масонскихъ собраній: если отдѣльные отзывы служатъ по-

[1]) Записки Лопухина, Р. Арх., 1884, I, 16—17, еще 25.

казаніемъ настроенія и убѣжденій отдѣльныхъ лицъ, то пѣсни отражаютъ идеалистическое настроеніе цѣлаго кружка:

Отъ насъ, злодѣи, удаляйтесь,
Которы ближняго тѣснятъ,
Во храмѣ нашемъ не являйтесь,
Которы правду не хранятъ;
Тѣснитъ кто бѣдныхъ завсегда, —
Тому затворенъ путь сюда!
Во двери крѣпко заключены
Премудрые вступаютъ къ намъ.
Единой честью провождены:
Невинность ихъ ведетъ въ нашъ храмъ.
Когда изъ храма вонъ грядутъ, —
Съ собою скромность понесутъ!
Оставьте гордость и богатство,
Оставьте пышность и чины:
Они устроятъ вамъ препятство,
Имъ двери въ храмъ затворены.
Здѣсь то едино веселитъ,
Что добродѣтель намъ сулитъ![1])

Эта пѣсня пѣлась при открытіи ложи ученической и должна быть, такимъ образомъ, вводить ищущихъ истины въ то идеалистическое настроеніе, которое, на нашъ взглядъ, было тѣсно связано съ первоначальнымъ масонствомъ.

Слѣдующая пѣснь, очень распространенная и во многихъ спискахъ дошедшая до насъ, представляетъ также немалый интересъ:

Премудрость въ даръ себя приноситъ
Не любопытству, но труду.
Кто вѣритъ, ищетъ, терпитъ, проситъ,
Труждается въ свою среду,
Тотъ самъ найдетъ къ тому дорогу,
Получитъ втуне благодать.
. . . . . .
Кто скроменъ, искрененъ, послушенъ,
Обрящетъ свѣтъ на всѣхъ стезяхъ!
. . . . . .
Самой премудрости угодно
Лишь только тѣхъ впускать въ свой храмъ,
Въ комъ сердце чисто и свободно

[1]) Пекарскій, 66.

Отъ всякихъ узъ, безвѣстныхъ тамъ.
. . . . . .
Коль сердцемъ чистъ ты и свободенъ,
Спокоенъ будь, любезный братъ![1])

Самопознаніе, упорная работа надъ самосовершенствованіемъ, теплая вѣра въ Бога, — вотъ главныя средства, которыми можно было „морально переродиться“, приблизиться къ тому идеальному человѣку, на котораго опредѣленно указывало масонство.

Такимъ образомъ, идеалы евангельскіе, обновленные и просвѣтленные дѣятельной любовью, — вотъ, что было знаменемъ лучшаго масонства. Это знамя и было той силой, которая создала культурное значеніе масонства, оно могло столкнуть масоновъ въ кружки, но, къ сожалѣнію, не было въ состояніи долго поддерживать связь между людьми, въ сущности, чуждыми другъ другу: для огромной разношерстной толпы, которая собралась около него, оно было слишкомъ высоко и недосягаемо: увлеченіе идеалами, нѣсколько отвлеченными отъ жизни, у многихъ проходило быстро, и въ масонскихъ кружкахъ неизбѣжно начинались ереси, расколы, интриги.

Кромѣ того, люди, тяготѣвшіе къ знанію, увлекались мистическимъ естествознаніемъ, политическіе мечтатели, руководясь идеалами масонства, строили свои утопіи, іезуиты, пользуясь масонской организаціей, вели къ католичеству, — все это пропагандировало свои убѣжденія открыто и тайно, интриговало, хитрило, — и, въ концѣ концовъ, отъ масонства получается такая хаотическая картина, что трудно надѣяться на то, что можно будетъ когда-нибудь внести порядокъ въ эту толчею, разобрать и понять каждаго человѣка и раскассировать всѣхъ многочисленныхъ участниковъ этого движенія, хотя бы по группамъ.

Сиповскій.

---

[1]) Ешевскій, Соч., III, 440. Въ рукоп. отд. Имп. Публ. Библ. имѣются два любопытные сборника масонскихъ пѣсенъ (О. III, № 72 и О, III № 73). Еще объ идеализмѣ масоновъ см. у Незеленова, 99; Пыпина, „В. Евр.“ 1868, № 6, 578. № 7, 174—5, 198: Пекарскаго, 108—9; Ешевскаго, III, 436, 439—440, 526: Лонгинова, 06, 07, 09—015, 075, 076: Тихонравова, Соч., III, 1 ч., 264—5 и др. также „Р. Стар.“ 1896, LXXXIII, 353, Р. Арх., 1884, I, 17—18.

Непормальныя условія русской жизни, какъ благопріятная почва для распространенія масонства.

Русское масонство, появившееся сначала, какъ мода, какъ простое подражаніе Западу, долгое время не имѣло замѣтнаго вліянія на жизнь. Русскіе довольствовались почти исключительно одною масонскою формою и мало заботились объ идеѣ, которая должна была соединяться съ нею. Но съ теченіемъ времени масонство нашло себѣ почву въ русскомъ обществѣ и пріобрѣло характеръ серіознаго общественнаго движенія. Чтобы уяснить себѣ сущность этого интереснаго явленія необходимо, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, разсмотрѣть, какія особенности русской жизни подготовили для него почву и дали содержаніе той формѣ, которая готовою была взята на Западѣ. При этомъ, главнымъ образомъ, придется коснуться царствованія Екатерины II, такъ какъ это время и особенно восьмидесятые годы XIX столѣтія были эпохою полнаго разцвѣта русскаго масонства. Реформа Петра Великаго втолкнула Россію въ ходъ западно-европейской жизни и просвѣщенія. Простой народъ остался вѣренъ старымъ традиціямъ, но все, что такъ или иначе выдѣлялось изъ народа, подчинялось вліянію Запада. Одни увлекались европейскою наукою, или старались внести въ жизнь тѣ гуманныя начала, которыя выработало западное просвѣщеніе; другіе, составлявшіе огромное большинство, бросились, какъ дѣти, на удобства жизни и разнообразныя удовольствія, которыми изобиловалъ Западъ. Люди послѣдней категоріи остались не чужды и европейскаго просвѣщенія, но они обыкновенно черпали изъ него только то, что соотвѣтствовало ихъ легкому взгляду на жизнь. Поэтому понятно, какую пеструю картину должно было представлять русское общество послѣ реформы. Блестящія формы западно-европейской цивилизаціи уживались съ полнѣйшею умственною пустотою; грубый дикарь нерѣдко выглядывалъ изъ-подъ парика и новомоднаго кафтана. Въ жизни отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ послѣ періода, въ которой пережито много новаго, наступаетъ обыкновенно время, когда это лицо, или народъ желаетъ, такъ сказать, провѣрить себя и оглянуться на пройденный путь. Долго двигалось русское общество отъ

толчка, даннаго Петромъ Великимъ, при чемъ далеко не всѣми сознавалась цѣль движенія; но наступило и для русскихъ время опредѣлить свою новую умственную и нравственную физіономію. Это время перваго пробужденія самостоятельной русской мысли и общественнаго сознанія пало, главнымъ образомъ на царствованіе Екатерины II. Понятно, что только лучшіе, передовые люди взяли на себя эту работу самоопредѣленія, большинство же продолжало двигаться по заранѣе проложенному пути; но эти передовые люди будили общественное сознаніе, пріучали его критически относиться къ окружающей дѣйствительности и настойчиво твердили ему, что нравственные идеалы, которыми оно руководится, не достигаютъ должной высоты. Это недовольство существующимъ не всегда ясно сознавалось, или, по крайней мѣрѣ, невсегда точно формулировалось, но разъ зародившееся, оно неизбѣжно, рано или поздно, пробуждало стремленіе поискать иныхъ идеаловъ, иного строя нравственныхъ и общественныхъ отношеній и даже иного удовлетворенія умственныхъ запросовъ.

Царствованіе Екатерины II безспорно занимаетъ блестящую страницу въ русской исторіи. Люди выдающихся дарованій окружали престолъ и выполняли намѣренія императрицы; громкія побѣды прославляли русское оружіе; самыя могущественныя государства Европы чутко прислушивались къ голосу русской дипломатіи; гуманныя идеи и начала проникали въ русскую жизнь; наука и литература становились на ноги. Но рядомъ съ этою показною стороною была другая — закулисная, далеко не столь блестящая.

Императрица Екатерина II была однимъ изъ самыхъ передовыхъ людей своего вѣка. Другъ философіи, она вела дѣятельную переписку съ знаменитыми философами XVIII в. Нѣкоторые изъ нихъ бывали при ея дворѣ. Всюду она старалась высказать гуманный и просвѣщенный взглядъ на вещи. Ея „Наказъ“ показался революціоннымъ Европѣ; сочиненія, преслѣдовавшіяся на Западѣ, находили пріютъ въ Россіи и даже переводились самою императрицею; ея голова была полна проектами самыхъ либеральныхъ преобразованій. Вообще, съ воцареніемъ Екатерины II, повидимому, наступилъ вѣкъ мысли и свободы. Но медаль, какъ водится, имѣла и обратную сторону. Въ Екатеринѣ, несомнѣнно, было много напуск-

ного; ея теорія не всегда согласовалась съ практикой, и ея либеральныя намѣренія весьма часто оканчивались ничѣмъ. Несмотря на природную мягкость, она была не чужда обычнаго въ то время деспотизма. Ей ненавистны были „рабство“ и жестокости помѣщиковъ, но она смотрѣла на крѣпостное право, какъ на нѣчто нормальное и твердо была убѣждена въ томъ, что „лучше судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной“. При ней крѣпостное право усилилось и качественно, благодаря строгимъ постановленіямъ правительства относительно крѣпостныхъ крестьянъ, и количественно, вслѣдствіе закрѣпощенія Малороссіи и щедрыхъ пожалованій любимцамъ императрицы. Екатерина любила свободу мысли, но она не пощадила ни Радищева ни Новикова. Идеи модной философіи нравились ей, главнымъ образомъ, какъ матеріалъ для остроумной переписки и пикантныхъ разговоровъ. Екатерину нельзя не упрекнуть и въ томъ, что она своимъ примѣромъ поколебала и безъ того слабыя опоры общественной нравственности; при ней одинъ входъ къ фаворитамъ, по выраженію Державина, „дѣлалъ въ публикѣ много уваженія“. Расточительность императрицы не знала предѣловъ.

„Русское общество первой половины XVII столѣтія меньше всего могло похвалиться развитіемъ нравственной стороны личности, мягкостью и человѣчностью отношеній, пониманіемъ правъ человѣческаго достоинства[1]). Этотъ справедливый отзывъ безъ всякаго ограниченія можетъ быть примѣненъ и ко второй половинѣ прошлаго столѣтія. Въ обществѣ замѣчались тѣ же самые пороки, хотя, можетъ быть, въ формѣ болѣе утонченной. Нравственной природѣ человѣка давали слишкомъ малую цѣну. Развратъ высшихъ классовъ былъ обычнымъ и, на взглядъ современниковъ, нормальнымъ явленіемъ. Семейная жизнь упала; рѣдкій смотрѣлъ на супружескую любовь и вѣрность, какъ на примѣръ, достойный подражанія. Самовольные разводы и недозволительные браки между близкими родственниками и отъ живыхъ мужей и женъ были весьма часты. Извѣстенъ анекдотъ о Румянцевѣ-Задунайскомъ, ярко характеризующій семейныя отношенія второй половины прошлаго вѣка: тронутый до слезъ поступкомъ

[1]) Ешевскій, Сочиненія, ч. 3, стран. 434.

своей жены, приславшей нѣсколько кусковъ матеріи на платье его возлюбленной, нашъ знаменитый полководецъ воскликнулъ „ну, право, батюшки, если бы я зналъ ея любовника, послалъ бы ему подарки!“ Отношенія между родителями и дѣтьми были не лучше; комедіи Фонвизина представляютъ достаточныя доказательства этой мысли. Блестящій екатерининскій вѣкъ выработалъ типъ такъ называемаго „петиметра“, человѣка, для котораго мода и удовольствіе составляютъ все. Онъ стыдится родины и бредитъ Франціей и Парижемъ; онъ, не краснѣя, говоритъ, что его „тѣло родилось въ Россіи, однако духъ принадлежитъ коронѣ французской“. Трудно вообразить себѣ такую нравственную пустоту, такое отсутствіе всякихъ нравственныхъ принциповъ, какими отличались эти люди. Волокитство занимало у нихъ одну половину жизни, другая тратилась на наряды и уборы.

Французскіе портные, возвращаясь на родину, говорили, „что нѣтъ лучшей дороги къ счастью, какъ быть французскимъ портнымъ въ Россіи“. Русскіе свѣтскіе люди выдумали даже особый языкъ для болтовни съ женщинами, и одинъ, изъ сатирическихъ журналовъ этой эпохи представляетъ намъ интересный „опытъ моднаго словаря щегольскаго нарѣчія“. Свѣтская женщина того времени высшею цѣлью своей жизни ставила нравиться мужчинѣ; она щегольски одѣвалась, старалась украсить свою природную миловидность искусствомъ и заслужить отзывъ „ужесть, какъ мила“, постоянно посѣщала собранія, театральныя зрѣлища и маскарады. Добродѣтели семейной жизни были ей совершенно чужды. Роскошь въ XVIII в. достигла своего апогея, а трудъ получилъ названіе „подлаго“[1]). Если мы спустимся въ міръ Простаковыхъ, Скотининыхъ и Митрофанушекъ, то встрѣтимъ не болѣе отрадныя явленія: здѣсь внутреннее безобразіе не было даже прикрыто внѣшнимъ лоскомъ. Наше русское чиновничество въ XVIII в. представляло безотрадную картину. Неправда, старая, какъ сама Русь, царила среди него; „московская волокита“ нашла себѣ мѣсто и въ Петербургѣ, законы существовали только на бумагѣ; произволъ, казнокрадство и взяточничество царили на Руси.

---

[1]) Аоанасьевъ, Черты нрав. XVIII ст. „Русскій Вѣстн.“ 1857 г., т. II, стран. 264—274.

Положеніе простого народа было весьма тяжелое. Крѣпостное право ужаснымъ гнетомъ ложилось на крестьянъ. Помѣщики позволяли себѣ возмутительныя жестокости. Описанія Радищева не только не являются преувеличеніемъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уступаютъ дѣйствительности. Извѣстная Дарья Салтыкова, которую народъ назвалъ „людоѣдкою“, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, замучила до смерти около 40 человѣкъ, преимущественно женщинъ, она колотила ихъ головою объ стѣну, хватала за уши раскаленными щипцами, загоняла въ воду въ холодное время или обливала имъ кипяткомъ лицо. И такія жестокости долго оставались безнаказанными: 21 разъ поднималось дѣло о Салтыковой, но, при помощи взятокъ, она добивалась его прекращенія. Безправное положеніе несчастной массы не вознаграждалось мало-мальски сноснымъ экономическимъ положеніемъ, вопреки убѣжденію императрицы, воображавшей, что крестьяне чуть не благоденствуютъ. При Екатеринѣ II русская наука впервые стала на ноги, но она была достояніемъ немногихъ. Дворянство сплошь и рядомъ было безграмотно, изъ ста тридцати девяти дворянъ, подписавшихся подъ наказомъ Михайловскаго уѣзда, восемьдесятъ одинъ оказались безграмотными. Духовенство точно также не могло похвалиться своимъ образованіемъ. И это понятно, если принять во вниманіе состояніе учебнаго дѣла. Русская школа въ то время только еще зарождалась, а домашнее образованіе было настолько плохо, что могло лишь представлять матеріалъ для сатиры (разсказываютъ, что однажды въ гувернеры поступилъ, подъ именемъ француза, чухонецъ, который и обучалъ своего питомца говорить по-чухонски). Характернымъ явленіемъ среди этого повальнаго невѣжества было поклоненіе философіи XVIII в. Примѣръ такого поклоненія подавала сама императрица.

Философія XVIII в. имѣла большой смыслъ и значеніе на Западѣ. Человѣческая мысль до того времени находилась въ оковахъ, которыя часто не имѣли никакихъ разумныхъ основаній; многія формы жизни, въ глазахъ развитыхъ людей, потеряли всякій смыслъ. И вотъ выступаетъ на сцену свободное изслѣдованіе, которое пытается сбросить съ себя эти оковы и подвергнуть безжалостной критикѣ эти устарѣлыя формы. Все подверглось изслѣдованію самому широ-

кому, самому смѣлому: религія, политика, общество, человѣкъ и природа. Но такъ какъ философія XVIII в. въ самой основѣ своей имѣла болѣе цѣли полемики, чѣмъ безпристрастнаго знанія, то она и пришла къ отрицательнымъ выводамъ. Изслѣдуя религіи, она въ крайнихъ проявленіяхъ отвергла Бога и въ менѣе послѣдовательныхъ остановилась на скептицизмѣ; она отвергла существующее политическое и общественное устройство, хотя и не могла выработать, взамѣнъ его, какой-нибудь положительной формы политической и общественной жизни; она отвергла нравственность, поставивъ принципомъ дѣятельности эгоизмъ и удовольствіе, т.-е. отсутствіе всякаго принципа; она, можно сказать, отвергла и человѣка, потому что смѣшала его съ міромъ животныхъ и, болѣе, назвала его „машиной“. Русскіе, склонные ко всему западному, усвоили, между прочимъ, и отрицательную философію. Но какъ они усвоили ее? Отрицаніе не имѣло серіозныхъ основъ въ русской жизни и исторіи, и русскіе люди не достигли еще такой степени развитія, чтобы вполнѣ усвоить всѣ элементы отрицательной философіи, поэтому увлеченіе модной французской философіей въ Россіи было, въ большинствѣ случаевъ, уродливымъ явленіемъ. Были, конечно, въ Россіи люди, которые по своему развитію стояли настолько высоко, что могли усвоить лучшую сторону умственнаго движенія XVIII в.; такова была императрица и нѣкоторые изъ современныхъ ей дѣятелей. Но и въ ихъ дѣятельности идеи западной философіи не принесли замѣтныхъ плодовъ, потому что не имѣли никакой почвы въ русской дѣйствительности. Для примѣра припомнимъ широкіе педагогическіе планы Бецкаго, которые принесли такіе жалкіе результаты для русскаго просвѣщенія; вглядимся въ дѣятельность императрицы, и мы увидимъ, что все полезное, внесенное ея царствованіемъ въ русскую жизнь, лишь въ весьма незначительной степени вытекало изъ воспринятыхъ ею идей просвѣтительной философіи. Читая записки современниковъ, мы видимъ, что вліяніе этой философіи выразилось прежде всего въ легкомъ взглядѣ на религію. Русскіе люди, начитавшіеся сочиненій французскихъ философовъ, или воспринявшіе ихъ идеи отъ другихъ, становились тѣмъ, что XVIII вѣкъ называлъ „вольтерьянцами“. Это „вольтерьянство“ не было опредѣленной системой рели-

гіозныхъ или философскихъ взглядовъ, не доходило до атеизма, въ положительномъ смыслѣ этого слова, и не примыкало къ деизму, въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ развитъ у Вольтера, это было полное отсутствіе всякихъ взглядовъ. Большинство становились вольтерьянцами только потому, что это было въ модѣ и, можетъ быть, потому еще, что сама императрица была не чужда вольтерьянства; въ сущности же, эти люди не тревожили своей головы ни религіозными ни философскими вопросами. На ихъ жизни подобное недомысліе отражалось самымъ пагубнымъ образомъ. Не испытывая на себѣ сдерживающаго вліянія религіи, или слишкомъ легко воспринимали мораль французскихъ философовъ XVIII в. и начинали подыскивать разумныя основанія для потворства своимъ животнымъ наклонностямъ. Повѣсти и разсказы Вольтера, которые являлись лучшими проповѣдниками подобныхъ принциповъ, имѣли большой кругъ читателей въ нашемъ обществѣ. Въ какія уродливыя формы должны были вырождаться взгляды модныхъ философовъ въ мало развитомъ русскомъ обществѣ, показываетъ намъ Иванушка, одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ „Бригадирѣ“ Фонвизина. Въ „Чистосердечномъ признаніи“ Фонвизина мы встрѣчаемъ слѣдующее интересное описаніе зараженнаго атеизмомъ кружка, въ который попалъ нашъ знаменитый писатель. „Я,— пишетъ онъ,— вступилъ въ тѣсную дружбу съ однимъ княземъ, молодымъ писателемъ, и вошелъ въ общество, о коемъ донынѣ я вспомнить безъ ужаса не могу. Ибо лучшее препровожденіе времени состояло въ богохуліи и кощунствѣ. Въ первомъ не принималъ я никакого участія, а въ кощунствѣ игралъ я и самъ не послѣднюю роль: ибо всего легче шутить надъ святыней и обращать въ смѣхъ то, что должно быть почтено“. Такъ выражалось вліяніе модныхъ взглядовъ между писателями, людьми, во всякомъ случаѣ, передовыми.

Но справедливость требуетъ сказать, что екатерининское общество выдѣлило изъ своей среды и такихъ людей, которыхъ скептическая философія вызывала на серіозныя размышленія. Какъ люди своего вѣка, они не избѣгли вліянія вольтеріянства, но послѣднее, возбуждая въ нихъ рядъ мучительныхъ сомнѣній, приводило ихъ къ инымъ результатамъ и часто дѣлало весьма религіозными. Само собою понятно, что, относясь съ критикой къ теоретическимъ взглядамъ

философовъ, эти люди не могли подчиниться и морали модной философіи. Они-то легче всего поддавались вліянію масонства и становились самыми искренними масонами. Крупные недостатки общества екатерининской эпохи, съ одной стороны, и пробужденіе критическаго отношенія къ дѣйствительности съ другой, породили одно изъ оригинальнѣйшихъ явленій этого царствованія — обиліе сатирическихъ журналовъ, которые рисовали и карали насмѣшкой современную жизнь. Лучшіе сатирическіе журналы XVIII в. издавались Новиковымъ. Онъ давалъ тонъ и направленіе своимъ журналамъ. Это обстоятельство весьма важно, потому что оно даетъ намъ возможность опредѣлить, какимъ образомъ лучшіе люди временъ Екатерины приходили къ мысли лѣчить масонствомъ современныя язвы и замѣнить одну односторонность въ современномъ просвѣщеніи другою. Въ самомъ дѣлѣ, повидимому, огромная пропасть лежитъ между Новиковымъ — сатирикомъ и Новиковымъ — масономъ; это, кажется, два различныхъ лица и два непримиримыхъ направленія. Между тѣмъ, одно весьма легко могло вытекать и, дѣйствительно, вытекало изъ другого.

Сатира екатерининскаго времени, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ она проявилась въ новиковскихъ журналахъ, отличалась большою серьезностью. Она глубоко заглядывала въ строй современнаго общества, охватывала своею смѣлою насмѣшкою всѣ стороны русской жизни и рѣшалась говорить даже о такихъ общественныхъ явленіяхъ, какъ крѣпостное право. Она указывала на умственную и нравственную пустоту нашихъ предковъ, рисовала картину ихъ семейной жизни и приходила къ убѣжденію, что нравственный упадокъ русскаго общества стоялъ въ тѣсной связи съ слѣпымъ подражаніемъ всему иностранному[1]). Но серьезная человѣческая мысль рѣдко останавливается на одномъ отрицаніи. Не могли ограничиться имъ и тѣ изъ нашихъ предковъ, которые видѣли и сознавали всѣ недостатки окружающей среды. Если современное общество не выработало прочныхъ принциповъ жизни и не представляло никакихъ идеаловъ, то нужно было или самимъ выработать, или поискать гдѣ

---

[1]) Прекрасная характеристика новиковскихъ изданій, въ связи съ картиною жизни, находится въ изслѣдованіи Незеленова „Н. И. Новиковъ“.

нибудь внѣ. Задача была не легкая. Западное просвѣщеніе пришло къ матеріализму и, слѣдовательно, къ полному отсутствію всякихъ нравственныхъ принциповъ и идеаловъ. Въ области религіозной мысли оно также не давало ничего положительнаго и вело или къ полному отрицанію, или къ скептицизму. Такимъ образомъ, не было, говоря словами Новикова, „краеугольнаго камня, на которомъ наши предки могли бы основать душевное спокойствіе“. Еще меньше было возможности найти этотъ краеугольный камень въ самихъ себѣ. Съ прошлымъ всѣ связи были разорваны, а новый порядокъ только еще прививался и, что всего печальнѣе, чаще давалъ худые, чѣмъ хорошіе результаты. На Новиковѣ лучше всего можно прослѣдить этотъ періодъ отрицательныхъ взглядовъ на строй современнаго общества къ исканію положительныхъ началъ для жизни. Новиковъ началъ съ самой широкой сатиры, которая часто не щадила даже личностей; но съ теченіемъ времени характеръ этой сатиры дѣлается болѣе общимъ; Новиковъ обращается предпочтительнѣе къ отвлеченнымъ указаніямъ на пороки человѣка вообще и приходитъ, повидимому, къ полному разочарованію. Этимъ оканчивается отрицательная работа, и Новиковъ погружается въ древне-русскую жизнь. Онъ старается указать современникамъ все, что выработала старина хорошаго; иногда онъ обращается и къ сатирѣ, но послѣдняя имѣетъ цѣлью показать превосходство стараго передъ новымъ. Онъ обращаетъ вниманіе на нравы и обычаи предковъ и находитъ, что „предки наши были во сто разъ добродѣтельнѣе насъ, и земля наша не носила на себѣ несчадій, не имѣющихъ склонности къ добродѣянію и не любящихъ своего отечества“ [1]). Но понятно, что подобное національное увлеченіе не могло быть прочнымъ; въ дѣйствительности древне-русская жизнь не могла представить необходимаго нравственнаго руководства. Вопросъ о „краеугольномъ камнѣ“, такимъ образомъ, оставался открытымъ. Что же могло избавить наше общество отъ мучительнаго религіознаго скептицизма, дать ему высокіе нравственные идеалы и совершить его нравственное обновленіе? Въ это время масонство, начавшееся съ простого подражанія, въ лицѣ нѣкоторыхъ представителей пріобрѣло

[1]) Незеленовъ. „Н. И. Новиковъ“, стран. 288.

уже серьезную постановку. Масоны стремились путемъ самопознанія придти къ нравственному совершенству; они совершали свою символическую работу надъ дикимъ камнемъ, подъ которымъ они разумѣли человѣческую природу со всѣми ея недостатками и который хорошо могъ изображать состояніе русскаго общества во второй половинѣ XVIII вѣка. Они высоко ставили идею братства, когда въ окружающей средѣ замѣчался недостатокъ единенія и гуманности. Они хотѣли поддержать религіозное чувство и тѣмъ завлекали людей, желавшихъ избавиться отъ мучительнаго сомнѣнія въ религіозныхъ истинахъ; но вмѣстѣ съ религіозностью они проповѣдовали самую широкую терпимость, что могло обаятельно дѣйствовать на тѣхъ, кто отрѣшился отъ прежней русской исключительности. Они, вопреки грубому матеріализму вѣка, высоко ставили „внутренняго человѣка“ надъ его животною природою. Они привлекали къ себѣ людей, разочаровавшихся въ исключительно разсудочномъ направленіи современнаго просвѣщенія, прельщая ихъ таинственностью и давая просторъ самымъ широкимъ ожиданіямъ и самымъ противоположнымъ требованіямъ. Они дѣйствовали на умъ, давали пищу воображенію и всѣ свои силы обращали на развитіе нравственной природы человѣка. И вотъ, наши предки, стоявшіе, подобно Новикову, предъ вопросомъ: куда итти? приходили къ убѣжденію, что масонство дастъ отвѣты на всѣ запросы ихъ ума и сердца. Они ошибались и разочаровывались, но не бросали масонства, а только испытывали систему за системою, ища, какъ они выражались, истиннаго масонства. Завлекаемые таинственностью, они все глубже и глубже погружались въ мистицизмъ; выходя изъ разочарованія крайностями современнаго просвѣщенія, они, подъ конецъ пришли къ обскурантизму, къ алхиміи и магіи, къ отрицанію опытной „профанской“ науки; ища выхода изъ нравственнаго упадка русскаго общества, они склонились къ началамъ дуализма и даже остановились *на пессимистической* мысли о *преобладаніи зла* въ мірѣ, что особенно рельефно выразилось въ извѣстномъ каламбурѣ Новикова, отвѣтившаго на слова одной знакомой дамы — „такъ всегда дѣлается въ свѣтѣ“ — словами: „не во тьмѣ-ли, сударыня“?

Такъ упрочилось и развилось масонство въ русскомъ обществѣ. Если бы оно не имѣло основъ въ недостаткахъ

жизни, оно прошло бы такъ, какъ проходятъ всѣ модныя явленія, не оставивъ глубокихъ слѣдовъ; но ненормальности русской жизни и просвѣщенія заставили его пустить корни въ обществѣ и упрочили его вліяніе.

Петровскій.

Новиковъ и коренныя, исторически сложившіяся причины, обусловившія его дѣятельность.

Н. И. Новиковъ собственно не писатель, не ученый и даже не особенно образованный человѣкъ въ духѣ своего времени; по крайней мѣрѣ, самъ онъ не признавалъ себя ни тѣмъ, ни другимъ, ни этимъ, хотя онъ и писалъ, даже хорошо писалъ, и издалъ много цѣннаго научнаго матеріала, и своею дѣятельностью много лѣтъ привлекалъ къ себѣ сочувственное и почтительное вниманіе всего образованнаго русскаго общества. Настоящимъ своимъ дѣломъ онъ считалъ издательство; на типографію и книжную лавку положилъ онъ лучшія силы своего ума и сердца. Типографія, книжная лавка — это не просвѣщеніе, а только его орудія. Но именно, какъ издатель и книгопродавецъ, Новиковъ сослужилъ русскому просвѣщенію большую службу своеобразную и неповторенную. Намъ теперь трудно представить себѣ типографскую и книгопродавческую дѣятельность, которою можно было бы сослужить такую службу. Правда, и въ наше время нелегкое и немаловажное дѣло дать въ руки простому читателю, не любителю и не ученому, полезную и пріятную книгу, попасть во вкусъ и потребности грамотнаго общества; въ малограмотныя времена Новикова это было во много разъ труднѣе и важнѣе, чѣмъ теперь. Но Новиковъ по-своему понималъ задачи печатнаго станка и повелъ свое дѣло такъ, что въ его лицѣ русскій издатель и книгопродавецъ сталъ общественною, народно-просвѣтительною силой, и постигшая Новикова катастрофа произвела на русское образованное общество такое потрясающее впечатлѣніе, какого, кажется, не производило паденіе ни одной изъ многочисленныхъ „случайныхъ“ звѣздъ, появлявшихся на русскомъ великосвѣтскомъ небосклонѣ прошлаго вѣка.

Я напередъ скажу, гдѣ причина такого небывалаго на Руси явленія, какъ могло получить такое значеніе скромное само по себѣ дѣло. Энтузіазмъ частныхъ людей къ дѣлу народнаго образованія, соединенный съ чуткимъ пониманіемъ его нуждъ и недостатковъ и съ расчетливымъ выборомъ средствъ ихъ удовлетворенія и устраненія — вотъ что особенно вспоминаемъ мы, собравшись почтить воспоминаніемъ 150-ю годовщину рожденія Н. И. Новикова.

Вспоминая дѣятельность Новикова, я, прежде всего, долженъ говорить именно о нуждахъ и недостаткахъ современнаго ему русскаго просвѣщенія, т.-е. придать своему воспоминанію нѣсколько одностороннее направленіе, тѣневую окраску. Но тѣни сами собой отступаютъ назадъ передъ свѣтлыми чертами, такъ ярко отразившимися въ дѣятельности Новикова и его друзей, и мы получаемъ возможность видѣть русское общество того времени съ обѣихъ сторонъ, лицевой и оборотной.

При мысли о Новиковѣ невольно перебираешь въ памяти цѣлый рядъ явленій въ умственной и нравственной жизни русскаго общества съ самаго начала прошлаго вѣка,— такъ тѣсно связана была издательская дѣятельность Новикова съ ходомъ нашего просвѣщенія, особенно съ судьбою книги на Руси, съ исторіей книжнаго чтенія. Мы привыкли въ своемъ представленіи соединять просвѣщеніе съ книгой, какъ съ однимъ изъ главныхъ его средствъ или пособій. Но въ исторіи нашего просвѣщенія былъ моментъ, когда средство начинало удаляться отъ своей цѣли, когда книга грозила вступить во вражду съ просвѣщеніемъ. Этотъ моментъ былъ дурнымъ перепутьемъ между двумя великими реформами, какія вынесло русское общество въ прошломъ вѣкѣ, между петровскою реформой порядковъ и екатерининскою реформой умовъ. Такой разладъ между средствомъ и цѣлью поготовленъ былъ нѣкоторыми туземными и заносными условіями, дѣйствовавшими на составъ и направленіе книжнаго чтенія, какимъ питалось грамотное общество на Руси.

Въ древней Руси читали много, но немногое и немногіе. Этимъ чтеніемъ съ строго-ограниченнымъ содержаніемъ и направленіемъ вырабатывались мастера-начетчики, которые знали свою литературу, свое *божественное писаніе*, какъ они

ее называли, не хуже, чѣмъ *Отче нашъ* или святцы. Такіе начетчики не переводились у насъ во весь XVIII вѣкъ, не перевелись и донынѣ. Реформа Петра потребовала отъ высшихъ служащихъ классовъ новыхъ знаній, выходившихъ далеко за предѣлы древне-русскаго книжнаго кругозора, и заставила читать новыя книги преимущественно учебнаго характера. Такъ какъ читали для ученья, а учились по долгу службы, то эта литература разновозрастныхъ учебниковъ на могла стать популярной ни въ младшихъ ни въ старшихъ возрастахъ, не могла привить читателямъ внутренней потребности въ ней, которая пережила бы ея внѣшнюю принудительность. Вѣдь, любознательность ея записныхъ потребителей поддерживалась болѣе всего экзаменной провѣркою и служебною отвѣтственностью съ энергическими послѣдствіями той и другой, и по мѣрѣ того, какъ со смертью Петра истощились эти дѣятельные питатели научнаго огня, гасла и самая любознательность и застаивались въ пыли на полкахъ всѣ эти повелительно втиснутые Петромъ въ руки временно-обязанныхъ читателей Пуффендорфіи, Юсты Липсіи, Кугорны, Девигнолы (Виньола), Гюйгенсы, Боргсдорфы, Бухнеры съ ихъ руководствами исторіи, политики, артиллеріи фортификаціи, съ книгами *міровоззрѣнія* (космографія), *марсовыми*, *архитектурными*, *слозными* и другими подобными.

Было бы, однако, несправедливо утверждать, что эта сухая учебная литература безслѣдно свѣивалась съ обязанныхъ учебною повинностью умовъ льготнымъ временемъ ближайшихъ преемниковъ и преемницъ преобразователя. Немного прочныхъ знаній и отчетливыхъ понятій умѣли почерпнуть изъ нея обязательные ея читатели, а ихъ не обязанныя службой сестры не почерпали никакихъ, ибо и не читали ея. Но тѣхъ и другихъ она самымъ появленіемъ и видомъ своимъ приручала къ книгѣ гражданской печати, освобождала отъ древне-русскаго страха передъ ней, какъ передъ аптечною банкой, и, при всей скудости извлекаемаго изъ нея научнаго содержанія, все же мирила съ ней, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ на службѣ и въ общежитіи. И вотъ приблизительно съ половины царствованія Елизаветы Петровны на ниву русскаго просвѣщенія, все болѣе очищавшуюся отъ засаженныхъ Петромъ тощихъ цифирныхъ и

техническихъ порослей, палъ сначала рѣдкими каплями освѣжительный дождь амурныхъ пѣсенокъ, усердно сочинявшихся доморощенными стихотворцами съ легкой руки Сумарокова; по крайней мѣрѣ, современникъ Болотовъ въ своихъ запискахъ подъ 1752 г. разсказываетъ, „что самая нѣжная любовь, толико подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получала первое только надъ молодыми людьми свое господствіе“, но такихъ пѣсенокъ было еще очень мало и „онѣ были въ превеликую еще диковинку“ и потому молодыми барынями и дѣвицами „съ языка были не спускаемы“. А за пѣсенками полился потокъ назидательно-прѣсныхъ мѣщанскихъ трагедій и сентиментально-пикантныхъ романовъ, въ изобиліи изготовлявшихся на Западѣ. Колючая литература научнаго знанія смѣнилась произведеніями сердца и воображенія, щекотавшими элементарные инстинкты, которые не нуждаются ни въ подготовкѣ ни въ поощреніи. Изъ холодной и сухой области научной мысли перескочивъ прямо въ распаренную наркотическую атмосферу вольнаго чувства и образа, свѣтски-образованные люди такъ живо почувствовали разницу между тою и другою средой, что наука и беллетристика, долженствующія итти объ руку одна съ другой къ одной цѣли, къ познанію жизни, въ сознаніи этихъ людей стали непримиримыми врагами, и эти люди рѣшили, что можно и должно вкушать сладкіе плоды ученія, отбрасывая его горькій корень. Одногодки Новиковъ, Фонвизинъ молодостью своей попали въ этотъ моментъ и послѣдній увѣковѣчилъ его въ своемъ *Бригадирѣ* (1766 г.) короткимъ и выразительнымъ обмѣномъ мыслей между двумя образцовыми продуктами этого момента, Совѣтницей и Иванушкой.

— Боже тебѣ сохрани, — говоритъ первая второму, — отъ того, чтобы голова твоя была наполнена чѣмъ инымъ, кромѣ любезныхъ романовъ! Кинь, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ.

— Madame! отвѣчаетъ ей Иванушка, — вы говорите правду. Я самъ кромѣ романовъ ничего не читывалъ.

А какое направленіе преобладало въ этихъ романахъ, потреблявшихся русскими совѣтницами и Иванушками, видно изъ разсказа того же Фонвизина о томъ, какъ онъ, будучи

еще студентомъ Московскаго университета, взамѣнъ гонорара за переводъ Гольдберга, получилъ отъ московскаго книгопродавца цѣлую кучу иностранныхъ книгъ „соблазнительныхъ, украшенныхъ сквернымi эстампами“ и испортившихъ его воображеніе. Такія книги, очевидно, наиболѣе спрашивались тогдашнею свѣтскою молодежью. Людямъ, чувствовавшимъ потребность порядочности, надобно было, подобно фонвизинскому Сорванцову, оговариваться въ обществѣ, что они не ставятъ своего невѣжества себѣ въ достоинство.

Живописецъ Новикова въ 1772 г. скорбитъ о томъ, что романы раскупаются вдесятеро больше наилучшихъ переводныхъ книгъ серіознаго содержанія, да и было о чемъ скорбѣть. Хорошій романъ служитъ прекраснымъ пособіемъ для познанія жизни тому, кто въ немъ ищетъ и находитъ художественное объясненіе своихъ случайныхъ и хаотическихъ житейскихъ впечатлѣній; для такого читателя романъ— художественная иллюстрація дѣйствительности; безъ того и лучшій романъ — пустая игрушка воображенія, лубочная картинка, лишенная своей истолковательницы — подписи внизу. Нашихъ читателей и читательницъ романъ отучалъ отъ пониманія дѣйствительности, замѣняя имъ житейскіе опыты и наблюденія призраками, какъ дѣтямъ куклы замѣняютъ живыхъ людей; подобно пушкинской Татьянѣ, они „влюблялись въ обманы и Ричардсона, и Руссо“.

Подготовленный любовными пѣсенками въ родѣ сумароковскихъ или николевскихъ, вкусъ романической публики быстро изощрялся, поддерживая возбуждаемость усталаго литературнаго аппетита. Начинали строго-добродѣтельнымъ семейнымъ романомъ во вкусѣ ричардсоновой *Памелы*, продолжали романомъ тоже довольно добродѣтельнымъ, вродѣ *Клариссы*, но уже съ участіемъ Ловеласа, а кончали ничѣмъ не прикрытыми приключеніями въ родѣ тѣхъ эстамповъ, на которые жаловался Фонвизинъ. Самыя заглавія романовъ вторили изощрявшимся вкусамъ: *Россійскую Памелу или приключенія Маріи, добродѣтельной поселянки*, смѣнило *Геройство любви или изображеніе великодушнаго любовника*, а затѣмъ уже прямо слѣдовала *Генріетта или гусарское похищеніе*, въ трехъ частяхъ. Такъ народился у насъ значительно разросшійся потомъ классъ потребителей и особенно потребительницъ романа, идиллически мечтательный родъ

петиметровъ и кокетокъ съ кисейными чувствами и съ „чепухою сладкихъ словъ“, какъ выразился нѣкогда Княжнинъ о выведенномъ имъ въ комедіи *Чудаки* подобномъ продуктѣ идилліи и романа. Жившіе въ Россіи иностранцы съ удивленіемъ встрѣчали въ русскомъ большомъ свѣтѣ много дамъ и дѣвицъ, которыя говорили на четырехъ-пяти языкахъ, играли на разныхъ инструментахъ и отлично знакомы были съ произведеніями извѣстнѣйшихъ романистовъ Франціи, Англіи и Италіи. Въ этомъ знакомствѣ трудно искать любознательности, питавшей размышленіе. Къ этимъ дамамъ и дѣвицамъ шло воззваніе въ переведенной тогда идилліи мадамъ Дезульеръ:

Овечки! ни наукъ ни правилъ вы не зная,
Паситесь въ тишинѣ: не нужно то для васъ.

Надобно сказать правду объ этой идиллической чувствительности: для массы сердецъ она служила только приправой чувственности, не смягчая чувства. Мамаша послѣ обычной утренней расправы на конюшнѣ съ крестьянами и крестьянками принималась за французскую любовную книжку и откровенно объясняла по-русски всѣ прелести любви и нѣжности прекраснаго пола своему тринадцатилѣтнему сыну (*Живописецъ* Новикова).

Среди самаго разлива этого чувственно-чувствительнаго чтенія стало проникать въ наше общество вліяніе просвѣтительной философіи. Можетъ быть, нигдѣ въ Европѣ эта философія такъ наглядно, какъ у насъ, не выказалась обѣими своими сторонами, лицевой и оборотной. Въ нашей разрѣженной культурѣ, какъ въ рѣшетѣ, соръ и мысли какъ-то самъ собою отсѣвался отъ ея зерна. Послѣ 28 іюня 1762 г. у насъ было не мало умныхъ и благомыслящихъ людей, которые, становясь къ дѣлу, понимали, чѣмъ могутъ воспользоваться изъ содержанія этой философіи: политика, право и общежитіе и русское законодательство стали предвѣстникомъ ея зиждительныхъ идей. Но популярную силу этой философіи составляли не столько планы построенія новаго порядка, сколько критика существующаго, приправленная насмѣшкой. Наша модно-образованная публика особенно понятливо воспринимала это критическое направленіе просвѣтительной философіи и не столько самую критику,

сколько ея приправу. Подобно ночнымъ мотылькамъ, которые ничего не видятъ при дневномъ свѣтѣ, непривычные къ размышленію умы слѣпо бросались на яркіе парадоксы тогдашнихъ ésprits forts и на нихъ сжигали послѣдніе остатки здраваго смысла, уцѣлѣвшіе отъ романовъ и идиллій. Развинченное ими вольное чувство, встрѣтившись съ вольною смѣющеюся мыслью, спѣшило устранить всѣ сдержки и преграды и, прежде всего, набросилось на простѣйшія нравственныя связи. Не щадить отца — вотъ прямая добродѣтель вѣка! — восклицаетъ Совѣтница въ *Бригадирѣ*, восхищенная скотскимъ взглядомъ Иванушки на семейныя отношенія. Въ лицѣ одного изъ героевъ *Чудаковъ*, разбогатѣвшаго самодура-дворянина изъ кузнецовъ Лентягина, Княжнинъ изобразилъ одного изъ этихъ выросшихъ новымъ духомъ времени и старыми нравами русскихъ вольнодумцевъ, у которыхъ протестующій философскій смѣхъ перерождался въ безразборчивое зубоскальство надо всѣмъ, а отрицаніе предразсудковъ — въ забвеніе приличій,— словомъ, изъ свободы мысли выходило озорство почуявшаго волю холопскаго темперамента. Тогда, по свидѣтельству Фонвизина, составлялись кружки молодежи, все философское упражненіе которыхъ состояло въ богохульствѣ и кощунствѣ. Потерявъ своего Бога, заурядный русскій вольтерьянецъ не просто уходилъ изъ Его храма, какъ человѣкъ, ставшій въ немъ лишнимъ, а подобно взбунтовавшемуся дворовому поровнлъ передъ уходомъ набуянить, все перебить, исковеркать и перепачкать. Что еще прискорбнѣе, многими, если не большинствомъ нашихъ вольнодумцевъ, вольныя мысли почерпались не прямо изъ источниковъ,— это, все-таки, задавало бы нѣкоторую работу уму,— а хватались ими съ вѣтра, доходили до нихъ отдаленными сплетнями изъ вторыхъ-третьихъ рукъ: какой-нибудь молодой Фирлюфюшковъ (петиметръ въ комедіи Екатерины II *Именины госпожи Ворчалкиной*), воротясь изъ Парижа, проповѣдовалъ ихъ довѣрчивымъ зѣвакамъ-сверстникамъ или старый высокочиновный грѣховодникъ зазывалъ молодежь къ себѣ на обѣды, чтобы сообщить ей послѣднія, самыя свѣжія полученныя изъ Парижа новости по части атеизма и матеріализма. Многимъ русскимъ вольтеріанцамъ Вольтеръ былъ извѣстенъ только по слухамъ, какъ проповѣдникъ безбожія, а изъ трактатовъ Руссо до нихъ дошло лишь то, что истин-

ная мудрость — не знать никакихъ наукъ. Съ просвѣтительной философіей у насъ повторилось то же, что бывало съ сентиментально-назидательною беллетристикой: мать пушкинской Татьяны была отъ Ричардсона безъ ума.

Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла;
Но встарину княжна Алина,
Ея московская кузина,
Твердила часто ей объ нихъ.

Такимъ образомъ, открывалось неожиданное и печальное зрѣлище: новыя идеи просвѣтительной философіи являлись оправданіемъ и укрѣпленіемъ стараго доморощеннаго невѣжества и нравственной косности. Обличительный вольтеровскій смѣхъ помогалъ прикрывать застарѣлыя русскія язвы, не исцѣляя ихъ. Допсторическія привычки и одичалыя понятія, которыя прежде припрятывались отъ глазъ закона или которыхъ стыдились передъ добрыми людьми, какъ стыдятся неубраннаго домашняго сора передъ гостями, теперь самодовольно выставлялись на показъ, какъ указаніе или требованіе природы. Новыя идеи нравились, какъ скандалы, подобно рисункамъ соблазнительнаго романа. Философскій смѣхъ освобождалъ нашего вольтерьянца отъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, эманципировалъ его духъ и плоть, дѣлалъ его недоступнымъ ни для какихъ страховъ, кромѣ полицейскаго, нечувствительнымъ никакимъ угрызеніямъ, кромѣ физическихъ,— словомъ, этотъ смѣхъ становился для нашего вольнодумца тѣмъ же, чѣмъ была нѣкогда для западнаго европейца папская индульгенція, снимавшая съ человѣка всякій грѣхъ, всякую нравственную отвѣтственность; да этотъ смѣхъ и тамъ, кажется, былъ преемникомъ, едва ли даже не былъ *натуральнымъ сыномъ* этой самой индульгенціи.

При какомъ угодно мнѣніи о просвѣтительной философіи можно огорчаться такимъ ея употребленіемъ. Порошинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ подъ 1765 годомъ, какъ за нѣсколько лѣтъ до того къ одному московскому дворянину нанялся французъ учить его дѣтей французскому языку; послѣ оказалось, что этотъ французъ былъ вовсе не фран-

цузъ, а чухонецъ, и обучилъ онъ дѣтей дворянина не французскому, а чухонскому языку. Нѣчто подобное тому, что испыталъ здѣсь французскій языкъ, случилось у насъ и съ французскою философіей: многіе наши вольтерьянцы поступили съ ней совсѣмъ по-чухонски, подъ фирмой ея идеи выдавали свои темниковскія или судогодскія измышленія и недомыслія. Еще одинъ ветхозавѣтный мыслитель сказалъ, что и мудрое слово въ устахъ малоумнаго становится безумiемъ. Направленіе русскихъ умовъ, такимъ образомъ воспринимавшихъ просвѣтительное вліяніе, становилось уже не усвоеніемъ европейской цивилизаціи, а болѣзненнымъ разстройствомъ національнаго смысла, не подготовленнаго къ такому острому питанію. Привозныя лѣкарства только растравляли старые туземные недуги и приходилось лѣчить не только отъ болѣзней, но и отъ самаго лѣченія.

Такая книга, эта разносчица просвѣщенія, стала ему помѣхой. Въ обѣихъ литературахъ, беллетристической и философской, ставшихъ у насъ наиболѣе ходячими, нашъ просвѣщенный свѣтъ особенно охотно и успѣшно черпалъ лишь чувства и идеи, мало пригодныя для частнаго, какъ и для общественнаго блага, только соблазнявшія сердце и умъ своею вольностью или недозволенностью. Въ то время строгіе судьи видѣли въ такомъ направленіи мысли и вкуса только недомыслiе и безвкусiе, слѣпое увлеченіе, и надѣялись исправить грѣхъ, открыть слѣпцамъ глаза насмѣшкой. Случилось такъ, что въ одно время съ первою турецкою войной, съ борьбой противъ внѣшнихъ враговъ европейской цивилизаціи, русскіе писатели снарядили цѣлую экспедицію противъ внутреннихъ недуговъ русскаго быта и просвѣщенія и въ продолженіе 5—6 лѣтъ, пока русскія войска поражали турокъ и татаръ на морѣ и на сушѣ, русскіе сатирическіе журналы громили и доморощенные и завозные пороки русскаго общества. Сама императрица съ нѣсколькими обличительными комедіями вступила волонтеромъ въ это патріотическое литературное ополченіе подъ прозрачнымъ вуалемъ всѣмъ знакомаго неизвѣстнаго. Тогда двадцатипятилѣтнимъ новобранцемъ выступилъ на литературно-издательскомъ поприщѣ и армейскій поручикъ въ отставкѣ Н. И. Новиковъ, и его журналы *Трутень*, *Живописецъ* и *Кошелекъ* по смѣлости и мѣткости своей сатиры стали рѣшительно впереди

всей фаланги сатирическихъ изданій тѣхъ годовъ. Отъ журналовъ Новикова всего больнѣе досталось и зараженному французскимъ вліяніемъ модному русскому свѣту; *Кошелекъ* даже выступилъ спеціальнымъ партизаномъ противъ этого вліянія. Въ журналахъ Новикова встрѣчаемъ едва ли не самыя яркія изображенія типическихъ продуктовъ галломаніи, именно русской галломаніи, львовъ и львицъ тогдашняго большого свѣта, щеголей и щеголихъ или столь памятныхъ петиметровъ и кокетокъ съ ихъ кукольною выдѣлкой и невѣроятнымъ нравственнымъ одичаніемъ, съ ходульными каблучками, буклями въ видѣ крылышекъ горлицы и до облаковъ взбитыми прическами, съ разученно-нѣжною вскидкой взглядовъ, съ вѣчными разговорами о любви и съ ненавистью къ наукамъ, къ книгамъ, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ они находили, говоря ихъ языкомъ, „слогъ разстеганный и мысли прыгающія и которыя они фѣлитировали безъ всякой дистракціи“. Что же вышло изъ этихъ благородныхъ усилій русской сатиры? Есть основаніе опасаться, что она больше обогатила литературу, чѣмъ исправила нравы, научила добродѣтели только добродѣтельныхъ. Въ *Живописцѣ* есть статья самого Новикова, передающая юмористическую бесѣду писателей въ разныхъ родахъ съ своими читателями. Между прочимъ, писателю комедій на его рѣчи о нравственно-исправительномъ дѣйствіи комедіи читатель отвѣчаетъ: „Знай, когда ты меня осмѣиваешь, тогда я тебя пересмѣхаю“. Нѣчто подобное, кажется, случилось и съ русскою сатирой прошлаго вѣка. Даже болѣе того: осмѣиваемый шутъ, увидѣвъ свой карикатурный портретъ на сценѣ или въ сатирическомъ журналѣ, любовался имъ и хохоталъ не менѣе другихъ зрителей. Добрая половина столичнаго партера, аплодировавшаго комедіямъ Фонвизина, состояла изъ подлинниковъ или живыхъ иллюстрацій его художественныхъ карикатуръ, по крайней мѣрѣ, видѣла въ нихъ портреты своей близкой родни. Какою сатирой можно было донять фонвизинскую княгиню Халдину, которая любила одѣваться при мужчинахъ, не находила ничего страннаго въ томъ, что всѣ ея дѣти уродились въ друзей ея мужа,— вѣдь въ мужниныхъ же друзей, а не какихъ-либо иныхъ, поймите вы это,— и которая съ гордостью добродѣтели говорила: „мнѣ стыдно чего-нибудь стыдиться“? Обличеніе безсильно

противъ людей, которые, по выраженію древне-русскаго лѣтописца, *ни Бога ся боятъ ни человѣкъ ся стыдятъ*. Удары негодующей сатиры безболѣзненно падали на нашихъ великосвѣтскихъ щеголей и щеголихъ прошлаго вѣка, служа только возбудительнымъ массажемъ для ихъ износившихся въ праздной суетѣ или залежавшихся съ сентиментальной апатіи нервовъ. Болѣе щекотливые надувались сердито, но не исправлялись. Что касается собственно вольнодумства, какъ особаго направленія мыслей, сатирическіе журналы тѣхъ лѣтъ касались его лишь слегка, мимоходомъ, вѣроятно, потому, что оно не успѣло еще выдѣлиться въ такое направленіе изъ общаго хаоса распущенныхъ рѣчей и мыслей. Впрочемъ, послѣ, когда оно стало походить нѣсколько на особое міросозерцаніе, обличеніе и на него не оказало замѣтнаго дѣйствія.

Зло, съ которымъ боролась сатира, была не слабость, не простой порокъ, а нѣчто въ родѣ порока сердца, т.-е. болѣзнь, порокъ просвѣщенія, а болѣзни лѣчатъ, не осмѣиваютъ. Ужъ если злоупотреблять медицинскимъ языкомъ, эту болѣзнь можно назвать анеміей общественнаго сознанія и нравственнаго чувства, соединенной съ неестественнымъ отношеніемъ къ окружающему. Общечеловѣческая культура, приносимая иноземнымъ вліяніемъ, воспринималась такъ, что не просвѣтляла, а потемняла пониманіе родной дѣйствительности; непониманіе ея смѣнялось равнодушіемъ къ ней, продолжалось пренебреженіемъ и завершалось ненавистью или презрѣніемъ. Люди считали несчастіемъ быть русскими и, подобно Иванушкѣ Фонвизина, утѣшались только мыслью, что хотя тѣла ихъ родились въ Россіи, но души принадлежали коронѣ французской.

Такое направленіе умовъ въ высшемъ обществѣ грозило немалыми опасностями. Еще въ древней Руси дворянство стало во главѣ русскаго общества, какъ органъ управленія и землевладѣльческій классъ. Петръ Великій хотѣлъ упрочить и расширить это руководящее значеніе сословія, сдѣлавъ его, по крайней мѣрѣ, верхній слой его, дворянство столичное, еще и проводникомъ западно-европейскаго просвѣщенія въ Россіи. Но что бы это былъ за руководящій классъ, который не понимаетъ руководимаго имъ общества и даже презираетъ его! Онъ самъ себя осуждалъ на упразд-

неніе, и тогда русское общество очутилось бы въ рукахъ провинціальныхъ Простаковыхъ и Скотининыхъ съ ихъ Митрофанами и Николашками, въ 18 лѣтъ едва одолѣвавшими азбуку (въ комедіи Екатерины II *О время!*).

Болѣзнь была тѣмъ серіознѣе, что происходила не отъ каприза или увлеченія отдѣльныхъ лицъ, а отъ причинъ, которыя коренились въ исторически сложившемся положеніи всего класса. Иноземное вліяніе не встрѣчало надлежащей подкладки въ элементарномъ общемъ образованіи, которое давало бы умѣнье воспринимать потребное, отбрасывая лишнее. Обязательная выучка дворянства совсѣмъ не давали такого образованія, а модно гувернерское воспитаніе во многомъ было даже хуже простого невѣжества. Новая книга, попадавшая въ руки взрослому просвѣщенному человѣку, служила ему не дополненіемъ, а замѣной учебника. Новыя идеи неслись поверхъ умовъ какими-то сухими туманами, застилая глаза и не освѣжая мысли, а только оставляя на ней сорный осадокъ въ видѣ пустыхъ фразъ, дурныхъ манеръ, непристойныхъ выходокъ противъ обще-принятаго и т. п. Притомъ, съ освобожденіемъ отъ обязательной службы значительная часть дворянства поспѣшила избавиться отъ привычнаго, но надоѣвшаго дѣла, для котораго оно училось, но не умѣла найти, да и не искала никакого новаго общеполезнаго дѣла, стала праздной. Дѣловая цѣль образованія исчезла изъ глазъ, и книга стала только средствомъ пріятно наполнять пустоту празднаго и безцѣльнаго существованія. Этимъ опредѣлились направленіе умовъ и вкусовъ, выборъ чтенія и идей, характеръ воспитанія. Привычка учиться для службы не выработала въ сословіи внутренней потребности образованія, а отсутствіе сословнаго дѣла уничтожало и общественное побужденіе къ тому. Наконецъ, тогдашній классъ „просвѣщенныхъ людей“ составлялъ очень тонкій слой, который случайно взбитою пѣной вертѣлся на поверхности общества, едва касаясь его. Отдѣленный отъ народной массы привилегіями, нравами, понятіями, предубѣжденіями, не освѣжаемый притокомъ новыхъ силъ снизу, онъ замиралъ въ своихъ искусственныхъ, призрачныхъ интересахъ и никому ненужныхъ суетахъ. Не такими ли наблюденіями внушены были замѣчанія одного иностранца (Макартнея), бывшаго въ Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II

и писавшаго, что русское дворянство самое необразованное въ Европѣ, что русскому правительству труднѣе будетъ цивилизовать своихъ дворянъ, чѣмъ крестьянъ, и что имъ лучше было бы не имѣть никакого образованія, чѣмъ имѣть такое, какое имъ дается, потому что оно не можетъ сдѣлать ихъ полезными для общества?

Правительство Екатерины II чувствовало эти недуги русскаго просвѣщенія и принимало мѣры противъ нихъ. Отсюда его настойчивая проповѣдь о необходимости воспитанія, которое нравственно переродило бы общество, его усиленныя заботы о закрытыхъ воспитательныхъ заведеніяхъ, о созданіи „третьяго чина“ или средняго сословія, которое стало бы, какъ въ другихъ странахъ Европы, носителемъ научнаго образованія, питомникомъ просвѣщенія въ Россіи. И. И. Бецкій въ своихъ докладахъ императрицѣ указывалъ именно на отсутствіе у насъ воспріимчивой среды, питательной почвы, къ которой могло бы прикрѣпиться научное образованіе, говорилъ, что люди, пріобрѣтавшіе такое образованіе, скоро теряли его и возвращались въ прежнее невѣжество по недостатку спроса и практики для ихъ знаній.

Эти просвѣтительныя усилія правительства не были свободны отъ иллюзій и недоразумѣній. Спѣшили заводить закрытыя воспитательныя училища. А гдѣ же учителя и учебники, гдѣ книги для чтенія, которыя восполняли бы учебники и учительскіе уроки? Какъ, наконецъ, подготовить общество къ пріему перерожденныхъ въ новыхъ училищахъ питомцевъ, чтобъ они не тонули въ темной массѣ и не возвращались въ прежнее невѣжество?

Новиковъ прямо и смѣло пошелъ навстрѣчу этимъ усиліямъ и недоразумѣніямъ. Неизвѣстно, какъ складывался его взглядъ на свое дѣло. Новиковъ появился въ литературномъ мірѣ какъ-то вдругъ, исподтишка, безъ замѣтной подготовки. Сынъ достаточнаго, но не богатаго дворянина, 16-ти лѣтъ исключенный изъ дворянской гимназіи при Московскомъ университетѣ „за лѣность“, признававшій себя и въ старости невѣждой, не знающимъ никакихъ языковъ, послѣ 8 лѣтъ службы въ гвардіи онъ вышелъ въ отставку армейскимъ поручикомъ, а съ 1769 г., когда ему было 25 лѣтъ, послѣдовательно выступалъ съ тремя лучшими въ то время сатирическими журналами, привлекъ къ себѣ обширный

кругъ читателей, сталъ извѣстнымъ литераторомъ и издателемъ, въ то же время и послѣ выпустилъ рядъ ученыхъ изданій по русской исторіи и литературѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя, особенно *Древняя Россійская Вивліоѳика*, сборникъ разнообразныхъ памятниковъ по русской исторіи, изданный при содѣйствіи Екатерины II, доселѣ не потеряли своей ученой цѣны. Изъ впечатлѣній и размышленій, накопившихся въ продолженіе 10-лѣтнихъ литературно-издательскихъ опытовъ въ Петербургѣ, у Новикова, повидимому, сложился ясный взглядъ на то, что̀ ему слѣдуетъ дѣлать. Съ этимъ взглядомъ онъ 1779 г. переѣхалъ въ Москву, заарендовалъ на 10 лѣтъ университетскую типографію съ книжною лавкой и принялся за дѣло.

Въ 1792 году, разбитый постигшею его бѣдой, Новиковъ на допросѣ произвелъ на враждебнаго ему слѣдователя впечатлѣніе человѣка остраго, догадливаго, съ характеромъ смѣлымъ и дерзкимъ. Безспорно, Новиковъ былъ человѣкъ умный и рѣшительный. Труднѣе было замѣтить въ немъ еще одну черту, это — энтузіазмъ, сдержанный и обдуманный. У него было два завѣтные предмета, на которыхъ онъ сосредоточивалъ свои помыслы, въ которыхъ видѣлъ свой долгъ, свое призваніе, это — служеніе отечеству и книга, какъ средство служить отечеству. Если въ первомъ сказывалась одна изъ лучшихъ историческихъ привычекъ стараго русскаго дворянства, поднимавшаяся въ лучшихъ людяхъ сословія на высоту нравственнаго долга, то во взглядѣ на книгу надобно видѣть личную доблесть Новикова. И до него бывали дворяне, посвящавшіе литературѣ свой служебный досугъ. Въ лицѣ Новикова неслужащій русскій дворянинъ едва ли не впервые выходилъ на службу отечеству съ перомъ и книгой, какъ его предки выходили съ конемъ и мечемъ. Къ книгѣ Новиковъ относился мало сказать — съ любовью, а съ какою-то вѣрой въ ея чудодѣйственную просвѣтительную силу. Истина, зародившаяся въ одной головѣ,— такъ вѣровалъ онъ, — посредствомъ книги родитъ столько же подобныхъ правомыслящихъ головъ, сколько у этой книги читателей. Поэтому книгопечатаніе считалъ онъ наивеличайшимъ изобрѣтеніемъ человѣческаго разума.

На этой вѣрѣ въ могущество книги Новиковъ строилъ практично обдуманный планъ дѣйствій. Этотъ планъ былъ

тѣсно связанъ со взглядомъ на недостатки и нужды русскаго просвѣщенія, какой просвѣчиваетъ въ изданіяхъ и во всей дѣятельности Новикова. Одинъ изъ главныхъ враговъ этого просвѣщенія — галломанія, не само французское просвѣщеніе, а его отраженіе въ массѣ русскихъ просвѣщенныхъ умовъ, то употребленіе, какое здѣсь изъ него дѣлали. „Благородные невѣжды“, какъ называлъ Новиковъ русскихъ галломановъ, сходились съ простыми невѣждами старо-русскаго покроя въ убѣжденіи, что они достаточно все понимаютъ и безъ науки, что „и не учась грамотѣ можно быть грамотеемъ“. Значитъ, вольномысліе не отъ ученія, а отъ невѣжества, и есть не болѣе, какъ легкомысліе. Всякій мыслящій человѣкъ, — такъ писалъ Новиковъ въ одномъ изъ своихъ журналовъ, — чувствуетъ состраданіе, взирая на простодушныхъ людей, которые беззащитно увлекаются надменными и остроумными мудрованіями, разрушающими основы человѣческаго общежитія, или гнушаются всѣмъ отечественнымъ, обольщаясь наружнымъ блескомъ иноземнаго. Истинное просвѣщеніе должно быть основано на совмѣстномъ развитіи разума и нравственнаго чувства, на согласованіи европейскаго образованія съ національною самобытностью. Въ составѣ воспитанія Новиковъ не отставлялъ разума на задній планъ, не ронялъ цѣны научнаго образованія, какъ это дѣлали иногда литературные и даже должностные педагоги того времени. Неосторожно было набрасывать тѣнь на разумъ въ обществѣ, гдѣ и безъ того многіе имъ тяготились, воздерживать отъ увлеченія науками, которыми и безъ того не занимались. Когда Сумароковъ въ рѣчи при открытіи академіи художествъ восклицалъ: „возсіяли науки — и погибла естественная простота, а съ нею и чистота сердца“, сколько госпожъ Простаковыхъ готовы были апплодировать этимъ желаннымъ словамъ, такъ легко и просто разрѣшавшимъ всѣ ихъ материнскія муки съ своими Митрофанами! Вѣдь, Руссо у насъ потому особенно и былъ популяренъ, что своимъ трактатомъ о вредѣ наукъ оправдывалъ нашу неохоту учиться. Въ *Живописцѣ* Новиковъ насмѣшливо сопоставлялъ мудрость доморощенныхъ философовъ донаучной чистоты съ ученіемъ Руссо, говоря имъ: „онъ разумомъ, а вы невѣжествомъ доказываете, что науки безполезны“. Новикову принадлежитъ честь одного изъ первыхъ, кто заговорилъ у насъ о разграниченіи заим-

ствуемаго и самобытнаго, о чертѣ, за которую не должно переступать иноземное вліяніе. Въ *Кошелькѣ* 1774 года онъ возстаетъ противъ мнѣнія, что русскіе должны заимствовать у иноземцевъ все, даже характеръ, который у всякаго народа свой особый: не одной же Россіи отказано въ немъ и суждено скитаться по всѣмъ странамъ, побираясь обычаями у разныхъ народовъ, чтобъ изъ этой сборной культурной милостыни составить характеръ, никакому народу несвойственный, а идущій къ лицу только обезьянамъ.

Гдѣ же было найти у насъ опору истинному просвѣщенію? Такою опорой не могъ быть большой свѣтъ ничему не хотѣвшихъ учиться вольтеріанцевъ и модныхъ петиметровъ: здѣсь надобно было предоставить мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ. Екатерина съ Бецкимъ задумывала отнять у всего дворянства принадлежавшее ему съ Петра значеніе хранителя и проводника европейскаго научнаго образованія и передать это значеніе особому „среднему сословію“, подобному французской буржуазіи, сдѣлавъ его спеціальнымъ питомникомъ наукъ и художествъ. Но такого сословія не существовало въ Россіи, его еще надобно было создать. Это была радикальная мѣра, хлопотливая и нѣсколько самонадѣянная. Въ ней сказался философскій XVIII вѣкъ, любившій кроить общество по своимъ идеямъ. Новиковъ думалъ, что удобнѣе кроить платье по плечу, чѣмъ выламывать плечо по платью. Онъ надѣялся обойтись наличными средствами, не ломая общества: вѣдь, легче издавать полезныя книги для читателей изъ готовыхъ сословій, чѣмъ создавать особое сословіе для чтенія полезныхъ книгъ. Онъ разсчитывалъ не на средній родъ людей, котораго у насъ не было, а на средній кругъ читателей, и его расчетъ состоялъ въ томъ, чтобы изъ грамотнаго люда разныхъ сословій создать читающую публику. Въ этой средѣ онъ находилъ благопріятные задатки для успѣховъ просвѣщенія. Онъ самъ на себѣ испыталъ ея значеніе для литературы: его *Живописецъ* выдержалъ въ прошломъ вѣкѣ пять изданій. Новиковъ объяснялъ такой успѣхъ журнала тѣмъ, что онъ пришелся по вкусу мѣщанъ, ибо, — добавлялъ онъ, — у насъ тѣ только книги четвертыми и пятыми изданіями печатаются, которыя этимъ простосердечнымъ людямъ по незнанію ими чужестранныхъ языковъ нравятся. Въ самомъ выборѣ чтенія

здѣсь можно было найти болѣе просвѣщеннаго вкуса и любознательности: по словамъ Новикова, въ числѣ любимыхъ книгъ у мѣщанъ были *Синопсисъ*, учебникъ русской исторіи, *Совершенное воспитаніе дѣтей* и тому подобныя книги, не пользовавшіяся никакимъ уваженіемъ просвѣщенныхъ людей большого свѣта.

„Имѣй душу, имѣй сердце“, — проповѣдовала гуманная педагогика вѣка, и это была прекрасная проповѣдь при бездушной школьной выучкѣ и безсердечномъ вертопрашествѣ свѣтской мысли. Но мало сказать доброе правило, — надобно еще *сотворить* и *научить*, указать, какъ его исполнить, и подать примѣръ исполненія. И въ дѣлѣ просвѣщенія есть своя черновая часть. Сколько нужно понести пыли и грязи, чтобы вырастить хлѣбный злакъ? Современный сѣятель просвѣщенія, выходя на свою ниву, находитъ много готовыхъ вспомогательныхъ средствъ для своего дѣла: не говоря о широко распространенномъ сознаніи пользы ученія, о внутренней потребности образованія въ значительной части общества, объ обильномъ запасѣ учебной и образовательной литературы, достаточно вспомнить о довольно налаженномъ типографскомъ и книгопродавческомъ дѣлѣ. Правда, въ книжномъ дѣлѣ у насъ и теперь бываютъ прискорбныя недоразумѣнія: такъ, нерѣдко книга и читатель ищутъ другъ друга и не находятъ, какъ будто играютъ другъ съ другомъ въ жмурки съ завязанными глазами; порой появляются книги, которыхъ некому читать, и есть охотники чтенія, которымъ нечего читать. Во времена Новикова такихъ недоразумѣній было несравненно больше, а вспомогательныхъ средствъ просвѣщенія гораздо меньше, даже совсѣмъ мало. Въ единственной тогда университетской столицѣ просвѣщенія было всего двѣ книжныя лавки, годовой оборотъ которыхъ не превышалъ 10 тысячъ рублей; въ провинціи книга была рѣдкостью и продавалась втридорога, на что жаловался самъ Новиковъ; издательское дѣло велось такъ вяло, что не поспѣвало за спросомъ читателей простонародныхъ романовъ и повѣстей въ родѣ *Бовы Королевича* или *Еруслана Лазаревича*, и были отставные подьячіе, кормившіеся перепиской такихъ произведеній. Новиковъ видѣлъ, что надо начинать дѣло съ самого начала, съ черновыхъ вспомогательныхъ средствъ просвѣщенія, и, надѣвъ рабочій передникъ, не побрезговалъ

подойти къ типографской сажѣ и стать за пыльнымъ прилавкомъ книжной лавки. Въ обществѣ, гдѣ, по сознанію самого новиковскаго *Живописца*, даже званіе писателя считалось постыднымъ, надобно было имѣть немалую долю рѣшимости, чтобы стать типографщикомъ и книжнымъ торговцемъ и даже видѣть въ этихъ занятіяхъ свое патріотическое призваніе. У Новикова съ энергіей и предпріимчивостью соединялась та добросовѣстность мысли, которая побуждаетъ выбирать себѣ дѣло по наличнымъ силамъ, не преувеличивая своихъ силъ по внушеніямъ затѣйливаго самомнѣнія. Этимъ отчасти можно объяснить его не любовь дѣйствовать одиноко, безъ товарищей. Зато онъ глубоко вѣрилъ въ могущество совокупнаго труда и умѣлъ соединять людей для общей цѣли. Именно на поприщѣ народнаго образованія обнаружилъ онъ это умѣнье собирать раздробленныя силы въ большое дружное дѣло.

Московскій кружокъ Новикова — явленіе, не повторившееся въ исторіи русскаго просвѣщенія. Можно радоваться, что такой кружокъ составился именно въ Москвѣ, гдѣ особенно трудно было ожидать его появленія. Про эту столицу русскаго просвѣщенія, единственный тогда университетскій городъ въ Россіи, Сумароковъ, конечно, въ припадкѣ капризнаго раздраженія, писалъ, что тамъ всѣ улицы вымощены невѣжествомъ „аршина на три толщиной“. Правда, это былъ тогда городъ разнообразныхъ крайностей. Въ его многочисленномъ дворянскомъ обществѣ съ довольно независимымъ, даже оппозиціоннымъ настроеніемъ, направляемымъ выброшенными изъ С.-Петербурга величіями, у которыхъ прошлое было лучше будущаго и которыя потому бранили настоящее, — въ обществѣ, гдѣ встрѣчались носители всѣхъ перебывавшихъ въ Россіи міросозерцаній отъ *Голубиной книги* до *Системы природы* Гольбаха и гдѣ на одномъ и томъ же пиру за минуэтомъ иногда слѣдовалъ доморощенный трепакъ, среди суетливаго бездѣлья и дарового довольства нашлось десятка два, большею частью, богатыхъ или зажиточныхъ и образованныхъ людей, которые рѣшились жертвовать своимъ досугомъ и своими средствами, чтобы содѣйствовать заботамъ правительства о народномъ просвѣщеніи. Нѣкоторые изъ этихъ людей стоятъ біографіи и всѣ — самаго теплаго воспоминанія. Изъ нихъ рядомъ съ Новиковымъ мнѣ бы хотѣлось поста-

вить прежде другихъ И. В. Лопухина. Чтеніе его записокъ доставляетъ глубокое внутреннее удовлетвореніе: какъ будто что-то проясняется въ нашемъ XVIII вѣкѣ, когда всматриваешься въ этого человѣка, который самымъ появленіемъ своимъ обличаетъ присутствіе значительныхъ нравственныхъ силъ, таившихся въ русскомъ образованномъ обществѣ того времени. Съ умомъ прямымъ, немного жесткимъ и даже строптивымъ, но мягкосердечный и человѣколюбивый, съ тонкимъ нравственнымъ чувствомъ, отвѣчавшимъ мягкому и тонкому складу его продолговатаго лица, вѣчно сосредоточенный въ работѣ надъ самимъ собой, онъ упорнымъ упражненіемъ умѣлъ лучшія и рѣдкія движенія души человѣческой переработать въ простыя привычки или ежедневныя потребности своего сердца. Читая его записки, невольно улыбаешься надъ его усиліями увѣрить читателя, что его любовь подавать милостыню — не добродѣтель, а природная страсть, нѣчто въ родѣ охоты, спорта, что съ дѣтства онъ привыкъ любоваться удовольствіемъ, какое доставлялъ другимъ, и для того нарочно проигрывалъ деньги крѣпостному мальчику, приставленному служить ему, что во время его судейской службы въ уголовной палатѣ, совѣстномъ судѣ и сенатѣ сдѣлать неправду или не возражать противъ нея было для него то же, что взять въ ротъ противное кушанье, — не добродѣтель, а случайность, капризъ природы, въ родѣ цвѣта волосъ. Все это очень напоминаетъ красивую застѣнчивую женщину, которая краснѣетъ отъ устремленныхъ на нее пристальныхъ взглядовъ и старается скрыть свое лицо, стыдясь собственной красоты, какъ незаслуженнаго дара. Мы если не больше сочувствуемъ нашему высшему крѣпостническому обществу прошлаго вѣка, то лучше понимаемъ его, когда видимъ, что оно если не помогло, то и не помѣшало воспитаться въ его средѣ человѣку, который, оставаясь бариномъ и сторонникомъ крѣпостного права, сберегъ въ себѣ способность со слезами броситься въ ноги своему крѣпостному слугѣ, котораго онъ, больной, передъ причащеніемъ, въ припадкѣ вспыльчивости только что разбранилъ за неисправность. И въ то время не на каждомъ шагу встрѣчалась привычка во всякомъ Петрушкѣ искать человѣка и во всякомъ человѣкѣ находить ближняго. А по другую сторону Новикова надобно поставить И. Гр. Шварца, по выраженію Новикова,

нѣмчика, съ которымъ онъ, поговоривъ разъ, на всю жизнь до самой его смерти сдѣлался неразлучнымъ. Откуда-то изъ Трансильваніи попавъ домашнимъ учителемъ въ Могилевъ, а оттуда въ Москву на профессорскую каѳедру въ университетѣ, Шварцъ полюбилъ пріютившую его чужбину, какъ не всегда любятъ и родину, и посвятилъ ей всѣ еще молодыя силы своего ума, весь жаръ своего горячаго сердца. Восторженный и самоотверженный, педагогъ до тончайшей фибры своего существа, неугомонный энтузіастъ просвѣщенія, вѣчно горѣвшій, какъ неугасимый очагъ, и успѣвшій сжечь себя до тла въ 33 года жизни, Шварцъ будилъ высшее московское общество, гдѣ былъ желаннымъ гостемъ, безъ умолку толкуя въ знатныхъ и образованныхъ домахъ о необходимости составить общество для распространенія истиннаго просвѣщенія въ Россіи, будилъ и университетскую молодежь своими одушевленными мистическими лекціями о гармоніи наукъ въ изученіи таинствъ природы, о связи духа и матеріи, о союзѣ между Богомъ и человѣкомъ, о стремленіи къ свѣту и добру, къ познанію божества и внутренняго человѣка. А для изображенія Сем. Ив. Гамалѣи, правителя канцеляріи московскаго главнокомандующаго, у меня не найдется и словъ: хотѣлось бы видѣть такого человѣка, а не вспоминать о немъ. Я недоумѣваю, какимъ образомъ подъ мундиромъ канцелярскаго чиновника, и именно русской канцеляріи прошлаго вѣка, могъ уцѣлѣть человѣкъ первыхъ вѣковъ христіанства. Гамалѣя подобаетъ житіе, а не біографія или характеристика. Сомнѣваюсь, сердился ли онъ на кого-нибудь хоть разъ въ свою жизнь. Во всемъ мірѣ только съ однимъ существомъ онъ воевалъ непримиримо, это — съ своимъ собственнымъ, съ его пороками и страстями, и съ какими страстями! — съ нюханьемъ табаку, напримѣръ, и т. п. Когда ему предложили обычную въ то время награду за службу крѣпостными въ количествѣ 300 душъ, онъ отказался: ему-де не до чужихъ душъ, когда и съ своею собственной онъ не умѣетъ справиться. Слугѣ, укравшему у него 500 руб. и пойманному, онъ подарилъ украденныя деньги и самого его отпустилъ съ Богомъ на волю; но онъ не могъ простить себѣ ежегодной траты 15 руб. на табакъ, которую считалъ похищеніемъ у бѣдныхъ, и постарался побѣдить столь преступную привычку, обративъ новое сбереженіе на милостыню.

Блаженный въ лучшемъ смыслѣ этого слова, котораго современники справедливо прозвали „Божьимъ человѣкомъ“! И другіе члены кружка были проникнуты тѣмъ же новиковскимъ или лопухинскимъ духомъ: это были лучшіе, образованнѣйшіе люди московскаго общества, князья Трубецкіе и Черкасскій, И. П. Тургеневъ и другіе, между которыми и Московскій университетъ имѣлъ своихъ представителей въ лицѣ куратора Хераскова и нѣсколькихъ профессоровъ. Среди этого товарищества просвѣщенія и благотворительности радушною хозяйкой на Покровкѣ и въ подмосковномъ Очаковѣ, самоотверженною пособницей и ободрительницей въ каждомъ дѣлѣ и затрудненіи кружка являлась царившая въ немъ энергическая княгиня Варв. Александр. Трубецкая, урожденная княжна Черкасская, одна изъ прекраснѣйшихъ русскихъ женщинъ прошлаго вѣка, у которой ни духъ времени, ни свѣтское образованіе, ни таланты и вліяніе на окружающихъ не ослабили силы и непосредственности христіанскаго чувства. Надобно думать, что духъ и составъ кружка сообщали ему большую притягательную силу, если ревностнымъ сподвижникомъ его сталъ богачъ, скучавшій жизнью отъ пресыщенія ея благами, сынъ бывшаго недоброй памяти петербургскаго генералъ полицеймейстера П. А. Татищевъ, своимъ значительнымъ вкладомъ давшій возможность осуществить завѣтную мечту Шварца объ основаніи просвѣтительнаго общества, а другой богачъ, сынъ верхотурскаго ямщика и уральскаго горнозаводчика Г. М. Походяшинъ, тронутый рѣчью Новикова о помощи нуждающимся въ голодный 1878 г., разстроилъ свое огромное состояніе щедрыми пожертвованіями на дѣла просвѣщенія и благотворенія, но, умирая въ бѣдности, услаждалъ свои послѣднія минуты тѣмъ, что съ умиленіемъ смотрѣлъ на портретъ Новикова, какъ своего благодѣтеля, указавшаго ему истинный путь жизни.

Эта нравственная сила многимъ членамъ кружка далась недаромъ. Когда мы читаемъ признаніе Новикова, что онъ мучился сомнѣніями, находясь на распутіи между вольтеріанствомъ и религіей и не имѣя краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать свое душевное спокойствіе, когда И. В. Лопухинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ онъ, бывъ усерднымъ читателемъ Вольтера и Руссо и заду-

мавъ распространять въ рукописяхъ свой переводъ изъ восхитившей его *Системы природы* Гольбаха, вдругъ охваченъ былъ чувствомъ неописаннаго раскаянія, не могъ заснуть прежде, нежели сжегъ приготовленную къ пропагандѣ красивую тетрадку вмѣстѣ съ черновой, и успокоился вполнѣ только тогда, когда написалъ *Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями*, — когда мы читаемъ о подобныхъ пароксизмахъ совѣстливой мысли, можетъ быть, мы впервые застаемъ образованнаго русскаго человѣка въ минуту тяжкаго раздумья, какое ему не разъ пришлось и не разъ еще придется переживать впослѣдствіи. Это раздумье естественно рождалось изъ самаго положенія русскаго образованнаго человѣка. Запоздалый работникъ въ культурной мастерской, принужденный учиться у тѣхъ, кого долженъ былъ догонять, онъ уже въ продолженіе двухъ-трехъ поколѣній привыкъ обращаться къ западно-европейской мысли за совѣтомъ, къ общественному порядку, въ которомъ эта мысль вырабатывалась, за опытами и уроками. Но западно-европейскій разумъ, вырабатывавшій и эту мысль, и этотъ порядокъ, въ прошломъ вѣкѣ потянуло въ противоположныя стороны. Фонвизинъ рѣзкими чертами изобразилъ это раздвоеніе, когда писалъ изъ Франціи въ 1777 году, что тамъ, при невѣроятномъ множествѣ способовъ къ просвѣщенію, весьма нерѣдко глубокое невѣжество, съ ужаснымъ суевѣріемъ, что одни воспитываются духовенствомъ въ сильномъ отвращеніи къ здравому разсудку, а другіе заражаются новою философіей, такъ что встрѣчаются почти только крайности, — или рабство, или нахальство разума. Въ борьбѣ, возникшей изъ этого раздвоенія, европейская мысль, постепенно разгораясь и разгораясь, приняла отрицательное направленіе, изъ свѣточа превратилась въ зажигательный факелъ и рѣшительно пошла противъ служившаго ей очагомъ общественнаго порядка. Тогда русскій образованный человѣкъ, если онъ, при томъ, былъ еще и человѣкъ мыслящій, почувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи: служившій ему образцомъ строй понятій, чувствъ, общественныхъ отношеній былъ осужденъ, какъ неразумный. Зданіе отечественной гражданственности, надъ которымъ онъ призванъ былъ трудиться, нельзя стало продолжать ни по старымъ образцамъ ни по новымъ идеаламъ. Въ ожиданіи огромнаго

крушенія, не надѣясь ничего найти на Западѣ для этой постройки, кромѣ раскаленной лавы да гнилыхъ развалинъ, онъ вынужденъ былъ искать доморощенныхъ средствъ. Но, видя вокругъ себя умы больше воспаленные, чѣмъ просвѣщенные новыми идеями, люди новиковскаго направленія рѣшили, что для улучшенія общественнаго порядка каждый отдѣльный человѣкъ, пока не касаясь его основаній, долженъ обратится къ самому себѣ, сосредоточить работу на своей личности, на своемъ личномъ умственномъ и нравственномъ усовершенствованіи, чтобъ этой дробною мозаическою работой приготовить живой годный матеріалъ для будущаго общества. Такъ понималъ этихъ людей хорошо знакомый съ ними Карамзинъ: онъ называлъ ихъ христіанскими мистиками, пренебрегавшими школьною мудростью, но требовавшими отъ своихъ учениковъ истинныхъ добродѣтелей и не вмѣшивавшимися въ политику. Та же мысль о необходимости и достаточности личнаго усовершенствованія для подъема общественнаго порядка высказывалась и въ любимыхъ книгахъ этихъ людей, и въ ихъ собственныхъ признаніяхъ. „Въ школахъ и на каѳедрахъ твердятъ: люби Бога, люби ближняго, но не воспитываютъ той натуры, коей любовь сія свойственна“. Это говоритъ И. В. Лопухинъ въ своихъ запискахъ, настаивая на необходимости для человѣка морально переродиться, чтобы сродниться съ евангельскою нравственностью и стать въ христіанскія отношенія къ ближнимъ, къ обществу. А какъ эти люди считали возможнымъ достигнуть такого перерожденія и чего отъ него ожидали, о томъ читайте въ книгѣ англійскаго моралиста Іоанна Масона о самопознаніи, переведенной членомъ кружка И. П. Тургеневымъ и кружку же посвященной. Эта книга учитъ, что чѣмъ лучше мы себя познаемъ, тѣмъ съ большею пользой занимаемъ то мѣсто въ жизни человѣческой, на какое мы поставлены Провидѣніемъ, и что успѣхи въ наукѣ познанія самого себя сопровождаются быстрымъ и счастливымъ измѣненіемъ нравовъ и мыслей человѣческихъ [1]). Могутъ сказать, что въ такомъ взглядѣ много оптимистическаго самообольщенія, что нравственный уровень общества такъ же мало

---

[1]) *Іоанна Масона:* „Познаніе самого себя“, перевелъ съ нѣмецкаго І. Т. Москва, 1783 г., ч. 1, стран. 12; ч. 2, стран. 32.

зависитъ отъ совершенства отдѣльныхъ его членовъ, какъ мало поднимается температура окружающаго воздуха отъ подъема ртути въ термометрѣ, который держитъ теплая рука. Я и не вхожу въ разборъ этого взгляда, а хочу только отмѣтить моментъ, когда, по моему мнѣнію, образованный русскій человѣкъ впервые почувствовалъ затруднительность своего культурнаго положенія и какъ онъ пытался выйти изъ этого затрудненія. Опять скажутъ: люди новиковскаго кружка нашли такой выходъ, потому что были масоны, мартинисты, и ихъ христіанскія добродѣтели сильно омрачены этою сектантскою тѣнью. Можно сказать и такъ, можно и наоборотъ: они потому стали и масонами, что нашли такой выходъ изъ своего затрудненія, больше масонствовали, чѣмъ были масонами; они — воспользуемся ихъ же фигурнымъ языкомъ — вступили въ составъ „малаго избраннаго народа“ вольныхъ каменщиковъ только для того, чтобы самихъ себя переработать въ пригодные камни для мысленнаго храма Соломонова, т.-е. для будущаго идеальнаго русскаго общества. Что же касается ихъ добродѣтелей, то я не берусь судить, насколько нравственная доблесть Гамалѣи тускнѣла оттого, что онъ прикрывалъ ее отъ недоброжелательныхъ людскихъ глазъ театральнымъ рубищемъ какого-то масонства. Но когда я припоминаю, какъ отозвался о Новиковѣ архіепископъ московскій Платонъ, испытывавшій его въ законѣ Божіемъ по распоряженію императрицы и заявившій, что онъ молитъ Бога, чтобы не только въ его паствѣ, но и во всемъ мірѣ были такіе христіане, каковъ Новиковъ, у меня не хватаетъ рѣшимости искать пятенъ на христіанствѣ этого мистика: вѣдь, я не съумѣю быть православнѣе православнаго русскаго іерарха.

Вспоминая о Новиковѣ и его сотрудникахъ, я хотѣлъ напомнить характеръ свѣтскаго образованія въ Россіи ихъ времени, ихъ взгляды на недостатки и нужды этого образованія и на свойства истиннаго просвѣщенія, ихъ цѣли, планы и нравственныя средства. Но мнѣ едва ли необходимо подробно говорить о томъ, какъ они проводили свои взгляды, какія матеріальныя средства вводили въ свое дѣло, какія встрѣтили препятствія и чего добились: все это, кажется, достаточно извѣстно, и я могу ограничиться наиболѣе крупными чертами, не входя въ подробности.

Планъ дѣйствій, какъ онъ обнаружился въ предпріятіяхъ кружка и по частямъ былъ высказанъ въ запискахъ Лопухина и изданіяхъ Новикова, можно изложить въ такихъ чертахъ. Для успѣха правительственныхъ попеченій о народномъ просвѣщеніи необходимо содѣйствіе частныхъ лицъ, соединяющихъ свои силы и средства съ цѣлью споспѣшествовать воспитанію юношества въ полезныхъ обществу наукахъ и издавать книги, утверждающія корень чистой нравственности и добродѣтели. Для этого такія общества частныхъ людей на свои средства, во-первыхъ, устрояютъ пробныя или образцовыя учебно-воспитательныя заведенія, во-вторыхъ, подготовляютъ надежныхъ учителей и воспитателей при помощи университета, и, въ-третьихъ, разборчивымъ изданіемъ книгъ и журналовъ создаютъ самобытную, дѣльную печать для обширнаго круга читателей. Такими способами можно вывести русское просвѣщеніе изъ тѣснаго круга оторванныхъ отъ народа „просвѣщенныхъ людей“, модно воспитаннаго высшаго дворянства, въ широкій міръ „простосердечныхъ мѣщанъ“ простого грамотнаго люда, и обдуманнымъ сочетаніемъ общечеловѣческихъ и національно-историческихъ элементовъ дать этому просвѣщенію самобытный складъ, который измѣнитъ духъ общества, господствующее направленіе умовъ. Что было осуществлено изъ этого плана, который самъ по себѣ есть уже немалая заслуга русскому просвѣщенію?

Арендуя у Московскаго университета типографію и книжную лавку, Новиковъ имѣлъ въ виду, прежде всего, потребности домашняго и школьнаго образованія. Онъ старался, во-первыхъ, составить достаточно обильный и легко доступный запасъ полезнаго и занимательнаго чтенія для обширнаго круга читателей, во вторыхъ, войти въ общеніе съ университетомъ, чтобы воспользоваться его силами и средствами для приготовленія надежныхъ учителей. Разстроенную университетскую типографію онъ вскорѣ привелъ въ образцовый порядокъ и менѣе чѣмъ въ три года напечаталъ въ ней больше книгъ, чѣмъ сколько вышло изъ нея въ 24 года ея существованія до поступленія въ руки Новикова. Онъ издавалъ книги довольно разнообразнаго содержанія, особенно заботясь о печатаніи книгъ духовно-нравственныхъ и учебныхъ: въ числѣ 366 книгъ, отпечатанныхъ имъ до

конца 1785 года, менѣе чѣмъ въ 7 лѣтъ аренды, насчитываемъ около сотни изданій перваго рода и болѣе 30 учебниковъ, разноязычныхъ букварей, словарей, грамматикъ и т. п.

Новиковъ нашелъ дѣятельную поддержку въ образовавшемся изъ его друзей по мысли Шварца *Дружескомъ ученомъ обществѣ*, которое при торжественномъ открытіи своемъ въ 1782 г. объявило одной изъ своихъ задачъ печатаніе и даровую раздачу учебныхъ книгъ по школамъ. Указъ 1783 г. о вольныхъ типографіяхъ далъ возможность обществу завести двѣ собственныя типографіи на имя своихъ членовъ Новикова и Лопухина; потомъ въ 1784 г., завелась еще обширная компанейская типографія, когда изъ дружескаго кружка Новикова образовалось издательское товарищество на паяхъ подъ фирмой *Типографической компаніи*, со складочнымъ капиталомъ въ 57.500 руб. (болѣе 150.000 руб. на наши деньги) и съ поступившимъ отъ Новикова запасомъ книгъ на 320.000 р. по продажной цѣнѣ. При такихъ средствахъ Новиковъ превосходно устроилъ сбытъ книгъ, завелъ комиссіонеровъ, вступилъ въ сношенія съ петербургскими книгопродавцами и вообще чрезвычайно оживилъ книжную торговлю въ Россіи. Случилось неслыханное дѣло: книжная лавка Новикова у Воскресенскихъ воротъ по спросу ея товара стала соперничать съ модными магазинами Кузнецкаго моста. Вмѣсто двухъ существовавшихъ въ Москвѣ книжныхъ лавокъ съ оборотомъ въ 10.000 руб., при Новиковѣ и подъ его вліяніемъ явилось ихъ здѣсь до 20 и книгъ продавали онѣ ежегодно тысячъ на 200 руб. Ежегодный доходъ „Типографической компаніи“, по показанію Новикова, простирался свыше 40.000 руб., доходя въ иные годы до 80.000 руб. О размѣрахъ предпріятія можно судить по тому, что послѣ закрытія компаніи въ 1791 г., когда все дѣло ея было разрушено, несмотря на обширный сбытъ изданныхъ ею книгъ, ихъ оставалось еще по каталожной цѣнѣ безъ малаго на 700.000 руб. (болѣе $1^1/_2$ милліона на наши деньги), не считая 25 т. экземпляровъ книгъ, сожженныхъ или переданныхъ въ духовную академію и университетъ.

Трудно смѣтить даже на глазъ, какіе успѣхи достигнуты были такими усиліями. Люди, близкіе къ тому времени и къ самому Новикову, утверждали, что онъ не распространилъ, а создалъ у насъ любовь къ наукамъ и охоту къ чтенію,

что, благодаря широкой организаціи сбыта и энергическому веденію дѣла, новиковская книга стала проникать въ самыя отдаленныя захолустья и скоро не только Европейская Россія, но и Сибирь начала читать. Если частный случай что-нибудь доказываетъ, я приведу библіографическую подробность изъ своего дѣтства: въ деревенской глуши, гдѣ не-церковная книга была большою рѣдкостью, мнѣ попались двѣ изданныя Новиковымъ поэмы *Іосифъ* Битобэ и *Потерянный рай* Мильтона и вмѣстѣ съ альманахомъ Карамзина *Аглаей* были въ числѣ первыхъ книгъ, мною прочитанныхъ. Новиковъ хотѣлъ сдѣлать чтеніе ежедневною потребностью грамотнаго человѣка и, кажется, въ значительной мѣрѣ достигъ этого. Число подписчиковъ *Москов. Вѣдомостей*, изданіе которыхъ онъ взялъ на себя вмѣстѣ съ арендой университетской типографіи, при немъ увеличилось всемеро (съ 600 до 4.000). При нихъ выходили прибавленія разнообразнаго содержанія, по литературѣ, сельскому хозяйству, натуральной исторіи, химіи и физикѣ, также листы для дѣтскаго чтенія. Не упоминая о другихъ московскихъ періодическихъ изданіяхъ Новикова. Онъ былъ не только типографщикомъ и книгопродавцемъ, но и издателемъ, выбиралъ, что нужно печатать, заказывалъ работы переводчикамъ и сочинителямъ, небывалымъ гонораромъ оживилъ переводную и оригинальную письменность, отдавая предпочтеніе произведеніямъ научнымъ и духовно-нравственнымъ. Этимъ онъ внесъ въ текущую литературу того времени новую струю, шедшую противъ господствовавшаго направленія умовъ и литературныхъ вкусовъ тогдашняго свѣтскаго общества. Книжная лавка Новикова, откуда шла эта струя, получила своеобразный видъ, и въ ней бывали характерныя сцены: приходилъ покупатель, рылся въ книжныхъ новостяхъ, разложенныхъ на прилавѣ, находилъ все изданія духовно-нравственнаго содержанія, которыхъ не хотѣлъ покупать, спрашивалъ, почему нѣтъ романовъ; Новиковъ отвѣчалъ, что переводчики что-то перестали носить ему такія сочиненія, и набравъ связку книгъ, какія были на прилавкѣ, просилъ покупателя принять ихъ отъ него въ даръ. Послѣ самъ Новиковъ показывалъ слѣдователю объ усиленіи спроса на духовныя книги, а одинъ изъ учениковъ Новикова писалъ, что цѣлое море душеспасительныхъ книгъ было имъ пущено противъ потока вольно-

думческихъ сочиненій. Въ продолженіе 10 арендныхъ лѣтъ издательская и книгопродавческая дѣятельность Новикова въ Москвѣ вносила въ Русское общество новыя знанія, вкусы, впечатлѣнія, настраивала умы въ одномъ направленіи, изъ разнохарактерныхъ читателей складывала однородную читающую публику и сквозь вызванную ему усиленную работу переводчиковъ, сочинителей, типографій, книжныхъ лавокъ, книгъ, журналовъ и возбужденныхъ ими толковъ стало пробиваться то, съ чѣмъ еще незнакомо было русское просвѣщенное общество: это — *общественное мнѣніе*. Я едва ли ошибусь, если отнесу его зарожденіе къ годамъ московской дѣятельности Новикова, къ этому *новиковскому десятильтію* (1779—1789). Типографщикъ, издатель, книгопродавецъ, журналистъ, историкъ литературы, школьный попечитель, филантропъ, Новиковъ на всѣхъ этихъ поприщахъ оставался однимъ и тѣмъ же — сѣятелемъ просвѣщенія.

Это новиковское десятилѣтіе — одна изъ лучшихъ эпохъ и въ исторіи Московскаго университета. Въ тотъ годъ, когда Новиковъ взялъ въ аренду университетскую типографію, этотъ университетъ доживалъ свое первое двадцатипятилѣтіе. Но онъ еще не успѣлъ докончить своего обзаведенія: были аудиторіи и каѳедры, профессора и студенты, была обстановка и личный составъ науки, но сама наука съ трудомъ пробивалась сквозь то и другое, не успѣла еще обжиться на новосельи. Число студентовъ въ иные годы не доходило и до сотни; иногда на всемъ юридическомъ, какъ и на всемъ медицинскомъ факультетѣ оставалось по одному студенту, и по одному профессору, который читалъ всѣ науки своего факультета, студенты занимались въ университетѣ не болѣе 100 дней въ году; родной рѣчи почти не слышно было съ каѳедръ; люди хорошаго общества еще побаивались пускать въ университетъ своихъ сыновей; благовоспитанность не всегда примѣчалась и порой какъ будто даже совсѣмъ отсутствовала. У Новикова литературная и издательская дѣятельность еще въ Петербургѣ неразрывно соединилась съ педагогической и благотворительной: съ кружкомъ тамошнихъ друзей онъ основалъ два училища для бѣдныхъ дѣтей и сиротъ и въ пользу этихъ школъ назначилъ выручку отъ издававшагося имъ журнала *Утренній Свѣтъ*. Московскій кружокъ по господствовавшему въ немъ направ-

ленію умовъ могъ только усилить и расширить дѣятельность, начатую Новиковымъ въ Петербургѣ. Главнымъ дѣльцомъ по воспитательной части сталъ, разумѣется, Шварцъ. Приготовленіе учителей было настоятельнѣйшею потребностью русскаго просвѣщенія. Ставъ профессоромъ въ 1779 г. и по порученію университета составляя учебники и проекты объ улучшеніи преподаванія, Шварцъ набралъ у своихъ друзей пожертвованій, присоединилъ къ нимъ 5.000 руб. своихъ кровныхъ сбереженій и въ концѣ того же года открылъ при университетѣ *учительскую семинарію,* въ которой сталъ инспекторомъ и началъ преподавать педагогику. Такъ началась дѣятельность открывшагося позже „Дружескаго ученаго общества", которое чрезъ епархіальныхъ архіереевъ стало вызывать изъ духовно-учебныхъ заведеній лучшихъ учениковъ, чтобы приготовлять ихъ на свой счетъ къ учительскому поприщу въ университетской семинаріи. Черезъ 3 года въ этой семинаріи было уже до 30 стипендіатовъ, на содержаніе которыхъ общество давало по 100 руб. на человѣка, купивъ, притомъ, домъ для ихъ помѣщенія; въ числѣ ихъ находились два будущіе с.-петербургскіе митрополита Михаилъ и Серафимъ. Задумавъ переводить и издавать лучшія иностранныя сочиненія и желая заготовить себѣ хорошихъ переводчиковъ, въ которыхъ чувствовался крайній недостатокъ, „Дружеское общество" по мысли Шварца въ 1782 г. учредило при университетѣ другую семинарію, *Переводческую* или *Филологическую,* въ которую приняло 16 студентовъ; изъ нихъ шестеро переведенныхъ изъ духовныхъ семинарій содержались на средства уже извѣстнаго намъ Татищева, остальные — на счетъ другихъ членовъ кружка. Лучшихъ своихъ питомцевъ „Дружеское общество" посылало для довершенія образованія за границу. Заботы общества распространялись на всѣхъ студентовъ: имъ подыскивали занятія, заказывали литературныя работы, переводы и статьи для изданій общества. Студенты, преимущественно питомцы общества, были сотрудниками и даже руководителями періодическихъ изданій Новикова *Вечерней Зари* 1782 г. и *Покоящагося Трудолюбца* 1784 г. Неугомонный педагогъ общества не ограничивался этимъ: ему хотѣлось снабдить выходящаго изъ университета студента возможно обильнѣйшимъ запасомъ надобнаго въ пути ба-

гажа. Сверхъ лекцій въ университетской аудиторіи объ эстетической критикѣ онъ читалъ еще у себя на дому приватный курсъ о видахъ познанія и особый курсъ „философской исторіи“ для семинаристовъ общества, къ которымъ присоединялись и посторонніе слушатели „всякаго рода и званія“, по выраженію одного изъ нихъ, такъ что эти домашія лекціи превращались сами собой въ публичные курсы. Ихъ цѣль обнаруживалась въ ихъ дѣйствіи: они противодѣйствовали вольнодумству. Въ этомъ направленіи, можетъ быть, наиболѣе сильное вліяніе имѣло на студентовъ устроенное Шварцемъ *Собраніе университетскихъ питомцевъ*. Это было если не первое, то, навѣрное, второе въ Россіи общество, составленное изъ учащейся молодежи[1]). Это студенческое общество имѣло цѣлью образованіе ума и вкуса своихъ членовъ, ихъ нравственное усовершенствованіе, упражненіе въ человѣколюбивыхъ подвигахъ. Студенты на засѣданіяхъ читали и обсуждали свои литературные опыты, произносили рѣчи на моральныя темы, задумывали изданія съ благотворительною цѣлью. Все это, конечно, было молодо, суетливо, немножко нервозно; молодежь больше чувствовала, чѣмъ познавала науку. Но по-тогдашнему и этого развѣ было мало? Въ штатныхъ лампахъ науки, прежде больше декорировавшихъ, чѣмъ освѣщавшихъ университетскія стѣны, что-то затеплилось: дайте срокъ — онѣ разгорятся. Среди студентовъ стали зарождаться нравственная товарищеская солидарность, наклонность къ размышленію, нѣкоторый навыкъ самонаблюденія и та способность загораться отъ идей, которая, какъ фонарь впотьмахъ, предшествуетъ исканію истины. Трудно прослѣдить поприща, по которымъ разсыпались питомцы „Дружескаго общества“, какъ трудно услѣдить, куда попадали книги, которыя оно разсѣевало. Извѣстно, что оно дало Московскому университету одного директора (т.-е. ректора) и пять профессоровъ.

Такъ кружокъ Новикова сталъ посредникомъ, черезъ котораго завязалось тѣсное нравственное общеніе между московскимъ обществомъ и Московскимъ университетомъ. Эта связь не прервалась съ исчезновеніемъ связующаго звена,

---

[1]) Первымъ можно считать общество любителей русской словесности, составившееся изъ кадетовъ сухопутнаго шляхетнаго корпуса еще въ 1730-хъ годахъ, когда тамъ учился Сумароковъ.

поддерживая взаимнымъ нравственнымъ тяготѣніемъ и обоюдными научными услугами. Общество дало университету сколько профессоровъ, оживившихъ университетское преподаваніе. Университетъ, съ своей стороны, немного позже воспиталъ въ своихъ аудиторіяхъ профессоровъ, оживившихъ общественную мысль и не разъ собиравшихъ московское общество на студенческихъ скамьяхъ. Нѣтъ нужды напоминать всѣмъ памятныя имена ихъ. Кажется, университетъ не остался въ долгу передъ обществомъ. Да и зачѣмъ имъ сводить счеты между собою? Вѣдь, они оба будутъ тѣмъ богаче, чѣмъ больше задолжаютъ другъ другу.

Ключевскій.

Новиковъ, какъ масонъ.

Новиковъ, убѣжденный своими друзьями, вступилъ въ масонство въ 1775 году, въ одну изъ петербургскихъ ложъ Елагинской системы. Къ этой порѣ особеннаго оживленія русскаго масонства, она стала больше и больше вступать въ отношенія съ нѣмецкими ложами и, наконецъ, къ тому времени, когда начинается ревностная масонская дѣятельность Новикова, она окончательно подпало нѣмецкимъ вліяніямъ и, слѣдовательно, восприняло весь тотъ нелѣпый сумбуръ „который господствовалъ въ то время въ нѣмецкихъ ложахъ. Это происходило очень послѣдовательно. Какъ скоро наши масоны стали на дорогу таинственныхъ ученій, они, естественно, начали стремиться къ тому, чтобы сколько можно полнѣе владѣть этими ученіями. Сношенія съ англійскими ложами были рѣдки и неудобны, и эти ложи мало удовлетворяли нашихъ масоновъ по части мистическихъ секретовъ; между тѣмъ до нихъ доходили свѣдѣнія о другихъ „системахъ“, будто бы обладающихъ глубокими тайными знаніями. Это, конечно, еще больше раздражало возбужденное воображеніе, и у нашихъ масоновъ являлось понятное желаніе опредѣлить свое положеніе между этими различными системами и выбрать себѣ между ними наиболѣе надежное руководство; и по мѣрѣ того какъ усиливались ихъ ожиданія и утверждалось въ нихъ мистическое настроеніе, тѣмъ больше возрастала въ нихъ довѣрчивость и легковѣріе, и, наконецъ,

они остановились на той формѣ масонства, которая съ наибольшимъ фанатизмомъ предавалась всѣмъ мистическимъ крайностямъ или съ наибольшею наглостью выдавала ихъ за непреложную и единственную истину.

Въ семидесятыхъ годахъ въ Петербургѣ существовала уже одна изъ нѣмецкихъ ложъ новѣйшаго изобрѣтенія. У насъ масонство этой ложи называлось „Рейхелевской системой“, по имени барона Рейхеля, который вывезъ эту систему изъ Берлина, и сначала встрѣчено было со стороны членовъ Елагинской системы недружелюбно, какъ отщепенское. Эта система („слабое наблюденіе“ или циннендорфство) выдѣлилась изъ нѣмецкаго тампліерства или „строгаго наблюденія“, сохранивъ однако нѣкоторыя его свойства, и ссылаясь на свои связи съ шведскимъ масонствомъ, которому тогда приписывали особенную древность и, слѣдовательно, авторитетъ. Рейхелевская система имѣла въ Петербургѣ своихъ приверженцевъ, и ея репутація (вѣроятно, не безъ вліянія личныхъ качествъ самого Рейхеля) сдѣлала, наконецъ, то, что большая часть ложъ Елагинской системы вступили съ ней въ соглашеніе и союзъ, и въ 1776 году признали главенство берлинской или потсдамской ложи „Минервы“, откуда шла система Рейхеля.

Между тѣмъ интересъ къ масонскимъ тайнамъ усиливался, и Петербургскіе масоны вступили въ сношеніе съ Швеціей, ложи которой считались глубокимъ источникомъ масонской мудрости. Сношенія происходили черезъ князя Куракина, ѣздившаго тогда въ Стокгольмъ (1776—77) съ дипломатическимъ порученіемъ, и Куракинъ дѣйствительно вывезъ оттуда высшія орденскія степени для себя и для князя Гагарина, — этому послѣднему и были подчинены ложи, обратившіяся къ шведскому масонству. Но эта „Шведская система“ оказалась именно „строгимъ наблюденіемъ“ или тампліерствомъ, которое тѣмъ временемъ успѣло проникнуть въ Швецію и оттуда, какъ видимъ, получило свою роль и въ Россіи. Въ томъ же 1777 году, шведскій король Густавъ III былъ въ Петербургѣ, и этому обстоятельству приписываютъ новый успѣхъ шведскаго масонства въ русскихъ ложахъ: братъ короля, герцогъ Зюдерманландскій, былъ гросмейстеромъ шведскаго ордена. Самъ Рейхель, совѣтовавшій эти сношенія съ Швеціей, увидѣлъ, кажется, свою ошибку; онъ

не подчинялся шведской системѣ и остался съ своей ложей подъ начальствомъ Елагина, система котораго существовала рядомъ съ ложами князя Гагарина. Новиковъ былъ также предубѣжденъ противъ „строгаго наблюденія“, которому приписывались политическія тенденціи, — въ его основаніи дѣйствительно существовавшія. Но эта осторожность къ „строгому наблюденію“ не избавила Новикова отъ нелѣпостей другого рода. Въ Москвѣ, куда онъ переѣхалъ въ 1779 г., Новиковъ, послѣ новыхъ исканій масонской тайны и новыхъ недоумѣній и волненій, сдѣлался, наконецъ, розенкрейцеромъ, — послѣдователемъ одной изъ самыхъ шарлатанскихъ и дикихъ системъ нѣмецкаго масонства. Этимъ розенкрейцерствомъ наполнены были всѣ самые дѣятельные годы его, весь московскій періодъ его жизни, и этому розенкрейцерству онъ, кажется, остался вѣренъ до послѣднихъ дней.

Въ наше время совершенно ясно, гдѣ было больше правды, какое изъ двухъ направленій тогдашней мысли ближе подходило къ истиннымъ путямъ человѣческаго развитія, — идеи тогдашняго „просвѣщенія“ (какъ ни были они иногда преувеличены), или необузданное фантазерство и обскурантизмъ мистиковъ? Новиковъ впалъ въ печальное и вредное заблужденіе; но мы знаемъ его однако за человѣка искренняго и глубоко преданнаго интересамъ человѣческой любви, и потому его заблужденіе становится знакомъ времени, тѣмъ больше, что и кромѣ его мы знаемъ другихъ людей, вполнѣ достойныхъ уваженія по своимъ нравственнымъ качествамъ и также раздѣлявшихъ это заблужденіе. Успѣхъ масонства, предавшагося, хотя и странно — исканію тайнъ о божествѣ, природѣ и человѣкѣ, есть доказательство того, что въ обществѣ дѣйствительно были пламенныя стремленія къ разрѣшенію представлявшихся ему нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ успѣхъ есть доказательство полной безпомощности этихъ людей. — Роль нашего масонства была особенно печальна въ этомъ отношеніи. Въ Англіи насъ можетъ всего меньше поражать эта несообразность средневѣковаго фантастическаго братства среди XVIII вѣка, послѣ Бэкона, Ньютона, Локка, Толанда и другихъ свободныхъ мыслителей: англійское масонство все-таки понятнѣе потому, что оно было своимъ туземнымъ произведеніемъ, которое держалось въ жизни на тѣхъ же правахъ,

на какихъ держится въ Англіи столько другихъ остатковъ отъ среднихъ вѣковъ, и притомъ этотъ средневѣковый остатокъ былъ оживленъ новыми религіозно-нравственными воззрѣніями. Во Франціи и Германіи орденъ былъ поставленъ уже нѣсколько иначе; но въ Германіи онъ нашелъ однако подготовленную почву и могъ естественно войти въ колею, хотя и получилъ новую окраску и понизился въ уровнѣ своихъ первоначальныхъ идей. Правда, здѣсь начинаются уже нелѣпыя и вредныя злоупотребленія мистицизма, но историкъ, заинтересованный успѣхами здраваго развитія, можетъ все-таки спокойнѣе относиться къ этимъ увлеченіямъ и даже совершеннымъ сумасбродствамъ, потому что, съ другой стороны, эти вещи имѣли свой противовѣсъ въ разумномъ прогрессѣ. Во Франціи мистика никогда не поднималась до сильнаго вліянія въ обществѣ; въ Германіи, — которая оказала здѣсь наиболѣе сильное вліяніе на броженіе умовъ въ Россіи, рядомъ съ самыми крайними нелѣпостями поэтизма и мистическаго масонства, уже дѣйствовали раціоналисты, Гердеръ, Лессингъ; начинали свое поприще Шиллеръ и Гёте, полагались основанія Кантовой философіи. — Совсѣмъ иное положеніе было у насъ: общественное образованіе еще только дѣлало свои первые шаги, и люди, искавшіе разрѣшенія своихъ религіозныхъ и нравственныхъ недоумѣній, впадали въ мистицизмъ, даже не имѣя почти возможности выбора, не имѣя никакого критеріума, по которому они могли бы отдать себѣ отчетъ въ своихъ понятіяхъ. И мы едва ли имѣемъ большое право обвинять Новикова за то, что онъ, повидимому, такъ легко обошелся безъ критики: эта критика не всякому была по силамъ, потому что для нея требовалась извѣстная широта мысли и значительная степень настоящихъ знаній, а отсутствіе этихъ знаній было общимъ свойствомъ и недостаткомъ не одного Новикова, а цѣлой эпохи. Гдѣ же было Новикову учиться у раціоналистовъ или у Лессинга, когда эти раціоналисты, этотъ Лессингъ и до сихъ поръ недоступны русской литературѣ въ цѣломъ объемѣ ихъ понятій, когда средній уровень даже въ образованномъ классѣ нашего общества до сихъ поръ, — почти черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ Новикову приходилось принимать свое рѣшеніе, — не въ силахъ возвыситься до настоящей точки зрѣнія Лессинга? Но все-таки, скажутъ

на это, Новиковъ былъ черезъ мѣру легкомысленъ и легковѣренъ, когда довѣрялся розенкрейцерству, которое, кромѣ тупого обскурантизма, могло рекомендовать еще только безсмысленную алхимію, добываніе философскаго камня и прочій кабалистическій вздоръ, о которомъ даже странно и говорить... Правда, что легкомысліе было слишкомъ велико; но мы опять думаемъ, что было бы несправедливо слишкомъ винить Новикова за легкомысліе, когда это легкомысліе было болѣзнью вѣка. Новиковъ могъ вѣрить въ алхимію, когда Лафатеръ, европейская знаменитость, чудо философскаго глубокомыслія, передъ которымъ преклонялся образованный свѣтъ Европы, когда этотъ Лафатеръ вѣрилъ во всякій безсмысленный метафизическій вздоръ, вѣрилъ въ патера Гаслера и Каліостро, писалъ сентиментальныя посланія къ одному и ставилъ себя въ описанное выше глупое положеніе передъ другимъ. И однако же Лафатеръ имѣлъ передъ собой всѣ средства европейскаго знанія и критики, которыхъ было бы достаточно, чтобы научиться въ этихъ вещахъ здравому смыслу... Не забудемъ, наконецъ, что въ масонствѣ была еще другая сторона, которая сохранялась въ его уставахъ при всѣхъ его теософскихъ и мистическихъ бредняхъ: это — братская любовь къ людямъ. Между масонами было, конечно, не мало дурныхъ людей и лицемѣровъ, но въ числѣ ихъ были и люди искренніе, способные къ глубокому убѣжденію, готовые ревностно служить общественному благу, — и для этихъ людей принципъ нравственнаго закона и человѣколюбія долженъ былъ получать особенную силу и могъ доставлять имъ полное нравственное удовлетвореніе. Новиковъ несомнѣнно принадлежалъ къ числу этихъ искреннихъ и убѣжденныхъ людей: таковы были и друзья его Шварцъ, Лопухинъ, Гамалѣя, Тургеневъ и, вѣроятно, еще многіе другіе, о которыхъ мы слишкомъ мало знаемъ, чтобы сказать о нихъ то же и столько же утвердительно.

Исторія обращенія Новикова въ масонство именно и представляетъ намъ черты, въ которыхъ мы видимъ и эту безпомощность мысли и познаній, и горячее стремленіе знать истину и знать настоящій путь къ полезной дѣятельности; въ то же время мы видимъ здѣсь и боязливыя опасенія навлечь какое нибудь неудовольствіе властей: онъ крайне опасается всего „политическаго“ и всячески отъ него уда-

ляется, — эти опасенія его представляютъ странный и печальный контрастъ съ тѣми подозрѣніями, изъ-за которыхъ эти власти обрушили на него потомъ свое преслѣдованіе.

Мы упоминали о томъ, что онъ сталъ масономъ по убѣжденіямъ своихъ друзей, которые, сами будучи масонами, желали имѣть его въ орденѣ какъ человѣка съ благородными стремленіями и энергіей въ трудѣ. Онъ сдѣлался членомъ общества въ ту смутную его пору, когда оно само тревожно доискивалось источника знаній, которыхъ у него недоставало. Новиковъ колебался и впослѣдствіи онъ самъ говоритъ о борьбѣ, которая тогда совершалась въ немъ: „находясь на распутіи между вольтеріанствомъ и религіей, я не имѣлъ точки опоры, или краеугольнаго камня, на которыхъ могъ бы основать душевное спокойствіе, а потому неожиданно попалъ въ общество“, т.-е. въ масонство (Лонг., стран. 99). На него, конечно, подѣйствовало то, что онъ слышалъ о возвышенныхъ цѣляхъ ордена, но все-таки, раньше окончательнаго вступленія, онъ хотѣлъ увѣриться въ дѣлѣ и вступилъ въ масонство только на условіяхъ: „чтобы не дѣлать *никакой присяги* и обязательства, чтобы мнѣ открыть три первые градуса (т.-е. масонскія степени) *напередъ* и если я найду что противное совѣсти, то чтобы меня не *считать* въ числѣ масоновъ“ (Лонг., стран. 074), — что и было исполнено по его желанію. Но, вѣроятно, онъ скоро положительно успокоился относительно смысла и цѣлей ордена: онъ вошелъ окончательно въ дѣло и сталъ посѣщать ложи. Но тогдашнее положеніе масонства не удовлетворяло его: ложи производили на него такое же впечатлѣніе, какъ нѣкогда на Елагина, потому что „въ собраніяхъ почти играли масонствомъ, какъ игрушкой, ужинали и веселились, и хотя въ ложахъ и дѣлались“ — какъ онъ показываетъ въ отвѣтахъ Шешковскому — „изъясненія по градусамъ (т.-е. смотря по разнымъ степенямъ масонства) на нравственность и самопознаніе, но тѣ были весьма недостаточны и натянуты“ (стран. 075). Неясность и таинственность только раздражали любопытство, онъ искренно желалъ „основать на чемъ-нибудь свое душевное спокойствіе и понять предметы, разъяснить которые бралось масонство, и мы вскорѣ видимъ, что Новиковъ увлекается въ мудреные поиски за истиннымъ масонствомъ. Понятно, что онъ долго его не находилъ, и что затронутая

фантазія искала такихъ формъ масонства, которыя бы могли увлекать признаками высшей мудрости; онъ дѣйствовалъ даже не безъ критики, потому что отвергалъ многія системы которыя имѣли успѣхъ въ русскомъ обществѣ, но въ которыхъ онъ видѣлъ постороннія заднія мысли или пустое шарлатанство. „Елагинская система не удовлетворяла его по ограниченности тайныхъ знаній; „стриктъ-обсерванскіе градусы", т.-е. тампліерство, казались ему подозрительны политически; французское масонство онъ считаетъ за „глупую игру и дурачество", — но онъ слышитъ въ то же время, что тамъ-то есть „старое масонство", и снова волнуется и ищетъ. Политическія тенденціи онъ отвергаетъ совершенно; онъ удаляется отъ „строгаго наблюденія" и всѣми силами противодѣйствуютъ проникновенію иллюминатовъ, которые, по словамъ его, „суть истинные и злѣйшіе враги масонскаго ордена" и могутъ почитаться „злодѣями человѣческаго рода". Въ отвѣтахъ Новикова Шешковскому, изъ которыхъ мы беремъ эти послѣднія указанія, мы можемъ достаточно видѣть, съ какой искренностью и съ какой тревожной любознательностью искалъ Новиковъ разрѣшенія задачи: трогательныя черты этой внутренней борьбы странно поражаютъ насъ, когда мы вспомнимъ, въ какой обстановкѣ приходилось Новикову писать свои признанія. Вотъ, напримѣръ, разговоръ его съ упомянутымъ выше барономъ Рейхелемъ, отъ котораго Новиковъ, въ началѣ своего масонства, допрашивается сущности ордена: „Въ сіе время бывъ однажды у барона Рейхеля и разговаривая чрезъ переводчика (Новиковъ не зналъ по-нѣмецки), *не помню кто былъ*, о всѣхъ раздѣленіяхъ и разныхъ партіяхъ въ масонствѣ, спросилъ я у него *въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ:* я не прошу васъ о вышнихъ градусахъ, ниже о изъясненіи масонства, потому что я рѣшился терпѣливо ожидать, упражняясь, сколько могу, въ нравственности, самопознаніи и исправленіи себя, но прошу васъ, дайте признакъ мнѣ такой, по которому я могъ бы безошибочно знать истинное масонство отъ ложнаго, чтобы нехотя не зайти въ ложное; что я посему признаку вѣрно слѣдовать буду, — но что ежели онъ мнѣ дастъ несправедливый, то онъ Богу отвѣтствовать будетъ. Подъ именемъ истиннаго масонства разумѣли мы то, которое ведетъ посредствомъ самопознанія и просвѣщенія къ нравственному испра-

вленію кратчайшимъ путемъ, по стезямъ христіанскаго нравоученія; — и просилъ его о томъ *со слезами*. Онъ также со слезами сказалъ мнѣ, что онъ охотно это сдѣлаетъ и скажетъ вѣрно, и сказалъ: всякое масонство, имѣющее политическіе виды, есть ложное; и ежелы ты примѣтишь хотя тѣнь политическихъ видовъ, связей и растверживанья словъ равенства и вольности, то почитай его ложнымъ. Но ежели увидишь, что чрезъ самопознаніе, строгое исправленіе самого себя, по стезямъ христіанскаго нравоученія, въ строгомъ смыслѣ нераздѣльно ведущее; чуждое всякихъ политическихъ видовъ и союзовъ, пьянственныхъ пиршествъ и развратности нравовъ членовъ его; гдѣ говорятъ о вольности такой между масонами, чтобы не быть покорену страстямъ и порокамъ, но владѣть оными, — такое масонство или ужъ есть истинное или ведетъ къ сысканію и полученію истиннаго; что истинное масонство есть, что оно весьма малочисленно, что они не стараются нахватывать членовъ, что они, по причинѣ великаго въ сіи времена распространенія ложныхъ масоновъ, весьма скрытны и пребываютъ въ тишинѣ: ложные масоны всего этого не любятъ. За сей совѣтъ готовъ я отвѣтствовать предъ Богомъ". (Лонг., стран. 076). Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя представленія о масонствѣ, какъ нравственномъ совершенствованіи, составляли существенную черту въ масонскихъ понятіяхъ Новикова. Около того же времени онъ встрѣчается съ княземъ Репнинымъ, такимъ же искателемъ истинной масонской тайны, и между ними происходитъ разговоръ того же рода. „Въ 1776, или седьмомъ году, въ бытность князя Петра Ивановича Репнина въ Петербургѣ (а знакомъ ему сдѣлался въ бытность мою на короткое время въ Москвѣ, кажется чрезъ брата моего, и одинъ разъ обѣдалъ у князя Петра Ивановича Репнина и онъ меня очень обласкалъ), былъ я у него и по причинѣ его болѣзни а обѣдалъ у него одинъ: узнавъ, что я масонъ, онъ сказалъ, что и онъ масонъ, что онъ въ разныхъ государствахъ бывши искалъ масонства и что, не жалѣя денегъ, старался онъ доставать всевозможные градусы, но всегда находилъ лживые. Но, наконецъ, познакомился съ однимъ человѣкомъ, — а гдѣ, не сказалъ, — который далъ ему понятіе такое, что истинное масонство скрывается у истинныхъ розенкрейцеровъ, что ихъ весьма трудно найти, а вступленіе въ ихъ общество еще труднѣе,

что у нихъ скрываются великія таинства; что ученіе ихъ просто и клонится къ познанію Бога, натуры и себя; что много ложныхъ обществъ, называющихся симъ именемъ, что много шарлатановъ и обманщиковъ называются симъ именемъ, и потому-то весьма трудно найти истинныхъ: и многое говоря, заключилъ, что *счастливъ* тотъ, кто найдетъ истинныхъ, и на сей конецъ хотѣлъ онъ познакомиться съ барономъ Рейхелемъ, чтобы узнать его. Я спросилъ его, что онъ нашелъ и вступилъ ли? На сіе онъ мнѣ сказалъ, что онъ имѣетъ объ нихъ хорошее понятіе, и хотѣлъ послѣ еще говорить, но не было случая". (Лонг., стран. 077). Послѣ, въ 1782 году такія же разсужденія съ Шварцемъ по поводу розенкрейцерства, которое Шварцъ предлагалъ принять московскому кружку: — какой „предметъ", т.-е. цѣль этого ордена? нѣтъ ли въ немъ чего противнаго христіанскому ученію или противъ государей и т. д.

Розенкрейцерство было послѣднимъ пунктомъ, на которомъ остановился кружокъ Новикова, быть можетъ не безъ вліянія разсказовъ князя Репнина, а главнымъ образомъ по убѣжденіямъ Шварца, который ревностно предался розенкрейцерству въ свою поѣздку въ Берлинъ въ 1781—1782 годахъ. Розенкрейцерство, къ которому приходили наши масоны, по своему характеру далеко не было похоже на „истинное" или „старое" масонство. Въ глазахъ Новикова и его друзей, эта форма имѣла, вѣроятно, то преимущество передъ другими, что она не заявляла никакихъ прямыхъ политическихъ тенденцій, которыя замѣтны были въ „рыцарскихъ градусахъ" или разныхъ видахъ тамплiерства, и что вмѣстѣ съ тѣмъ эта форма представляла обширный запасъ мистической фантастики: здѣсь была и алхимія и разныя кабалистическія украшенія.

Но чѣмъ же могла быть общественная дѣятельность, построенная на подобныхъ основаніяхъ? Нѣтъ сомнѣнія, что, въ цѣломъ, масонство играетъ весьма сомнительную роль въ общественномъ развитіи. Какъ мы уже замѣтили, успѣхъ нашего масонства, въ свою наиболѣе дѣятельную пору вполнѣ мистическаго, — прежде всего обнаруживалъ безсиліе передъ рѣшеніемъ вопросовъ религіи, нравственности и общественной жизни. Мистицизмъ есть то же суевѣріе, быть можетъ, даже болѣе нелѣпое, чѣмъ суевѣріе народной массы, потому

что это суевѣріе людей, считающихся образованными и, конечно, могущихъ быть образованными. Такъ же какъ суевѣріе, мистицизмъ неспособенъ стоять рядомъ съ положительной точной наукой, не можетъ выдерживать ея критики, и потому инстинктивно боится науки и отвергаетъ ее. Это такая форма дѣятельности ума или воображенія, которая всего больше доступна и интересна для массъ, въ которыхъ фантазія всегда дѣйствуетъ сильнѣе ума. Въ отдѣльныхъ людяхъ мистицизмъ точно также соотвѣтствуетъ низшей степени развитія, или составляетъ его болѣзненную односторонность, происходящую отъ отсутствія точнаго знанія. Такова и была, дѣйствительно, среда, въ которой мистическое масонство находило наибольшее число своихъ ревностныхъ адептовъ. Люди съ строгимъ логическимъ умомъ или владѣвшіе точными знаніями, не могли быть масонами мистическаго толка; и если мы видимъ въ орденѣ людей, какъ Фридрихъ Великій, котораго нельзя заподозрить въ мистицизмѣ, то эти люди увлекались въ масонствѣ только его нравственной стороной, идеей человѣколюбія и благотворенія. Понятно, что Екатерина, по положительности своего ума, должна была не любить масонства, — хотя бы оно и не возбуждало въ ней ни малѣйшихъ политическихъ подозрѣній. И понятно также, что оно должно было быть популярно между умами, вышедшими изъ простого невѣжества, но слишкомъ мало дисциплинированными настоящей наукой. Условія русскаго общества XVIII вѣка вполнѣ способствовали успѣху подобнаго направленія. Образованность была еще слишкомъ слаба; единственный университетъ, основанный только въ 1775 году, едва выходилъ изъ размѣровъ средней школы; литературное вліяніе, въ смыслѣ просвѣщенія, ограничивалось небольшимъ кружкомъ читающей публики, — и если однако при этомъ уровнѣ образованія въ обществѣ являлась уже нѣкоторая потребность вдумываться въ трудные вопросы о человѣкѣ и природѣ, и зарождалась въ людяхъ первая попытка нравственнаго самосознанія, то мистицизмъ былъ первой представлявшейся формой, въ которую могли уложиться эти стремленія. Когда эта форма была вывезена къ намъ изъза границы, она была принята прежде всего людьми того легкаго образованія, которое было тогда почти единственнымъ свѣтскимъ образованіемъ, но которое уже могло открывать

возможность болѣе глубокихъ потребностей умственныхъ и нравственныхъ. Но и здѣсь масонство было сначала только модной забавой и развлеченіемъ, братья собирались въ „столовыя ложи“ для ужиновъ и пріятнаго препровожденія времени, и только черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ ложахъ являются болѣе серіозные люди и серіозные вопросы. Еще нѣсколько лѣтъ, и эти люди ѣздятъ по Европѣ, „не жалѣютъ денегъ“ на розысканіе драгоцѣнной тайны, и считаютъ „счастливымъ“ человѣка, которому удастся найти ее. Этимъ людямъ, безъ сомнѣнія, искренно хотѣлось найти истину... Самъ Новиковъ вовсе не представляетъ исключенія изъ большинства людей, которые искали истины въ масонствѣ, не имѣя возможности найти ее инымъ путемъ. Его собственное образованіе было очень скудное, онъ ограниченъ былъ въ своемъ чтеніи одними русскими книгами, которыя сто лѣтъ тому назадъ давали очень мало пищи и для ума и для сердца; и нельзя не видѣть большого историческаго смысла въ томъ фактѣ, что масонство явилось для него исходомъ „на распутіи между вольтеріанствомъ и религіей“. Для общества, мало развитого въ умственномъ отношеніи и чуждаго серіозной науки, масонство было наиболѣе доступнымъ содержаніемъ изъ того, что представляли иностранные источники; оно и было принято.

Сообразно съ этими тѣсными размѣрами умственнаго развитія въ обществѣ, дававшемъ среду для дѣятельности Новикова, были очень скромны и размѣры самой иниціативы. Дѣйствія Новикова были крайне осмотрительны, даже робки. Отдаваясь дѣлу искренно и готовясь трудиться для разъ принятаго принципа, онъ долго медлилъ этимъ принятіемъ, онъ опасливо осматривался, не нарушаетъ ли этотъ принципъ чѣмъ-нибудь господствующихъ нравовъ и преданій. Онъ видѣлъ, что какъ бы этотъ принципъ ни былъ невиненъ и безобиденъ въ этомъ смыслѣ (въ своихъ показаніяхъ онъ нѣсколько разъ повторяетъ, что этотъ принципъ есть не больше, какъ только „самопознаніе, строгое исправленіе самого себя, по стезямъ христіанскаго нравоученія“), этотъ принципъ представлялъ въ русской жизни нѣчто новое, къ чему отнеслись бы на первый разъ съ извѣстнымъ недовѣріемъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Новиковъ, дѣйствительно, считалъ принятое имъ ученіе только болѣе

глубокимъ пониманіемъ и болѣе дѣятельнымъ выполненіемъ истинной, церковной нравственности, — приблизительно въ томъ смыслѣ, какъ думали нѣмецкіе піэтисты, то только несравненно менѣе смѣло и послѣдовательно, чѣмъ они; и митрополитъ Платонъ, вѣроятно, съ полной увѣренностью могъ написать въ своемъ донесеніи императрицѣ: „молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и тобою, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане таковые, какъ Новиковъ“ (Лонг., стран. 035): — но, во всякомъ случаѣ, Новиковъ чувствовалъ, что масонскій принципъ вводитъ новый элементъ въ общественный обиходъ, и отсюда его мелочная, медлительная и боязливая осторожность. Онъ былъ, повидимому, хорошо знакомъ съ русской жизнью и зналъ, что существующіе нравы крайне непривычны къ подобнымъ вещамъ, что самый невинный принципъ, выставленный передъ обществомъ, какъ индивидуальное независимое убѣжденіе и какъ программа общественной дѣятельности, рискуетъ большими опасностями. Если, съ одной стороны, въ своихъ поискахъ за „истиннымъ масонствомъ“ онъ ищетъ удовлетворенія самому себѣ, старается обезпечить вѣрность своихъ личныхъ убѣжденій, то съ другой — онъ старается обезпечить себя и отъ упомянутыхъ опасностей, — онъ ожидалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что истинное масонство и въ этомъ отношеніи дастъ ему бо̀льшую увѣренность. Почти тягостно читать въ его признаніяхъ разсказъ обо всѣхъ этихъ страхахъ и недоумѣніяхъ. Масонство была вещь, не запрещенная закономъ; ему уже давно было положительно извѣстно, что въ масонскихъ ложахъ собираются „не малое число знатнѣйшихъ особъ въ государствѣ“, что главная ложа управляется „его высокопревосходительствомъ“ Ив. Перф. Елагинымъ; друзья положительно завѣряютъ его, что въ ложахъ не дѣлается ничего законопротивнаго, — но онъ тѣмъ не менѣе ограждаетъ себя всевозможными предосторожностями и отъ „ложнаго масонства“, т.-е. собственно отъ всякаго соприкосновенія съ политическими тенденціями, и отъ малѣйшаго нарушенія правилъ государственной полиціи или господствующей религіи, чтобы ничто не могло быть противно его совѣсти. Его совѣсть была совершенно ортодоксальна въ обоихъ отношеніяхъ, и, вступивъ въ ложу, онъ увидѣлъ, что ея секреты могутъ со-

вершенно мириться съ его совѣстью... Конечно, такъ не дѣлали другіе: они смѣло вступали въ орденъ, устраивали ложи, носили титулы, — и остались потомъ здравы и невредимы, потому что остались ничтожествами. Для Новикова, человѣка серіозныхъ убѣжденій, вступленіе въ ложу было началомъ дѣятельности, гдѣ ему — хотя крайне скромно и безобидно — предстояло однако итти своей дорогой, внѣ офиціальной программы и начальственныхъ приказовъ, — и его мелочныя предосторожности представляютъ для насъ, позднѣйшихъ наблюдателей, барометръ тогдашней общественной дѣятельности. Новиковъ чувствовалъ, что барометръ вообще стоитъ на перемѣнѣ, — скоро онъ перешелъ на бурю.

Итакъ, умственныя средства, съ которыми открылась иниціатива Новикова, были ограничены, соотвѣтственно цѣлому состоянію тогдашняго образованія; способъ дѣйствій былъ крайне умѣренный и боязливый, потому что общество было слишкомъ мало приготовлено къ прямой самодѣятельности и не давало начинающему никакой гарантіи, не обѣщало никакой поддержки въ трудную минуту. Въ самомъ содержаніи его пропаганды было много туманной фантастики и вреднаго мистицизма, враждебнаго истинной наукѣ и отвращавшаго отъ нея. Печально за судьбу русскаго образованія — видѣть, что люди достойные, доброжелательные и преданные общественному благу, приходили къ тому, что поучались у пустого обскуранта Веллънера и закрывали глаза на все, что было истиннаго и глубокаго въ лучшихъ проявленіяхъ просвѣтительной европейской мысли; что, желая трудиться для просвѣщенія, эти люди сами ставили ему помѣхи и препятствія, и въ то время, когда европейская мысль отвергала средневѣковый хламъ и установляла идеи, на которыхъ должно было потомъ основаться новое развитіе общества и новые положительные успѣхи человѣческаго совершенствованія, эти люди хватались за алхимію и кабалистику и погружались въ этотъ самый средневѣковый хламъ... Но при всей этой ограниченности и бозпомощности, въ понятіяхъ и предпріятіяхъ Новикова и его друзей были однакоже стороны, по которымъ эти люди имѣютъ несомнѣнное право на мѣсто въ исторіи успѣховъ русскаго образованія: потому что здѣсь, во всякомъ случаѣ, является самостоятельная иниціатива, которую мы можемъ считать первымъ обширнымъ

примѣромъ общественной самодѣятельности со временъ реформы; это было служеніе нравственнымъ интересамъ общества, не вызванное никакими официальными указаніями, а внушенное инстинктомъ обязанности къ обществу и внутреннимъ убѣжденіемъ. Въ дѣлѣ Новикова, исторія его борьбы за идею принимаетъ особенно-печальный и возбуждающій участіе характеръ, еще и потому что, вообще говоря, онъ дѣйствовалъ крайне умѣренно, постоянно держался на почвѣ законности; онъ принималъ съ своей стороны всѣ, описанныя выше, мѣры предосторожности, дѣлалъ всѣ уступки, (напр., при самомъ началѣ правительственныхъ неудовольствій изъявилъ готовность совершенно оставить ложи, если бы отъ него потребовали этого, — но этого однако не требовали), — и несмотря на все это подвергся тяжкому преслѣдованію изъ-за своей скромной дѣятельности. Наконецъ, мы не должны забывать, что одной чертой его убѣжденій, получавшихъ въ масонствѣ свое практическое выполненіе, было стремленіе къ нравственному улучшенію согражданъ, братская *любовь къ людямъ*. Эти мотивы проходятъ существенной чертой въ дѣятельности Новикова и его ближайшихъ друзей, Шварца и Лопухина. И масонство въ этомъ случаѣ вовсе не осталось практически безплоднымъ: благотворительная дѣятельность Новикова есть фактъ; достаточно прочесть записки Лопухина, чтобы видѣть, какъ въ людяхъ честныхъ и порядочныхъ масонство становилось источникомъ тѣхъ гуманныхъ отношеній къ людямъ, человѣколюбія и вѣротерпимости (вспомнимъ отношенія *сенатора* Лопухина къ дѣлу духоборцевъ, въ гораздо позднѣйшія времена), которыя такъ мало были вразумительны для стараго русскаго общества и которыя такъ полезно было бы ему уразумѣть. Въ обществѣ XVIII вѣка, которое подъ внѣшними манерами европейской образованности еще сохраняло такъ много стараго варварства, подобныя идеи были отраднымъ проблескомъ человѣчности. Мистицизмъ послѣ временъ Новикова еще разъ выдвинулся на сцену въ нашей общественной исторіи. Это были времена Магницкаго, двадцатые года нынѣшняго столѣтія. На этотъ разъ онъ являлся въ роли господствующаго элемента и вполнѣ раскрылъ свои ненавистныя свойства, — весь объемъ которыхъ мы пока еще не можемъ оцѣнить по тому, что стало до сихъ поръ извѣстно. Но исторически этотъ

мистицизмъ, сколько мы думаемъ, нельзя производить отъ новиковскаго масонства. Въ этотъ промежутокъ времени наша общественная и политическая жизнь подвергалась многимъ новымъ вліяніямъ, которыя могли совершенно заслонить собой масонство новиковскаго кружка. Это былъ уже новѣйшій мистицизмъ, порожденіе воскресшаго іезуитизма и европейской реакціи, начавшей свое господство послѣ Вѣнскаго конгресса, мистицизмъ Герреса, г-жи Крюднеръ, графа Жозефа де-Местра и цѣлой ихъ школы. Поэтому, намъ кажется, мы можемъ освободить память Новикова отъ нареканія, что его пропаганда породила впослѣдствіи такихъ нравственныхъ уродовъ и презрѣнныхъ людей, каковы были Магницкій и его креатуры. Личность Новикова остается чистой въ нашихъ глазахъ; по своей, печальной судьбѣ, Новиковъ, хотя и мистикъ, остается дѣятелемъ и, къ сожалѣнію, мученикомъ русскаго просвѣщенія.

Пыпинъ.

Новиковъ, какъ одинъ изъ противниковъ „любомудровъ“ XVIII в.

Были на Руси люди, которые считали своимъ долгомъ бороться противъ господствующаго вольнодумства. Таковые прежде всего лица духовныя, которыя по самому сану своему не могли равнодушно смотрѣть на попраніе религіи. Изъ нихъ съ почтеніемъ можно упомянуть митрополита московскаго Платона, Анастасія Братановскаго и Георгія Конисскаго. Извѣстенъ разговоръ Платона съ философомъ Дидро, во время пребыванія сего послѣдняго въ Петербургѣ. „Извѣстно ли вамъ, святой отецъ“, сказалъ Дидро Платону, „что философъ Дидро говоритъ: *нѣтъ Бога.*—Это еще и прежде него было сказано,—возразилъ Платонъ. „Гдѣ же“?—У пророка Даніила въ псалмахъ сказано: *рече безумецъ въ сердце своемъ: нѣсть Богъ,* а ты устами произносишь“. Извѣстно также, что митр. Платонъ очень не одобрялъ увлеченія императрицы философами, что и было причиною нѣкотораго охлажденія между имъ и государыней. Въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ своихъ митр. Платонъ доказывалъ необходимость искупленія, отвергаемаго философами; разсуждалъ объ управленіи міра Творцомъ, который можетъ измѣнить

законы природы: опровергалъ доводы вольнодумцевъ, отрицавшихъ безсмертіе души.—Другой проповѣдникъ Екатерининскаго времени, Анастасій Братановской также, съ особенной силою доказывалъ безсмертіе души въ надгробныхъ словахъ Бецкому (1795 г.) и Шувалову (1797). Истину безсмертія души проповѣдникъ утверждаетъ не текстами св. писанія, а соображеніями разума—именно признаніемъ недостаточности для добродѣтели земныхъ наградъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ полемизируетъ противъ отрицающихъ безсмертіе души: положительное ученіе идетъ у него рука объ руку съ полемикой противъ господствовавшаго безвѣрія. Тотъ же Анастасій Братановскій съ цѣлью подорвать вліяніе философовъ XVIII в. перевелъ съ французскаго двѣ книги: *Предохраненіе отъ безвѣрія и нечестія* (1794 г.) и *Истинный Мессія или доказательство о божественномъ пришествіи въ міръ Іисуса Христа и о Его Божествѣ* (1794 г.). Георгій Конисскій написалъ отвѣты на открытые *вопросы Вольтера*. (Это сочиненіе есть въ рукописи въ Кіево-Софійской библіотекѣ и напечатано въ послѣднихъ №№ *Домашней Бесѣды* 1867 года.)

Кромѣ лицъ духовныхъ, по самому званію своему обязанныхъ защищать вѣру и Церковь и бороться съ вольнодумцами, горячо, хотя и не по своей охотѣ, боролись съ ними русскіе масоны Екатерининскихъ временъ. Масонство и на западѣ имѣло значеніе, какъ противодѣйствіе холодному духу времени, отвратительному для людей съ горячимъ сердцемъ и пылкимъ воображеніемъ. Съ тѣмъ же значеніемъ оно явилось у насъ на Руси. Одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей русскаго масонства, профессоръ Московскаго университета Шварцъ читалъ лекціи противъ невѣрія. „Главное и для тогдашняго времени поразительное явленіе было то,—говоритъ одинъ изъ слушателей Шварца,—съ какою силою простое слово профессора исторгало изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ казалось тогда весь умъ заключался, замѣнивъ Библію“. Другой знаменитый русскій масонъ Н. И. Новиковъ въ своихъ періодическихъ изданіяхъ, каковые: *Утренній свѣтъ*, *Московское изданіе*, *Вечерняя Заря* и *Покоющійся трудолюбецъ* также имѣлъ въ виду опроверженіе энциклопедизма. Въ предисловіи къ *Московскому изданію* Новиковъ говоритъ: причиною пред-

пріятія сего состраданіе, которое всякій мыслящій чувствуетъ, слыша, что люди умные, просвѣщенные и почтенные говорятъ надменно и вооружась остроуміемъ о законѣ къ спасенію рода человѣческаго первыми людьми полученномъ, и взирая на простодушныхъ людей, прилежно внимающихъ умствованію вольномысленныхъ мудрецовъ". Новиковъ старался подорвать благоговѣйное почтеніе русскаго общества къ философамъ XVIII вѣка, ученымъ, но чуждымъ истинной нравственности. „Если у ученаго злое сердце (говоритъ *Московское изданіе)*, то онъ со всею своею ученостію будетъ сущимъ невѣждой, вреднымъ и себѣ и обществу. Отъ такихъ-то ученыхъ возникла вся мерзость на земномъ шарѣ. Чистосердечный мужикъ можетъ лучше воспринимать истину, нежели развращенный звѣздочетъ". Смотря на энциклопедистовъ съ этой точки зрѣнія, Новиковъ предостерегаетъ русскую публику „отъ тѣхъ высокихъ и вмѣстѣ низкихъ любомудровъ нынѣшняго вѣка, которые прославляютъ истину, состоящую въ послѣдованіи склонностямъ нашимъ, каковы бы они ни были и куда бы ни стремились, говоря, что природа къ тому насъ побуждаетъ и что безумно возлагать оковы на виновницу толикихъ удовольствій и сладости". Мы не упомянули еще объ одномъ извѣстномъ русскомъ масонѣ. И. В. Лопухинѣ, написавшемъ *„Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями"* и пр.

Не говоря объ открытой литературной полемикѣ много противодѣйствовали русскіе массоны вліянію энциклопедизма уже тѣмъ самымъ, что отвлекали на свою сторону значительную часть образованной русской публики и внушали ей свое міросозерцаніе, правда фантастическое, туманное и не выдерживающее богословской критики, но во всякомъ случаѣ существенно различное отъ міровоззрѣнія энциклопедистовъ.

Трудами частію русскихъ духовныхъ лицъ, частію масоновъ была переведена на русскій языкъ иностранная апологетическая литература противъ энциклопедизма. Сюда относятся слѣдующія книги: *Безсмертіе души, основательно противъ безбожниковъ и скептиковъ доказанное* (1779); *Посрамленный безбожникъ и натуралистъ* (1787); *Торжество вѣры надъ невѣрующими и заблуждающими* (1792); *Вольтеръ обнаженный* (1792); *Вольтеровы заблужденія* (1793) и пр. *Ф. Терновскій.*

Различіе воззрѣній Новикова въ связи съ его общественной дѣятельностію.

Какъ большинство людей XVIII вѣка[1]), Новиковъ въ юности испыталъ на себѣ вліяніе „вольтеріанства,“[2]), но опять таки, какъ большинство, онъ не остановился на немъ. Въ груди его жило стремленіе къ истинѣ; онъ не могъ удовольствоваться однимъ сомнѣніемъ, однимъ отрицаніемъ, которое предлагалось вольтерьянствомъ, — вотъ почему отъ французской философіи перешелъ онъ къ масонскому идеализму.

Въ первый періодъ его дѣятельности мы видимъ въ немъ вѣрноподданнаго Екатерины, замѣченнаго и обласканнаго ею[3]). Тогда онъ былъ усерднымъ служителемъ того „просвѣщеннаго абсолютизма“, который позволялъ знать и мыслить только „подъ покровомъ Минервы“ — императрицы и журнальная дѣятельность его[5]) и печатаніе историческихъ документовъ[6]), — все это плоды преклоненія его передъ личностью просвѣщенной императрицы, покровительницы литературы и науки. Но время шло, и Новиковъ все сознательнѣе сталъ всматриваться въ окружающую его жизнь: онъ шелъ впередъ, императрица стала отставать отъ него... Уже въ сатирѣ Новикова зазвучали черезчуръ серьезныя нотки[7]), уже отношеніе его къ школѣ показалось императрицѣ не въ мѣру самостоятельными[8]). Въ это время въ жизни Новикова наступаетъ періодъ охлажденія къ императрицѣ, къ французскимъ философамъ: просвѣтительная дѣятельность на помочахъ стала казаться ему мало плодо-

---

[1]) Также Елагинъ (Р. Арх., 1864, 100, 101), Лопухинъ (Р. Арх., 1884, 1, 15), Фонвизинъ (соч., изд. 1866 г., 524, 547 и др.), Болотовъ (11, 60—66) и мн. др.

[2]) Лонгиновъ, 99.

[3]) Ibid., 75.

[4]) Добролюбовъ, 1, 127 и др. См. Письма Новикова къ Козицкому, Лѣт. р. литер. IV, 40—45.

[5]) Лонгиновъ, 28, 29, 31.

[6]) Ibid., 36, 37, 38, 39, 40 и др.

[7]) Незеленовъ указываетъ, напр., на слѣдующія идеи, проводимыя въ журналахъ Новикова: борьба съ крѣпостничествомъ (153, 154, 156, 184—6) равенство людей (155), свобода мысли (198), необходимость просвѣщенія (156—7); вредъ суевѣрія, фанатизма, манашества (183) и др.; еще: Р. Стар., 1874, X, 776.

[8]) Незеленовъ, 266.

творной. Въ нерѣшимости остановился онъ на перепутьѣ, колебался, сомнѣвался... Въ такомъ состояніи онъ сдѣлался масономъ. Масонство давало ему положительный отвѣтъ на его вопросы, — и душа его откликнулась на масонскій идеализмъ.

Весьма возможно, что онъ, ученикъ Екатерины и Вольтера, на первыхъ порахъ смущался странными формами, подъ которыми скрывался этотъ идеализмъ, но онъ успокоилъ себя тѣмъ, что призналъ эту внѣшнюю сторону масонства настолько маловажною, что изъ-за нея не стоило отвертываться отъ того, что подъ нею скрывалось. Изъ одного письма Новикова (1780 г.) мы видимъ, какъ онъ относился къ масонскимъ обрядамъ: „щедро и вездѣ разсѣеваемыя понятія о малыхъ капитулахъ, о просвѣщенныхъ капитулахъ, о иллюминованныхъ капитулахъ, о братьяхъ фіолетовой ленты, о магистрахъ храма, о клерикатѣ, о призываніи духовъ и проч., и проч., — всѣ эти великія познанія и высокія понятія, большею частью, только весьма забавны и подобны забавамъ дѣтей, пугающихъ Геркулесовымъ вооруженіемъ; а нѣкоторыя церемоніи и обряды, употребляемые въ сихъ благодѣтельныхъ капитулахъ, несмотря на прекрасную и привлекательную личину, показались намъ совершенно ложными и поддѣльными“. Масонскіе обряды нѣкоторыхъ ложъ онъ называетъ даже „мерзостью Вааловой“, „какомагіей, проклинаемой во многихъ мѣстахъ Св. Писанія[1]).

Увидавъ передъ собою цѣль жизни, цѣль, дѣйствительно, высокую, Новиковъ, какъ и поступило бы большинство людей на его мѣстѣ, сталъ искать болѣе короткихъ путей къ этой цѣли. Отсюда это исканіе „истиннаго“ масонства, отсюда рядъ ошибокъ, разочарованій...

Въ это именно время Петербургъ, жившій почти подъ исключительнымъ вліяніемъ императрицы, обезличенный ею, пересталъ привлекать Новикова; вотъ почему онъ охотно переѣхалъ въ Москву, гдѣ представилась ему возможность жить въ кругу единомышленниковъ и благодаря типографіи проводить свои идеалы въ массу. Сатирическая дѣятель-

[1]) Ешевскій, III, 469—470. Если Новиковъ возставалъ противъ масонскихъ обрядовъ, то и ближайшіе друзья его, передовые московскіе масоны, не особенно увлекались ими: на глазахъ вожаковъ масонства эти обряды были лишь приманкой для массы, падкой на внѣшніе эффекты. Ешевскій, III, 469, 470, 484—5; Еще: Р. Арх., 1864, 100.

ность была оставлена: Новиковъ сознательно пришелъ къ выводу, что русское молодое общество надо было учить, а не бичевать. По этому поводу Карамзинъ писалъ Лафатеру, очевидно, повторяя слова самого Новикова: „г-нъ Новиковъ прославился своими остроумными сочиненіями, но теперь онъ болѣе ничего не хочетъ писать; можетъ быть, потому, что *нашелъ другой болѣе вѣрный способъ быть полезнымъ своему отечеству*“ [1])... Съ переѣздомъ въ Москву, Новиковъ очутился въ самомъ центрѣ тогдашняго умственнаго движенія. Московскій университетъ съ его нѣмецкими профессорами-идеалистами, масоны съ ихъ возвышенными стремленіями, молодежь, чуткая, отзывчивая, — все это было такой средой, въ которой талантамъ и энергіи Новикова было много простору, — немудрено, что онъ, незамѣтный въ Петербургѣ, сразу выдвигается въ Москвѣ на первое мѣсто.

Но если въ самомъ Новиковѣ было много силы и желанія распространять просвѣщеніе, то еще болѣе данныхъ для роли просвѣтителя было у Шварца, съ которымъ сошелся въ Москвѣ Новиковъ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ о Шварцѣ такъ мало данныхъ, что онъ остался для насъ загадачной личностью. Одно, что ясно для насъ изъ его дѣятельности въ Москвѣ, — это своеобразный характеръ, которымъ она отличается: передъ нами не просто просвѣщенный человѣкъ, заботившійся объ образованіи молодежи, — передъ нами фанатикъ просвѣщенія, „неугомонный энтузіастъ, вѣчно горѣвшій, какъ неугасимый очагъ и успѣвшій сжечь себя до тла въ 33 года жизни“ — апостолъ своего ученія, готовый сдѣлаться мученикомъ, яркій типъ *пропагандиста* [2]). Это обстоятельство заставляетъ насъ подозрѣвать, что едва ли онъ не былъ *иллюминатомъ*...

Извѣстно, что въ программу иллюминатства входило самое широкое распространеніе просвѣщенія [3]); для этого иллюми-

---

[1]) Карамзинъ, Письма къ Лафатеру, 20: Еще: Тихонравовъ, Соч. III, 1 ч. 149, Незеленовъ, 82.

[2]) Лѣтоп. р. лит., V, 96—110. Перечитывая бумаги масоновъ сразу видимъ, что даже послѣ смерти Шварцъ оставался центральной фигурой въ ихъ кругу, онъ велъ ихъ за собой, какъ убѣжденный проповѣдникъ, а они „безъ намѣренія“, по ихъ признанію, шли за нимъ (Лонгиновъ, 0107, Р. Ст., 1892, LXXIV: 561—2; Р. Арх., 1874, I, 1034—1036).

[3]) Hettner, Geschichte der deutsch. Litteratur, 3 Th., 2 B. („Das Zeitalter Friedrichs des Grossen“ 301—321), 312, 308. Perthes, „Das deutsche Staatsleben vor der Revolution“, Пыпинъ, В. Евр., 1867, IV т., 37—46.

наты старались проникать въ училища, распространяли книги, сближались съ обществомъ, на которое старались воздѣйствовать устно и письменно. Они прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы овладѣть симпатіями народныхъ массъ, привлекали къ ордену богатыхъ людей и лицъ высокопоставленныхъ, — все это должно было дать удобную почву для дѣятельности молодого поколѣнія, на которое особенныя надежды возлагались иллюминатами: они привлекали къ ордену способныхъ юношей и примѣняли къ нимъ своеобразную педагогическую систему. Такъ какъ нравственное совершенство особенно цѣнилось иллюминатами, то воспитаніе юношей сводилось къ „воспитанію сердца“: мораль, исторія и познаніе человѣка, — вотъ главныя науки; позже давались книги политическія и религіозныя. Такъ подготовлялись будущіе дѣятели, которые должны были совершенно переродить общество: въ этомъ будущемъ идеальномъ обществѣ всѣ люди дѣлались братьями, не было ни власти, ни рабовъ, ни капитала[1]), — на землѣ наступалъ золотой вѣкъ нравственности и просвѣщенія. Впрочемъ, иллюминаты рѣшительно боролись противъ обвиненія въ желаніи низвергнуть престолы и государства: они были противъ насилій[2]), хотя не отвергали, что всякая власть будетъ излишня въ томъ просвѣщенномъ и духовно очищенномъ обществѣ, которое рисовалось ихъ воображенію[3]). Это были сентиментальные политики-мечтатели, у которыхъ страсть XVIII в. къ фантастическимъ утопіямъ соединилась съ іезуитской организаціей. Въ короткое время они сумѣли овладѣть всей Европой. Вездѣ находили они друзей, и только въ лицѣ іезуитовъ, съ которыми они рѣшились бороться, встрѣтили они враговъ заклятыхъ и сильнѣйшихъ...

---

1) Hettner, 306—7, 311—312.

2) Ibid., 315.

3) Ibid., 312. Невольно удивляетъ насъ, конечно, то обстоятельство, что очень многіе владѣтельные князья германскіе были иллюминатами (Hettner, 315), но та эпоха такъ богата утопіями, мечтами, что сентиментальные владѣтели княжествъ германскихъ могли до французской революціи вѣрить въ возможность иллюминатскихъ разсчетовъ. Это было время, когда королямъ въ журналахъ совершенно серьезно предлагалось давать подданнымъ республиканское воспитаніе и, когда эти воспитанники политически созрѣютъ, то уйти съ престола среди благословеній освобожденнаго народа и хора благодарностей... (Lévy Bruhl, L'Allemagne depuis Leibniz, 220).

Рѣшились мы сблизить Шварца съ иллюминатами потому, что въ дѣятельности московскаго масонства его времени мы видимъ явленія совершенно параллельныя тѣмъ, что мы видѣли у заграничныхъ иллюминатовъ: привлеченіе богатыхъ людей (Татищевъ, Походяшинъ), высокопоставленныхъ (Павелъ Панинъ, Репнинъ, Куракинъ), сближеніе съ народомъ (устройство аптеки, раздача хлѣба), распространеніе книгъ (Новиковскія изданія, даровая раздача ихъ, широкая книгопродавческая дѣятельность), чтеніе лекцій проф. Шварцемъ и, наконецъ, воспитаніе юношей. И вся эта широкая просвѣтительная дѣятельность нашла себѣ мѣсто въ Москвѣ, ведетъ свое начало, несомнѣнно, отъ Шварца и не повторяется, напримѣръ, въ Петербургѣ у обыкновенныхъ масоновъ[1]).

Сопоставимъ съ этимъ тотъ фактъ, что Шварцъ былъ за границей во время процвѣтанія иллюминатства (Вельгельмсбадскій конгрессъ) и сблизился съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, который былъ иллюминатомъ[2]). Припомнимъ, что Шварцу не очень довѣряли московскіе масоны, что по ихъ желанію онъ даже далъ обѣщаніе не распространять среди нихъ какого-то ученія[3]). Его заграничной поѣздкой нѣкоторые масоны остались недовольны[4]). Новиковъ впослѣдствіи даже заявилъ, что онъ „слѣдилъ“ за Шварцемъ[5]). Наконецъ, ко всему этому присоединяется какая-то темная исторія — попытка заграничныхъ масоновъ (іезуиты?) чрезъ посредство Шредера отравить его[6])...

Все это, конечно, представляетъ богатую почву для подозрѣній. Но мало того: по признанію современниковъ, въ лекціяхъ своихъ Шварцъ бичевалъ политическія и цер-

---

1) Сходство въ судьбѣ моск. масоновъ и иллюминатовъ простирается до того, что начало преслѣдованія ихъ идетъ отъ іезуитовъ, которые почувствовали въ нихъ такихъ же враговъ, какъ въ иллюминатахъ. (Hettner, 317, Р. Арх. 1864, 890; Лонгиновъ, 230).

2) Hettner, 315. Въ то время иллюминатами были многіе профессора, писатели, государственные дѣятели. Въ рядахъ иллюминатовъ мы встрѣчаемъ даже имена Гёте, Гердера, Песталоцци... О иллюминатахъ въ Россіи тоже есть свѣдѣнія (Hettner, 315; Ешевскій, III, 538; Пекарскій, 81; Пыпинъ, В. Евр. 1867, IV т., 40, 46).

3) Лонгиновъ, 079. Вѣроятно, системы „строгаго наблюденія“ (стрикт-обсерванткіе градусы). (Ср. Лонгиновъ, 078, 079; Пекарскій, 80). Эта организація кружка (безусловное повиновеніе орденскимъ начальникамъ, взаимный надзоръ братьевъ) взята иллюминатами у іезуитовъ, и, такимъ образомъ, присуща тѣмъ и другимъ. Съ іезуитами Шварцъ общаго, конечно, ничего не имѣлъ.

4) Лонгиновъ, 081, 082.

5) Ibid., 085, 096.

6) Пекарскій, 71.

ковныя злоупотребленія[1]), нападалъ на монашество[2]); идеаломъ его была свобода духовная и политическая, — стало быть и въ этомъ отношеніи сходился онъ съ иллюминатами. Посмотримъ теперь, какую почву нашелъ онъ для своей пропаганды въ Москвѣ. Его либеральныя идеи, несомнѣнно, встрѣтили поддержку у московскихъ масоновъ: Новиковъ въ своихъ раннихъ журналахъ ратовалъ противъ крѣпостного права, стоялъ за свободу мысли, за просвѣщеніе и нападалъ на монашество[3]); Гамалѣя, этотъ „Божій человѣкъ", отпускающій на свободу крѣпостныхъ[4]), отдающій вору украденное[5]), является, съ политической точки зрѣнія, врагомъ рабства и сторонникомъ уравненія состояній; Лопухинъ въ тѣхъ же цѣляхъ уравненія капиталовъ, бралъ въ долгъ деньги для помощи бѣднымъ, но не отдавалъ долга, руководясь тѣмъ убѣжденіемъ, что, если ему деньги были даны, значитъ, онѣ были у заимодавца лишними[6]). Тотъ же Лопухинъ въ отношеніяхъ къ сектантамъ, на нашъ взгядъ, проявилъ болѣе, чѣмъ терпимость къ свободѣ совѣсти, — онъ проявилъ даже симпатію[7]).

Вотъ почему мы думаемъ, что просвѣтительная дѣятельность Шварца, на либеральномъ основаніи, могла встрѣтить сочувствіе московскаго кружка, но мы не смѣемъ утверждать, что московскіе масоны были „иллюминатами" *сознательно*. Напротивъ, они, *повидимому*, искренно трепещутъ при одномъ имени „иллюминатъ", они, *повидимому*, искренно отвергаютъ всякія политическія тенденціи въ своей дѣятельности, не замѣчая того, что ихъ либеральная просвѣтительная дѣятельность вела въ результатѣ къ политическому развитію русскаго общества. Эту странность можно объяснить лишь тѣмъ, что Шварцъ, которому открыто дѣйствовать было невозможно, былъ *тайнымъ* иллюминатомъ и, воспользовавшись просвѣтительнымъ движеніемъ русскаго общества, направлялъ его все-таки къ той цѣли, къ которой

1) Р. Арх., 1874, I, 1035.
2) Ibid. Вообще наружное благочестіе (истязаніе плоти, посты и пр.). См. его лекціи „О трехъ познаніяхъ" въ рукоп. отд. Имп. П. Библ., Q III, № 40, 53а.—54 л.; „воцарилась ложь" говоритъ онъ по этому поводу (ib.).
3) См. выше стран. 7.
4) Лопгиповъ, 163.
5) Ibid., 163.
6) Р. Арх., 1884, I, 151; 1873, 2150; III, 80.
7) Р. Арх., 1884, I, 91, 93, 95. Интересны выдержки изъ масонскихъ книгъ. Р. Арх., 1868 стран.: 1353, 1366, 1367 и др.

вели другіе иллюминаты своихъ адептовъ. Можно думать, что съ розенкрейцерами онъ сблизилъ московскихъ масоновъ только для того, чтобы удовлетворить суетному желанію нѣкоторыхъ масоновъ (Трубецкой, Тургеневъ) узнать алхимическіе секреты, но, кажется, ни онъ ни Новиковъ этими секретами ни мало не интересовались[1]).

Изъ всѣхъ масоновъ московскихъ ближе всего къ Шварцу по убѣжденіямъ и энергіи подходилъ Новиковъ. Опять таки повторяемъ, что нѣтъ никакихъ фактическихъ данныхъ утверждать объ открытой привязанности его къ иллюминатамъ, но, несомнѣнно, онъ ближе всѣхъ своихъ друзей подошелъ къ этому движенію. По крайней мѣрѣ, допросъ Новикова даетъ, на нашъ взглядъ, много подозрѣній противъ него: онъ, очевидно, знаетъ рискованныхъ тайнъ больше, чѣмъ другіе масоны[2]): въ своихъ отвѣтахъ, онъ многое валитъ на Шварца[3]), говоритъ, что подозрѣвалъ его[4]), что слѣдилъ за нимъ[5]); раньше другихъ онъ допускаетъ мысль, что онъ съ товарищами, *можетъ быть*, „обманутъ“[6]). Въ дѣятельности своей онъ идетъ нога-въ-ногу со Шварцемъ: издаетъ сочиненія не только мистиковъ, но и „зловредныя, развращающія добрые нравы“ сочиненія энциклопедистовъ (слова Платона)[7]), выпускаетъ въ свѣтъ, по собственному признанію, „мерзкія“ книги[8]), покупаетъ и распространяетъ либеральныя сочиненія[9]), самое дѣятельное участіе прини-

[1]) Въ отправленіи за границу Кутузова съ спеціально масонскими цѣлями Новиковъ участія не принималъ и, можно думать, не особенно имъ интересовался, — по крайней мѣрѣ, нѣтъ слѣдовъ его переписки съ Кутозовымъ. При Шварцѣ интересовъ къ алхиміи въ Москвѣ тоже не замѣтно. Въ рукописномъ экземплярѣ лекціи Шварца („О трехъ познаніяхъ, любопытномъ, пріятномъ и полезномъ), имѣющемся въ Имп. Публ. Библ., говорится о Каббалѣ, что знаніе ея излишне: „для спасенія нашего не познанія, но дѣйствія намъ нужны“ (Q III, № 40, 47 л.).

[2]) Это видно и по отвѣтамъ его, даннымъ Шешковскому, и по вопросамъ, ему заданнымъ: и числомъ, и сложностью они превышаютъ вопросы, данные другимъ масонамъ, которые, оказывается, знаютъ меньше Новикова (Лонгиновъ, 0118, 0132, 134 и др.). Вообще допросъ масоновъ производитъ такое впечатлѣніе, будто правительство, главнымъ образомъ, хотѣло уловить Новикова. Петербургскихъ масоновъ гоненія совсѣмъ не коснулись, они дѣйствуютъ открыто и послѣ заточенія Новикова. (Ешевскій, III, 109).

[3]) Лонгиновъ, 081, 082, 085, 098.

[4]) Ibid., 078, 079, 085.

[5]) Ibid., 079 и др.

[6]) Лонгиновъ, 0105. Важна его оговорка, показывающая, что онъ могъ сомнѣваться въ своихъ товарищахъ. (Лонгиновъ, 096).

[7]) Лонгиновъ, 035.

[8]) Лонгиновъ, 0111.

[9]) Лѣт. р. лит., V, 40, 35—6, 92.

маетъ въ сношеніяхъ съ Павломъ[1]), имѣетъ въ рукахъ бумаги, отъ которыхъ самъ приходитъ въ „ужасъ“, однако переписываетъ ихъ и сохраняетъ[2]). Онъ въ своихъ отвѣтахъ Шешковскому нѣсколько разъ хитритъ[3]), запирается[4]), говоритъ неправду[5]), невольно обличая самъ себя въ слѣдующихъ отвѣтахъ[6]) или будучи обличаемъ показаніями другихъ масоновъ[7]). Два раза давалъ онъ подписку, что не будетъ продавать запрещенныхъ книгъ, однако продавалъ[8]). Въ руки правительства попала писанная его (?) рукой бумага, въ которой запрещалось масонамъ преслѣдовать иллюминатовъ[9]). Есть, наконецъ, основанія думать, что правительствомъ, дѣйствительно, было перехвачено писанное къ нему письмо Вейсгаупта, основателя иллюминатскаго ордена[10])...

Все это относится къ московскому періоду масонства Новикова, т.-е. къ тому времени, которое началось знаком-

---

1) Лонгиновъ, 0128, 0129, 0142, 0138, 312—3. Сб. Р. Ист. О-ва, II, 117—119. Тихонравовъ, Соч. III, 1 ч., 273. Р. Ст. 1874, XI, 157—8.

2) Сб. Р. Ист. О-ва, т. II, 114, 118—9; Тихонравовъ, Соч. III, 1 ч. 273.

3) Напримѣръ, заявляетъ, что типографію взялъ „изъ гордости“ и „корыстолюбія“ (Лонгиновъ, 0101); въ переписку вступилъ „безъ намѣренія“ (?), (Лонгиновъ 091); книги продаетъ „изъ корыстолюбія“ (Лонгиновъ, 092); отговаривается часто тѣмъ, что „не помнитъ“, напр., причины отставки Шварца отъ У-та, (Лонгиновъ, 084).

4) Такъ онъ отрицалъ существованіе у масоновъ „присяги“ (Лонгиновъ, 090, 097; Ср. Ешевскаго, III, 496); не называетъ переводчика, который многое переводилъ. (Лонгиновъ, 0111).

5) Сб. Р. Ист. О-ва, т. II, 124, 116, 126, 127, 128. Шешковскій уличилъ его нѣсколько разъ (§ 5, 7, 12, 29, 27, 37).

6) Напримѣръ, въ отвѣтахъ Шешковскому онъ сказалъ, что былъ недоволенъ Шварцемъ, а въ письмахъ въ Петербургъ онъ восторгается имъ (Ешевскій, III, 470—1). Сказалъ, что „не помнитъ, какъ произошелъ союзъ съ Гагаринымъ“ (Лонгиновъ, 077—8), а ниже разсказалъ (Сб. Р. Ист. О-ва, II, 119).

7) Новиковъ отрицалъ, что присяга была передъ Евангеліемъ, а Тургеневъ подтвердилъ (Лонгиновъ, 0143). Сперва отвергалъ связь съ герцогомъ Кассельскимъ (Лонгиновъ, 091), потомъ призналъ (Сб. Р. Ист. О-ва, II, 119). Сперва отвергалъ связь съ Репнинымъ (Лонгиновъ, 0101), потомъ призналъ (Ibid, 0102), вообще Репнина выгораживалъ. (Р. Стар. 1880, XXVIII, 133, о масонствѣ Репнина: Р. Арх. 1872, 465—6, Masson Mémoires, I, 293; Р. Стар., 1880, II, 132—3; Панина, Р. Арх. 1864, 588). Говоритъ, что сношенія съ западными масонами были въ послѣднее время брошены, — между тѣмъ, въ Россію пріѣхалъ Шредеръ (Лонгиновъ, 085), Кутузовъ жилъ за границею. Наконецъ, существованіе присяги признано нѣкоторыми масонами (Лонгиновъ, 0119; Л. р. лит. V, 81; В. Евр. 1868, IV т., № 7, 185; Пекарскій, 88).

8) Лѣт. р. лит., V, 12; Лонгиновъ, 315.

9) Сб. Р. Ист. О-ва, II, 128; Вѣстн. Евр., 1872, I т., № 1, 193—4.

10) Р. Арх., 1875, III, 77; II, 285; 1875. Вообще, можно думать, онъ былъ хорошо освѣдомленъ касательно религіознаго и политическаго движенія Германіи, если даже тамъ, за границей, имя его было такъ популярно, что ему посвящались сочиненія.

ствомъ со Шварцемъ. Такимъ образомъ, съ переѣздомъ Новикова въ Москву стремленіе къ личному самосовершенствованію и нѣсколько отрѣшенный идеализмъ усложняются убѣжденнымъ служеніемъ русскому обществу съ самыми широкими просвѣтительными планами. Человѣкъ живой, всегда склонный къ практической дѣятельности, Новиковъ, конечно, и самъ не могъ остановиться на отвлеченномъ идеализмѣ: онъ былъ дѣятельнымъ идеалистомъ, который не боялся жизни, которому нужны были и больницы, и раздача хлѣба голоднымъ, и борьба со мракомъ. Убѣжденный въ томъ, что свобода мысли необходима для образованія[1]), даже подъ старость сохранившій убѣжденіе, что все то „мертво, что не имѣетъ движенія, понеже жизнь есть движеніе“, — Новиковъ легко поддался вліянію Шварца. Просвѣщенный „нѣмчикъ“ сблизился съ нимъ, сдѣлался „неразлучнымъ“ другомъ, энергично поддержалъ его и, быть можетъ, набросилъ на его дѣятельность легкую политическую окраску, слѣды которой можно уловить въ тѣхъ немногочисленныхъ данныхъ, которые дошли до нашихъ дней. Это время въ дѣятельности Новикова было самое блестящее. Полный энергіи, вѣры въ свое дѣло, видя поддержку друзей, онъ смѣло шелъ впередъ; въ это именно время вступилъ онъ въ открытую борьбу съ „просвѣщеннымъ абсолютизмомъ“. Сведя свои идеалы съ заоблачной вышины на землю, незамѣтно для себя, а, можетъ быть, и сознательно шелъ онъ къ политическому обновленію русскаго общества[2]) и, конечно, скоро столкнулся съ правительственной властью. Судя по *обнародованнымъ* документамъ, Екатерина не могла уличить его ни въ чемъ, но она, тѣмъ не менѣе, назвала его дѣятельность „неистовыми дѣлами“[3]), она заподозрила его въ „сокровенныхъ замыслахъ“[4]); въ глазахъ правительства Но-

---

[1]) Пезеленовъ, 198.

[2]) Правда, Новиковъ отвергалъ политическій характеръ своей дѣятельности, энергично ругалъ иллюминатовъ (Лонгиновъ, 076, 074), но мы рѣшительно отказываемся утверждать, насколько искрененъ онъ былъ въ этомъ случаѣ: или онъ былъ иллюминатомъ *сознательно* и отвергалъ, свою связь съ ними, руководясь убѣжденіемъ, что „цѣль освящаетъ средство“, что ради возвышенныхъ цѣлей иллюминатства можно было покривить душой (Р. Арх. 1874, I, 1033), — или онъ былъ иллюминатомъ, самъ того не зная и, имѣя объ иллюминатахъ представленіе, какъ о какихъ-то злодѣяхъ, цареубійцахъ, революціонерахъ, искренне отвергалъ всякую солидарность съ ними.

[3]) Лонгиновъ, 0150.

[4]) Лонгиновъ, 0115; Сб. Р. И. О-ва, II, 125.

виковъ былъ въ это время человѣкомъ „коварнымъ“[1]), „натуры острой, догадливой“[2]), съ характеромъ „смѣлымъ и дерзкимъ“[3]). Если Радищевъ казался опаснымъ для императрицы, то Новиковъ былъ „мартинистъ хуже Радищева“...

Со смертью Шварца наступаетъ третій и послѣдній періодъ масонства Новикова. Рядомъ подготовительныхъ репрессалій императрица подрѣзала крылья Новикову. Онъ одинъ оказался не въ силахъ вести Трубецкихъ и К° той дорогой, которой велъ ихъ вдвоемъ со Шварцемъ. Въ это время интересы къ просвѣтительной дѣятельности у товарищей Новикова уже охладѣваютъ; идеализмъ, сплотившій ихъ когда-то въ тѣсный кружокъ, отступаетъ на задній планъ; они увлекаются алхиміей, интересуются тайными науками, для изученія которыхъ посылаютъ за границу Кутузова. Масонскими дѣлами въ Москвѣ ворочаетъ авантюристъ Шредеръ, который, можетъ быть, дѣйствительно, былъ въ рукахъ іезуитовъ[4])... Какъ же относится Новиковъ къ новому теченію, обнаружившемуся въ московскомъ масонствѣ? По словамъ другихъ масоновъ, отношенія между ними и Новиковымъ сдѣлались натянутыми[5]); Новиковъ дѣлается скрытенъ[6]), онъ равнодушно относится къ дѣламъ ордена[7]), чуждается Шредера[8]), не интересуется Кутузовымъ[9]); со своей стороны, другіе масоны относятся къ нему холодно[10]), даже отзываются о немъ „отвратительно“[11])... Работа Новикова рушится съ каждымъ днемъ[12]), и, наконецъ, послѣдній ударъ былъ нанесенъ ему арестомъ.

Этотъ періодъ въ жизни московскаго масонства былъ періодомъ его разложенія: практическая дѣятельность въ кружкѣ

---

1) Лонгиновъ, 072.
2) Лѣт. р. лит. и др., V, 17; Сб. Р. И. О-ва, II, 103, 104, 107.
3) Лѣт. р. лит. V, 17; Лонгиновъ, 321.
4) Пыпинъ, В. Евр., 1867, т. IV 12; Лонгиновъ, 0109, 303; Пекарскій, 71.
5) Лонгиновъ, 0109. Это сказалось во время разбора дѣла: сама Екатерина замѣтила, что Новикова „одни извиняютъ, другіе обвиняютъ, но никто не оправдываетъ“ (Сб. Р. И. О-ва, II, 156).
6) Лонгиновъ, 0143, 0139, 085, 087.
7) Лонгиновъ, 085, 087; „В. Евр.“, 1872, № 1, 186.
8) Лонгиновъ, 086, 0108.
9) Ibid., 096. Сохранились письма Трубецкого, Лопухина и др. къ Кутузову, Новиковъ же, по этимъ письмамъ, представляется лицомъ, стоящимъ далеко отъ интересовъ Кутузова („Р. Ст.“, 1874, IX; 1896, LXXXVIII).
10) Лонгиновъ, 0109; „Сб. Р. Ист. О-ва“, II, 156; „Р. Ст.“, 1874, IX, 268.
11) Пекарскій, 91.
12) Болотовъ, IV, 524, 712, 193; „В Евр.“, 1872, № 1, 185.

почти прекратилась, взаимное довѣріе было поколеблено, частные интересы разошлись въ разныя стороны, вдобавокъ, чувствовалось приближеніе грозы...

Коротка оказалась исторія того движенія, которое началось въ Москвѣ около Новикова и Шварца, но слишкомъ замѣтны въ русской жизни слѣды, имъ оставленные.

Главный культурный интересъ Новикова заключается въ томъ прогрессивномъ характерѣ, который несомѣнно былъ ему присущъ въ блестящее время. Правда, размѣры и истинный характеръ этого либерализма не поддаются пока точному выясненію, — но, несомнѣнно, что распространеніе просвѣщенія съ либеральной окраской было главнымъ стремленіемъ Новикова и Шварца: изданія перваго и лекціи второго доказываютъ намъ, что въ ихъ глазахъ пропаганда масонства занимала въ то время второе, если не третье мѣсто: Новиковъ печатаетъ книги по исторіи, педагогикѣ, географіи, политикѣ[1]), Шварцъ читаетъ русскому обществу лекціи по философіи исторіи и эстетикѣ, психологіи и литературѣ[2]). Вмѣстѣ съ французскими философами питали оба ненависть къ деспотизму власти и мысли, фанатизму, суевѣрію[3]). Религія рисовалась этимъ мечтателямъ и ихъ друзьямъ очищенной отъ позднѣйшихъ наслоеній, возстановленной въ томъ видѣ, какой она была въ апостольскія времена[4]). Вотъ почему замѣчаемъ мы у масоновъ тяготѣніе къ сектантамъ[5]), интересъ ко всякому проявленію сомнѣнія на религіозной почвѣ — и почему, съ другой стороны, современники сближали ихъ съ гернгутерами[6]), съ „раскольниками“[7]), почему масонскимъ книгамъ приписываютъ зарожденіе у насъ секты „духоносцевъ“[8]), почему въ дѣятельности Новикова видѣли стремленіе къ „низложенію православія“[9]), почему, наконецъ, въ глазахъ простого

---

[1]) См. у Лонгинова списки напечатанныхъ Новиковымъ книгъ.
[2]) Тихонравовъ, Соч. III, ч. 1, 64, 66, 75, 76, 77, 80.
[3]) „Р. Арх.“, 1868 г., 1336, 1353, 1366, 1367; 1874 г., I, 1035.
[4]) Пекарскій, 70; „Р. Ст.“, 1894, LXXXII, „Наши мистики-сектанты“; Тихонравовъ, Соч. III т., I ч., 267—8.
[5]) „Р. Арх.“, 1884, I, 86—87, 94. Пекарскій, 78.
[6]) „Р. Ст.“, 1892, LXXIV, 565; Пекарскій, 78.
[7]) „Р. Арх.“, 1895, I, 480; Лонгиновъ, 261, 288; „Р. Арх.“, 1866, 73, 74—75, „Р. Арх.“, 1892, II, 548.
[8]) „Р. Арх.“, 1868, 1345, 1348.
[9]) „Р. Стар.“, 1892, LXXIV, 562 (слова Шварца).

народа нѣкоторые сектанты отождествились съ франкмасонами...

Въ политическомъ отношеніи Новиковъ, несомнѣнно, тоже былъ изъ людей свободомыслящихъ: вѣроятно, „заманчивыя“ слова: „равенство, братство и свобода“—были дороги и ему, какъ многимъ его великимъ современникамъ[1]). По крайней мѣрѣ, на эту мысль наводятъ насъ, съ одной стороны, такіе факты, какъ, напримѣръ, присутствіе въ масонскихъ изданіяхъ книгъ политическаго содержанія[2]), горячее участіе Новикова въ поднесеніи конституціоннаго плана наслѣднику[3]), и, съ другой стороны, мнѣніе многихъ современниковъ, что Новиковъ и его друзья были „политическими дѣятелями“[4]), приписываніе масонамъ мечты о переустройствѣ общества[5]), симпатій къ общинному строю[6]), желаній устроить колонію на новыхъ началахъ гдѣ-то около Китая... Наконецъ, важенъ и тотъ фактъ, что императрица, столкнувшись съ Новиковымъ, столкнувшись со сложной кружковой организаціей, съ заграничными сношеніями, съ тайнами, съ самой широкой дѣятельностью, захватившей даже углы Россіи и всѣ слои ея, усмотрѣла именно политическій смыслъ въ общественной дѣятельности Новикова и, убоявшись того, что „не справится съ нимъ“[7]), прибѣгла къ самымъ крутымъ мѣрамъ...

Впрочемъ, если русское общество и замѣтило политическую окраску въ дѣятельности Новикова, то оно въ этомъ отношеніи не подверглось съ его стороны серіозному вліянію. На русское общество и Новиковъ, и Шварцъ смотрѣли, повидимому, какъ на молодежь, еще не доросшую до „политическаго“ воспитанія, молодежь, которую еще надо духовно

---

[1]) „Р. Стар.“, 1874, IX, 467; Тихонравовъ, Соч. III, I ч., 264, 267. Не даромъ современники сопоставили Новикова съ Франклиномъ (въ Германіи Франклиномъ называли Мозера, политическаго дѣятеля). Принадлежащая намъ рукопись, носящая заглавіе: „Нѣкоторыя черты жизни Н. И. Н(овикова) и С. С. Г(амалѣи)“ начинается такъ: „Два человѣка дѣйствовали въ одно время на обоихъ полушаріяхъ земли, *для одной цѣли*—Франклинъ и Новиковъ“ и т. д.

[2]) Лѣтоп. р. лит. V, 92 и др.

[3]) Тихонравовъ, Соч. III, I ч. 273.

[4]) Лонгиновъ, 246, 301; Пушкинъ, Собр. соч., V, 351; „Р. Арх.“, 1868, 1336; 1876, III, 273; 1875, III, 76; „Р. Стар.“, 1896, LXXXVIII, 316, 317, 318, 319; 1877, XVIII, 657.

[5]) Сб. Р. И. Общ. II, 105, 108; Лонгиновъ, 60.

[6]) Сб. Р. И. Общ. II, 108.

[7]) „Р. Стар.“, 1872, V, 146.

воспитать, морально переродить, а потому либерализмъ Новикова только проскальзываетъ въ его дѣятельности, не переходя въ рѣшительную пропаганду и не поддаваясь точному опредѣленію изслѣдователя.

Почти исключительное вниманіе Новикова и Шварца было обращено на нравственное совершенствованіе русскаго общества, на подготовленіе этимъ путемъ его къ политической жизни, — и, въ этомъ отношеніи, они, дѣйствительно, повліяли на русское общество: дѣятельность этихъ просвѣтителей XVIII вѣка внесла освѣжительную струю въ жизнь Россіи. Даже въ провинцію нахлынули книги „съ направленіемъ“, — съ яркой и энергичной проповѣдью идеализма, — съ ними сразу поднялся духовный уровень Россіи: въ нѣкоторыхъ мемуарахъ XVIII в. замѣчаемъ мы появленіе новыхъ людей, созданныхъ Новиковскимъ движеніемъ[1]).

Особенно осязательные слѣды оставило масонство на тѣхъ юношахъ, которые были имъ воспитаны[2]). Въ этомъ отношеніи, конечно, особенно важна дѣятельность Шварца: „день и ночь“ работалъ этотъ неутомимый труженикъ на пользу русскаго юношества[3]); ради него онъ отказался отъ своихъ книгъ[4]), которыя всѣ были подѣлены между слушателями, отказывался отъ отдыха и покоя... Немудрено, что отзывчивые юноши „полюбили его“[5]); немудрено, что самоотверженный педагогъ былъ замѣченъ въ Москвѣ многими[6]).

---

[1]) Напр., Второвъ („Отецъ и Сынъ“), „Р. Вѣсти.“, 1875, № 4, 499, 502, 503, 530. В. Панаевъ („В. Евр.“, 1867, III, сент., 203, 199). Новиковъ въ юности былъ секретаремъ въ комиссіи по образованію „средняго рода людей“ (Лонгиновъ, 13), и всю свою жизнь отдалъ образованію этого средняго рода людей своими изданіями. Кромѣ литературной и издательской дѣятельности, на русское общество большое впечатлѣніе произвела и самая личность Новикова: это ясно сказалось въ тѣхъ отзывахъ о немъ, которые дошли до насъ отъ его современниковъ. (Рунічъ, „Р. Стар.“, 1896, LXXXVIII, 311—2, 313, 310; Витбергъ, „Р. Стар.“, 1872, V, 560; Евгеній, Словарь, II, 105; П(ванчинъ)-П(исаревъ), „Отеч. Зап.“, 1840, т. 8, 6—7; Дмитріевъ II., Соч., II, 27—30; Вигель, II, 215; С. Глинка, 12, 15; Болотовъ, Памятникъ, 9; Муравьевъ, Соч. 372).

[2]) Вообще многіе масоны московскіе (Новиковъ, Лопухинъ, Тургеневъ) сильное вліяніе имѣли на своихъ слушателей: несомнѣнно, въ ихъ рѣчахъ было много фанатической убѣжденности. (Библ. Зап. I, 646, 648, 649 и др.).

[3]) Тихонравовъ, Соч. III, I, 61.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid.

[6]) Ibid., Впрочемъ, у Шварца было не мало и враговъ: даже между масонами встрѣчаемъ мы заклятыхъ его противниковъ (напр., Елагинъ). Пекарскій, 94—5, 81, 100, 102; „Р. Арх.“, 1874,I, 1034).

„Райскія минуты“, по собственному признанію, позналъ онъ, видя въ окружающемъ его обществѣ, жажду просвѣщенія[1]).

Чему же училъ Шварцъ своихъ учениковъ? Прежде всего, повидимому, онъ въ строгой системѣ заставлялъ учениковъ изучать новые языки[2]), затѣмъ онъ позаботился о знакомствѣ ихъ съ современной нѣмецкой и англійской литературой[3]). Знанія по эстетикѣ, психологіи, всеобщей литературѣ[4]) должны были дать его ученикамъ пониманіе произведеній искусства и развитіе эстетическаго чутья. Лекціи по философіи исторіи[5]) должны были осмыслить въ глазахъ юношей современную политическую жизнь, помогали выработкѣ міровоззрѣнія. Наконецъ, совмѣстный разборъ съ учениками сочиненій энциклопедистовъ[6]) училъ сознательному отношенію къ книгамъ, разумному чтенію. По словамъ его ученика, „простое слово Шварца исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось, тогда весь умъ заключался“, — но въ то же время, „разбирая Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ламетри и пр.“, онъ „училъ находить и достоинство каждаго“[7]). Изъ этихъ словъ очевидно, что Шварцъ былъ противникомъ лишь того легкаго поверхностнаго вольнодумства, которое тогда увлекало россійскихъ невѣжественныхъ „вольтеріанцевъ“, но что во французской философіи онъ находилъ много назидательнаго.

Изъ своихъ учениковъ Шварцъ расчитывалъ сдѣлать просвѣщенныхъ проповѣдниковъ идеализма[8]). И мы знаемъ, что цѣлый рядъ его старшихъ учениковъ сдѣлался священниками и, вѣроятно, по разнымъ угламъ Россіи разнесъ слова своего учителя[9]).

---

[1]) Ibid., 62.
[2]) Тихоправовъ, Соч. III, 1 ч., 62.
[3]) Ibid., 66.
[4]) Ibid., 64, 77, 76.
[5]) Ibid., 75,
[6]) Ibid., 75.
[7]) Ibid., 75, 43. Противъ франц. философіи см. его лекціи „О трехъ познаніяхъ“, хранящіяся въ рукоп. отд. Им. Н. Библ. Q III, № 40, л. 64, 74; также „рѣчи F III, № 47, 31а, 37а.
[8]) Ешевскій, III, 419; Лонгиновъ, 137.
[9]) Лонгиновъ, 0111, „Р. Ст.“, 1888, LIX, 428; 1884, I, 50, 54—5, 16; Сб. Р. Ист. Общ., II, 105; „Р. Ст.“, 1894, LXXXII, 120 (о просвѣщен. духовенствѣ русскомъ того времени, ibid., 118—9 и др.).

Ранняя смерть Шварца разстроила дѣло, затѣянное имъ широко и умѣло: не нашлось человѣка, который бы смогъ замѣнить его. Единственно, что это время поддерживало еще оспротѣвшую молодежь, — это память объ усопшемъ учителѣ: жила еще традиція, помнились еще слова Шварца, недавно звучавшія, переписывались и затверживались его лекціи[1]).

Сиповскій.

Арестъ Новикова и слѣдствіе надъ нимъ въ Москвѣ.

Первые мѣсяцы 1792 году были для Новикова и товарищей его затишьемъ передъ бурею. Дѣятельность ихъ прекратилась, и казалось, что все прошлое должно было бы предаться забвенію. Но особенныя обстоятельства навлекли на нихъ неожиданно тяжкій и послѣдній ударъ.

Никакое историческое событіе, какова бы ни была степень его важности, не бываетъ послѣдствіемъ какой-либо одной причины. Оно подготовляется различными обстоятельствами, въ числѣ которыхъ есть и почти неуловимыя для изслѣдованія, и всѣ они, въ совокупности, производятъ въ данную минуту извѣстный результатъ. Но это не мѣшаетъ тому, что въ сочетаніи этихъ причинъ существуетъ одна важнѣйшая, или же выдвинутая впередъ случайностями минуты и служащая ближайшимъ поводомъ къ совершенію даннаго событія.

Такъ случилось и въ дѣлѣ Новикова. Читателямъ уже извѣстно неблагорасположеніе императрицы къ дѣйствіямъ и ученіямъ мартинистовъ, ея опасенія, возраставшія по мѣрѣ того, какъ разгоралась революція во Франціи и пр.. Но тому, кто внимательно разбираетъ запутанныя нити, изъ которыхъ сплеталась сѣть разсказанныхъ нами происшествій, нельзя не убѣдиться, что въ ту минуту, до которой дошло наше повѣствованіе, рѣшеніе судьбы Новикова и его друзей было всего болѣе послѣдствіемъ подозрѣній, возбужденныхъ въ Екатеринѣ отношеніями ихъ къ ея наслѣднику.

---

[1]) Въ рукоп. отд. Имп. Публ. Библ. кромѣ лекцій Шварца „О трехъ познаніяхъ“ (Q III, № 40) и „рѣчей“ (F III, № 47) имѣется еще конспектъ его масонскихъ бесѣдъ, подъ названіемъ: „Разныя замѣчанія покойнаго Шварца“ (O III, № 112). Къ сожалѣнію, лекцій по литературѣ, философіи, исторіи, повидимому, не имѣется.

Мы теперь не въ состояніи представить себѣ вполнѣ той важности, которую имѣли тогда эти подозрѣнія. Но въ то время и для императрицы и для ея наперсниковъ дѣло это имѣло особенное значеніе. Соображая всѣ данныя по этому дѣлу, нельзя, кажется, сомнѣваться, что въ апрѣлѣ 1792 года государынѣ сдѣлались положительно извѣстны переговоры Новикова съ Бажановымъ о вступленіи мартинистовъ въ сношенія съ великимъ княземъ. Мы не знаемъ, какъ именно это случилось, тѣмъ болѣе, что переговоры по этому случаю происходили за нѣсколько лѣтъ. Но бумага относительно этого предмета, переданная Бажановымъ Новикову еще въ 1787 году, какимъ-то образомъ попалась въ руки императрицы и, конечно, вызвала съ ея стороны рѣшеніе принять строгія мѣры.

Но истинная причина такого рѣшенія не могла быть, для соблюденія приличій, выставлена прямо на видъ. Она обнаруживается только впослѣдствіи изъ системы, принятой для веденія дѣла и клонившейся къ тому, чтобы всѣ допросы сходились къ одному пункту: открытію сношеній съ великимъ княземъ, въ которыхъ подозрѣвались мартинисты.

Поэтому офиціальный предлогъ для преслѣдованія Новикова былъ найденъ въ другой сферѣ, болѣе благовидной и вѣроподобной по характеру его дѣятельности, именно — издательской.

Князь Прозоровскій получилъ указъ императрицы отъ 13 апрѣля 1792 г., сущность котораго состояла въ слѣдующемъ.

Недавно появилась въ продажѣ книга, напечатанная церковнымъ шрифтомъ и заключающая въ себѣ разныя раскольническія сочиненія, противныя духу православія и правительству. Заглавный листъ ея выдранъ; но въ другихъ подобныхъ книгахъ значится, будто онѣ изданы въ Гроднѣ. Однако можно полагать, что онѣ печатаются въ Москвѣ, скорѣе всего у Новикова, который, „какъ слышно“, завелъ у себя въ подмосковной типографію, независимо отъ Московской. Вслѣдствіе этого предписывается командировать въ эту подмосковную одного изъ совѣтниковъ судебныхъ палатъ и изъ засѣдателей верхняго земскаго суда, которые должны произвести тамъ внезапный обыскъ. Если при этомъ найдены будутъ упомянутая книга или церковные шрифты, то это

послужитъ достаточнымъ доказательствомъ тому, что Новиковъ ея издатель и тогда онъ долженъ лишиться права содержать типографію и подвергнуться взысканію за нарушеніе законовъ. Для открытія же истины Новикова слѣдуетъ „взять подъ присмотръ и допросить“, а также изслѣдовать, какимъ образомъ, не бывши владѣльцемъ наслѣдственнаго значительнаго имѣнія, онъ считается теперь человѣкомъ весьма достаточнымъ и можетъ ли доказать при этомъ свое „безкорыстное поведеніе“. Наконецъ, Прозоровскому предписывалось донести обо всемъ, что откроется, „обстоятельно и немедленно“.

Князь Прозоровскій достигъ своей цѣли. Ненавистные ему мартинисты были въ его рукахъ. Онъ ожидалъ, что истребленіе этой вредной секты доставитъ ему щедрыя награжденія и громкую славу.

Онъ получилъ 18-го апрѣля указъ императрицы и приказалъ прежде всего одному „довѣренному человѣку изъ благородныхъ людей“, не открывая ему, впрочемъ, ничего, съѣздить въ лавки и стараться купить книгу, о которой шла рѣчь. Это была уже упомянутая нами подъ 1788 годомъ, „Исторія о отцахъ и страдальцахъ Соловецкихъ“, къ которой присоединены были и другія раскольничьи сочиненія. Довѣренный человѣкъ привезъ какую-то книжку о раскольникахъ, но другую и вмѣстѣ съ тѣмъ экземпляръ запрещенной „Новой киропедіи“, которой всѣ экземпляры были конфискованы, почему Прозоровскій заключилъ, что Новиковъ противозаконно перепечаталъ ея потомъ вновь.

Арестованіемъ Новикова онъ пріостановился по случаю наступленія дня рожденія императрицы, 21-го апрѣля. Но онъ далъ приказаніе совѣтнику уголовной палаты Дмитрію Адамовичу Олсуфьеву, губернскому уголовному стряпчему Данилову и засѣдателю земскаго суда Писареву явиться 22-го числа въ подмосковную Новикова Авдотьино, чтобы произвести тамъ обыскъ, а самого Новикова привезти къ главнокомандующему.

Вечеромъ въ этотъ день былъ у Прозоровскаго, по случаю дня рожденія государыни, большой балъ, на которомъ присутствовалъ, между прочими, князь Н. В. Репнинъ. Вѣсть о готовящейся мартинистамъ невзодѣ не могла остаться тайною для нѣкоторыхъ довѣренныхъ лицъ и по секрету дошла на

балѣ до Репнина. Говорятъ, что, услышавши ее, онъ поблѣднѣлъ и послѣ весь вечеръ былъ разстроенъ. Конечно, это происходило и отъ участія его къ судьбѣ своихъ единомышленниковъ и отъ безпокойства на счетъ самого себя.

Утромъ 22-го апрѣля Олсуфьевъ, въ сопровожденіи Данилова и Писарева, прибылъ въ Авдотьино. Онъ объявилъ Новикову данное ему отъ Прозоровскаго предписаніе и приступилъ къ обыску. Всѣ бумаги и книги Новикова были конфискованы. Въ томъ числѣ было захвачено двадцать три печатныхъ изданія, въ листахъ безъ переплета, которыя были увезены изъ Москвы въ 1786 году въ деревню князя Черкасскаго, а потомъ были спрятаны у Новикова. Но въ домѣ его не нашлось никакихъ признаковъ типографскаго производства ни церковныхъ литеръ. По словамъ Олсуфьева, это происшествіе произвело чрезвычайно сильное потрясеніе въ Новиковѣ. Съ нимъ сдѣлались спазмы и частые обмороки, такъ что онъ просилъ позволенія исповѣдаться и пріобщиться, что ему однакоже не разрѣшили. Однако Олсуфьевъ нашелъ положеніе его опаснымъ и рѣшился оставить его на дому, подъ присмотромъ Никитскаго городничаго съ его командой и на медицинскомъ попеченіи жившаго въ Авдотьинѣ Багрянскаго; самъ же Олсуфьевъ возвратился въ Москву съ забранными книгами и бумагами, которыя и доставилъ главнокомандующему 23-го апрѣля.

День 22-го апрѣля надѣлалъ много тревоги и въ самой Москвѣ. Оберъ-полиціймейстеръ и полиціймейстеръ произвели обыскъ въ бывшемъ Гендриковскомъ домѣ; прокуроръ Колычевъ и частный приставъ Ивановъ — въ книжной лавкѣ Новикова и магазинѣ „типографіи“; совѣтникъ казенной палаты Буланинъ и частные пристава Семеновъ и Пименовъ — во всѣхъ вольныхъ книжныхъ лавкахъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ найдены была не показанныя въ печатныхъ каталогахъ, 20 книгъ, скрытно продававшихся, хотя и запрещенныхъ въ 1786 и 1787 годахъ и 48 книгъ, печатанныхъ безъ указнаго дозволенія. Поэтому хозяева лавокъ были взяты подъ стражу, а лавки ихъ всѣ запечатаны. Прозоровскій сейчасъ же сталъ допрашивать книгопродавцевъ. Всѣ они, кромѣ одного, сначала хотѣли скрыть, что получили эти книги отъ Новикова, но потомъ сознались и сказали, что развозили ихъ по ярмаркамъ. Исключеніе составилъ москов-

скій купецъ 2-й гильдіи Никита Никифоровичъ Кольчугинъ, имѣвшій три своихъ книжныхъ лавки и вмѣстѣ съ тѣмъ бывшій съ 1790 года приказчикомъ въ лавкѣ Новикова у Никольскихъ воротъ. Онъ прямо показалъ истину и сознался, что запрещенныхъ книгъ хранится на сумму до 5000 рублей въ кладовыхъ гостинаго двора и на суконной фабрикѣ, заведенной на старомъ Кодашевскомъ монетномъ дворѣ, за Москвой рѣкой. Прозоровскій велѣлъ разбирать всѣ книги въ лавкахъ и особо откладывать запрещенныя. Но суду торговцевъ онъ не предалъ, ожидая повелѣнія императрицы. Онъ арестовалъ только Новиковскаго приказчика Кольчугина и сидѣльцевъ книжной лавки Новикова, къ опечатанному дому котораго былъ тогда же приставленъ, въ ожиданіи его привоза въ Москву, караулъ при офицерѣ.

Прозоровскій считалъ ненадежнымъ Никитскаго городничаго, подъ надзоромъ котораго оставленъ былъ Новиковъ въ Авдотьинѣ, а потому и отправилъ туда 23-го числа, по пріѣздѣ Олсуфьева, маіора гусарскихъ эскадроновъ князя Жевахова, подъ начальствомъ котораго было 12 гусаръ, при оберъ и унтеръ-офицерѣ и капралѣ. Жевахову приказано было караулить Новикова и привести его въ Москву, какъ только позволитъ его здоровье. Обо всемъ, что сказано выше, Прозоровскій донесъ государынѣ 24-го апрѣля, присовокупляя, что онъ взялъ себѣ въ помощь губернатора Лопухина, для разбора бумагъ Новикова. При этомъ онъ просилъ ее, чтобы на слѣдствіе присланъ былъ тайный совѣтникъ Шешковскій, „какъ къ таковымъ производствамъ пріобыкшій“.

Жеваховъ съ командою прибылъ въ Авдотьино 24-го числа. Тамошніе крестьяне съ изумленіемъ и испугомъ увидѣли отрядъ гусаръ, бывшихъ тогда диковинкою въ отдаленныхъ деревняхъ, спускающимся съ горы къ сторонѣ Коломенской дороги. Жеваховъ вошелъ въ домъ и нашелъ Новикова въ болѣзненномъ состояніи; онъ нерѣдко падалъ въ обморокъ. Однако, часа черезъ два Новикова посадили въ кибитку и повезли въ Москву подъ конвоемъ. Крестьяне горько плакали о несчастіи, постигшемъ любимаго ими помѣщика, и когда вѣсть о томъ разнеслась по окрестности, сосѣди поражены были унынiемъ и ужасомъ; они любили и уважали Новикова, который оказывалъ имъ разныя услуги. Экспедиція Жевахова имѣла страшныя послѣдствія для дѣтей Новикова. Отъ страха

сынъ его пораженъ былъ эпилепсіей, отъ которой страдалъ всю жизнь, и старшая дочь впала въ неизлѣчимую болѣзнь; дѣти Новикова и два племянника его Хрущовы остались въ Авдотьинѣ, гдѣ поселился гусарскій офицеръ съ четырьмя гусарами, для караула, чтобы оттуда ничто не было вывезено.

Жеваховъ привезъ Новикова прямо къ князю Прозоровскому; который тутъ же снялъ съ него первый допросъ. Въ отвѣтахъ своихъ Новиковъ показалъ: Источники основного капитала „Типографической компаніи“, состояли изъ денежныхъ вкладовъ на сумму 57.500 руб. и книгъ на 80.000 руб. Члены компаніи черезъ обороты ея получали средства строить зданія и учреждать разныя заведенія; на занятыя у Походяшина безъ процентовъ 50.000 руб. выкуплено его имѣніе. Долгъ въ 300.000, числящійся на „Компаніи“, сдѣланъ подъ залогъ имѣній князя Черкасскаго и Кутузова и двухъ домовъ въ Москвѣ, а частью по векселямъ. Имущество „Компаніи“, состоявшее въ книгахъ, въ Гендриковскомъ домѣ, въ типографіи и въ аптекѣ, общею цѣною до 150.000 и въ прежнемъ Новиковскомъ домѣ, стоящемъ 30.000 р. Запрещенныя книги были выдаваемы Кольчугину для продажи, въ чемъ Новиковъ сознаетъ свою вину. Духовныя книги печатались болѣе потому, что на нихъ увеличилось требованіе и цензуровались они съ отмѣткой о дозволеніи печатать ихъ духовными лицами, а затѣмъ, послѣ отказовъ сихъ послѣднихъ отъ цензуры, полицейскими или университетскими чиновниками.

Говорятъ, будто невѣжество Прозоровскаго было такъ велико, что, допрашивая Новикова, онъ взялъ какую-то изъ отобранныхъ у него книгъ и указывая цифры, обозначавшія въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту ссылки на главы и стихи книгъ св. писанія, сказалъ: „вотъ тутъ, подъ этими условными знаками, скрываются ваши зловредные замыслы и преступныя ученія; но все это теперь откроется“.

Рапортуя императрицѣ о ходѣ дѣла, Прозоровскій отъ 26-го апрѣля доносилъ ей, что „мало видалъ человѣка столь коварнаго и лукаваго“, какъ Новиковъ, что онъ „натуры острой, догадливый“, имѣетъ „характеръ смѣлый и дерзкой; робѣетъ, но не замѣшивается“, такъ что въ теченіе трехъ часовъ отъ него едва можно было добиться вышеприведен-

ныхъ показаній. Поэтому Прозоровскій просилъ опять государыню прислать Шешковскаго для производства дознанія, такъ какъ онъ одинъ Новикова „открыть не можетъ“ ни по типографскимъ ни по масонскимъ дѣламъ.

Однако Прозоровскій содержалъ Новикова подъ арестомъ въ его домѣ, потому что онъ былъ нездоровъ и въ указѣ было сказано: взять его подъ присмотръ, „если окажутся литеры“, но этихъ литеръ не нашлось. Багрянскій раздѣлялъ заточеніе Новикова и лѣчилъ его. Но подозрительность Прозоровскаго была такъ сильна, что онъ письменно приказалъ приставленному смотрѣть за Новиковымъ и его домомъ Желахову, позволить Багрянскому прописывать для Новикова лѣкарство лишь при себѣ и прежде чѣмъ посылать рецепты въ аптеку, доставлять ихъ на просмотръ въ канцелярію главнокомандующаго.

Въ тотъ же день, 26-го апрѣля, вечеромъ Прозоровскій допрашивалъ Кольчугина и наборщика Степана Ильинскаго, имѣвшихъ въ ближайшемъ завѣдываніи типографію „Компаніи“. Онъ обѣщалъ имъ милость государыни, если они скажутъ правду. Кольчугинъ заявилъ себя раскольникомъ, подавшимъ митрополиту просьбу о присоединеніе его къ православію. Затѣмъ онъ разсказалъ извѣстныя уже читателю обстоятельства о своей торговлѣ, о сношеніяхъ своихъ съ Новиковымъ, о продажѣ запрещенныхъ книгъ и, признавши себя виновнымъ, прибавилъ, что давно уже просилъ Новикова, чтобы онъ его отпустилъ, боясь отвѣтственности, но безуспѣшно. О расчетахъ „Компаніи“ и Новикова съ Походяшинымъ онъ сказалъ только то, что знаетъ по слухамъ. Ильинскаго Прозоровскій призналъ принадлежащимъ къ „обществу“ мартинистовъ и получилъ отъ него слѣдующія показанія о пяти книгахъ, а именно: „Метафизики“ (Божественной) было печатано 300 экземпляровъ, хранящихся у типографщика Салькова, въ Гендриковскомъ домѣ; за напечатаніе „Моральнаго Катихизиса“ (Ф. Масоновъ) въ 200 экземплярахъ Лопухинъ далъ ему двойную плату и обѣщалъ выхлопотать ему офицерскій чинъ. За печатаніе французской книги „Оргія“ тоже дана ему была Новиковымъ особая плата. „Христіанская ручная книжка“, часть I, и „Посланіе Іакова“ были напечатаны въ компанейской типографіи, но о нихъ онъ ничего не знаетъ.

Въ тотъ день Прозоровскій вторично допрашивалъ и Новикова. Послѣдній долженъ былъ объяснить, какимъ образомъ имущество „Типографической компаніи“ превосходило въ 1792 году на знатную сумму тотъ капиталъ, который былъ въ нее положенъ при ея основаніи. Новиковъ указалъ на то, что имущество это увеличилось поступленіемъ въ компанію дома его у Никольскихъ воротъ, передачею въ нее книгъ, имъ напечатанныхъ прежде, съ уступкою 25 процентовъ, производствомъ оборотовъ не вдругъ, а по частямъ, доходами отъ типографіи, „почти единственной въ цѣломъ государствѣ“, платежемъ кредиторамъ книгами вмѣсто денегъ, продажею изданій „Компаніи“, изъ которыхъ многія, особенно учебныя, имѣли обширный расходъ, при сбавкахъ въ цѣнахъ и разсрочкахъ уплатъ при ихъ покупкѣ. При этомъ Новиковъ показалъ, что доходы Компаніи простирались ежегодно на сумму свыше 40.000 руб., а иногда доходили слишкомъ до 80.000, но что обстоятельства заставляли иногда „Компанію“ входить въ долги, накоплявшіеся постепенно. О расчетахъ по аптекѣ Новиковъ отозвался, что эта часть не ему была поручена.

Затѣмъ Новиковъ объяснилъ уже извѣстныя читателю свѣдѣнія о книгахъ, запрещенныхъ въ 1786 году и найденныхъ у него въ деревнѣ, отрицая дурные умыслы при ихъ печатаніи, но сознавая себя виновнымъ въ томъ, что скрывалъ ихъ, а равно и въ томъ, что другія запрещенныя книги продавались, чему причиною было то, что экземпляры ихъ уцѣлѣли, ускользнувши отъ осмотра въ его кладовой, а отбирались они только въ лавкахъ.

Между тѣмъ новое обстоятельство повредило Новикову. Прозоровскій, допрашивая наборщика Ильинскаго, убѣдился, что онъ упорствуетъ въ сокрытіи истины, будучи самъ принятъ въ „сообщество“ мартинистовъ, а потому приказалъ двумъ своимъ подчиненнымъ еще допросить его. Послѣ этого допроса Ильинскій успѣлъ вынуть изъ кармана перочинный ножикъ и перерѣзалъ себѣ горло, которое ему однако зашили. Это отнесено было къ фанатизму, который поселялъ Новиковъ въ своихъ адептахъ.

Обо всемъ этомъ Прозоровскій донесъ императрицѣ 28-го апрѣля, при чемъ сообщилъ, что грозилъ Новикову, въ случаѣ запирательства, перевести его въ тайную экспе-

дицію и не давать ему ѣсть. Тутъ Прозоровскій въ третій разъ просилъ прислать въ Москву Шешковскаго.

Между тѣмъ первый рапортъ Прозоровскаго отъ 24-го апрѣля былъ показанъ императрицей Платону Зубову и переданъ потомъ Шешковскому, у котораго сосредоточивались секретныя дознанія. Мая 1-го Екатерина подписала указъ главнокомандующему, въ которомъ одобряла всѣ его распоряженія и повелѣвала ему изслѣдовать, какимъ образомъ Новиковъ смѣлъ торговать запрещенными книгами, дѣйствительно ли онъ и товарищи его завлекали съ корыстною цѣлію слабыхъ людей въ свое общество, подъ личиною благочестія, а также собрать свѣдѣнія о службѣ Новикова, и о томъ, сколько было у него имѣнія „до вступленія въ нынѣшій промыселъ“, сколько онаго состоитъ и какъ онъ пріобрѣлъ его. Къ этому присовокуплялось приказаніе: если Новиковъ будетъ уличенъ въ упомянутыхъ выше преступленіяхъ, то отдать его подъ судъ и по рѣшеніи дѣла во всѣхъ инстанціяхъ, представить его на ревизію въ Сенатъ.

Читатели видѣли, что Прозоровскій уже сдѣлалъ безъ предписанія то, что ему поручалось въ этомъ указѣ. Онъ продолжалъ писать свои донесенія, которыя наполнены отселѣ уже преимущественно тѣмъ, что открывалось въ бумагахъ Новикова по дѣламъ масонскимъ и розенкрейцерскимъ. Предметъ этотъ былъ ему почти вовсе незнакомъ, а потому можно себѣ представить, что онъ никакъ не могъ разъяснить себѣ сущности дѣла, тѣмъ болѣе, что бумаги относились къ разнымъ эпохамъ. Герцоги Брауншвейгскій и Зюдерманландскій, Франкфуртскій Конвентъ, Берлинская ложа-мать, орденъ Златорозоваго креста, различные обряды, пріораты, капитулы, Вёльнеръ и пр.,—все это не могло не казаться непроходимымъ лабиринтомъ для человѣка, не посвященнаго въ тайны исторіи масоновъ въ Россіи. Поэтому намъ не зачѣмъ приводить здѣсь содержаніе донесеній Прозоровскаго отъ 5, 6, 13, 20, 27 мая и 7 іюня, наполненныхъ догадками и неосновательными сужденіями. Ограничимся указаніемъ того, что Прозоровскій все-таки продолжалъ просить о командированіи въ Москву Шешковскаго. Для насъ важно тутъ собственно одно обстоятельство, которымъ заключилось производство слѣдственнаго дѣла въ Москвѣ. Въ донесеніи 6-го мая Прозоровскій писалъ къ импе-

ратрицѣ, что не рѣшился отдать Новикова подъ судъ, согласно ея повелѣнію отъ 1-го мая, потому что сдѣланные ему допросы препроводить въ судъ нельзя, а надо дѣлать новые въ особой комиссіи изъ довѣренныхъ лицъ. Прежніе же отвѣты Новикова потому неудобны для передачи въ судъ, что въ нихъ говорится о масонахъ и т. п.; это повело бы къ вопросамъ о томъ, что такое масонство и дало бы подсудимому способы „замѣшать дѣло“.

На это донесеніе Прозоровскій получилъ отвѣтъ государынин отъ 10-го мая. Въ немъ похвалялось то, что Новиковъ не преданъ имъ суду. Кромѣ того говорилось, что онъ человѣкъ „коварный и хитро старающійся скрыть порочныя свои дѣянія“, чѣмъ „наводимъ затрудненіе“ и мѣшаетъ главнокомандующему заниматься дѣлами управленія. Поэтому императрица приказывала выслать его въ Шлиссельбургскую крѣпость съ такими предосторожностями, чтобы все было скрыто отъ его сотоварищей. Маршрутъ для этой поѣздки назначался не по Петербургскому тракту, а на Ярославль и Тихвинъ; на пути же предписывалось наблюдать, чтобы никто не могъ видѣть Новикова и чтобы „онъ себя не повредилъ“. Затѣмъ разборъ бумагъ его долженъ былъ продолжаться въ Москвѣ Прозоровскимъ, который обязывался доставлять императрицѣ все наиболѣе въ нихъ замѣчательное; съ типографіею, помѣщавшеюся въ Гендриковскомъ домѣ, велѣно было поступить такъ же, какъ съ Новиковскою.

Мая 18 послѣдовалъ указъ Шлиссельбургскому коменданту принять арестанта, котораго привезутъ въ крѣпость отъ Прозоровскаго, безъ означенія даже имени Новикова. Предосторожность простиралась до того, что императрица выговаривала Храповицкому за то, что онъ не самъ принесъ къ ней этотъ заготовленный имъ указъ, а прислалъ его черезъ камердинера, который, впрочемъ, даже не зналъ грамотѣ.

Исполненіе указа 10 мая Прозоровскій поручилъ князю Жевахову, которому даны были въ команду ротмистръ Панфиловъ, прапорщикъ Яковлевъ, три унтеръ-офицера и шесть солдатъ изъ гусаровъ, въ полномъ вооруженіи. Съ Новиковымъ отправлялись его докторъ (Багрянскій) и слуга; у нихъ велѣно было отобрать всѣ вещи, которыми они могли бы умертвить себя. Унтеръ-офицеръ въ кибиткѣ парой посланъ былъ впередъ заготовлять лошадей. Самый поѣздъ состоялъ

изъ трехъ экипажей. Въ четверомѣстной коляскѣ помѣстились Новиковъ, Багрянскій, Жеваховъ, Яковлевъ и „надобное число гусаръ“; въ кибиткѣ тройкой — слуга Новикова, унтеръ-офицеръ и „надобное число гусаръ“; въ другой такой же кибиткѣ — остальные гусары. На прогоны и продовольствіе выдано было 500 рублей. Самый выѣздъ изъ Москвы назначенъ былъ не позже двухъ часовъ ночи. Новикову велѣно было отвѣчать, если онъ спроситъ, куда его везутъ, что сказать ему этого нельзя, но что это дѣлается по высочайшему повелѣнію. Жевахову даны были подорожныя и маршрутъ на Владимиръ, Ярославль и Тихвинъ, съ приказаніемъ особенно остерегаться въ Ярославлѣ, гдѣ была масонская ложа (заведенная тамъ, какъ говоритъ И. В. Лопухинъ, бывшимъ намѣстникомъ Мельгуновымъ, тогда уже умершимъ, послѣ чего и ложа была давно уже закрытая). По пріѣздѣ въ Шлиссельбургъ, Жеваховъ долженъ былъ сдать Новикова коменданту, вручивши ему притомъ и запечатанный конвертъ отъ Прозоровскаго. Жевахову было внушено, что порученіе это очень важно и что онъ, исполнивши его успѣшно, можетъ ожидать награды, а въ противномъ случаѣ „подвергнетъ себя и съ командой совершенному несчастію“.

День выѣзда Новикова изъ Москвы намъ неизвѣстенъ съ точностію. По расчету онъ долженъ былъ происходить 17-го или 18-го мая. Въ концѣ этого мѣсяца онъ былъ уже въ Шлиссельбургѣ. Его посадили тамъ въ казематъ, въ которомъ когда-то томился другой знаменитый узникъ — императоръ Іоаннъ Антоновичъ. Говорятъ, что Новиковъ осматривалъ эту темницу лѣтъ за 20 тому назадъ и, что видъ ея произвелъ на него глубокое впечатлѣніе, бывшее какъ бы предчувствіемъ собственной его участи.

Пока Новиковъ былъ въ дорогѣ, Прозоровскій оканчивалъ разслѣдованіе касавшихся до него обстоятельствъ и дѣлалъ разныя распоряженія, относившіяся до его дѣла, чтобы затѣмъ приступить на досугѣ къ допросу его друзей, князя Н. Н. Трубецкого, И. В. Лопухина и И. П. Тургенева, которые считались главными его единомышленниками. Такъ отъ 20-го мая главнокомандующій препроводилъ къ государынѣ какую-то найденную у Новикова французскую книжку, хотя послѣдній и увѣрялъ прежде, что не знаетъ по-французски.

Къ этому Прозоровскій присовокупилъ реестръ книгъ на этомъ языкѣ, купленныхъ Новиковымъ у купца Бибера и просилъ, чтобы приняты были мѣры къ пресѣченію торговли запрещенными иностранными книгами, которыя всѣ безъ исключенія можно было получать въ Москвѣ.

Отъ 24-го мая Прозоровскій донесъ императрицѣ, что управлявшій Авдотьинымъ лѣкарь малороссіянъ сообщилъ оставленному тамъ для надзора гусарскому офицеру, будто въ одной комнатѣ деревенскаго дома Новикова спрятана большая сумма денегъ, которую видѣлъ и Олсуфьевъ, не взявшій ихъ при его арестѣ, потому что не счелъ это нужнымъ. Поэтому Олсуфьевъ былъ опять командированъ въ Авдотьино, гдѣ и нашелъ 11.865 руб. 66 коп. чистыми деньгами, изъ которыхъ 865 руб. 66 коп. оставлены были на расходы по имѣнію, а 11.000 доставлены Прозоровскому на храненіе. При этомъ Прозоровскій выразилъ подозрѣніе, что денегъ было у Новикова гораздо больше, но что они вывезены племянниками его молодыми Хрущовыми и ихъ учителемъ, которыхъ офицеръ выпустилъ изъ имѣнія, хотя и съ осмотромъ, но, вѣроятно, слабымъ и при томъ безъ разрѣшенія, за что онъ и подвергнется взысканію. Наконецъ, Прозоровскій сообщилъ, что расчеты бывшей компаніи съ Походяшинымъ кончены въ началѣ мая тѣмъ, что послѣдній вноситъ въ воспитательный домъ 80.000 рублей, должные по залогу гендриковскаго дома.

Этими обстоятельствами кончился первый актъ драмы, въ въ который самая дѣятельная роль принадлежала князю Прозоровскому. Подозрѣвая Новикова въ страшныхъ злоумышленіяхъ, онъ обставилъ арестъ и высылку Новикова такими необыкновенными воинскими предосторожностями и придавалъ такое важное значеніе успѣху своихъ распоряженій, что графъ К. Г. Разумовскій сказалъ о немъ: „Вотъ расхвастался, какъ будто городъ взялъ! Стариченку, скорченнаго геморроидами, взялъ подъ караулъ; да одного бы десятскаго или будочника за нимъ послать, такъ и притащилъ бы его!

Лонгиновъ.

Дѣло Новикова и его товарищей.

Дѣло о Новиковѣ и масонскихъ ложахъ въ Россіи, производившееся въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II, еще не объяснено надлежащимъ образомъ. М. Н. Лонгиновъ, которому принадлежитъ честь подробной разработки этого вопроса, приходитъ ко многимъ недоразумѣніямъ, встрѣчаетъ „несообразности и противорѣчія въ защитѣ и обвиненіи“. Дѣйствительно, дѣло *вообще* о масонахъ окончилось наказаніемъ собственно *одного* Новикова; потомъ, указъ 1 мая 1792 г. повелѣвалъ „предать Новикова *законному сужденію* на основаніи учрежденія“ (о губерніяхъ), а между тѣмъ законнаго сужденія дано не было, и дѣло рѣшено административнымъ порядкомъ и тайно.

„Еще въ августѣ 1790 г. — говоритъ Лонгиновъ — Радищевъ, за напечатаніе книги возмутительнаго содержанія, былъ, правда, на основаніи жестокихъ тогдашнихъ законовъ, осужденъ на смерть; но осужденъ все-таки по закону и притомъ въ уголовной палатѣ и въ сенатѣ, а по дарованіи ему жизни, сосланъ на жительство въ Сибирь, куда дозволено было пріѣхать къ нему его семейству. Ровно черезъ два года, Новиковъ, по разнымъ, отчасти далеко не доказаннымъ, проступкамъ, вслѣдствіе предполагаемыхъ намѣреній и т. п., отстраненъ отъ законной подсудности, которой сначала хотѣли его подвергнуть, и заключенъ безъ суда на пятнадцать лѣтъ въ казематъ Шлиссельбургской крѣпости“ [1]).

„Въ чемъ же состоялъ процессъ Новикова?“ спрашиваетъ А. Н. Пыпинъ критикъ сочиненія Лонгинова, подробно разсмотрѣвъ всѣ главныя обстоятельства дѣла. „При началѣ дѣла, его предполагали отдать на правильное *законное сужденіе;* но процессъ ограничился допросами у Прозоровскаго и Шешковскаго; законнаго сужденія не было, и дѣло кончилось заключеніемъ Новикова въ Шлиссельбургъ. Новикову, какъ главному представителю направленія, досталась самая тяжкая участь изъ всего кружка. Его ближайшіе друзья, товарищи и соучастники, иногда по дѣламъ ордена, даже

[1]) Новиковъ и московскіе мартинисты. М. 1867, стран. 337 и 338.

болѣе компрометированные по тогдашнимъ понятіямъ, отдѣлались легкими взысканіями. Лопухинъ былъ освобожденъ совсѣмъ. Уже это обстоятельство показываетъ, что слѣдствіе для самыхъ предубѣжденныхъ людей не представило достаточнаго повода къ преслѣдованію, и однако же въ рѣшеніи 1 августа 1792 г. о Новиковѣ и его друзьяхъ, хотя эти послѣдніе понесли только легкое взысканіе и въ сущности оставлены были въ покоѣ, — говорится, какъ о *преступникѣ* и его *сообщникахъ*, дѣятельность ихъ характеризована какъ — *вредные замыслы*, побужденія, — *духъ любоначалія* и *корыстолюбія*, свойства ихъ послѣдователей, — *крайняя слѣпота, невѣжество* и *развращеніе*, средства — *плутовство* и *обольщеніе*“ [1]).

Такой взглядъ на дѣло уже доказываетъ, что обнародованные до настоящаго времени источники еще не достаточны для его объясненія, и что оно требуетъ еще новыхъ изслѣдованій. Пользуясь вновь обнародованными документами [2]), которые еще никому не были извѣстны, мы позволимъ себѣ изложить нѣкоторыя соображенія для бо́льшаго объясненія этого дѣла, — не думая однако же окончательно разрѣшить вопросы, такъ тѣсно связанные со всѣми другими происшествіями того времени, еще весьма мало обнаруженными и еще менѣе обработанными.

Слѣдствіе о масонахъ и Новиковѣ производилось въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ Москвѣ производство этого слѣдствія императрица поручила тамошнему генералъ-губернатору князю Прозоровскому. Его взглядъ на Новикова и значеніе масонскихъ ложъ извѣстенъ изъ обнародованныхъ уже документовъ и изслѣдованій о нихъ. Усердный слуга государыни, онъ хотѣлъ дѣйствовать и дѣйствовалъ энергически, но въ то же время сознавалъ, что не понимаетъ и не можетъ понять ни ученій ни дѣятельности тѣхъ людей, надъ которыми долженъ былъ производить судебное слѣдствіе. Личность Новикова до такой степени мало имѣла общаго съ нимъ самимъ, что онъ представлялся ему злѣйшимъ ересіархомъ и хитрѣйшимъ революціонеромъ, отъ котораго нельзя добиться правды. Сознавая свое безсиліе въ этомъ случаѣ,

---

[1]) „Вѣстн. Европы“ 1867 г., т. IV: „Русское масонство въ XVIII вѣкѣ“, А. Н. Пыпина, стран. 65.

[2]) Они изданы во II т. Сборника Русскаго Истор. Общества.

онъ постоянно просилъ императрицу прислать ему въ помощь т. сов. Шешковскаго, пресловутаго по опытности въ дѣлахъ, подлежавшихъ тайному изслѣдованію[1]). Съ этою просьбою онъ обращается въ своихъ письмахъ и къ самому Шешковскому, съ которымъ, съ самаго начала слѣдствія, онъ велъ тайную переписку. — „Я сердечно желалъ бы — пишетъ онъ — чтобъ вы ко мнѣ пріѣхали, а одинъ съ нимъ (Новиковымъ) не слажу! Этакова плута тонкова мало я видалъ. И такъ бы его допросили; у меня много матеріи, о чемъ его допрашивать. Надо, милостивый государь мой, сему вреду сдѣлать конецъ. Это говоритъ мое усердіе къ ея императорскому величеству и отечеству; увѣренъ, что и вы столько же усердный, какъ и я“. Въ другомъ письмѣ онъ также проситъ Шешковскаго: — „Чтобы вы ко мнѣ пожаловали, какъ бы скорѣе пошли дѣла, да и матерія сія сего стоитъ, а я бы искренно возблагодарилъ Бога!“ Дѣйствительно, тяжелый камень свалился бы съ его плечъ и облегчилъ бы голову человѣка, принужденнаго изучать сочиненія масоновъ и доискиваться въ нихъ смысла, котораго и сами часто не понимали ихъ сочинители и ихъ поклонники, рыться въ грудѣ масонскихъ бумагъ и отыскивать въ нихъ небывалыхъ политическихъ замысловъ.

Но Шешковскій уклонялся отъ прямого отвѣта на ласковые призывы и изъявлялъ надежду, что *усердіе* кн. Прозоровскаго *къ общему благу* доведетъ его *до желаемаго конца*, а если бы и оказались *затрудненія*, то онъ *вѣру несомнѣнну имѣетъ, что самъ Господь Богъ поможетъ ему ихъ преодолѣть*[2]). Императрица точно также не отвѣчала на эту просьбу кн. Прозоровскаго и не отправила Шешковскаго на помощь ему, въ Москву.

Почему же это такъ случилось?

Если бъ она смотрѣла на масонство и Новикова съ той же точки зрѣнія, какъ и кн. Прозоровскій, то объяснить это обстоятельство было бы чрезвычайно трудно. Лѣчить важный недугъ помощію плохого врача, имѣя подъ рукою самаго искуснаго, совершенно было бы несогласно съ умомъ и вѣрнымъ практическимъ взглядомъ Екатерины. Очевидно, она

---

[1]) Лѣтописи русск. литер. и древности, г. Тихоправова. Т. V, отд. 2-е.
[2]) Письма кн. Прозоровскаго отъ 4 и 13 мая, и Шешковскаго отъ 1 мая.

вовсе не придавала того значенія масонству и не такъ смотрѣла на Новикова, какъ московскій генералъ-губернаторъ. Ученія масоновъ и ихъ мистицизмъ, запутанный и поверхностный, не опиравшійся ни на какія твердыя основанія, какъ въ историческомъ, такъ и философскомъ смыслѣ, былъ противенъ строго логическому и холодному ея уму, а ихъ дѣйствія представлялись ей *плутовствомъ* нѣсколькихъ ловкихъ людей, которые завлекали другихъ въ свои сѣти для корыстныхъ видовъ, прикрываемыхъ только благовидными намѣреніями, распространеніемъ просвѣщенія и благотворительностью. Но, противъ этихъ ученій, она считала достаточнымъ дѣйствовать литературными орудіями, опроверженіемъ, сатирою и насмѣшкой[1]), а чтобы положить предѣлъ распространенію издаваемыхъ ими книгъ въ малообразованныхъ слояхъ общества, она прибѣгала къ административнымъ мѣрамъ. Такъ дѣйствовала императрица до 1790-хъ годовъ; но, въ это время, въ виду происшествій во Франціи, имѣвшихъ вліяніе и на всю западную Европу, ко взгляду императрицы на масоновъ присоединилось и опасеніе: масонскія ложи были тайными обществами, находившимися въ связяхъ съ европейскими, и потому казались ей опасными; тогда она рѣшилась положить конецъ ихъ дѣятельности въ Россіи.

Но для того, чтобы это намѣреніе привести въ исполненіе, былъ совершенно достаточенъ такой усердный слѣдователь, какъ кн. Прозоровскій, особенно подъ руководствомъ и постояннымъ наблюденіемъ самой императрицы и при участіи Шешковскаго. Точно также достаточенъ былъ и общій порядокъ суда, еще такъ недавно узаконенный *Учрежденіемъ о губерніяхъ*, которое императрица считала однимъ изъ важныхъ памятниковъ законодательства ея царствованія, и которое съ такимъ восторгомъ было привѣтствуемо просвѣщеннымъ обществомъ того времени. Въ этомъ смыслѣ и состоялся указъ 1 мая 1792 г., въ которомъ сказано: „Повелѣваемъ онаго Новикова, на основаніи нашего учрежденія, предать законному сужденію, избравъ надежныхъ вамъ людей; по окончаніи же во всѣхъ судахъ того слѣдствія и заключеній, должны они представить вамъ на ревизію, вы же препроводите на рѣшеніе въ сенатъ“.

---

[1]) Записки Грибовскаго, изд. 1847 г., стран. 23.

Но впослѣдствіи все перемѣнилось: Новиковъ съ большими предосторожностями и въ великой тайнѣ былъ отправленъ въ Шлюссельбургъ, слѣдствіе надъ нимъ вновь поручено было производить Шешковскому, и, безъ суда по общему порядку, онъ былъ приговоренъ, указомъ 1 августа 1792 г., на заключеніе въ Шлюссельбургской крѣпости на пятнадцать лѣтъ.

Какія же были причины такой перемѣны во взглядѣ императрицы?

Получивъ указъ 1-го мая, кн. Прозоровскій нашелъ невозможнымъ его исполнить, и, 6-го мая, съ нарочнымъ отправилъ къ императрицѣ донесеніе, въ которомъ писалъ, что „пріостановился исполнить онаго отдачею Новикова сужденію по учрежденію о губерніяхъ“.— „Я теперь,—сообщалъ онъ,— имѣя въ домѣ его на Никольской подъ стражею, ни съ кѣмъ видѣться не допускаю; а отдавъ его, по законамъ, сужденію уѣзднаго суда, должно его оставить подъ стражей, но свободу дать ему больше. А тогда будетъ имѣть онъ способъ видѣться со собратіей своей, то уже труднѣе будетъ, если повелите всемилостивѣйшая государыня, по бумагамъ его спрашивать. Почему и за лучшее почелъ о семъ вашему величеству чрезъ нарочнаго сего донести“. И далѣе предполагаетъ: „Лучше бъ было нарядить для сего слѣдствія особую комиссію, выбравъ людей способныхъ; а паче потому, что изъ нихъ есть люди умные и проворные и дѣла знающіе; то хотя я опредѣлю надзирателей за производствомъ, но они замѣшивать будутъ дѣло. Новикову же надо будетъ вновь вопросы дѣлать, ибо допросовъ, сдѣланныхъ ему мною и доставленныхъ въ копіяхъ къ вашему величеству, препроводить въ судъ нельзя, какъ въ оныхъ между прочимъ о печатаніи книгъ говоритъ, что онъ печаталъ не на продажу, а для собратій ихъ масоновъ; то судъ обязанъ спрашивать будетъ, что масоны, а тогда всѣ способы будутъ ему замѣшать оное дѣло“. Въ письмѣ къ Шешковскому отъ 13-го мая, указывая ему на причины, изложенныя въ этомъ донесеніи императрицѣ, почему онъ не передалъ въ судебныя учрежденія дѣла о Новиковѣ, онъ приложилъ выписку изъ указа 1-го мая и противъ подчеркнутыхъ имъ строкъ: „на основаніи нашего учрежденія, предать законному сужденію, избравъ надежныхъ вамъ людей“, — собственноручно напи-

салъ: „Прошу объяснить мнѣ сіи подчеркнутыя слова; судить по законамъ, тогда послать его въ уѣздный судъ, то что̀ значитъ избрать надежныхъ людей? я опасаюсь, чтобъ въ чемъ не ошибиться“. Конечно, приведенныя строки указа давали поводъ къ недоразумѣнію. Но, вѣроятно, только неправильность изложенія затемнила мысль: слова̀ — „избравъ надежныхъ вамъ людей“, относились къ слѣдователямъ, потому что не могъ же кн. Прозоровскій перемѣнить составъ судовъ по случаю только этого дѣла.

Но не эта одна причина понудила его пріостановиться исполненіемъ указа 1-го мая, какъ доказываютъ приведенныя выше его соображенія, выраженныя въ донесеніи къ императрицѣ отъ 6-го мая, и просить объясненій. Этихъ объясненій князь Прозоровскій не получилъ и не могъ получить потому, что императрица, въ указѣ къ нему 10-го мая, писала: — „Что вы Новикова по повелѣнію нашему не отдали подъ судъ, весьма апробуемъ, видя изъ вашихъ реляцій, что Новиковъ человѣкъ коварный и хитро старается скрыть свои дѣянія, а симъ самымъ наводитъ вамъ затрудненія, отлучая васъ отъ другихъ, порученныхъ отъ насъ вамъ дѣлъ; и сего ради повелѣваемъ: Новикова отослать въ Слесельбургскую крѣпость, и дабы оное скрыть отъ его сотоварищей, то прикажите вести его на Владиміръ, а оттуда на Ярославль, а изъ Ярославля на Тихвинъ, а изъ Тихвина на Шлюшинъ, и отдать тамошнему коменданту. Вести же его такъ, чтобъ его никто видѣть не могъ, и остерегаться, чтобъ онъ самъ себя не повредилъ“.

Читая эти строки, дѣйствительно можно не только подумать, что соображенія кн. Прозоровскаго разубѣдили императрицу въ правильности ея воззрѣній на это дѣло и принудили отказаться отъ предписаннаго ею, въ указѣ 1-го мая, порядка его разсмотрѣнія, — но даже придать ему ту политическую важность, которую придавалъ преувеличенный страхъ революціи и ревность, не по разуму, московскаго генералъ-губернатора.

Сомнительно, чтобы умъ великой Екатерины могъ войти въ узкіе взгляды князя Прозоровскаго, и потому мы постараемся болѣе вникнуть въ обстоятельства этого любопытнаго дѣла, чтобы объяснить перемѣну во взглядахъ императрицы.

Указомъ 18-го августа, повелѣвалось дѣло о московскихъ книгопродавцахъ *немедленно рѣшить согласно съ законами и о томъ донести.* Вслѣдъ за тѣмъ, указомъ 31-го августа, императрица уже предписывала кн. Прозоровскому: — „Учинить, по этому дѣлу, законное рѣшеніе, которое однакожъ, не исполняя, представить“ ей, съ его *мнѣніемъ.* Значеніе этихъ указовъ, кромѣ иныхъ причинъ, на которыя мы укажемъ впослѣдствіи, объясняется и слѣдующимъ обстоятельствомъ: еще въ донесеніи императрицѣ, отъ 24-го апрѣля, кн. Прозоровскій писалъ: — „Какъ всѣ сіи книгопродавцы подвергли себя по законамъ жестокому наказанію и ссылкѣ, а какъ ихъ будетъ болѣе 10 человѣкъ, для того и удержался я отсылать ихъ суду и велѣлъ подробно разобрать ихъ лавки и всѣ непозволенныя книги отобрать. А не соизволите ли повелѣть, всемилостивѣйшая государыня, положить изъ милосердія какой-либо на нихъ штрафъ?“ Находя то наказаніе, которому по суду могли подвергнуться книгопродавцы, слишкомъ строгимъ и несоразмѣрнымъ съ ихъ виною, онъ и впослѣдствіи ходатайствовалъ за нихъ передъ императрицею. Въ письмѣ къ Шешковскому, 24-го августа, онъ говоритъ, что въ донесеніи императрицѣ — „какъ прежде всеподданнѣйше доносилъ, такъ и теперь доношу, если ихъ отдать къ сужденію; то должно ихъ, яко неисполнителей именныхъ указомъ, бить кнутовъ и сослать въ каторжную работу; ибо имъ объявленъ былъ о запретительныхъ книгахъ именной указъ, а съ нѣкоторыхъ взяты подписки. Ихъ 15 человѣкъ, то всѣ вышеупомянутымъ наказаніямъ и подвергаются. У нихъ другой цѣли не было, какъ имѣть барышъ и Новикову сдѣлать угодное, какъ онъ имъ давалъ книги въ долгъ. То я докладовалъ ея величеству, не угодно ли будетъ, чтобъ положить имъ повелѣть нѣкоторое наказаніе, не отсылая въ судъ, и лавки распечатать. Потомъ вторично, по просьбѣ ихъ отъ 17-го мая, всеподданнѣйше просилъ ея величество о распечатаніи лавокъ“. Не имѣя однако же разрѣшенія императрицы по этому прошенію, онъ обращается къ Шешковскому и проситъ его: „исходатайствовать, согласно съ всенижайшимъ моимъ ея величеству представленіемъ, резолюцію. Паче надеженъ я на милосердіе ея величества, что она изволитъ аппробовать мое всеподданнѣйшее представленіе, которое теперь вижу къ генералъ-порутчику Лопухину, что она вошла въ его состояніе, яко мать“.

Если книгопродавцы, простые исполнители порученій Новикова, будучи преданы суду, подверглись бы одному изъ самыхъ тяжкихъ уголовныхъ наказаній, то не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что самого Новикова судъ приговорилъ бы къ неменьшему наказанію. Входить суду, какъ указывалъ кн. Прозоровскій, въ разсмотрѣніе масонскихъ ученій и не было никакой нужды; онъ точно также осудилъ бы его „яко неисполнителя именныхъ указовъ“, и его приговоръ былъ бы не менѣе грозенъ, какъ и для книгопродавцевъ, и одинаково не соотвѣтствовалъ бы винѣ.

Почему же въ одномъ случаѣ князь Прозоровской опасался слишкомъ строгаго приговора суда, а въ другомъ — слишкомъ снисходительнаго? И какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ императрица, повидимому, соглашалась съ его взглядомъ?

Въ отношеніи къ кн. Прозоровскому это противорѣчіе объясняется весьма легко: онъ считалъ масоновъ революціонерами и республиканцами, ихъ ложи — какими-то якобинскими клубами; вѣрилъ въ ихъ сношенія съ французскими революціонерами [1]) и хотѣлъ именно это открыть и обличить ихъ. Но, отыскивая то, чего не существовало, онъ, конечно, ничего не открылъ и, упорствуя въ своихъ подозрѣніяхъ, опасался, что и судъ ничего не откроетъ, а хитрые преступники ускользнутъ отъ заслуженной кары. Но императрица, давно слѣдившая за дѣйствіями масоновъ, знакомая въ это время уже съ большею частію ихъ тайныхъ бумагъ, конечно, не могла раздѣлять подобнаго взгляда, и поэтому, въ отношеніи къ ней, необходимо искать иныхъ причинъ, которыя побудили ее измѣнить свой взглядъ и свой образъ дѣйствій [2]).

„Соображая всѣ данныя, говоритъ Лонгиновъ, нельзя, кажется, сомнѣваться, что въ апрѣлѣ 1792 г. государынѣ сдѣлались положительно извѣстны переговоры Новикова съ Баженовымъ о вступленіи мартинистовъ въ сношенія съ ве-

[1]) Лѣт. Русск. лит. т. V, отд. 2, № 8. — Записки Лопухина, стран. 42.

[2]) Императрица очень хорошо понимала личность Прозоровскаго. Когда, по окончаніи уже дѣла о Новиковѣ и его товарищахъ, въ 1793 г., онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и представился ей, она обратилась съ вопросомъ къ Храповицкому: „Знаетъ ли онъ самъ, зачѣмъ пріѣхалъ?“ — и, не дожидаясь отвѣта, съ насмѣшкою замѣтила: „Онъ пріѣхалъ сирѣчь къ наградѣ за истребленіе мартинистовъ“. Записки Храповицкаго, 1793, янв. 26.

ликимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Мы не знаемъ, какъ именно это случилось, тѣмъ болѣе, что переговоры по этому случаю происходили за нѣсколько лѣтъ; но бумага касательно этого предмета, переданная Баженовымъ Новикову еще въ 1787 г., какимъ-то образомъ попалась въ руки императрицы, и, конечно, вызвала съ ея стороны рѣшеніе принять строгія мѣры“ [1]).

На чемъ основано такое предположеніе, что именно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ императрица узнала о сношеніяхъ Новикова съ наслѣдникомъ престола, мы не знаемъ; но, дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что она узнала объ этомъ до 10-го мая, когда состоялся указъ кн. Прозоровскому объ отправленіи Новикова въ Шлиссельбургъ.

Если вспомнимъ тѣ отношенія, въ которыхъ она постоянно находилась къ своему наслѣднику, то, кажется, можемъ утвердительно сказать, что не взгляды и доводы кн. Прозоровскаго, но именно это обстоятельство было поводомъ къ тому, что она измѣнила свой взглядъ на дѣло и отступила отъ предписаннаго ею порядка слѣдствія и суда. Этого одного обстоятельства совершенно достаточно для объясненія перемѣны, происшедшей въ императрицѣ, и нѣтъ нужды прибѣгать къ другимъ соображеніямъ, которыя, впрочемъ, ни на чемъ, еще положительно извѣстномъ, основаны быть не могутъ.

По отправленіи Новикова въ Шлиссельбургъ, кн. Прозоровскій еще продолжалъ свои изслѣдованія, но онъ имѣлъ дѣло только съ бумагами и книгами масоновъ, задерживая ихъ, несмотря на требованія императрицы прислать ихъ въ Петербургъ. Но, конечно, его вниманіе устремлено было, преимущественно, на личности: *птица Новиковъ*, какъ онъ выразился о немъ въ письмѣ къ Шешковскому, отъ него улетѣла, и ему хотѣлось наловить другихъ. Въ письмѣ къ Шешковскому отъ 17-го мая, онъ сообщилъ ему списокъ *злыхъ* товарищей Новикова, съ характеристическими отмѣтками противъ именъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ слѣдующемъ родѣ: „Кн. Николай Трубецкой, — этотъ между ними великъ, но сей испугался и плачетъ; братъ Новикова — лихъ и фанатикъ; кн. Юрья Трубецкой — глупъ и ничего не значитъ; Татищевъ — глупъ и фанатикъ“,

---

[1]) Новиковъ и Моск. мартин., гл. XXI, стран. 313.

и т. п. Долго ожидая предписаній продолжать слѣдствіе надъ сообщниками Новикова, въ нетерпѣніи онъ писалъ Шешковскому, 22-го іюня, — „Но позвольте мнѣ дружески вамъ сказать: я не понимаю конца сего дѣла; какъ ближайшіе его сообщники, если онъ преступникъ, то и тѣ преступники. Но до нихъ видно дѣло не дошло! Надѣюсь на дружбу вашу, что вы недоумѣніе мое объясните мнѣ; желаю только того, чтобы не было за ними столь бдительнаго примѣчанія, какъ и безъ того, право, хлопотъ бываетъ много". Онъ опасается, что они избѣгнутъ наказанія и будутъ оставлены только подъ надзоромъ полиціи. Въ донесеніи императрицѣ, отъ 7-го іюня, онъ выразилъ ей слѣдующее *мнѣніе:* — „Не надѣюсь я, чтобъ по коварному расположенію Новикова можно было дойтить до откровенности. А думалъ бы я, чтобъ ваше императорское величество высочайшимъ указомъ повелѣли прибыть въ Петербургъ кн. Николаю Трубецкому, а спустя нѣсколько дней и бригадиру Тургеневу, что не будетъ видомъ аресту. А по приближеніи къ Петербургу повелѣть ихъ встрѣтить и привести куда, всемилостивѣйшая государыня, повелѣть изволите. А такъ какъ кн. Н. Трубецкой не мудрый, и со времени аресту Новикова въ робости, то изъ него можно всю свѣдать истину, а Тургеневъ хоть и лукавѣе Трубецкого и напоенъ совершенно роду мыслей Новикова, и онъ всѣ обстоятельства дѣлъ ихъ точно знаетъ. А симъ способомъ, кажется, всемилостивѣйшая государыня, все открыть изволите; какъ по бумагамъ вездѣ есть гіероглифы, то надо ихъ и прочія матеріи, что недостаетъ, чрезъ нихъ пояснить". Масонскіе *гіероглифы*, конечно, для императрицы не представляли такой великой премудрости, какъ для кн. Прозоровскаго, и потому его совѣтъ остался безъ послѣдствій. Напротивъ, послѣ долгихъ ожиданій, кн. Прозоровскій получилъ указъ, 1-го августа, объ осужденіи Новикова, въ которомъ о его главныхъ сообщникахъ кн. Трубецкомъ, Лопухинѣ и Тургеневѣ сказано, что ихъ — „не только признанія Новикова, но и многія писанныя ими заразительныя бумаги обличаютъ въ соучастваніи ему во всѣхъ законопротивныхъ его дѣяніяхъ; то повелѣваемъ вамъ, призвавъ каждаго изъ нихъ, порознь истребовать чистосердечнаго по прилагаемымъ при семъ вопросамъ объясненія, и притомъ и получить отъ нихъ

бумаги, касающія до заграничной и прочей секретной переписки, которыя, по показанію Новикова, у нихъ находятся. Вы дадите имъ знать волю нашу, чтобы они отвѣты свои учинили со всею истинною откровенностію, не утаивая ни малѣйшаго обстоятельства, и чтобы требуемыя бумаги представили. Когда же они то исполнятъ съ точностію, и вы изъ отвѣтовъ ихъ усмотрите истинное ихъ раскаяніе, тогда объявите имъ, что мы, изъ единаго человѣколюбія, освобождая ихъ отъ заслуживаемаго ими жестокаго наказанія, повелѣваемъ имъ отправиться въ отдаленныя отъ столицъ деревни ихъ и тамъ имѣть пребываніе, не выѣзжая отнюдь изъ губерній, гдѣ тѣ деревни состоятъ и не возвращаясь къ прежнему противозаконному поведенію, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ употребленія надъ ними всей строгости закона. А если кто изъ нихъ и послѣ сего дерзнетъ хотя единаго человѣка заманить въ свой гнусный разсколъ, таковой не избѣгнетъ примѣрнаго и жестокаго наказанія".

Такимъ образомъ, процессъ былъ оконченъ, и надъ этими лицами приговоръ произнесенъ, а допросы, порученные кн. Прозоровскому, въ предѣлахъ напередъ опредѣленныхъ присланными ему изъ Петербурга вопросами, очевидно были простою формальностью, предписанною съ одной стороны для оправданія приговора, который повелѣвалось объявить по окончаніи допросовъ, а съ другой, для пополненія свѣдѣній о дѣйствіяхъ масонскихъ ложъ. Никого изъ этихъ трехъ лицъ, наиболѣе близкихъ къ Новикову, императрица не считала въ собственномъ смыслѣ преступниками, а напротивъ честными и добросовѣстными людьми, хотя и увлеченными въ ложное направленіе. Она напередъ была увѣрена, что ихъ показанія будутъ искренни, и что они представятъ всѣ имѣющіяся у нихъ бумаги, а потому напередъ произносила приговоръ, далеко не жестокой. Хотя при этихъ допросахъ кн. Прозоровскій и пытался достигнуть своей цѣли, обличить ихъ въ сношеніяхъ съ французскими революціонерами, и даже привлечь къ дѣлу только-что выступавшаго на поприще литературной дѣятельности Карамзина, но его попытки не только остались безуспѣшными, но даже и этотъ крайне снисходительный, по его мнѣнію, приговоръ о *злыхъ* сообщникахъ Новикова, въ отношеніи къ Лопухину былъ, въ непродолжительномъ времени, отмѣненъ

совершенно, и ему дозволено оставаться въ Москвѣ при его престарѣломъ отцѣ. О всѣхъ же другихъ членахъ масонскихъ ложъ и вовсе не было предпринято никакого слѣдствія, такъ что предположенія кн. Прозоровскаго рушились окончательно.

Въ допросныхъ пунктахъ, — по которымъ поручалось московскому гереалъ-губернатору отобрать показанія отъ кн. Трубецкого, Тургенева и Лопухина, — составленныхъ въ Петербургѣ при непосредственномъ участіи самой императрицы, въ первый разъ, при слѣдствіи, производившемся въ Москвѣ, указано было на сношенія Новикова съ наслѣдникомъ престола. Въ 4-мъ и 5-мъ пунктахъ имъ предлагались слѣдующіе вопросы: „Какимъ образомъ вы и товарищи сборища вашего заботились уловить въ сѣти *извѣстную особу*, о коей имѣли вы съ принцемъ Гессенъ-кассельскимъ и переписку? То открыть вамъ, для чего вы такія вредныя предпріятія имѣли и чему изъ того быть надѣялись, гдѣ объяснить о всѣхъ товарищахъ, въ семъ дѣлѣ съ вами соучаствовавшихъ и помогающихъ? Бумагу, писанную Бажановымъ архитекторомъ, вы читали, и потомъ сдѣланная изъ оной выписка отдана вамъ. Вы же видя въ ней вымышленныя и непристойныя слова, не только по долгу присяги не донесли, но еще таковую выписку переслали къ Кутузову. Чего ради объяснить вамъ:

1) Для чего о столь вредномъ и вымышленномъ враньѣ правительству не объявили?

2) Чего ради такую вредную бумагу къ Кутузову переслали, и чему вы изъ того быть надѣялись? и

3) Кто еще изъ товарищей вашего сборища ее читалъ и у себя имѣетъ, ибо она ходила по рукамъ товарищей вашихъ, то и показать о всѣхъ ихъ именахъ и фамиліяхъ?“

Эти допросные пункты были препровождены къ кн. Прозоровскому при особомъ письмѣ Шешковскаго, въ которомъ безъ сомнѣнія, онъ объяснилъ ему, о какой „извѣстной особѣ“ въ нихъ говорится. Къ сожалѣнію, этого письма не сохранилось въ изданныхъ нынѣ бумагахъ; но это подтверждаютъ письма кн. Прозоровскаго къ Шешковскому, отъ 9-го и 14 августа. Но ни въ одномъ изъ его писемъ не упоминается о подлинныхъ отвѣтахъ Новикова на 21 пунктъ предложенныхъ ему вопросовъ. Это обстоятельство даетъ

поводъ предполагать, что опытный и осторожный слѣдователь, какъ Шешковскій, конечно, съ одобренія императрицы, и не сообщалъ ихъ кн. Прозоровскому. Оттого ихъ и быть не могло въ московскихъ бумагахъ по этому дѣлу, и дѣйствительно нѣтъ въ той рукописи, которую открылъ въ Москвѣ Лонгиновъ и напечаталъ въ приложеніи къ своему сочиненію[1]).

До полученія этихъ вопросныхъ пунктовъ, ни въ одномъ донесеніи императрицѣ, ни при одномъ изъ допросовъ и ни въ одномъ изъ секретныхъ писемъ къ Шешковскому, кн. Прозоровскій не указываетъ на сношенія масоновъ съ великимъ княземъ. Очевидно, до этого времени это обстоятельство оставалось ему неизвѣстнымъ. Но этого еще мало. Въ запискахъ Храповицкаго, подъ 26 числомъ мая 1792 года, читаемъ: „Былъ секретный пакетъ отъ кн. Прозоровскаго съ мартинистскими бумагами; меня заставили прочесть изъ него одну только французскую пьесу, чтобъ не выбирать въ гранъ-пріоры е. в. государя цесаревича, по обстоятельствамъ политическимъ, и что онъ еще не масонъ“[2]). Этотъ пакетъ съ бумагами отправленъ былъ кн. Прозоровскимъ при донесеніи къ императрицѣ отъ 20-го мая, въ которомъ онъ говоритъ: — „Разбирая бумаги, взятыя изъ дому бывшаго графа Гендрикова, въ дѣлахъ Кутузова, что въ Берлинѣ, нашлось одно французское письмо къ покойному Шварцу, которое здѣсь къ вашему императорскому величеству всенижайше представлю. Изъ всего сего видно, что хотѣлось имъ пріобщить къ себѣ людей знатныхъ, но для единой набожности и молитвы, кажется, въ семъ нужды имъ не было“. По соображеніи числъ, надо предполагать, что это — та самая бумага, о которой говоритъ и Храповицкій. Такимъ образомъ, кн. Прозоровскій попалъ на слѣды того именно обстоятельства въ этомъ дѣлѣ, которое императрица считала и могла считать наиболѣе важнымъ[3]). Но онъ не обратилъ на него вниманія, а занятъ былъ какою-то французскою книжкою, найденною имъ въ этихъ же бумагахъ. По случаю этой книжки онъ дѣлалъ особый допросъ Новикову, и распространяется о ней въ этомъ же донесеніи

---

[1]) Новиковъ и московскіе мартинисты. Прилож., стран. 100.
[2]) Записки Храповицкаго, стран. 267.
[3]) Лѣтоп. русск. литер. и древн. № 12, стран. 40.

къ императрицѣ, отъ 20-го мая; а объ указанной бумагѣ онъ даже не счелъ нужнымъ потребовать объясненій у Новикова.

Лопухинъ, разсказывая въ своихъ запискахъ о производившемся надъ нимъ слѣдствіи, замѣчаетъ[1]), что въ предложенныхъ ему вопросахъ, *тщательно* составленныхъ, „все мѣтилось на подозрѣніе связей съ тою ближайшею къ престолу особою; прочее же было, такъ сказать, подобрано для расширенія завѣсы“. Дѣйствительно, существеннѣйшимъ вопросомъ во всемъ слѣдствіи, произведенномъ Шешковскимъ надъ Новиковымъ и потомъ кн. Прозоровскимъ надъ Лопухинымъ и его товарищами, былъ именно этотъ вопросъ, и потому, естественно, что Лопухину казалось, что „прочіе вопросы сочинены были только для разширенія той завѣсы, которая закрывала главный предметъ подозрѣнія; а предметъ сей столько же казался важнымъ, сколько въ основаніи своемъ мечтателенъ былъ“. Прочіе вопросы уже достаточно были объяснены, какъ слѣдствіемъ кн. Прозоровскаго, такъ особенно бумагами и книгами, отобранными у Новикова. Впрочемъ, и Лопухинъ придаетъ еще нѣкоторую важность вопросамъ о сношеніяхъ съ герцогомъ брауншвейгскимъ и прусскими масонами. Но если и можно оправдать его взглядъ на вторую половину процесса, то прилагать этотъ взглядъ въ настоящее время ко всему этому дѣлу — ничѣмъ оправдано быть не можетъ. — „Очевидно, говоритъ Лонгиновъ, что соображенія внѣшней и внутренней политики были главными побужденіями къ строгостямъ, которымъ сочли за нужное подвергнуть Новикова и его друзей, а что прочіе розыски были *второстепенными* и служили только *предлогами*, чтобы поразить окончательно дѣятельность людей, казавшихся опасными въ политическомъ отношеніи. Замѣчательно, что Новикова вовсе не спрашивали объ изданіи книги, которая однако служила главнымъ поводомъ къ его аресту“. Но всѣ книги, изданныя Новиковымъ и его товариществомъ, были разсмотрѣны и очень многія изъ нихъ запрещены и даже истреблены; поэтому не представлялось нужды спрашивать о какой-нибудь одной изъ нихъ, хотя бы она и послужила первоначальнымъ поводомъ къ открытію слѣдствія. *Розыски* объ изданіяхъ, которыми распространялись масон-

[1]) Записки Лопухина, стран. 41 и 45.

скія ученія въ Россіи, и о дѣятельности ложъ вовсе не были *второстепенными* и простыми *предлогами*, но составляли главные предметы слѣдствія, пока оно производилось въ Москвѣ. Безъ сомнѣнія, этотъ процессъ имѣлъ и политическій характеръ, но первоначально только въ томъ смыслѣ, что въ виду происшествій, совершавшихся въ то время въ западной Европѣ, тайныя общества, какъ масонскія ложи, находившіяся въ сношеніяхъ съ европейскими, по мнѣнію императрицы, *могли сдѣлаться* опаснымъ орудіемъ. Открытыя слѣдствіемъ дѣйствительныя ихъ сношенія съ принцами брауншвейгскимъ, гессенъ-кассельскимъ и прусскимъ министромъ Вельперомъ, могли возбудить подозрѣнія, а окончательно ихъ утвердили обнаруженныя сношенія съ великимъ княземъ цесаревичемъ. Съ этого времени характеръ процесса дѣйствительно измѣнился, какъ измѣнился и взглядъ на него самой императрицы. Одинъ только кн. Прозоровскій не измѣнилъ своего первоначальнаго взгляда. Несмотря на то, что перечелъ множество масонскихъ тайныхъ бумагъ и книгъ и не нашелъ въ нихъ ничего революціоннаго, онъ не переставалъ считать мартинистовъ якобинцами и республиканцами. Въ припискѣ къ одному изъ писемъ къ Шешковскому (вѣроятно отъ 14-го авг.), кн. Прозоровскій говоритъ: — „Они совершенные іезуиты, слѣдственно всѣ ихъ намѣренія имѣютъ касательно персоны государевой. А чтобъ они противъ не были правительства, то это онъ (Новиковъ) утаилъ, вотъ почему я догадываюсь, какъ сказано въ законѣ, что мы передъ Богомъ всѣ равны. Въ началѣ люди были равны, доколѣ не стали собираться въ обществахъ и правились старшими въ родѣ. Вы изъ бумагъ ихъ видите послѣднее, а законъ они показывали исполнять во всей точности, слѣдственно и есть равенство людей и права человѣка, а если бъ успѣли они персону привести, какъ и старались на сей конецъ, чтобъ привести конецъ злому своему намѣренію, то бъ хуже сдѣлали фр. краля“ [1]).

И. В. Лопухинъ, начиная свой разсказъ о допросахъ его кн. Прозоровскимъ, говоритъ: — „Портрета кн. Прозоровскаго писать я не буду для того, чтобы не дать пищи своему пристрастію; ибо онъ такъ много былъ лично противъ меня,

[1]) Послѣднія два слова сокращенно написаны и весьма неразборчиво; но, кажется, общій смыслъ приведенныхъ словъ ясенъ.

какъ только бы можно быть противъ своего злодѣя человѣку, не имѣющему даже понятія о томъ, что должно прощать врага своего; я не только никогда ему зла не желалъ, не дѣлалъ и не могъ дѣлать, да и сердитъ на него не бывалъ". Мы тоже не желали бы *писать портретъ* кн. Прозоровскаго, хотя для насъ и не можетъ быть поводовъ, останавливавшихъ Лопухина; но этотъ *портретъ* самъ собою рисуется передъ глазами, во весь ростъ, какъ одной изъ типическихъ личностей нашей администраціи того времени, котораго значеніе такъ вѣрно опредѣлилъ геніальный умъ кн. Потемкина. Узнавъ о назначеніи кн. Прозоровскаго генералъ-губернаторомъ въ Москву, онъ писалъ императрицѣ: — „Ваше Величество выдвинули изъ вашего арсенала самую старую пушку, которая непремѣнно будетъ стрѣлять въ нашу цѣль, потому что своей не имѣетъ. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью въ потомствѣ имя Вашего Величества[1])". Съ ревностью, достойною лучшаго направленія, не жалѣя труда, кн. Прозоровскій стремился открыть то, чего открыть было невозможно, какъ вовсе несуществовавшаго въ дѣйствительности; не щадя лицъ, тратилъ время, гоняясь за призракомъ, созданнымъ его же испуганнымъ воображеніемъ и упускалъ изъ виду именно то, что въ этомъ случаѣ представлялось особенно важнымъ и должно бы бросаться въ глаза слѣдователю. Законный путь судебнаго разсмотрѣнія дѣла казался ему недостаточнымъ и даже опаснымъ, и административный произволъ, хотя бы и благонамѣренный — единственнымъ средствомъ предохранить Россію отъ грозящей ей будто бы опасности. И къ какимъ бы это могло привесть гибельнымъ послѣдствіямъ, если бъ проницательный умъ великой императрицы не охладилъ ревности и не остановилъ порывовъ своего усерднаго, но близорукаго слуги!

Обращаясь къ отвѣтамъ Новикова на 21-й вопросный пунктъ, видимъ, что ему была показана найденная въ его бумагахъ записка Баженова о его представленіи цесаревичу и разговорѣ съ нимъ. Сверхъ того отвѣтъ берлинскихъ масоновъ на письмо Шредера, въ которомъ, какъ видно изъ этого отвѣта, онъ предлагалъ цесаревича назначить великимъ

[1]) „Русск. Вѣстникъ" 1858 г., № XV, стран. 457.

пріоромъ масонскихъ ложъ въ Россіи, а также переписка Шварца, или свѣдѣнія о ней, съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ о томъ же предметѣ.

Этихъ послѣднихъ, любопытныхъ документовъ не находится въ изданныхъ бумагахъ, но ихъ содержаніе, въ главныхъ чертахъ, видно изъ отвѣтовъ Новикова. Дѣйствія нашихъ масоновъ въ отношеніи къ цесаревичу Павлу Петровичу и ихъ сношенія съ нимъ до сихъ поръ были извѣстны только изъ показаній кн. Трубецкого, Лопухина и Тургенева; ими только и могъ воспользоваться Лонгиновъ; но они значительно дополняются и объясняются отвѣтами самого Новикова.

Извѣстный архитекторъ Баженовъ пользовался расположеніемъ императрицы Екатерины и, состоя художникомъ при кабинетѣ, былъ лично извѣстенъ цесаревичу по своимъ архитектурнымъ работамъ. Впослѣдствіи, по восшествіи на престолъ, Павелъ Петровичъ назначилъ его вице-президентомъ Академіи художествъ и осыпалъ своими милостями[1]).

Вѣроятно, по случаю предполагавшейся перестройки Кремля, возведенія дворца въ Царицынѣ и другихъ архитектурныхъ работъ, Баженовъ проживалъ въ Москвѣ. Тамъ онъ познакомился съ масонами и, при содѣйствіи Карачинскаго, уже масона, вступилъ въ ложу Новикова въ 1774 г. Но онъ часто ѣздилъ въ Петербургъ и, по своимъ занятіямъ, всегда представлялся какъ императрицѣ, такъ и цесаревичу. Въ 1775 г., петербургскій книгопродавецъ Глазуновъ, будучи въ Москвѣ, разсказывалъ, что для цесаревича искали въ книжныхъ лавкахъ сочиненія Арндта объ истинномъ христіанствѣ. Какъ эта книга была издана *компаніею* Новикова, то, естественно, это извѣстіе, если не было сообщено ему самимъ Глазуновымъ, то немедленно дошло до него и его товарищей. Около этого времени Баженовъ собрался ѣхать въ Петербургъ, по своимъ дѣламъ. „Передъ отъѣздомъ — говоритъ въ своемъ показаніи Новиковъ — сказалъ онъ мнѣ и Гамалеѣ, что онъ по пріѣздѣ будетъ у той *особы*, о которой въ бумагѣ говорится, и сказалъ: эта особа ко мнѣ давно милостива, и я у нее буду; а вить эта особа и тебя

---

[1]) М. Евгенія, Словарь русск. свѣтск. писателей ч. 1, стран. 7 и слѣд. — Бантышъ-Каменскаго, Словарь достопамят. людей русск. земли, ч. 1, стран. 74 и слѣд.

изволитъ знать, такъ не пошлете ли какихъ книжекъ". Новиковъ отвѣчалъ ему, что онъ только представлялъ цесаревичу нѣсколько разъ изданныя имъ книги и потому не думаетъ, чтобы онъ могъ о немъ помнить. Но, весьма естественное, желаніе распространить ученіе, въ истинѣ которыхъ онъ былъ убѣжденъ, и пріобрѣсть сильнаго ихъ защитителя и покровителя, остановило Новикова отвѣчать отрицательно на предложеніе Баженова. — „Мы посовѣтуемся съ старшими братьями, сказалъ онъ, объ этомъ, и какъ рѣшимся, посылать ли книги или нѣтъ, я тебѣ послѣ скажу". Посовѣтовавшись между собою, они рѣшились послать книги; но поручили Баженову поступать въ этомъ случаѣ съ крайнею осторожностью, „чтобы онъ самъ отнюдь не высовывался съ книгами, самъ не зачиналъ говорить, а развѣ та особа сама зачнетъ". По возвращеніи изъ Петербурга, Баженовъ далъ знать о своемъ пріѣздѣ Новикову и Гамалею, и первый поспѣшилъ извѣстить его, чтобы разузнать о судьбѣ посланныхъ книгъ. Баженовъ говорилъ, „что онъ у той особы былъ принятъ милостиво и книги отдалъ, и кое-что, какъ разсказываетъ Новиковъ, конфузно разсказалъ о томъ, что въ бумагѣ писано, сказавъ, что онъ все напишетъ и привезетъ ко мнѣ".

Сообщенныя Баженовымъ свѣдѣнія онъ поспѣшилъ передать кн. Трубецкому и Гамалею. Въ скоромъ времени Баженовъ на письмѣ изложилъ свое свиданіе и разговоръ съ великимъ княземъ. „Читавши оную бумагу съ Гамалеею, — говоритъ Новиковъ, — мы испугались, и ежели бы не для показанія кн. Трубецкому, то тогда же бы ее сожгли отъ страха, хотя и радовались милостивому принятію книгъ и не вѣрили всему, что написано. Я показалъ кн. Трубецкому эту бумагу, ее читали и такъ же видѣли, что онъ много вралъ, и говорилъ своихъ фантазій, выдавая за ученіе орденское. Кн. Трубецкой требовалъ у меня этой бумаги; но я сказалъ ему, что я нѣсколько оранжирую и, переписавъ ему ее отдамъ. Тогда же рѣшились этой бумаги Баженову не отдавать назадъ и протягивать это подъ разными отговорками, въ самомъ же дѣлѣ боялись его болтливости, и чтобъ сколько возможно запретить ему ни съ кѣмъ изъ братьевъ не говорить, кромѣ насъ двоихъ съ Гамалеею, и чтобы сказать ему, что изъ нашихъ, кромѣ насъ двоихъ, о

семъ никто не знаетъ; что я и исполнилъ, и послѣ часто ему подтверждали и запрещали. Переписывая, я ее сократилъ и, все невѣроятное выкинувъ, отдалъ кн. Трубецкому, а эту оставилъ у себя".

Неизвѣстно какими соображеніями и разсказами описалъ Баженовъ въ своей запискѣ свиданіе съ цесаревичемъ, но изъ показаній о ней Новикова и его товарищей возможно предполагать, что при этомъ случаѣ фантазія художника, недавно обращеннаго въ масоны, разыгралась на просторѣ. Новиковъ не хотѣлъ даже передать эту записку кн. Трубецкому въ подлинномъ изложеніи, но счелъ нужнымъ сократить ее и передѣлать. Конечно, въ ней выраженъ былъ личный взглядъ увлекавшагося Баженова, но это могло только объясниться впослѣдствіи, но съ перваго разу, попавшись въ руки такого слѣдователя какъ Шешковскій, она не могла не возбуждать подозрѣній.

Несмотря на *страхъ*, возбужденный въ Новиковѣ и его товарищахъ запискою Баженова, и опасенія, которыя внушалъ самый личный его характеръ, Новиковъ рѣшился вновь послать съ нимъ книги для поднесенія цесаревичу, когда въ 1777 и 1778 годахъ Баженовъ опять собрался ѣхать въ Петербургъ. Желаніе распространять свои ученія и пріобрѣсти въ наслѣдникѣ престола сильнаго защитника и покровителя, очевидно взяли верхъ надъ страхомъ. „Когда онъ просилъ опять — говоритъ Новиковъ — чтобы съ нимъ послать къ той особѣ книгъ, и тогда, по совѣту же, дана мною книжка, извлеченіе краткое изъ сочиненій Ѳомы Кемпійскаго и еще на нѣмецкомъ языкѣ книга о таинствѣ креста, и эту съ тѣмъ, что если угодно будетъ той особѣ читать на нѣмецкомъ языкѣ". Представленіе сочиненій и издаваемыхъ книгъ высокимъ лицамъ было въ обычаяхъ того времени и, конечно, не могло бы имѣть особаго значенія въ глазахъ императрицы и даже слѣдователей, но нельзя было не обратить вниманія на поднесеніе книги на нѣмецкомъ языкѣ, не Новиковымъ изданной и бывшей въ особомъ почетѣ у масоновъ.

По возвращеніи изъ Петербурга, Баженовъ снова составилъ записку о свиданіи съ цесаревичемъ и передалъ ее Новикову. „Въ ней — по словамъ Новикова — описано было также, что та особа приняла его милостиво, что книги

поданы и приняты благосклонно, что разговоръ былъ о книгахъ и о томъ, что увѣренъ ли онъ въ томъ, что между ними нѣтъ ничего худого? Баженовъ увѣрялъ ту особу, что нѣтъ ничего худого; а та особа съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ говорила, что можетъ быть ты и не знаешь, а которые старѣе тебя, тѣ знаютъ и тебя самого обманываютъ. Онъ увѣрялъ, что нѣтъ ничего худого клятвенно. Еще былъ разговоръ о книгахъ поданныхъ; о нѣмецкой книгѣ та особа сказала, что читать ее не можетъ, и не помню, оставлена ли она или отдана обратно".

Эта записка была короче первой, и въ ней сказано, что разговоръ свой съ Баженовымъ великій князь заключилъ словами: „Богъ съ вами, только живите смирно".

Наконецъ, въ 1792 г., Баженовъ въ третій разъ ѣздилъ въ Петербургъ и передъ отъѣздомъ снова просилъ Новикова дать ему книгъ для представленія великому князю. Но на этотъ разъ, быть можетъ въ виду уже готовой разразиться надъ нимъ грозы, Новиковъ не далъ ему никакихъ книгъ, говоря — „что за болѣзнью некогда мнѣ приготовить".

По возвращеніи изъ Петербурга, Баженовъ разсказалъ Новикову, что — „онъ у той особы былъ и принятъ былъ съ великимъ гнѣвомъ на насъ, и что та особа запретила ему и упоминать о насъ; а ему сказала: я тебя люблю и принимаю, какъ художника, а не какъ мартиниста. Объ нихъ же и слышать не хочу, и ты рта не разѣвай о нихъ говорить".

Если къ этимъ показаніямъ Новикова присоединить слѣдующія обстоятельства, то подозрѣніе, составлявшее главную задачу слѣдователей, выступаетъ во всемъ его объемѣ.

Еще прежде носились слухи, что, по примѣру многихъ изъ европейскихъ принцевъ того времени, и цесаревичъ вступилъ въ масонскій орденъ; одни говорили, что посвятилъ его шведскій король Густавъ III во время пребыванія въ Петербургѣ въ 1777 году, другіе предполагали, что онъ принятъ въ орденъ за границею, во время путешествія въ 1781 г. Въ его свитѣ находились кн. А. Б. Куракинъ и С. И. Плещеевъ, ревностные масоны, и въ это же время былъ за границею Шварцъ, и хлопоталъ, чтобы освободить русскія масонскія ложи отъ зависимости у иностранныхъ властей и составить изъ Россіи особую самостоятельную про-

винцію ордена съ особымъ пріоратомъ. Эта цѣль была достигнута на Вильгельмсбадскомъ конгрессѣ масоновъ, и Россія объявлена особою, восьмою провинціею ордена. Устраивая новое управленіе въ 1782 г., московскіе масоны оставили должность провинціальнаго великаго мастера вакантною. „Ее приберегали для наслѣдника престола, замѣчаетъ г. Лонгиновъ, указывая на надежды масоновъ на благоволеніе и покровительство великаго князя. Въ пѣсняхъ масонскихъ[1]), неоднократно встрѣчаются похвалы ему. Шварцъ предлагалъ признать великаго князя провинціальнымъ великимъ мастеромъ русскаго масонства"[2]). Это обстоятельство было открыто слѣдствіемъ и, сверхъ того, недавняя переписка Шредера съ берлинскими масонами о томъ же предметѣ. Такимъ образомъ, въ глазахъ слѣдователей, съ одной стороны, открывался цѣлый рядъ попытокъ масоновъ, въ продолженіи десяти лѣтъ, завлечь въ свой орденъ великаго князя, а съ другой, современныя происшествія въ Европѣ и наши отношенія къ нѣкоторымъ государствамъ возбуждали подозрѣніе, не имѣли ли эти попытки и политическаго значенія. Только подробное изслѣдованіе могло доказать, что между предложеніемъ Шварца, сношеніями Баженова и перепискою Шредера не было никакой связи, и стремленія

---

[1]) Масонскихъ пѣсенъ сохранилось очень много. Хотя ихъ пѣвцы и не отличаются поэтическими дарованіями; но въ историческомъ отношеніи ихъ пѣсни заслуживаютъ вниманія и изслѣдованія. Въ публичныхъ библіотекахъ и у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ сохраняются рукописныя и тайно напечатанныя разными ложами сборники такихъ пѣсенъ. Изъ находящихся у насъ выписываемъ слѣдующія строки:

А если обладать душею
Того..., кто участью своею
На свѣтѣ превосходитъ всѣхъ —
Съ какимъ примѣромъ не умѣю
Сравнить великій сей успѣхъ?

О старецъ братьямъ всѣмъ почтенный,
Коль славно, Панинъ, ты успѣлъ!
Своимъ премудрымъ ты совѣтомъ
Въ храмъ дружбы сердце царско ввелъ.

Вѣнчанна мира красотою,
Плѣнилъ невинной простотою,
И что есть смертный — вразумилъ,
Власть пышну — съ дружбою святою
И съ человѣчествомъ смирилъ...

[2]) Новиковъ и пр., стран. 176 и 77; срав. 107 и 158 и 9.

завлечь въ свой орденъ великаго князя не имѣли никакой политической цѣли, со стороны нашихъ масоновъ.

Что касается до предложенія Шварца, то Новиковъ въ первыхъ отвѣтахъ на вопросные пункты вовсе не говоритъ о немъ, и это молчаніе въ послѣдующихъ отдѣлахъ объясняетъ такимъ образомъ: — „Прежнее намѣреніе Шварцово, по письму принца гессенъ-кассельскаго, у меня и изъ головы вышло, и я объ немъ и вспомнилъ только уже здѣсь, когда показана она мнѣ была; что по истинѣ какъ предъ Богомъ говорю, чтобы думать тогда о введеніи той особы въ орденъ, я бы и помыслить сего не осмѣлился и почиталъ бы то невозможнымъ къ исполненію; но единственно надѣялся только и ожидалъ милостиваго покровительства и заступленія". Нѣтъ никакихъ поводовъ подозрѣвать Новикова въ неискренности въ этомъ случаѣ.

Какъ предложеніе Шварца не имѣло никакой связи съ сношеніями Баженова съ цесаревичемъ, такъ еще менѣе находилось въ связи съ этими происшествіями предложеніе Шредера и отвѣтъ на него. Этотъ иностранецъ, искатель приключеній, какъ и множество другихъ ему подобныхъ, по свойству самого нашего общества, удобно втерся въ него и попалъ въ друзья, довѣренное лицо и даже посредника въ сношеніяхъ съ Берлиномъ и у московскихъ масоновъ. Въ 1787 г., онъ отправился въ Берлинъ. Еще довѣряя ему, кн. Трубецкой далъ ему въ числѣ другихъ бумагъ и сокращенную записку Баженова. Шредеръ, безъ вѣдома и согласія русскихъ масоновъ, сдѣлалъ представленіе тамошнимъ масонскимъ властямъ о назначеніи цесаревича великимъ мастеромъ русской провинціи ордена, которое было ими отклонено, потому что великій князь не былъ масономъ. Шредеръ — „въ представленіи своемъ, — какъ показалъ Новиковъ, о которомъ мы узнали только изъ сего отвѣта, — между прочимъ писалъ о той особѣ; но что онъ писалъ, о томъ я совершенно не знаю, потому что мнѣ того не показывали и не сказывали, а требовать того не имѣлъ я права. Да думаю, но вѣрно не знаю, что едва зналъ ли о томъ и кн. Трубецкой, потому что онъ, по переводѣ, вручая мнѣ сей отвѣтъ, оказывалъ свое удивленіе о томъ". Дѣйствительно, отправляя Шредера и Кутузова въ Берлинъ, кн. Трубецкой имѣлъ только въ виду, чрезъ ихъ посредство, поучиться

таинствамъ масонской науки, которыхъ такъ ревностно искали наши масоны и — никакъ не могли найти[1]).

Такимъ образомъ, между дѣйствіями Шварца, Баженова и Шредера ничего не было общаго, кромѣ общаго, конечно, всѣмъ масонамъ стремленія распространять свои ученія и привлекать въ свою среду лицъ, имѣющихъ силу и значеніе въ обществѣ. Въ отношеніяхъ Новикова и его товарищей къ цесаревичу не было никакихъ политическихъ видовъ и намѣреній. „Что, по полученіи бумаги сей Баженовымъ писанной — говоритъ онъ — никакого намѣренія, ниже поползновенія къ какому-нибудь умыслу или безпокойству и смятенію не имѣли, ни въ мысль не входило, сіе предъ самимъ живымъ Богомъ и предъ стопами ея величества исповѣдаю и утверждаю и готовъ кровію моею запечатлѣть". Прочитавъ записку Баженова — говоритъ Новиковъ — „испугался и истинно не повѣрилъ, зная того человѣка, который писалъ оную; но подумалъ, что хотя часть малая справедлива, о милостивыхъ отзывахъ и милостивомъ принятіи книгъ поданныхъ, то радовался и надѣялся милостиваго покровительства и заступленія. Другова же никакого подвига при семъ истинно, какъ предъ Богомъ говорю, не было". Дѣйствительно, слѣдствіе не обнаружило никакихъ политическихъ замысловъ масоновъ, несмотря на все усердіе и старанія Шешковскаго. Свѣтлый умъ императрицы это замѣтилъ и понялъ, и потому — она воротилась къ прежнему своему взгляду на масонскія ложи и ихъ значеніе и дѣйствіе въ Россіи.

Къ такому заключенію приводитъ насъ особенно то обстоятельство, что императрица не только ограничилась незначительными наказаніями или, лучше сказать, простыми мѣрами предосторожности, въ отношеніи къ ближайшимъ товарищамъ и сотрудникамъ Новикова, но и произнесла свой приговоръ въ отношеніи къ нимъ, прежде нежели надъ ними произведено было слѣдствіе, — въ томъ же самомъ указѣ, 1-го августа 1792 г., въ которомъ именно поручалось кн. Прозоровскому допросить ихъ и взять у нихъ бумаги. Ея свѣтлый умъ давно понялъ и рѣшилъ дѣло; но — въ это время, онъ начиналъ уже уступать постороннимъ

[1]) Лѣтоп. Русс. Литер. и др., т. V, отд. 2, стран. 55.

вліяніямъ. Графъ Платонъ Зубовъ принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ[1]); кн. Прозоровскій, какъ мы видѣли, постоянно въ донесеніяхъ императрицѣ и въ письмахъ къ Шешковскому, настаивалъ о необходимости подвергнуть ихъ слѣдствію и наказанію; Степанъ Ивановичъ Шешковскій, кажется, также не былъ бы прочь прибрать ихъ къ своимъ рукамъ. Въ его возраженіяхъ на отвѣты Новикова часто встрѣчаются указанія, что для объясненія того или другого вопроса, нужно допросить кого-нибудь изъ его товарищей. Эти два взгляда шли, какъ бы рядомъ, одинъ возлѣ другого и особенно отразились въ указѣ 1-го августа 1792 г. — „Разсматривая — сказано въ немъ — произведенныя оставному поручику Николаю Новикову допросы и взятыя у него бумаги, находимъ мы съ одной стороны вредные замыслы сего *преступника* и его *сообщниковъ*, духомъ любоначалія и корыстолюбія зараженныхъ, съ другой же, крайнюю слѣпоту, невѣжество и развращеніе ихъ послѣдователей. На семъ основаніи составлено ихъ общество; плутовство и обольщеніе употребляемо было къ распространенію раскола не только въ Москвѣ, но и въ прочихъ городахъ. Самыя священныя вещи служили орудіемъ обмана. И хотя поручикъ Новиковъ не признается въ томъ, чтобы *противу правительства* онъ и *сообщники* его какое злое имѣли намѣреніе, но слѣдующія обстоятельства обнаруживаютъ *ихъ явными* и *вредными государственными преступниками*... Что касается до *сообщниковъ* его, то не только показанія Новикова, но и многія писанныя руками ихъ, заразительныя бумаги, обличаютъ въ соучавствованіи ему во *всѣхъ законопротивныхъ* его дѣйствіяхъ...“ Послѣ этихъ строкъ невольно ожидаешь, что грозная кара постигнетъ и этихъ лицъ, такъ же какъ Новикова; но вмѣсто того объявляется помилованіе, и напередъ предполагается даже, что они чистосердечно раскаются и отдадутъ находящіяся у нихъ бумаги.

Въ смутномъ положеніи дѣлъ и броженіи мыслей въ то время могли соединиться даже противоположные взгляды Екатерины и Шешковскаго.

Взглядъ императрицы выразился также и въ дѣлѣ Невзорова и Колокольникова.

---

[1]) Записки Храповицкаго, подъ 2 мая 1792 г.

Въ 1788 г., по совѣту Новикова, были отправлены за границу, на счетъ Лопухина, студенты Невзоровъ и Колокольниковъ. Въ одномъ изъ отвѣтовъ на вопросные пункты, Новиковъ писалъ, „что хотя во взятыхъ у него бумагахъ и находятся предписанія о дѣланіи золота, исканіи философскаго камня и прочихъ химическихъ практическихъ работахъ; но эти предписанія оставались безъ всякаго исполненія, потому что изъ нихъ не было никого еще, кто бы практическое отправленіе сихъ работъ зналъ. При отъѣздѣ же Кутузова въ Берлинъ сказано было, что онъ будетъ наученъ и наставленъ между прочимъ и въ практическихъ химическихъ работахъ". Впослѣдствіи Кутузовъ извѣщалъ, что онъ дѣйствительно „упражняется въ этихъ практическихъ работахъ". Студенты Багрянскій, Новиковымъ, и Невзоровъ и Колокольниковъ были отправлены съ тою же, между прочимъ, цѣлію. Что касается до двухъ послѣднихъ, то Лопухинъ прямо выражаетъ эту цѣль. — „Они отправлены были въ слѣдующемъ намѣреніи, — говоритъ онъ, — что когда они выучатся химіи, медицинѣ, натуральной исторіи и прочаго, чтобы по впаденіи ихъ въ розенкрейцеры тѣмъ удобнѣе могли упражняться по методѣ и системѣ онаго ордена и быть у насъ лаборантами, каковые при кругахъ бываютъ и коихъ работы служатъ для наблюденія прочимъ членамъ, коихъ большая часть въ томъ не упражняется". Поэтому почти передъ самымъ отъѣздомъ они были приняты въ масоны, *екосскими метрами* той ложи, которая находилась подъ управленіемъ Лопухина.

Конечно, подобнаго рода занятія *таинствами герметической науки*, въ которую, къ сожалѣнію, вѣрили даже образованнѣйшіе изъ нашихъ масоновъ, не могли бы обратить на себя никакого вниманія императрицы; но посредствомъ Кутузова производились сношенія съ заграничными ложами и особенно съ Вельнеромъ, которыя казались подозрительными. Предполагая, что подобныя же сношенія могли производиться и посредствомъ Невзорова и Колокольникова, ихъ велѣно было арестовать въ Ригѣ, 14 февр. 1792 года., на возвратномъ пути въ Россію. Сверхъ того изъ перехваченной переписки предполагали, не былъ ли Невзоровъ въ Парижѣ и даже въ сношеніяхъ съ членами революціоннаго правительства. Это подозрѣніе было усилено образомъ дѣйствій

Невзорова во время допросовъ и нѣкоторыми его словами. Поэтому, въ числѣ допросныхъ пунктовъ, ему былъ предложенъ слѣдующій: „Въ присутствіи Ив. Ив. Шувалова между прочимъ говорили вы, что Лопухинъ писалъ къ вамъ, будто вы были въ Парижѣ и въ народномъ собраніи; то и показать вамъ по самой истинѣ, были ль вы въ оной или неимѣли ль какого сообщенія или сношенія съ членами народнаго собранія?“ [1])

Мы полагаемъ, что какъ на этотъ, такъ и на всѣ другіе вопросы, Невзоровъ не далъ письменныхъ отвѣтовъ, которыхъ и не находится въ издаваемыхъ бумагъ, и полагаемъ, на основаніи слѣдующихъ соображеній: „Шуваловъ, — говоритъ М. А. Лонгиновъ, — заступался за Невзорова и Колокольникова, которые между тѣмъ оказались не совсѣмъ здоровыми и ихъ помѣстили въ Обуховскую больницу, гдѣ Колокольниковъ вскорѣ и умеръ. Невзорову, въ видѣ милости, предложили благовидную ссылку, а именно опредѣленіе врачомъ на службу въ *Сибири*. Но онъ отказался отъ такого предложенія подъ *предлогомъ* болѣзни и долженъ былъ остаться въ больницѣ, которая была — домъ *умалишенныхъ*. Тамъ пробылъ онъ нѣсколько лѣтъ, до воцаренія Павла I, и такое *добровольное*, но *необходимое* для спасенія отъ поѣздки въ Сибирь, заточеніе сильно подѣйствовало на его мораль. Кажется, что съ Невзоровымъ были въ теченіе этого времени изрѣдка припадки, доказывающіе нѣкоторое разстройство умственныхъ способностей и что онъ исцѣлился отъ нихъ только послѣ своего освобожденія“ [2]). Быть можетъ, при скудности имѣвшихся до настоящаго времени свѣдѣній о слѣдствіи надъ Невзоровымъ, и можно было выразить такой взглядъ, но онъ оказывается совершенно невѣрнымъ.

Вотъ что разсказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ Невзорову товарищъ его по заграничному путешествію Колокольниковъ, въ собственноручно имъ писанной автобіографіи: — „Получилъ отъ доктора философіи Еммерта (изъ Геттингена, гдѣ находился Невзоровъ), который товарища моего экзерцировалъ почти каждодневно въ нѣмецкомъ языкѣ, письмо, что товарищъ мой отчаянно болѣнъ и ипохондричаетъ въ

---

[1]) Ср. письмо Невзорова къ Поздѣеву. Библ. записки 1858, т. I, № 21, стран. 651 и слѣд., и записки Лопухина, стран. 51 и слѣд.

[2]) Новиковъ и московск. мартинисты, стран. 355.

высочайшей степени. И такъ я въ ту же пору отправился опять въ Геттингенъ; пріѣхавъ, я спрашивалъ причину болѣзни; докторъ Еммертъ и другой докторъ медицины, приставленный къ нему отъ проректора тамошняго, лѣчившій его и приходившій къ нему по два и по три раза въ день, сказывали, что онъ поелику мало былъ свѣдущъ въ нѣмецкомъ языкѣ, то ухватился переводить Блуменбахову натуральную исторію на латинскій языкъ, которой и весьма много въ короткое время перевелъ, чтобы и въ нѣмецкомъ языкѣ и въ натуральной исторіи тѣмъ болѣе и скорѣе успѣть, ибо одинъ только годъ оставался доживать въ чужихъ краяхъ. Живущіе въ квартирѣ сказывали и другую причину, которая бы не къ похвалѣ его послужила, еслибъ я ее захотѣлъ здѣсь припомнить, однако есть ли дѣло изслѣдовано будетъ, то и та причина откроется; то я и ее не хочу утаить. Мнѣ сказывали, что онъ влюбленъ былъ въ дѣвку, въ домѣ томъ живущую, потратилъ на нее много денегъ, а склонить не могъ; итакъ потративъ деньги и недовольно успѣвъ въ натуральной исторіи, впалъ въ сію болѣзнь. Я оставляю сіе точнѣйшему изслѣдованію, но другихъ причинъ ни отъ кого тамъ не слышалъ. Онъ, во время бѣшенства, пока оно еще не усилилось, писалъ отчаянное, какъ я слышалъ, письмо къ г. Лопухину, что онъ деньги его пропилъ и промоталъ, однако о пьянствѣ его и безпутной жизни никто мнѣ не сказывалъ, напротивъ того, увѣряли, что онъ честно жилъ. Тогда, какъ начиналъ онъ выздоравливать отъ сей болѣзни, бросилъ прочія книги, началъ читать библію и, между прочимъ, началъ переводить книгу, которой переводъ теперь между другими бумагами находится (о таинствахъ креста). По пріѣздѣ моемъ въ Геттингенъ я нашелъ его выздоравливающаго, однако же ни со мною ни съ приходящими не говорилъ онъ почти ни слова, выходилъ только прогуливаться за городъ, въ садъ хозяйки, у которой жили. Черезъ мѣсяцъ, какъ жары лѣтніе усилились, то онъ опять впалъ въ прежнюю болѣзнь, ночь и день бѣгалъ по комнатѣ скорѣйшимъ образомъ и, потерявши уже всѣ силы, падалъ на короткое время на постелю. Дней черезъ шесть, въ которыя онъ ничего не ѣлъ и не пилъ, насилу я его могъ склонить, чтобы кусокъ хлѣба съѣлъ, въ противномъ случаѣ едва ли бы могъ живъ остаться“.

Этотъ разсказъ товарища Невзорова, который и при допросахъ въ Петербургѣ, оправдывая самого себя, писалъ въ то же время: „*за бѣднаго* моего товарища *присяжно* ручаюсь, что онъ ничего худого не сдѣлалъ, онъ не противникъ правительству, ни христіанскому закону“, — безъ сомнѣнія, нельзя заподозрить въ пристрастіи или преувеличеніи. Напротивъ, онъ даже считаетъ предосудительнымъ поступокъ, за который, конечно, нельзя еще слишкомъ строго винить молодого человѣка, а Невзорову въ то время еще не было и тридцати лѣтъ. О письмѣ къ Лопухину, о которомъ упоминаетъ Колокольниковъ, говоритъ и самъ Лопухинъ въ отвѣтахъ, на предложенные ему вопросные пункты. „Ихъ письма ко мнѣ — пишетъ онъ — состояли почти только въ просьбахъ о присылкѣ денегъ, и еще въ увѣдомленіяхъ о лекціяхъ, слушаемыхъ въ университетѣ, кромѣ двухъ писемъ Невзоровскихъ, раскаятельныхъ и признательныхъ въ лѣности, нерадѣніи и испорченности нрава его, весьма жарко писанныхъ. Да еще столькихъ же отъ Колокольникова, описавшаго состояніе товарища своего, въ которомъ онъ находитъ дѣйствіе меланхоліи“. Эти слова вполнѣ подтверждаютъ справедливость показаній Колокольникова, который о болѣзни Невзорова писалъ и Лопухину гораздо прежде и, не думая, конечно, что будетъ привлеченъ къ слѣдствію.

Въ такомъ положеніи онъ находился за нѣсколько мѣсяцевъ до его возвращенія въ Россію. Внезапный арестъ, безъ сомнѣнія, оказалъ дѣйствіе на его здоровье. Разсказъ о допросахъ Невзорова Шешковскимъ Лонгиновъ почерпнулъ изъ записокъ Лопухина, и соображая его съ докладомъ Шешковскаго императрицѣ, находящимся въ изданныхъ документахъ, 29 августа 1792 года, онъ представляется правдоподобнымъ. Изъ этого доклада видно, что Невзоровъ и его товарищъ, какъ лица, происходившія изъ духовнаго званія, были первоначально помѣщены въ Невской лаврѣ, и потомъ уже Невзоровъ переведенъ въ крѣпость. Дѣйствительно, онъ не хотѣлъ отвѣчать на вопросы Шешковскаго, несмотря на угрозу тѣлеснаго наказанія, безъ присутствія при допросахъ депутата отъ университета или самого попечителя Ив. Ив. Шувалова. Императрица приказала отвесть его къ Шувалову и допросить въ его присутствіи. На вопросъ: знаетъ ли онъ его, Невзоровъ отвѣчалъ, что знаетъ,

и послѣ увѣщаній Шувалова, сказалъ, что теперь буду отвѣчать. Но, вслѣдъ за тѣмъ, не ожидая вопросовъ, началъ говорить: „Я за товарищей своихъ ученаго общества отвѣчаю головою, такъ какъ и за книгу, которую я переводилъ въ чужихъ краяхъ, что въ ней противнаго греческой церкви ничего нѣтъ, отвѣчаю головою, а она противъ папы и іезуитовъ. А въ Невскомъ монастырѣ всѣ іезуиты и меня душили магнизаціею, такъ же и въ крѣпости всѣ іезуиты, и тутъ такъ же его мучатъ составами Калліостра, горячими матеріалами". Послѣ того, какъ старались доказать ему несправедливость его мнѣній, онъ снова повторялъ: „Тамъ всѣ точно іезуиты, и меня и въ супахъ кормили ядомъ и я хотѣлъ уже выскочить въ окошко. Караульные въ Невскомъ, намѣстникъ, однимъ словомъ — всѣ іезуиты, а солдаты и сержантъ изъ корпуса шпіоны, и могу сказать, что есть и разбойники, которые имена себѣ перемѣнили, а въ крѣпости есть и изъ запорожцевъ". На увѣренія, что это неправда, что солдаты *люди добрые*, и никто не покушается на его жизнь, онъ говорилъ: „Во Франціи, гдѣ прежде бунтъ начался, какъ не въ Бастиліи? Вѣдь и здѣсь былъ Пугачевъ, да есть еще какой-то, подобный ему Метелкинъ".

На вопросъ, почему онъ, по примѣру своего товарища Колокольникова, не пошелъ на исповѣдь и къ причастію въ Невской лаврѣ? онъ отвѣчалъ: „Я не хотѣлъ. Да и у кого тамъ исповѣдоваться; въ Невскомъ, всѣ — мужики и бѣлые попы, они всякой день играютъ комедіи; а отъ товарища своего, Колокольникова, отрицаюсь потому, что онъ іезуитъ".

Когда, наконецъ, послѣ многихъ увѣщаній, Шуваловъ далъ ему письменное приказаніе отвѣчать на вопросы, которые будутъ ему предложены, то Невзоровъ просилъ, чтобы отвели ему — „другой покой, а въ этомъ покоѣ писать онъ не можетъ; потому что подъ покоемъ, гдѣ онъ сидитъ, множество горючихъ матерій,—да думаю, что тутъ много и мертвыхъ. Оному Невзорову сказано было, чтобъ онъ употреблялъ порядочную пищу и взялъ бы присланное къ нему бѣлье, такъ какъ и порядочную, по милосердію всемилостивѣйшей государыни, одежду, на что онъ сказалъ: мнѣ ничего не надобно, ибо всякое бѣлье и платье намагнизировано".

Въ заключеніи доклада о допросѣ Невзорова при Шуваловѣ, сказано: — „Его высокопревосходительство Иванъ Ивановичъ съ сожалѣніемъ, по человѣчеству, заключеніе сдѣлалъ таково, что оный Невзоровъ въ умѣ помѣшанъ“. Этими словами окончилъ докладъ и Шешковскій, очевидно, соглашаясь съ заключеніемъ Шувалова, съ которымъ, послѣ разсказанныхъ нами обстоятельствъ, и мы должны согласиться. Если Невзоровъ и не былъ вполнѣ сумасшедшимъ, то, во всякомъ случаѣ, находился въ такомъ экзальтированномъ, болѣзненномъ состояніи души, которое граничитъ съ помѣшательствомъ.

По окончаніи слѣдствія надъ Новиковымъ и его товарищами и послѣ допросовъ Колокольникова, ему и Невзорову, по приказанію императрицы, предложено было опредѣлиться на службу докторами; но Невзоровъ отклонилъ это предложеніе. На вопросъ Шувалова: почему онъ не хотѣлъ воспользоваться этою милостію императрицы, онъ отвѣчалъ: „Я можетъ докторомъ-то и быть не хочу, а желаю быть подьячимъ, вѣдь насильно къ должности не опредѣляютъ“. Ни въ какихъ доселѣ изданныхъ документахъ нѣтъ и помину о Сибири.

Наконецъ, самъ Невзоровъ, въ письмѣ къ извѣстному масону О. А. Поздѣеву, въ 1817 году іюня 23-го, такъ говоритъ о своемъ пребываніи въ Обуховской больницѣ: — „Меня, содержавшагося въ домѣ сумашедшихъ (императоръ Павелъ) высочайше благоволилъ посѣтить пять разъ самъ и, въ первый разъ, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, съ высочайшею супругою своею, нынѣ вдовствующею государынею императрицею и благополучно царствующимъ нынѣ государемъ императоромъ. Не могъ я тогда быть освобожденъ по причинѣ болѣзни моей, которой милосердному Богу угодно было связать меня въ возмездіе прошедшихъ моихъ грѣховъ и въ подаяніи вѣрной мзды и счастію будущаго. Такъ что я былъ въ той больницѣ, по восшествіи блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Павла I, годъ и съ небольшимъ пять мѣсяцевъ. По не маломъ же облегченіи отъ болѣзни моей въ 1798 году, въ послѣдней половинѣ апрѣля мѣсяца, препровожденъ я, по высочайшему его императорскаго величества указу, въ Москву, и такъ, какъ я желалъ, къ приснопамятному и единственному благодѣтелю моему И. В. Лопухину и на его отчетъ“ [1]).

[1]) Библіограф. записки, М. 1858, т. I. № 21, стран. 653 и 654.

Итакъ, Невзоровъ былъ дѣйствительно боленъ, а не пользовался мнимою болѣзнью, какъ *предлогомъ* избѣжать *благовидной* ссылки.

По восшествіи на престолъ императора Павла Петровича, когда избавлены были отъ наказаній Новиковъ и его товарищи, обратили вниманіе и на Невзорова. Но, именно, по причинѣ продолжавшейся болѣзни, его нельзя было освободить немедленно, какъ другихъ. Въ изданныхъ вновь документахъ находился листокъ, на которомъ написаны слѣдующія строки: „О свиданіи и разговорѣ священника Орловскаго съ содержащимся въ домѣ сумашедшихъ студентомъ Невзоровымъ, 9 апрѣля 1798 г.“, съ надписью: *докладывано*. Къ сожалѣнію, самой записки не сохранилось; но, вѣроятно, въ это время здоровье Невзорова найдено было въ лучшемъ состояніи, и потому вслѣдъ затѣмъ и послѣдовалъ указъ, 16 апр., на имя генералъ-прокурора кн. Куракина, чтобы „студента Невзорова, въ разсужденіи выздоровленія его, отпустить въ Москву къ сенатору Лопухину съ тѣмъ, чтобы онъ за него и за поведеніе его отвѣчалъ“.

Мы указали на два различные характера этого процесса, которые соотвѣтствуютъ двумъ эпохамъ его производства, въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Политическія соображенія, вслѣдствіе обнаруженныхъ сношеній масоновъ съ заграничными принцами и другими лицами и ложами и ихъ отношенія къ наслѣднику престола, послужили поводомъ къ тому, что императрица измѣнила взглядъ на масоновъ, перевела производство дѣла въ Петербургъ, и, въ рукахъ Шешковскаго, оно приняло грозный видъ для подсудимыхъ. Но, съ того времени, какъ подробныя изслѣдованія обнаружили, что отношенія къ иностраннымъ ложамъ не имѣли никакого политическаго характера, что сношенія съ наслѣдникомъ престола не имѣли никакихъ вредныхъ послѣдствій и не обнаружили никакихъ злыхъ умысловъ и государственныхъ замысловъ со стороны Новикова и его друзей,— императрица снова возвратилась къ первоначальному взгляду на дѣло, по которому она не считала мартинистовъ людьми преступными или вредными въ политическомъ отношеніи, а напротивъ честными и хорошими гражданами, но увлеченными въ ложныя и нелѣпыя ученія нѣсколькими неблагонамѣренными людьми, и притомъ изъ корыстныхъ цѣлей. Но рас-

пространеніе этихъ ученій, посредствомъ изданія книгъ, считала она дѣйствительно вреднымъ, какъ въ отношеніи къ религіи, такъ и наукѣ; а самыя ложи, какъ тайныя общества — такимъ орудіемъ, которое могло сдѣлаться опаснымъ для правительства въ рукахъ неблагомѣренныхъ людей и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Положить предѣлъ распространенію масонскихъ ученій и уничтожить ложи — къ этому дѣйствительно клонились намѣренія императрицы, а не къ тому, чтобы карать людей, увлеченныхъ ложными ученіями, но безвредныхъ въ политическомъ отношеніи. Такъ она и поступила съ ближайшими сообщниками Новикова, разославъ ихъ по своимъ деревнямъ, и такимъ образомъ разлучивъ ихъ другъ отъ друга, а потомъ отмѣнила даже и этотъ приговоръ въ отношеніи къ Лопухину; такъ намѣревалась она поступить съ Невзоровымъ и Колокольниковымъ, опредѣливъ ихъ на службу врачами и обративъ ихъ на практически полезную дѣятельность.

Тотъ же взглядъ императрицы выразился и въ томъ, что она совсѣмъ не дала хода слѣдствію надъ всѣми другими лицами, принадлежавшими къ масонскимъ ложамъ, хотя многіе изъ нихъ по государственной службѣ и своему положенію въ обществѣ могли имѣть значеніе.

Но строгій приговоръ надъ Новиковымъ не соотвѣтствуетъ этому взгляду императрицы. Почему же для него одного было сдѣлано исключеніе? Этотъ вопросъ невольно представляется, при взглядѣ на тяжелое наказаніе, которому онъ былъ подвергнутъ, обращаетъ на себя вниманіе и требуетъ разсмотрѣнія.

Мы не имѣемъ намѣренія ни оправдывать Новикова и порицать дѣйствія императрицы ни оправдывать императрицу и, во что̀бы то ни стало, обвинять Новикова. Ни та ни другой не нуждаются въ оправданіи. Труды Новикова въ дѣлѣ нашего просвѣщенія достаточно извѣстны и оцѣнены, а славнымъ царствованіемъ Екатерины всегда будетъ гордиться Россія. Но, безъ сомнѣнія, возможны ошибки, объясняющіяся особенными временными обстоятельствами, возможны и личныя слабости и заблужденія. Мы желали бы только объяснить явленіе, повидимому, несогласное съ общимъ характеромъ дѣйствій Екатерины. „Кто правъ, г. Лонгиновъ — такъ спрашиваетъ одинъ изъ рецензентовъ его сочиненія [1]), голословно

[1]) „Русс. Вѣсти.“ 1867 г., май, стран. 401.

оправдывающій издательскую дѣятельность Новикова — или Екатерина, не открывшая намъ причинъ исключительнаго наказанія, которому она подвергла Новикова; говоримъ исключительнаго потому, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Радищевъ, напечатавшій чрезвычайно рѣзкую книгу противъ правленія императрицы и противъ Потемкина, былъ менѣе строго наказанъ"? Намъ хотѣлось бы только угадать эти *сокрытыя причины* строгости приговора, и, повидимому, слѣдующая записка императрицы нѣсколько приподнимаетъ завѣсу:

„Сіе письмо, кажется, писано тогда, когда многіе изъ нихъ на Новикова сердились и начинали его подозрѣвать въ неправильныхъ *щетовъ*. Сіи щеты и нынѣ еще между ними подаютъ причины къ раздѣленію мысли, одни извиняютъ его, а другіе обвиняютъ, но никто его не оправдываетъ.

„Все Тургеневымъ писанное соберите въ одну связь, выведите, что онъ-то Philus".

Письмо, по поводу котораго написана эта записка, вѣроятно къ Шешковскому, не сохранилось. Но въ вопросныхъ пунктахъ, предложенныхъ Шешковскимъ Новикову, находится слѣдующій: „О скоромъ обогащеніи къ кому писалъ Трубецкой и о комъ?" Въ отвѣтъ на это Новиковъ писалъ: „О скоромъ обогащеніи кн. Трубецкой писалъ однажды ко мнѣ и обо мнѣ, и сіе было еще до составленія дѣйствительно типографической компаніи. Произошло же сіе по неудовольствіямъ на меня барона Шредера. Но о семъ ли письмѣ здѣсь упоминается — не знаю; но другого кромѣ сего, подобнаго не помню". Въ замѣчаніяхъ Шешковскаго на отвѣты Новикова, подъ этимъ пунктомъ (48-мъ) сказано: „Довольно видно, что Новиковъ и товарищами своими въ корыстолюбіи былъ замѣченъ".

Вѣроятно, это именно письмо кн. Трубецкого и подало поводъ императрицѣ написать ту записку. Приписка въ ней о Тургеневѣ, котораго орденское имя было Philus, нужная для слѣдователя по этому дѣлу, убѣждаетъ насъ, что эта записка писана къ Шешковскому.

Кажется, что императрица подозрѣвала честность Новикова; она полагала, что онъ дѣйствовалъ не безкорыстно, и опиралась въ этомъ случаѣ даже на показанія его друзей, какъ кн. Трубецкой. Впослѣдствіи, 18 октября 1792 г., слу-

шая рапортъ, читанный ей Храповицкимъ, Симбирскаго губернатора о Тургеневѣ, она сказала ему: „Всѣхъ мартинистовъ обманывалъ бывшій на службѣ поручикъ Шредеръ. Удивишься, кто подписали присягу на его листѣ. Онъ при смерти оставилъ запечатанную духовную и въ ней точно нашли, что все это обманъ, въ которомъ онъ сознавался. Они до того доходили, что призывали чертей, все найдено въ бумагахъ Новикова, и ему отъ Шредера тысячъ шесть досталось“[1]).

Къ этому присоединялось еще другое обстоятельство; тотъ же статсъ-секретарь императрицы разсказываетъ еще подъ 15 октября 1788 г.[2]), что при разборѣ внутренней почты она вдругъ обратилась къ нему и сказала: „Новикову не отдавать университетской типографіи, — это фанатикъ“. Новикова она считала, и не безъ основанія, главнымъ дѣйствующемъ лицомъ между масонами и притомъ — не безкорыстнымъ. Конечно, это было заблужденіе, но мы не можемъ не замѣтить, что отвѣты Новикова на вопросные пункты были таковы, что не могли его разсѣять. „Характеръ отвѣтовъ Новикова, — говоритъ Лонгиновъ, — можно вообще опредѣлить такъ. Онъ не обманывалъ въ нихъ; но естественно не говорилъ ни слова о томъ, о чемъ его не спрашивали, а допросчикъ, не знавшій хорошо масонскихъ дѣлъ, очевидно, не зналъ иногда, на что можно было обратить свою любознательность. Иногда и память ему измѣняла. Отъ этихъ причинъ происходятъ изрѣдка въ его отвѣтахъ неясности, пробѣлы, даже нѣкоторые анахронизмы и несообразности. Кромѣ того, Новиковъ старался смягчать обстоятельства, которыя могли ему повредить и, напротивъ того, преувеличивать нѣсколько все то, что говорило въ его пользу“[3]). Нельзя не согласиться съ этимъ взглядомъ, особенно, если сличить отвѣты Новикова съ показаніями его ближайшихъ сообщниковъ. Не входя въ подробное разсмотрѣніе отвѣтовъ и сравненіе ихъ съ отвѣтами его товарищей, мы обратимъ только вниманіе на ихъ отвѣты на тотъ вопросъ, который во всемъ дѣлѣ, наиболѣе считался важнымъ, а именно о желаніи привлечь въ масонство великаго князя.

---

[1]) Записки Храповицкаго, стран. 276.
[2]) Тамъ же, стран. 121.
[3]) Новиковъ и мартинисты, гл. XXII, стран. 329.

„Признаюсь, — писалъ Лопухинъ, — когда по любви моей къ упражненіямъ въ сказанныхъ мною познаніяхъ, *естественно было желать мнѣ*, чтобы и другіе въ томъ же упражнялись; то особливо неестественно было бы мнѣ не желать того же столь важной и драгоцѣнной особѣ. Но я только желалъ, подвига же къ тому и совѣщанія о семъ никакого не дѣлалъ; я очень мало и смутно о семъ и знаю... Съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ я никогда переписки не имѣлъ, а слышалъ я еще отъ Шварца, что онъ къ нему писалъ, когда заводилось здѣсь благотворительное рыцарство, что здѣсь не намѣрены учреждать великимъ мастеромъ никого изъ иностранныхъ, а изъ здѣшнихъ развѣ ту особу, ежели когда-нибудь она то приметъ на себя. Однако же я знаю, что особѣ сей никогда то предлагаемо не было, и она никакъ не участвовала". — „Я, почитая масонство очень хорошимъ дѣломъ, — отвѣчалъ Тургеневъ, — желалъ бы, чтобы всѣ, а особливо великія особы его защищали и утверждали; а моя забота о сей особѣ состояла только въ мысляхъ, а отнюдь не на дѣлѣ". — „Покойный Шварцъ, — говорилъ кн. Трубецкой, — предлагалъ намъ, чтобы извѣстную особу сдѣлать великимъ мастеромъ въ масонствѣ въ Россіи. А я передъ Богомъ скажу, что предполагая, что сія особа въ чужихъ краяхъ принята въ масоны, согласовался на оное изъ единаго того, чтобы имѣть покровителя въ оной. Но чтобы я старался уловить оную особу, то предъ престоломъ Божіимъ клянусь, что не имѣлъ того въ намѣреніи, и слѣдовательно ни соучастниковъ ни помощниковъ имѣть въ ономъ не могъ"[1]). Отправленіе книгъ къ цесаревичу чрезъ Баженова не находилось ни въ какой связи съ предложеніемъ Шварца, не имѣвшимъ никакихъ послѣдствій, о которомъ поэтому легко было Новикову и забыть. — „Сей поступокъ, — писалъ онъ, — не имѣетъ никакого сношенія съ письмомъ принца гессенъ-кассельскаго къ профессору ли Шварцу присланнымъ или въ бытность его въ копіи даннымъ, чего совсѣмъ не помню и что, по смерти его, профессора Шварца, и со всею бывшею связью съ герцогомъ брауншвейгскимъ, совсѣмъ изъ головы у насъ вышло, да и при жизни его почитали это намѣреніе вреднымъ для

---

[1]) Лѣтоп. рус. литер. и древн., т. V, отд. 2. №№ 16, 17 и 19, стран. 49, 61 и 85.

государства, и для исканія нашего по масонству и для насъ самихъ и принимали за фантазію, никогда сбыться не могущею и потому всегда сему намѣренію противились внутренно". Эти слова Новикова, повидимому, противорѣчатъ показаніямъ его сообщниковъ. Но онъ говоритъ объ избраніи великаго князя главнымъ начальникомъ ложъ, чего быть можетъ и не желалъ Новиковъ и нѣкоторые другіе, хотя и не всѣ, какъ видно изъ словъ князя Трубецкого, а его сообщники говорятъ о желаніи вообще привлечь его въ масоны. Вообще, характеръ отвѣтовъ Новикова много отличается отъ характера отвѣтовъ его товарищей, хотя въ сущности между ними и нѣтъ противорѣчій. Такъ и въ этомъ случаѣ Лопухинъ, Трубецкой и Тургеневъ не признаютъ никакой за собою вины, и весьма естественно — въ желаніи убѣдить цесаревича въ истинѣ тѣхъ ученій, которыя они сами считали истинными. Между тѣмъ Новиковъ такъ начинаетъ первый свой отвѣтъ на 21-й пунктъ: — „Не говоря еще ничего, яко совершенный преступникъ, въ истинномъ и сердечномъ моемъ раскаяніи и сокрушеніи, повергаю себя къ стопамъ ея императорскаго величества, яко недостойный никакого милосердія и помилованія, но повинный всякому наказанію, которое воля ея опредѣлитъ". Второй, дополнительный отвѣтъ при новомъ допросѣ по этому пункту онъ начинаетъ такъ: — „По сему пункту ни мыслить ни писать безъ внутренняго содроганія, искренняго и сердечнаго раскаянія и трепета не могу даже и за перо взяться. Свидѣтель живой Богъ сему. Одна мысль о семъ меня грызетъ и съѣдаетъ. Проливаю передъ Богомъ спасителемъ моимъ и предъ ея императорскимъ величествомъ слезы раскаянія и страданія, но что жъ — могу ли возвратить и сдѣлать, чтобы не было сдѣлано то, что сдѣлано". Если къ этому прибавить, что слова: *не помню, забылъ, вспомнилъ* только тогда, когда показали обличающую бумагу, — въ отвѣтахъ Новикова повторяются безпрерывно; то, кажется нельзя не притти къ тому заключенію, что его отвѣты могли казаться императрицѣ неискренними. Конечно, такой характеръ отвѣтовъ Новикова могъ происходить отъ болѣзненнаго состоянія, въ которомъ онъ находился во все продолженіе слѣдствія, и — отчасти отъ робости. Но кто же могъ объяснить ихъ императрицѣ съ этой точки зрѣнія? Конечно, не — слѣдователи.

Князь Прозоровскій вотъ въ какихъ выраженіяхъ говоритъ о немъ въ своихъ тайныхъ письмахъ къ Шешковскому: — „Экова плута тонкова мало я видалъ. Не безъ труда вамъ будетъ съ нимъ, лукавъ до безконечности, безсовѣстенъ, и смѣлъ и дерзокъ. Вѣрю, что вы съ нимъ замучились, я не много съ нимъ имѣлъ дѣло, да по полету уже примѣтилъ, какова сія птичка, какъ о томъ и ея величеству донесъ". Дѣйствительно, въ донесеніи, отъ 26-го апрѣля, онъ писалъ императрицѣ: — „Такого коварнаго и лукаваго человѣка я, всемплостивѣйшая государыня, мало видалъ. Къ тому жъ человѣкъ натуры острой, догадливый и характеръ смѣлый и дерзкій; хотя видно, что онъ робѣетъ, но не замѣшивается. Весь предметъ его только въ томъ, чтобы закрыть его преступленія" [1]). Шешковскій начинаетъ свои возраженія, на отвѣты Новикова, такимъ образомъ: „Заклинанія велики и характеръ свой описалъ хорошими красками; но дѣянія его совсѣмъ противны его изрѣченіямъ", и вообще постоянно обращаетъ вниманіе императрицы на умышленное желаніе скрыть свои дѣйствія и намѣренія, явно, по его мнѣнію, гибельныя для государства. Шешковскій принадлежалъ къ такому же разряду лицъ, какъ и князь Прозоровскій. Геніальный Потемкинъ, такъ мѣтко очертившій въ нѣсколькихъ строкахъ послѣдняго, встрѣчаясь съ Шешковскимъ, постоянно, съ улыбкою, обращался къ нему съ вопросомъ: „Что, Степанъ Ивановичъ, каково кнутобойничаешь?" — низко кланяясь, Шешковскій отвѣчалъ: „Помаленьку, ваша свѣтлость!" [2])

Несмотря на то, что всѣ обстоятельства сложились такъ, что предубѣжденія императрицы противъ Новикова не только не могли разсѣяться, но увеличивались постепенно, она, какъ видно, долго колебалась и не подписывала заготовленнаго о

---

[1]) Лѣт. Рус. Литерат. и др., т. V, отд. II, № 3, стран. 17.

[2]) Библіогр. записки 1859 г., т. II, № 5, стран. 138. — О Шешковскомъ носились слухи, что онъ собственноручно наказывалъ нѣкоторыхъ важныхъ преступниковъ. Собр. анекдотовъ о Потемкинѣ, г. Шубинскаго, прим. 117. — Лопухинъ говоритъ, конечно, по разсказамъ самого Невзорова, что Шешковскій, за упорство отвѣчать на его вопросы, закричалъ: „Государыня приказала бить тебя четвертнымъ полѣномъ!" (Записки Лопухина, стран. 51). Въ докладѣ императрицѣ о Невзоровѣ этотъ фактъ подтверждается. Въ немъ онъ выраженъ слѣдующими словами: „Наконецъ, сказано ему, что есть ли онъ отвѣтствовать не будетъ, то яко ослушникъ власти, по повелѣнію ея императорскаго величества, будетъ сѣченъ". Такъ допрашивалъ Шешковскій человѣка явно помѣшаннаго.

немъ приговора. Подъ 14-мъ іюля, Храповицкій замѣтилъ: „Лежитъ на столѣ заготовленный указъ о Новиковѣ и вопросные пункты кн. Трубецкому; ничто не подписано“ [1]). Этотъ указъ былъ подписанъ 1-го августа. *Поповъ.*

Новиковъ въ Шлиссельбургской крѣпости [2]).

Й со беззако́нными вмѣни́сѧ.
(Ѿ Марка, гл. ѥї. к҃ѳ.

Въ послѣдніе годы блестящаго царствованія императрицы Екатерины, въ сферѣ умственной жизни русскаго общества совершилось одно великое трагическое событіе. Дѣйствующими лицами его были — сама императрица и знаменитый издатель журналовъ и общественный дѣятель Николай Ивановичъ Новиковъ. Указомъ главнокомандующему Москвы, князю А. А. Прозоровскому, отъ 1 августа 1792 г., императрица велѣла заключить Новикова безъ суда въ Шлиссельбургскую крѣпость на 15 лѣтъ за чрезвычайныя провинности и преступленія. Въ чемъ они состояли, явствуетъ изъ слѣдующихъ мѣстъ указа [3]):

„Разсматривая произведенные отставному поручику Николаю Новикову допросы и взятыя у него бумаги, находимъ мы съ одной стороны вредные замыслы сего преступника и его сообщниковъ, духомъ любоначалія и корыстолюбія зараженныхъ, съ другой же крайнюю слѣпоту, невѣжество и развращеніе ихъ послѣдователей. На семъ основаніи составлено ихъ общество; плутовство и обольщеніе употребляемо было къ распространенію раскола не только въ Москвѣ, но и въ прочихъ городахъ... слѣдующія обстоятельства обнаруживаютъ ихъ явными и вредными государственными преступниками: 1) Они дѣлали тайныя сборища [4]), имѣли въ оныхъ храмы, престолы, жертвенники; ужасныя совершались тамъ клятвы съ цѣлованіемъ креста и Евангелія, которыми обязывались и обманщики и обманутые вѣчною вѣрностію и повиновеніемъ ордену Златорозоваго креста съ тѣмъ, чтобы никому не открывать тайны

---

[1]) Записки Храповицкаго, стран. 270.

[2]) Документы эти, приведенные нами въ текстѣ, находятся въ Государственномъ Архивѣ; копіи съ нихъ обязательно переданы въ распоряженіе редакціи „Историческаго Вѣстника“ Г. В. Есиповымъ.

[3]) Онъ напечатанъ въ книгѣ Лонгинова „Новиковъ и моск. мартинисты“. М. 1867 г., стран. 0114.

[4]) Здѣсь разумѣются засѣданія масонскихъ ложъ.

ордена, и если бы правительство стало сего требовать, то, храня оную, претерпѣватъ мученіе и казни. Узаконенія о семъ, писанныя рукою Новикова, служатъ къ обличенію ихъ. 2) Мимо законной, Богомъ учрежденной власти, дерзнули они подчинить себя герцогу Брауншвейгскому, отдавъ себя въ его покровительство и зависимость, потомъ къ нему же относились съ жалобами въ принятомъ отъ правительства подозрѣніи на сборища ихъ и чинимыхъ будто притѣсненіяхъ. 3) Имѣли они тайную переписку съ принцемъ Гессенкассельскимъ и съ прусскимъ министромъ Вёльнеромъ изобрѣтенными имъ шифрами и въ такое еще время, когда Берлинскій дворъ оказывалъ намъ въ полной мѣрѣ свое недоброхотство. Изъ посланныхъ отъ нихъ туда трехъ членовъ даже и понынѣ тамъ пребываютъ, подвергая общество свое заграничному управленію и нарушая черезъ то долгъ законной присяги и вѣрность подданства. 4) Они употребляли разные способы, хотя вообще, къ уловленію въ свою секту извѣстной по ихъ бумагамъ особы[1]); въ семъ уловленіи, такъ какъ и въ помянутой перепискѣ, Новиковъ самъ призналъ себя преступникомъ. 5) Издавали печатныя у себя, непозволенныя, развращенныя и противныя закону православному книги и послѣ двухъ сдѣланныхъ запрещеній осмѣлились еще продавать новыя, для чего и завели тайную типографію. Новиковъ самъ призналъ тутъ свое и сообщниковъ своихъ преступленіе. 6) Въ уставѣ сборищъ ихъ, писанномъ рукою Новикова, значатся у нихъ храмы, епархіи, епископы, миропомазаніе и прочія установленія и обряды, внѣ святой нашей церкви непозволительныя. Новиковъ утверждаетъ, что въ сборищахъ ихъ оныя въ самомъ дѣлѣ не существовали, а упоминаются только одною аллегоріей для пріобрѣтенія ордену ихъ вящщаго уваженія и повиновенія; но симъ самымъ доказываются коварство и обманъ, употребленные имъ съ сообщниками для удобнѣйшаго слабыхъ умовъ поколебанія и развращенія. Впрочемъ, хотя Новиковъ не открылъ еще сокровенныхъ своихъ замысловъ, но вышеупомянутыя обнаруженныя и собственно имъ признанныя преступленія столь важны, что по силѣ законовъ тягчайшей и нещадной подвергаютъ его казни. Мы однако жъ, и въ семъ слѣдуя сродному намъ человѣколюбію и оставляя ему время на принесеніе въ своихъ злодѣйствахъ покаянія, освободили его отъ оной и повелѣли запереть его на пятнадцать лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Итакъ, Новиковъ и его „сообщники“, т.-е. товарищи по масонству и „Типографической Компаніи“, обвинялись въ учрежденіи тайнаго общества, имѣвшаго тайную типографію и печатавшаго запрещенныя книги; въ стремленіи „уловить“ въ это общество наслѣдника престола, и въ сношеніяхъ съ иностранными правительствами, враждебными правительству

---

[1] Эта особа — великій князь Павелъ Петровичъ.

императрицы Екатерины. Масонскому и общественному дѣлу Новикова и его товарищей придана была политическая окраска. Императрица, должно быть, заподозрила измѣну и заговоръ съ цѣлью возведенія на престолъ великаго князя Павла Петровича. (Впрочемъ, указъ 1-го августа дѣлаетъ оговорку, что Новиковъ „не открылъ еще сокровенныхъ своихъ замысловъ“.)

Понятно поэтому то живое участіе, которое приняла императрица въ слѣдственномъ дѣлѣ Новикова. Слѣдствіе производили, главнымъ образомъ, князь Прозоровскій и Степ. Ив. Шешковскій. Но они дѣйствовали не самостоятельно: ими руководила сама Екатерина, и всѣ ихъ вопросы Новикову и другимъ лицамъ составлялись на основаніи ея собственноручныхъ инструкцій и замѣчаній,—слѣдствіе производила она сама. Въ настоящее время можно сказать, что эти вопросные пункты составлены на основаніи собственныхъ указаній императрицы. По крайней мѣрѣ, относительно первыхъ пунктовъ объ этомъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ слѣдующая собственноручная записка Екатерины.

О Новиковѣ.

„Послѣ обыкновенныхъ о состояніи и образа жизни до него лично касающихся нужно спросить:

1) Что онъ вѣдая, что всякое завожденіе новой секты или раскола и проповѣданіе онаго есть вреденъ Государству и запрещенъ Правительствомъ, какой имѣлъ поводъ и побужденіе посвятить себя сему пагубному упражненію?

2) Когда онъ къ тому приступилъ и при какихъ обстоятельствахъ?

3) Кто были съ нимъ участники и кто послѣдователи, тутъ нужно различить первыхъ отъ послѣднихъ, такъ какъ обманщики отъ обманутыхъ. Объ участникахъ долженъ онъ сказать о каждомъ порознь—время вступленія его въ союзъ съ нимъ и какія къ тому имѣли они достоинства. Таково же нужно объясненіе и о послѣдователяхъ.

4) Разспросить подробно о обрядахъ пріема, а паче еще о присягѣ.

5) Уставъ ихъ дозволяетъ ли имѣть сношеніе съ непріятелями, почти явными Государства.

6) Какой причины ради они входили въ переписку съ Прусскимъ Министромъ Вельнера, какъ явствуетъ изъ взятыхъ бумагъ?

7) Переписка съ Принцемъ Карломъ Гессенъ-Кассельскимъ по какой была причинѣ и какіе онъ имъ далъ совѣты?

8) Князь Рѣпнинъ имѣлъ ли свѣдѣніе о ихъ перепискѣ съ чужими дворами?

9) Вѣдая, что Пруссія въ теченіе сей войны была противъ Россіи, какъ общество столь многоумныхъ людей могло ослѣпиться войти въ переписки и пересылки наставленія и руководства отъ одного изъ Министровъ Прусскихъ? Когда сія переписка началась, въ чемъ состояла? Не для оной ли Кутузовъ живетъ въ Берлинѣ? Посланъ ли онъ обществомъ ихъ? И кого онъ тамъ представляетъ?

10) Какое сдѣлано ими употребленіе изъ предписаній, данныхъ Вельнеромъ касательно В. К.[1]) или какое употребленіе сдѣлать они хотѣли?

11) Какія переписки и когда они имѣли съ княземъ Рѣпнинымъ, съ Плещеевымъ, съ княземъ Куракинымъ? И знали ли они о Берлинскихъ наставленіяхъ?

12) По запрещеніи и запечатаніи у него книги, какъ онъ дерзнулъ нарушить сіе запрещеніе и вѣдаетъ ли какому подвергается наказанію?

Точно также вопросные пункты Колокольникову, одному изъ студентовъ, посланныхъ „Типографической Компаніей“ учиться за границу, составлены на основаніи собственноручной инструкціи императрицы, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ своимъ содержаніемъ и порядкомъ „Отвѣты Колокольникова на вопросные пункты“, напечатанные во 2-мъ т. „Сборника Русскаго Историческаго общества“. Вотъ записка императрицы Екатерины:

Какъ они ссылаются на привиллегіи Университетскія, то можемъ имъ сказать, что давно они бы выполнены были, ежели упрямствомъ и упорностію своею сами дѣло свое не оставили и не довели до того, что изъ монастыря перевезены въ крѣпость.

Въ эту записку вложена другая, собственноручная же, съ слѣдующими вопросами:

1) За что и по какому закону Новиковъ и Лопухинъ съ людей присягу берутъ?

2) Село Пыскорѣ Пермскаго Намѣстничества чей[2])?

3) Что за Компанія, которая набирала студенты на своемъ иждивеніи?

4) Какой это домъ, гдѣ компанія дозволяла жить студентамъ и давала имъ столъ?

---

[1]) Великаго князя.

[2]) Во II-мъ т. „Сборн. Русск. Ист. общ.“ напечатана „Исторія жизни и дѣлъ моихъ“ (Колокольникова), начинающаяся словами: „Родился я въ селѣ Пыскорѣ, Пермскаго Намѣстничества, учился въ семинаріи“.

5) Какъ студенты въ томъ домѣ были содержаны и много ли ихъ было?

6) Чего въ томъ домѣ учились? и какими обязаны были должностями и какія съ нихъ брали обязательства письменныя или словесныя, когда и какъ и кто?

7) Новиковъ и Лопухинъ въ той компаніи и въ томъ домѣ какія имѣли должности и кѣмъ поставлены въ оныхъ?

8) Кто приводилъ къ присягѣ и какъ сіе происходило?

9) Чего обѣщались?

10) Что за голубые кафтаны съ золотымъ камзоломъ и черное исподнее платье и кто оныхъ носилъ?

11) Они ли сами просились, либо ихъ уговорили ѣхать въ чужіе края для ученія медицины?

12) Какія именно книги Лопухинъ купить велѣлъ и вывозить?

13) Изъ показанія его видно нѣкоторое чистосердечіе и довольной смыслъ и для того требуется, чтобъ онъ сказалъ откровенно и безъ утайки, какъ, когда и на что и съ какими мыслями начертилъ извѣстную черную найденную бумагу?

14) Въ чужіе края, понеже призналъ что масонъ, хаживалъ ли и посѣщалъ ли масонскія ложи и въ оныхъ получилъ ли онъ либо его товарищъ степени выше данной имъ въ Москвѣ?

15) Начертаніе найденное не коверъ ли вышней той степени или тамъ полученной?

16) Извѣстно здѣсь, что до 160 степеней считаютъ масонства, то какой онъ степени и какъ оной называютъ и достигаютъ?

17) Имена людей, находящіеся въ компаніи, коя содержала и отправляла студентовъ особо записать прикажите.

17) Весьма бы хорошо было, ежели преосвященный Митрополитъ приказалъ кому изъ учителей экзаменовать въ законѣ писателя приложенной бумаги, котораго имя однако я нигдѣ не нашла, а безумнаго и спросить не чего—онъ больной[1])?

Изъ вышеприведеннаго, обвиняющаго Новикова указа князю Прозоровскому, между прочимъ, вытекаютъ, повидимому, два такія заключенія: 1) Новиковъ самъ призналъ себя виновнымъ въ „уловленіи“ великаго князя Павла Петровича. 2) Императрица была вполнѣ убѣждена во вредныхъ и опасныхъ политическихъ замыслахъ „сего преступника и его сообщниковъ“. Но на самомъ дѣлѣ оба эти положенія ложны. Отношенія свои къ Павлу Петровичу Новиковъ очень обстоятельно разъясняетъ въ отвѣтѣ на 21-й вопросный пунктъ Шешковскаго[2]). Сношенія московскихъ масоновъ съ вели-

[1]) Вѣроятно, здѣсь разумѣетъ императрица Невзорова.

[2]) „Сборн. Русск. Ист. общ.“, т. II-й, „Отвѣты Новикова на 21-й вопросный пунктъ“.

кимъ княземъ производились, оказывается, черезъ архитектора Баженова. Въ концѣ 1775, или въ началѣ 1776 года, Баженовъ передалъ великому князю отъ Новикова и его товарищей двѣ книги: „переводъ Арндтовъ о истинномъ христіанствѣ“ и „помнится еще (говоритъ Новиковъ) — избранную библіотеку для христіанскаго чтенія“. Но рѣшился Новиковъ послать эти книги, во-первыхъ, послѣ того, какъ узналъ (отъ купца Глазунова или отъ Баженова — онъ не помнитъ), что ихъ раньше искали „для той особы“ въ книжныхъ лавкахъ; во-вторыхъ, онъ сдѣлалъ это по совѣту съ княземъ Трубецкимъ, какъ однимъ изъ „старшихъ братьевъ“, и притомъ Баженову было подтверждено, „чтобы отдалъ лишь когда спроситъ“, т.-е. когда спроситъ великій князь; въ-третьихъ, Новиковъ положительно утверждаетъ, что при этомъ у него не было никакого другого умысла, кромѣ надежды „милостиваго покровительства и заступленія“ со стороны великаго князя. Изъ словъ Новикова видно, что на допросѣ ему напомнили о какомъ-то прежнемъ намѣреніи, относительно великаго князя, профессора Шварца (бывшаго, какъ извѣстно, главою московскихъ масоновъ); дѣло это стояло въ связи съ какимъ-то письмомъ принца Гессенкассельскаго. „Прежнее намѣреніе у меня и изъ головы вышло и вспомнилъ лишь здѣсь“, пишетъ Новиковъ, и прибавляетъ: „по истинѣ какъ передъ Богомъ говорю, чтобы думать тогда о введеніи той особы въ орденъ, я бы и помыслить того не осмѣлился, и почиталъ бы то не возможнымъ исполненію“. — Возвратившись въ Москву послѣ передачи Павлу Петровичу названныхъ выше книгъ, Баженовъ далъ Новикову „бумагу“, гдѣ написалъ то, что говорилъ съ великимъ княземъ; бумага эта поразила, по словамъ Новикова, его и Гамалѣю, и они бы сожгли ее, если бы не надо было показать князю Трубецкому. Въ этой бумагѣ Баженовъ „много вралъ и говорилъ своихъ фантазій, выдавая за ученіе орденское“. Словамъ этой бумаги о великомъ князѣ Новиковъ „истинно не повѣрилъ, зная (поясняетъ онъ) того человѣка, который писалъ оную“.

Эта бумага Баженова и была, какъ можно думать, главною уликою противъ Новикова и его товарищей. Къ сожалѣнію, она донынѣ остается намъ неизвѣстной. Безъ нея „Новиковское дѣло“, несмотря на множество открытыхъ и

напечатанныхъ уже документовъ, до сихъ поръ не вполнѣ ясно. Не открыта и другая, тоже, должно быть, важная бумага Баженова, — эта записка, которую онъ далъ московскимъ масонамъ по возвращеніи изъ Петербурга, въ 1787 или 1788 году, когда онъ передалъ великому князю вторую посылку книгъ, а именно: „извлеченіе краткое изъ сочиненій Ѳомы Кемпійскаго“ и „на нѣмецкомъ языкѣ книгу о таинствѣ Креста“. Эта вторая записка говорила (по словамъ Новикова) о томъ, что книги приняты благосклонно, но „особа“ спрашивала, увѣренъ ли Баженовъ, что между московскими масонами нѣтъ ничего худого; Баженовъ увѣрялъ клятвенно, что нѣтъ; тогда „особа“ заключила: „Богъ съ вами, только живите смирно“. Вторая записка Баженова выгораживала такимъ образомъ изъ „Новиковскаго дѣла“ великаго князя, быть можетъ и опровергала, или, по крайней мѣрѣ, подрывала значеніе первой записки. Была ли она извѣстна слѣдователямъ — мы не знаемъ. Новиковъ говоритъ, что не помнитъ, у кого она осталась: у него ли, у князя ли Трубецкого, или возвращена Баженову. Почти несомнѣнно, что съ этой запиской совершенно гармонируютъ два очень важныхъ документа, появившіеся въ печати въ XXVII т. „Сбор. Русск. Ист. общ.“: письмо на французскомъ языкѣ Павла Петровича къ императрицѣ, въ которомъ онъ отрекается отъ того, что сказано о немъ въ первой запискѣ Баженова, и пояснительная собственноручная замѣтка императрицы къ этому письму, въ которой она говоритъ: „приложенной пасквиль, у Новикова найденной, показанъ мною великому князю и онъ, оной прочтя, ко мнѣ возвратилъ съ приложенной цыдулкою, изъ которой оказываетея, что на него все вышеописанной пасквиль всклѣпалъ и солгалъ, чему охотно вѣрю и нахожу вящще виннымъ сочинителя онаго“.

Изъ всего вышеизложеннаго можно сдѣлать то заключеніе, что Новиковъ, вопреки утвержденію указа отъ 1 августа 1792 года, вовсе не сознавался въ „уловленіи“ наслѣдника престола и далъ даже довольно обстоятельныя объясненія документа, кидавшаго на него тѣнь въ этомъ смыслѣ. Указъ 1-го августа даже самъ себѣ противорѣчитъ, утверждая фактъ сознанія Новикова, потому что въ концѣ его сказано, что Новиковъ „не открылъ еще сокровенныхъ своихъ замысловъ“.

Другой вопросъ — повѣрила ли императрица отвѣтамъ Новикова на 21-й вопросный пунктъ? Повидимому, не повѣрила; на самомъ дѣлѣ, если не вполнѣ повѣрила, то по крайней мѣрѣ усомнилась въ существованіи той вины, которая за нимъ первоначально подозрѣвалась. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и указанное противорѣчіе въ обвинительномъ актѣ и, главнымъ образомъ, одна непостижимая, повидимому, странность въ Новиковскомъ дѣлѣ: пострадалъ одинъ Новиковъ, а „сообщники“ въ его ужасныхъ преступленіяхъ не были наказаны совсѣмъ, или почти совсѣмъ. Указъ 1 августа 1792 года, обвиняющій Новикова, вотъ что говоритъ о его товарищахъ:

„Что же касается до сообщниковъ его, Новикова, статскаго дѣйствительнаго совѣтника князя Николая Трубецкого, отставныхъ бригадировъ Лопухина и Тургенева, которыхъ не только признанія Новикова, но и многія, писанныя руками ихъ заразительныя бумаги обличаютъ въ соучастваніи ему во всѣхъ законопротивныхъ его дѣяніяхъ, то повелѣваемъ вамъ, призвавъ каждаго изъ нихъ порознь, истребовать чистосердечнаго по прилагаемымъ при семъ вопросамъ объясненія, и притомъ и получить отъ нихъ бумаги, касающіяся до заграничной и прочей секретной переписки, которыя, по показанію Новикова, у нихъ находятся. Вы дадите имъ знать волю нашу, чтобы они отвѣты свои учинили со всею истинною откровенностію, не утаивая ни малѣйшаго обстоятельства, и чтобы требуемыя бумаги представили. Когда же они то исполнятъ съ точностію, и вы изъ отвѣтовъ ихъ усмотрите, истинное ихъ раскаяніе, тогда объявите имъ, что мы, изъ единаго человѣколюбія освобождая ихъ отъ заслуживаемаго ими жестокаго наказанія, повелѣваемъ имъ отправиться въ отдаленныя отъ столицъ деревни ихъ и тамъ имѣть пребываніе, не выѣзжая отнюдь изъ губерніи, гдѣ тѣ деревни состоятъ, и не возвращаясь къ прежнему противозаконному поведенію подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, употребленія надъ ними всей законной строгости“ [1]).

Въ приведенныхъ словахъ указа поражаетъ насъ и удивительное несоотвѣтствіе наказанія съ взводимой на князя Трубецкого, Лопухина и Тургенева виной, и странная увѣренность императрицы, что изъ ихъ отвѣтовъ Прозоровскій непремѣнно „усмотритъ истинное ихъ раскаяніе“. (Отъ Новикова этого истиннаго раскаянія не ожидалось.) Странность рѣшенія императрицы поразила даже князя Прозо-

[1]) Указомъ князю Прозоровскому 12 августа 1792 г. Лопухину позволено даже было (изъ уваженія къ службѣ отца его) остаться въ Москвѣ.

ровскаго, быть можетъ и самого Шешковскаго. „Позвольте мнѣ дружески вамъ сказать (пишетъ князь Прозоровскій Шешковскому 22 іюня 1792 года)[1]): я не понимаю конца сего дѣла, какъ ближайшіе его сообщники, если онъ преступникъ, то и тѣ преступники! Но до нихъ видно дѣло не дошло. Надѣюсь на дружбу вашу, что вы недоумѣніе мое объясните мнѣ". Недоумѣніе главнокомандующаго Москвы тѣмъ болѣе понятно, что вовсе и не Новиковъ былъ главою нашихъ московскихъ масоновъ, а князь Никит. Никит. Трубецкой[2]); это было извѣстно, между прочимъ, и Шешковскому: въ „Возраженіяхъ на отвѣты Новикова", напечатанныхъ во II т. „Сборн. Русск. Истор. общества" въ замѣчаніяхъ на 36 отвѣтъ сказано, что князь Трубецкой переписку велъ съ Кутузовымъ и Шрейдеромъ, „да и надъ сборищами главной начальникъ". Но онъ отдѣлался, оказывается, сравнительно пустяками, а пострадалъ одинъ Новиковъ. Соображая все это, нельзя не притти къ убѣжденію, что императрица послѣ произведеннаго слѣдствія убѣдилась въ томъ, что „Типографическая Компанія" вовсе невиновна въ составленіи политическаго заговора. Грозно начавшееся дѣло окончилось вздоромъ для всѣхъ, кромѣ Новикова. За Новиковымъ, значитъ, была, по мнѣнію императрицы, какая-то другая, тайная вина, за которую онъ и былъ заключенъ въ крѣпость на 15 лѣтъ.

Вина эта откроется, по всей вѣроятности, если мы прослѣдимъ за отношеніями императрицы къ различнымъ изданіямъ Новикова, къ его литературной дѣятельности, за которой она слѣдила внимательно, одно время даже принимая въ ней личное непосредственное участіе.

Въ сентябрѣ 1784 года оберъ-полицеймейстеръ Москвы Архаровъ получилъ указъ, которымъ повелѣвается запретить напечатаніе въ Москвѣ „Ругательной исторіи ордена іезуитскаго"[3]). Эта исторія напечатана Новиковымъ въ „Прибавленіямъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ" 1784 г., въ №№ 69, 70 и 71.—Вслѣдъ затѣмъ, съ 7 октября 2785 г. идетъ

---

[1]) „Сборникъ Руск. Ист. общества", т. II, стран. 106.
[2]) См. объ этомъ „Ник. Ив. Новиковъ". Изсл. А. Незеленова, С-Пб. 1875 г. стран. 427.
[3]) „Новиковъ и московскіе мартинисты", Лонгинова, стран. 016 (Указъ 23 сентября 1784 г.).

послѣдовательный рядъ указовъ, повелѣвающихъ освидѣтельствовать частныя училища въ Москвѣ, разсмотрѣть книги, выходящія изъ типографіи Новикова, испытать самого Новикова въ христіанскомъ законѣ, осмотрѣть больницу, заведенную „Дружескимъ Обществомъ“ (или „Типографической Компаніей“), опечатать книжную лавку Новикова, и т. д. и т. д.[1]). Дѣло продолжается такимъ образомъ до 1792 года, когда выходитъ, наконецъ, повелѣніе арестовать Новикова. — Къ этому періоду времени (отъ 1784 по 1792 г.) относится, объясняющая упомянутые указы, собственноручная записка императрицы:

„Слышу я, что на Москвѣ печатаютъ ругательную Исторію Езуитскаго ордена, а какъ я тому ордену дала покровительство, то требую чтобъ Исторія та не токмо запрещена была, но и экземпляры отобраны были.

Послать подъ какимъ нисть видомъ кого осмотрѣть какія строенія заводитъ у себя въ деревнѣ Новиковъ.

Хераскова отставить[2]).

Имена осьми семинаристовъ нужно знать паче же тѣхъ кои постриглись дабы не попались въ кандидаты Епархіальные для Епископства.

Уничтожить это почтенное общество изъ которой (?) окромѣ книгъ несходные съ православіемъ не выходило“ [3]).

Такимъ образомъ, началось дѣло, повидимому, съ заступленія императрицы за обиженныхъ въ Москвѣ іезуитовъ. Но едва ли сердцу Екатерины было такъ дорого почтенное общество Іисуса. Жалоба, принесенная орденомъ на Новикова, послужила ей, конечно, только поводомъ для начала преслѣдованія человѣка, на котораго она давно уже сердилась; жалоба эта была лишь каплей, переполнившей чашу. Іезуиты, со свойственною имъ ловкостью, указали на то, что, отзываясь непочтительно объ ихъ орденѣ, пользующемся покровительствомъ императрицы, Новиковъ этимъ самымъ оскорбляетъ власть государыни, „столь достойной уваженія“ [4]). Но едва ли только съ этой выходки іезуитовъ Екатерина

---

[1]) См. Приложенія къ книгѣ Лонгинова „Новиковъ и московскіе мартинисты“. — Чтенія въ „Общ. Ист. и Др. Рос.“ 1867 г., кн. 4.

[2]) Лонгиновъ говоритъ однако (стран. 354), что Херасковъ „во все царствованіе Екатерины оставался куратором университета“.

[3]) Г. Есиповъ относитъ этотъ документъ къ 1792 г. Не вѣрнѣе-ли отнести къ 1784 году?

[4]) „Вѣстн. Евр.“ 1896 г., № 1. „Екатерина II и іезуиты“, ст. А. Н. Попова. (Письмо Черневича къ кн. Потемкину, 15 сентября 1784 г., стран. 393.)

заподозрила Новикова въ недостаткѣ уваженія къ ея власти и личности. Съ большою достовѣрностію можно предположить, что она сама, по личной иниціативѣ, запретила, нѣсколькими недѣлями ранѣе, другое сочиненіе, печатавшееся тоже въ „Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ“: „О вліяніи успѣха наукъ въ человѣческіе нравы и образъ мыслей“. Сочиненіе это началось печатаніемъ съ 61-го № „Прибавленій къ Моск. Вѣд.“, послѣдующихъ же 62-го, 63-го и 64-го номеровъ, въ которыхъ должно было быть продолженіе его, подписчики не получили. Въ экземплярѣ „Прибавленій“, принадлежащемъ Имп. Публичн. Библіотекѣ, въ концѣ 61-го № рукою подписчика, получавшаго этотъ экземпляръ, написано: „номеры 62, 63 и 64 не присланы, и извиненіе писано въ вѣдомостяхъ“. А между тѣмъ нумерація страницъ въ „Прибавленіяхъ (составлявшихъ въ этомъ году отдѣльную отъ Вѣдомостей книгу) не прерывается изъ-за пропуска нѣсколькихъ номеровъ: значитъ, продолженіе сочиненія „О вліяніи успѣха наукъ“ было задержано прежде выхода его въ свѣтъ. Что̀ именно не понравилось императрицѣ въ этой статьѣ (если, дѣйствительно, какъ можно догадываться, она запретила ея дальнѣйшее печатаніе), мы не знаемъ; но съ достовѣрностію можно сказать, что многія статьи журналовъ Новикова послѣдняго періода его литературной дѣятельности (1781 — 1785 гг.) не нравились и не могли нравиться императрицѣ, какъ не могла быть ей по сердцу и общественная дѣятельность его и его товарищей.

Для разъясненія всего этого надо обратиться къ началу взаимныхъ отношеній императрицы Екатерины и Новикова. Это начало относится къ 1769 году, когда Новиковъ блистательно выступилъ на литературное поприще своимъ сатирическимъ журналомъ „Трутень“. „Трутень“ велъ, какъ извѣстно, ожесточенную войну съ журналомъ „Всякая Всячина“, тайнымъ редакторомъ котораго была императрица Екатерина. Полемику эту нельзя считать простымъ журнальнымъ споромъ: она была серіозной борьбою убѣжденій, борьбою идей двухъ выдающихся дѣятелей русской жизни. Эта полемика подробно изложена въ моей книгѣ о Новиковѣ[1]);

[1]) „Ник. Ив. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.“. С-Пб. 1875 г., стран. 158—170.

я позволю себѣ разсказать ее здѣсь въ немногихъ словахъ. Началось дѣло изъ-за преслѣдованія „Трутнемъ“ силою ѣдкой насмѣшки взяточничества. „Всякая Всячина“ вступилась за обижаемыхъ Новиковымъ приказныхъ. Но скоро споръ перешелъ въ отвлеченную область. „Всякая Всячина“ стала проводить идею, что свѣтъ вовсе не такъ худъ, какимъ онъ кажется инымъ злымъ людямъ (журналъ ясно намекалъ на Новикова), что человѣку нельзя быть совершеннымъ, и со слабостями, которыя мы видимъ въ людяхъ, можно и должно примиряться; „Всякая Всячина“ думала, что нѣтъ нужды предаваться „меланхоліи“, приходить въ негодованіе; гораздо лучше веселиться и быть ко всему и всѣмъ снисходительнымъ. „Трутень“, напротивъ, думалъ и говорилъ, что терпимость къ пороку вовсе не то же самое что милосердіе, и что она — дѣло нехорошее; онъ полагалъ затѣмъ, что писателю должно быть предоставлено право дѣйствовать на общество такимъ путемъ, какимъ онъ хочетъ: путемъ ли сатиры, или правоученія. Доказывая свои снисходительныя и умѣренныя мысли, свою уступчивую мораль, „Всякая Всячина“ была весьма неразборчива на средства, а именно — употребляла софизмы; напримѣръ, она говорила, что приказные не были бы мздоимцами, если бы ихъ не соблазняли взятками сами истцы и т. д. — За этимъ разногласіемъ въ принципахъ крылись и другого рода фактическія и реальныя разногласія двухъ журналовъ. Такъ, императрица вовсе не раздѣляла сочувственнаго взгляда Новикова на предковъ, на русскую старину. Не сочувствовала она и появленію въ „Трутнѣ“ статей о крестьянахъ и помѣщикахъ, въ которыхъ выражалась мысль о тяжеломъ положеніи крѣпостного и о томъ, что онъ такой же человѣкъ, какъ и дворянинъ. Императрица въ принципѣ была за освобожденіе крестьянъ, но осуществить его она считала дѣломъ преждевременнымъ и невозможнымъ. Вотъ почему, должно быть, „Трутень“ принужденъ былъ печатать статьи о крестьянахъ съ различнаго рода оговорками; а въ 1770 году въ немъ и совсѣмъ перестали появляться сочиненія, касающіяся крѣпостного права. Наконецъ, мы съ достовѣрностью можемъ сказать, что журналъ Новикова былъ остановленъ личнымъ распоряженіемъ императрицы: онъ умеръ „съ прѣвеликой печали“ (по его выраженію), послѣ того какъ получилъ отъ нея (найденное

Пекарскимъ въ собственноручныхъ бумагахъ императрицы) письмо, начинающееся словами: „Господинъ издатель! Имѣлъ терпѣніе до сего дня, но скучно мнѣ становится отъ вашихъ листовъ...“

Но замѣчательно, что вслѣдъ за прекращеніемъ „Трутня“ начинается сближеніе императрицы съ Новиковымъ: спустя нѣсколько времени она начинаетъ сообщать ему историческія рукописи для его изданій, затѣмъ письменно обѣщаетъ свое сотрудничество въ его новомъ сатирическомъ журналѣ „Живописецъ“, и наконецъ, дѣйствительно принимаетъ въ „Живописцѣ“ личное участіе. Какъ объяснить такую, повидимому, странную перемѣну? Дѣло въ томъ, что полемика Екатерины и Новикова не была ожесточеннымъ споромъ людей, закоснѣлыхъ въ односторонности своихъ взглядовъ; это была борьба молодыхъ умовъ, увлеченныхъ искренно противорѣчащими одно другому направленіями. Въ жару спора противники впадали въ крайности, какъ это обыкновенно бываетъ; въ особенности это можно сказать относительно императрицы. Проводя мысль о снисходительности къ слабостямъ, она, противорѣча себѣ, допускала во „Всякую Всячину“ довольно рѣзкую сатиру, напримѣръ, на взяточничество. Назвавъ издателя „Трутня“ злымъ, она однако жъ признала его остроумнымъ писателемъ и умнымъ человѣкомъ[1]). Литературные противники вѣрили въ искренность убѣжденій другъ друга; оттого императрица не оскорблялась на чрезвычайную рѣзкость „Трутня“, оттого (что̀ весьма замѣчательно въ данномъ случаѣ) спорившіе повліяли другъ на друга своими взглядами и убѣжденіями. На Новикова подѣйствовала мысль, что лучше исправлять нравы изображеніемъ добрыхъ примѣровъ, чѣмъ смѣхомъ: вскорѣ послѣ „Трутня“ онъ начинаетъ издавать памятники русской исторіи, съ цѣлью показать современному обществу образцы доблестныхъ дѣлъ и характеровъ нашихъ предковъ, а черезъ нѣсколько времени, именно въ 1774 или 1775 году, онъ даже отрекается отъ сатиры. Императрица, въ свою очередь, отступаетъ отъ снисходительнаго взгляда на жизненное зло, отъ низменныхъ воззрѣній на человѣческую природу, на-

[1]) „Всякая Всячина“, 1769 г., стран. 402. — „Н. И. Новиковъ, изсл. Незеленова, стран. 166—167.

вѣянныхъ на нее идеями философовъ-матеріалистовъ и особенно ея учителя Вольтера. Въ 1772 году она пишетъ комедіи: „Именины г-жи Ворчалкиной“ и „О время!“, въ которыхъ остро и серіозно осмѣиваетъ французоманію русскаго общества, и довольно ярко (хотя и слабѣе „Трутня“) рисуетъ тяжелое положеніе крестьянъ подъ властью жестокихъ помѣщиковъ (въ родѣ Ханжахиной во второй изъ названныхъ комедій). Императрица увлеклась, такимъ образомъ, обѣими идеями, положенными Новиковымъ въ основу его „Трутня“. Сатира императрицы получила серіозный характеръ. Понятно, что Новиковъ посвятилъ своего „Живописца“ автору комедіи „О время!“. Здѣсь не расчетъ, а искреннее увлеченіе (и совершенно основательное) руководило его поступкомъ.

Въ отвѣтъ на посвященіе ей „Живописца“, императрица Екатерина написала Новикову письмо, въ которомъ она не только сочувствуетъ журналу своего прежняго литературнаго противника, но и совершенно въ тонъ ему нападаетъ на сословные предразсудки. Письмо это напечатано въ 7-мъ № „Живописца“, т.-е. черезъ двѣ недѣли послѣ появленія въ немъ (въ № 5) „Отрывка изъ путешествія И. Т.“, въ которомъ авторъ мрачными красками рисуетъ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ. Значитъ, императрица ничего не имѣла противъ этой статьи. Это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ дальнѣйшихъ №№ журнала печатается цѣлый рядъ подобныхъ сочиненій о крестьянахъ.

Карамзинъ въ своей запискѣ о Новиковѣ, писанной имъ для императора Александра I, положительно говоритъ, что въ „Живописцѣ“ „напечатаны нѣкоторыя произведенія собственнаго пера“ Екатерины [1]). Авторъ настоящей статьи предполагаетъ, въ своемъ изслѣдованіи о Новиковѣ[2]), что императрицѣ Екатеринѣ принадлежитъ: письмо „Осмидесятилѣтняго старика“ (въ 7 № журнала), письмо „дворянина съ одною душею“ (въ предпослѣднемъ № 1772 года) и статья противъ масоновъ (въ №№ 8 и 9 второго года журнала). Двѣ первыя статьи своимъ содержаніемъ (а вторая даже и заглавіемъ) выражаютъ явное личное сочувствіе императрицы освобожденію крестьянъ.

[1]) Новиковъ и моск. март., Лонгинова, стран. 0161.
[2]) Стран. 191—192 и 195.

Сообщеніе Екатериною Новикову памятниковъ нашей исторіи, быть можетъ, свидѣтельствуетъ, какъ и сатира ея на французоманію, что она начала сочувственно относиться и къ русской старинѣ. Императрица не только подписалась на 10 экземпляровъ „Древней Россійской Вивліоѳики“, но и поддерживала это изданіе Новикова значительными субсидіями. А между тѣмъ, цѣлью „Вивліоѳики“, какъ говоритъ Новиковъ въ предисловіи къ первой же ея части, было „начертаніе нравовъ и обычаевъ“ нашихъ предковъ, чтобы мы познали „великость духа ихъ, украшеннаго простотою“. „Не всѣ у насъ еще, слава Богу, заражены Франціею“, прибавляетъ Новиковъ. Все это совершенно гармонируетъ съ извѣстной любовью императрицы къ народнымъ русскимъ обычаямъ, къ пѣснямъ, пословицамъ, играмъ, къ народному языку и т. д. Кто знаетъ, можетъ быть народныя русскія черты, которыхъ нельзя не замѣтить въ характерѣ Екатерины, явились въ ней подъ вліяніемъ идей издателя „Трутня“ и „Вивліоѳики“.

Но добрымъ отношеніямъ императрицы и Новикова не суждено было остаться неизмѣнными. Разногласіе замѣтно уже и въ названныхъ статьяхъ ея въ „Живописцѣ“. Соглашаясь въ принципѣ съ взглядами Новикова на отношенія крестьянъ и помѣщиковъ, императрица предостерегаетъ (еще дружески) издателя журнала отъ помѣщенія рѣзкихъ статей подобнаго рода. Письмо „дворянина съ одною душею“ даже остановило совсѣмъ, какъ можно предполагать съ большою достовѣрностью, ихъ печатаніе: послѣ этого письма въ „Живописцѣ“ вовсе не встрѣчается сочиненій о крѣпостномъ правѣ; ихъ нѣтъ и въ сатирическомъ листкѣ 1774 года „Кошелекъ“.

Со вступленіемъ Новикова въ масонство, въ 1775 году, отношенія между нимъ и императрицей, какъ можно догадываться, совсѣмъ прекращаются; по крайней мѣрѣ мы не находимъ никакихъ слѣдовъ этихъ отношеній. Императрица, какъ извѣстно, терпѣть не могла масонства. Съ 1777 года, Новиковъ издавалъ „Утренній Свѣтъ“, журналъ отвлеченно-нравоучительнаго направленія съ мистическимъ оттѣнкомъ. Имени императрицы нѣтъ въ спискахъ подписчиковъ этого изданія, хотя можно предполагать, что Новиковъ поднесъ ей экземпляръ журнала, какъ подносилъ прежнія изданія.

Изданіе „Утренняго Свѣта“ связано съ началомъ практической общественной дѣятельности Новикова: на средства журнала онъ задумалъ основать, при помощи русскаго общества, народныя училища. Такія училища были открыты (въ 1778 г.) при церквахъ Владимирской Божіей Матери и Благовѣщенія на Васильевскомъ островѣ. Первое изъ нихъ названо было Екатерининскимъ, второе — Александровскимъ. Общество русское отозвалось на призывъ Новикова къ благородной общественной дѣятельности: со всѣхъ сторонъ стали стекаться пожертвованія деньгами и вещами; жертвователи охотно, по призыву „Утренняго Свѣта“, посѣщали свои школы; журналъ, съ своей стороны, печаталъ отчеты обществу о веденіи въ нихъ дѣла, и училища быстро встали на ноги[1]). Но императрица не выказала своего къ нимъ сочувствія, не приняла никакого участія въ нихъ, несмотря на то, что Екатерининское училище названо такъ въ честь ея, учреждено въ день ея ангела и посвящено ей, какъ объ этомъ говорятъ и стихи, напечатанные вмѣстѣ съ объявленіемъ объ учрежденіи училища:

Тебѣ приносимъ то, Тобой дано что намъ:
Минервѣ мы своей Минервинъ ставимъ храмъ.

Ученица энциклопедистовъ, должно быть уже безвозвратно увлеченная въ это время идеей „просвѣщеннаго деспотизма“, косо посмотрѣла на подобное проявленіе общественной самодѣятельности. Въ холодности Екатерины къ школамъ Новикова выразилась та же самая мысль ея, которая черезъ 5 лѣтъ на вопросъ Фонвизина: „отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?“ подсказала ей энергическій и ревнивый отвѣтъ: „отъ того, что сіе не есть дѣло всякаго“. Школы Новикова существовали еще въ 1781 и 1782 годахъ (въ пользу ихъ издавались слѣдовавшіе по времени за „Утреннимъ Свѣтомъ“ журналы „Московское Изданіе“ и „Вечерняя Заря“); но дальнѣйшее развитіе этого дѣла, которое могло бы, судя по блестящему началу, повести къ широкому развитію народнаго просвѣщенія въ русской землѣ, остановилось или было

[1]) Подробности см. „Н. И. Новиковъ“. Изслѣдованіе А. Незеленова, страницы 262—269.

остановлено. Въ 1782 году правительство Екатерины обратило вниманіе на народное просвѣщеніе: выписанъ былъ изъ-за границы извѣстный педагогъ Янковичъ-де-Миріево и ему (но уже помимо общественной инициативы) было поручено открытіе и устроеніе школъ. Новиковъ же не былъ приглашенъ къ участію въ организаціи народнаго образованія.

Мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ указаній на отношенія императрицы Екатерины къ журналамъ третьяго періода литературной дѣятельности Новикова, кромѣ запрещенія ею печатать въ одномъ изъ нихъ „ругательную исторію“ ордена іезуитскаго, да предполагаемаго запрещенія статьи: „О вліяніи успѣха наукъ въ человѣческіе нравы“. Но едва ли можно сомнѣваться, что она этимъ журналамъ Новикова не сочувствовала. Если „Трутень“ принужденъ былъ прекратить свое существованіе изъ-за статей о крестьянахъ; если даже „Живописецъ“ долженъ былъ перестать печатать сочиненія о крѣпостномъ правѣ, несмотря на то, что императрица сочувствовала этимъ сочиненіямъ и сама ихъ писала, перестать по ея же (какъ можно догадываться), хотя дружескому, но настоятельному совѣту, — то несомнѣнно, что она не иначе какъ съ гнѣвомъ должна была принять подобныя произведенія въ „Вечерней Зарѣ“ и „Покоящемся Трудолюбцѣ“. Тѣмъ болѣе, что Новиковъ вернулся въ концѣ своей литературной дѣятельности къ вопросу о крѣпостномъ правѣ съ замѣчательною энергіей, и поднялъ его смѣло и довольно рѣзко. Яркимъ примѣромъ того, какого рода мысли о крестьянахъ высказывались въ послѣднихъ новиковскихъ изданіяхъ, можетъ служить напечатанное въ „Покоящемся Трудолюбцѣ“ стихотвореніе „Письмо къ другу“ [1]), въ которомъ встрѣчаются такія мысли:

Кровавый потъ они (крестьяне) трудяся проливаютъ
И пищу нужную для насъ приготовляютъ.
Для нашей роскоши, для прихоти своей
Мы мучимъ не стыдясь подобныхъ намъ людей;
Съ презрѣньемъ нѣкоимъ на ихъ труды взираемъ,
Гордяся лѣностью, ихъ силы изнуряемъ;
Не помнимъ и того, что на одинъ конецъ
Равно готовитъ всѣхъ, и насъ и ихъ, Творецъ.

[1]) „Покоящійся Трудолюбецъ“ 1784—1785 гг., ч. IV, стран. 224—230.

Какъ роскошь я мою трудомъ ихъ измѣряю,
Почтенье къ нимъ храню, къ себѣ его теряю.
Не ужъ то будетъ вѣкъ одна для нихъ чреда —
Для пользы нашей жить, а намъ для ихъ вреда?

По всей вѣроятности не нравились императрицѣ статьи новиковскихъ журналовъ и о другихъ предметахъ, напримѣръ, нѣкоторыя политическія и педагогическія сочиненія. Такъ, едва ли она могла сочувствовать основной мысли, напечатанной въ прибавленіяхъ къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ 1784 года статьи „Краткое описаніе жизни и характера генерала Вашингтона“, гдѣ сказано, что Вашингтонъ „основалъ республику, которая вѣроятно будетъ прибѣжищемъ свободы, изгнанной изъ Европы роскошью и развратомъ“. Подобныя мысли были случайностью въ новиковскихъ журналахъ, вообще не вдававшихся въ политику; но заподозрѣнному человѣку вмѣняется въ вину и мимоходомъ и безъ умыслу сказанное слово. Педагогическія воззрѣнія, проводимыя Новиковымъ очень обстоятельно въ его изданіяхъ, особенно въ „Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ 1783 году, совершенно расходились съ воззрѣніями императрицы, которыя она хотѣла осуществлять на дѣлѣ, что и поручила Бецкому. Новиковъ своими журналами подрывалъ идею о приготовленіи путемъ воспитанія вдали отъ семьи „новой породы“ людей. Императрица могла досадовать и на это.

Наконецъ, она, конечно, была недовольна широкой общественно-благотворительной и просвѣтительною дѣятельностью „Дружескаго Ученаго Общества“ въ Москвѣ, если, какъ мы видѣли, она подозрительно и несочувственно посмотрѣла на подобную, даже несравненно меньшихъ размѣровъ дѣятельность Новикова въ Петербургѣ. Со словъ Лонгинова мы привыкли думать, что главными дѣятелями „Дружескаго Ученаго Общества“, или „Типографической Компаніи“, были масоны, между прочими и Новиковъ, по-скольку онъ былъ масонъ. Но императрица Екатерина, должно-быть, думала иначе (и была, по всей вѣроятности, въ этомъ смыслѣ права): несмотря на то, что главою нашихъ масоновъ оказался не Новиковъ, императрица признала все-таки главнымъ лицомъ въ московскомъ благотворительномъ обществѣ его, на него одного обрушился гнѣвъ, одного его постигла кара. Едва ли можно сомнѣваться, что онъ пострадалъ не

за то, что былъ масонъ, не за сношенія съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ (эти сношенія были лишь въ числѣ поводовъ для начала преслѣдованія), а именно за всю свою литературную и общественную дѣятельность, которою одно время увлеклась сама императрица и которую она потомъ осудила подъ вліяніемъ философской идеи вѣка о „просвѣщенномъ деспотизмѣ“.

Указомъ 10 мая 1792 года, князю Прозоровскому [1]) императрица повелѣваетъ „Новикова отослать въ Слесельбургскую крѣпость“, „апробуя“, что онъ не отдалъ этого „коварнаго“ человѣка по ея повелѣнію подъ судъ. Указу этому предшествовала слѣдующая собственноручная записка императрицы отъ 9 мая 1792 года, донынѣ не напечатанная:

„Хвалю поступокъ Князя Прозоровскаго, что остановилъ мое приказаніе о сужденіи Новикова, а написать надлежитъ, какъ сего утра я уже приказала привезти сего бездѣльника въ Шлюшельбургъ“.

Такимъ образомъ, Новиковъ былъ заключенъ въ крѣпость безъ суда и даже до окончанія производства слѣдствія (Шешковскій допрашивалъ его уже въ Шлиссельбургѣ): императрица, знакомая съ его литературной дѣятельностью, не сомнѣвалась въ его преступности. Но она поступила, въ данномъ случаѣ, вопреки своему собственному, въ прежнее время ею высказанному, мнѣнію. Въ 7-мъ томѣ „Сборника Русскаго Историческаго Общества“ напечатаны „Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ государственномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ“; эти бумаги относятся къ годамъ съ 1744 по 1764. Между ними есть одна замѣтка Екатерины, начинающаяся такъ: „Виданъ ли болѣе варварскій и достойный турковъ способъ дѣйствовать, какъ тотъ, который заключается сначала въ наказаніи, а потомъ въ производствѣ слѣдствія?“

Жизнь Новикова въ Шлиссельбургской крѣпости была безотрадно тяжела, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ печатаемые ниже документы.

„Донесеніе Шлюссельбургскаго Коменданта Колюбакина Генералу Прокурору Александру Николаевичу Самойлову. Августа 9-го 1794 года.

[1]) „Новиковъ и моск. мартинисты“ Лонгинова, стран. 072.

„Покойный Господинъ Тайный Совѣтникъ Степанъ Ивановичъ Шешковскій, будучи въ сей крѣпости, далъ мнѣ приказаніе, чтобъ содержащимся извѣстнымъ арестантамъ Новикову, его человѣку и бывшему при немъ доктору[1]) производить кормовыхъ по рублю въ сутки, а притомъ, чтобъ за здоровьемъ его, Новикова, имѣть особое по волѣ Ея Императорскаго Величества попеченіе, а потому когда онъ, Новиковъ, случаемъ боленъ и представляемы были отъ меня къ нему прописываемыя вышеписаннымъ докторомъ для него, Новикова, лѣкарства, то оныя были ко мнѣ доставляемы, а нынѣ пріемлю смѣлость утруждать Ваше Высокопревосходительство симъ моимъ объясненіемъ: 1) что какъ всему уже обществу ощутительна есть во всемъ дороговизна, то сколько бы я ни старался въ удовлетвореніи сихъ людей въ безбѣдномъ ихъ содержаніи, но оное опредѣленное имъ число къ содержанію ихъ нахожу весьма недостаточнымъ. 2) Изъ сихъ людей о докторѣ осмѣливаюсь донесть, что скромность жизни его, а паче жалоба на вовлеченіе въ сіе несчастное бытіе Новиковымъ и въ томъ чистосердечное его раскаяніе, что замѣчено было и Господиномъ Шешковскимъ, который сдѣлалъ мнѣ приказаніе о употребленіи къ нему возможнаго снисхожденія, но я сіе отношу до воли Вашего Высокопревосходительства, яко высокоповелительному Начальнику и испрашиваю дозволенія о бритіи сему доктору бороды и прохожденіи для сохраненія жизни подъ моимъ присмотромъ внутри крѣпости въ удобное время на воздухѣ. И такъ изъясняя симъ Вашему Высокопревосходительству по долгу и препорученію о сихъ людяхъ попеченія моего имѣю честь испросить вашего въ резолюцію соизволенія. Полковникъ Комендантъ Колюбакинъ“.

Изъ этого донесенія Колюбакина мы видимъ, что первое время о Новиковѣ, по личному распоряженію императрицы, заботились: ему доставляли, напримѣръ, лѣкарства; а потомъ о немъ позабыли, и вслѣдствіе начавшейся дороговизны на съѣстные припасы ему пришлось бѣдствовать. Колюбакинъ ходатайствуетъ о дозволеніи доктору Багрянскому для сохраненія здоровья прохаживаться иногда на воздухѣ внутри крѣпости подъ его присмотромъ: значитъ, Новикову бывать на воздухѣ не приходилось, и онъ безвыходно жилъ въ казематѣ; эта жизнь должна была подорвать его здоровье, что, какъ увидимъ, и случилось.

Самойловъ, вслѣдствіе донесенія Шлиссельбургскаго коменданта, отправилъ въ Шлиссельбургъ чиновника Тайной экспедиціи Макарова для обозрѣнія секретныхъ арестантовъ и ихъ содержанія. Донесенія Макарова о его поѣздкѣ не

---

[1]) Багрянскій.

найдено. 10 октября 1794 г. Самойловъ увѣдомилъ коменданта, что 13-го октября онъ самъ пріѣдетъ въ крѣпость. Но, вѣроятно, онъ не поѣхалъ, потому что 12-го октября снова послалъ въ Шлиссельбургъ Александра Макарова.

14-го октября Макаровъ донесъ Самойлову,

„что содержаніе секретнымъ арестантамъ чинится со всевозможною осторожностью и къ утечкѣ или другимъ какимъ непріятнымъ случаямъ сумнѣнія никакого нѣтъ; положенное же число для продовольствія ихъ денегъ всѣ получаютъ и тѣмъ довольны, изключая Новикова, который произносилъ просьбу о недостаткахъ въ разсужденіи нынѣшней во всемъ дороговизны“.

Это коротенькое донесеніе Макарова какъ будто намекаетъ, что Самойловъ не совсѣмъ довѣрялъ Колюбакину: онъ поручилъ своему чиновнику изслѣдовать — строго ли присматриваютъ за арестантами и дѣйствительно ли имъ недостаточно отпускаемаго содержанія.

При своемъ донесеніи Макаровъ представилъ списокъ арестантамъ, содержавшимся въ то время въ Шлиссельбургской крѣпости. Вотъ онъ:

1. Малороссіанинъ Сава Сирскій съ 776 г. за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій.
2. Пономаревъ сынъ Григорій Зайцевъ съ 784 г. за ложное и дерзкое разглашеніе и буйственное поведеніе.
3. Бѣглой сержантъ Протопоповъ съ 784 г. за отвращеніе отъ вѣры и неповиновеніе Церкви.
4. Унтершихмейстеръ Кузнецовъ съ 787 г. за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій на 10 лѣтъ.
5. Бывшій поручикъ Карновичъ съ 788 г. по лишеніи чиновъ и дворянства за продажу чужихъ людей, за сочиненіе печатей и пашпортовъ и дерзкія разглашенія, посланъ до окончанія Шведской войны.
6. Отставной поручикъ Новиковъ съ 792 г. за содержаніе масонской секты и за печатаніе касающихся до оной развращенныхъ книгъ на 15 лѣтъ.
7. При немъ докторъ за переводъ развращенныхъ книгъ[1]).
8. Человѣкъ его, но за что неизвѣстно.

Изъ этого списка мы видимъ, что участь Новикова была такова же, какъ и человѣка, продававшаго чужихъ крѣпостныхъ людей и сочинявшаго фальшивые паспорты; онъ си-

[1]) Кромѣ этого указанія Макарова мы другихъ данныхъ для заключенія, что Багрянскій былъ посаженъ въ крѣпости какъ обвиненный, не имѣемъ.

дѣлъ въ казематѣ той же крѣпости, въ которую заключены были дѣлатели фальшивыхъ ассигнацій.

14 октября 1794 г. комендантъ Колюбакинъ представилъ Самойлову, по его приказанію, на-скоро начерченный планъ казармъ, гдѣ содержатся секретные арестанты. Новиковъ сидѣлъ въ нижнемъ этажѣ, въ 9 №.

26-го октября комендантъ представилъ свой списокъ секретнымъ арестантамъ; въ немъ названы тѣ же лица, что и въ спискѣ Макарова, но безъ означенія преступленій. Къ списку Колюбакинъ приложилъ собственноручную записку Новикова:

„Записка о всепокорнѣйшихъ моихъ просьбахъ.

1) Въ разсужденіи дороговизны на всѣ съѣстные припасы, изъ получаемаго рубля имѣемъ самое нужное и бѣдное пропитаніе.

2) Во всякомъ бѣльѣ и обуви, также и платье, а наипаче слуга при насъ находящійся, крайнюю претерпѣваемъ нужду и бѣдность.

Наконецъ, ежели голосъ несчастнаго страждущаго, почти умирающаго, можетъ достигнуть въ слухъ Ея Императорскаго Величества, то всепокорнѣйше вашего высокопревосходительства изъ единаго человѣколюбія прошу внушить и представить всемилостивѣйшей матери отечества мою нищую всеподданнѣйшую просьбу о милосердомъ помилованіи и прощеніи насъ! Слабость крайняя и изтощенныя силы не попущаютъ меня теперь болѣе о семъ распространиться; но человѣколюбіе и состраданіе вашего высокопревосходительства да исполнятъ недостатокъ моей бѣдной вѣрноподданнической просьбы. Умилосердитесь надъ несчастнымъ и преклоните на милосердіе всемилостивѣйшую Матерь и Государыню хоть для слезъ бѣдныхъ троихъ сиротъ дѣтей моихъ!“

Простая и трогательная эта записка Новикова показываетъ намъ, какъ разбито было его здоровье въ два года пребыванія его въ крѣпости, какъ разбита была и душа его. Перенося неволю, болѣзнь и нужду, тоскуя по разлученнымъ съ нимъ дѣтямъ, онъ и не пытается уже оправдываться, а просить лишь великодушнаго милосердія государыни, ея прощенія.

Просьба Новикова о помилованіи осталась безъ послѣдствій, равно какъ, должно-быть, безъ послѣдствій оставлено было и ходатайство Колюбакина о лѣкарствахъ для Новикова. Объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившееся донесеніе отъ 22 октября 1796 года коллежскаго асессора Ѳедора Крюкова генералу-прокурору камергеру графу Александру Николаевичу Самойлову, о посѣщеніи имъ секретныхъ шлиссельбургскихъ арестантовъ,

„къ коимъ приходя въ комнаты (пишетъ Крюковъ), засталъ Кузнецова, Карповича, Спрскаго, Васильева и Зайцева стоящими предъ образомъ на молитвѣ, изъ коихъ первый молился со слезами, а у послѣдняго отъ полагаемыхъ частыхъ земныхъ поклоновъ видѣнъ на лбу знакъ въ мѣру куринаго яйца, Кречетова же въ упражненіи чтенія церковныхъ книгъ, а прочихъ сидящихъ на своихъ мѣстахъ; я, отдавъ всякому должное почтеніе и употребя всевозможное мое привѣтствіе, распрашивалъ каждаго о ихъ состояніи и неудовольствіяхъ, на что мнѣ всѣ единогласно отвѣчали, что они ни отъ кого и ни въ чемъ неудовольствія не имѣютъ и спокойны, а токмо всякой жаловался на судьбу свою и раскаивается въ содѣянномъ предъ Богомъ и всемилостивѣйшею Государынею преступленіи, въ чемъ и просятъ у высочайшаго ея величества престола въ облегченіе жребія ихъ материнаго ея милосердія, кромѣ развращеннаго во нравѣ Протопопова, которой по ожесточеніи своемъ настоитъ упорно въ своемъ заблужденіи, къ сему опредѣленному ему жребію выставляетъ онъ себя безвиннымъ страдальцемъ съ чаяніемъ полученія за то святости; а какъ замѣчены мною нѣкоторые въ неимѣніи и самаго нужнаго одѣянія, то на вопросъ мною о семъ, г. Комендантъ отвѣтствовалъ, что онъ не имѣя на то особо опредѣленной суммы, кромѣ опредѣленнаго числа кормовыхъ, того исправлять навсегда не можетъ, а старается всегда чинить имъ съ своей стороны всевозможное пособіе; что принадлежитъ до Новикова, то онъ будучи обдержимъ разными припадками и не имѣя никакова себѣ отъ того пособія получилъ наконецъ нынѣ внутренній желудочный прорывъ, отъ чего и терпитъ тягчайшее страданіе, онъ (?) и проситъ къ облегченію судьбы своей отъ вашего сіятельства человѣколюбивѣйшаго милосердія, а притомъ страждутъ они съ Багрянскимъ и отъ опредѣленнаго имъ къ содержанію малаго числа кормовыхъ, въ разсужденіи нынѣшней во всемъ дороговизны“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Новиковъ 4 года въ крѣпости терпѣлъ тяжкую нужду и больной оставался безъ медицинской помощи. Заподозрить коллежскаго асессора Крюкова, что онъ въ своемъ отчетѣ мирволилъ Новикову, никакъ нельзя, судя по началу этого отчета, гдѣ Крюковъ такъ наивно повѣствуетъ о своемъ „должномъ почтеніи“ и „всевозможномъ привѣтствіи“, съ какими онъ разспрашивалъ арестантовъ, и гдѣ онъ такъ негодуетъ на полу-помѣшаннаго фанатика Протопопова, „развращеннаго (по его мнѣнію) во нравѣ“. Крюковъ, должно быть, былъ человѣкъ недалекій, простодушный, честный, и въ своемъ донесеніи онъ искренно сказалъ то, что дѣйствительно замѣтилъ. Болѣзненное состояніе Новикова его, видимо, поразило.

Донесеніе Крюкова возымѣло нѣкоторое дѣйствіе. Вслѣдствіе него Самойловъ въ тотъ же день, 22-го октября, предписалъ Шлиссельбургскому коменданту

„...прислать рапортъ сколько какой одежды и обуви и для кого потребно, а притомъ доставить ко мнѣ и рецептъ на лѣкарство для Новикова отъ содержащагося съ нимъ доктора, также по дороговизнѣ въ съѣстныхъ припасахъ, прибавьте ему и при немъ находящимся къ производимымъ на пищу деньгамъ еще по одному рублю въ день.

Черезъ три дня, а именно 25-го октября, Колюбакинъ представилъ рецептъ лѣкарства для Новикова; 28-го числа Самойловъ послалъ въ Шлиссельбургъ самое лѣкарство. Возможность черезъ нѣсколько дней послѣ прописанія медицинскаго средства употреблять его была значительнымъ улучшеніемъ въ участи больного человѣка, годы остававшагося безъ медицинскаго пособія, несмотря на присутствіе при немъ доктора.

Этотъ небольшой поворотъ къ лучшему въ жизни Новикова послѣдовалъ почти наканунѣ его освобожденія. Императоръ Павелъ въ первый же день своего восшествія на престолъ приказалъ освободить знаменитаго узника.

Въ одномъ письмѣ друга Новикова — Сем. Ив. Гамалеи (отъ декабря 1796 г.)[1]) мы имѣемъ интересныя свѣдѣнія о возвращеніи Новикова изъ заточенія на родину. „Онъ прибылъ къ намъ 19-го ноября по утру, дряхлъ, старъ, согбенъ, въ разодранномъ тулупѣ“, пишетъ Гамалея. „Нѣкоторое отсвѣчиваніе лучей небесной радости (продолжаетъ онъ) видѣлъ я на здѣшнихъ поселянахъ, какъ они обнимали съ радостными слезами Николая Ивановича, вспоминая, при томъ, что они въ голодный годъ великую чрезъ него помощь получали; и то не только здѣшніе жители, но и отдаленныхъ чужихъ селеній“. — Въ P. S. письма Гамалея прибавляетъ: „по написаніи сего получилъ я письмо Николая Ивановича, что онъ 5-го числа послѣ полудня въ 5 часовъ представленъ былъ Монарху и весьма милостиво принятъ, такъ что описать не можетъ — слава Богу!“ — Лично знавшій Новикова знаменитый художникъ Витбергъ разсказывалъ впослѣдствіи, что Павелъ просилъ у Новикова прощенія за мать и при этомъ даже всталъ на колѣни: эксцентрическій, странный, но великодушный поступокъ больного императора.

[1]) Сборникъ студентовъ с.-петербургскаго университета, вып. I.

Разбитый крѣпостнымъ казематомъ физически, Новиковъ вернулся изъ заточенія и разбитымъ нравственно: мы уже не видимъ въ немъ послѣ 1796 года энергическаго представителя высшей духовной жизни своего народа, передового писателя; оставивъ литературное поприще, онъ отдается теперь масонству, уходитъ въ его бредни, въ его вѣрованія въ 4 стихіи и 7 планетъ и т. д. Эту эпоху жизни Новикова у насъ зачастую смѣшиваютъ съ эпохами прежними, предшествовавшими заточенію, — обстоятельство, вслѣдствіе котораго и считаютъ иногда Новикова (совершенно ошибочно) главнымъ представителемъ нашего масонства екатерининскихъ временъ.

Трагическая судьба Новикова имѣетъ глубокій внутренній смыслъ. Въ отношеніяхъ его и императрицы Екатерины другъ къ другу, въ ихъ литературномъ спорѣ, въ ихъ сближеніи и потомъ разрывѣ выразились отношенія и борьба двухъ главнѣйшихъ направленій русской мысли во вторую половину XVIII вѣка, эту важную эпоху нашей исторической жизни. Ученица энциклопедистовъ, одно время сильно увлекшаяся народной мыслью Новикова, Екатерина въ концѣ своего царствованія задумала остановить развитіе этой мысли. Но такое дѣло оказалось невозможнымъ: было уже поздно, — мысль Новикова кончила полный кругъ своего развитія еще въ 1785 году въ журналѣ „Покоящійся Трудолюбецъ“. Личная воля человѣка, желавшаго грубымъ насиліемъ сломить жизнь по своему произволенію, оказалась безсильной противъ разумнаго хода историческихъ событій.

А. Незеленовъ.

Новиковъ въ воспоминаніяхъ старожиловъ.

Занимаясь долго разысканіями для собранія матеріаловъ, касающихся до Новикова, я давно желалъ побывать въ родовой отчинѣ его, Авдотьинѣ, гдѣ онъ родился (1744), былъ арестованъ (1792), провелъ безвыѣздно послѣдніе годы своей жизни (съ 1796 года) и умеръ (1818). Я надѣялся найти тамъ воспоминанія о немъ и слѣды, оставленные многолѣтнимъ его пребываніемъ.

До сихъ поръ объ Авдотьинѣ напечатано было только одно краткое извѣстіе въ *Москвитянинѣ* 1849 года (Ч. II, кн. 6, Смѣсь стра. 24). Изъ него, впрочемъ, можно только узнать, что это село, послѣ смерти Новикова, было куплено съ публичнаго торга генералъ-маіоромъ Петромъ Андреевичемъ Лопухинымъ, для исполненія воли его тетки, Елизаветы Ѳедоровны Заборовской (род. 1743, ум. 1820), завѣщавшей ему купить подмосковную и устроить въ ней богадѣльню и больницу. Но Лопухинъ не успѣлъ при жизни своей исполнить въ купленномъ имъ Авдотьинѣ волю завѣщательницы. Вдова его Марья Ивановна (рожденная Текутьева) передала съ этою цѣлью Авдотьино въ собственность московскаго комитета для разбора и призрѣнія просящихъ милостыни, которому оно и принадлежитъ теперь, съ 13 іюня 1845 года. Къ этимъ предварительнымъ свѣдѣніямъ объ Авдотьинѣ должно прибавить, что, по стеченію счастливыхъ обстоятельствъ, оно находится съ 1845 года въ положеніи, совершенно согласномъ съ желаніемъ, которое выражалъ Новиковъ, чтобы когда-нибудь крестьяне его были поставлены внѣ случайностей перемѣняющагося управленія и перехода отъ одного владѣльца къ другому. Замѣтимъ также, что двѣ дочери и сынъ Новикова, несмотря на продажу Тихвинскаго съ аукціона, оставались на жительствѣ въ родительскомъ домѣ, даже когда Авдотьино принадлежало уже Лопухину, который поселился въ немъ. Это продолжалось около пятнадцати лѣтъ послѣ Новикова, до смерти послѣдняго изъ его дѣтей.

Недавно случай доставилъ мнѣ возможность исполнить безъ особыхъ затрудненій давнишнее желаніе видѣть мѣста, гдѣ все должно напоминать о необыкновенномъ человѣкѣ, котораго личность и судьба представляютъ столько привлекательнаго. Мнѣ надобно было ѣхать въ Коломну, и я рѣшился съ дороги, изъ гор. Бронницъ, своротить въ сторону и побывать въ Авдотьинѣ.

Село Авдотьино, — цѣль моего путешествія, лежитъ въ Бронницкомъ уѣздѣ, на самой его границѣ, которую въ этомъ мѣстѣ составляетъ рѣка Сѣверка, остающаяся съ горы почти незамѣтною по причинѣ крутого своего берега и множества расположенныхъ на немъ жилищъ.

Я пріѣхалъ къ околицѣ Авдотьина мимо задовъ крестьянскихъ дворовъ. Повернувши направо черезъ околицу, я поѣхалъ мимо каменныхъ, бѣлыхъ крестьянскихъ домовъ и, проѣхавъ рядъ ихъ, напротивъ котораго по лѣвой сторонѣ находятся огороды и фруктовый садъ, поворотилъ опять налѣво по проспекту, ведущему къ дому. Правѣе я увидѣлъ большой, каменный скотный дворъ и, наконецъ, взявши опять налѣво, мимо каменнаго большого флигеля, подъѣхалъ съ сѣверной стороны къ главному подъѣзду дома, въ которомъ когда-то жилъ Новиковъ.

Благодаря обязательности президента комитета для разбора и призрѣнія просящихъ милостыни А. Ф. Томашевскаго, у меня былъ съ собою письменный приказъ къ управляющему села Тихвинскаго, тамошнему уроженцу Лебедеву, которому предписывалось подробно показать мнѣ все, что я пожелаю. Управляющій повелъ меня прямо въ домъ и по желанію моему сейчасъ послалъ за камердинеромъ Новикова Иваномъ Алексѣевичемъ. Онъ служилъ при немъ съ своего дѣтства, и на рукахъ его умеръ его господинъ. Ему теперь 66 лѣтъ[1]), слѣдовательно, ему было 26 лѣтъ, когда умеръ Новиковъ, по совѣту, котораго онъ былъ тогда уже три года женатъ. Впослѣдствіи, явился ко мнѣ одинъ изъ старѣйшихъ села, крестьянинъ Никифоръ Захаровъ, 75 лѣтъ. Несмотря на лѣта свои, оба эти спутника мои были бодры и свѣжи и казались годами пятнадцатью моложе, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ. Церковь показывалъ мнѣ дьяконъ, находящійся при ней въ теченіе двадцати лѣтъ. Кромѣ того, меня повсюду сопровождалъ фельдшеръ, племянникъ другого камердинера Новикова. Они показали и разсказали мнѣ все то, что я теперь передамъ читателю.

Въ селѣ Авдотьинѣ (оно рѣдко называется въ околоткѣ Тихвинскимъ) 36 дворовъ; избы всѣ каменныя, построенныя Новиковымъ около 1800 года. Душъ по десятой ревизіи муж. 133, женск. 179. Крестьяне на запашнѣ весьма умѣренной. Если не ошибаюсь, чистаго дохода съ имѣнія поступило въ комитетъ въ 12 лѣтъ около 15 тысячъ руб. сер. Дворовые находятся въ богадѣльнѣ, помѣщенной во флигелѣ. Такихъ призрѣваемыхъ 8 женщинъ, бывшихъ въ услуженіи

---

[1]) Статья написана въ 1858 году.

Новикова и его семейства, и, кромѣ того, богадѣльнымъ положеніемъ пользуется извѣстный уже читателю Иванъ Алексѣевъ. Крестьянскіе мальчики по достиженіи 10 лѣтъ поступаютъ въ школу, помѣщенную рядомъ съ богадѣльней, гдѣ ихъ обучаютъ дьяконъ и фельдшеръ грамотѣ, письму и закону Божію. Послѣ такого общаго взгляда на положеніе Автотьина, приступаю по порядку къ описанію личнаго моего обозрѣнія.

Нынѣ существующій домъ, принадлежавшій Новикову, былъ третій въ этомъ имѣніи и построенъ имъ около 1800 года. Это довольно обширное деревянное двухъэтажное зданіе сѣраго цвѣта, съ красною желѣзною крышей, имѣющее 12 саженъ въ длину и около 7 въ поперечникѣ. По длиннымъ фасамъ находится въ каждомъ изъ нихъ 8 оконъ и дверь въ серединѣ, которая вела на не существующіе уже теперь балконы: въ поперечныхъ фасахъ по 4 окна, также съ дверьми въ серединѣ на такіе же балконы. Нижній этажъ довольно высокъ отъ земли: въ него входятъ по десяти каменнымъ ступенямъ главнаго подъѣзда. Изъ сѣней ведетъ на верхъ прочная дубовая лѣстница. Взойдя по ней въ верхній этажъ, вы очутитесь въ парадныхъ комнатахъ, которыя выходятъ на полдень. Тутъ-то жилъ Новиковъ. Съ особеннымъ чувствомъ вступилъ я въ эти пустые покои, гдѣ столько лѣтъ жилъ человѣкъ, котораго странная судьба всегда возбуждала во мнѣ особое сочувствіе и любопытство. Черезъ залу и гостиную вошелъ я въ комнату съ желтыми стѣнами, въ два окна. „Тутъ были кабинетъ и спальня Николая Ивановича, — сказалъ мнѣ Иванъ Алексѣевичъ. На этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вы сидите, скончался онъ на моихъ рукахъ въ 1818 году, 31 іюля, въ 4 часа утра. Тутъ по стѣнѣ противъ оконъ стоялъ диванъ, на которомъ онъ почивалъ, а въ головахъ его бюро съ кипами бумагъ и склянками лѣкарствъ, которыми онъ лѣчилъ крестьянъ. За кабинетомъ, вотъ эта угловая, зеленая комната, была его библіотека“. Изъ оконъ названныхъ комнатъ видна рѣка Сѣверка, протекающая шаговъ въ тридцати отъ дома; на другомъ ея берегу начинается Коломенскій уѣздъ. Въ противоположной анфиладѣ, прерываемой сѣнями, находятся комнаты для пріѣзда гостей и гдѣ помѣщался сынъ Новикова, Иванъ, страдавшій во всю жизнь болѣзненными припадками,

такъ же какъ и старшая изъ сестеръ его, Варвара, чему причиной былъ, какъ говорятъ, испугъ, причиненный имъ въ дѣтствѣ, во время нашествія на Тихвинское военной команды, посланной княземъ Прозоровскимъ для арестованія ихъ отца. Комнаты для служителей, буфетъ и прочія находятся по боковымъ фасамъ дома.

Нижній этажъ расположенъ точно такъ же какъ и верхній но комнаты въ немъ ниже, и полы не паркетные. Подъ комнатами сына Новикова помѣщались двѣ его дочери; подъ кабинетомъ самого Новикова жила вдова умершаго въ 1784 г. друга его И. Г. Шварца, Наталья Ильинишна; подъ залой большая комната, въ которой жилъ постоянно и умеръ четыре года послѣ Новикова неизмѣнный другъ его, Семенъ Ивановичъ Гамалѣя. Внизу же находятся комнаты для пріѣзжихъ и подъ библіотекой угловая пріемная комната, гдѣ обыкновенно собирались пить чай и бесѣдовать гости Новикова. Въ нижнемъ этажѣ предполагаютъ теперь устроить богадѣльню. Большія печи, съ голубыми изразцами, возвышаются повсюду въ комнатахъ обоихъ этажей.

Домъ находится въ совершенномъ запустѣніи; мебели уцѣлѣло очень немного, потому что большая часть ея была распродана; изъ оставшихся вещей есть еще нѣкоторыя, принадлежавшія Новикову. Въ числѣ ихъ три писанные на деревѣ и въ деревянныхъ рамкахъ образа. Кромѣ того, въ гостиной находится портретъ (впрочемъ принадлежавшій уже Лопухину) императора Петра II, во весь ростъ, въ мантіи и андреевской цѣпи; царскія регаліи лежатъ на стоящемъ близъ него столѣ.

Иванъ Алексѣевъ разсказывалъ мнѣ слѣдующія подробности объ образѣ жизни Новикова: онъ вставалъ въ 4 часа утра, выпивалъ чашку чаю, садился къ своему письменному столу, на которомъ зажигались четыре восковыя свѣчи, и принимался за письмо и чтеніе; это продолжалось часовъ до 8. Обѣдали обыкновенно въ первомъ часу самъ хозяинъ, Гамалѣя, г-жа Шварцъ и здоровая дочь Новикова, Вѣра. (Другая дочь и сынъ, по болѣзни своей обѣдали особо и въ разные часы.) Самъ Новиковъ былъ очень воздержанъ въ пищѣ и по большой части говорилъ за столомъ о томъ, что случилось ему утромъ прочесть. Часу въ седьмомъ пили чай, а въ десять Новиковъ ложился спать.

Кромѣ того, онъ постоянно отдыхалъ послѣ обѣда часа полтора или два, что дѣлалъ не только дома, но и въ гостяхъ у друзей и сосѣдей своихъ: Ключарева, Ладыженскихъ, Бутурлиныхъ и пр. Всякій день гулялъ онъ по саду, который былъ расположенъ на 12 десятинахъ передъ домомъ, или по деревнѣ; ходилъ на гумно или на суконную фабрику, которая одно время существовала при его имѣніи. За Новиковымъ ходилъ обыкновенно мальчикъ, съ запасомъ мелкихъ пряниковъ, которые онъ раздавалъ крестьянскимъ дѣтямъ по дорогѣ. Дѣти, издали завидя его, бѣжали къ нему: онъ ласкалъ ихъ и одѣлялъ лакомствами. При видѣ его раздавались веселые голоса: „баринъ идетъ“, и это удовольствіе раздѣляли и взрослые, которые любили горячо своего господина, и которыхъ онъ всѣхъ лично зналъ. Всѣ старики, которые помнятъ его, до сихъ поръ говорятъ о немъ съ чувствомъ.

„Куда былъ ласковъ, и добродушенъ нашъ Николай Ивановичъ“ повторялъ мнѣ не разъ старый крестьянинъ Никифоръ Захаровъ. Старикъ этотъ былъ десяти лѣтъ отъ роду во время ареста Новикова, обстоятельство это такъ его поразило, что онъ живо помнитъ его и теперь.

Пришедшая конная военная команда навела страхъ на всѣхъ; красные мундиры гусаръ поразили обывателей Тихвинскаго, когда они увидѣли отрядъ, спускавшійся съ горы къ селу: тогда видѣть солдатъ было большою диковиной для деревенскихъ жителей. Часа черезъ два послѣ ихъ прибытія, Новикова повезли въ Москву въ небольшой кибиткѣ. При вѣсти объ этомъ несчастіи сталъ во всей деревнѣ раздаваться громкій плачъ. Горесть эту раздѣляли не только всѣ жители Авдотьина, но и сосѣди Новикова, котораго они чрезвычайно любили и уважали. Къ нему ѣздили они за совѣтами, просили его разбирать ихъ ссоры, которыя ему часто удавалось прекращать. Словомъ, отбытіе его было печальнымъ происшествіемъ для всего околотка.

По прочтеніи статьи моей въ № 15 *Русскаго Вѣстника* нынѣшняго года, Н. П. Руничъ, которому я обязанъ сообщеніемъ столькихъ любопытныхъ документовъ и свѣдѣній, касающихся до Новикова, передалъ мнѣ извѣстіе, противорѣчащее разсказу многихъ другихъ лицъ о смерти Новикова, будто бы онъ былъ въ полной памяти и читалъ пе-

редъ кончиной на память Евангеліе. Бывши сосѣдомъ Новикова и состоя съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, Н. П. Руничъ, при извѣстіи о его болѣзни, сейчасъ навѣстилъ его и имѣлъ потомъ случай узнать, что онъ умеръ не въ полной памяти, а напротивъ того въ совершенномъ забытьѣ. Вотъ что разсказалъ мнѣ объ этомъ Иванъ Алексѣевичъ: „Николай Ивановичъ былъ боленъ 28 дней, вслѣдствіе удара, послѣ котораго онъ оправился очень мало, а черезъ три дня совершенно потерялъ память. Въ этомъ положеніи скончался онъ на моихъ рукахъ, въ 4 часу утра, 31-го іюля, а 2-го августа похороненъ въ сельской церкви“. Возстановляю здѣсь истину, которая всегда лучше всякой легенды, къ тому же совершенно безполезной; жизнь Новикова и безъ прикрасъ поучительна.

Осмотрѣвши домъ, мы отправились въ церковь. Вокругъ нея сельское кладбище. Направо отъ выхода изъ сѣверныхъ дверей похороненъ послѣдній владѣлецъ Тихвинскаго П. А. Лопухинъ; лѣвѣе могила С. И. Гамалѣи, на которой, по распоряженію бывшаго предсѣдателя комитета для разбора и призрѣнія просящихъ милостыни, сенатора С. Д. Нечаева, поставленъ въ прошломъ году красивый черный гранитный памятникъ съ бронзовымъ вызолоченнымъ распятіемъ. Съ одной стороны надпись:

Здѣсь покоится тѣло надворнаго совѣтника
Семена Ивановича Гамалѣи. Родился 31 іюля
1743 года. Скончался 10 мая 1822 года.

Съ другой:

Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ,
вѣру соблюдохъ.
II посл. къ Тим. гл. 4, ст. 7.

Каменная церковь села Авдотьина, съ высокимъ, узкимъ куполомъ, почти равнымъ съ колокольней, построенною надъ папертью, находится не болѣе какъ въ 200 шагахъ отъ дома. Церковь эта холодная и довольно пространная. Она сооружена во имя Тихвинской Божіей Матери; въ ней, кромѣ главнаго, еще два придѣла: направо отъ главнаго входа св. Алексѣя митрополита, налѣво Василія, епископа

парійскаго. Въ послѣднемъ хранится старый деревянный крестъ; изъ надписи на немъ видно, что церковь эта выстроена въ царствованіе Елизаветы Петровны (годъ сооруженія стерся). Строителемъ ея былъ отецъ Новикова. Въ главномъ алтарѣ есть такой же крестъ, на которомъ надпись совершенно явственна; изъ нея видно, что прежняя церковь (вѣроятно деревянная) была обновлена въ настоящемъ видѣ и освящена 25 іюня 1776 года, при преосвященномъ Ѳеодосіи, епископѣ коломенскомъ и каширскомъ. Кажется, что отецъ Новикова уже не былъ тогда въ живыхъ, и обновленіе храма приведено въ исполненіе его сыновьями.

Усердіе Новикова къ храму Божію подтверждается драгоцѣнными, имъ сдѣланными вкладами. Вся церковная утварь замѣчательна по богатству и вкусу, и лучшее изъ нея поступило въ даръ отъ Новикова: дорогая серебряная чаша и такой же напрестольный крестъ, Евангеліе, напечатанное въ 1791 году in folio, въ серебряномъ же окладѣ, который вѣситъ до 30 фунтовъ. Окладъ этотъ украшаютъ изящныя живописныя изображенія, оправленныя кампями, въ числѣ которыхъ есть и настоящіе драгоцѣнные. Особенно замѣчательны четыре крайніе медальона, съ ликами евангелистовъ, осыпанные каменьями и стоившіе по словамъ уже умершихъ старожиловъ, 500 рублей, сумму чрезвычайно значительную по прежнимъ цѣнамъ.

Я очень любопытствовалъ видѣть стѣнную живопись церкви, исполненную по проектамъ или рисункамъ Новикова. Къ сожалѣнію, она уже не существуетъ; мнѣ сказали, что живопись эта была клееная и писанная альфреско. Но въ 1843 году сочли нужнымъ расписать церковь вновь и исполнили это масляною краской, изобразивши на мѣстѣ прежнихъ сюжетовъ новые, не представляющіе ничего особеннаго. Направо отъ алтаря, у царскихъ дверей, находится мѣстная икона Тихвинской Божіей Матери въ богатомъ серебряномъ окладѣ. Налѣво другая икона Спасителя. Прямо противъ послѣдней, сойдя съ ступени, близъ клироса, похороненъ Новиковъ въ виду изображенія Христа, законъ котораго онъ свято чтилъ и исполнялъ во всю свою жизнь. Въ ближайшей стѣнѣ вдѣлана въ прошломъ году по распоряженію С. Д. Нечаева мѣдная доска съ надписью:

„Здѣсь покоится тѣло Раба Божія
Николая Ивановича Новикова.
Родился 27 апрѣля 1744, скончался
31 іюля 1818, 73 отъ рожденія“.

Послѣ обозрѣнія церкви, я пошелъ въ каменный двухъ-этажный флигель, находящійся близъ дома. Тутъ когда-то были кухня и службы и, между прочимъ, жилъ крѣпостной лѣкарь Новикова, лѣчившій его крестьянъ и дворовыхъ подъ собственнымъ его руководствомъ. Теперь во флигелѣ богадѣльня и школа, о которыхъ говорено выше, аптека, которою занимается уже упомянутый мною фельдшеръ, и контора. Бумаги и дѣла конторы относятся только ко времени нынѣшняго управленія Авдотьина съ 1845 года; но въ ней въ видѣ исключенія сохранилась ревизская сказка по имѣнію за 1816 годъ, когда въ немъ числилось душъ мужск. 112, женск. 107. Скрѣпа этой сказки и довѣренность на подачу ея коллежскому секретарю Семену Ивановичу Иванову писаны рукой Новикова, уже дрожащимъ и нетвердымъ почеркомъ, впрочемъ очень сходнымъ съ тѣмъ, которымъ писаны его бумаги болѣе ранней эпохи, которыя мнѣ случалось видѣть.

Я пробылъ въ Авдотьинѣ три съ половиной часа, обозрѣвая все и разговаривая съ моими спутниками. Впрочемъ около 7 часовъ я ужъ перемѣнилъ лошадей въ Бронницахъ и ѣхалъ по коломенскому шоссе, очень довольный поѣздкой своею въ Авдотьино. Посѣтивъ Авдотьино, я видѣлъ въ этомъ уединенномъ уголкѣ какъ бы особый маленькій міръ, въ которомъ все живетъ до сихъ поръ памятью о Новиковѣ.

Старики хранятъ воспоминаніе о добромъ своемъ господинѣ, а потомки ихъ безпрестанно слышатъ о немъ, при чемъ тѣ и другіе пользуются плодами его заботливости, которые видимы имъ на всякомъ шагу: дома, въ которыхъ они живутъ, богадѣльни, гдѣ призрѣваются ихъ ближніе, церковь, въ которой всѣ они молятся, — все это создано благотворительною рукою, когда-то имъ покровительствовавшею и, какъ бы въ память прежняго ихъ помѣщика, устроены нынѣшнія ихъ гражданскія отношенія и экономическіе порядки. Мудрено ли послѣ этого, что въ Авдотьинѣ говорятъ безпрестанно „Николай Ивановичъ сдѣлалъ это,

у Николая Ивановича было то-то" и пр.? Словомъ, о Николаѣ Ивановичѣ Новиковѣ, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ его смерти, говорятъ какъ бы о человѣкѣ, живущемъ еще въ своемъ Авдотьинѣ, или, по крайней мѣрѣ, умершемъ недавно.

Едва ли встрѣтимъ мы много такихъ примѣровъ въ нашихъ деревняхъ. Эта характеристическая черта побудила меня разсказать читателямъ о видѣнномъ мною, не менѣе желанія сдѣлать извѣстными всѣ могущія открыться подробности, касающіяся до замѣчательной личности.

Лонгиновъ.

При Николаѣ Ивановичѣ Новиковѣ Авдотьинская усадьба была устроена на старинный барскій ладъ, и вообще все хозяйство у него велось на широкую ногу. Всего къ помѣстью принадлежало до 700 десятинъ земли [1]). Громадный садъ при усадьбѣ, занимавшій десятинъ двѣнадцать, съ оранжереями, каменный скотный дворъ, кирпичные и известковые заводы, большой барскій домъ, солидныя хозяйственныя постройки и пр. — все это строилось или поддерживалось самимъ Новиковымъ [2]). Разсказывая о Новиковѣ, старики и теперь говорятъ, что, живя въ Авдотьинѣ, онъ больше всего занимался стройкой. Это было уже послѣ освобожденія его изъ крѣпости, когда его матеріальныя средства стали оскудѣвать, и онъ обстроивалъ усадьбу и дома крестьянскіе на деньги, полученныя, по предположенію Лонгинова, подъ залогъ имѣнія въ опекунскомъ совѣтѣ.

Понятно, поэтому, что въ такой солидно-устроенной барской усадьбѣ для помѣщенія дворовыхъ предназначался флигель такихъ большихъ размѣровъ, какой сохранился до сихъ поръ; да еще былъ и не одинъ, а два такихъ флигеля, которые и сами по себѣ могли бы теперь служить помѣщичьими домами, даже и въ крупныхъ имѣніяхъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по уцѣлѣвшему дому. Выстроенъ этотъ домъ былъ еще года за три до постройки (въ 1800 г.) того

---

[1]) Нынѣ къ Авдотьину принадлежитъ до 300 десятинъ.

[2]) М. Н. Лонгиновъ сообщаетъ, что у Новикова былъ суконный заводъ. Я же слышалъ въ Авдотьинѣ, что суконный заводъ тамъ былъ позже, при Лопухинѣ, а при Новиковѣ существовалъ заводъ сахарный.

стараго, теперь уничтоженнаго, барскаго дома, въ которомъ жилъ самъ Новиковъ. Объ этомъ говоритъ авдотьинскій старожилъ, родившійся еще при жизни Новикова, Степанъ Аѳанасьевичъ, сынъ управляющаго Новикова, и самъ потомъ многіе годы управлявшій Авдотьинымъ. Съ этимъ почтеннымъ старцемъ я познакомлю читателей впослѣдствіи. Флигель, о которомъ идетъ рѣчь, каменный, двухъэтажный. По лицевому фасаду онъ имѣетъ вверху шесть оконъ и посрединѣ дверь, выходящую на балконъ. Внизу этой двери соотвѣтствуетъ входная дверь въ домъ, къ которой ведутъ четыре ступеньки. Рядомъ съ нижней дверью небольшая дверь ведетъ въ особую кладовую. По бокамъ отъ крыльца крытые входы въ обширные сухіе подвалы. Домъ этотъ, какъ я уже упоминалъ, занятъ теперь конторой и квартирой управляющаго имѣніемъ, а также помѣщеніями для прислуги.

Неизвѣстно, насколько осталось неприкосновеннымъ расположеніе комнатъ въ этомъ домѣ. Говорятъ, что были внутри значительныя передѣлки. Но если вся распланировка комнатъ и вообще устройство дома носятъ на себѣ слѣды Новиковскаго типа, то можно сказать, что „ревнитель просвѣщенія“ любилъ и стремился дать другимъ не только духовный свѣтъ, но и какъ можно больше свѣта физическаго. Въ домѣ буквально нѣтъ ни одного уголка, гдѣ бы, даже затворивши всѣ двери, можно было остаться въ такой хотя приблизительно абсолютной темнотѣ, какая требуется для фотографическихъ работъ. Свѣтъ, свѣтъ и свѣтъ льется въ большія окна, пробивается въ коридоры и чуланы. Въ такомъ свѣтломъ домѣ, да при такомъ помѣщикѣ, какъ Новиковъ, легко, вѣроятно, жилось дворовымъ людямъ...

Чтобы закончить объ этомъ домѣ, скажу, что въ немъ жили впослѣдствіи тѣ же дворовые, нѣсколько человѣкъ, но уже какъ въ богадѣльнѣ. Тутъ же помѣщались аптека и школа для мальчиковъ. Это было въ то время, когда Авдотьино поступило въ вѣдѣніе комитета о нищихъ.

Устраивая свою усадьбу, Николай Ивановичъ съ истинно-отеческой заботливостью не позабылъ и о крестьянахъ своихъ. Они не были для него такими крѣпостными, какими были тогда крестьяне для огромнаго большинства помѣщиковъ. Человѣчное отношеніе къ крестьянину, какъ къ своему ближнему, сдѣлало Новикова „отцомъ“, „благодѣтелемъ“, „анге-

ломъ" въ глазахъ его крѣпостныхъ. И эти трогательныя названія до сихъ поръ черезъ нѣсколько поколѣній все еще повторяются авдотьинскими крестьянами. О томъ, какое нравственное вліяніе, тоже не исчезнувшее до сихъ поръ, имѣлъ Новиковъ на крестьянъ, я скажу дальше. А теперь перейду къ тому вещественному памятнику благодѣяній Новикова крестьянамъ и заботъ объ ихъ благосостояніи, который цѣлое столѣтіе напоминаетъ авдотьинцамъ про ихъ стариннаго вотчинника.

Напоминаетъ волей-неволей, потому что этотъ памятникъ не что иное, какъ дома, въ которыхъ до сихъ поръ обитаетъ все авдотьинское населеніе, и притомъ исключительно въ этихъ домахъ, потому что другихъ избъ позднѣйшей постройки въ Авдотьинѣ нѣтъ.

Радѣя о благѣ людей, данныхъ ему судьбой въ полную власть, Новиковъ желалъ устроить ихъ матеріальный бытъ, упрочить его, въ чемъ можно, надолго. Въ силу этого желанія ему и пришла, конечно, мысль, построить для своихъ крестьянъ каменныя избы. Преимущества этихъ избъ передъ деревянными, при тѣхъ условіяхъ, какъ строились въ то время и тѣ и другія, очевидны. Деревянно-соломенная Русь и понынѣ каждое лѣто горитъ безъ конца, горитъ безпомощно, а во времена Новикова это было и подавно такъ. Избавить крестьянъ отъ этого губительнаго зла значило на практикѣ дать имъ болѣе огнеупорныя постройки. Новиковъ такъ и сдѣлалъ, поставивъ въ Авдотьинѣ рядъ каменныхъ домовъ подъ желѣзными крышами. И помимо огнестойкости каменныя избы были несравненно лучше деревянныхъ по чистотѣ и удобствамъ, которыя трудно завести въ обыкновенной курной избѣ. Эти оригинальныя крестьянскія палаты построены Новиковымъ по слѣдующему плану, какъ совершенно сохранился онъ и до сихъ поръ.

Каждая изба предназначалась для четырехъ семей. Чтобы размѣстить всѣ семьи отдѣльно одна отъ другой, все длинное зданіе избы раздѣлялось каменными же перегородками и сѣнями на четыре особыхъ помѣщенія. Каждое изъ этихъ помѣщеній имѣло по два окна и въ общемъ было не меньше большой крестьянской избы, какія обыкновенно у насъ ставятся. Всего въ каменной избѣ было четыре двери; двѣ по бокамъ и двѣ въ срединѣ. Изъ этихъ дверей вели черезъ

сѣни ходы въ отдѣленія избы, такъ что каждая семья имѣла свой особенный, совершенно изолированный входъ въ избу. Построены избы были изъ мѣстнаго камня, который добывался въ берегахъ Сѣверки [1]).

Всѣ избы, весь планъ ихъ расположенія и устройства, вообще говоря, сохранились и до сихъ поръ въ прежнемъ видѣ. Но всеизмѣняющее и даже всесокрушающее время не могло не коснуться и этихъ слѣдовъ просвѣщеннаго вниманія знаменитаго гражданина къ быту его меньшихъ братьевъ. Съ внѣшней стороны избы давно уже утратили значительную долю своего прежняго благообразія. Самыя существенныя измѣненія потерпѣли кровли. Изъ желѣзныхъ онѣ съ теченіемъ времени превратились въ деревянныя, а потомъ и въ соломенныя. Въ послѣднемъ видѣ онѣ находятся и теперь, представляя собою какую-то грустную несообразность, невяжущееся соединеніе камня и соломы...

И внутри избъ, въ жизни ихъ обитателей, произошло много перемѣнъ со времени Новикова. Я говорю не о тѣхъ переворотахъ, которые вообще постигли нашъ крестьянскій міръ. Нѣтъ, а просто стали другими, чѣмъ прежде, условія жизни въ этихъ избахъ. Объ этомъ повѣдали намъ мужички, когда мы заглянули въ одно изъ Новиковскихъ сооруженій для крестьянскаго жилья.

Съ тѣхъ поръ, какъ избы по извѣстному плану и расчету были построены, населеніе Авдотьина, по общему закону, все плодилось и плодилось, количество семей прибавлялось, а избъ новыхъ не ставилось. Въ концѣ концовъ на каждую семью стало доставать не по два окошка, а по одному, а то и вовсе по половинѣ окна, то-есть, въ каждомъ отдѣленіи, предназначенномъ для одной семьи, начали помѣщаться по двѣ и даже по четыре семьи. Такъ въ нѣкоторыхъ избахъ и теперь ютятся въ тѣснотѣ.

Кромѣ этого неудобства, есть и другое, на которое жалуются авдотьинцы. „Холодновато зимою бываетъ“, — говорятъ они. Каменная изба беретъ много дровъ, а топка въ наше время дорогая, русскій же человѣкъ, какъ извѣстно, привыкъ къ тому, что паръ костей не ломитъ. Прежде лѣса

---

[1]) Въ окрестностяхъ Авдотьина добывается также мраморъ, но не разрабатывается по причинѣ дорогой доставки въ Москву.

были вольные, топи избу, сколько хочешь, а нынче не то,— вотъ и зябнутъ авдотьинцы. Да и ветшаютъ избы, вывѣтриваются, обсыпаются, а поддерживать ихъ крестьянамъ, можетъ быть, и не по силамъ, а то, можетъ быть, просто не хочется по свойственной намъ лѣни и распущенности въ хозяйствѣ. Разсказываютъ и такъ. Избы въ Авдотьинѣ построены въ два ряда камней, а средина засыпана углемъ. А такъ какъ съ теченіемъ времени авдотьинцы сдѣлались большими любителями чаепитія, то они для растопки самоваровъ пользовались углемъ изъ стѣнъ, пока не повыбрали его оттуда. Разумѣется, новиковскія избы простоятъ еще очень долго, но ничего нѣтъ мудренаго, что на мѣстѣ ихъ когда-нибудь построятъ деревянныя хаты, и отъ разумной мысли и благихъ намѣреній Новикова не останется слѣда.

— Скажите, что̀ напоминаетъ теперь въ Авдотьинѣ о Новиковѣ, сохранилось ли что-нибудь, нѣтъ ли въ живыхъ кого-нибудь изъ его современниковъ? — это были первые вопросы, которые я предложилъ С. Е. Прокудину-Горскому, управляющему Авдотьинымъ, когда познакомился съ нимъ и замѣтилъ его готовность сообщить все, что возможно розыскать о Новиковѣ въ его бывшей родовой вотчинѣ.

— Да думаю, что найдется кое-что интересное. Вотъ передъ вами усадьба, церковь, крестьянскія избы, все это напомнитъ вамъ о Новиковѣ. Попробуемъ найти и его современниковъ, у насъ въ богадѣльнѣ есть такіе старички,— отвѣчалъ мой собесѣдникъ.

Прежде всего я попросилъ дать мнѣ возможность потолковать съ старичками.

— А вотъ мы сейчасъ позовемъ ихъ сюда.

Черезъ нѣсколько минутъ мы видѣли передъ собою представителей далекой старины. Ихъ было двое. Одинъ изъ нихъ клонился уже къ дряхлости. Глубокія морщины на безжизненномъ лицѣ, темныя впадины глазныхъ орбитъ, тусклый взглядъ прежде всего указывали на долгіе, долгіе годы жизни на бѣломъ свѣтѣ. Этому старику, котораго звали Захаръ Гавриловъ, исполнилось 85 лѣтъ, и, слѣдовательно, онъ былъ 9-лѣтнимъ мальчикомъ, когда умеръ Новиковъ. Въ эти дѣтскіе годы память уже многое отмѣчаетъ на всю жизнь. Во всемъ Авдотьинѣ теперь только и остался одинъ Захаръ Гавриловъ, который помнитъ своего стараго барина.

Есть еще старикъ, бывшій управляющій, о которомъ я скажу дальше, тоже современникъ Новикова, года на три помоложе Захара Гавриловича, но онъ уже близокъ къ той грани, когда старость переходитъ въ младенчество и память слабѣетъ до полной ея потери. Что же касается Захара Гаврилова, то онъ, такъ сказать, еще въ полной памяти и здравомъ умѣ, и лишь описанныя выше черты его лица и слабый, глухой, прерывистый голосъ краснорѣчиво говорятъ о его лѣтахъ.

Другой старикъ, пришедшій къ намъ для живыхъ показаній о временахъ минувшихъ, по имени Эрастъ Ивановъ, былъ еще совсѣмъ бодрый мужикъ, хотя и ему считалось около 70 лѣтъ. Оба они были изъ крестьянъ, а не изъ дворовыхъ Новикова.

— Вотъ что, старички, — началъ, обращаясь къ нимъ, г. Прокудинъ-Горскій, — видите, вотъ господа изъ Москвы пріѣхали посмотрѣть наше Авдотьино, да любопытно имъ тоже поразспросить про вашего бывшаго барина, про Николая Ивановича Новикова.

— Да, это точно... Николай Ивановичъ былъ баринъ нашъ... Это дѣйствительно... — заговорили старички.

— Такъ поразскажите, что о немъ знаете, что помните, что отъ своихъ стариковъ слыхивали, — еще разъ объяснилъ я имъ цѣль нашей бесѣды.

— Да, какъ не помнить... Давно только это было-то... И отъ стариковъ слыхивали... Что жъ баринъ нашъ былъ хорошій, добрый, такихъ, можетъ, и нигдѣ не бывало...

— Ну, вотъ и разскажите... Ты-то, Захаръ Гаврилычъ, я думаю, больше помнишь?

— Вѣрно, вѣрно, — отозвался Эрастъ Ивановъ, — я знаю только то, что отъ другихъ слыхалъ, я послѣ Николая Ивановича родился, а Захаръ помнитъ.

— Да, помню, — подтвердилъ Захаръ, и на цѣлый рядъ моихъ вопросовъ началъ свой отрывочный разсказъ: — Помню, помню... Бывало, онъ ѣдетъ по деревнѣ, а мы, ребятишки-то, всѣ за нимъ: такъ ужъ, значитъ, привадилъ онъ насъ за собою... Кучей всѣ летимъ за нимъ... А онъ кошолку съ собой возилъ съ пряниками и намъ бросалъ горстями... Которые были посмѣлѣе изъ насъ, такъ тѣ и сами, прямо изъ рукъ у Николая-то Ивановича, пряники брали... Какъ цыплята, бывало, за нимъ бѣгаемъ...

— Ну, а какъ же жилъ, что дѣлалъ Николай Ивановичъ, этого не помнишь? — спросилъ я у единственнаго оставшагося въ живыхъ изъ тѣхъ, которые ѣли пряники Новикова.

— Да что дѣлалъ — извѣстно, дѣло господское... А только Николай Ивановичъ все больше стройкой занимался... Скотный дворъ былъ огромный, и фабрика была... Избы намъ, крестьянамъ, построилъ каменныя... Людей-то здѣсь у насъ мало было, такъ онъ покупалъ въ другихъ мѣстахъ и сюда переселялъ...

— Ну, а каковъ онъ былъ человѣкъ, какъ съ крѣпостными своими обращался?

— Человѣкъ-то? Да душа человѣкъ — вотъ какой. Какъ обращался, и говорить нечего: какъ отецъ родной... Ужъ что про насъ сказывать, а и вся-то округа называла его ангеломъ своимъ да благодѣтелемъ. Бывало придетъ къ нему мужичокъ. Такъ и такъ, молъ, батюшка-баринъ, вотъ у меня сынъ, или тамъ два, женить пора. „Да есть ли деньги-то?“ спроситъ Николай Ивановичъ и потомъ вынетъ пять или больше золотыхъ и дастъ на свадьбу. А когда молодые на поклонъ къ нему придутъ, то также жалуетъ... А въ голодные годы на 50 верстъ кругомъ разсылалъ афишки, чтобы, значитъ, шли къ нему, въ Авдотьино, за хлѣбомъ и всѣмъ хлѣбъ даромъ раздавалъ... Покупалъ мукой, а народу печенымъ хлѣбомъ раздавалъ... Еще разсказывали старики, что во время французскаго года къ намъ сюда тоже непріятель заходилъ. И Николай Ивановичъ всю армію принялъ, всѣмъ имъ по два яблока и по бокалу водки далъ. А они никого, ни одной души у насъ тутъ не тронули... Разсказывали старики и про то, какъ Николая Ивановича подъ арестъ брали...

— За что же это его брали, какъ тутъ у васъ объ этомъ говорятъ? — спросилъ я.

— Молва была, что за деньги его взяли, золото онъ будто бы дѣлалъ... Вотъ въ голодное-то время на эти деньги онъ народу хлѣбъ-то и покупалъ... Къ нему золото возили слитками, а онъ его въ червонцы и выдѣлывалъ... Была для этого у него и машина такая, чтобы монеты чеканить... Съ обыскомъ къ нему три раза пріѣзжали, насчетъ золота-то, а онъ какъ познаетъ, что обыскъ будетъ, сейчасъ машинку-то на цѣпь, да въ рѣчку ее, въ самую глубину.

— Стало-быть, онъ не фальшивые червонцы дѣлалъ, а изъ настоящаго золота. Тогда что же ему былъ за расчетъ этимъ заниматься?

— Да кто же его знаетъ, вѣрно такъ нужно было,— неопредѣленно замѣтилъ Эрастъ, разсказывавшій о золотѣ.

— Ну, а потомъ, какъ дѣло было?

— А такъ: пріѣхали за нимъ солдаты, шпаги наголо, захватили его и увезли. Много горя намъ было, когда узнали про это, да и по окружности всѣ очень его жалѣли... Ну, а тамъ прошло сколько ни на есть времени, возвратился Николай Ивановичъ, и всѣ съ радостью его встрѣтили... А онъ сильно постарѣлъ за это время и бородой обросъ...

— Послѣ Николая Ивановича у васъ кто же помѣщики были?

— Лопухинъ тутъ послѣ него поселился... Не такой онъ былъ человѣкъ, какъ Новиковъ [1]) совсѣмъ другой... Сердитый былъ баринъ... Бѣда съ нимъ намъ была смертельная, потому билъ онъ смертнымъ боемъ... Нагайка у него была съ серебряной ручкой, а дрался онъ ею больно... И такъ наказывалъ... Вотъ роща-то сосновая, вы проѣзжали ее, большая роща, на горкѣ передъ Авдотьинымъ,— эту рощу крѣпостные тоже въ наказаніе сажали... Много въ нее труда положили... Она у насъ Марьиной называется, потому такъ Лопухинъ назвалъ ее въ честь жены своей Марьи... А послѣ Лопухина отошли мы къ комитету, и тутъ пошло ужъ одно разоренье.

Въ дополненіе и разъясненіе разсказовъ этихъ Авдотьинскихъ старожиловъ, надо сказать, что они были не дворовые, и потому такъ мало знаютъ объ образѣ жизни Новикова. Любопытно, что въ мѣстномъ населеніи и до сихъ поръ держится преданіе о фабрикаціи Новиковымъ фальшивыхъ денегъ. Объясненіе этого вполнѣ понятно. Кормленіе массы народа во время неурожаевъ, требовавшее огромныхъ средствъ, и послѣдовавшій черезъ нѣсколько лѣтъ арестъ Новикова были для народной логики совершенно неразрывными фактами, вытекавшими одинъ изъ другого, какъ слѣдствіе изъ причины.

---

[1]) Замѣчу кстати, что старики произносили фамилію Новикова не по общепринятому для этой фамиліи выговору Но́виковъ, а съ ударе́ніемъ на послѣднемъ словѣ, Новико́въ, такъ же, какъ пишетъ ее и М. Н. Лонгиновъ въ своей монографіи о Новиковѣ.

Голодъ 1787 года былъ ужасенъ: люди ѣли листья, солому и мохъ. Въ Москвѣ четверть ржи доходила въ продажѣ до 20 рублей, что̀ и по счету на ассигнаціи (около 7 рублей серебромъ) было для того времени непомѣрной цѣной. Новиковъ и его друзья были поражены народнымъ несчастіемъ. Съ краснорѣчіемъ глубоко тронутаго чувства сказалъ Новиковъ по этому поводу рѣчь въ одномъ изъ собраній тогдашняго мыслящаго, передового круга людей, и тогда подошелъ къ нему молодой богачъ Походяшинъ и шепнулъ оратору нѣсколько словъ. Походяшинъ жертвовалъ на прокормленіе голодающихъ большую сумму денегъ и ввѣрялъ ихъ Новикову, котораго былъ самымъ преданнымъ почитателемъ. Новиковъ устроилъ раздачу хлѣба въ Авдотьинѣ, и это былъ прототипъ тѣхъ столовыхъ для голодающихъ, которыя возникли недавно у насъ тоже въ тяжелое время неурожая.

Какъ отнеслось тогда общество, какъ отнесся народъ къ этому благому дѣлу гуманнаго общественнаго дѣятеля? Въ обществѣ иные думали, что такимъ способомъ Новиковъ привлекаетъ на свою сторону и на сторону своихъ единомышленниковъ низшіе классы, а иные полагали, что для этого мартинисты занимались изготовленіемъ фальшивыхъ ассигнацій [1]).

Народъ, благодарный Новикову, который и теперь въ народной памяти слыветъ „отцомъ“ и „кормильцемъ“, тѣмъ не менѣе долженъ былъ удивляться, наблюдая огромныя затраты на закупку хлѣба для голодающихъ. Богатства самого Новикова было для этого недостаточно. Такимъ образомъ и составилась легенда о Новиковѣ, какъ о фальшивомъ монетчикѣ. Вліяніе крѣпостного права въ тогдашнее время было таково, что народъ не признавалъ даже и въ добромъ баринѣ искреннихъ побужденій добра, а искалъ какихъ-нибудь побочныхъ и, можетъ быть, даже корыстныхъ источниковъ его. Арестъ Новикова подтвердилъ, какъ будто, въ глазахъ народа предположенія о нечистыхъ дѣлахъ ихъ помѣщика въ голодное время [2]).

---

[1]) Лонгиновъ, Новиковъ и московскіе мартинисты, стран. 278, 279 и слѣд.

[2]) Въ Авдотьинской усадьбѣ и теперь, хотя очень, говорятъ, рѣдко находятъ при рытьѣ земли около дома золотыя старинныя монеты, и это утверждаетъ въ народѣ еще болѣе мнѣніе, что у Новикова были огромныя богатства, и что онъ деньги самъ дѣлалъ.

Въ 1791 году прекратилась въ Москвѣ „Типографическая Компанія“, и Новиковъ переѣхалъ въ Авдотьино, чтобы удалиться отъ свѣта и заняться воспитаніемъ дѣтей, а 22 апрѣля 1792 г. въ Авдотьино прискакалъ отрядъ гусаръ для обыска. 24-го апрѣля Новикова увезли въ Москву, и онъ не былъ въ Авдотьинѣ больше четырехъ лѣтъ. Народъ считалъ его уже умершимъ, когда онъ вдругъ явился неожидано, 19 ноября 1796 года, въ свое Авдотьино „старъ, дряхлъ и согбенъ“.

Тогда для Новикова начался уже полный упадокъ благосостоянія. Извѣстно, что онъ прибѣгалъ съ прошеніемъ о помощи къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, а въ 1815—1816 гг. „дошелъ до послѣдней крайности“, какъ писала его дочь[1]). Академикъ Витбергъ, посѣтившій его въ это время, нашелъ деревеньку небольшою и бѣдною, а ветхій господскій домъ, запущенный садъ и все окружающее показывало нужду и отшельничество[2]).

Замѣчательной случайностью надо считать, что въ родовой вотчинѣ Н. И. Новикова, благодѣтельствовавшаго при жизни своимъ крестьянамъ, устроилась спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ его смерти богадѣльня для тѣхъ же авдотьинскихъ крестьянъ.

Авдотьино-Тихвинское пошло съ аукціоннаго торга на уплату долговъ, когда умеръ Новиковъ, и было куплено статсъ-дамою Елизаветой Ѳедоровной Заборовскою. Ей и принадлежала мысль объ устройствѣ богадѣльни, а исполнить это она завѣщала своему наслѣднику генералъ-маіору П. А. Лопухину — тому самому, котораго считали крестьяне „бѣдою смертельною“. Онъ былъ, очевидно, однимъ изъ жестокихъ помѣщиковъ стараго времени. Даже церковная лѣтопись Авдотьина, удостовѣряя усердіе Лопухина къ храму Божію, вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ о немъ слѣдующее: „Жизнь Лопухина слишкомъ памятна для крестьянъ, которыхъ онъ билъ безъ пощады. Разсказываютъ, что ни одного дня не проходило, чтобы человѣкъ десять не отколотить“. А религіозность его выражалась, напримѣръ въ такихъ фактахъ: если народъ на барщинѣ подъ праздникъ не успѣвалъ окончить какой-нибудь работы, то при первомъ ударѣ колокола

[1]) Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Тихонравова, т. IV, стран. 81 и 71.

[2]) Русская Старина, 1872 г., № 4.

ко всенощной всякое дѣло бросалось, и всѣ обязаны были итти въ церковь.

Лопухинъ двадцать лѣтъ владѣлъ Авдотьинымъ, но богадѣльни не устроилъ, а поручилъ это сдѣлать своей женѣ, которая тоже медлила и, наконецъ, передала исполненіе этого порученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и само Авдотьино комитету для разбора и призрѣнія просящихъ милостыню въ Москвѣ. Передача совершилась 13 іюня 1845 года, но до устройства богадѣльни было еще далеко. Старики говорятъ, что при комитетскомъ управленіи „пошло одно разоренье“. Какъ бы тамъ ни было, но богадѣльня, согласно завѣщанію Заборовской, открыта была на 25 человѣкъ лишь только въ 1879 г. президентомъ комитета Г. В. Грудевымъ. Въ Авдотьинѣ сохранился проектъ богадѣльни, задуманный Заборовскою. По фасаду это цѣлый дворецъ съ колоннами, портиками и проч. Въ дѣйствительности же богадѣльня, находящаяся теперь вмѣстѣ со всѣмъ имѣніемъ въ вѣдѣніи московскаго городского управленія, очень далека отъ первоначальнаго плана. Построенная, очевидно, изъ стараго матеріала, она уже довольно ветха и требуетъ поправокъ. На ея постройку пошелъ старинный домъ Новикова. Домъ этотъ, какъ разсказывалъ мнѣ Г. В. Грудевъ, въ 1877 г. былъ уже совершенно ветхъ. Фондъ богадѣльни, равный 40 тысячамъ рублей, составился изъ выкупныхъ крестьянскихъ суммъ.

Мы зашли въ этотъ „Домъ успокоенія ближняго“ и бесѣдовали съ нѣкоторыми изъ его обитателей. Въ столовой по стѣнамъ развѣшаны литографированные портреты Н. И. Новикова, С. И. Гамалѣи, Г. В. Грудева (президентъ комитета, при которомъ открыта богадѣльня) и масляными красками статсъ-дамы Заборовской.

Изъ презрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ самымъ интереснымъ оказался 82-лѣтній старикъ Степанъ Аѳанасьевъ, тоже въ дѣтствѣ современникъ Новикова. Отецъ его Аѳанасій Петровъ былъ управляющимъ у Новикова, а братъ Филиппъ Аѳанасьевъ — камердинеромъ. Слѣдовательно, Степанъ Аѳанасьевъ стоялъ близко къ господскому дому и семьѣ Новикова и, оставшись послѣ смерти Новикова 6—7 лѣтъ и слушая о немъ разсказы, могъ бы, вѣроятно, что-нибудь сообщить изъ прошлаго. Но старость ослабила въ немъ память, и онъ въ иныя минуты похожъ совсѣмъ на ребенка.

На видъ это тучный старикъ, слѣпой, съ серебряными кудреватыми волосами. Оказалось, что онъ уже зналъ о пріѣздѣ въ Авдотьино гостей, т.-е. о нашемъ пріѣздѣ, и счелъ нужнымъ облачиться въ черный сюртукъ, такъ что въ общемъ онъ представлялъ почтенную фигуру старца. Ему было чрезвычайно пріятно, что его старое гнѣздо посѣтили люди, интересующіеся Новиковымъ и стариной Авдотьина. Здѣсь онъ родился и нѣсколько десятковъ лѣтъ служилъ управляющимъ, здѣсь онъ сложитъ и свои старыя кости. Теперь онъ занимаетъ въ богадѣльнѣ отдѣльную комнату.

Какимъ-то трогательно-мучительнымъ голосомъ повторялъ онъ почти при каждой фразѣ: „Ахъ, Господи, Господи...“, искалъ своими руками наши руки и долго пожималъ ихъ, упрашивая погостить въ Авдотьинѣ. Онъ производилъ положительно сильное впечатлѣніе, и я, какъ сейчасъ, слышу звукъ его жалобно-растроганнаго голоса, съ какими-то щемящими сердце и въ то же время ласкающими слухъ нотами, какъ теперь вижу его благообразное лицо съ слѣпыми глазами и чувствую прикосновеніе его мягкихъ старческихъ рукъ...

— Про Новикова? Про Новикова никто худого не скажетъ,—говорилъ онъ на нашу просьбу разсказать что-нибудь о бывшемъ его баринѣ.—Всякій хорошее скажетъ... Сколько онъ добра-то сдѣлалъ, Господи, Господи!.. И въ большую скудость самъ подъ конецъ пришелъ... Про фальшивыя деньги-то? Нѣтъ, не вѣрьте, вздоръ! Деньги ему Походяшинъ далъ, три милліона далъ... За что далъ? За секту далъ, за масонство... За это его и подъ арестъ взяли, а не за деньги. Государыня сказала тогда, что престолы вездѣ рушатся отъ масонства... ну и взяли... Всѣ, всѣ знали Новикова и любили его, а изъ Москвы отсюда по пятьсотъ человѣкъ пріѣзжали... Вотъ какой былъ Новиковъ... Господи, Господи!..

Послѣднюю бесѣду о прошломъ Авдотьина и его знаменитомъ владѣльцѣ я велъ съ мѣстнымъ священникомъ о. М. С. Смирновымъ.

За двадцать пять лѣтъ своей службы въ Авдотьинѣ о. Смирновъ наслушался отъ стариковъ не мало разсказовъ о Новиковѣ, и я передамъ наиболѣе интересные изъ нихъ.

— По всѣмъ разсказамъ и воспоминаніямъ, сохраняющимся среди крестьянъ и доселѣ,—говорилъ о. Смирновъ,—

Новиковъ былъ человѣкъ необыкновенно добрый и гуманный къ своимъ крѣпостнымъ. Въ голодный годъ, какъ вы уже, вѣроятно, слышали, онъ кормилъ цѣлую округу. Населеніе Авдотьина и Каменки пекло хлѣбъ изъ-за припека, и этотъ хлѣбъ выдавался разнымъ деревнямъ, а тѣмъ, которые жили далеко, отсыпали прямо мукой. Старожилы помнили, что житье-бытье крестьянское при Новиковѣ было блаженнымъ временемъ, даже когда онъ уже разорился. Кромѣ пряниковъ, которыми онъ одѣлялъ крестьянскихъ ребятъ, разсказываютъ, что Новиковъ, проѣзжая по деревнѣ, разбрасывалъ горстями и мѣдныя деньги, которыми у него было набито нѣсколько подваловъ. То же бывало, когда проѣзжалъ по сосѣднимъ деревнямъ. Въ солдаты онъ своихъ крестьянъ не отдавалъ, а отплачивался деньгами, покупая рекрутовъ у другихъ помѣщиковъ взамѣнъ требовавшихся съ его вотчины. Нравственное вліяніе его на крестьянъ было настолько сильно, что оно живетъ и теперь въ позднѣйшихъ ихъ поколѣніяхъ. Авдотьинскіе крестьяне не имѣютъ въ своей средѣ раскольниковъ, и они неупустительно говѣютъ. За хожденіемъ къ исповѣди и св. причастію наблюдалъ за крестьянами самъ Новиковъ, требуя также, чтобы они бывали вообще въ церкви. На базаръ, бывало, раньше ихъ не отпуститъ, пока не отойдетъ церковная служба...

— Пріѣхавъ сюда двадцать пять лѣтъ назадъ, — продолжалъ о. Смирновъ, — я среди разнаго хлама нашелъ въ подвалѣ барскаго дома рукопись, писанную самимъ Новиковымъ. Это было масонское богословіе съ символическими знаками. Къ несчастію, я отдалъ эту рукопись почитать, и она пропала. Не знаю также, гдѣ находится теперь составленное мною историческое описаніе Тихвинской церкви и нѣкоторыя бумаги, которыя я передалъ въ половинѣ 70-хъ годовъ секретарю Московской духовной консисторіи Розанову. Въ числѣ этихъ бумагъ находился подлинный счетъ по церковному хозяйству, писанный рукою самого Новикова, какъ церковнаго старосты. Въ томъ же подвалѣ нашелъ я портретъ сѣдого старика, на которомъ, какъ говорятъ, изображенъ отецъ Новикова, Иванъ Васильевичъ.

Счетъ по закупкѣ разныхъ предметовъ для церковнаго хозяйства служилъ бы доказательствомъ заботливости Новикова о благолѣпіи и благосостояніи храма. Усердіе его

къ церкви мы видѣли уже по тѣмъ богатымъ вкладамъ, которые онъ жертвовалъ. Сохранились объ этомъ и преданія.

— Священно-церковно-служителей Новиковъ содержалъ очень хорошо,—разсказывалъ о. Смирновъ.—Руга шла большая. Крестьяне за исполненіе требъ не давали ничего причту, а за нихъ расплачивался Новиковъ. Поддерживая расходы церкви, Новиковъ выдавалъ церковныя свѣчи крестьянамъ и платилъ за это въ церковь изъ своихъ денегъ. Разсказываютъ, что въ Авдотьино при Новиковѣ пріѣзжалъ митрополитъ Платонъ. Въ церкви сохраняется неизвѣстно съ какого времени черепаховая гребенка изъ тѣхъ, что употребляются при архіерейскомъ облаченіи. Можетъ быть, она со временъ Платона. Къ посѣщенію церкви Новиковъ былъ усерденъ и всегда бывалъ за литургіей. А всенощную священникъ всегда служилъ у него на дому. На домъ же священникъ ходилъ пріобщать Новикова Св. Таинъ. И такъ бывало, что послѣ причастія, которое принималъ Новиковъ два раза въ годъ въ Успенскій и Великій посты, священникъ будто бы оставлялъ сосудъ у Новикова. Преданіе говоритъ, что Новиковъ приказывалъ дѣлать это затѣмъ, чтобы потомъ самому совершать масонское богослуженіе и пріобщаться изъ этого сосуда. Сосудъ этотъ, пяти фунтовъ вѣсомъ, и теперь сохраняется въ церкви. Молва гласила также, что Новиковъ требовалъ назадъ изъ церкви пожертвованныя имъ евангеліе и прочіе драгоцѣнные предметы. Богослуженіе Новиковъ, по тому же преданію, совершалъ въ угловой комнатѣ[1]). За это, будто бы, при арестѣ Новикова пострадалъ и его камердинеръ, присутствовавшій при богослуженіи. Про этого камердинера разсказывали, что когда онъ возвращался изъ ссылки съ бывшимъ лакеемъ Щербатова, то онъ повѣдалъ своему спутнику, что въ Авдотьинѣ, по приказу Новикова, онъ зарылъ подъ одной сосной цѣлый барабанъ золота. Камердинеръ пояснилъ, гдѣ именно зарыто золото, и сдѣлалъ это потому, что на дорогѣ захворалъ и умеръ. Легендѣ этой настолько вѣрили, что Лопухинъ, когда владѣлъ имѣніемъ, перерылъ всѣ сосны, но ничего не нашелъ. А относительно того, что Новиковъ дѣлалъ фальшивыя деньги, молва разсказывала, что серебро

[1]) Эта комната служила Новикову библіотекой.

онъ приготовлялъ изъ рѣдьки, а золото изъ моркови. Во время французскаго года въ Авдотьинѣ Новиковъ, будто бы, принималъ самого Наполеона или одного изъ его маршаловъ. По поводу освобожденія Новикова изъ-подъ ареста въ крѣпости преданіе разсказываетъ такъ. Когда императоръ Павелъ приказалъ привести Новикова, и онъ явился къ нему, то императоръ предлагалъ Новикову разныя милости и въ томъ числѣ обѣщалъ пожаловать ему всю Кишкинскую волость[1]). На это Новиковъ отвѣчалъ: „Побереги для себя, мнѣ не нужно. А я вотъ что тебѣ скажу. Передъ тѣмъ, какъ мнѣ тебѣ представляться, я видѣлъ сонъ, будто бы играли мы въ чехарду, и вотъ я оглянулся, а ты стоишь безъ головы“. Въ этомъ преданіе видѣло указаніе на скорую смерть императора. А замкнутую жизнь, которую Новиковъ велъ въ деревнѣ по возвращеніи изъ ссылки, преданіе объясняло тѣмъ, что онъ раскаяніемъ хотѣлъ загладить прошлое.

Ярцевъ.

„Утренній свѣтъ“, „Московское изданіе“, „Вечерняя заря“, „Покоющійся трудолюбецъ“, ихъ общее содержаніе и направленіе.

Между органами дѣйствія занимали важное мѣсто журналы, издававшіеся Новиковымъ. Они были значительно сильными средствами дѣйствія на молодыхъ людей, занимавшихся работою для „Типографической Компаніи“. Нѣкоторые изъ этихъ людей и сами участвовали, какъ сотрудники, въ наполненіи періодическихъ изданій статьями; другіе, какъ, напримѣръ, Карамзинъ, позже примкнувшіе къ обществу, находили въ нихъ или источники для ученія, или подтвержденіе изученаго. Мы разумѣемъ здѣсь журналы важнаго, серіознаго направленія, именно: „Утренній Свѣтъ“, „Московское Изданіе“, „Вечерняя Заря“ и „Покоющійся Трудолюбецъ“, не касаясь другой категоріи журналовъ, преимущественно сатирическихъ, каковы: „Трутень“, „Живописецъ“, „Парнасскій Щепетильникъ“.

---

[1]) Новиковъ имѣлъ аудіенцію у императора Павла Петровича 5 декабря 1796 года.

Ежемѣсячное изданіе, названное „Утреннимъ Свѣтомъ“, существовало три года; съ сентября 1777 по сентябрь 1780 г.[1]). Почти всѣ статьи его переводныя[2]). Съ восьмой книжки вызвались участвовать въ переводахъ студенты Московскаго университета, состоявшіе на иждивеніи Прокофія Акинѳіевича Демидова. Цѣль изданія указана редакціей въ предувѣдомленіи къ благосклонному читателю:

„Разумныя существа состоятъ изъ тѣла, души и духа. Пусть парикмахеры, портные и изобрѣтатели модъ украшаютъ наружность человѣка; пусть медики пользуютъ ихъ тѣлесныя болѣзни: единственнымъ нашимъ предметомъ будутъ душа и духъ. Всего полезнѣе и пріятнѣе то, что тѣснымъ союзомъ связано съ человѣкомъ и имѣетъ своимъ предметомъ добродѣтель, благоденствіе и счастіе его. Познаніе самого себя— вотъ къ чему должны мы вести публику. Средства для этого — наставленія, руководимыя кротостію“[3]).

Кромѣ нравоучительныхъ матерій, помѣщались и умозрительныя; тѣми и другими издатели старались особенно опровергать и искоренять вкравшіяся вольномыслія[4]). Изъ умозрительныхъ предметовъ самый важнѣйшій полагался въ „Увѣреніяхъ о безсмертіи души“[5]).

Вотъ почему первая часть изданія открывается „Жизнію Сократа“, побѣдившаго страхъ смерти вѣрою въ безсмертіе, и „Федономъ, или разговорами о безсмертіи души“. Польза нравоученія противополагается безполезности тщетной теоріи, пустого схоластическаго ученія, которое ограничивается полемикой:

„Упражненіе въ нравоученіи есть важнѣйшее для всякаго возраста и для всякаго состоянія; оно составляетъ существенную закона часть, которая наипаче заслуживаетъ вниманіе и стараніе мудраго мужа. Сія наука есть не тщетная теорія, не пустая схоластическая наука, не въ спорахъ состоящее ученіе; нравоученіе есть не слабая пища памяти, не такая наука, которая служитъ людямъ къ показанію ихъ передъ другими въ разговорахъ или книгахъ: нѣтъ, оно есть

---

[1]) Всего вышло 36 книжекъ, или 9 частей.
[2]) Такъ сказано въ самомъ изданіи на 205 стран. 9-й части.
[3]) „Утренній Свѣтъ“, ч. I, Предувѣдомленіе.
[4]) Эниклопедистовъ.
[5]) „Утренній Свѣтъ“, ч. 9, стран. 208.

практическое наставленіе, которое должны мы носить въ сердцахъ нашихъ, которое должно освѣщать совѣсть и преклонять безъ упущенія волю, и которое должно служить правиломъ нашихъ поступокъ въ уединеніи и между людьми, въ трудахъ, спокойствіи и забавахъ, въ несчастіи и счастіи, въ здравіи и болѣзняхъ, въ отдаленіи отъ конца жизни и при самомъ концѣ оной; кратко сказать, во всѣхъ отношеніяхъ и состояніяхъ, отцу, сыну и брату, мужу и женѣ, гражданину общества, міра и вѣчности. Чтобъ немногими словами изобразить весьма извѣстную истину: нравоученіе есть наука настоящаго и будущаго блаженства, для временной и вѣчной жизни; слѣдовательно оно есть изо всѣхъ наукъ самое полезнѣйшее и необходимое“ [1]).

Программа „Утренняго Свѣта“, изложенная въ Предувѣдомленіи и повторенная въ Заключеніи [2]), раскрыта сверхъ того въ стихотвореніи Василія Майкова: „Ода ищущимъ мудрости, и въ аллегоріи: „Сновидѣніе Іакова Всегдатута“. Стихотворецъ, устами самой истины, заставляетъ смертныхъ прилежать къ естествознанію и самопознанію:

Кто хочетъ смертный мя[3]) познати,
Тотъ долженъ въ естествѣ искати
Меня, или въ себѣ самомъ[4]).

Въ аллегоріи мудрецъ даетъ слѣдующія правила ищущему истины.

„Сыщи себѣ ясное, совершенное и достовѣрное познаніе должностей твоихъ.

„Сохраняй прилежное сіе преизящное познаніе отъ заблужденій[5]). Обращай сіе познаніе непрестанно на твое сердце и жизнь; приготовляй себя благоразумно къ каждому дню, и по истеченіи онаго испытывай себя наистрожайшимъ образомъ. Старайся начертать въ душѣ твоей живой и достойный образъ Божьяго совершенства; имѣй оный всегда предъ собою: не взирай на него никогда безъ глубочайшаго почтенія и совокупляй сей способъ ежедневно съ твоей молитвою. Сопротивляйся чувственнымъ впечатлѣніямъ и

---

[1]) Ibid 211, 212.
[2]) Ibid., ч. 1 и 9.
[3]) Истину.
[4]) „Утренній свѣтъ“. Ч. 2, стран. 170.
[5]) Эти два правила взяты изъ лекціи нравоученія Геллерта, которыя Карамзинъ слушалъ у Шадена.

омрачительнымъ воображеніемъ; умѣряй твои склонности, хотя бъ онѣ сами по себѣ и были позволительны; отъ непозволенныхъ же при самомъ началѣ ихъ удерживайся, а въ неправильныхъ представленіяхъ, оживляющихъ склонности, призывай благоразуміе.

„Старайся нелѣпостно научаться познавать себя, людей и свѣтъ. Пекись о здравіи своего тѣла, однакожъ безъ боязни, но согласуясь единственно съ твоимъ тѣлосложеніемъ и темпераментомъ. Стрегись наиприлежнѣйше превозноситься предъ другими во крѣпости, силѣ, богатствѣ и спокойствіи: сіе суть такіе дары, которые непримѣтнымъ образомъ легко во зло употреблять привыкнешь. Удерживайся отъ надменной гордости, чтобъ вкрасться у людей въ милость, силу и уваженіе, пусть больше говорятъ твои добрыя дѣла, нежели слова, и тѣмъ единымъ принудь всѣхъ твоихъ друзей и непріятелей тебя хвалити.

„Наконецъ, когда не можешь быть стражею кедровъ ливанскихъ, то будь доволенъ стреженіемъ мха, на стѣнахъ растущаго: ибо не на препорученную людямъ должность смотрятъ, но паче на исполненіе оныя“ [1]).

Соотвѣтственно предположенной цѣли, „Утренній Свѣтъ“ наполнялся переводами изъ древнихъ и новыхъ писателей, которыхъ ученіе запечатлѣно нравственностію, болѣе или менѣе чистою. Изъ древнихъ встрѣчаемъ сочиненія Платона, Плутарха, Сенеки, изъ новыхъ — Геллерта, Геснера, Юнга, Паскаля, Оксенштирна и другихъ. Между именами студентовъ, помогавшихъ изданію своими трудами, находится, какъ мы видѣли, имя Александра Петрова, друга Карамзина.

За „Утреннимъ Свѣтомъ“ слѣдовало „Московское ежемѣсячное изданіе“ на 1781 годъ, вышедшее въ двѣнадцати книжкахъ, или трехъ частяхъ. Издатели, кажется, почувствовали, что постоянно-важное, доходившее до суровости направленіе перваго журнала пугало нѣсколько публику и потому предметомъ новаго журнала постановлено „удовлетворить какъ тѣхъ, которые скучали высокими, слѣдовательно, не забавными и непріятными для нихъ матеріалами, такъ и тѣхъ, которые ощущаютъ сладость и совершенную пользу во нравоученіи и высокомысліи“ [2]).

[1]) „Утренній Свѣтъ“. Ч. 2, стран. 328—329.
[2]) „Московское Изданіе“, предисловіе.

Ученіе энциклопедистовъ, проникшее изъ Франціи въ другія страны и коснувшееся не однихъ верхоглядовъ, но и людей умныхъ и просвѣщенныхъ, заставило издателей получше подумать о серіозномъ ему противодѣйствіи.

„Причиною предпріятія — говоритъ предисловіе — было состраданіе, которое всякій мыслящій чувствуетъ, слыша, что люди умные, просвѣщенные и почтенные говорятъ надменно и вооружась остроуміемъ о законѣ, ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми полученномъ, и взирая на простодушныхъ людей, прилежно внимающихъ умствованію вольномысленныхъ мудрецовъ“.

Гдѣ же средства противодѣйствія?...

Издатели, движимые религіознымъ побужденіемъ, не принадлежали однакожъ, къ числу Критоновъ, думающихъ, что *ереси и расколы, суть дѣти науки*: они искали средствъ не въ обращеніи публики къ невѣжеству, а въ распространеніи истиннаго просвѣщенія и въ искорененіи ложнаго. Предисловіе къ „Московскому Изданію“ продолжается любимою мыслію Карамзина, которую онъ часто повторяетъ въ своихъ сочиненіяхъ:

„Причина всѣхъ заблужденій человѣчества, есть невѣжество, а совершенство — знаніе. Если скажутъ, что невѣріе или безбожіе суть плоды учености, то мы скажемъ, сіе не отъ наукъ происходитъ, но отъ невѣжества въ наукахъ.

„Предметъ наукъ и познаній троякій: мы сами, природа и Творецъ. Если ученый не соединитъ сихъ трехъ предметовъ воедино, и всѣ свои познанія не устремитъ къ совершенному разрѣшенію загадки: на какой конецъ человѣкъ родится, живетъ и умираетъ, и если онъ при учености своей злое имѣетъ сердце; то онъ со всѣмъ своимъ знаніемъ есть сущій невѣжда, вредный себѣ и обществу. Отъ таковыхъ-то ученыхъ вся мерзость на земномъ шарѣ имѣетъ свое начало. И послѣдній мужикъ, если только чистое имѣетъ сердце, можетъ лучше чувствовать истину, нежели самый звѣздочетъ съ развращеннымъ сердцемъ.

„Развратъ въ наукахъ и проистекающее отсюда зло происходятъ отъ незнанія источника, изъ котораго науки проистекли, и отъ незнанія предмета, куда онѣ текутъ.

„Науки есть плоды созрѣвшаго безсмертнаго человѣческаго духа. Если человѣкъ цѣлую жизнь упражняется въ томъ, въ

чемъ и животныя, то наука разума не только ему безполезна, но и пагубна. Когда же человѣкъ имѣетъ главною своею цѣлью — совершенство духа, состоящее въ познаніи безсмертныхъ истинъ; то наука разума приноситъ ему пользу.

„Многіе нынѣшняго вѣка высокіе и вмѣстѣ низкіе любомудрцы прославляютъ истину, состоящую въ послѣдованіи склонностямъ нашимъ, каковы бы они не были и куда бы не стремились, говоря, что природа къ тому насъ побуждаетъ, и что безумно налагать оковы на природу, виновницу толикихъ удовольствій и сладости.

„Безумно, конечно, отрещись отъ всѣхъ удовольствій; но надобно разсматривать, какія удовольствія приличны человѣку. Человѣкъ выше животнаго: онъ можетъ возлетать до круговъ вѣчности и восхищаться мудростью Всевышняго. Онъ долженъ изъ чувственнаго круга, общаго съ животными выходить въ собственный человѣческій кругъ умозрѣнія. Ему дарованы разумъ и воля къ его совершенному благополучію“.

По части „нравоученія и высокомыслія“, въ „Московскомъ Изданіи“ находятся переводы изъ „Англійскаго Зрителя“ изъ Сенеки, Іерузалема, Гервея, Эпиктета, Геллерта. Замѣтимъ, что статья „Сонъ Галплеевъ“[1]) впослѣдствіи переведена Карамзинымъ и помѣщена въ „Пантеонѣ Иностранной Словесности“.

„Вечерняя Заря“ (1782 г.), служившая продолженіемъ „Утреннему Свѣту“, посвящена кураторамъ Московскаго университета: Шувалову, Мелиссино и Хераскову. Издавалась она студентами, между которыми замѣчательны Александръ Ѳедорычъ Лабзинъ, переводчикъ и авторъ многихъ мистическихъ твореній и Петръ Аѳанасьичъ Пельскій, впослѣдствіи другъ Карамзина[2]). Изъ другихъ студентовъ, участвовавшихъ въ изданіи, является здѣсь Алексѣй Ѳедорычъ Малиновскій. Содержаніе журнала составили лучшія мѣста изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей. Названіе „Вечерней Зари“ дано журналу въ соотвѣтствіе съ утреннимъ свѣтомъ:

„Сравнивая теперешнее наше состояніе съ тѣмъ, въ которомъ намъ праотецъ блисталъ полдневнымъ свѣтомъ мудрости, находимъ, что свѣтъ нашего разума едва можно упо-

---

[1]) „Московское Изданіе“, октябрь.

[2]) Карамзинъ написалъ стихи на смерть его (соч. Карамз. 1, 233).

добить и вечернему свѣту. Посему кажется, что прежнее *утро* согласно съ симъ *вечеромъ*.

„Имя вечернія зари служитъ нравоучительнымъ и прекраснымъ гіероглифомъ. Человѣческій разумъ паденіемъ праотца потемнился, и сіе-то изображаетъ намъ смутный и блѣдный свѣтъ вечернія зари. Но онъ въ прежнее состояніе приведется, когда воля въ дѣйствіяхъ, а разумъ въ познаніяхъ подражая вечерней зарѣ, которая непрестанно послѣдуетъ за солнцемъ, будетъ теченіе свое править за великимъ свѣтомъ Божества.

„Черезъ три степени вечерняя заря души нашей можетъ паки получить прежнее лучезарное сіяніе полдневнаго свѣта: познаніе себя, познаніе природы и чтеніе священнаго Писанія.

„Цѣль наша — выбрать изъ лучшихъ древнихъ и новѣйшихъ писателей исторіи, руководствующія къ тремъ познаніямъ. Такъ какъ во всѣхъ дѣйствіяхъ разумъ предшествуетъ и свѣтитъ, а воля послѣдуетъ и сопровождаетъ, то на первомъ мѣстѣ помѣстятся открытія, касающіяся до просвѣщенія разума; на второмъ — нравоученія для исправленія воли; на третьемъ — примѣры или исторіи, наконецъ, любопытныя матеріи, анекдоты ученые и забавные и другія сочиненія въ стихахъ и прозѣ“.

Предметы первой статьи, открывающей журналъ „Разсужденіе о безсмертіе души“, любимая тема изданій, которую развивать и доказывать считалъ наиполезнымъ дѣломъ „Утренній Свѣтъ“. Другія статьи — умозрительнаго или нравственнаго содержанія: разсужденія о душѣ, разсудкѣ, волѣ, совѣсти, познаніи самого себя, бытіи Бога; всѣ онѣ переведены съ нѣмецаго. Кромѣ того, есть переводы изъ Локка (о познаніи бытія Божія, о понятіяхъ и источникѣ ихъ), изъ Сорена (о вольнодумцахъ и невѣрующихъ). Въ послѣднемъ отдѣлѣ журнала любопытны сатирическія выходки противъ пристрастія къ французскому и пріѣзжавшихъ къ намъ пройдохъ французовъ; таковы стихи: Французская лавка, Рондо о модномъ воспитаніи, Эпитафія широкимъ накладкамъ и высокимъ прическамъ, портному, учителю и французу, французскій променадъ и пр. Издатели преимущественно обращались къ нѣмцамъ, чуждаясь французскаго духа просвѣщенія, которое тогда начинало всюду господствовать.

„Покоящійся Трудолюбецъ“ (1784 — 1785)[1]) посвященъ любезнѣйшему отечеству и всѣмъ вѣрнымъ сынамъ его“, какъ показываетъ и эпиграфъ, взятый изъ Виргилія:

...Отечество драгое!
И самые *птенцы* цвѣты тебѣ приносятъ.

Эти птенцы студенты Московскаго университета. Нѣкоторые изъ прежнихъ издателей выбыли, а на ихъ мѣсто поступили другіе, изъ которыхъ замѣтимъ Подшивалова, Сохацкаго и двухъ братьевъ Антонскихъ: Михаила Антоныча и Антона Антоныча. Какъ и въ первыхъ журналахъ, статьи „Покоящагося Трудолюбца“ относится къ тремъ отдѣламъ: богословскимъ познаніямъ, философическимъ истинамъ, нравственному совершенству и самопознанію. Названіе изданія не должно казаться страннымъ: предисловіе объявляетъ его такимъ разсужденіемъ:

„Послѣ *Вечернія Зари*, при которой мы были близко ко сну, теперь наслаждаемся мы *покоемъ*, итакъ названіе сего изданія согласно съ прежнимъ. Сколь названіе Вечернія Зари прилично трудамъ нашимъ, ибо оно сверхъ нравственнаго смысла означаетъ и время упражненій нашихъ: сколько имя Покоящаго Трудолюбца почитаемъ мы пристойнымъ сему изданію, какъ продолженію перваго.

Къ таковымъ трудамъ какое время способнѣе вечерняго, когда царствующее повсюду спокойствіе удаляетъ отъ насъ всѣ огорчительныя заботы и безпокойства, когда тихое безмолвіе природы распространяетъ въ насъ ощущеніе своего бытія? Тогда душа наша предается самой себѣ, и мы, кажется, совершенно тогда обладаемъ собою, или по крайней мѣрѣ болѣе всякаго другого времени. Духъ нашъ, не возмущаемъ будучи никакимъ наружнымъ шумомъ, отдается вожденію самой природы; при каждомъ шагѣ встрѣчая въ ней неизчисленныя чудеса, дѣлаетъ онъ различныя сношенія между ею и собою, между собою и Богомъ, и попеременно то возлетаетъ къ своему Творцу, то углубляется въ сокровенности природы и тщится поднять покровъ сея богини, то, входя въ самого себя, всѣ вещи находитъ въ себѣ и все изъясняетъ человѣкомъ. Отсюда-то нечувстви-

[1]) Четыре части: первыя двѣ 1784, другія двѣ—1785 г.

тельно рождаются поучительныя размышленія, и сіи-то спасительныя своя размышленія любители мудрости предаютъ намъ то въ богословныхъ и философическихъ разсужденіяхъ, то въ нравственныхъ наблюденіяхъ и примѣрахъ, то въ краткихъ какихъ-либо изреченіяхъ. Мысли наши учреждаются тогда самою господствующею тишиною; покой, царствующій въ атмосферѣ, углубляетъ стремленіе наше къ бдѣнію, о вотъ въ самой природѣ вдругъ двѣ противности въ одно время: *покой и бдѣніе.* Сама природа начертала намъ сіе имя *(покоящійся трудолюбецъ)*, и подъ покрываломъ своимъ скрытно предписала іерогливъ нравственныхъ нашихъ упражненій, научая насъ, что въ то время, когда съ душевнымъ шумомъ престанутъ волненія души, утихнутъ бури страстей и прекратятся суетности наши, въ покоѣ и тишинѣ человѣкъ дѣлается способнѣйшимъ къ приличнѣйшимъ его духу упражненіямъ. Тогда, благоговѣя предъ небесами вмѣстѣ съ природою, воспѣвающей при вечерѣ благодарственную пѣснь Создателю своему, исполняется отъ нѣжнѣйшихъ чувствованій почтенія, удивленія и благодарности къ премудрости, величеству и благости источника жизни; въ сіе время умъ нашъ скорѣе и удобнѣе постигаетъ божественныя совершенства; удобнѣе проникаетъ въ связь вещей, и такъ объясняетъ темныя свои понятія новыми философическими истинами: устремляетъ взоръ свой въ малый міръ, и приближается къ самопознанію и нравственнымъ совершенствамъ“.

Мистическое направленіе проникаетъ важнѣйшія статьи журнала. Сюда, во-первыхъ, принадлежитъ разсужденіе „О симпатіи физіогноміи просвѣщенію сердца“[1]), авторъ котораго знакомитъ читателей съ системой Лафатера, хотя и не во всемъ соглашается съ нею: „способность духа сообщать себя духу другому посредствомъ симпатіи, физіогноміи и сердечнаго предвѣщанія — есть величайшее таинство живущаго въ насъ существа. Кто хочетъ заблуждаться, тотъ найдетъ здѣсь пространное поле. Я намѣренъ упомянуть только о томъ, что принимать можно, избѣгая ложныхъ умствованій“. Въ дополненіе къ этому разсужденію надобно поставить „Письмо съ того свѣта въ Москву, къ сыну малыя

[1]) „Покоящ. Трудол.“, ч. I.

земли, муравью, живущему въ муравейникѣ“ [1]). Другая статья того же духа и направленія — „Бесѣда съ самимъ собою“ [2]), гдѣ говорится объ устроеніи въ себѣ внутренняго человѣка; третья — „О любленіи истинной христіанской философіи“, которая, какъ всѣмъ доступная, противополагается мудрствованіямъ и изслѣдованіямъ, находящимся только во власти гордой учености. — Изъ сатирическихъ пьесъ самая важная по своей мѣткости и рѣзкости — „Новая Логика“, исчисляющая различные аргументы, которые употребляются людьми на перекоръ высшей правдѣ и неомраченному разуму. Между прозаическими статьями другого тона обратимъ вниманіе на „Разсужденіе о пріятности, которую человѣкъ находитъ въ уединеніи“, статью, написанную пріятнымъ слогомъ и заключающую въ себѣ нѣсколько мыслей, сходныхъ съ „Мыслями объ уединеніи“ Карамзина; на статью „Общія замѣчанія о путешествіи“, которая осуждаетъ стремленіе молодыхъ людей въ чужіе края, особенно въ Парижъ. Что касается до стихотворной части, то здѣсь слѣдуетъ указать переводъ басни „Пустынникъ и Медвѣдь“, которую впослѣдствіи поэтически воспроизвелъ Крыловъ, „Сельское кладбище“ Грея и „Гимнъ временамъ года“ Томсона, также художественно переданная послѣ Жуковскимъ [3]).

Галаховъ.

Общее содержаніе „Живописца“.

„Живописецъ“ проводитъ, нѣсколько видоизмѣняя ихъ, тѣ же двѣ идеи, которыя мы видимъ въ „Трутнѣ“. Подобно этому послѣднему, „Живописецъ“ рисуетъ нравы кокетокъ и щеголей. Если эти лица встаютъ передъ нами изъ „Трутня“ какъ живыя, то изображеніе ихъ чувствъ, мыслей, языка, образа жизни въ „Живописцѣ“ достигаетъ замѣчательной степени художественности; таковы напр.: Письмо щеголихи къ издателю (Mon coeur, „Живописецъ“!). Опытъ моднаго

---

[1]) Ibid, ч. III.
[2]) Ibid.
[3]) Многія статьи разсмотрѣнныхъ нами журналовъ изданы потомъ отдѣльно. См. опытъ библіографіи Сопикова. Каталогъ Смирдина и „Москвитянинъ“ 1842, № 3: Для біографіи Н. И. Новикова.

словаря щегольскаго нарѣчія[1]). Кокетки и щеголи являются жаркими отрицателями науки, мысли, всякаго ученья вообще: „Щеголиха говоритъ: какъ глупы тѣ люди, которыя въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. Ужесть какъ смѣшны ученыя мущины; а наши сестры ученыя — О! они то совершенныя дуры. *Безпримѣрно*, какъ они смѣшны!... Пусть ученая женщина покажется въ ту бесѣду, въ которой будутъ всѣ наши *щеголи*, украшающія собою мужеской полъ: пусть она туда покажется: чортъ меня возми! ежели тамъ съ нею хотя одно слово промолвятъ... Ученая женщина! ученая женщина! фуй! какъ ето *неловко*". „*Волокита* разсуждаетъ такъ: какая польза мнѣ въ наукахъ. Науками ли приходятъ въ любовь у прекраснова пола? Науками ли имъ нравятся?... науками ли украшаютъ лобъ?... Нѣтъ: такъ они для меня и не годятся. Моя наука состоитъ въ томъ, чтобы умѣть одѣваться со вкусомъ, чесать волосы по модѣ... воздыхать къ статѣ, хохотать громко, *сидѣть разбросану*, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть *совсемъ развязану*... Вотъ моя наука! она безъ сомнѣнія важнѣе всѣхъ наукъ; и я знаю ее въ совершенствѣ"[2]). Съ первыхъ же страницъ новаго изданія Новиковъ заявилъ себя горячимъ преслѣдователемъ невѣжества. Между кокетками и щеголями совсѣмъ непзвѣстны искреннее чувство, добрая нравственность, супружеская вѣрность, цѣломудріе. Въ одной статьѣ „Живописца" 1773 г. муза, представляющая собою „образъ вѣрныя и цѣломудренныя супруги", говоритъ автору статьи: „я должна признаться, что я больше всѣхъ желала... открыть тебѣ мое неудовольствіе въ разсужденіи нынѣшнихъ женщинъ... Всѣ списки добродѣтельныхъ женщинъ всѣхъ народовъ и вѣковъ у меня хранятся. Посмотри же на списокъ нынѣшняго полустолѣтія, а наипаче послѣднихъ годовъ, и признайся чистосердечно, много ли найдешь теперь *Лукрецій?* — Вотъ тебѣ моя роспись, прочти ее прилежно.— Ну... сколько нашелъ *Лукрецій?* Извините, сударыня, я право здѣсь..."[3]). Живописецъ Лукрецій не нашелъ вовсе.— „Я *никакъ* не ушла отъ бѣды (пишетъ щеголиха издателю):

---

1) „Живописецъ" Н. И. Новикова, 1772—1773 г. Изд. 7-е, Ефремова. С.-Пб. 1864 г. №№ IX, стр. 53 и X, стр. 59.

2) „Живописецъ", стран. 19, 20, 21, 22 и 24.

3) Тамъ же, стран. 230.

мужъ мой *въ умъ очень развязанъ*, да ето бы и ничего; чѣмъ глупѣе мужъ, тѣмъ лучше для жены: но вотъ что меня *терзаетъ до невозможности;* онъ *влюбленъ въ меня* до *дурачества*, а къ томужъ еще и ревнивъ. Фуй! какъ ето *неловко:* мужъ *растрепанъ* отъ жены: *ето радость гадко!* О еслибъ не помогло мнѣ разумное нынѣшнее обхожденіе, то давно бы я *протянулась*“ [1]). Каждая замужняя женщина должна была имѣть, по требованіямъ свѣтскаго обхожденія, любовника, или *болванчика*. Подобная любовь, разумѣется, не имѣла и тѣни серіознаго смысла: въ одной изъ первыхъ статей „Живописца“ [2]) щеголь разсказываетъ, какъ онъ устраиваетъ свои любовныя связи: съ женщиной, которая ему понравится, онъ становится „смѣлъ до бестыдства и живъ до дерзости“, при чемъ, говоритъ онъ, „словомъ — я не могу владѣть собою, меня въ такомъ случаѣ извиняетъ“; затѣмъ, прерывая какой-нибудь начатой пустой разговоръ, онъ щегольскимъ языкомъ, отнюдь не допуская въ слова свои чувства, сообщаетъ своему предмету *между прочимъ, кстати,* что онъ влюбленъ въ нее „до дурачества“. Она отвѣчаетъ шутками; онъ бросаетъ на нее „гнилые взгляды“, даетъ полную свободу языку, затѣмъ такую же свободу рукамъ; — потомъ они бываютъ „нѣсколько дней смертельно другъ въ друга влюблены“. Я „держу ее своимъ *болванчикомъ*“ (говоритъ щеголь) до того времени, какъ встрѣтится другая“. Въ „Опытѣ моднаго словаря“ въ числѣ примѣровъ щегольского нарѣчія встрѣчаются такія выраженія: „Ха, ха, ха: ахъ монкьоръ, ты уморилъ меня! онъ живетъ три года съ женою, и по сю пору ее любитъ! Перестань душенька, ето никакъ не можетъ быть: три года имѣть въ головѣ своей вздоръ“. — „Ахъ, какъ онъ славенъ; съ чужою женою и памахаться не смѣетъ — еще и за грѣхъ ставитъ!“ — „Мущина притащи себя ко мнѣ, я до тебя отхотница“ [3]). — Уровень нравовъ былъ такъ низокъ, что дамы, занимавшія довольно почетное положеніе въ обществѣ и притомъ богатыя, не считали предосудительнымъ даже продавать свою любовь за деньги. Нѣкоторая дама „не послѣдняго класса“

---

[1]) Тамъ же, стран. 55.
[2]) Тамъ же, стран. 22—24.
[3]) Тамъ же, стран. 61—62.

объявляетъ въ „Живописцѣ“ [1]) для свѣдѣнія молодого дворянина, сдѣлавшаго ей любовное предложеніе на прогулкѣ въ Гостиномъ дворѣ, „что ежели онъ говорилъ ето не въ шутку, то справясь бы съ ежегодными своими доходами, явился въ собственномъ сея госпожи домѣ, о которомъ ему объявлено“.— Отсутствіе правды въ обществѣ, господство лжи въ мысли, въ чувствѣ, въ словѣ превосходно изображенно въ одной статьѣ [2]), объясняющей, въ какомъ смыслѣ употребляютъ обыкновенно въ свѣтѣ коротенькое словечко: „А“!; за этимъ „А“! кроется много заднихъ мыслей; даже молодая дѣвушка не говоритъ его просто: если она выражаетъ этимъ словомъ радость при встрѣчѣ съ мужчиной, значитъ — она знаетъ, что этотъ мужчина богатъ, хочетъ за него выйти и думаетъ уже объ украшеніи его головы „скотскимъ уборомъ“; въ устахъ замужней женщины это слово значитъ, что она хочетъ мущинѣ понравиться, обобрать его и потомъ одурачить. Съ разнообразными задними мыслями произносятъ его — пріятель, начальникъ, судья, вельможа.

„Живописецъ“, подобно „Трутню“, думалъ, что нравственный упадокъ русскаго общества есть слѣдствіе нашего слѣпого увлеченія всѣмъ иностраннымъ. Онъ объявлялъ [3]), что въ Петербургѣ и въ Москвѣ укоренилась болѣзнь, называемая „слѣпое пристрастіе ко всѣмъ иностранцамъ“; онъ указывалъ [4]) на отвращеніе „Россійскихъ господчиковъ къ чтенію русскихъ книгъ“, потому только, что онѣ русскія и остроумно совѣтовалъ печатать ихъ „Французскими литерами“. Но однако въ вопросѣ о нашихъ отношеніяхъ къ Западу „Живописецъ“ довольно сильно расходился съ „Трутнемъ“. Этотъ послѣдній винилъ въ паденіи нашихъ нравовъ не только насъ самихъ, но и Францію, — онъ говорилъ о существованіи въ ней Академіи Волосоподвивательной науки, о развитіи которой „Франція нѣсколько лѣтъ прилагаетъ попеченіе“; если онъ и хвалилъ ея писателей, то это отнюдь не передовыхъ, знаменитыхъ ея „философовъ“, а такихъ людей, какъ напр. Фенелонъ. Не то видимъ мы въ „Живо-

---

[1]) Тамъ же, стран. 127.
[2]) Тамъ же, стран. 98 - 101.
[3]) Тамъ же, стран. 33—34.
[4]) Тамъ же, стран. 35.

писцѣ": „Живописецъ" благоговѣетъ передъ Вольтеромъ. Осмѣявъ нашихъ стариковъ, отвергающихъ пользу науки, онъ восклицаетъ: „Прорицалище нашего вѣка, славный *Вольтеръ*, познай свое заблужденіе: старики наши, паче тебя тягостію лѣтъ обремененныя, никогда неговорятъ, что на четырехъ ногахъ ходить поздно" [1]). Правда, къ другимъ французскимъ „философамъ", какъ напр. къ Д'Аламберу, „Живописецъ" отнесся отрицательно, напечатавъ переводъ изъ сочиненной королемъ прусскимъ книги — „Утреннія размышленія Королевскія" [2]); но во-1-хъ, этотъ переводъ появился во второмъ годѣ журнала, когда взгляды Новикова, какъ увидимъ нѣсколько измѣнились, а во-2-хъ, Вольтеръ является въ этомъ отрывкѣ изъ „Утреннихъ размышленій" съ выгодной стороны,—король говоритъ, что Вольтеръ не льстилъ ему.— Во всѣхъ нашихъ грѣхахъ „Живописецъ" винитъ насъ самихъ. Всякій народъ, говоритъ онъ, выходя „изъ тьмы невѣденія и жестокосердія", долженъ перенимать отъ того народа, у котораго „заимствуетъ свое просвѣщеніе", вопервыхъ — добродѣтели, а потомъ науки, художества и промыслы [3]). А мы поступаемъ иначе: „мы привыкли перенимать съ жадностью все отъ иностранныхъ, но по нещастію нашему *по часту перенимаемъ только пороки ихъ;* напримѣръ, когда были у насъ въ модѣ французы, то отъ обхожденія съ ними остались у насъ легковѣрность, непостоянство, вертопрашество, вольность въ обхожденіи... Французовъ смѣнили англичане: нынѣ женщины и мущины взапуски стараются перенимать что-нибудь отъ англичанъ... Французскую наглость называли мы благородною вольностію, а нынѣ англійскую грубость именуемъ благородною великостію духа. Я говорю это (замѣчаетъ сатирикъ) не въ поношеніе обоихъ сихъ народовъ: ибо всякъ вѣдаетъ, что *французы и англичане весьма много имѣютъ добраго;* но говорю единственно въ доказательство пристрастнаго нашего къ иностраннымъ порокамъ прилѣпленія" [4]). Конечно, „Живописецъ" не увлеченъ безусловно Франціей, — онъ говоритъ о ея недостаткахъ; но онъ указываетъ и на ея хорошія сто-

---

[1]) Тамъ же, годъ I, стран. 15.
[2]) Тамъ же, годъ II, стран. 167.
[3]) Тамъ же, 223.
[4]) Тамъ же, годъ I, стран. 81—82.

роны. Въ „Трутнѣ“ этого почти не было, равно какъ не было и не могло быть сочувственныхъ отзывовъ о Вольтерѣ. „Трутень“ винилъ наше общество за подражательность Франціи, „Живописецъ“ — за то, что мы переняли только ея пороки. „Трутень“ не прочь былъ, чтобы мы путешествовали во Францію, изучали ея нравы, но онъ не хотѣлъ, чтобы мы отъ нея что-нибудь заимствовали; „Живописецъ“ находилъ, что не мѣшаетъ намъ брать изъ чужихъ земель ихъ добродѣтели, науки, художества; онъ и хвалилъ Вольтера, какъ представителя французской мысли и образованности. Идея о близкой связи нашихъ старинныхъ нравовъ съ невѣжествомъ, которую мы замѣтили уже въ „Трутнѣ“, заставила Новикова сильно призадуматься надъ нашими отношеніями къ Западу, къ народамъ, отъ которыхъ со временемъ Петра Великаго шла къ намъ образованность[1]). Въ этомъ смыслѣ, можетъ быть, имѣло большое значеніе литературное столкновенье издателя „Трутня“ съ издателемъ „Всякой Всячины“; по крайней мѣрѣ отношенія императрицы Екатерины и „Живописца“ были, какъ увидимъ, весьма сочувственныя, и направленіе „Живописца“ согласно съ направленіемъ „Опыта Историческаго Словаря“.

Второй сатирическій журналъ Новикова указываетъ на добрые нравы нашихъ предковъ и на остатки этихъ нравовъ по деревнямъ; но такихъ указаній въ немъ гораздо меньше, чѣмъ въ „Трутнѣ“, и они не такъ рѣшительны и опредѣленны. На языкѣ щеголей и щеголихъ любить сердцемъ значитъ „дурачиться по-дѣдовски“[2]); кокетка со смѣхомъ говоритъ о своей матери, что она 40 лѣтъ любила своего мужа и не умѣла и не хотѣла отъ него „ретироваться въ свѣтъ“, несмотря на то, что онъ ей „дѣлалъ грубости палкою“[3]). „Живописецъ“ утверждаетъ, что прежде, когда въ нашей литературѣ были только „Романы и Сказки“, ихъ покупали очень много и читали охотно; теперь же, когда „многія наилучшія книги переведены съ разныхъ иностранныхъ языковъ“ и у насъ есть много хорошихъ оригиналь-

---

[1]) „Кто бы во Франціи повѣрилъ, ежели бы сказали, что Волшебныхъ Сказокъ разошлось больше сочиненій Расиновыхъ? А у насъ это сбывается: Тысяча одной ночи продано гораздо больше сочиненій г. Сумарокова“. Живоп., годъ I, 33.

[2]) „Живописецъ“, годъ I, 22.

[3]) Тамъ же, 54.

ныхъ сочиненій, ихъ мало покупаютъ и мало читаютъ[1]). „Опытъ моднаго словаря“ утверждаетъ, что прежде мы говорили лучше, — многія слова прежде употреблялись у насъ въ ихъ прямомъ, опредѣленномъ и серіозномъ значеніи; теперь они получили условный и пустой смыслъ[2]). Старинѣ отдастъ Новиковъ предпочтеніе предъ новизною. Но какой старинѣ? легко замѣтить, что это старина недавняя; и точно такъ же легко замѣтить, что похвалы ей весьма сдержанны и весьма условны, — въ этой старинѣ, напр., по указанію прославляющаго ее сатирика, не было серіозной литературы, и мужья колотили любящихъ ихъ женъ палками. Что же касается деревни, то щеголиха, упрекая издателя „Живописца“ за невѣжливость къ дамамъ, т.-е. къ кокеткамъ, дѣлаетъ предположеніе, что вѣрно эта невѣжливость есть слѣдствіе воспитанія въ сибирской деревнѣ[3]). Еще два-три подобныхъ указанія на деревню[4]), — вотъ и все, что нашелъ сказать „Живописецъ“ въ пользу жизни, близкой къ природѣ; это далеко не то, что въ „Трутнѣ“. Впрочемъ, „Живописецъ“ 1773 года уважаетъ деревенскую жизнь гораздо больше, чѣмъ въ первый годъ своего изданія; но это потому, что въ 1773 г. взгляды Новикова, какъ увидимъ, опять нѣсколько измѣнились.

Сдержанный въ похвалахъ нашей старинѣ, „Живописецъ“ съ большей опредѣленностью и ясностью, чѣмъ „Трутень“, представляетъ наши старинные недостатки. Письма къ Ѳалалею его отца, матери и дяди художественно рисуютъ бытъ нашихъ деревенскихъ дворянъ, простыхъ людей, живущихъ по-старому[5]). Самыми мрачными красками изобразилъ „Живописецъ“ грубые пороки этой жизни: глубочайшее невѣжество и суевѣріе, ханжество и внѣшнее благочестіе, жадность, дикій произволъ, выражающійся въ семейной жизни побоями отъ рукъ главы семьи жены и всѣхъ домашнихъ, въ служебной и общественной дѣятельности — казнокрадствомъ и взяточничествомъ, непониманіемъ общественныхъ интересовъ, наглымъ отниманіемъ сосѣдскихъ земель, въ

[1]) Тамъ же, 32.
[2]) Тамъ же, 59. См. также: годъ I, 69 и 145; II, 189 и 231.
[3]) Тамъ же, 1773 г., стран. 219.
[4]) Тамъ же, 1772 г., стран. 104.—1773 г., стран. 231, 291 и 293.
[5]) Тамъ же, 1772 г. Письма къ Ѳалалею: № XV, стран. 91; XXIII, 139; XXIV, 145 и 148. См. также: III, 13; XVIII, 109; XIX, 115; XXV, 151.

отношеніяхъ къ крестьянамъ — безчеловѣчной жестокостью. „Живописецъ“, подобно „Трутню“, обличаетъ взяточничество и неправосудіе, и еще болѣе, чѣмъ этотъ послѣдній журналъ, сближаетъ ихъ съ нашими старинными пороками[1]). Указывая на родные наши недостатки дворянскаго сословія, „Живописецъ“ не щадитъ и сословій другихъ. Такъ, онъ печатаетъ письмо къ издателю, рисующее грубую и грязную жизнь купца, его жадность, семейный деспотизмъ[2]). Въ перепискѣ съ „пречестнымъ отцомъ Тарасіемъ“ изображено самолюбіе и корыстолюбіе монашествующихъ[3]); о. Тарасій хвалитъ „Живописца“ за обличенія пороковъ, но грозитъ карою, если онъ вздумаетъ обличать духовныхъ; затѣмъ онъ проситъ — „нѣчто провозвѣстити и въ нашу пользу: сирѣчь, еже умножитися подаянію во обитель нашу“. Поддѣлываясь подъ языкъ своего корреспондента, „Живописецъ“ отвѣчаетъ: „не исправятся убо поучаемые, дондеже не исправятся поучающіи“, и потомъ: „со смиреніемъ реку тебѣ словеса священная: удобѣе есть вельбуду проити сквозѣ иглины уши, неже богату внити въ царствіе небесное“.— Даже простыхъ людей, къ которымъ всегда благоволилъ Новиковъ, не щадитъ „Живописецъ“: въ статьѣ о кофе-гадательницахъ, между прочимъ, говорится: „когда бы такіе вздоры были только во обыкновеніи между простымъ народомъ, такъ, чтобъ только простолюдинъ искалъ себѣ вопросами у сихъ ворожей помощи, то бы я не принялъ труда сего и описывать. Отъ простого народа ничего лучшаго и не ожидаютъ, какъ опытовъ крайнія глупости и сумазброднаго суевѣрія“[4]). Конечно, эту статью, какъ видно, по дурному языку и топорнымъ мыслямъ, писалъ не самъ Новиковъ; но однакожъ Новиковъ почелъ нужнымъ напечатать вышеприведенныя слова, и притомъ безъ всякихъ оговорокъ.

Очевидно, горячее увлеченіе издателя „Трутня“ нашими старинными народными нравами въ значительной степени охладѣло въ то время, когда онъ издавалъ „Живописецъ“. Издатель этого послѣдняго журнала болѣе благоговѣетъ

---

[1]) Тамъ же, 1772 г.: Письма къ Ѳалалею отъ отца и дяди: № XV, 91; XXIV, 148. См. также: III, 13; XIV, 85; XVI, 98; XX, 127. — 1773 г.: V, 189 X, 223.

[2]) Тамъ же, 1773 г., стран. 257.

[3]) Тамъ же, 1772 г., стран. 129—131.

[4]) Тамъ же, стран. 120.

передъ образованностью, которую мы можемъ заимствовать съ Запада. Но изъ этого отнюдь не должно заключать, что въ Новиковѣ ослабѣла любовь къ родной землѣ и что онъ хотѣлъ бы сдѣлать Русь простою подражательницею другимъ землямъ. „Желалъ бы я (напечатано въ 13 листѣ „Живописца“ 1772 года)[1]), чтобъ Россія, любезное мое отечество, меньше имѣло нужды въ типографическихъ товарахъ, выписываемыхъ по милости иностранцевъ! Естьли какое находитъ они препятство къ тому, чтобы нарещися ей за превосходныя свои совершенства несравненною подъ солнцемъ страною, то другаго нѣтъ, кажется, какъ сей токмо недостатокъ“. Изъ этихъ словъ, равно какъ и изъ многаго вышеприведеннаго, видно, что „Живописецъ“ вовсе не разочарованъ въ высотѣ духовныхъ началъ нашей народности; онъ указываетъ только, что эти начала не развиты еще, что ихъ глушитъ невѣжество.

Подобно „Трутню“, „Живописецъ“ сильно и горячо ратовалъ противъ крѣпостного права. Въ 5 листѣ его напечатанъ „Отрывокъ путешествія въ ***, И. Т., глава XVI“. Здѣсь серіознымъ, несатирическимъ тономъ нарисовалъ авторъ бызотрадную картину непомѣрнаго крестьянскаго труда и безысходной нищеты подъ властью жестокаго помѣщика. „О господство! (говоритъ авторъ) ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками“. Статья указываетъ читателямъ на важное значеніе крестьянъ для государства вообще, — съ горькимъ чувствомъ говоритъ она, что крестьяне — „бѣдныя твари, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны“. „Помѣщики (восклицаетъ авторъ) вы никакого не имѣете попеченія о сохраненіи здоровья *своихъ кормильцевъ!*“ „Кричите бѣдныя твари (обращается путешественникъ къ младенцамъ, оставленнымъ въ избахъ ушедшими на работу родителями), произносите жалобы свои! наслаждайтесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ во младенчествѣ: когда возмужаете, тогда и сего утѣшенія лишитесь“. Слова эти — быть можетъ — смѣлый намекъ на указъ 1767 года, запрещавшій крестьянамъ подавать жалобы на помѣщиковъ. Въ послѣсловіи издателя „Живописца“ къ „Отрывку путешествія“ говорится, что „блюдо“ это „приготовлено очень

[1]) Тамъ же, стран. 83.

солоно, и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато". Издатель не ошибся: поднялись со стороны дворянства крики неудовольствія противъ смѣлаго писателя. Объ этихъ крикахъ говоритъ онъ самъ въ 13 листѣ, въ статьѣ „Англійская прогулка". Оказывается, что многіе возстали на него, „будучи побуждаемы слѣпымъ пристрастіемъ ко преимуществу дворянскому". „Но коль чудно и странно сіе пристрастіе! (замѣчаетъ издатель). Какъ? защищать упорно такое преимущество, которымъ сами они, и всѣ честныя и добросердечныя дворяне никогда не пользуются?..." Крики недовольныхъ сдѣлали, однако, то, что издатель въ послѣдующихъ статьяхъ о крестьянахъ сталъ выпускать нѣкоторыя рѣзкія мѣста. Полное отрицаніе крѣпостного права въ „Живописцѣ", какъ и въ „Трутнѣ", прямо не высказано; но его можно подмѣтить въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, какъ напр.: „для прихотей *одного человѣка* всѣ они (т.-е. крестьяне) въ прошедшій день много сработали"[1]), или: „дворянинъ съ одною душою" (подпись подъ статьей)[2]); или „не видно здѣсь (пишутъ съ того свѣта „любителямъ добродѣтели")[3]) тѣхъ прихотей одного человѣка, для удовольствованія коихъ тысяча въ потѣ лица трудится и смерть жизни своей предпочитаетъ". Вопросъ о положеніи крестьянъ „Живописецъ" тѣсно связалъ съ нашими старинными помѣщичьими нравами и съ правами кокетокъ и щеголей. Отецъ Ѳалалея заставляетъ крестьянъ работать на него 5 дней въ недѣлю, и ему все кажется мало, — онъ „сѣчетъ ихъ нещадно", чтобы лучше работали. „Што за живописецъ такой у васъ проявился! (пишетъ онъ сыну)[4]) какой-нибудь нѣмецъ, а православный етова не написалъ бы. Говорятъ, что помѣщики мучатъ крестьянъ, и называютъ ихъ тиранами, а того проклятой и не знаетъ, што въ старину тираны бывали не крещеные, и мучили святыхъ: посмотри самъ въ Четіи-Минеи; а наши мужики вить не святые; какъ же намъ быть тиранами?... И во святомъ писаніи сказано: *Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ:* они на насъ работаютъ; а мы ихъ сѣчомъ, ежели станутъ лѣниться; такъ мы и равны — да на што они и

---

[1]) Тамъ же, 86.
[2]) Тамъ же, 1773 г., стран. 151.
[3]) Тамъ же, 284.
[4]) Тамъ же, 1772 г., 94—95.

крестьяне: его такое и дѣло, што работай безъ отдыху". Мать Θалалея умерла оттого, что надсадилась, наказывая крестьянъ. Таковъ же и его дядя — Ермолай[1]). — Не лучше старосвѣтскихъ помѣщиковъ и модныя щеголихи. „Онъ и со мною хотѣлъ поступать также, какъ съ мужиками (говоритъ кокетка про своего отца)[2]); но я ему показала, что я не такое животное, какъ ево крестьяне". „Не за безуміе ли должно почесть (пишетъ, ненавистница „Живописца")[3]), если данныя намъ (т.-е. женщинамъ) очи обозрѣвать всѣ презящныя творенія, потупимъ мы въ землю, устроенную для разсматриванія подлымъ хлѣбопашцамъ". Въ статьѣ „Слѣдствія худаго воспитанія"[4]) „Живописецъ" женилъ дворянина простого нрава, живущаго въ деревнѣ съ малыхъ лѣтъ, на щеголихѣ, воспитанной на французскій ладъ; — и трудно сказать, кто изъ супруговъ хуже обращается съ крестьянами. „Матушка моя (говоритъ сынъ этихъ супруговъ), пришедши изъ конюшни, въ которой по обыкновенію ежедневно дѣлала расправу крестьянамъ и крестьянкамъ, читаетъ бывало французскую любовную книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго пола по Руски ясно пересказываетъ". — Замѣчательно, что въ „Живописцѣ" Новиковъ указываетъ на то обстоятельство, что въ иностранныхъ государствахъ на крестьянъ, на простой народъ смотрятъ иначе, чѣмъ у насъ. Читатель замѣтилъ въ вышеприведенной выпискѣ, что отецъ Θалалея, браня „Живописца" за нападки на жестокихъ помѣщиковъ, назвалъ его нѣмцемъ; удивляясь, какъ знатные люди позволяютъ „Живописцу" такъ своевольничать, онъ прибавляетъ: „вить и бояра съ мужиками та своими поступаютъ *не по Нѣмецки, а все-таки такъ же по Руски*, и ихъ крестьяне не богатѣе нашихъ"[5]). Въ статьѣ „Англиская прогулка" вельможа, довольный сочиненіями „Живописца" о крестьянахъ, говоря съ издателемъ о толкахъ про эти сочиненія и о нашемъ увлеченіи всѣмъ англійскимъ, дѣлаетъ такое заключеніе: „когдажъ все Англиское въ такой у насъ превеликой модѣ, то для чего любители иностранныхъ вкусовъ

---

[1]) См. еще „Жив.", 1772, стран. 117.—1773, стран. 189 (объясненіе слова „подлость") и 223.
[2]) Тамъ же, 1772, стран. 54.
[3]) Тамъ же, 69.
[4]) Тамъ же, 109.
[5]) Тамъ же, 1772, стран. 94—95.

не почитаютъ пятый вашъ листокъ (т.-е. Путешествіе И. Т.“) въ Англіскомъ вкусѣ написаннымъ: *тамъ дворяне критикуются также какъ и простолюдины*“ [1]).—Итакъ, по мнѣнію „Живописца“, въ иностранныхъ государствахъ лучше смотрятъ на простолюдина, чѣмъ у насъ. Впрочемъ, относительно Франціи онъ думалъ, кажется, нѣсколько иначе: печатая „Путешествіе И. Т.“, Новиковъ прибавляетъ: „Естьли бы ето было въ то время, когда умы наши и сердца заражены были Французскою націею, то не осмѣлился бы я читателя моего поподчивать съ етого блюда“ [2]). *Незеленовъ.*

Главнымъ содержаніемъ журнала, однакожъ, было сатирическое изображеніе нравовъ общественныхъ. Здѣсь, кажется, „Живописецъ“ развивалъ съ большею энергіею и силою то, что было уже высказано въ Трутнѣ“. Поэтому сатирическія статьи „Трутня“, отличавшіяся рѣзкостію красокъ, вошли въ 3-е, 4-е и 5-е изданіе „Живописца“.

Языкъ „Живописца“ до того обработанъ, до того легокъ, что кажется удивительнымъ для того времени. Иныя статьи, написанныя чисто-народнымъ языкомъ, точно принадлежатъ нашему времени.

„Живописецъ“ за десять лѣтъ до появленія „Недоросля“ нарисовалъ великолѣпныя картины домашняго быта деревенскихъ дворянъ нашихъ того времени. Эти картины поразительны. Краски ихъ набросаны съ такою художественностію и умѣньемъ, что произведеніе Фонвизина блѣднѣетъ нѣсколько передъ ними. Языкъ ихъ совершенно напоминаетъ языкъ его комедій и, безъ всякаго сомнѣнія, эти статьи, если онѣ не писаны перомъ Фонвизина, то имѣли, по крайней мѣрѣ, рѣшительное вліяніе на развитіе его таланта. Выписывать изъ нихъ что-либо — значитъ, лишать ихъ оригинальной цѣлости. Онѣ имѣютъ значеніе только въ полномъ своемъ видѣ. Сюда принадлежатъ: 1) „Письмо уѣзднаго дворянина къ его сыну“ (1, стран. 113—120), все проникнуто самою слѣпою привязанностію къ темнымъ сторонамъ стариннаго быта, самымъ грубымъ охужденіемъ всего новаго. 2) Другое письмо отца къ сыну — „Сыну моему Θалалею“ (1, стран. 179—184),

[1]) Тамъ же, стран. 82.
[2]) Тамъ же, стран. 30.

написанное по тому поводу, что сынъ, Ѳалалей Трифоновичъ, напечаталъ первое письмо въ „Живописцѣ“. Письмо это отличается тѣмъ же характеромъ. Далѣе слѣдуетъ: 3) Письмо самой матери Ѳалалея (1, стран. 186—188), наполненное упреками и увѣщаніями по причинѣ напечатанія отцовскихъ писемъ, и 4) письмо дяди Ермолая Терентьича къ нему же о смерти матери (1, стран. 189—192). Это цѣлая семейная драма въ письмахъ, написанная превосходнымъ, по тому времени, языкомъ, имѣющая полноту и оконченность.

Издатель особенно смѣется надъ моднымъ свѣтомъ, надъ его обычаями тогдашняго времени, заимствованными изъ Франціи, надъ вычурнымъ языкомъ его. Эта насмѣшка разсыпана по всѣмъ страницамъ журнала, но болѣе оконченною является въ письмѣ современной щеголихи къ журналисту, наполненномъ модными выраженіями (1, стран. 65—69), и въ „Опытѣ моднаго словаря щегольскаго нарѣчія“, составленномъ по ея просьбѣ (1, стран. 73—81). Здѣсь показаны примѣры, какъ модный языкъ вмѣстѣ съ словами извращаетъ и самыя понятія.

Ожесточенно преслѣдуетъ „Живописецъ“ привязанность къ иностранному, слѣпое подражаніе къ иностранцамъ. Онъ называетъ это пристрастіе къ иностранцамъ болѣзнію (1, стран. 44). Съ ироніей разсказываетъ издатель, что явился какой-то изобрѣтатель, выдумавшій особенно оригинальный способъ пріучать щеголей и щеголихъ къ русскимъ книгамъ: именно печатать ихъ французскими буквами (1, стран. 46). Слѣпою любовію ко всему французскому отзываются письма какого-то господина къ издателю (1, стран. 166—168) и щеголихи къ нему же (2, стран. 281), напечатанныя, какъ видно, съ цѣлію возбудить презрѣніе къ слѣпому обезьянству.

Журналъ откликался также на современность и упоминалъ о замѣчательныхъ явленіяхъ ея. Здѣсь напечатанъ переводъ „письма короля Прусскаго къ императрицѣ Екатеринѣ о наказѣ ея“ (1, стран. 169—174), съ приложеніемъ „перевода съ письма графа Сольмса къ графу Панину“. Здѣсь есть „надпись на положеніе Екатериною Великою предъ надгробіе Петра I флага, взятаго у турокъ на Архипелагѣ“ (1, стран. 177). Здѣсь напечатаны: „стихи Государынѣ на пріобрѣтеніе Бѣлоруссіи“ (1, стран. 201—207), „рѣчь Государынѣ епископа Анатолія, возвратившагося изъ Архипелага“ (2, стран. 112—213).

„слово на выздоровленіе Его Императорскаго Высочества Государя, Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича“ въ 1771 году (2, стран. 226—239), говоренное Фонвизинымъ и находящееся въ собраніи его сочиненій, „рѣчь Императрицѣ—Георгія епископа Могилевскаго“ (2, стран. 357—362). Сподвижники Екатерины находили также мѣста въ „Живописцѣ“, доказывавшія, что издатель умѣлъ собрать все, что касалось славы отечества. Въ журналѣ есть „письмо какого-то духовнаго отца къ графу Г. Г. Орлову изъ Москвы благодарительное за дѣйствія его во время чумы“ (1, стран. 127); переводъ письма „письма короля Прусскаго къ Бибикову“, изъ котораго видно, какъ Фридрихъ высоко цѣнилъ этого генерала Екатерининскаго времени, такъ рано похищеннаго смертію (2, стран. 371), и „стихи Румянцеву на обелискъ“, въ честь побѣдъ его воздвигнутый въ Царскомъ Селѣ (2, стран. 363).

Въ „Живописцѣ“ 1 и 2 изданія напечатано „письмо въ стихахъ о пользѣ наукъ и о воспитаніи во оныхъ юношества“ къ графу И. И. Шувалову при заведеніи Московскаго университета въ 1756 года, сочиненное профессоромъ Поповскимъ, переводчикомъ Горація, Попе и Локка, умершимъ въ 1760 году, на 30 году жизни. Это письмо (1, стран. 57—64). замѣчательное особенною легкостію стиха и благороднымъ чувствомъ любви къ наукѣ, принадлежитъ къ оригинальнымъ произведеніямъ Поповскаго и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не напечатано.

Изъ замѣчательныхъ переводовъ можно указать на письмо, *скрѣпленное любопытнымъ зрителемъ* (2, стран. 217—224). Это, впрочемъ, болѣе передѣлка на русскій ладъ пьесы подъ названіемъ „Торгъ семи музъ“, переведенный еще прежде Денисомъ Фонвизинымъ изъ Кригеровыхъ сновъ и напечатанный въ журналѣ Рейхеля. Кромѣ того, въ „Живописцѣ“ напечатанъ переводъ стихами двухъ „сатиръ“ Буало: 8-й—на человѣка, и 10-й—на женщинъ.

Буличъ.

Содержаніе „Трутня“.

Двѣ опредѣленныя, ясныя идеи проходятъ сквозь все содержаніе перваго журнала Новикова; во имя ихъ сатирикъ обличаетъ современую ему дѣйствительность. Во множествѣ большихъ статей и мелкихъ замѣтокъ „Трутень“ высказываетъ ту мысль, что мы, отказавшись отъ всего прошлаго нашей жизни, отъ нравовъ и обычаевъ предковъ, сдѣлавшись слѣпыми подражателями всему французскому, вмѣстѣ съ тѣмъ, потеряли и добродѣтели нашихъ предковъ, въ большинствѣ случаевъ промѣняли наше старое родное доброе на новое чужое зло, какъ промѣниваемъ „разныя домашнія наши бездѣлицы, какъ-то неньку, желѣзо, юфть, сало, свѣчи, полотна и проч.“, на „нужныя намъ товары: шпаги французскія разныхъ сортовъ, табакерки черепаховыя, бумажныя, сургучныя; кружевы, блонды, бахромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы запонки и всякія такъ-называемыя галантерейныя вещи“ [1]).—„Въ старину думали (говоритъ сатирикъ)[2]), что для украшенія разума науками, надлежитъ цѣлый жить вѣкъ, то-есть посвятить себя наукамъ, отстать отъ всѣхъ должностей въ обществѣ, вѣкъ учиться и быть проповѣдываніемъ добродѣтели согражданамъ своимъ, а наконецъ, и самому себѣ въ тягость; изъ чего сдѣлали пословицу: *Вѣкъ живи и вѣкъ учися*. Но молодые наши дворяне, увидя ясно невѣжество предковъ своихъ, изъ сего заблужденія вышли, и изъ стараго правила сдѣлали новое: *Недѣлю учися и вѣкъ живи*“. Явилась новая наука, называемая *украситъ голову по-французски*. О приведеніи въ совершенство сея науки Франція нѣсколько лѣтъ прилагаетъ попеченіе. И хотя въ Парижѣ заведена академія волосоподвивательной науки, изданы въ народъ печатныя о томъ книги, но однакожъ и по сіе время такъ же, какъ и философія, въ совершенство не пришла; изъ чего слѣдуетъ, что быть совершеннымъ волосоподвивателемъ такъ же трудно, какъ и философомъ; да и науки сіи одинакія, одна украшаетъ голову снаружи, а другая внутри; а что къ первой нынѣ больше прилѣпляются, тому причиною мода. Да сіе и весьма справедливо, украшенная съ наружи голова

[1]) „Трутень“. Изд. 3-е (Ефремова). С.-Пб., 1865 г., стран. 38.
[2]) Тамъ же. „Статья изъ Русскаго Словаря“, стран. 31—33.

гораздо почтеннѣе украшенной внутри потому, что мы всегда хвалимъ, почитаемъ и удивляемся тому, что прежде другого лучшимъ намъ покажется. А въ томъ и никакого нѣтъ сомнѣнія, что хорошо завитыя волосы скорѣе ума примѣтить можно; волосы снаружи, а умъ внутри". — Какъ разошлись мы съ предками во взглядѣ на ученье, на мысль, на умъ, такъ разошлись мы съ ними и въ чувствѣ: прежде люди любили серіозно, всею душою; теперь это дѣлается иначе. „Трутень" рисуетъ[1]) портретъ молодого человѣка, который прежде „имѣлъ веселый нравъ и живые поступки; въ бесѣдахъ душою собранія почитался, и словомъ во всѣхъ между молодыми людьми веселостяхъ былъ первый; но съ нѣкотораго времени совсѣмъ перемѣнился: сталъ задумчивъ, скученъ и иногда не только другимъ, но и самому себѣ тягостенъ бываетъ. Поступки его не имѣютъ уже прежней живости, но вмѣсто того видна робость и смятеніе, и часто въ задумчивости отвѣчаетъ не то, о чемъ спрашиваютъ". Это онъ, поясняетъ сатирикъ, „влюбленъ *по дѣдовски*", т.-е. онъ человѣкъ отсталый, потому что „любовь нынѣ у насъ (говорится въ другой статьѣ, въ которой предварительно нарисовано трогательное прощанье искренно любящихъ другъ друга молодыхъ людей), любовь нынѣ у насъ завелась большею частью модная, что значитъ: увидѣть, влюбиться, получить склонность, и тотчасъ сдѣлаться невѣрнымъ; а еще модніе: влюбляться и измѣнять разъ по сту на день"[2]).—„Нынѣшняя любовь весьма далека отъ любви нашихъ предковъ. Многія женщины нашего вѣка не почитаютъ преступленіемъ, одного любить и шестерыхъ обманывать, и говорятъ, что истинная любовь требуетъ отъ любовника вѣры, или слѣпой довѣренности, т.-е. видѣть и быть слѣпу. Модные любовники такъ и поступаютъ: они притворяются, будто во всемъ вѣрятъ своимъ любовницамъ, хотя думаютъ совсѣмъ противное"[3]). Слѣдствіемъ такого взгляда на чувство явилось паденіе семейнаго начала; любовь супруговъ другъ къ другу стала считаться дѣломъ неприличнымъ, непринятымъ въ свѣтѣ. „Есть женщина лѣтъ пятидесяти (объявляютъ „Вѣдомости"

---

[1]) Тамъ же, годъ II, 241.
[2]) Тамъ же, 303—304.
[3]) Тамъ же, 227.

„Трутня“ [1]). Она уже двухъ имѣла мужей, и ни одного изъ нихъ не любила, послѣдуя модѣ“, теперь ищетъ третьяго. „Кто хочетъ на ней жениться, тотъ можетъ явиться у свахъ здѣшняго города“. Мѣсто семейнаго счастья предковъ заняла чудовищная чувственность: Вѣдомости „Трутня“ объявляютъ о такого рода подрядахъ: „для наполненія порожнихъ мѣстъ, по положенному у одной престарѣлой кокетки о любовникахъ штату, потребно поставить молодыхъ, пригожихъ и достаточныхъ дворянъ и мѣщанъ до 12 человѣкъ; кто пожелаетъ въ поставкѣ оныхъ подрядиться, или и сами желающіе заступить тѣ убылыя мѣста, могутъ явиться у помянутой кокетки, гдѣ и кондиціи имъ показаны будутъ“ [2]). Образы кокетокъ и щеголихъ, съ ихъ невѣжествомъ, безграмотностью, пустотою и легкомысліемъ, съ ихъ пристрастіемъ къ нарядамъ, модамъ, сплетнямъ, любовнымъ приключеніямъ, художественно нарисованы „Трутнемъ“ [3]). Не лучше кокетокъ и молодые щеголи: 16-й номеръ „Трутня“ объявляетъ, что продаются по дорогой цѣнѣ сочиненія гг. Искушателева и Соблазнителева; „Атака сердца кокеткина“ и „Проектъ о взятіи сердецъ штурмомъ“; въ то же время „раздаются безденежно: ибо оныхъ никто не покупаетъ“ старыя (т.-е. предковъ) книги: „Наставленіе о добропорядочной жизни молодымъ людямъ, напечатанное въ 1748 году, и еще другія подобныя оной“ [4]). Ложь царитъ въ современной жизни вообще, въ мысляхъ, въ чувствѣ и во всемъ. „Ваше къ неучтивой истинѣ пристрастіе (пишетъ издателю „Трутня“ кокетка) [5]), происходитъ отъ того, что недовольно обращались въ свѣтѣ; что не имѣли времени разобрать обычаи нашихъ современниковъ; и слѣдовательно, слѣдуя обычаямъ предковъ, не умѣете угождать намъ“. Главной причиной паденія нравовъ Новиковъ считаетъ дурное воспитаніе русскаго юношества, воспитаніе, получаемое отъ французовъ — гувернеровъ. „На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ (говоритъ извѣстіе изъ Кронштадта) [6]) прибылъ изъ Бурдо корабль: на немъ кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 Француза, сказывающія о себѣ, что

[1]) Тамъ же, годъ I 35.
[2]) Тамъ же. 39.
[3]) Укажу на одну изъ кокетокъ: тамъ же, годъ II, стран. 235, 292 и 304.
[4]) Тамъ же, годъ I, 102.
[5]) Тамъ же, годъ II, 238.
[6]) Тамъ же, годъ I, 100.

они всѣ Бароны, Шевалье, Маркизы и Графы"; на самомъ дѣлѣ эти французы — ремесленники. „Многія изъ нихъ въ превеликой жили ссорѣ съ Парижскою Полиціею, и для того она по ненависти своей къ нимъ сдѣлала имъ привѣтствіе, которое имъ не полюбилось", „хотя было и очень искренно", т.-е. она хотѣла посадить ихъ въ Бастилію; „и ради того пріѣхали они сюда, и намѣрены вступить въ должности учителей и Гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей. Они скоро отсюда пойдутъ въ Петербургъ. Любезныя согражданѣ, спѣшите нанимать сихъ чужестранцевъ для воспитанія вашихъ дѣтей! Поручайте немѣдленно будущую подпору государства симъ побродягамъ, и думайте, что вы исполнили долгъ родительскій, когда наняли въ учители французовъ, не узнавъ прежде ни званія ихъ ни поведѣнія". Эти слова показываютъ намъ, какъ у Новикова остроумная и живая сатира тѣсно сливалась съ серіозной мыслью даже въ формѣ рѣчи. „Какою благодарностью должны мы французамъ (пишетъ въ „Трутень" щеголиха)[1]); они насъ просвѣщаютъ". „Мы и съ хлѣбомъ и съ деньгами нашими безъ французовъ были бы дураки. Они еще дьошево продаютъ о насъ свои попеченіи". Эта щеголиха выросла въ деревнѣ, подъ надзоромъ своего отца, деревенскаго хозяина. „Онъ воспиталъ меня такъ худо, говоритъ она, какъ хуже трудно и придумать. Я знала только какъ и когда хлѣбъ сѣютъ; когда садятъ капусту, огурцы, свеклу, горохъ, бобы и все то, что нужно знать дураку прикащику — Ужасное знаніе! а того, что дѣлаетъ нашу сестру совершенною, я не знала. По смерти батюшкиной пріѣхала въ Москву и увидѣла, что я была совершенная дура. Я не умѣла, ни танцовать ни одѣваться, и совсѣмъ не знала, что такое *мода*. Вотъ до какой глупости отцы, подобныя моему, дѣтей своихъ доводятъ! Повѣришь г. Издатель? — мнѣ стыдно тебѣ признаться: — я такъ была глупа, что по пріѣздѣ только моемъ въ Москву узнала, что я хороша". Въ Москвѣ щеголиху осмѣяли столичныя кокетки за ея простоту и невѣжество, и она принуждена была 3 мѣсяца, не выѣзжая изъ дому, учиться по-модному одѣваться. „Мнѣ кажется, говоритъ она, ты удивляешься, какъ могла я въ такое короткое время всему, да еще сама научиться?

---

[1]) Тамъ же, годъ II, 255—259.

Я тебѣ ето тапнство открою, послушай: по щастію попалась мнѣ одна французская мадамъ, которыхъ у насъ въ Москвѣ довольно. Она еще до просьбы моей предложила мнѣ свои услуги: разсказала мнѣ въ какомъ я нахожусь невѣжествѣ, и что она въ состояніи изъ меня сдѣлать самую модную щеголиху. Вотъ какое изъ насъ Французы дѣлаютъ превращеніе! изъ деревенской дуры въ три мѣсяца сдѣлать самую модную щеголиху; для человѣка невозможность, французы дѣлаютъ". Изъ этого разсказа мы видимъ, что деревенскому воспитанію, даже обошедшемуся безъ образованія, Новиковъ отдаетъ предпочтеніе передъ воспитаніемъ моднымъ, французскимъ. Вообще онъ съ сочувствіемъ относится къ деревнѣ: тамъ видитъ онъ слѣды нашей прежней жизни, остатки добродѣтелей предковъ, отъ которыхъ отреклось городское офранцузившееся общество. „Съ пріятностью деревенской жизни ничто сравниться не можетъ (говоритъ одна статья „Трутня")[1]): тамъ встаютъ рано не для того, чтобы просидѣвъ 3 или 4 часа надъ уборомъ головы, и отягчивъ оную саломъ и пудрою шататься по переднимъ комнатамъ знатныхъ бояръ; но для того, чтобъ пользоваться пріятнымъ утреннимъ временемъ, присматривать за своимъ домостроительствомъ, и примѣромъ своимъ, служителей своихъ поощрить къ трудамъ". Тамъ нѣтъ огромной музыки, садовъ со статуями и водометами: но вмѣсто этого тамъ поютъ птицы, зеленѣютъ рощи и луга, испещренные цвѣтами. Новикову нравится въ деревнѣ дѣятельная и простая жизнь, близкая къ природѣ, чуждая лести и лжи. Нравамъ городского, по-французски образованнаго общества, противополагаетъ сатирикъ нравы сельскаго сословія, крестьянства. Молодая замужняя госпожа Прелеста бесѣдуетъ съ разнозчикомъ; „бываютъ ли между крестьянами мужья рогоносцы?" спрашиваетъ она. „Какъ же, сударыня, быть тому межъ крестьянами, что дѣлаютъ господа", отвѣчалъ крестьянинъ. Прелеста удивлена, какъ это мужъ можетъ усмотрѣть за женою; но дѣло разъясняется тѣмъ, что въ деревняхъ мужъ и жена не живутъ *по модѣ* на разныхъ половинахъ[2]).

Вопросомъ о положеніи крестьянина, о крѣпостномъ правѣ помѣщика „Трутень" интересовался очень сильно. Мысль о

[1]) Тамъ же, годъ I, 44.
[2]) Тамъ же, 54—55.

томъ, что крестьянинъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе, что онъ имѣетъ право на свободу и что положеніе слишкомъ тяжело, есть вторая идея, положенная Новиковымъ въ основу его журнала. — „Безразсудъ болѣнъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне (говорится въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Рецепты“ [1]); а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостныя ево рабы... Онъ думаетъ: Я господинъ, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы претерпѣвая всякія нужды, день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежомъ оброка: они памятуя мое и свое состояніе должны трепетать моего взора. Въ дополненіе къ сему прибавляетъ онъ, что точно о крестьянахъ сказано: въ потѣ лица своего снѣси хлѣбъ твой“. „Безразсудной! (восклицаетъ сатирикъ), развѣ забылъ то, что ты сотворенъ человѣкомъ, не уже ли ты гнушаешься самимъ собою въ образѣ крестьянъ, рабовъ твоихъ? развѣ не знаешь ты, что между твоими рабами и человѣками больше сходства, нежели между тобою и человѣкомъ“. Безразсуду отъ его „вредной болѣзни“ „Трутень“ даетъ такой „рецептъ“: „Безразсудъ долженъ всякой день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, покуда найдетъ онъ разлпчіе между господиномъ и крестьяниномъ“. Не нужно было быть очень проницательнымъ, чтобы въ вышеприведенныхъ словахъ прочесть прямое отрицаніе крѣпостного права, но должно замѣтить, что, по обстоятельствамъ времени, Новиковъ не могъ высказать свою мысль прямо; мало того, — и къ той формѣ, въ которой она явилась на свѣтъ, онъ долженъ былъ прибавить оговорки: крестьяне твои, говоритъ статья, обращаясь къ Безразсуду, не смѣютъ любить тебя какъ отца; а есть помѣщики — отцы, подъ властью которыхъ крестьяне „наслаждаются вождѣленнымъ спокойствіемъ, не завидуя никакому на свѣтѣ щастію, ради тово, что они въ своемъ званіи благополучны“; „истинные человѣки“, продолжаетъ статья, должны гнушаться тобою, „яко извергомъ человѣчества, преобращающаго (sic) *нужное подчиненіе* въ несносное иго рабства“. Что Новиковъ сострадалъ не только крестьянамъ дурныхъ, безчеловѣчныхъ помѣщиковъ, что онъ считалъ

[1]) Тамъ же, 147—149.

крѣпостное право вообще явленіемъ ненормальнымъ, объ этомъ положительно свидѣтельствуютъ два мѣста „Трутня“: въ одномъ, разсказывая о смерти помѣщика, сатирикъ выражается: онъ „переселился въ то жилище, въ которомъ *чужихъ душъ никто не желаетъ*“ [1]); въ другомъ мѣстѣ — Правдинъ пишетъ издателю „Трутня“ [2]): „изъ вашихъ сочиненій примѣтилъ я, что вы къ состоянію крестьянъ чувствительны. Вы о нихъ сожалѣете вообще: похвально; но коликагожъ достойны сожалѣнія тѣ, кои во владѣніи у худыхъ помѣщиковъ!“ и т. д. Т.-е., значитъ, „Трутень“ сожалѣетъ и тѣхъ, которые находятся во власти добрыхъ помѣщиковъ, сожалѣетъ о томъ, что они рабы, будучи совершенно такими же „человѣками“, какъ и помѣщики. Эту послѣднюю мысль журналъ проводитъ особенно настоятельно, благородно и умно стараясь разбить силой логики нелѣпое предубѣжденіе о какихъ то природныхъ преимуществахъ благороднаго сословія. Его Превосходительство г. Недоумъ боленъ духовною горячкою: „тотчасъ начинаетъ его трясти лихорадка, естьли кто предъ нимъ упомянетъ о мѣщанахъ или крестьянахъ. Онъ ихъ въ противность моднаго нарѣчія не удостоиваетъ ниже имени подлости, а какъ ихъ называть, того еще въ пятьдесятъ лѣтъ безплодной своей жизни не выдумалъ; не ѣздитъ онъ ни въ церковь, ни по улицамъ, опасаяся смертельнаго обморока, которой непремѣнно, думаетъ онъ, съ нимъ случится встрѣтившись съ неблагороднымъ человѣкомъ“. Онъ ежечасно негодуетъ на судьбу, что долженъ пользоваться тѣмъ же воздухомъ и солнцемъ, которымъ пользуется простой народъ. Онъ желаетъ „чтобъ простой народъ со всемъ былъ истребленъ; о чемъ неоднократно подавалъ онъ проекты, которые многими ради хорошихъ и отмѣнныхъ мыслей были похваляемы“. Болѣзнь Недоума сатирикъ ставитъ въ тѣсную связь съ его невѣжествомъ: „вельможа нашъ (говоритъ онъ) ненавидитъ и презираетъ всѣ науки и художества, почитаетъ оныя безчестіемъ для всякой благородной головы. По его мнѣнію всякой шляхтичъ можетъ все знать ни чему не учася; философія, математика, физика и прочія науки суть бездѣлицы, нестоящія вниманія дворянскаго. Гербовники и патенты, едва, едва

[1]) Тамъ же, годъ I, 43.
[2]) Тамъ же, стран. 158.

отъ пыли и моля спасшіяся, суть однѣ книги, кои онъ безпрестанно по складамъ разбираетъ". Благородное негодованіе при этомъ приводитъ Новикова къ рѣзкимъ выраженіямъ, объясняемымъ горячей молодостью сатирика: нѣтъ говоритъ онъ, на родословныхъ деревьяхъ Недоума „такова гнилова сучка, каковъ онъ самъ, и нѣтъ такой во всѣхъ фамильныхъ его гербахъ каковъ ево превосходительство" [1]).— Новиковъ былъ совершенно свободенъ отъ всякихъ сословныхъ предразсудковъ, — обстоятельство, ставящее его очень высоко, ибо этихъ предразсудковъ не были чужды и такіе его современники, какъ Полѣновъ, Фонвизинъ, даже Радищевъ. Читатель могъ замѣтить въ вышеприведенныхъ выпискахъ отношенія Новикова къ слову „моднаго нарѣчія" — *подлый*. Въ одной статьѣ „Трутня" [2]) разсказывается, что явилось три охотника занять „порожнее мѣсто", дающее въ годъ 2000 рублей безгрѣшнаго дохода: „первый изъ нихъ дворянинъ безъ разума, безъ науки, безъ добродѣтели и безъ воспитанія... Душъ за нимъ тысячи двѣ; но самъ онъ безъ души. Короче сказать, все достоинство сего молодца въ томъ только и состоитъ, что онъ дворянинъ и родня многимъ знатнымъ боярамъ". Другой охотникъ — дворянинъ, не имѣющій важнаго родства, „поведѣнія добраго, разума хотя не пылкаго, однако наукою подкрѣпленнаго"; крестьянъ своихъ не грабитъ; словомъ, онъ — человѣкъ порядочный. „Третій проситель мѣста, *по нарѣчію нѣкоторыхъ глупыхъ дворянъ, есть человѣкъ подлой: ибо онъ отъ добродѣтельныхъ и честныхъ родился мещанъ*. Природной ево разумъ, соединенный съ долговременнымъ и въ Россіи и въ чужихъ краяхъ ученіемъ, учинили его мужемъ совершеннымъ. Мало такихъ наукъ, которыхъ бы онъ не зналъ, или о которыхъ бы онъ не имѣлъ понятія; защитникъ истины, помогатель бѣдности, ненавистникъ злыхъ нравовъ и роскоши, любитель человѣчества, честности, наукъ, достоинства и отечества". „Читатель! угадай (заключаетъ авторъ статьи): глупость ли, подкрѣпляемая родствомъ съ боярами или заслуги съ добродѣтелію наградятся?" — Такимъ образомъ, *подлымъ*, по мнѣнію Новикова, можетъ называть простого человѣка лишь глупый; а дѣлаютъ насъ благородными,

[1]) Тамъ же, стран. 139—141.
[2]) Тамъ же, стран. 26—27.

возвышаютъ надъ другими только образованность и нравственныя достоинства. Въ глубокомъ уваженіи къ наукамъ, которое выразилъ Новиковъ, характеризуя третьяго искателя мѣста, выказался будущій просвѣтитель своего отечества. „Трутень“ не упустилъ изъ виду показать своимъ читателямъ и тяжелое экономическое положеніе крестьянина, его бѣдность, доходящую до обнищанія, вслѣдствіе громадныхъ оброковъ помѣщику, которые онъ, наконецъ, не въ силахъ выплатить, несмотря на невѣроятныя усилія въ работѣ и на безчеловѣчныя наказанія за недоимки. Съ этой стороны крестьянская жизнь художественно нарисована въ статьяхъ подъ заглавіемъ: „Копіи съ отписокъ“, состоящихъ изъ переписки крестьянъ съ ихъ помѣщикомъ[1]). — Я ссылался только на главнѣйшія статьи „Трутня“ о крестьянахъ и помѣщикахъ; цѣлый рядъ подобныхъ статей проходитъ сквозь весь первый годъ изданія журнала[2]), свидѣтельствуя, какое важное значеніе придавалъ Новиковъ вопросу о крѣпостномъ правѣ.

Не должно думать, что, говоря о „добродѣтеляхъ предковъ“, Новиковъ проповѣдовалъ отчужденіе отъ иностранныхъ земель и національную исключительность. Онъ, напр., готовъ отдать должную дань уваженія иностраннымъ писателямъ: благоразумный помѣщикъ, воспитавшій дочь свою въ деревнѣ не по модному, составилъ себѣ небольшую, но хорошую библіотеку; въ нее входятъ между прочимъ слѣдующія книги, которыя дочь его, обратившись въ кокетку, не можетъ читать: „Ѳеофаны да Кантемиры, *Телемаки*, *Роллени*, Лѣтописцы“[3]) и т. п. — Въ первыхъ номерахъ „Трутня“ мы встрѣчаемъ объявленіе: „Молодого Россійскаго поросенка, которой ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, и которой объѣздивъ съ пользою, возвратился уже совершенно свиньею; желающіе смотрѣть, могутъ его видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города“[4]). Но не должно изъ этого заключать, что Новиковъ считаетъ путешествія за границу вредными; напротивъ, — мы видѣли, что

---

[1]) Тамъ же, годъ I, 158—162 и 181—186.

[2]) См. слѣд. №№ (кромѣ указанныхъ выше): VI, стран. 35 и 36; XXII, 133 и 142; XXV, 155; XXVII, 164 и 167; XXXV, 212; XXXVI, 218—1770 г.: I, 228 232.

[3]) Тамъ же, годъ II, 255.

[4]) Тамъ же, годъ I, стран. 38.

его идеальный мѣщанинъ сдѣлался „мужемъ совершеннымъ“ вслѣдствіе долговременнаго „и въ Россіи *и въ чужихъ краяхъ*“ ученія[1]). Если же иной „поросенокъ“ воротится изъза границы уже „совершенною свиньею“, то это потому, „что всѣ наши молодыя дворяне, путешествующія въ чужія земли, привозятъ (говоритъ „Трутень“)[2]) только извѣстіи какъ тамъ одѣваются, пространное дѣлаютъ описаніе всѣмъ увеселеніямъ и позорищамъ того народа; но рѣдкой изъ нихъ знаетъ, на какой конецъ путешествіе предприниматься должно, Я почти ни отъ одного изъ нихъ не слыхалъ, чтобы сдѣлали они свои примѣчаніи на нравы того народа, или на узаконенія, на полезныя учрежденія и протч., *дѣлающее путешествіе толико нужнымъ*. Мнѣ ето совсѣмъ не нравится: лучше со всѣмъ не ѣздить нежели ѣздить безъ пользы; а еще паче и ко вреду своего отечества“. Глаза сатирика не закрыты и на наши родные, національные недостатки. Среди деревенской жизни, за наружнымъ благочестіемъ, онъ видитъ такіе пороки, которые не изъ чужихъ земель пришли къ намъ. „Въ нашемъ уѣздѣ есть дворянинъ (говоритъ извѣстіе изъ Каширы)[3]): онъ имѣетъ за собою три тысячи душъ, получаетъ шесть тысячъ рублей годового дохода и живетъ такъ, какъ научилъ его покойный родитель... Домъ господской дѣдушка его построилъ было на время, но они такъ въ немъ обжились, что новаго и по сіе время не построили; ибо батюшка сего дворянина отягощенъ былъ дѣлами; а именно пилъ, ѣлъ и спалъ; а сынокъ къ строенію не имѣетъ охоты: но вмѣсто того упражняется въ весьма полезныхъ дѣлахъ для пользы земныхъ обителей: ибо онъ изыскиваетъ, можетъ ли боецъ гусь побѣдить на поединкѣ лебедя“. — Помѣщикъ, живущій въ деревнѣ по старымъ обычаямъ, пишетъ къ племяннику въ городъ пространное письмо съ цѣлью спасти его отъ погибели и вернуть на путь добродѣтели: откуда взялись твои пороки? говоритъ онъ; „ты, подъ присмотромъ горячо любившаго тебя родителя, жилъ дома до двадцати лѣтъ и учился не пустымъ нынѣшнимъ и не приносящимъ никакой прибыли наукамъ, но страху Божію; книгъ, совращающихъ отъ пути истиннаго, никакихъ

---

[1]) Тамъ же, стран. 27.
[2]) Тамъ же, годъ II, 272. См. о томъ же: годъ I, стран. 56.
[3]) Тамъ же, годъ I, 99.

ты не читывалъ; а читалъ житія святыхъ отецъ и библію". Теперь же ты совсѣмъ развратился: не хочешь вступать въ приказную службу, читаешь свѣтскія книги. „Отъ тѣхъ книгъ погибнешь ты невозвратно. Я самъ грѣшникъ, вѣдаю, что беззаконія моя превзыдоша главу мою; знаю, что я преступникъ законовъ, что окрадывалъ Государя, разорялъ ближняго, утѣснялъ сираго, вдовицу и всѣхъ бѣдныхъ, судилъ на мздѣ; и короче сказать, грѣшилъ, и по слабости человѣческой еще и нынѣ грѣшу почти противу всѣхъ заповѣдей, данныхъ намъ черезъ пророка Моисея, и противу гражданскихъ законовъ: но не погасилъ любве къ Богу, исповѣдываю бо Его предъ всѣми Творцемъ всея вселенныя... посты среды и пятки всѣ сохраняю, не только самъ, но и домочадцевъ своихъ къ тому принуждаю"... Вы говорите, что „за взятки надлежитъ наказывать, надлежитъ исправлять слабости". „Знаете ли вы, что такія слова не что иное, какъ первородный грѣхъ, *гордость?*" А гордыми дѣлаютъ васъ книги. „Къ чему потребно тебѣ богопротивное умствованіе, какъ и изъ чего созданъ міръ? Вѣдаешь ли ты, что судьбы Божіи неиспытанны, и какъ познавать вамъ небесное, когда не понимаете и земнова? Помни только то, что земля еси, и въ землю отъидеши. На что тебѣ учитися реченіямъ иностраннымъ: языкъ намъ данъ для прославленія величія Божія, такъ и на природномъ нашемъ можемъ мы его прославляти: но вы учитесь онымъ для того, чтобы читать ихъ книги, наполненныя расколами противу закона: они васъ прельщаютъ, вы ихъ читаете съ жадностью... вы еще тѣмъ недовольны, что на тѣхъ языкахъ ихъ читаете; но чтобы совратить съ пути истиннаго и не знающихъ чужеземныхъ изреченій, вы такія книги переводите и печатаете"[1]). — Изъ этого видно, что „Трутень" не только восхищался простотою и дѣятельностью деревенской жизни, — онъ видѣлъ и грубые недостатки старосвѣтскихъ людей, живущихъ какъ жили предки; онъ видѣлъ ихъ праздную грубую, почти животную жизнь, прикрываемую ханжествомъ, невѣжество и отвращеніе отъ мысли, грубый эгоизмъ и произволъ, дозволяющіе тѣснить и грабить ближняго. Въ связи съ этимъ стоятъ въ „Трутнѣ" обличенія неправосудія

[1]) Тамъ же, 91—96.

и взяточничества судей. Въ многочисленныхъ статьяхъ и замѣткахъ о кривизнѣ судейской совѣсти „Трутень“ нигдѣ не предполагаетъ, чтобы эта язва нашей жизни явилась къ намъ изъ чужихъ земель, какъ слѣдствіе нашего слѣпого преклоненія предъ Западомъ. Онъ, напротивъ, скорѣй склоненъ думать, какъ это видно изъ сейчасъ приведенной мною выписки, что неправду нашего суда мы наслѣдовали отъ предковъ. Я не буду приводить выписокъ изъ статей, обличающихъ эту неправду, — желающіе могутъ прочесть все это въ самомъ „Трутнѣ“ или въ книгѣ Аѳанасьева: замѣчу только, что обличенія „Трутня“ чрезвычайно остроумны и порой даже художественны.

Незеленовъ.

„Трутень“ и Всякая Всячина“.

Полемика, возникшая между „Всякой Всячиной“ и ея внучатами, между которыми по смѣлости и рѣзкости своихъ обличеній выдавались особенно „Трутень“, „Смѣсь“ и „Адская Почта“, не могла не заинтересовать въ высокой степени современное этимъ журналамъ общество какъ по новости появленія самой журналистики, посвященной „злобѣ дня“ того времени, такъ и по высокому положенію одной изъ полемизировавшихъ сторонъ. На литературу вообще, въ особенности на русскую, общество наше смотрѣло какъ на забаву, литераторовъ считало чуть не за балагуровъ, помогающихъ досужимъ людямъ пріятно убить свое время, — и вдругъ читаютъ въ „недѣльныхъ листкахъ“ анонимныя статьи о такихъ щекотливыхъ „матеріяхъ“, о которыхъ еще такъ недавно никто не смѣлъ разсуждать вслухъ. Печальное состояніе правосудія въ Россіи, ужасы крѣпостного права, повальное невѣжество, грубость нравовъ и продажность даже въ высшихъ классахъ общества, — все это ярко обрисовывается и обсуживается на страницахъ сатирическихъ журналовъ 1769 г. Можно представить себѣ переполохъ, поднятый въ тѣхъ „темныхъ царствахъ“, куда не проникалъ еще лучъ свѣта, и гдѣ, среди духовной слѣпоты и нравственной грязи, такъ привольно и легко было щукамъ ловить карасей! Сму-

щеніе должно было увеличиться еще болѣе, когда узнали, что во главѣ журнальнаго движенія, возмутившаго общественную тишь да гладь, стоитъ сама государыня. Если объ участіи ея во „Всякой Всячинѣ“ знали журналисты[1]), то тѣмъ менѣе могло оно укрыться отъ „придворныхъ господчиковъ“ и „знатныхъ бояръ“, которымъ легко было догадаться объ источникѣ небывалой еще въ Россіи свободы слова. Понятно, съ какимъ интересомъ и съ какой тревогой дворянство, чиновничество и знать, какъ и всѣ грамотные люди, должны были прислушиваться къ голосу журналовъ 1769 г. и въ особенности къ голосу „Всякой Всячины“[2]): въ издательницѣ и главномъ редакторѣ ея, т.-е. Екатеринѣ, всѣ видѣли не писательницу, слова которой разносились бы вѣтромъ, а самодержавную императрицу, имѣвшую возможность приложить свои идеи къ практикѣ. Поэтому неудивительно, что Екатерина, давъ свободу другимъ журналамъ, сама, однако, вынуждена была быть крайне осторожной въ изложеніи своихъ мнѣній во „Всякой Всячинѣ“, лавировать, прибѣгать къ недомолвкамъ и, быть можетъ, не всегда говорить искренно: она не могла не знать, какое значеніе придадутъ каждому ея слову. Нѣкоторая двойственность, замѣчаемая въ направленіи „Всякой Всячины“, служитъ, по нашему мнѣнію, лишь отраженіемъ политическаго положенія государыни и трудность принятой ею на себя задачи — быть публицистомъ-проповѣдникомъ новыхъ идей и реформъ, намѣченныхъ еще въ „Наказѣ“, и въ то же время сохранять безпристрастіе, достоинство и умѣренность монархини при столкновеніи личныхъ мнѣній, сословныхъ интересовъ, или при возбужденіи такихъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ для нея, какъ главы государства, въ видахъ „общей пользы и общаго блага“, могло казаться несвоевременнымъ. Думать, что Екатерина, будучи самодержавной императрицей, могла дѣлать, что хотѣла, проводить свои идеи въ жизнь безъ особыхъ затрудненій, значило бы не знать Екатерины, не знать эпохи, въ которой она жила. Умъ государыни, практическій, холодный, чуждъ былъ односторонности и прямоли-

---

[1]) „Н. И. Новиковъ“ соч. Незеленова, стран. 165.

[2]) Объ этомъ положительно свидѣтельствуетъ Макаровъ. См. „Отеч. Записки“ 1839 г., т. V, смѣсь, стран. 29.

нейности въ воззрѣніяхъ, а воля, при всей своей твердости и устойчивости, не сокрушала препятствій, а обходила ихъ, насколько это было возможно; вообще, Екатерина избѣгала суровыхъ, жестокихъ мѣръ, любила дѣйствовать осторожно, медленно, безъ потрясеній общественнаго организма, не походя въ этомъ отношеніи на Петра Великаго, бывшаго ея образцомъ. Правда, и положеніе ея было очень трудное. Уже по вступленіи на престолъ, она выслушивала притязанія К. Разумовскаго на наслѣдственное гетманство въ Малороссіи, проектъ Н. Панина объ образованіи Совѣта при Екатеринѣ, долженствовавшаго носить олигархическій характеръ; не говоримъ уже о хаосѣ, царствовавшемъ въ управленіи огромной имперіи, о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, сдѣлавшихся обычными явленіями. Вотъ почему императрица дѣйствовала крайне осторожно и медленно; дѣлая одно, закрывала глаза до времени на другое; щадила личности, надѣясь уничтожить злоупотребленіе въ корнѣ, и, думая предпринять какую-либо реформу, тщательно извѣдывала почву, чутко прислушиваясь къ отзывамъ лицъ компетентныхъ или заинтересованныхъ. Когда дворянство въ Комиссіи уложенія высказалось противъ уничтоженія крѣпостного права, Екатерина не рѣшилась дѣйствовать собственною властью, какъ ни желала освобожденія крестьянъ: дворянство было въ то время и мечомъ и перомъ Россіи,— но зато достигла другихъ цѣлей. Самыя чистыя, безкорыстныя, направленныя къ „общему благу и общей пользѣ“, стремленія просвѣщенной монархини разбивались при встрѣчѣ съ суровой дѣйствительностью; мало того, государыня часто должна была скрывать свои мысли и придавать имъ иное значеніе. Что такое положеніе дѣлъ производило тяжелое впечатлѣніе на Екатерину, что разница въ мысляхъ и дѣлахъ должна была заставлять ее задумываться надъ причиной, которая вынуждала самодержавную императрицу поступать иногда вопреки собственнымъ мыслямъ и чувствамъ и итти къ цѣли окольными путями,— видно изъ бумагъ, недавно обнародованныхъ изъ переписки Екатерины съ д'Аламберомъ[1]). Въ числѣ этихъ бумагъ находится слѣдующая записка Екатерины къ д'Аламберу (изъ письма къ г-жѣ Жоффренъ), писанная

[1]) Г. Кобеко въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1884 г., т. XVI.

ею въ концѣ 60-хъ годовъ, которую мы, по ея важности для характеристики императрицы, рѣшаемся привести цѣликомъ:

„Предлагается вопросъ: отъ накопленія хорошихъ правилъ, примѣненныхъ на практикѣ, произойдетъ ли хорошій и полезный общій результатъ?

„Для того, чтобы дать точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, желательно, чтобы онъ былъ болѣе развитъ.

„Несомнѣнно, прежде всего, что если правила, о которыхъ идетъ рѣчь, дѣйствительно, хороши, истинны, выражены точно и такимъ образомъ, что не подлежатъ никакому измѣненію, ни ограниченію въ ихъ изложеніи, то въ случаѣ примѣненія ихъ на практикѣ, не можетъ не произойти очень хорошій результатъ. Если же подобнаго результата не произойдетъ, то это будетъ значить, что неосновательно смотрѣли на эти правила, при примѣненіи ихъ на практикѣ, безусловно общія и неизмѣнныя. Примѣръ: прекрасно прощать — вотъ превосходное общее правило. Но однако законоучитель, государь и т. д., которые постоянно примѣняли бы его на практикѣ, открыли бы дверь всякаго рода преступленіямъ, потому что это правило, въ его общности, нужно лишь для частныхъ лицъ, но не для государства; даже не вполнѣ еще вѣрно, чтобы оно могло существовать безъ ограниченія и для частныхъ лицъ. Другой примѣръ: нужно всегда говорить людямъ правду. Вообще, это вполнѣ справедливо, но справедливо ли это безъ ограниченія? Было ли бы благоразумно и полезно провозглашать по улицамъ Константинополя: Магометъ обманщикъ! Можно бы привести тысячу подобныхъ примѣровъ. Заключеніе мое состоитъ въ томъ, что отъ накопленія хорошихъ правилъ, измѣненныхъ на практикѣ, можетъ пройзойти и дурной результатъ, если не будутъ приняты во вниманіе тѣ измѣненія, которымъ иногда (и даже часто) должны подвергаться эти правила при примѣненіи ихъ на практикѣ и которыя зависятъ отъ мѣста, времени, лицъ, народнаго характера,— однимъ словомъ, отъ тысячи различныхъ причинъ, которыя законодатели и государи должны знать и принимать въ соображеніе“ [1]).

Что отвѣчалъ д'Аламберъ Екатеринѣ на этотъ вопросъ, и какими предѣлами онъ ограничивалъ путь компромиссовъ,

---

[1]) Тамъ же, стран. 295—296.

на который готовилась вступить монархиня,— неизвѣстно; но можно подозрѣвать, что легкость морали творцовъ энциклопедіи дала себя знать и въ этомъ случаѣ: д'Аламберъ долженъ былъ скорѣе наталкивать Екатерину по скользкому пути компромиссовъ на сдѣлки съ совѣстью, чѣмъ воздерживать ее отъ этого, уже въ силу присущаго энциклопедистамъ цинизма воззрѣній на жизнь и человѣка. Можно даже пожалѣть, что за разрѣшеніемъ такихъ вопросовъ Екатерина обращалась къ французскимъ философамъ: ведя борьбу противъ грубости нравовъ и невѣжества современнаго ей общества, она въ то же время должна была, въ видахъ гуманности и пользы человѣчества, быть насторожѣ и отъ самихъ философовъ, стоявшихъ во главѣ умственнаго движенія вѣка. Въ этомъ смыслѣ, можетъ быть, митрополитъ Платонъ былъ не совсѣмъ неправъ, высказавшись открыто противъ сношеній Екатерины съ энциклопедистами, чѣмъ вызвалъ самооправданіе императрицы[1]).

Темныя стороны вліянія Вольтера и другихъ философовъ на Екатерину и современное ей русское общество уже установлены съ достаточною ясностью[2]). Тѣ дѣйствія Екатерины, которыя подвергаются порицанію въ настоящее время, совершенно оправдались духомъ и направленіемъ философіи XVIII в., и, наоборотъ, эта же философія была противъ гуманныхъ мѣръ, которыя желала провести императрица въ началѣ своего царствованія. Стремленіе императрицы освободить крестьянъ встрѣтило противодѣйствіе со стороны тѣхъ же философовъ, сошедшихся въ этомъ случаѣ во взглядахъ съ ярыми крѣпостниками Екатерининской эпохи. Простой народъ, по ихъ мнѣнію, „должно школить какъ медвѣдей“; „разумъ восторжествуетъ, но у людей благородныхъ, канальи (sic!) созданы не для него“; „нужно разрушить суевѣріе у благородныхъ людей и оставить канальямъ“; „народъ — это быки, которымъ нужно ярмо, гоищикъ и кормъ“; мало того, они думали, что освободить или не освобождать крестьянъ составляетъ право помѣщиковъ, а отнюдь не императрицы[3]). Такія воззрѣнія „передовыхъ людей“ не могли,

---

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. XIII, стран. XVIII.

[2]) Незеленовъ, „Николай Ивановичъ Новиковъ“; его же „Литературы въ Екатерининскую эпоху“ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1884 г., т. XVI.

[3]) Историческій Вѣстникъ 1884 г., т. XVI, стран. 256—259.

разумѣется, не смущать Екатерины, уже предчувствовавшей сопротивленіе дворянства и смягчившей, вслѣдствіе того, первоначальную редакцію „Наказа“. Но и въ средѣ Комиссіи Уложенія мысли Екатерины объ освобожденіи крестьянъ не встрѣтили сочувствія, напротивъ, „отъ дворянства, купечества и духовенства послышался дружный и страшно-печальный крикъ: „рабовъ!“[1]). Какъ недовольна была Екатерина этимъ трогательнымъ единодушіемъ между французскими философами и русскими крѣпостниками, видно изъ слѣдующей записки ея, сохранившейся въ государственномъ архивѣ: „если крѣпостного нельзя признать персоною, слѣдовательно онъ не человѣкъ; но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славѣ и человѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ. Все, что слѣдуетъ о рабѣ, есть слѣдствіе сего богоугоднаго положенія и совершенно для скотины и скотиною дѣлано“[2]). „Умоначертаніе“ народное высказалось и въ вопросѣ о пыткѣ. Хотя въ „Наказѣ“ Екатерина и осудила пытку, но гласно отмѣнить ее не рѣшилась, разославъ только секретное предписаніе губернаторамъ не употреблять ея въ дѣлахъ, доходящихъ, до пытки. Указъ Екатерины объ уничтоженіи пытки, уже написанный, встрѣтилъ такое сопротивленіе, что она должна была ограничиться одною только этою мѣрой. Въ извѣстной біографіи Сиверса разсказывается, „что сенаторы, министры стали говорить, что теперь никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ ли станетъ поутру; что ни дома, ни въ постели не будетъ безопасности отъ злодѣевъ“[3]). Ясно стало для государыни, что мало пользы кричать на улицахъ Константинополя: Магометъ обманщикъ! Но, увидѣвъ, что почва, на которой она хотѣла посѣять добрыя сѣмена реформы, оказалась неудобной для посѣва, Екатерина не потерялась: она задумала произвести, по выраженію Соловьева, удобреніе почвы посредствомъ нравственно-политическаго развитія народа. Для этой цѣли, какъ мы сказали выше, она и обратилась къ журналистикѣ, хотя и здѣсь должна

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XXVII, стран. 121.

[2]) Тамъ же, стран. 329, въ „Примѣчаніяхъ“.

[3]) Что уничтоженіе пытки въ Екатерининское время, съ юридической точки зрѣнія, не даромъ казалось обществу опасной мѣрой, см. въ статьѣ К. П. Побѣдоносцева „Русскій Вѣстникъ“ 1860 г., т. XXX, стран. 467—471. Объ убійствѣ Жуковыхъ.

была дѣйствовать съ осторожностью, строго взвѣшивая каждое слово и ограничивая иногда дѣйствіе хорошаго правила: нужно всегда говорить людямъ правду. Зато „Трутень“ и другіе журналы, вызванные Екатериной къ жизни, пользовались, какъ мы увидимъ ниже, самой широкой свободой слова, какой не пользовались почти никогда, ни прежде ни послѣ, русскіе журналы. Благодаря этой свободѣ, журналы эти, преслѣдовавшіе тѣ же просвѣтительныя и общественныя цѣли, какъ и журналъ Екатерины „Всякая Всячина“ разошлись скоро во взглядахъ со „Всячиной“ на средства къ достиженію этихъ цѣлей, и тогда началась полемика, въ которой главнымъ противникомъ „Всякой Всячины“ явился „Трутень“, издаваемый Новиковымъ.

Ради чего же поссорилась „бабушка“ со „внучками?“ чѣмъ объяснить то обстоятельство, что, не сойдясь во взглядахъ на реформы ни съ философами, ни съ Комиссіей, императрица должна была вступить въ борьбу и съ тѣми, которые вполнѣ сочувствовали ея преобразовательнымъ цѣлямъ и, казалось, могли быть только ея союзниками и опорой? Не испытала ли императрица и здѣсь новаго разочарованія при всей искренности и наилучшихъ намѣреніяхъ своихъ литературныхъ противниковъ?

Мы уже видѣли, что высокоофиціозное значеніе „Всякой Всячины“, какъ негласнаго органа главы государства, должно было отразиться и, дѣйствительно, отразилось на характерѣ и тонѣ этого изданія. „Говоря русскимъ о русскихъ“, Екатерина, поневолѣ, должна была быть чрезвычайно сдержанной и осторожной по отношенію къ язвамъ общественнаго быта. Главнымъ же предметомъ ея обличеній были злоупотребленія въ сферѣ дѣйствующаго законодательства и, преимущественно, грубость нравовъ и невѣжество. Вмѣстѣ съ лучшими умами XVIII в., Екатерина думала, что корнемъ всему добру и злу является воспитаніе,— взглядъ столь же крайній, какъ и взглядъ новѣйшаго времени, когда исключительное значеніе стали придавать лишь образованію, смѣясь надъ словами Стародума, что „наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое орудіе дѣлать зло“; питая недовѣріе къ дѣйствительности крутыхъ мѣръ власти противъ зла, которымъ пораженъ весь общественный организмъ, императрица была увѣрена, что злоупотребленія и язва общественнаго быта

будутъ исчезать по мѣрѣ смягченія грубости нравовъ, когда въ порочную среду станутъ проникать свѣтлыя, гуманныя и высоконравственныя идеи; частныя административныя мѣры и журнальныя обличенія проявленій зла, по мнѣнію Екатерины, не достигали своей цѣли, разжигая только личныя страсти, возбуждая недовольство въ обществѣ и мѣшая спокойному обсужденію вопросовъ. Преслѣдуя общія, воспитательныя цѣли, „Всякая Всячина“ предполагала только „изрѣдка касаться пороковъ, чтобы тѣмъ подъ примѣромъ какимъ не оскорблять человѣчества; но, располагая свои другимъ наставленія, поставлять примѣръ въ лицѣ человѣка украшеннаго различными совершенствами, т.-е. добронравіемъ и справедливостью... присоединять къ тому пользы, изъ того проистекающія, и сладкое сіе удовольствіе, какое чувствуетъ хранящій добродѣтель... Вотъ славный способъ исправляти слабости человѣческія!“ [1]).

Характеръ журнала опредѣлился уже въ первыхъ его выпускахъ: съ одной стороны, помѣщено было въ нихъ довольно злое стихотвореніе, направленное противъ дворянскихъ предразсудковъ, а съ другой — статья, содержаніе которой является отвѣтомъ на вопросъ: „къ чему служатъ законы, когда нравы испорчены“.

Такая односторонняя, узкая программа „Всякой Всячины“ при свободѣ „говорить русскимъ о русскихъ“ разумѣется, не могла быть усвоена другими журналами: издатели ихъ не были въ томъ фальшивомъ и стѣсненномъ положеніи, въ какомъ находился издатель „Всякой Всячины“, а въ цѣляхъ Екатерины было очень желательно, чтобы они говорили то, чего не могла сказать она по своему высокому положенію. Въ то же время издатели журналовъ 1769 г., и въ особенности Новиковъ, не раздѣляли увлеченія императрицы идеей исправленія язвъ общественныхъ путемъ воспитанія, не зная о трудности положенія государыни, возлагали, можетъ-быть, слишкомъ пылкія надежды на возможность этого исправленія дѣйствіемъ власти, мѣрами законодательными, не могли они также понять, какъ можно, говоря о злѣ, не указывать частныхъ его проявленій въ жизни, такъ какъ только такимъ образомъ можно было создать правильное представленіе и о

[1]) „Всякая Всячина“, въ письмѣ Добросовѣтова (стран. 213—215).

свойствахъ зла и о размѣрахъ его. Самая увѣренность тона, крайняя сдержанность и терпимость „Всякой Всячины“, исходившая изъ свойствъ положенія и личнаго характера императрицы, производили непріятное впечатлѣніе на ея собратьевъ по журналистикѣ — въ эпоху, о которой сама Екатерина писала впослѣдствіи: „мысли и умы, долго были угнетены подъ тяжестью тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались, а накопленная вода стекаетъ до тѣхъ поръ, пока, не осушивъ дна, онаго не откроетъ“[1]). Нѣтъ ничего страннаго, значитъ, въ томъ, что, почти тотчасъ по рожденіи, „внучата“ объявили „бабушкѣ“ войну, въ которую она, однако, вступила съ видимой неохотой; зная великодушіе „бабушки“, не будемъ также удивляться, что къ брани и оскорбленіямъ, какими осыпали ее возмутившіеся „внучата“, она отнеслась съ тѣмъ же спокойствіемъ и тою же терпимостью, которыя и послужили поводомъ къ раздору[2]).

Любопытны подробности этой замѣчательной полемики какъ по важности ея историческаго значенія, такъ и по вопросамъ, затронутымъ ею, о хищеніяхъ разнаго рода, съ соблюденіемъ или безъ соблюденія законныхъ формъ, о связи этихъ хищеній съ состояніемъ общества и государства и, наконецъ, о мѣрахъ къ ихъ искорененію. Въ связи съ этимъ впервые въ русской литературѣ былъ поднятъ и принципіальный вопросъ: является ли улучшеніе нравственныхъ свойствъ общества слѣдствіемъ коренныхъ измѣненій въ учрежденіяхъ и законодательствѣ, или наоборотъ, не должны ли эти измѣненія совершаться лишь по мѣрѣ развитія народной нравственности и въ строгомъ соотвѣтствіи съ нею. Припомнимъ, что этотъ же вопросъ, по поводу рѣчи Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ, вызвалъ рядъ тенденціозныхъ толкованій и въ современной литературѣ, хотя, казалось бы, въ настоящее время нельзя не признать самой постановки вопроса не совсѣмъ правильной въ такой рѣзкой, категори-

---

[1]) „Сочиненія Екатерины II“, т. III, стран. 12.

[2]) Указанія на эти крайне непривличныя выходки „внучатъ“ находятся, между прочимъ, и въ статьѣ г. Тимоѳеева: „Образцы журнальной полемики прошлаго вѣка“ „Истор. Вѣстникъ“, сентябрь 1887 г. Авторъ, къ сожалѣнію, проглядѣлъ значеніе этихъ выводовъ для характеристики Екатерины. Слѣдуя Пекарскому и г. Незеленову онъ относитъ эту брань вообще къ редакціи „Всячины“, забывая, что „внучата“ отлично знали, кто стоитъ во главѣ этой редакціи.

ческой формѣ: истина, безспорно, находится между двумя этими противорѣчивыми мнѣніями, не нуждаясь для своего торжества ни въ „реакціонныхъ“ ни въ „либеральныхъ“ кличкахъ и измышленіяхъ. Исторія не знаетъ кабинетной прямолинейности, навязываемой ей теоретиками: запутанныя и сложныя комбинаціи общественной жизни, по извѣстному сравненію, это тѣ же морскія волны, изъ которыхъ однѣ несутся сплошными, но темными массами, а другія, поверхностныя и пѣнистыя, вздымаются вѣтромъ, въ направленіи иногда противоположномъ главному теченію... Мысль исторіи познается не въ отдѣльныхъ историческихъ фактахъ, а въ цѣлостной ихъ совокупности.

Съ самаго начала изданія „Всякой Всячины“ Екатерина не только сама избѣгала столкновеній на журнальномъ поприщѣ, но, сознавая высокое значеніе печатнаго слова[1]) и имѣя въ виду лишь достиженіе намѣченной просвѣтительной цѣли, заботилась также о томъ, чтобы и другіе журналы „хранили между собой не нарушимую дружбу и согласіе вѣчное“. Такъ, послѣ легкой размолвки, происшедшей между „Всякой Всячиной“ и „Ни то ни сё“, она спѣшила уничтожить въ самомъ корнѣ источникъ размолвки. „Объявляемъ нашимъ корреспондентамъ, писала она во „Всякой Всячинѣ“, добровольно, непринужденно, въ удовольствіе публики, что ни единое такое письмо, ни сочиненіе не будетъ болѣе имѣть мѣста во „Всякой Всячинѣ“, изъ котораго бы могли родиться споры и брани съ прочими издаваемыми листами; совѣтую притомъ, по праву старшинства, и поколѣнію „Всякія Всячины“ отложити всѣ домашнія распри, и только единственно упражняться довольствовати читателей пріятными и полезными задатками“[2]). Корреспонденты „Всякой Всячины“ и впослѣдствіи, однако, подали поводъ къ возбу-

[1]) „О печать! Конечно, самъ Богъ просвѣтилъ того человѣка, кто тебя выдумалъ. Тобою сохраняются описанія великихъ дѣлъ человѣческихъ; тобою летаютъ мысли генія отъ востока до запада, отъ полудня до полуночи; ты истребляешь вредныя роду человѣческому предразсужденія, тобою открывается истина; тобою изъ примѣровъ научаются цари царствовать, министры охранять отечество, полководцы искусству воинскому, судьи разысканію правды. Колико споспѣшествуешь ты людямъ ко благополучію!...“ „Всякая Всячина“, стран. 117—118.

[2]) Тамъ же, стран. 97—98. Всѣ редакціонныя статьи, по нашему мнѣнію, если не писаны императрицей, то, несомнѣнно, внушены ею, какъ главнымъ редакторомъ; вотъ почему, не говоря уже о другихъ основаніяхъ, мы и приписываемъ ихъ ей.

жденію полемики между журналами, на этотъ разъ болѣе серьезной по своему содержанію и характеру. Нужно сказать, что уже во второмъ листѣ своего журнала, для успѣха своего дѣла, Екатерина сочла необходимымъ обратиться за содѣйствіемъ къ обществу: ...„можетъ статься, объявила она, иногда разные люди пожелаютъ намъ сообщить свои мнѣнія, сочиненія или переводы, либо подать намъ совѣты, или имѣть съ нами переписку для внесенія чего-либо въ наши листы съ приложеніемъ имени своего *или безъ имени*: то дабы способствовать каждому изъ нихъ въ отысканіи нашихъ жилищъ, мы симъ объявляемъ, что на почтовомъ дворѣ приняты будутъ пакеты съ надписью: Господину сочинителю „Всякія Всячины“... Мы же обѣщаемъ вносити въ наши листы все то, что насъ не введетъ въ тяжбу съ благочиніемъ, лишь бы оно чуть сносно было написано; ибо подъ заглавіе „Всякая Всячина“ все годится какъ стихи, такъ и проза“ [1]). Такое приглашеніе, разумѣется, не могло пройти безслѣдно: чрезъ двѣ недѣли редакція „Всякой Всячины“ сообщила уже объ огромномъ количествѣ полученныхъ ею писемъ [2]). Безъ сомнѣнія, содержаніе этихъ писемъ не могло въ высокой степени не интересовать государыни: письма эти должны были служить ей однимъ изъ источниковъ для знакомства съ состояніемъ русскаго общества. Касаясь сначала преимущественно литературныхъ и моральныхъ вопросовъ, авторы писемъ, по мѣрѣ уясненія „Всякой Всячины“ своей программы, не могли не затронуть потомъ и тѣхъ темныхъ сторонъ русскаго общества, которыя въ значительной степени зависѣли отъ недостатковъ въ строѣ государственныхъ учрежденій; жаловались, главнымъ образомъ, на хищенія и злоупотребленія чиновниковъ вообще и на неправосудіе въ частности. Сама императрица установила въ своемъ журналѣ вѣрную точку зрѣнія на хищенія вообще: „*Какъ бы подароковъ не называли, все они суть покрываломъ подкупа.* Честный человѣкъ всегда глядитъ на сіе, какъ на вящшую неправду, и будетъ доволенъ малымъ достаткомъ, честно пріобрѣтеннымъ, чѣмъ большимъ, который составленъ изъ притѣсненія и грабительства“ [3]). Государыня не могла, однако,

---

[1]) Тамъ же, стран. 16.
[2]) Тамъ же, стран. 33.
[3]) Тамъ же, стран. 100.

быть довольной характеромъ и тономъ присылаемыхъ ей обличеній: корреспонденты ея вовсе не думали разсуждать о злѣ вообще, съ отвлеченной точки зрѣнія, а указывали, большею частію, на частные факты злоупотребленій, производимыхъ тѣми или другими лицами. Иного трудно было и ожидать: съ одной стороны, выяснить свойства и размѣры зла можно только при изученіи его проявленій, а съ другой — развѣ нельзя допустить, что цѣли многихъ корреспондентовъ, не любившихъ пускаться въ умозрѣнія, были только самыя практическія: довести до свѣдѣнія „кого слѣдуетъ“ о творившихся тамъ и сямъ „вящихъ неправдахъ“, особенно въ виду слуховъ, что во „Всякой Всячинѣ“ принимаетъ участіе сама Екатерина? Письма такихъ корреспондентовъ должны были поставить державнаго редактора „Всякой Всячины“ въ затруднительное положеніе; онъ обѣщалъ печатать въ своемъ журналѣ присылаемыя ему сообщенія, а между тѣмъ не имѣлъ возможности ни поручиться за ихъ достовѣрность, ни провѣрить ихъ; можетъ быть такъ же, что авторы этихъ сообщеній, вообще не отличаясь, при разсказѣ о злоупотребленіяхъ, особою мягкостію тона и сдержанностію выраженій, не чужды были даже въ увлеченіи негодованія и преувеличеній; если, наконецъ, припомнимъ, что корреспондентамъ дозволено было императрицей присылать свои письма даже „и безъ имени“, то врядъ ли ошибемся, сказавъ, что нѣкоторыя изъ этихъ писемъ были просто анонимными доносами. Будемъ ли мы винить Екатерину за то, что она сочла эти письма за „дурную сатиру“, которая, „не умѣвъ шутить въ длину и поперекъ, разсужденіями своими падаетъ всегда на особы. Она задираетъ порочнаго, а не пороки?“ [1]). До какой степени Екатеринѣ претило всякое „задѣваніе особъ, что по чужестранному персоналитетъ называется“, видно, напр., изъ того, что совершенно невинное письмо одного корреспондента, описывавшаго литературныя занятія своего пріятеля, она обѣщала напечатать тогда только, когда тотъ „хотя одною строкою увѣритъ, что его извѣстный пріятель не осердится за внесеніе присланнаго имъ письма во „Всякую Всячину“ [2]). Каковы бы, впрочемъ,

[1]) Тамъ же, стран. 101.

[2]) Тамъ же, стран. 104. Письмо это, по представленіи желаемаго увѣренія, и было потомъ напечатано во „Всякой Всячинѣ“.

ни были тенденціи присылаемыхъ въ редакцію „Всякой Всячины“ сообщеній, Екатерина не могла печатать всѣ сообщенія уже по многочисленности ихъ, а также, главнымъ образомъ, по крайнему разнообразію ихъ содержанія: „ни изъ чего не можно такъ узнать, писала она, различія мнѣній, кои бродятъ сквозь понятія рода человѣческаго, какъ изъ великаго числа писемъ и сочиненій, кои къ намъ почти еженедѣльно присылаются“ [1]). Для государыни стало ясно, что для успѣха журнальной работы, предпринятой ею, необходимо сосредоточить вниманіе всѣхъ своихъ собратовъ по журналистикѣ на обсужденіи извѣстныхъ разъ поставленныхъ вопросовъ, и что рѣшеніе ихъ возможно только путемъ серьезной, разумной полемики. Поэтому, заявивъ во „Всякой Всячинѣ“ о сказавшемся „различіи мнѣній“, Екатерина, измѣняя прежнему своему намѣренію не допускать споровъ въ журналистикѣ, въ томъ же выпускѣ своего журнала помѣстила слѣдующее письмо: ...„Спорить, по моему мнѣнію, не говорить тамъ да, гдѣ кажется должно сказать нѣтъ; слѣдовательно, это знакъ не льстеца, да и не труса... Извольте, г. сочинитель (т.-е. редакторъ), также князья, графы, дворяне, мѣщане [2]), старики, середовичи, молодые, всякаго рода люди обоего пола, и вы, листа на полтора тамъ и сямъ прочетшіе господа, кончащіеся на сты, т.-е. волтеристы, гельвецисты и прочіе,— извольте со мною спорить обо всемъ, о чемъ хотите, разумѣю я, кромѣ тѣхъ пунктовъ, о которыхъ въ цѣломъ свѣтѣ публично спорить запрещаютъ. Извольте, я начинаю. Но чтобы придать важности моимъ спорамъ, беру матерію философическую. Я утверждаю, что *человѣкъ свободенъ, т.-е. непринужденъ обстоятельствами дѣлать то, а не другое.* А инако правъ былъ бы судья, который послѣднее пропитаніе у челобитчика отымаетъ; также и тотъ, который съ челобитчиками какъ съ своими рабами обходится. Не былъ бы виноватъ и тотъ сержантъ, который, не растолковавъ солдату, какъ дѣлать на караулъ, ударовъ трисота влѣпитъ ему въ спину за то, что онъ не такъ дѣлаетъ... Вотъ государи и государыни мои, на первый случай вамъ задача, извольте противъ меня спорить, а я со всею охотою моею отвѣчать буду“. Но,

[1]) Стран. 111 „Всякой Всячины“.
[2]) Характерное умолчаніе про духовенство и крестьянство.

открывая этимъ письмомъ страницы своего журнала для полемики по общественнымъ вопросамъ, Екатерина сочла нужнымъ еще разъ уяснить свой взглядъ на полемику: „Сему нашему корреспонденту,— прибавляетъ она въ редакціонномъ „Примѣчаніи“ къ его письму,— въ помощь приведемъ здѣсь правило старинаго мудреца, который произрекъ тако: спорить должно не горячась, а противорѣчить и противорѣчія терпѣть безъ сердца; мы же прибавляемъ къ сему отъ себя — и безъ брани“ [1]). Золотое правило, малую примѣнимость котораго къ практикѣ увы! пришлось на опытѣ испытать самому державному полемизатору!...

Тезисъ, поставленный во „Всякой Всячинѣ“ для обсужденія: „я утверждаю, что человѣкъ свободенъ, т.-е. не принужденъ обстоятельствами дѣлать то, а не другое“, очевидно, есть перифразъ основной мысли Екатерины, что нужно сначала возвысить нравственный уровень народа, а потомъ уже совершить измѣненія и въ „обстоятельствахъ“, т.-е. учрежденіяхъ. „Если къ должностямъ,— писала она ранѣе,— употребляемы будутъ люди съ воспитаніемъ и сознаніемъ, менѣе услышимъ о корыстолюбіи“ [2]). При обсужденіи этого тезиса, конечно, не могло остаться невыясненнымъ, что извѣстный строй и характеръ учрежденій, если даже, дѣйствительно, не можетъ совратить съ пути истины честнаго дѣятеля, можетъ зато дать широкій просторъ злоупотребленіямъ дѣятелей порочныхъ и деморализующимъ образомъ вліять на массу соприкосновенныхъ лицъ съ слабой волей и съ неустановившимися нравственными воззрѣніями. Можно и должно было заботиться о просвѣщеніи народа, но должно было въ то же время измѣнить тѣ государственныя учрежденія, подъ покровомъ которыхъ совершались беззаконныя дѣянія, своею безнаказанностью оскорблявшія народную нравственность и тѣмъ парализовавшія благія мѣры Екатерины къ „исправленію нравовъ“. Вопреки мнѣнію Екатерины, „обстоятельства“, т.-е. институтъ крѣпостного права, равно какъ и духъ чиновничества и бюрократическаго порядка вещей, даже при свободѣ человѣка дѣлать то, а не другое, „дѣлали правымъ и судью, который послѣднее пропитаніе у челобитчика отымаетъ, и того, который съ челобитчиками какъ своими рабами обра-

[1]) „Всякая Всячина“, стран. 118—120.
[2]) „Всякая Всячина“, стран. 100.

щается". Оттого нельзя не сочувствовать журнальнымъ противникамъ Екатерины, которые цѣлымъ рядомъ сообщеній свидѣтельствовали о беззаконныхъ дѣйствіяхъ органовъ верховной власти, какъ нельзя винить и государыню, предпочитавшую на журнальномъ полѣ, сообразно съ условіями своего положенія и съ свойствами своего характера, вмѣсто частныхъ суровыхъ обличеній, стремиться къ уничтоженію зла въ самомъ его корнѣ; если можно сожалѣть, что Екатерина ошибалась въ опредѣленіи корня зла, то трудно согласиться и съ противниками ея, видѣвшими лѣкарство отъ хищеній и неправосудія, главнымъ образомъ, въ суровой карѣ виновниковъ злоупотребленій. Такова, намъ кажется, точка зрѣнія, съ которой можно, болѣе или менѣе исторически правдиво, судить о полемикѣ, возгорѣвшейся между „Всякой Всячиной" и другими журналами тотчасъ вслѣдъ за провозглашеніемъ тезиса Екатерины и приглашеніемъ къ его обсужденію.

Какъ и слѣдовало ожидать, корреспонденты государыни по-своему поняли ея тезисъ. Если обстоятельства, разсуждали они, не могутъ оправдывать человѣка въ его дурныхъ поступкахъ, то какому наказанію должны быть подвергнуты тѣ, кто, пользуясь своимъ офиціальнымъ положеніемъ, не только не заботится о соблюденіи государственнаго и частнаго интереса, но и дѣйствуетъ во вредъ имъ! Оттого, конечно, и сообщенія, присылаемыя во „Всякую Всячину", не измѣнивъ своего характера, стали еще рѣзче и опредѣленнѣе въ своихъ нападкахъ и обличеніяхъ. Вѣроятно даже, какъ видно изъ послѣдующаго, нѣкоторые изъ корреспондентовъ, не ограничиваясь этимъ, навязывали императрицѣ свои теоріи, касавшіяся управленія государствомъ, хотѣли, какъ послѣ Фонвизинъ, учить ее царствовать. Это раздражило Екатерину и заставило ее категорически отречься отъ солидарности съ авторами обличительныхъ писемъ. Отказываясь напечатать эти письма, она объявила, что содержаніе ихъ относится не къ ея „департаменту" и что, поэтому, она проситъ своихъ корреспондентовъ „не трудиться впредь подобными присылками". „Любовь къ ближнимъ,—объясняла она,—должна простираться болѣе на снисхожденіе и человѣколюбіе, чѣмъ на исправленіе, а кто не имѣетъ любви, а видитъ только пороки, тотъ не способенъ подавать наставленія. Нельзя мѣрить

жизнь на идеальную мѣрку, какъ дѣлаютъ то люди, увѣренные въ непогрѣшимости своихъ доктринъ и изливающіе свою желчь на все окружающее, если оно не укладывается въ излюбленныя ими рамки. Вездѣ люди эти „видятъ пороки тамъ, гдѣ другіе, не имѣвъ такихъ, какъ они, побудительныхъ причинъ, на силу приглядѣть могли слабости, и слабости весьма обыкновенныя человѣчеству. Ибо всѣ разумные люди признавать должны, что одинъ Богъ только совершененъ; люди же смертные безъ слабостей никогда не были, не суть и не будутъ". Доктринеры, по извѣстному правилу fiat justitia, pereat mundus, все готовы принести въ жертву для торжества своихъ идей и тѣмъ „похожи на Калигулу, жалѣвшаго, что родъ человѣческій не имѣетъ одной головы, дабы отрубить ее разомъ". „Нашъ же полетъ, писала Екатерина, на землѣ, а не на воздухѣ, еще менѣе до небеси; сверхъ того, мы не любимъ меланхолическихъ писемъ". Поэтому она просила своихъ корреспондентовъ соблюдать слѣдующія правила: 1) никогда не называть слабости порокомъ; 2) хранить во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе; 3) не думать, чтобъ людей совершенныхъ найти можно было; 4) просить Бога, чтобы намъ далъ духъ кротости и снисхожденія; 5) впредь о томъ никому не разсуждать, чего кто не смыслитъ и 6) никому не думать, что онъ весь свѣтъ можетъ исправить"[1]).

Нигдѣ, по нашему мнѣнію, не сказалась такъ личность великой государыни и не выясненъ такъ рѣзко характеръ ея царствованія со свѣтлыми и темными его сторонами, какъ въ этихъ шести ея правилахъ, ставшихъ не совсѣмъ справедливо предметомъ жестокихъ нападокъ со стороны не только журнальныхъ ея противниковъ, но и современныхъ историковъ литературы. Нѣтъ ни необходимости ни основанія смотрѣть на эти правила, какъ на проявленіе матеріалистической мысли вольтерьянства[2]): они подсказывались ей добрымъ сердцемъ, не допускавшимъ жестокости, и практическимъ, чуждымъ иллюзій умомъ; весьма шаткія при теоретическомъ ихъ обсужденіи, правила эти, какъ мы старались доказать это раньше, вытекали какъ изъ трудныхъ обстоятельствъ внутренняго положенія Россіи Екатерининской эпохи,

[1]) Тамъ же, стран. 139—143.
[2]) Таково мнѣніе г. Незеленова въ его указанныхъ выше статьяхъ.

такъ изъ личныхъ особенностей императрицы. Мысль, что къ слабостямъ людскимъ должно относиться въ духѣ кротости и снисхожденія,— явилась у Екатерины вовсе не потому, что свѣтъ казался ей совсѣмъ не такъ худъ, какъ представляется онъ инымъ людямъ, а наоборотъ, въ силу глубокаго убѣжденія ея въ нравственной испорченности современнаго ей общества и отсюда недовѣрія и къ отдѣльнымъ его представителямъ. Поставленная лицомъ къ лицу съ дѣйствительною жизнью, Екатерина, поэтому, какъ ни уважала людей мысли и науки, но къ теоріямъ ихъ относилась крайне осторожно, никогда не забывая, что ея сфера — земля, т.-е. жизнь, какова она есть, а не воздухъ и небо, какъ называла она кабинетныя умозрѣнія. Читатель, вѣроятно, не посѣтуетъ на насъ, если эти основныя мысли императрицы мы попытаемся иллюстрировать безспорными историческими данными: тогда, можетъ быть, мысли эти вовсе не покажутся ему такою ересью и заблужденіемъ государыни, какими обыкновенно выставляютъ ихъ историки литературы, тѣмъ болѣе, что ихъ держалась она въ теченіе всей своей жизни.

Въ 1767 году за два года до изданія „Всякой Всячины“, въ то время, когда государыня приготовлялась пріѣхать въ Москву для открытія Комиссіи новаго уложенія, прибылъ туда, по приглашенію императрицы, и авторъ извѣстной въ то время книги: „О естественномъ и существенномъ порядкѣ политическихъ обществъ“ Мерсье де-ла-Ривьеръ. Екатерина хотѣла поближе познакомиться съ его политико-экономическою системою и пригласила его въ Россію, обѣщавъ ему за это приличное вознагражденіе. Де-ла-Ривьеръ не долго собирался и, пріѣхавъ въ Москву, по просьбѣ государыни, остался тамъ дожидаться ея пріѣзда. Что же въ ожиданіи дѣлаетъ французскій писатель? „По пріѣздѣ своемъ, разсказываетъ Екатерина 20 лѣтъ спустя графу Сегюру, онъ немедленно нанялъ три смежныхъ дома, тотчасъ же передѣлалъ ихъ совершенно, и изъ переднихъ покоевъ подѣлалъ пріемныя залы, а изъ прочихъ комнаты для присутствія. Философъ вообразилъ себѣ, что я призвала его въ помощь себѣ для управленія имперіею и для того, чтобы онъ могъ сообщить намъ свои познанія и извлечь насъ изъ тьмы невѣжества. Онъ надъ всѣми этими комнатами прибилъ

надписи пребольшими буквами: *департаментъ внутреннихъ дѣлъ, департаментъ торговли, департаментъ юстиціи, департаментъ финансовъ, отдѣленіе для сбора податей и проч.* Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ пригласилъ многихъ изъ жителей столицы, русскихъ и иноземцевъ, которыхъ ему представили, какъ людей свѣдущихъ, явиться къ нему для занятія различныхъ должностей, соотвѣтственно ихъ способностямъ. Все это надѣлало шуму въ Москвѣ, и такъ какъ всѣ знали, что онъ пріѣхалъ по моей волѣ, то нашлись довѣрчивые люди, которые уже заранѣе старались ему поддѣлаться. Между тѣмъ, я пріѣхала и прекратила эту комедію. Я вывела законодателя изъ заблужденія. Нѣсколько разъ я разсуждала съ нимъ о его сочиненіи, и разсужденія его, признаюсь, мнѣ понравились, потому что онъ былъ не глупъ, но только честолюбіе немного помутило его разумъ. Я, какъ слѣдуетъ, заплатила за всѣ издержки, и мы разстались довольные другъ другомъ. Онъ оставилъ намѣреніе быть первымъ министромъ и уѣхалъ довольный, какъ писатель, но нѣсколько пристыженный какъ философъ, котораго честолюбіе завело слишкомъ далеко". Этотъ случай, болѣе похожій на фарсъ, чѣмъ на историческое событіе, показываетъ что Екатерина не даромъ была настороженѣ по отношенію къ теоретикамъ. Другой философъ, знаменитый Дидро, при посѣщеніи своемъ Петербурга, только укрѣпилъ въ ней это чувство: „Я долго съ нимъ бесѣдовала, разсказываетъ императрица, но больше изъ любопытства, чѣмъ съ пользою. Если бы я ему повѣрила, то пришлось бы преобразовать всю мою имперію, уничтожить законодательство, правительство, политику, финансы и замѣнить ихъ несбыточными мечтами. Однако, такъ какъ я больше слушала его, чѣмъ говорила, то со стороны онъ показался бы строгимъ наставникомъ, а я скромной его ученицей. Онъ самъ, кажется, увѣрился въ этомъ, потому что замѣтивъ, наконецъ, что въ государствѣ не приступаютъ къ преобразованіямъ по его совѣтамъ, онъ съ чувствомъ обиженной гордости выразилъ мнѣ свое удивленіе. Тогда я ему откровенно сказала: „Г. Дидро, я съ удовольствіемъ выслушала все, что внушилъ вамъ лишь блестящій умъ. *Но вашими высокими идеями хорошо наполнять книги, дѣйствовать же по нимъ плохо. Составляя планы различныхъ преобразованій, вы забываете различіе нашихъ*

положеній. Вы трудитесь на бумагѣ, которая все терпитъ: она гладка, мягка и не представляетъ затрудненій ни воображенію, ни перу вашему; *между тѣмъ какъ я, несчастная императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая гораздо болѣе раздражительна и разборчива*". Развѣ не составляютъ эти слова Екатерины, обращенныя къ Дидро, разъясненія фразы ея во „Всякой Всячинѣ": „нашъ полетъ на землѣ, а не на воздухѣ, еще же менѣе до небеси"? Въ 1787 году ту же мысль выразила она Сегюру въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „гораздо болѣе узнаешь, бесѣдуя съ простыми людьми о дѣлахъ ихъ, чѣмъ разсуждая съ учеными, которые заражены теоріями и, изъ ложнаго стыда, съ забавною увѣренностію, судятъ о тѣхъ вещахъ, о которыхъ не имѣютъ положительныхъ свѣдѣній. Жалки мнѣ эти бѣдные ученые! Они никогда не смѣютъ сказать: *я не знаю,* а слова эти очень просты для насъ, невѣждъ, и часто избавляютъ насъ отъ опасной рѣшимости. Когда сомнѣваешься въ истинѣ, то лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дурно дѣлать". Понятно теперь, какое значеніе придавала Екатерина 5-му и 6-му правилу „Всякой Всячины": „впредь о томъ никому не разсуждать, чего кто не смыслитъ, и никому не думать, что онъ одинъ весь свѣтъ исправить можетъ". Какъ впослѣдствіи сказала она Дидро, она живо представляла себѣ разницу между трудомъ на бумагѣ и работою на человѣческой кожѣ, слишкомъ чувствительной для того, чтобы можно было съ легкимъ сердцемъ производить надъ ней эксперименты для провѣрки тѣхъ или другихъ теорій, какъ бы заманчивы на видъ они ни были. Живо интересуясь научной и литературной разработкой общественныхъ и политическихъ вопросовъ, Екатерина и мнѣніями писателей пользовалась съ тѣмъ же пониманіемъ жизни и тѣмъ же здравомысліемъ, съ какимъ принимала она мнѣнія по разнымъ вопросамъ и окружавшихъ ее государственныхъ людей. „Смѣлость ума одного, писала Екатерина Гримму, и умѣренная осторожность другого — и ваша покорная слуга, выступающая курцъ-галопомъ между ними, придавали изящество и мягкость дѣламъ важности величайшей"...

Такимъ же „курцъ-галопомъ" проходила иногда императрица между требованіями высшей правды, съ одной стороны, и неказистыми сторонами русской государственной

жизни ея времени — съ другой. Убѣдившись въ нравственной испорченности русскаго общества, Екатерина проявляла „матерное милосердіе“ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ слабости и злоупотребленія отдѣльныхъ лицъ казались ей неизбѣжнымъ зломъ, вытекавшимъ изъ государственнаго и общественнаго строя. На ряду съ этимъ взглядомъ государыни слѣдуетъ поставить ея женственную доброту, сердечную гуманность и по истинѣ царственную деликатность, „и въ злодѣѣ видѣвшей человѣка“; стоитъ прочесть нѣкоторыя изъ записокъ современниковъ Екатерины, чтобы привести массу случаевъ, въ которыхъ проявлялись эти ея качества. „Что сдѣлаетъ одинъ, то, навѣрное, сдѣлаетъ и всякій другой на его мѣстѣ“ — вотъ мысль, на которой основывалась Екатерина, рекомендуя во „Всякой Всячинѣ“ „духъ кротости и снисхожденія“ по отношенію къ слабостямъ человѣческимъ. Замѣтимъ, что справедливость этой мысли Екатерины, спустя полвѣка, признавалъ и внукъ ея, императоръ Александръ I: въ интимной бесѣдѣ своей съ де-Сангленомъ, давая ему порученіе, государь прямо заявилъ, что хотя ему и извѣстна недобросовѣстность многихъ изъ окружающихъ его лицъ, но замѣнить ихъ другими онъ боится: „эти уже нажились, объяснилъ онъ, и потому не будутъ такъ жадны, какъ вновь назначенные, которымъ только предстоитъ наживаться“. Теперь, конечно, можно доказать, что причина такого безотраднаго порядка вещей коренилась не въ нравственной испорченности общества, а гораздо глубже — въ чиновничествѣ, сплошной стѣной отдѣлявшаго со временемъ Петра самодержавнаго монарха отъ массы глубоко ему преданнаго, но большей частію закрѣпощеннаго народа. „Россія“, говоритъ современникъ Екатерины, кн. Щербатовъ, и не яко другія страны, гдѣ правительство тщится обнаружить свои операціи предъ народомъ; но о самыхъ вещахъ, касающихся непосредственно до народа, въ совершенной тайнѣ сіе содержитъ. Что я говорю о народѣ? *Самыя таковыя дѣла главному правительству не извѣстны, а знаетъ только тотъ, кому они препоручены. А почему правительство такой повѣренной особѣ сопротивляться не можетъ, самыя операціи его зависятъ отъ хотѣнія того;* народъ пребываетъ въ невѣдѣніи и въ неудовольствіи, иногда и понапрасну; желающіе научиться — способа

не имѣютъ, размышленія остановлены, ошибки или злоупотребленія неисправляемы остаются, и ошибку ошибкою и зло зломъ, яко бы для поправленія, уничтожаютъ". Такой порядокъ, разумѣется, не соотвѣтствовалъ понятію о царской власти, созданному народомъ. Самодержавный русскій царь является, по его воззрѣнію, олицетвореніемъ „высшей правды", и власть царская должна быть неограниченною по всему лицу русской земли: и старшій членъ царской семьи, и послѣдній крестьянинъ одинаково его слуги, его подданные; оттого и всѣ власти въ Россіи, большія или малыя, суть лишь постольку власти, поскольку онѣ служатъ выраженіемъ воли самодержавнаго государя, носителя и божеской и человѣческой правды; могли быть народныя возмущенія противъ злоупотребленій помѣщиковъ или чиновниковъ, но никогда не противъ власти царя: бунтъ декабристовъ, стремившихся, по западнымъ образцамъ, къ ограниченію самодержавія, былъ, пора сказать это, послѣднимъ проявленіемъ духа той части служилаго дворянства, которая привыкла въ XVIII в. вершить судьбу Россіи путемъ переворотовъ. Что Екатерина понимала и значеніе самодержавія и характеръ несовмѣстнаго съ самодержавіемъ зла, указаннаго Щербатовымъ, видно изъ „Секретнѣйшаго Наставленія", даннаго ею еще за пять лѣтъ до изданія „Всякой Всячины", въ 1764 году, князю Вяземскому, при опредѣленіи его въ генералъ-прокуроры. „Всѣ мѣста (правительственныя), пишетъ она, и самый Сенатъ вышли изъ своихъ основаній разными случаями, какъ неприлежаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіями. Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ, почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ что и мнѣ случилось слышать въ Сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ Сенатъ представить, до чего, однакоже, я тогда не допустила, но говорила господамъ присутствующимъ, что имъ радоваться надлежитъ, что законъ исполняютъ. Чрезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ они пришли въ толь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе

позабыли, которымъ повелѣвается: противъ сенатскихъ указовъ, естьли оные не въ силѣ законовъ, представлять въ Сенатъ, а напослѣдокъ и къ намъ. *Рабольпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется; одна форма лишь канцелярская исполняется, и обдумать еще и нынѣ прямо не смѣютъ, хотя въ томъ часто интересъ государственный страждетъ.* Сенатъ же вышелъ единожды изъ своихъ границъ, и нынѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку, въ которомъ ему быть надлежитъ. Можетъ быть, что и для любочестія инымъ чинамъ прежніе примѣры прелестны, однакожъ, покамѣстъ я живу, то останется какъ долгъ велитъ. Россійская имперія есть столь обширна, что, кромѣ самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей; ибо всѣ прочія медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣютъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, *имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитающаго общее добро своимъ собственнымъ; а другіе всѣ, по слову евангельскому, наемники суть*". Въ 7-мъ пунктѣ „Наставленія" Екатерина такъ отзывается о канцеляріяхъ и, въ частности, о сенатской канцеляріи: „Труднѣе всего вамъ будетъ править канцеляріей сенатской и не быть подчиненными обману. Сію мелкость яснѣе вамъ чрезъ примѣръ представлю. Французскій кардиналъ де Ришелье, сей премудрый министръ, говорилъ, что ему менѣе труда править государствомъ и Европу вводить въ свои виды, нежели править королевскою антикамерою, *понеже всѣ праздноживущіе придворные* ему противны были и *препятствовали его большимъ видамъ своими низкими интригами.* Одинъ для васъ только способъ остается, котораго Ришелье не имѣлъ: перемѣнить всѣхъ сомнительныхъ и подозрительныхъ безъ пощады". Но и этотъ „единственный способъ" рѣдко примѣнялся Екатериною на практикѣ: какая выгода была замѣнять однихъ „сомнительныхъ и подозрительныхъ" другими, тоже, по ея мнѣнію, „сомнительными и подозрительными"? Чтобы „утвердить души не слѣдовать худымъ примѣрамъ" и чтобы не закрывать окончательно доступа къ себѣ правдѣ, Екатерина прибѣгала иногда къ оригинальнымъ средствамъ. Такъ по преданію, передаваемому академикомъ Гротомъ, Екатерина,

назначивъ на мѣсто Державина своимъ статсъ-секретаремъ Трощинскаго, „на первомъ же докладѣ, прежде всего, дала ему прочесть бумагу о пожалованіи ему 1700 крестьянъ. Тронутый докладчикъ бросился къ ногамъ своей благодѣтельницы. На вопросъ его, чѣмъ онъ заслужилъ такую милость, Екатерина будто бы отвѣчала: „Я слышала о вашей честности; на новомъ мѣстѣ вы встрѣтите много искушеній, а я хочу, чтобы вы оставались честны". До тѣхъ поръ у Трощинскаго было де не болѣе 30 душъ крестьянъ. Извѣстно такъ же, какъ дорожила она Храповицкимъ и Державинымъ, въ честности которыхъ была увѣрена, закрывая вслѣдствіе этого глаза на другія ихъ „слабости". Нельзя думать, чтобы великая государыня, полная самыхъ возвышенныхъ стремленій ко благу своего народа, горячо любившая Россію и трудившаяся для нея всю свою жизнь, не скорбѣла о необходимости попускать до времени неправду; безъ сомнѣнія, она утѣшала себя мыслію, что выступая „курцъ-галопомъ", она добьется уничтоженія неправды въ самомъ ея корнѣ. Дѣйствительно, она успѣла многое совершить на этомъ пути: дарованіемъ правъ дворянству и городскому сословію она открыла дорогу, сдѣлала необходимымъ и освобожденіе крестьянъ, а „Учрежденіемъ о губерніяхъ", въ связи съ другими своими актами, провозвѣстила важность земскаго начала въ управленіи, призваннаго, наконецъ, къ жизни незабвеннымъ императоромъ Александромъ II.

Если и теперь, спустя слишкомъ сто лѣтъ, имѣя подъ руками безспорныя историческія данныя, чтобы судить о трудномъ положеніи императрицы Екатерины II, мы можемъ, какъ и она сама, лишь съ чувствомъ гнетущей скорби помириться съ мыслію о былой необходимости, хотя бы временно, терпѣть злоупотребленія и хищничества всякаго рода, — то какъ бы могли воспитать въ себѣ „духъ кротости", по отношенію къ нимъ, современники Екатерины, бывшіе непосредственными свидѣтелями или жертвами разнаго рода государственныхъ настроеній? Разсуждая по человѣчеству, говоритъ одинъ изъ журналовъ 1769 года, думаю, что нельзя не застонать и за то мѣсто не хвататься рукою, гдѣ крѣпко болитъ.

Шумигорскій.

Въ чемъ же состояла сущность столкновенія, представляющаго такое оригинальное явленіе въ исторіи нашей литературы? Объясненія историковъ были до сихъ поръ не совсѣмъ удовлетворительны. Существенная разница взглядовъ „Всякой Всячины“ и „Трутня“, заключалась въ томъ, что первая вообще смотрѣла на общественные недостатки гораздо болѣе снисходительно, чѣмъ второй: кричатъ о порокахъ — но это только „слабости“, требуютъ кары нарушителямъ справедливости — но не слѣдуетъ же забывать милосердія, бранятъ лихоимцевъ и ябедниковъ — но пусть не искушаютъ лихоимцевъ тѣ, кто даетъ имъ взятки, и пусть люди живутъ мирно, чтобы не давать пищи ябедѣ, и т. п. „Трутень“ мѣтко отвѣчалъ, что называть порокъ слабостью и требовать къ нему милосердія значитъ сшить изъ милосердія кафтанъ для порока; совѣтъ „не искушать“ лихоимцевъ былъ или страннымъ непониманіемъ, или неумѣстной шуткой, потому что обыкновенное отношеніе лихоимца къ тому, отъ кого онъ получалъ взятку, вовсе не было отношеніе равнаго къ равному, а отношеніе грабителя къ его жертвѣ: странно было бы требовать, чтобы ограбленный „не искушалъ“ грабителя. „Всякая Всячина“ не любила „меланхоліи“, ей хотѣлось, чтобы сатира не шла дальше веселаго смѣха; но та дѣйствительность, о которой говорилъ сатирикъ въ журналѣ Новикова, гораздо больше давала пищи горькому, а не веселому смѣху, и если онъ смотрѣлъ на эту дѣйствительность сколько-нибудь серьезно, то во многихъ вопросахъ, какъ, напр., крѣпостной, не могло быть мѣста для веселыхъ шутокъ. Біографъ Новикова удивительнымъ образомъ объясняетъ, что снисходительная мораль „Всякой Всячины“ есть не что иное, какъ „матеріалистическая мысль вольтеріанства“, что изъ того же вольтеріанства заимствовано и оружіе ея полемики противъ Новикова — софизмъ[1]); но историкъ не объясняетъ, какъ изъ этого вольтеріанства могли проистекать тѣ категорическія осужденія крѣпостного права, которыя находятся въ другихъ писаніяхъ Екатерины, когда она высказывала свои мнѣнія не для печати. Другой историкъ, хотя признаетъ теоретическую несостоятельность идей „Всякой Всячины“, но отвергаетъ объясне-

[1]) Незеленовъ, стран. 164—165.

ніе ихъ волтеріанствомъ: „эти правила, — говоритъ историкъ, — подсказывались императрицѣ добрымъ сердцемъ, не допускавшимъ жестокости, и практическимъ, чуждымъ иллюзій умомъ; весьма шаткія при теоритическомъ ихъ обсужденіи, правила эти... вытекали какъ изъ трудныхъ обстоятельствъ внутренняго положенія Россіи Екатерининской эпохи, такъ изъ личныхъ особенностей императрицы. Мысль, что къ слабостямъ людскимъ должно относиться въ духѣ кротости и снисхожденія, явилась у Екатерины вовсе не потому, что свѣтъ казался ей совсѣмъ не такъ худъ, какъ представляется онъ инымъ людямъ, а наоборотъ, въ силу глубокаго убѣжденія ея въ нравственной испорченности современнаго ей общества и отсюда недовѣрія и къ отдѣльнымъ его представителямъ“ [1]). Тотъ же историкъ объясняетъ, что Екатерина не могла дѣйствовать иначе, чѣмъ она дѣйствовала, что нельзя мѣрить жизнь на идеальную мѣрку, что исторія не знаетъ „кабинетной прямолинейности, навязываемой ей теоретиками“, и т. п., что по этой послѣдней причинѣ она, „поставленная лицомъ къ лицу съ дѣйствительною жизнью, какъ ни уважала людей мысли и науки, но къ теоріямъ ихъ относилась крайне осторожно, никогда не забывая, что ея сфера — земля, т.-е. жизнь какова она есть, а не воздухъ и небо, какъ называла она кабинетныя умозрѣнія“. Историкъ припоминаетъ, напр., какъ недовѣрчиво относилась она къ практическимъ совѣтамъ своихъ философскихъ друзей, о чемъ мы упомянемъ далѣе... Но, обсуждая этотъ вопросъ, историки забываютъ два обстоятельства: во-первыхъ, противорѣчія, въ какія впадала Екатерина съ своими собственными мыслями, и во-вторыхъ то, что едва ли такъ велики были затрудненія, которыя помѣшали бы болѣе полному примѣненію ея теорическихъ началъ прежняго времени. Можно именно думать, что послѣ собранія комиссіи она охладѣла къ самому предпріятію, которому посвятила первые годы своего царствованія; теперь она привыкла къ своему положенію, увидѣла, что не было надобности торопиться съ преобразованіями, которыми она хотѣла ослѣпить Европу, своихъ подданныхъ и которыми, безъ сомнѣнія, искренно ослѣплялась сама; преобразованіями, которыя, между прочимъ, должны

[1]) Шумигорскій, стран. 34.

были, по ея прежнимъ взглядамъ, укрѣпить ея престолъ и которыя теперь, по голосамъ самихъ депутатовъ комиссіи, оказывались не только ненужными въ данную минуту, но и вообще нежелательными. Она впадала, наконецъ, въ столь частую иллюзію правителей, что дѣйствительно государственныя дѣла идутъ какъ слѣдуетъ, что „все обстоитъ благополучно“. Отсюда видимое раздраженіе противъ людей, которые, напротивъ, находили въ этомъ благополучномъ порядкѣ вопіющіе недостатки; она приписывала эти мрачныя картины „чернымъ парамъ и желчи“, совѣтовала просить Бога о духѣ кротости и снисхожденія и убѣждала, чтобы никто не думалъ, что весь свѣтъ можетъ исправить... Это было уже начало того настроенія, когда она нетерпѣливо и уже весьма угрожающимъ образомъ останавливала всякое противорѣчіе, всякую мысль, которая ей не нравилась, когда она дѣлала суровые выговоры за „свободоязычіе“, когда она раздражалась, предполагая, что ее хотятъ „учить царствовать“. Но если она сама вступала на литературное поприще, то всякое разногласіе съ ея мыслями, всякое доказательство въ пользу противнаго мнѣнія, могло получать видъ такого желанія,— хотя бы съ *философской* точки зрѣнія противоположное мнѣніе должно было быть допущено и хотя поэтъ воспѣвалъ, что въ тѣ времена „и знать и мыслить позволяютъ“.

Но зачѣмъ же было въ такомъ настроеніи начинать журналъ и, прямо или косвенно, вызывать къ этому другихъ? Екатерина отличалась живымъ, подвижнымъ умомъ, въ ней пока еще не совсѣмъ прошло возбужденіе временъ „Наказа“; послѣ комиссіи она думала еще работать для нравственнаго воспитанія своихъ подданныхъ, но, по всей вѣроятности, издательница „Всякой Всячины“ не предполагала, что ея затѣя отзовется въ тогдашней литературѣ такими страстными разсужденіями объ общественныхъ вопросахъ, хотя бы въ полузакрытомъ видѣ. Она едва ли ожидала такихъ рѣзкихъ противорѣчій и на первое время выносила ихъ, потому что, во-первыхъ, сама вызвала эту литературу, во-вторыхъ, сама еще недавно писала свои свободолюбивые планы и въ то самое время вела сношенія съ философами... Но въ концѣ концовъ домашняя обстановка взяла верхъ, противорѣчіе задѣвало самую сущность ея политической мудрости и стало образовываться то настроеніе, о которомъ мы говорили, и

которое тѣмъ или другимъ путемъ приводило къ прекращенію непріятныхъ изданій.

Объясняя факты этой литературной эпохи, нѣкоторые изъ ея историковъ[1]), между прочимъ, сильно осуждаютъ французскихъ друзей и корреспондентовъ императрицы, которые, съ одной стороны, предлагали ей свои невыполнимыя теоріи, а съ другой — проповѣдовали величайшее презрѣніе къ народу и, между прочимъ, возставали противъ мысли объ освобожденіи крестьянъ: „стремленіе императрицы освободить крестьянъ встрѣтило противодѣйствіе со стороны тѣхъ же философовъ, сошедшихся въ этомъ случаѣ во взглядахъ съ ярыми крѣпостниками Екатерининской эпохи“[2]). Припоминаютъ пріѣздъ въ Петербургъ Дидро и его бесѣды съ императрицей, которая сказала ему, наконецъ, что его высокими идеями хорошо наполнять книги, но плохо дѣйствовать по нимъ въ жизни. Припоминаютъ разсказъ Сегюра о Мерсье де-ла-Ривьерѣ, политико-экономическомъ писателѣ, котораго Екатерина пригласила въ Россію и который вообразилъ, что она хочетъ поручить ему управленіе Россіей, началъ нанимать и передѣлывать дома для разныхъ департаментовъ своего будущаго управленія, такъ что Екатерина должна была, наконецъ, прекратить эту комедію, заплативъ, конечно, за всѣ его издержки: „онъ уѣхалъ, — разсказывала она Сегюру, — довольный, какъ писатель, но нѣсколько пристыженный, какъ философъ, котораго честолюбіе завело слишкомъ далеко“. Справедливость требуетъ, однако, взглянуть на другую сторону этого дѣла. Если заявленія любезности и уваженія доходили до того, что этихъ людей вызывали въ Петербургъ изъ Парижа, что̀ при тогдашнемъ способѣ путешествій было дѣломъ не легкимъ, приглашенные философы не могли не думать, что ихъ бесѣдами именно желаютъ поучаться, и надо думать, что въ приглашеніи Мерсье де-ла-Ривьера былъ помѣщенъ неосторожный комплиментъ, который и позволилъ

---

[1]) Незеленовъ, Шумигорскій и др.

[2]) Шумигорскій, стран. 21. Тамъ же авторъ полагаетъ, ссылаясь на г. Незеленаго, что „темныя стороны вліянія Вольтера и другихъ философовъ на Екатерину и современное ей русское общество уже установлены съ достаточною ясностью“. Напротивъ, эти вліянія еще далеко не установлены, и самому автору пришлось въ той же книжкѣ расходиться по этому же вопросу съ г. Незеленовымъ.

Любопытно, между прочимъ, что, обличая французскихъ философовъ, наши историки переводятъ слово canaille (простой народъ, чернь) „канальями“.

ему вообразить себя первымъ министромъ въ Россійской имперіи. Во всякомъ случаѣ Дидро и Мерсье были спеціально приглашены въ Петербургъ, какъ раньше приглашали д'Аламбера. Что касается до отзывовъ французскихъ философовъ о русскомъ народѣ, какъ о грубой массѣ, которая еще неспособна была бы пользоваться свободою, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что такія мнѣнія были заимствованы философами отъ самихъ русскихъ: путешествующіе „бояре“, съ которыми они могли встрѣчаться и бесѣдовать, по всей вѣроятности, именно и внушили имъ эти мысли. Съ другой стороны, странно было спрашивать у людей, совершенно не знавшихъ Россіи, ихъ мнѣнія о томъ, какъ должно рѣшать вопросы ея внутренней жизни, именно самые сложные и трудные: мы сами разсказывали иностранцамъ о невѣжествѣ и грубости своего народа, и естественно, что они повторяли то же самое. Наконецъ, историки, такъ строго осуждающіе философовъ, забываютъ, что къ ихъ же числу долженъ быть причисленъ и тотъ Монтескьё, книгу котораго сама Екатерина называла молитвенникомъ для государей: изъ него прямо заимствовано было очень многое, что̀ привлекаетъ восхваленія историковъ въ правительственныхъ идеяхъ императрицы.

Укажемъ, наконецъ, нѣсколько подробностей того времени, освѣщающихъ правительственный опытъ императрицы. До своего воцаренія она довольно долго прожила въ Россіи. Сильный умъ, тонкая наблюдательность рано познакомили ее съ русской жизнью; она замѣчательнымъ образомъ изучила русскій языкъ и хотя писала на немъ не весьма правильно (что̀ всегда сама признавала), но живая рѣчь была ей знакома до такихъ оттѣнковъ, между прочимъ, простонароднаго языка, которые свидѣтельствуютъ о рѣдкой наблюдательности. Теперь она, конечно, старалась, сколько возможно, расширить свое знаніе русской жизни. Въ то время, когда собиралась въ Москву комиссія (1767), она совершила, со свитой тысячи въ двѣ человѣкъ, извѣстное путешествіе по Волгѣ, въ продолженіе котораго, между прочимъ, въ ея придворномъ кругу сдѣланъ былъ переводъ „Велизарія“ Мармонтеля, который во Франціи былъ запрещенной книгой. Вѣроятно, и здѣсь многое было представлено ей съ показной стороны, хотя, конечно, не въ тѣхъ чудовищныхъ размѣрахъ театральной декораціи, какъ послѣ, во время знаменитаго путешествія въ Крымъ. Между прочимъ,

Екатерина могла видѣть при этомъ весь объемъ царственнаго авторитета. Она писала изъ Костромы Панину 15-го мая: „завтра поѣду отселѣ, а иноплеменниковъ (дипломатическій корпусъ) отпущу въ Москвѣ. Они вамъ скажутъ, какъ здѣсь я принята была. Я ихъ всѣхъ не одиножды видѣла въ слезахъ отъ народной радости, а И. Гр. Чернышовъ весь обѣдъ проплакалъ отъ здѣшняго дворянства благочиннаго и ласковаго обхожденія". Казань произвела на нее самое благопріятное впечатлѣніе. „Мы нашли городъ, который всячески можетъ слыть столицей большого царства; пріемъ мнѣ отмѣнной; намъ отмѣнной онъ кажется, коп четвертую недѣлю видимъ вездѣ равную радость, а здѣсь еще отличнѣе. Если бъ дозволили, они бы себя вмѣсто ковра постлали, и въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ мужики свѣчи давали, чтобъ предо мною поставить (!), съ чѣмъ ихъ прогнали. Кутухтой былъ здѣсь не долго". Она умѣла понять чрезвычайное разнообразіе бытовой жизни, которое увеличивало трудности „громаднаго предпріятія нашего законодательства". Отъ нея не ускользнули и многія темныя стороны этой жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ начиналась та добровольная иллюзія, о которой мы выше говорили. По дорогѣ ей подано было больше 600 челобитенъ, и большая часть изъ нихъ подана была помѣщичьими крестьянами и заключала жалобы на тяжкіе поборы отъ помѣщиковъ. Императрица выражала удовольствіе, что такъ какъ не было жалобъ на правительственныя лица, то значитъ, правосудіе было въ порядкѣ. Жалобы на помѣщиковъ были *возвращены* съ подтвержденіемъ, чтобы впредь таковыхъ не подавали; „но, — замѣчаетъ Соловьевъ, — въ Сенатъ съ начала года постоянно приходили извѣстія о крестьянскихъ возстаніяхъ"[1]). Возстанія принимали, наконецъ, именно на уральскихъ заводахъ, такіе размѣры, что нужно было для усмиренія ихъ посылать войска и пускать въ дѣло пушки. Между прочимъ, посланъ былъ сюда человѣкъ разумный, извѣстный А. И. Бибиковъ, съ инструкціей дѣйствовать кроткими мѣрами: онъ успѣлъ возстановить порядокъ, вникнувши въ причины волненій, — но общее положеніе дѣла осталось то же самое, и прошло немного лѣтъ послѣ этихъ волненій, какъ поднялся Пугачевскій бунтъ. Въ своей ближайшей обстановкѣ Екатерина

[1]) Исторія Россіи, XXVII, изд. 2-е, стран. 62—63.

имѣла людей правдивыхъ и знавшихъ положеніе народа; таковъ былъ Бибиковъ, таковъ былъ Сиверсъ и др., но они не имѣли достаточно вліянія. Извѣстія о положеніи народа доходили и изъ другихъ источниковъ, и не мало важныхъ указаній могли представить рѣчи и показанія депутатовъ Комиссіи, но въ той же Комиссіи обнаруживалась и другая сторона дѣла: явились притязанія еще распространить крѣпостное право. Купеческіе депутаты настаивали, чтобы право владѣть крѣпостными предоставлено было и ихъ сословію; противъ нихъ возстало дворянство, лучшіе представители котораго, какъ извѣстный историкъ князь М. М. Щербатовъ, находили даже нужнымъ ограничить нѣкоторыя злоупотребленія помѣщичьей власти; но купцы не унимались, а кромѣ нихъ потребовали права владѣть крестьянами казаки и, наконецъ, духовенство. Такое рѣшеніе вопроса о крѣпостномъ состояніи выборными русской земли въ половинѣ прошлаго вѣка, — говоритъ Соловьевъ, — происходило отъ неразвитости нравственной, политической и экономической. „Владѣть людьми, имѣть рабовъ считалось высшимъ правомъ, считалось царственнымъ положеніемъ, искупавшимъ всякія другія политическія и общественныя неудобства, правомъ, которымъ потому не хотѣлось дѣлиться со многими и такимъ образомъ ронять его цѣну. Право было такъ драгоцѣнно, положеніе такъ почетно и выгодно, что и лучшіе люди закрывали глаза на страшныя злоупотребленія, которыя естественно и необходимо истекали изъ этого права и положенія. Представленія, которыя должны были мало-помалу подорвать цѣнность этого права и положенія въ глазахъ лучшихъ людей, только еще начинали и очень слабо начинали проникать въ общество; то было представленіе научное о государствѣ, о высшей власти и отношеніи ея къ подданнымъ, отношеніи, не похожемъ на отношеніе помѣщика къ крѣпостнымъ и отнимавшемъ у послѣдняго царственный колоритъ; потомъ представленіе о рабствѣ, какъ печати варварскаго общества, представленіе оскорбительное для людей, имѣющихъ притязанія на образованность; представленіе о народности, о чести и славѣ народной, состоящихъ не въ томъ, чтобы всѣхъ бить и угнетать, а въ содѣйствіи тому, чтобы какъ можно меньше били и угнетали. Чтобы всѣ эти представленія, усиливаемыя все болѣе и болѣе европейскою жизнью народовъ и распространеніемъ просвѣщенія, мало-по-малу подкопали предста-

вленіе о высокости права владѣть рабами, для этого нужно было пройти еще вѣку".

„Кромѣ означенной неразвитости, благопріятному рѣшенію вопроса о крѣпостныхъ крестьянахъ могущественно препятствовала неразвитость экономическая". Обширность страны, рѣдкость населенія, когда земля дешева, работникъ дорогъ, первобытныя формы жизни, когда рабство составляетъ обычное явленіе, промышленная неразвитость повели къ установленію крѣпостного права. Восемнадцатый вѣкъ въ этомъ отношеніи напоминалъ еще времена Русской Правды. „Заявленія купцовъ въ Комиссіи объ уложеніи, что на вольнаго приказчика положиться нельзя, указываютъ, что условія, въ которыхъ появилась Русская Правда, не совсѣмъ еще исчезли и во времена Комиссіи объ уложеніи, въ которой отъ дворянства, купечества и духовенства послышался этотъ дружный и страшно печальный крикъ: рабовъ!"[1]).

Мы видѣли выше, что первоначальнымъ убѣжденіемъ Екатерины было отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву. Сохранилась въ государственномъ архивѣ собственноручная замѣтка императрицы, выражавшая неудовольствіе ея по поводу взглядовъ членовъ комиссіи на крѣпостныхъ людей: „Естьли крѣпостного, — писала она, — нельзя признать персоною[2]), слѣдовательно онъ не человѣкъ; но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славѣ и человѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ. Все, что слѣдуетъ о рабѣ, есть слѣдствіе сего богоугоднаго положенія и совершенно для скотины и скотиною дѣлано"[3]).

Такое же противорѣчіе съ мыслями „Наказа" представилъ вопросъ о пыткѣ; депутаты возставали противъ ея уничтоженія. Желали и здѣсь сохраненія стараго порядка, требовали жестокихъ казней ворамъ и разбойникамъ, требовали мѣръ противъ бѣганья крестьянъ и укрыванья бѣглыхъ, указывали невозможность для дворянства противодѣйствовать этому злу безъ правительственной помощи... Но крѣпостное право защищали, желали даже его распространенія, — а въ дѣйствительности крестьяне продолжали бѣгать, и разбой, направляясь противъ помѣщиковъ, превратился, наконецъ, въ

---

[1]) Тамъ же, стран. 114—116.
[2]) Т.-е. признать за нимъ личныя человѣческія права.
[3]) Исторія Россіи. XXVII, стран. 317.

Пугачевскій бунтъ. Разумные люди, какъ Бибиковъ и самъ графъ П. И. Панинъ, понимали, гдѣ лежала причина печальнаго явленія... Еще раньше правительству, рядомъ съ мѣрами для охраненія крѣпостного права, приходилось укрощать и дикія проявленія жестокости помѣщиковъ. Въ числѣ процессовъ этого рода первое мѣсто принадлежитъ, конечно, дѣлу знаменитой Салтычихи, которая, однако, могла безнаказанно совершать свои злодѣянія въ теченіе многихъ лѣтъ [1]).

Таковы бывали грубы факты, съ которыми должны были встрѣтиться теоретически построенные законодательные планы Екатерины. Полагаютъ, что эти разочарованія и охладили ея прежнее теоретическое или идеалистическое настроеніе. Современные наблюдатели замѣчаютъ и другое. Съ перваго времени своего воцаренія, въ заботахъ объ успокоеніи умовъ, объ утвержденіи своего престола, Екатерина была во внутреннихъ дѣлахъ и въ ближайшихъ отношеніяхъ чрезвычайно осторожна. „Она въ обаяніи отъ престола, — писалъ одинъ иностранный дипломатъ въ первое время ея царствованія, — но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то ее безпокоитъ и волнуетъ. Это легко понять, если приглядѣться къ поведенію и чувствамъ людей, пользующихся ея довѣріемъ въ чемъ бы то ни было. Ни при одномъ дворѣ не господствовало такое раздѣленіе на партіи, а императрица обнаруживаетъ слабость и колебаніе, — недостатки, которыхъ никогда не замѣчалось въ ея характерѣ. Боязнь потерять то, что имѣла смѣлость взять, ясно и постоянно видна въ поведеніи императрицы, и потому всякій сколько-нибудь значительный человѣкъ чувствуетъ свою силу передъ нею. Изумительно, какъ эта государыня, которая всегда слыла мужественною, слаба и нерѣшительна, когда дѣло идетъ о самомъ неважномъ вопросѣ, встрѣчающемъ нѣкоторое противорѣчіе внутри имперіи. Ея гордый и высокомѣрный тонъ чувствуется только во внѣшнихъ дѣлахъ, во-первыхъ, потому, что здѣсь нѣтъ личной опасности; во-вторыхъ, потому, что такой тонъ въ отношеніи къ иностраннымъ дер-

[1]) Рѣшеніемъ самой юстицъ-коллегіи она была обвинена положительно въ убійство 38 человѣкъ и оставлена въ подозрѣніи относительно 26. Это было въ 1768 г.

Въ послѣднее время издано уже не мало извѣстій объ этой сторонѣ нравовъ XVIII вѣка. Для общаго обзора см. Исторію Россіи, XXV (изд. 2-е), стран. 271; XXVII, стран. 123, 125, 147; XXIX, стран. 136—137; въ книгѣ г. Незеленова о Новиковѣ вводная глава: „Нравы русскаго общества Екатерининскихъ временъ“.

жавамъ нравится ея подданнымъ". Въ тѣ же первые годы другой дипломатъ писалъ по поводу польскихъ дѣлъ: „У императрицы обычай каждаго выслушивать, и чрезъ это она подчиняется различнымъ вліяніямъ. Люди неблагонамѣренные нашли слабое мѣсто, которымъ пользуются при каждомъ случаѣ: они увѣряютъ Екатерину, что въ томъ или другомъ случаѣ она не угодитъ народу. Страхъ потерять любовь націи вкоренился въ ней и дѣлаетъ ее робкою" [1]). Но въ это же время робкая императрица собирала матеріалы для „Наказа".

Противорѣчія между теоріей и дѣйствительностью казались неразрѣшимыми: оставалось колебаніе между двумя крайностями, и этимъ колебаніемъ объясняется тотъ характеръ журнальной дѣятельности императрицы, которой мы выше указывали. Историки, осуждая французскихъ философовъ, приводятъ слова императрицы къ Дидро [2]): теоріи не всегда сходятся съ практическою жизнью. Дѣйствительно, теоріи пишутся на бумагѣ, которая все терпитъ, а законы отзываются на человѣческой кожѣ, — но, по крайней мѣрѣ, надо бы рѣшительно признать неудобство тѣхъ законовъ, которые въ тѣ времена слишкомъ жестоко отзывались на кожѣ крестьянъ... Въ писательской дѣятельности императрицы уже съ этого времени замѣтно желаніе устранить тѣ непосредственные выводы, какихъ требовала ея собственная теорія: „Всякая Всячина" желала удалить „меланхолію", предлагала „духъ кротости и снисхожденія"; но съ другой стороны Новиковъ указывалъ вопіющіе факты дѣйствительности, которые не могли не порождать меланхоліи, которыхъ нельзя было исцѣлить однимъ духомъ кротости и снисхожденія и которыхъ, при всемъ желаніи, нельзя было скрыть...

Указанные факты чрезвычайно характерны, какъ для опредѣленія смѣны личныхъ настроеній Екатерины II, такъ и для объясненія судьбы литературы того вѣка. Въ первые годы Екатерина была увлечена высокими идеалами, и требованія нравственнаго достоинства человѣческой личности и требованія справедливости она желала примирить съ суровыми законами дѣйствительности. Нѣкогда ей мечталась картина

---

[1]) Исторія Россіи, XXV, изд. 2-е, стран. 159—160, 315.

[2]) Шумигорскій, стран. 37: „Вы трудитесь на бумагѣ, которая все терпитъ она гладка, мягка и не представляетъ затрудненій ни воображенію, ни перу вашему; между тѣмъ какъ я, несчастная императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая гораздо болѣе раздражительна и разборчива".

народнаго благополучія во взаимной благожелательности. Однажды она писала Вольтеру: „Я должна отдать справедливость своему народу: это превосходная почва, на которой хорошее сѣмя быстро возрастаетъ; но намъ также нужны аксіомы, неоспоримо признанныя за истинныя; благодаря этимъ аксіомамъ, правила, долженствующія служить основаніемъ новымъ законамъ, получили одобреніе тѣхъ, для кого они были составлены. Я думаю, вамъ бы понравилось сидѣть за столомъ, гдѣ сидятъ вмѣстѣ православный, еретикъ и мусульманинъ, спокойно слушаютъ голосъ идолопоклонника и всѣ четверо совѣщаются о томъ, чтобъ ихъ мнѣніе могло быть принято всѣми. Они такъ хорошо забыли обычай поджаривать другъ друга, что если бъ кто-нибудь предложилъ депутату сжечь своего сосѣда въ угоду Высшему Существу, то отвѣчаю, что не было бы ни одного, который бы не отвѣтилъ: онъ человѣкъ, какъ и я, а по первому параграфу инструкціи ея императорскаго величества мы должны дѣлать другъ другу какъ можно больше добра и никакого зла. Увѣряю васъ, что дѣла идутъ буквально такъ, какъ я вамъ говорю: если бы понадобилось подтвержденіе, у меня бы нашлось 640 подписей съ подписью епископа впереди. На югѣ, быть можетъ, скажутъ: какія времена, какіе нравы!“... Тѣ немногія извлеченія, какія приведены нами изъ тогдашнихъ писаній Екатерины, относящихся къ „Наказу“, указываютъ уже на тотъ обильный запасъ возвышенныхъ и благотворныхъ идей, которыя наполняли тогда ея умъ и которыя обѣщали, повидимому, новую эпоху нашей исторіи. Подъ вліяніемъ этихъ идей и возникало то общественное чувство, которое одушевляло ея лучшихъ современниковъ, которое, между прочимъ, отразилось въ журнальныхъ листкахъ Новикова и еще долго помнилось въ средѣ людей, преданныхъ общественному благу. Но изданія Новикова не могли удержаться... „Наказъ“ только что былъ изданъ, только что собиралась Комиссія, какъ онъ былъ уже на половину запрещенъ. Въ сентябрѣ 1767 года Сенатъ опредѣлилъ разослать экземпляры „Наказа“ только въ высшія правительственныя вѣдомства, но и здѣсь велѣно было, чтобы эти экземпляры „никому ни изъ нижнихъ канцелярскихъ служителей, ни изъ постороннихъ не только для списыванія, но ниже для прочтенія даваны были“. „Такимъ образомъ, — по словамъ Соловьева, —

Наказъ былъ доступенъ только старшимъ и составлялъ запрещеную книгу для младшихъ; о немъ сдѣлано постановленіе, подобное тому, какое сдѣлано въ латинской церкви относительно св. Писанія. Найдено, что сочиненіе самодержавной государыни, и прошедшее чрезъ строгую цензуру подданныхъ, все еще содержитъ въ себѣ аксіомы, способныя разрушить стѣны, по выраженію Никиты Ив. Панина".

Историкъ объясняетъ это тѣмъ, что, какъ правительство узнало, злонамѣренные люди распространяли слухи о перемѣнѣ законовъ и собирали съ крестьянъ поборы, обѣщая выхлопотать имъ разныя выгоды и отвращая отъ повиновенія помѣщикамъ... Во всякомъ случаѣ пришлось измѣнить выставленному нѣкогда правилу: „Когда правда и разумъ на нашей сторонѣ, должно выставить ихъ предъ глаза народу".

Словомъ, теорія приходила въ столкновеніе съ жизнью: въ результатѣ явилось колебаніе, неувѣренность, которыя потомъ превратились въ раздраженіе къ противорѣчію. Вопросы были поставлены, но развитіе ихъ въ общественномъ пониманіи было остановлено. *Пыпинъ.*

„Кошелекъ".

Вернувшись къ прежней своей идеѣ о нравственной высотѣ древней Руси, Новиковъ вскорѣ вернулся и къ сатирѣ. Въ 1774 году начался третій сатирическій журналъ его — „Кошелекъ". Если прибѣгнуть къ старому, избитому, но прекрасному сравненію, то можно сказать, что, какъ лампада, дорогая, вспыхиваетъ на мгновенье яркимъ блескомъ, такъ мысль, проходящая черезъ весь первый періодъ литературной дѣятельности Новикова, умирая, уступая свое мѣсто иной мысли, вспыхнула, также на мгновенье, яркимъ пламенемъ въ послѣднемъ изъ его сатирическихъ журналовъ, въ „Кошелькѣ". По сатирѣ своей, по художественности „Кошелекъ" значительно слабѣе не только „Живописца", но и „Трутня", — обстоятельство, свидѣтельствующее, что вѣра издателя въ свою идею уже не тверда и близко граничитъ съ сомнѣніемъ, что страстное увлеченіе его своей идеей есть уже увлеченіе лихорадочное, болѣзненное: намъ всегда ста-

новится дороже подъ-конецъ то, чѣмъ мы когда-то жили, и что, мы чувствуемъ, уходитъ отъ насъ. Но, уступая во многомъ своимъ предшественникамъ, „Кошелекъ“ замѣчателенъ по строгой и рѣзкой опредѣленности своего направленія.

Съ благоговѣйнымъ уваженіемъ относится Новиковъ въ своемъ новомъ изданіи къ русской старинѣ. Онъ говоритъ, что праотцевъ нашихъ (это слово написано даже съ большой буквы) украшали „великія добродѣтели“ [1]), которыя онъ сравниваетъ съ „истинными драгоцѣнными жемчугами“ [2]); какъ великаго счастья, желаетъ издатель „Кошелька“ своимъ читателямъ — „пользоваться древними россійскими добродѣтелями“ [3]). — „Надлежитъ дѣлать добро не по принужденію, но по склонности сердца (говоритъ русскій въ разговорѣ съ французомъ, которому онъ помогъ въ нуждѣ, слѣдуя обычаю предковъ). Предки наши во сто разъ были добродѣтельнѣе насъ, и Земля наша не носила на себѣ несчадій, не имѣющихъ склонности къ добродѣянію и не любящихъ своего Отечества“ [4]). — „И въ древнія времена Россіяне свои имѣли пороки“ (говоритъ французу безпристрастный нѣмецъ); но „всѣ народы во всякія времена имѣли особые пороки: прочитай со вниманіемъ свою исторію, увидишь тамъ варварства еще болѣе, нежели сколько его было въ Россіи“. Древніе русскіе, нравы были чисты, и если бы можно теперь возвратить ихъ, „тогда бы можно было поставить ихъ образцомъ человѣку“ [5]). — Слѣды древнихъ нашихъ доблестей видитъ Новиковъ и въ современной ему русской дѣйствительности: добродѣтели предковъ нашихъ, говоритъ онъ, „нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ еще и нынѣ осіяваютъ“ [6]). Эти доблести и добродѣтели Новиковъ не считаетъ явленіемъ случайнымъ, — онъ признаетъ ихъ свойствами нашего народнаго характера. Идея народности была для него совершенно ясна: осмѣивая наше увлеченіе чужестраннымъ, онъ говоритъ: „какъ будто бы природа, устроившая всѣ вещи съ такою премудростію, и надѣлившая всѣ Области свойственными климатамъ ихъ даро-

---

[1]) „ Кошелекъ“, сатирич. журналъ Новикова 1774 года. Изд. А. Аѳанасьева М., 1858 г. Предисл., стран. 7—8.
[2]) Тамъ же, стран. 9—10.
[3]) Тамъ же, стран. 11.
[4]) Тамъ же, стран. 24
[5]) Тамъ же, стран. 52—54.
[6]) Тамъ же, стран. 8.

ваніями и обычаями, столько была несправедлива, что одной Россіи не давъ свойственнаго народу ея характера, опредѣлила ей скитаться по всѣмъ Областямъ и занимать клочками разныхъ народовъ разные обычаи, что бы изъ сей смѣси составить новый ни какому народу несвойственный характеръ, а еще наипаче Россіянину“ [1]). Новиковъ указываетъ и существенныя свойства нашего народнаго характера. Въ „Разговорѣ между Россіяниномъ и Французомъ“ [2]) французъ изображенъ человѣкомъ, увлекающимся безъ достаточныхъ для увлеченія поводовъ, онъ быстро переходитъ отъ отчаянія къ радости, отъ благодарности къ холодной насмѣшливости; это отражается и въ его рѣчи, состоящей изъ восклицательныхъ предложеній. Русскій, напротивъ, спокойно владѣетъ собою, говоритъ благоразумно и здраво и останавливаетъ неосновательные порывы своего собесѣдника. Русскій оказывается человѣкомъ добрымъ и довѣрчивымъ: онъ помогаетъ французу своими деньгами, вѣритъ его слову, считаетъ его честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, между тѣмъ какъ тотъ его нагло обманываетъ. „Русскіе люди въ разсужденіи наукъ и художествъ (говоритъ честный и безпристрастный нѣмецъ) [3]) столькожъ имѣютъ остроты, разума и проницанія, сколько и Французы, но гораздо болѣе имѣютъ твердости, терпѣнія и прилѣжанія“. — Изъ этой характеристики и вообще изъ приведенныхъ выше выписокъ мы можемъ сдѣлать заключеніе, что нашъ народный характеръ считаетъ Новиковъ въ „Кошелькѣ“ высшимъ, чѣмъ характеры другихъ народовъ; еще въ „Живописцѣ“ называлъ онъ Русь „несравненною подъ солнцемъ страною“. — Но въ то же время Новиковъ видитъ, что наша довѣрчивость, граничащая съ легковѣріемъ, есть добродѣтель весьма сомнительная: она приводитъ насъ къ самымъ печальнымъ результатамъ, — къ слѣпому увлеченію всѣмъ французскимъ, къ рабскому преклоненію передъ нимъ. „Сіе весьма достойно примѣчанія (съ удивленіемъ говоритъ самъ французъ) [4]), что хотя Нѣмецъ и Англичанинъ Русскихъ не обманываютъ, и обходятся съ ними правдиво и честно, однакожъ они ихъ не любятъ... на противъ

---

[1]) Тамъ же, стран. 8—9.
[2]) Тамъ же, стран. 20—27.
[3]) Тамъ же, стран. 51.
[4]) Тамъ же, стран. 47.

того Французу открыта внутренность души и сердца Русскаго человѣка". Русскій понимаетъ, что французъ „хочетъ надъ нимъ господствовать и управлять имъ по своимъ выгодамъ", но онъ ему „повинуется и притворяется того не примѣчающимъ: словомъ сказать, обхожденіе Русскаго съ Французомъ можно уподобить человѣку порабощенному пороками, который иногда чувствуетъ, что дѣлаетъ порочное; однакожъ дѣлать онаго не перестаетъ". — Изъ приведенныхъ словъ видно, что къ нѣмцамъ и англичанамъ „Кошелекъ" относится сочувственно. Въ статьѣ „Разговоръ между Нѣмцомъ и Французомъ"[1]) Нѣмецъ нарисованъ человѣкомъ дѣйствительно ученымъ, честнымъ и трудолюбивымъ, не имѣющимъ сословныхъ предразсудковъ, цѣнящимъ добрыя свойства русскаго характера и негодующимъ на обманы француза. — Совсѣмъ иначе относится „Кошелекъ" къ Франціи: онъ не видитъ въ ней истинныхъ добродѣтелей, — въ ней есть только, по его мнѣнію, внѣшній ложный блескъ: „если бы Франція столько имѣла жемчуговъ (говоритъ онъ), сколько имѣла Россія, то никогда бы не стала выдумывать бусовъ; *нужда и бѣдность матъ вымысловъ*". „А нынѣ (продолжаетъ сатирикъ) развращеніе во нравахъ учителей нашихъ столь велико, что они и изъясненіе нѣкоторыхъ добродѣтелей совсѣмъ потеряли, и столь далеко умствованіями своими заходятъ, что во адѣ рай свой найти уповаютъ"[2]). Многіе французы, „пропитанія неимѣющіе", или ремесленники, преимущественно „волосоподвиватели", пріѣзжаютъ въ Россію съ купленными дворянскими паспортами[3]), выдаютъ себя за ученыхъ людей, и, будучи круглыми невѣждами, беззастѣнчиво берутся воспитывать дѣтей знатныхъ лицъ, „будущую опору государства". Представителемъ подобныхъ личностей является въ „Кошелькѣ" „Шевалье-де-Мансонжъ"[4]). Они научаютъ своихъ воспитанниковъ болтать по-французски и ненавидѣть все русское. И они не считаютъ себя поступающими нечестно. „Глупо дѣлаютъ родители (нагло говоритъ Шевалье-де-Мансонжъ"[5]), что поручаютъ воспитаніе дѣтей своихъ мнѣ; а я напротивъ того дѣлаю очень умно, желая получать деньги

[1]) Тамъ же, стран. 28—54.
[2]) Тамъ же, стран. 10.
[3]) Тамъ же, стран. 116—121.
[4]) Тамъ же, стран. 28—54.
[5]) Тамъ же, стран. 40.

даромъ". Обманывая русскихъ, онъ разсуждаетъ такимъ образомъ: „вѣдь они не соотечественники мои; да если бы возможность человѣческая была, такъ бы я и единоземца своего перехитрилъ: моя философія гласитъ: *обманывай дурака, съ томъ ни грѣха ни стыда нѣтъ*"[1]). — И вотъ вліянію такихъ-то лицъ мы подчиняемся, говоритъ „Кошелекъ", мы увлекаемся „нѣкоторыми снаружи блестящими дарованіями иноземцовъ"[2]), мы становимся ихъ обезьянами, и начинаемъ презирать и ненавидѣть все русское: нашу старину, добрыя свойства нашего народнаго характера, нашъ языкъ, — рѣчь наша до того испещрена иностранными словами, что, если мы не примемъ противъ этого сильныхъ мѣръ, то „Россійскій языкъ никогда не дойдетъ до совершенства своего"[3]). Увлекшись французскими правами, мы стали — „живы, остры, вѣтряны, насмѣшливы"[4]); мы научились порядочно одѣваться, узнали правила „нѣжнаго, учтиваго и пріятнаго обхожденія". Безъ французовъ „не знали бы мы (пишетъ въ „Кошелекъ" щеголь), что такое танцованье, какъ войти, поклониться, напрыскаться духами, взять шляпу, и одною ею разныя изъявлять страсти и показывать состояніе души и сердца нашего. Если бы не переняли мы отъ Французовъ пріятнаго и вольнаго обхожденія съ женщинами, то могли ли мы безъ сего пріятную вести жизнь"[5]). Взамѣнъ этого (думаетъ „Кошелекъ") потеряли мы наши старинныя добродѣтели. „Россія тогда только можетъ называться просвѣщенною, когда Петербургъ сдѣлается Парижемъ (заключаетъ свое письмо щеголь) и когда всѣ наши крестьяне будутъ разумѣть по Французски: чему, сей патріотъ (прибавляетъ Новиковъ) въ свободное отъ чесанія волосовъ время, обѣщается сдѣлать проектъ"[6]). — Картина нашихъ пороковъ вышла весьма мрачной. „О когда бы силы человѣческія возмогли" (говоритъ Новиковъ устами нѣмца)[7]) возвратить намъ наши погубленные нравы! „Кажется мнѣ, что мудрые древніе Россійскіе Государи, яко бы предчувствовали, что введеніемъ

---

[1]) Тамъ же, стран. 43.
[2]) Тамъ же, стран. 8.
[3]) Тамъ же, стран. 13.
[4]) Тамъ же, стран. 59.
[5]) Тамъ же, стран. 73—74.
[6]) Тамъ же, стран. 78.
[7]) Тамъ же, стран. 52—53.

въ Россію Наукъ и Художествъ нандрагоцѣннѣйшее россійское сокровище, нравы, погубятся *безвозвратно!* — Но тутъ выходитъ въ словахъ журнала замѣчательное противорѣчіе: какъ могли наши нравы „погибнуть безвозвратно“, если народный характеръ нашъ идеально прекрасенъ? Ихъ погубили науки? Но Новиковъ, горячій борецъ за просвѣщеніе, не могъ въ „наукахъ и художествахъ“ видѣть вреда. Въ „Кошелькѣ“, онъ относится къ просвѣщенію съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ и всюду: „Франція за распространеніе наукъ и художествъ одолжена (говоритъ онъ)[1]) вѣку Людовика XIV; а въ Россіи судьбою предоставлена была *сія слава* Екатеринѣ Великой“; далѣе онъ предсказываетъ быстрые успѣхи наукъ въ Россіи и выражаетъ желаніе, чтобы эти предсказанія сбылись. Новиковъ не могъ, въ то же время, не видѣть страннаго противорѣчія, и въ душу его должно было закраться сомнѣніе въ полной правдѣ его идеала. Это сомнѣніе должно было явиться тѣмъ болѣе, что довольно сильное проявленіе его мы замѣтили уже раньше, — во 2-й части „Живописца“: въ самомъ „Кошелькѣ“, какъ мы знаемъ, указывается на нашу излишнюю довѣрчивость и снисходительность, какъ на источникъ различныхъ пороковъ. Сомнѣніе, дѣйствительно, и явилось: проведеніе идеи, которую хотѣлъ Новиковъ положить въ основаніе „Кошелька“, не могло спокойно итти дальше, какъ только была высказана мысль, что наши нравы погибли „безвозвратно“. Тотчасъ вслѣдъ за этимъ, съ 4-го № журнала, начинаетъ Новиковъ печатать письмо какого-то щеголя, приверженца Франціи и ея языка; письмо защищаетъ новые наши нравы и указываетъ на недостатки древней Руси. Многія мысли письма, дѣйствительно, таковы, что ихъ могъ высказать пустоголовый франтъ, не знающій и презирающій свое отечество: такъ, напр., тамъ говорится, что лучшіе писатели о древней Россіи — иностранные, и изъ нихъ самые безпристрастные — французы въ родѣ „Абе де-Ш...“ (т.-е. аббата де-Шаппа)[2]); что любовь къ отечеству есть смѣшное и устарѣвшее чувство[3]): что помощью обхожденія съ французами можно, „ничему не учась, сдѣлаться ученымъ человѣкомъ“ и „критиковать дѣла военныя, гражданскія и политическія; осмѣивать государствен-

[1]) Тамъ же, стран. 51—52.
[2]) Тамъ же, стран. 60 и 64.
[3]) Тамъ же, стран. 58 и 59.

ныя учрежденія, и показывая себя все знающимъ, ни чему не удивляться“ [1]). Но, съ другой стороны, письмо слишкомъ умно, чтобы его могъ написать щеголь; возраженія, сдѣланныя въ немъ „Кошельку“, слишкомъ серіозны. „Вамъ было должно родиться (говоритъ издателю врагъ нашей старины) давно давно; то-есть, когда древнія Россійскія добродѣтели были въ употребленіи, а именно: когда Русскіе Цари въ первый день свадьбы своей волосы клеили медомъ, а на другой день парились въ банѣ вмѣстѣ съ Царицами, и тамъ же обѣдали; когда всѣ науки заключалися въ однихъ святцахъ; когда разные меды и вино пивали ковшами; когда женилися, нє видавъ невѣсты своей въ глаза; когда всѣ добродѣтели замыкалися въ густотѣ бороды; когда за различное знаменованіе — — — сожигали въ срубахъ, или изъ особливаго благочестія живыхъ закапывали въ землю; словомъ сказать, когда было великое изобиліе всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, кои отъ просвѣщенныхъ людей именуются нынѣ варварствомъ“ [2]). Что было въ Россіи въ древнія времена при множествѣ мелкихъ князей? (говоритъ авторъ письма). Времена эти не блистали „добродѣтельми человѣколюбивыми“, а славились междоусобными войнами, жестокостью, братоубійствомъ, вѣроломствомъ въ договорахъ и коварствомъ [3]). Царь Иванъ Васильевичъ свергъ иго татарское и распространилъ свои владѣнія; но нравы въ Россіи остались тѣ же и невѣжество то же: „ибо бичемъ, ярмомъ и мечемъ нравы никогда не исправляются“ [4]). При послѣдующихъ царяхъ Россія стала просвѣщаться; но въ чемъ состояло это просвѣщеніе? „Только въ томъ, что Россіяне иностранныхъ стали почитать за человѣковъ: — какое просвѣщеніе! Какая рѣдкая добродѣтель!“ [5]). „Скажите мнѣ (спрашиваетъ ненавистникъ древней Руси), были ли въ Россіи науки и художества, чѣмъ всѣ просвѣщенные народы славятся? Были ли великіе Полководцы, Министры, Политики?... словомъ сказать, во всѣхъ частяхъ наукъ, художествъ и просвѣщенія были ли великіе люди? — Никакъ“ [6]). Вы восторгаетесь древнею Русью (обращается авторъ письма къ издателю),

---

[1]) Тамъ же, стран. 76.
[2]) Тамъ же, стран. 59 и 60.
[3]) Тамъ же, стран. 68.
[4]) Тамъ же, стран. 70.
[5]) Тамъ же.
[6]) Тамъ же, стран. 72.

утверждаясь только „на словесныхъ объявленіяхъ старожиловъ, которые говорятъ: *„въ старину-то было хорошо жить; въ старину-то были люди богаты; въ старину-то хлѣбъ родился; въ старину-то были люди умны*, и проч.“; но „не всѣ словесныя извѣстія (замѣчаетъ онъ) заслуживаютъ вѣроятіе“ [1]). Таковы мысли защитника Франціи; и нельзя не сознаться, что между ними есть много дѣльныхъ и умныхъ. Могъ ли все это говорить щеголь?! Да на „щегольскомъ нарѣчіи“ не хватило бы ни словъ, ни оборотовъ для выраженія подобныхъ идей. Вотъ почему Новиковъ и выразился, что онъ *перевелъ* „французскія реченія“ письма. Онъ не перевелъ ихъ, — онъ просто не могъ, при всѣхъ своихъ знаніяхъ въ модномъ нарѣчіи, написать письмо этимъ нарѣчіемъ (я говорю *написать*, ибо едва ли можетъ быть сомнѣніе, что письмо не прислано въ „Кошелекъ“ щеголемъ, а сочинено въ редакціи). А между тѣмъ Новикову написать письмо модным языкомъ было бы выгодно, ибо тогда враждебныя ему мысли явились бы на свѣтъ въ роняющей ихъ достоинство смѣшной формѣ. Но дѣло въ томъ, что Новиковъ самъ не считалъ этихъ мыслей смѣшными и ничтожными: въ предисловіи къ письму онъ называетъ ихъ „сильными“; „я не смѣлъ утаить (говоритъ онъ) [2]) сильныхъ выраженій и доказательствъ въ защищеніе моего француза въ томъ письмѣ находящихся; а при томъ не хотѣлось мнѣ оставить писавшаго ко мнѣ письмо безъ отвѣта, чтобы не возмнилъ онъ, что возраженія его справедливыя и опровержены быть немогущія: къ тому въ прибавокъ немалое участіе имѣло и желаніе показать читателю моему, что не злословіе, но любовь къ отечеству побудила меня издать сіи разговоры, которые писавшему ко мнѣ письмо не понравились“. Новиковъ здѣсь какъ будто оправдывается; онъ какъ будто старается остановить сильныя сомнѣнія, которыя, кажется ему, могутъ быть возбуждены письмомъ въ душѣ читателя; онъ обѣщаетъ опроверженія... Но мы знаемъ, что этихъ опроверженій не послѣдовало. И едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что ихъ и не могло послѣдовать: болѣе чѣмъ вѣроятно, что за „сильными выраженіями и доказательствами“ письма кроются не мысли литературныхъ враговъ Новикова, а его собственныя сомнѣнія,

[1]) Тамъ же, стран. 64.
[2]) Тамъ же, стран. 53 и 55.

въ идеальномъ значеніи древнихъ русскихъ началъ. Это, вѣроятно, и было причиной прекращенія „Кошелька“ на девятомъ листѣ, или, лучше сказать, на пятомъ, потому что четыре послѣднихъ уже не проводятъ идеи, которую хотѣлъ проповѣдывать „Кошелекъ“. Есть, впрочемъ, извѣстіе, будто „Кошелекъ“ скончался не своею смертью, а былъ остановленъ, — будто „эпиграммы на французовъ дошли до свѣдѣнія французскаго посольства, и посланникъ началъ смотрѣть на Новикова, какъ на орудіе англичанъ“ [1]). Но извѣстіе это весьма сомнительнаго достоинства: во-первыхъ, оно бездоказательно; во-вторыхъ, отношенія Новикова и имп. Екатерины были въ 1774 году, какъ мы знаемъ, весьма хороши; черезъ Козицкаго поднесъ онъ императрицѣ въ началѣ іюля этого года первый, а въ концѣ — третій листы „Кошелька“ [2]); хорошія отношенія сохранились и по прекращеніи этого журнала, — мы видѣли, что „Вивліоѳика на 1775 годъ“ издавалась при поддержкѣ императрицы. Въ письмѣ къ Козицкому отъ 22 іюля 1774 года [3]), при которомъ были приложены два экземпляра третьяго листа „Кошелька“, Новиковъ проситъ Козицкаго увѣдомить его — „угодны ли сіи листы Ея Величеству, ибо сіе одно (говоритъ онъ) и есть моею цѣлью, чтобы всегда дѣлать ей угодное. Сіе бы самое увѣдомленіе послужило мнѣ одобреніемъ къ продолженію оныхъ“. Изъ этихъ словъ видно, что Новиковъ надѣется на одобреніе. Но если даже предположить, что этого одобренія не послѣдовало, то императрица остановила „Кошелекъ“, какъ остановила прежде „Живописецъ“, то нельзя не признать, что внѣшній толчокъ явился какъ нельзя болѣе кстати: онъ сдѣлалъ только то, что и безъ того должно было сдѣлаться: „Кошелекъ“ не могъ бы существовать дольше.

Въ послѣднемъ изъ своихъ сатирическихъ журналовъ Новиковъ не касается крѣпостного права. Причиною этого была, конечно, невозможность говорить о положеніи крестьянъ послѣ судьбы крестьянскаго вопроса въ „Живописцѣ“; кромѣ того, въ этомъ обстоятельствѣ имѣло значеніе, быть можетъ, и время, въ которое издавался „Кошелекъ“, — 1774 годъ, годъ пугачевскаго бунта. Впрочемъ вопроса о сословіяхъ, о со-

---

[1]) Сборн., издав. студ. С.-Пб. унив. Вып. I, 1857 г. „Библіогр. замѣтки“, стран. 322—323.—„Отеч. Зап.“, 1839 г., № 1, статья о „Кошелькѣ“.

[2]) „Лѣт. рус. лит. и древн.“, т. IV, 1862 г., Письма къ Козницкому, стран. 45.

[3]) Тамъ же.

словной гордости журналъ коснулся: „стыдно дѣлать безчестные дѣла (говоритъ умный и благородный нѣмецъ)[1]: на противъ того, ни какова безчестія не дѣлаетъ низкое состояніе“.

Въ 6, 7 и 8 листахъ „Кошелька“ напечатана комедія изъ народнаго быта, подъ заглавіемъ „Народное игрище“. Комедія плоха, но мысль, вызвавшая ее, достойна замѣчанія: авторъ пьесы говоритъ въ письмѣ къ издателю, что онъ задумалъ сочинить нѣсколько комедій для народнаго „Ѳеатра“, ибо находитъ иностранныя комедіи, „де Тушевы и другія“, „для народа мало полезными“. Новиковъ выражаетъ полное сочувствіе мысли автора и желаетъ, чтобы онъ „устоялъ въ своемъ словѣ и сочинилъ бы нѣсколько Комедій для народа. Нѣтъ нужды въ томъ (прибавляетъ Новиковъ), что въ нихъ не будутъ сохранены ѳеатральныя правила, лишь бы замыкалось въ оныхъ нравоученіе, и по чаще представлялись бы примѣры, къ подражанію народному годные: то-есть добрый слуга, честный купецъ, трудолюбивый хлѣбопашецъ и симъ подобные. Сіе было бы весьма не худо“[2]). Изъ этихъ словъ видно довольно заурядное, слабое литературно-критическое пониманіе Новикова; но въ то же время здѣсь высказанъ здоровый, жизненный взглядъ на театръ, какъ на школу для народа.

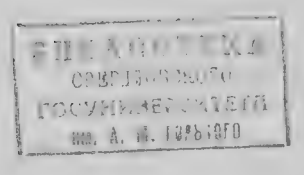
Въ первомъ листѣ „Кошелька“ напечатана статья, осмѣивающая пристрастіе наше къ иностраннымъ словамъ и оборотамъ рѣчи. Въ этой статьѣ Новиковъ призываетъ все общество на исправленіе русскаго языка; каждый изъ насъ, говоритъ онъ, долженъ слѣдить за своею рѣчью, изгонять изъ нея все нерусское, — тогда только, при общихъ усиліяхъ, русская рѣчь можетъ прійти къ совершенству. Съ сильной ироніей говоритъ онъ о тѣхъ людяхъ, которые думаютъ, будто это — не дѣло частныхъ лицъ, а дѣло „особо учрежденныхъ мѣстъ, которыя денноночно о томъ пекутся, или по малой мѣрѣ печися долженствовали бы“[3]); съ такой же ироніей отзывается онъ и о медленности трудовъ этихъ „особо учрежденныхъ мѣстъ“, подъ которыми, по всей вѣроятности, должно

---

[1]) „Кошелекъ“, стран. 31.
[2]) Тамъ же, стран. 79—80.
[3]) Тамъ же, стран. 16.

разумѣть Академію Наукъ. Въ этой статьѣ, какъ и во многихъ другихъ, въ Новиковѣ сказывается писатель, задавшійся высокой цѣлью — будить общественную самодѣятельность: Новикова совсѣмъ не можетъ коснуться упрекъ, — будто онъ желалъ опеки правительства надъ каждымъ движеніемъ общества.

Незеленовъ.



Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступили въ продажу

только что отпечатанныя книги

В. ПОКРОВСКАГО:

Аксаковъ, С. Т. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Гоголь, Н. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 75 коп.

Гончаровъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

Грибоѣдовъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Григоровичъ, Д. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 25 коп.

Державинъ, Г. Р. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Екатерина II. Ея жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

Жуковскій, В. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 50 коп.

Кантемиръ, А. Д. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

Карамзинъ, Н. М. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

Кольцовъ, А. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 25 коп.

Крыловъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 20 коп.

Лермонтовъ, М. Ю. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 50 коп.

Ломоносовъ, М. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

Майковъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Некрасовъ, Н. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Островскій, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Полонскій, Я. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб.

Пушкинъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Радищевъ А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 75 коп.

Сумароковъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Толстой, А. К. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Толстой, Л. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

Тургеневъ, И. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

Тютчевъ, Ѳ. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 15 коп.

Фетъ, А. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 20 коп.

Фонвизинъ, Д. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Жены декабристовъ. Сборникъ историко-бытовыхъ статей. Съ портретами. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Складъ въ книжномъ магазинѣ **В. Спиридонова** и **А. Михайлова.**
Москва. Тверская, Столешниковъ пер., д. Ліанозова. Телеф. 120—95.

2-